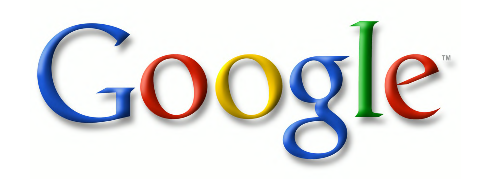

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

XIV,2

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1849

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

ПРИЗНАНІЯ ЛАМАРТИНА.

КНИГА VIII.

1.

Граціелла входила тогда въ домъ и принималась прясть возлѣ старухи или готовить полдникъ. Старый рыбакъ и Беппо проводили цѣлые дни на берегу моря: они нагружали новую лодку, дѣлали на ней разныя улучшенія, пробовали сѣти. Къ полудню они всегда приносили намъ нѣсколько морскихъ раковъ или ужей, блестящихъ ярче свѣже-надрѣзаннаго свинца. Старуха варила ихъ въ оливковомъ маслѣ. Масло хранилось, по туземному обычаю, въ глубинѣ маленькаго колодца, вырытаго въ скалѣ близь дома, и прикрытаго тяжелымъ камнемъ съ ввинченнымъ въ него желѣзнымъ кольцомъ. Нѣсколько огурцовъ, сваренныхъ по тому же способу, и такъ называемые *frutti di mare*, морскіе плоды, составляли скромный обѣдъ. Длинныя жолтыя кисти винограда, сбранныя поутру Граціеллой и поданныя на плоскихъ корзинахъ изъ плетеной вербы, составляли десертъ. Вѣтка или двѣ сырого зеленаго укропа, окунутаго въ перецъ, анисовый запахъ котораго освѣжаетъ губы и грудь, замѣняли намъ кофе и ликеры, по обычаю неаполитанскихъ моряковъ и крестьянъ. Послѣ обѣда мы уходили съ

товарищемъ куда-нибудь въ тѣнь на верхушку утеса и проводили тамъ, въ виду моря и байскаго берега, жаркую часть дня, до четырехъ или пяти часовъ пополудни, въ созерцаніи, чтеніи и думахъ.

2.

Мы спасли во время бури только три разрозненныхъ тома, потому-что они не были уложены въ чемоданахъ, которые мы бросили въ море. То были: маленькій итальянскій томъ Уго Фосколо, подъ заглавіемъ *«письма Джакопо Ортиса»*, нѣчто въ родѣ Вертера, твореніе полуполитическое и полуромантическое, гдѣ любовь къ отечеству сливается въ сердцѣ молодого итальянца съ любовью къ прекрасной венеціянкѣ. Двойной энтузіазмъ, поддерживаемый двойнымъ огнемъ, пораждаетъ въ душѣ Ортиса горячку, которая не по силамъ человѣку нервному и болѣзненному, и доводитъ его до самоубійства. Эта книга,— буквальная, только раскрашенная копія съ Вертера Гёте, — ходила тогда по рукамъ всѣхъ молодыхъ людей.

3.

Два другихъ спасенныхъ тома были: Павелъ и Виргинія Бернардерна де-Сенъ-Пьера, этотъ учебникъ наивной любви, книга, похожая на страницу изъ дѣтскаго періода міра, вырванную изъ исторіи человѣческаго сердца и сохраненную съ свѣжими на ней слѣдами слезъ, заразительныхъ для шестнадцатилѣтняго читателя.

Третья книга была томъ Тацита, полный кровавыхъ и постыдныхъ дѣяній, но въ которомъ стоическая доблесть беретъ кисть и живописуетъ, съ кажущимся безпристрастіемъ исторіи, тогдашнюю тираннію въ Римѣ, и жажду великодушнаго самопожертвованія.

Мы читали по очереди вслухъ эти книги, то удивляясь, то плача, то мечтая. Чтеніе прерывалось долгимъ молчаніемъ или краткими восклицаніями, безсознательнымъ комментаріемъ нашихъ чувствъ, уносимымъ вѣтромъ вмѣстѣ съ мечтами.

4.

Мы сами ставили себя мысленно въ какое-нибудь изъ историческихъ или романическихъ положеній, только-что разсказанныхъ намъ поэтомъ или историкомъ. Мы составляли себѣ идеалъ любовника или гражданина, жизни частной или публичной, счастья или доблести. Не было такой героической роли, которая не казалась бы намъ по плечу. Мы готовились ко всему, и, на случай если фортуна не осуществитъ нашихъ ожиданій, уже напередъ переносить это. Мы утѣшались тѣмъ, что если жизнь наша пройдетъ безъ пользы, виновато будетъ счастье, а не мы.

5.

При захожденіи солнца мы далеко бродили по острову. Мы искрестили его по всѣмъ направленіямъ. Мы ходили въ городъ покупать хлѣбъ и овощи. Иногда приносили мы и табаку, этого опіума моряковъ, одушевляющаго ихъ на морѣ и утѣшающаго на сушѣ. Къ ночи мы возвращались съ полными руками и карманами. Во ожиданіи сна семейство собиралось на кровлѣ, называемой въ Неаполѣ *astrico*. Нѣтъ ничего живописнѣе сцены на *astrico*, ночью, при свѣтѣ луны.

Загородные дома, низкіе и квадратные, похожи на древній пьедесталъ, поддерживающій живую группу одушевленныхъ статуй. Туда всходятъ всѣ жильцы дома, движутся или садятся въ различныхъ позахъ; свѣтъ мѣсяца или лампы бросаетъ и рисуетъ профили на голубомъ фонѣ неба. Старуха мать прядетъ, отецъ куритъ трубку, сыновья, облокотясь на закраину, поютъ пѣсни, и въ долгихъ, звучныхъ нотахъ слышится какъ-будто стонъ доски, давимой волнами, или трескъ кузнечика въ травѣ; наконецъ рисуются тамъ образы молодыхъ дѣвушекъ, въ короткихъ платьяхъ, съ босыми ногами, въ зеленыхъ, обшитыхъ галунами или шолкомъ курткахъ, съ черными, ниспадающими на плечи волосами, обернутыми отъ пыли платкомъ, завязаннымъ на затылкѣ въ широкій узелъ.

Часто онѣ тамъ танцуютъ, однѣ или съ сестрами; одна играетъ на гитарѣ, другая бьетъ въ поднятый надъ головою бубенъ съ погремушками. Эти два инструмента, одинъ жалобный и легкій, другой монотонный и глухой, удивительно между собою ладятъ, и выражаютъ двѣ вѣчныя ноты человѣческаго сердца: радость и печаль. Въ лѣтнія ночи звуки ихъ раздаются почти на всѣхъ кровляхъ на островахъ и въ окрестности Неаполя, и даже на лодкахъ; этотъ воздушный концертъ, преслѣдующій васъ шагъ за шагомъ отъ моря до горъ, походитъ на жужжаніе одного изъ насѣкомыхъ, вызванныхъ къ жизни въ травѣ солнцемъ. И это бѣдное насѣкомое — человѣкъ! Нѣсколько дней поетъ онъ передъ лицемъ Бога свою молодостъ и любовь и потомъ умолкаетъ на-вѣки. Я никогда не могъ слышать этихъ звуковъ, льющихся съ высоты *astrico*, безъ того, чтобы не остановится; и сердце мое сжималось отъ радости или грусти, которая бывала сильнѣе меня.

6.

Такъ пѣли и играли и на кровлѣ Андрея. Граціелла играла на гитарѣ, а Беппо аккомпанировалъ ей, постукивая пальцами въ бубенъ, нѣкогда его убаюкивавшій. Несмотря на веселыя позы игравшихъ, напѣвы были грустны; рѣдкія, долгія ноты ихъ сильно задѣвали за уснувшія фибры сердца. Такова музыка вездѣ, гдѣ она не пустое щекотанье уха, но гармоническій стонъ страстей, высказывающихся голосомъ. Ея звуки вздохи, въ ея нотахъ текутъ слезы. Нельзя сильно затронуть сердца, не вызывая слезъ: такъ полна природа грусти!

7.

Даже когда Граціелла вставала по нашей просьбѣ протанцовать тарантеллу подъ звуки бубна и, увлеченная народнымъ танцемъ, кружилась съ поднятыми руками, подражая пальцами щелканью кастаньетовъ и съ каждымъ мигомъ ускоряя свои движенія, — даже и тогда въ музыкѣ и позахъ видѣлось и слышалось что-то серьёзное и печальное, какъ-будто радость не-

что иное, какъ минутный бредъ, и какъ-будто, чтобы уловить молнію счастія, молодость и красота должны забыться до головокруженія и упиться движеніемъ до безпамятства.

8.

Чаще однако же мы были заняты серьёзною бесѣдой. Мы заставляли хозяевъ разсказывать намъ свою жизнь, свои преданія или семейныя воспоминанія. Всякое семейство исторія и даже поэма для того, кто умѣетъ читать ее.

Предокъ Андрея былъ греческій купецъ съ острова Эгины. Гонимый за вѣру аѳинскимъ пашею, онъ сѣлъ однажды ночью на одно изъ своихъ судовъ съ женою, дочерьми, сыновьями и всѣмъ добромъ. Онъ уѣхалъ на Прочиду, гдѣ у него были знакомые, и гдѣ народонаселеніе состояло тоже изъ грековъ. Тамъ купилъ онъ богатое имѣнье, отъ котораго теперь осталась только мыза, въ которой жилъ Андрей, и фамильное имя, вырѣзанное на нѣсколькихъ камняхъ городского кладбища. Дочери умерли монахинями въ монастыряхъ острова. Сыновья потеряли все свое состояніе въ буряхъ, потопившихъ ихъ суда. Семейство обѣднѣло. Оно даже перемѣнило свое греческое имя на безвѣстное имя рыбака съ Прочиды.—Когда домъ разваливается, сказалъ намъ Андрей—сметаютъ наконецъ и послѣдній камень его. Изъ всего, чѣмъ владѣлъ мой предокъ, остается теперь только пара веселъ, подаренная вами лодка, хижина, которая не можетъ прокормить жильцовъ своихъ, и милость Божія.»

9.

Мать и Граціелла спрашивали насъ, въ свою очередь, кто мы, гдѣ наше отечество, чтò дѣлаютъ наши родные? есть ли у насъ отецъ, мать, братья, сестры, домъ, фиговыя деревья и виноградники? зачѣмъ оставили мы все это и пришли грести, читать, писать, мечтать на солнцѣ и лежать на берегу Неаполитанскаго залива? Мы никакъ не могли ихъ увѣрить, что пришли любоваться моремъ и небомъ, собирать впечатлѣнія, чувства, мысли, которыя послѣ передадимъ можетъ быть въ стихахъ, такихъ же,

какіе написаны въ нашихъ книгахъ или какими говорятъ неаполитанскіе импровизаторы по воскреснымъ вечерамъ на Марджеллинѣ.

— Вы смѣетесь надъ нами, говорила Граціелла съ громкимъ смѣхомъ. Вы поэты? Да развѣ у васъ встрепанные волосы и дикіе глаза, какъ у тѣхъ, которыхъ называютъ на Маринѣ поэтами? Вы поэты! А не умѣете взять аккорда на гитарѣ. Какъ же вы будете аккомпанировать вашимъ пѣснямъ?

Потомъ она качала головою и дѣлала губки, досадуя, что мы не хотимъ сказать правду.

10.

Иногда въ душѣ ея шевелилось подозрѣніе, и помрачало взоръ ея. Но это продолжалось недолго. Мы слышали, какъ она шептала бабушкѣ: «нѣтъ, это не можетъ быть, это не выгнанные изъ отечества за дурное дѣло. Они слишкомъ молоды, добры и хороши собою». — Тогда мы забавлялись, разсказывая ей какое-нибудь ужасное преступленіе и выставляя себя героями разсказа. Контрастъ нашихъ свѣтлыхъ взоровъ, улыбки и чистосердечія съ фантастическимъ злодѣяніемъ заставлялъ ее и брата ея хохотать, и быстро разсѣевалъ всякое подозрѣніе.

11.

Граціелла часто насъ спрашивала, что̀ мы цѣлый день читаемъ въ нашихъ книгахъ. Она думала, что тамъ написаны молитвы, потому-что видѣла книги только въ церквахъ, въ рукахъ грамотныхъ католиковъ. Она считала насъ очень благочестивыми, потому-что мы по цѣлымъ днямъ нашептывали таинственныя слова. Она удивлялась только, отчего мы не идемъ въ патеры въ какую-нибудь семинарію въ Неаполѣ или монастырь на островѣ. Желая ее разувѣрить, мы раза два или три пытались прочесть ей, переводя на простое нарѣчіе, отрывки изъ Фосколо и Тацита.

Мы думали, что патріотическіе вздохи изгнаннаго итальянца и великія трагедіи Рима сдѣлаютъ сильное впечатлѣніе на

нашихъ слушателей. Но мы скоро замѣтили, что фразы и сцены, поражающія насъ, нисколько не трогали ихъ простыхъ душъ.

Бѣдные рыбаки не могли понять, почему Ортисъ приходилъ въ отчаянье и наконецъ лишилъ себя жизни, когда могъ пользоваться всѣми дѣйствительными наслажденіями, гулять и ничего не дѣлать, любоваться солнцемъ, любить свою любовницу и молиться Богу на зеленыхъ берегахъ Бренты. «Стоитъ ли горевать изъ-за мыслей — говорили они, — которыя не доходятъ до сердца? Ну что ему за дѣло, австрійцы или французы командуютъ въ Миланѣ?» И они не слушали дальше.

12.

Тацита они понимали еще меньше. Имперія и республика, вѣчная борьба, убійства изъ властолюбія и борьбы партій, — ко всему этому они оставались холодны. Эти историческія бури шумѣли слишкомъ высоко надъ ихъ головами. Это былъ для нихъ громъ на вершинахъ горы, о которомъ не безпокоишься, потому-что онъ поражаетъ только выси и не касается ни паруса рыбака, ни кровли мызника.

Тацитъ писатель популярный только для политиковъ и философовъ; это Платонъ исторіи. Для простого человѣка его чувства слишкомъ утонченны. Чтобы понимать его, надо быть знакомымъ съ бурями публичной площади или таинственными интригами дворцовъ. Отнимите у этихъ страницъ честолюбіе и славу, — что останется? Это великія дѣйствователи драмы. А эти страсти неизвѣстны въ народѣ; ему знакомы только страсти сердца, а это страсти ума. Мы замѣтили это по холодности, съ которою семья рыбака слушала отрывки изъ Тацита.

Однажды вечеромъ мы попробовали прочесть имъ Павла и Виргинію. Я взялся переводить имъ его, потому-что зналъ это твореніе почти наизустъ. Итальянскій языкъ былъ мнѣ довольно знакомъ, мнѣ ничего не стоило находить приличныя выраженія, и они сливались съ моего языка какъ родное нарѣчіе. Едва только чтеніе началось, какъ лица слушателей измѣнились и

выразили вниманіе и задумчивость, вѣрный признакъ участія сердца. Мы нашли ноту, звучащую въ унисонъ во всѣхъ людскихъ душахъ, всѣхъ возрастовъ и состояній,—ноту, которая въ одномъ звукѣ заключаетъ вѣчную истину истиннаго искусства: природу, любовь и Бога.

13.

Я прочиталъ нѣсколько страницъ, и всѣ измѣнили свои позы. Рыбакъ, облокотившись на свое колѣно и склонивши ко мнѣ ухо, позабылъ свою трубку. Старуха, сидя противъ меня, сложила руки у подбородка и приняла позу нищей на паперти, внимающей благочестивому поученію. Беппо сошелъ со стѣны террасы, тихонько положилъ свою гитару на полъ и прикрылъ струны ладонью, чтобы онѣ не звучали отъ вѣтра. Граціелла, садившаяся обыкновенно поодаль, незамѣтно ко мнѣ приблизилась, притянутая книгою какъ магнитомъ.

Прислонившись къ стѣнѣ террасы, она приближалась ко мнѣ все больше и больше, опираясь лѣвою рукою о землю, въ позѣ римскаго гладіатора. Она большими глазами смотрѣла то на книгу, то на мои губы, то на пространство между книгой и губами, какъ-будто желая подмѣтить незримаго духа, передававшаго мнѣ смыслъ книги. Я слышалъ, какъ дыханіе ея то ускорялось, то останавливалось, смотря по ходу драмы, точно какъ дыханіе всходящаго на гору и останавливающагося по временамъ для отдыха. Я не дочиталъ еще половины книги, какъ бѣдняжка уже забылась. Я чувствовалъ горячее дыханіе ея на моихъ рукахъ, волосы ея щекотали мой лобъ, двѣ-три слезы упали на книгу возлѣ моихъ пальцевъ.

14.

Кромѣ моего монотоннаго голоса, буквально передававшаго рыбакамъ эту поэму сердца, не слышно было иного звука, кромѣ глухого, далекаго плеска моря о берегъ. Этотъ шумъ гармонировалъ съ чтеніемъ. Онъ походилъ на предвѣстіе развязки,

заранѣе слышавшееся въ атмосферѣ. Разсказъ приковывалъ къ себѣ слушателей все больше и больше. Когда я запинался, не находя выраженія для точной передачи подлинника, Граціелла, защищавшая лампу передникомъ отъ вѣтра, подносила ее къ самой книгѣ которую едва не зажигала отъ нетерпѣнія, какъ-будто свѣтъ огня долженъ былъ пробудить свѣтъ воображенія и вызвать поскорѣе ожидаемое слово. Я съ улыбкою отодвигалъ лампу и чувствовалъ на рукѣ моей горячія слезы дѣвушки.

15.

Дочитавши до того мѣста, когда Виргинія, призываемая во Францію своею теткою, чувствуетъ, такъ сказать, что ее разрываютъ на-двое, и утѣшаетъ Павла подъ бананами, говоря ему о возвращеніи и указывая на море, — я закрылъ книгу и отложилъ чтеніе до завтра.

Это былъ ударъ въ сердце слушателей. Граціелла стала на колѣни передо мной, потомъ передъ моимъ товарищемъ и просила продолжать чтеніе. Но напрасно. Мы хотѣли продлить ея удовольствіе и нашъ опытъ. Тогда она выхватила у меня книгу, раскрыла ее, какъ-будто силою воли могла понять ея содержаніе, говорила съ ней, обнимала ее. Потомъ почтительно положила ее мнѣ на колѣни, сложила руки и смотрѣла на меня умоляющимъ взоромъ.

Лицо ея, всегда ясное, улыбающееся и даже нѣсколько строгое, отражало теперь страсть, безпокойство и паѳосъ драмы, точно какъ-будто мраморъ вдругъ превратился въ живое тѣло. Спящая душа дѣвушки встрепенулась и сказалась ей въ душѣ Виргиніи. Въ полчаса она постарѣла шестью годами. Бурныя краски страсти пестрили ея чело, щоки и глаза. Она походила на тихое уединенное озеро, надъ которымъ вдругъ завязалась борьба солнца, вѣтра и мрака. Мы не могли на нее насмотрѣться. Она внушала намъ почти уваженіе. Но она напрасно просила продолжать чтеніе; мы не хотѣли истратить наше могущество все въ одинъ пріемъ; слезы ея нравились намъ слишкомъ сильно, и мы не рѣшались истощить источника ихъ въ одинъ вечеръ. Она удалилась въ досадѣ и съ гнѣвомъ погасила лампу.

16.

Встрѣтивши ее на другой день, я хотѣлъ заговорить съ ней, но она отворотилась, какъ человѣкъ, скрывающій свои слезы, и не хотѣла отвѣчать мнѣ. Темные круги вокругъ глазъ, блѣдность лица и углы рта, граціозно склоненные внизъ, говорили, что она не спала и страдаетъ еще воображаемою скорбью вчерашняго вечера. Дивное могущество книги, которая дѣйствуетъ на сердце безграмотнаго ребенка и необразованной семьи со всею силою дѣйствительности, и чтеніе которой составляетъ эпоху въ жизни сердца!

Это оттого, что поэма эта передаетъ природу точно также, какъ я передавалъ ее саму на другомъ языкѣ; эти простыя событія, — колыбель двухъ дѣтей у постели бѣдныхъ матерей, ихъ невинная любовь, ихъ жестокая разлука, надежда возвращенія, уничтоженная смертью, кораблекрушеніе и двѣ гробницы, заключающія одно сердце, — все это вещи понятныя для всѣхъ, отъ обитателей дворца до жильцовъ хижины. Поэты ищутъ вдохновенія далеко, тогда-какъ оно въ сердцѣ, и нѣсколькихъ простыхъ нотъ, нечаянно взятыхъ на этомъ инструментѣ, настроенномъ самимъ Богомъ, достаточно, чтобы заставить плакать цѣлое столѣтіе. Высокое утомляетъ, прекрасное обманываетъ, только патетическое не измѣняетъ искусству. Кто умѣетъ тронуть, тотъ все умѣетъ. Въ одной слезѣ больше генія, нежели во всѣхъ музеяхъ и библіотекахъ. Человѣкъ какъ дерево, съ котораго стряхаютъ плоды: покачни его, и упадутъ слезы.

17.

Цѣлый день всѣ были печальны, какъ-будто въ семействѣ случилось несчастіе. За обѣдомъ всѣ молчали. Встрѣчались безъ улыбки. Граціелла, занимаясь своимъ дѣломъ, очевидно думала о другомъ. Она все посматривала, не садится ли солнце, и ждала только вечера.

Когда вечеръ насталъ, и всѣ мы заняли наши мѣста на *astrico*, я раскрылъ книгу и докончилъ чтеніе посреди рыданій.

Отецъ, мать, Граціелла, я и товарищъ мой, всѣ были тронуты. Голосъ мой невольно подчинялся печальному содержанію книги и важности произносимыхъ словъ. Подъ конецъ разсказа они какъ-будто падали въ душу съ высоты и глухо звучали въ пустой груди, гдѣ сердце уже не бьется, и гдѣ нѣтъ уже сочувствія ни къ чему земному.

18.

Напрасны и невозможны были всякія слова послѣ этой повѣсти. Граціелла осталась въ томъ же положеніи, какъ-будто все еще слушала. Никто не нарушалъ молчанія, этого аплодиссемента чувства истиннаго и не мимолетнаго. Каждый уважалъ въ другихъ свои мысли. Лампа угасла, и никто не думалъ зажечь ее снова. Семейство рыбака встало и удалилось потихоньку. Я и товарищъ мой, мы остались вдвоемъ, пораженные могуществомъ истины, простоты и чувства надъ людьми всѣхъ странъ и возрастовъ.

Можетъ статься и другое чувство шевелилось въ глубинѣ нашихъ сердецъ. Очаровательный образъ Граціеллы, любовью посвященный въ таинства скорьби, сливался въ нашемъ воображеніи съ Виргиніею. Эти два образа преслѣдовали насъ во снѣ до самого утра. Вечеромъ въ этотъ день и въ слѣдующіе два дня мы должны были прочесть Граціеллѣ разсказъ еще два раза. Впрочемъ она не удовольствовалась бы и сотнею повтореній. Таковъ характеръ южнаго воображенія: оно не ищетъ разнообразія въ музыкѣ и поэзіи; музыка и поэзія для него только тема, по которой всякой развиваетъ свои чувства. Одинъ разсказъ и одна пѣсня питаетъ народъ цѣлыя столѣтія. У самой природы, этой высочайшей музыки и поэзіи, всего два-три слова, двѣ-три ноты, которыми она печалитъ или радуетъ человѣка, отъ перваго его вздоха до послѣдняго.

19.

На девятый день, при восходѣ солнца, вѣтеръ равноденствія наконецъ затихъ, и въ нѣсколько часовъ море улеглось. Горы

Неаполя, воды и небо заплавали во влагѣ болѣе прозрачной и голубой, нежели въ дни сильныхъ жаровъ; море, твердь и горы, казалось, почувствовали первый зимній холодъ, кристаллизирующій воздухъ и заставляющій его сверкать какъ воды ледниковъ. Жолтыя листья винограда и бурые фигъ начали засыпать землю. Виноградъ былъ собранъ. Фиги, засушенныя на солнцѣ, были уложены въ корзины, сплетенныя изъ морской травы. Старикъ спѣшилъ перевести семью въ Марджеллину. Вычистили домъ и кровлю, закрыли колодезь большимъ камнемъ, чтобы не попали въ него сухіе листья и зимняя вода. Налили масла въ кубышки. Дѣти снесли ихъ на берегъ, продѣвши въ ушки ихъ палки. Матрацы и одѣяла связали веревкою. Въ послѣдній разъ зажгли лампу передъ образомъ, въ послѣдній разъ помолились Мадоннѣ, поручая ея покровительству домъ, деревья, виноградникъ. Потомъ замкнули дверь и спрятали ключъ въ щель скалы, прикрытую плющемъ, чтобы можно было найти его, если старику понадобится побывать тутъ зимою. Потомъ мы сошли къ морю и помогли нагрузить сосуды съ масломъ, хлѣбъ и плоды.

КНИГА IX.

1.

Возвращеніе наше въ Неаполь по Байскому заливу вдоль извилистыхъ скатовъ Павзилиппа было истиннымъ праздникомъ для молодой дѣвушки, для дѣтей, для насъ, и настоящимъ тріумфальнымъ поѣздомъ для Андрея. Мы прибыли въ Марджеллину ночью, при звукахъ пѣсенъ. Старые друзья и сосѣди рыбака не могли насмотрѣться на его новую барку. Они помогли ему встащить ее на берегъ. Мы запретили ему говорить, какъ она ему досталась, и потому на насъ мало обращали вниманія.

Поставивши лодку на сушу и отнесши корзины съ фигами и виноградомъ къ тремъ низенькимъ комнатамъ надъ пещерою Андрея, обитаемымъ старухою матерью, маленькими дѣтьми и Граціеллою, мы удалились незамѣтно. Съ сжатымъ сердцемъ

шли мы по шумящимъ улицамъ Неаполя и возвратились наконецъ домой.

2.

Отдохнувши нѣсколько дней, мы рѣшили выходить въ море всякой разъ, какъ только позволитъ погода. За три мѣсяца мы до такой степени привыкли къ простой одеждѣ и къ голи барки, что постель, мебель и городское платье казались намъ лишнею и безпокойною роскошью. Мы надѣялись, что черезъ нѣсколько дней опять отъ нихъ избавимся. Но на другой день, когда мы пошли на почту за письмами, нашлось одно и къ товарищу моему отъ его матери. Она звала его немедленно во Францію, на сватьбу его сестры. Зять долженъ былъ выѣхать ему на встрѣчу въ Римъ, и по расчету былъ вѣроятно уже на мѣстѣ. Надо было ѣхать.

Мнѣ слѣдовало бы отправиться вмѣстѣ съ товарищемъ, но мнѣ хотѣлось остаться наединѣ, въ ожиданіи приключеній, и я остался. Меня манила жизнь моряка, рыбачья хижина, образъ Граціеллы; манило еще сильнѣе: гордое сознаніе, что я могу жить безъ посторонней помощи за триста льё отъ родины, страсть къ неизвѣстному, воздушной перспективѣ юнаго воображенія.

Мы разстались. Онъ далъ слово возвратиться, исполнивши долгъ сына и брата, и далъ мнѣ въ-займы пятьдесятъ луидоровъ, пополнившихъ мой опустѣвшій кошелекъ.

3.

Отъѣздъ друга, бывшаго въ отношеніи ко мнѣ тоже, что старшій братъ въ отношеніи къ младшему, оставилъ меня какъбудто въ пустотѣ; и пустота эта, казалось, раздвигается съ каждымъ часомъ все больше и больше, и я все глубже и глубже ухожу въ бездну. Мысли, чувства, слова, привыкшія переливаться въ его слухъ, оставались безъ звука и движенія въ нѣдрахъ моей души; масса ихъ накоплялась, тяжесть начала давить сердце, мнѣ становилось невыносимо тяжко. Уличный шумъ не

находилъ во мнѣ отголоска, въ тысячахъ прохожихъ никто не зналъ моего имени, въ комнатѣ ничьи глаза не останавливались на мнѣ съ чувствомъ любви, въ гостинницѣ я сталкивался съ вѣчно новыми незнакомцами и садился за безмолвную трапезу рядомъ съ людьми, пришедшими Богъ вѣсть откуда и вовсе мнѣ чуждыми; книги, прочитанныя сто разъ, повторяли мнѣ вѣчно однѣ и тѣже фразы, въ томъ же неизмѣнномъ строѣ буквъ, на одной и той же неподвижной строкѣ. Все это услаждало меня въ Римѣ и Неаполѣ, когда мы не вкусили еще бродячей лѣтней жизни; но теперь это казалось мнѣ томительною, долгою агоніей.... Сердце мое изнывало отъ грусти.

И я бродилъ съ этой грустью изъ улицы въ улицу, изъ театра въ театръ, изъ библіотеки въ библіотеку, хотѣлъ стряхнуть ее и не могъ. Побѣда осталась за ней. Я заболѣлъ такъ называемою тоскою по отчизнѣ. Я лишился апетита, поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Тишина наводила на меня грусть, шумъ былъ для меня несносенъ; я проводилъ ночи безъ сна, а днемъ лежалъ на постели, не имѣя ни желанія, ни силы встать. Старикъ, родственникъ моей матери, единственное существо, которое могло бы принять во мнѣ участіе, уѣхалъ за тридцать льё отъ Неаполя, въ Аббруццы, заводить какую-то мануфактуру. Я позвалъ медика. Медикъ пришелъ, посмотрѣлъ на меня, пощупалъ мнѣ пульсъ и сказалъ, что я здоровъ. Дѣло въ томъ, что для моей болѣзни медицина не знаетъ лекарства. То была болѣзнь души и воображенія. Медикъ ушелъ, и послѣ того мы съ нимъ не встрѣчались.

4.

На другой день однако же я почувствовалъ себя такъ дурно, что началъ рыться въ памяти, отъ кого бы можно мнѣ ожидать помощи и участія, если я слягу? Семейство бѣднаго рыбака, среди котораго я жилъ еще воспоминаніемъ, естественно представилось моему воображенію. Я послалъ прислуживавшаго мнѣ мальчика сказать Андрею, что младшій изъ его гостей боленъ и желаетъ его видѣть.

Андрей вышелъ въ море съ Беппо; старуха пошла продавать рыбу на набережную *Кіайа*; мальчикъ засталъ только Граціеллу съ маленькими братьями. Она въ ту же минуту передала

ихъ сосѣдкѣ, одѣлась на-скоро въ свое лучшее платье и пошла за мальчикомъ, который и проводилъ ее въ старый монастырь, по лѣстницѣ, до моего жилища.

Я слышалъ, что кто-то тихо стукнулъ въ мою дверь. Потомъ она отворилась, какъ-будто отъ невидимой руки, и я увидѣлъ Граціеллу. Она вскрикнула, взглянувши на меня, бросилась къ моей постели, но вдругъ остановилась, опустила сложенныя руки на передникъ, пригнула головку къ лѣвому плечу и сказала въ полголоса: «какъ онъ блѣденъ! въ нѣсколько дней такъ измѣниться! А гдѣ другой?» и она обвела комнату глазами.

— Онъ уѣхалъ, сказалъ я: — я остался въ Неаполѣ одинъ, безъ знакомыхъ.

— Уѣхалъ? повторила она. — И оставилъ васъ больного? Такъ онъ васъ, значитъ, не любилъ! А я на его мѣстѣ этого не сдѣлала бы, хоть я вамъ и не братъ и знаю васъ только со дня бури.

5.

Я сказалъ ей, что при отъѣздѣ товарища я былъ здоровъ.

— Да какже это, возразила она съ живостью и голосомъ кроткаго упрека: — какже это вы не подумали, что у васъ и кромѣ него есть друзья въ Марджеллинѣ? Конечно, прибавила она съ грустью, оглядывая рукава и подолъ своего платья: — мы люди бѣдные, и вамъ вѣрно стыдно было впустить насъ въ этотъ прекрасный домъ. Да все равно, продолжала она, отирая глаза, пристально устремленные на мой лобъ и исхудалыя руки: — хоть вы насъ и презираете, а мы-таки пришли бы.

— Бѣдная Граціелла! отвѣчалъ я ей съ улыбкою: — не дай Богъ, чтобы я устыдился когда-нибудь тѣхъ, кто меня любитъ.

6.

Она сѣла на стулъ у моихъ ногъ, и мы начали разговаривать.

Звукъ ея голоса, ясность взгляда, спокойная, непринужденная поза, простодушное выраженіе лица, жалобный оттѣнокъ

въ томъ, общій всѣмъ островитянкамъ и напоминающій собою, какъ на востокѣ, рабство, слышное даже въ рѣчахъ любви, — наконецъ воспоминанія о чудесныхъ дняхъ, проведенныхъ съ нею подъ солнцемъ Прочиды, лучи котораго, казалось, льются еще и съ лица, и съ платья, и съ ногъ ея, — все это такъ разогнало мое страданіе и окрылило душу, что мнѣ показалось, будто я внезапно выздоровѣлъ. Мнѣ чувствовалось, что какъ только она уйдетъ, я встану и выйду. Но мнѣ было въ ея присутствіи такъ хорошо, что я старался затянуть бесѣду какъ можно дольше и удерживалъ ее подъ разными предлогами.

Она прислуживала мнѣ безъ боязни, безъ притворной скромности, безъ ложнаго стыда, какъ сестра брату, не думая о томъ, что я мужчина. Она купила мнѣ апельсиновъ. Она скусывала ихъ кожу своими прекрасными зубами и выжимала сокъ мнѣ въ стаканъ. Она сняла съ своей шеи небольшую серебряную медаль, висѣвшую на черномъ снуркѣ, и приколола ее булавкой къ бѣлому пологу моей кровати. Она увѣряла меня, что сила святого образа скоро меня излечитъ. Потомъ, когда начало смеркаться, она ушла, воротившись впрочемъ разъ двадцать съ порога къ моему ложу спросить, не нужно ли мнѣ чего-нибудь, и напомнить, чтобы я не забылъ помолиться передъ сномъ ея образку.

7.

Подѣйствовала ли молитва Граціеллы, или успокоительное вліяніе ея посѣщенія, или пріятное развлеченіе ея бесѣды усмирили болѣзненную раздражительность въ моемъ тѣлѣ, только я заснулъ глубокимъ сномъ немедленно послѣ ея ухода.

На другой день, когда я проснулся, полъ былъ заброcанъ апельсинными корками, стулъ Граціеллы стоялъ передъ моею кроватью, какъ-будто она только-что встала и сейчасъ сядетъ опять; на пологѣ висѣла медаль на черномъ снуркѣ; всюду видны были слѣды присутствія и заботливости женщины; съ просонья мнѣ показалось, что съ вечера приходила ко мнѣ мать или кто-то изъ сестеръ. Только когда я совершенно раскрылъ глаза и началъ припоминать всѣ обстоятельства одно за другимъ, образъ Граціеллы предсталъ моему воображенію.

Солнце сіяло; сонъ укрѣпилъ мои члены; одиночество комнаты давило меня: потребность услышать звуки знакомаго голоса была такъ велика, что я всталъ, шатаясь отъ слабости, съѣлъ остальные апельсины, сѣлъ въ наемный *corricolo*, и инстинктивно приказалъ ѣхать по направленію къ Марджеллинѣ.

8.

Прибывши къ низенькой хижинѣ Андрея, я пошелъ по лѣстницѣ, ведущей на площадку надъ погребомъ. На *astrico* засталъ я Граціеллу, бабку, стараго рыбака, Беппино и дѣтей. Они были одѣты въ лучшія свои платья и только-что хотѣли отправиться ко мнѣ. Каждый изъ нихъ держалъ въ корзинѣ, въ платкѣ или просто въ рукѣ по подарку, который доставитъ мнѣ, думали они, пользу или удовольствіе: одинъ запасся бутылкой бѣлаго исхійскаго вина, заткнувши ее пробкой изъ росмарина и ароматическихъ травъ, другой сухими фигами, третій ароніями, дѣти апельсинами. Сердце Граціеллы переселилось во всѣхъ членовъ семейства.

9.

Они вскрикнули, когда я явился передъ ними еще блѣдный и слабый, но съ улыбкой на лицѣ. Граціелла всплеснула отъ радости руками, и апельсины, которые она держала въ передникѣ, раскатились по землѣ. Она подбѣжала ко мнѣ и сказала: «не говорила ли я, что вы выздоровѣете, если образокъ съ вами переночуетъ? Чтó, правду я сказала?» Я хотѣлъ возвратить ей образокъ и досталъ его изъ-за пазухи. «Поцалуйте его», сказала она. Я поцаловалъ его, вмѣстѣ съ кончиками ея пальцевъ, протянутыхъ за образкомъ. «Я дамъ вамъ его, если вы опять заболѣете, сказала она, накидывая снурокъ себѣ на шею и опуская образокъ за пазуху».

Мы сѣли на террасѣ. Семейство рыбака было одушевлено радостью, какъ-будто въ это утро возвратился братъ изъ далекаго путешествія. Въ высшихъ классахъ требуется время, чтобы между членами его зародилась дружба; въ низшихъ его не

нужно. Тамъ сердца раскрываются безъ недовѣрчивости и тотчасъ же спаиваются, потому-что за чувствомъ не подозрѣваютъ интереса. Между простыми людьми возникаетъ въ недѣлю больше связей дружбы и душевнаго родства, нежели въ десять лѣтъ между людьми образованнаго общества. Я былъ уже роднымъ въ семействѣ рыбака.

Мы распросили другъ у друга, что̀ хорошаго и что́ дурного случилось съ нами съ тѣхъ поръ какъ мы не видались. Бѣднымъ рыбакамъ везло. Барка была благословенная, ловля никогда еще не была такъ богата. Старуха не успѣвала продавать рыбу; Беппино, мощный и гордый, стоилъ двадцатилѣтняго рыбака, хотя ему было всего только 12 лѣтъ. Граціелла училась ремеслу гораздо важнѣе. Она заработывала по своимъ лѣтамъ уже довольно много и надѣялась получать еще больше, когда разовьется въ ней талантъ; тогда она будетъ въ состояніи одѣвать и кормить братьевъ и сама себѣ припасетъ приданое.

Такъ говорили ея родители. Она училась дѣлать разныя вещицы изъ коралла. Торговля кораллами и выдѣлка ихъ составляла тогда главнѣйшее мануфактурное богатство береговыхъ городовъ Италіи. Одинъ изъ дядей Граціеллы, братъ ея покойной матери, былъ управляющимъ главною коралловою фабрикою въ Неаполѣ. Онъ распоряжался множествомъ работниковъ и работницъ, руки которыхъ не поспѣвали удовлетворять всѣмъ требованіямъ Европы; онъ вспомнилъ о племянницѣ, и нѣсколько дней тому назадъ записалъ ее въ число работницъ. Онъ принесъ ей коралловъ и инструменты, и показалъ первые пріемы очень простого искусства. Прочія работницы работали всѣ вмѣстѣ, на мануфактурѣ.

Рыбакъ и старуха по-неволѣ должны были безпрестанно отлучаться изъ дому. Граціелла оставалась единственною надзирательницею за дѣтьми и работала дома. Дядя ея не могъ отлучаться часто и присылалъ къ ней своего старшаго сына, молодого человѣка лѣтъ двадцати, скромнаго, степеннаго, отличнаго работника, но простака, подверженнаго англійской болѣзни, нѣсколько испортившей станъ его. По вечерамъ, когда фабрика закрывалась, онъ приходилъ взглянуть на работу своей кузины, училъ ее владѣть инструментомъ, читать, писать и считать. «Будемъ надѣяться, шепнула мнѣ бабушка, между тѣмъ какъ Граціелла отвела глаза свои въ сторону: — что это

обоимъ имъ послужитъ въ пользу, и что учитель сдѣлается покорнымъ слугою своей невѣсты».

10.

Граціелла взяла меня за руку и повела къ себѣ въ комнату показать вещицы своей работы. Онѣ лежали рядкомъ, въ ватѣ и коробочкахъ, па постели. Она захотѣла выточить кусочикъ при мнѣ. Я привелъ въ движеніе колесо, а она подставила красную вѣтвь коралла подъ кругообразную пилу, съ визгомъ ее рѣзавшую. Потомъ она округлила эти куски о камень, держа ихъ кончиками пальцевъ.

Розовая пыль покрыла ея руки; брызги долетали даже до лица и покрыли легкими румянами щоки и губы ея, возвышая блескъ голубыхъ глазъ. Смѣясь, она отерла лицо и руки и стряхнула волосы; пыль слетѣла на меня.

— Не правда ли, сказала она:—это славное ремесло для дочери моря? Мы всѣмъ обязаны морю: и баркой, и хлѣбомъ, и вотъ этими ожерельями и подвѣсками. Когда-нибудь, когда я надѣлаю ихъ много для другихъ, которые богаче и лучше меня, я и сама ихъ надѣну.

Утро прошло въ разговорахъ и занятіяхъ. Мнѣ и въ голову не приходило уйти. Въ полдень я отобѣдалъ съ ними вмѣстѣ; солнце, вольный воздухъ, хорошее расположеніе духа, умѣренный столъ, состоявшій изъ хлѣба, вареной рыбы и плодовъ, возвратили мнѣ аппетитъ и силы. Послѣ обѣда я взялся помогать рыбаку чинить сѣти, растянутыя на *astrico*.

Мѣрное движеніе ноги Граціеллы, двигавшей колесо, шумъ прялки старухи и голоса дѣтей, игравшихъ на порогѣ апельсинами, аккомпанировали нашей работѣ. Граціелла выходила иногда на балконъ стряхнуть свои волоса; мы мѣнялись взглядомъ, дружескимъ словомъ, улыбкой. Я былъ счастливъ до глубины души, самъ не зная почему. Мнѣ хотѣлось превратиться въ алоэ, растущее въ этомъ саду, или въ одну изъ ящерицъ грѣвшихся возлѣ насъ на солнцѣ, и жившихъ съ семьею рыбака, въ щеляхъ его хижины.

11.

Лицо и душа моя омрачились съ приближеніемъ вечера. Мнѣ стало грустно, когда я вспомнилъ, что надо возвратиться домой. Граціелла замѣтила это первая и шепнула что-то на-ухо бабушкѣ.

— Зачѣмъ оставлять насъ? сказала старуха, какъ-будто говорила кому-нибудь изъ своихъ дѣтей. Въ Прочидѣ было же намъ вмѣстѣ хорошо; развѣ въ Неаполѣ мы не тѣже? Вы точно птица, которая потеряла мать свою и съ крикомъ летаетъ вокругъ всѣхъ гнѣздъ. Поселитесь въ нашемъ, если оно годно для такого *господина*, какъ вы. У насъ всего три комнаты, но Беппино спитъ въ баркѣ. Граціелла помѣстится съ дѣтьми; ей лишь бы днемъ можно было работать въ той комнатѣ, гдѣ вы будете спать. Возьмите ея комнату и дождитесь у насъ возвращенія вашего друга. Добрый молодой человѣкъ одинъ-одинехонекъ на улицахъ Неаполя — да объ этомъ и подумать больно!

Рыбакъ, Беппино, и даже дѣти, уже полюбившія *чужого*, обрадовались этой мысли. Они пристали ко мнѣ и требовали, чтобы я согласился. Граціелла не сказала ничего, но ждала отвѣта моего съ видимымъ безпокойствомъ, стараясь прикрыть его притворной разсѣянностью. Слушая мои возраженія, она невольно, какъ-будто отъ судороги, топала ногою.

Я взглянулъ на нее. Глаза ея были влажны и блестѣли ярче обыкновеннаго: пальцы обрывали стебелекъ за стебелькомъ съ базилики, росшей въ горшкѣ на балконѣ. Я понялъ этотъ жестъ лучше самой длинной рѣчи. Я согласился на ихъ предложеніе. Граціелла ударила въ ладоши и въ радости бросилась безъ оглядки къ себѣ въ комнату, какъ-будто хотѣла поймать меня на словѣ и не дать времени отречься.

12.

Граціелла позвала Беппино. Въ одну минуту она и братъ ея перенесли въ комнату дѣтей кровать ея, бѣдную мебель, маленькое зеркальце въ рамкѣ изъ крашенаго дерева, нѣдлую лам-

пу, два-три образа Богородицы, пришпиленные къ стѣнѣ булавками, столикъ и станокъ для обдѣлки кораллов. Они зачерпнули въ колодцѣ воды, обрызгали ею полъ и тщательно смели коралловую пыль со стѣнъ и пола. На окно поставили два горшка самой зеленой и пахучей резеды, какая только отыскалась на *astrico*. Они прибирали и украшали комнату съ такимъ стараніемъ, какъ-будто въ этотъ вечеръ Беппо приведетъ сюда свою невѣсту. Я помогалъ имъ и смѣялся ихъ ребячеству.

Когда все было готово, я взялъ съ собою рыбака и Беппино и пошелъ купить себѣ необходимую мебель. Я купилъ желѣзную кровать, столъ изъ бѣлаго дерева, два плетеныхъ стула, мѣдную жаровню, передъ которой грѣются зимою по-вечерамъ, сжигая въ ней косточки изъ оливъ; чемоданъ мой заключалъ въ себѣ все остальное. Я послалъ принести его. Я не хотѣлъ утратить ни одной ночи изъ этой счастливой жизни, возвратившей меня въ среду семейства. Я спалъ на новосельѣ. Я проснулся уже при пѣніи ласточекъ, влетавшихъ ко мнѣ въ разбитое окно, и при голосѣ Граціеллы, пѣвшей въ сосѣдней комнатѣ, подъ мѣрное движеніе колеса.

13.

Я открылъ окно. Оно выходило въ сады рыбаковъ и прачекъ, разсыпанные по скату Павзилиппа и берегу Марджеллины.

Нѣсколько кусковъ бураго песчаника скатились въ эти сады, почти до самого дома. Толстыя смоковницы, полураздавленныя ими, охватывали ихъ суковатыми бѣлыми руками и застилали широкою неподвижною зеленью. Съ этой стороны виднѣлись только сады да нѣсколько колодцевъ съ широкими надъ ними колесами; ослы качали воду, сбѣгавшую по жолобамъ и орошавшую укропъ, капусту и рѣпу; женщины развѣшивали сушить бѣлье на веревкахъ, растянутыхъ между лимонными деревьями; дѣти въ рубашонкахъ играли или плакали на террасахъ передъ двумя или тремя бѣлыми домиками, выглядывавшими изъ зелени. Этотъ простой видъ предмѣстія большого города показался мнѣ прекраснымъ въ сравненіи съ высокими фасадами глубокой улицы и шумящимъ народонаселеніемъ квартала, только-что

мною оставленнаго. Вмѣсто пыли, огня и дыма я дышалъ теперь ароматами растеній. Вмѣсто грома каретъ, пронзительныхъ выкриковъ и неумолкающаго нестройнаго шума улицъ, недающаго слуху ни минуты покоя, слышалъ я теперь крики ословъ, пѣніе пѣтуха, шелестъ листьевъ и глухой ревъ моря.

Я не могъ разстаться съ постелью, лежалъ и наслаждался этимъ солнцемъ, сельскими звуками, порхающими птицами; глядя на голыя стѣны, пустоту комнаты, отсутствіе мебелей, я радовался и думалъ, что здѣсь по-крайней-мѣрѣ любятъ меня, и что ковры, пологи и шолковые занавѣсы не стоятъ привязанности. Все золото въ мірѣ не пробудитъ особеннаго движенія въ сердцѣ равнодушнаго.

Эти мысли услаждали меня въ моемъ полуснѣ; я чувствовалъ, что возрождаюсь для здоровья и мирной жизни. Беппино нѣсколько разъ входилъ ко мнѣ въ комнату узнать, не нужно ли мнѣ чего-нибудь. Онъ принесъ мнѣ хлѣба и винограду; я ѣлъ и бросалъ зерна и крохи ласточкамъ. Было около полудня. Солнце разливало по комнатѣ мягкую осеннюю теплоту, когда я всталъ. Я условился съ рыбакомъ и его женою въ платѣ за квартиру и издержки по хозяйству. Плата была незначительная; они находили, что она слишкомъ велика. Видно было, что они не только не думаютъ извлечь выгоды изъ моего у нихъ пребыванія, но даже досадуютъ на свою бѣдность, не позволяющую имъ угостить меня даромъ. Къ расходу прибавили два хлѣба по утрамъ, лишнюю вареную рыбу въ обѣдъ, молока и фруктовъ на вечеръ, масла для моей лампы и угольевъ въ холодные дни; вотъ и все. Нѣсколько *грановъ* мѣди, мелкой монеты, въ ходу между неаполитанскимъ простонародьемъ, окупали мои ежедневныя издержки. Я никогда не понималъ такъ ясно всю независимость счастья отъ роскоши и возможность купить его за нѣсколько грошей, если только умѣешь найти его тамъ, гдѣ сокрылъ его Богъ.

14.

Такъ провелъ я конецъ осени и начало зимы. Ясность этого времени года въ Неаполѣ заставляетъ невольно смѣшивать его съ предшествовавшимъ. Ничто не нарушало монотоннаго спокойствія нашей жизни. Старикъ съ внукомъ не пускались уже

въ море, по причинѣ частыхъ бурь въ это время года. Они ловили рыбу у берега, мать продавала ее на *маринѣ*, и выручки довольно было для ихъ существованія.

Граціелла дѣлала успѣхи въ своемъ искусствѣ; она развивалась и хорошѣла, ведя жизнь болѣе спокойную и сидячую съ тѣхъ поръ, какъ начала заниматься выдѣлкою коралловыхъ вещицъ. Жалованье, приносимое дядей по воскресеньямъ, позволяло ей не только одѣвать дѣтей лучше прежняго и посылать въ школу, но и снабжать себя и бабушку кое-какими болѣе богатыми принадлежностями туалета островитянокъ. Явились красные шолковые платки, длиннымъ треугольникомъ скатывающіеся съ затылка на шею; башмаки безъ пятокъ, охватывающіе только пальцы и вышитые серебряными блестками; куртки безъ рукавовъ, изъ шолковой матеріи, съ черными и зелеными полосами, обшитыя галунами по швамъ, надѣтыя на-распашку и выказывающія гибкость тальи и очеркъ шеи, украшенной ожерельемъ; наконецъ большія серьги изъ золотыхъ нитей, оплетающихъ жемчугъ. Бѣднѣйшія женщины на греческихъ островахъ носятъ эти украшенія. Ничто не заставитъ ихъ отречься отъ этого удовольствія. Подъ небомъ, гдѣ чувство красоты живѣе, нежели у насъ, и гдѣ жизнь есть любовь, украшеніе не считается женщинами за роскошь. Оно составляетъ ихъ первую и почти единственную потребность.

15.

Когда, въ воскресенье или праздникъ, Граціелла, одѣтая такимъ образомъ, выходила изъ своей комнаты на террасу съ цвѣтами граната или лавра въ черныхъ волосахъ,—когда, внимая звону колоколовъ ближайшей церкви, она прохаживалась передъ моимъ окномъ, какъ павлинъ, грѣющійся на солнцѣ, влача разшитыя туфли и любуясь своей ножкой,—когда она подымала волною голову, давая вѣтру играть концомъ ея платка и волосами,—когда замѣчала, что я смотрю на нее, и краснѣла, какъ-будто стыдясь своей красоты, бывали минуты, что новый блескъ красоты ея поражалъ меня такъ сильно, что мнѣ казалось, будто я вижу ее въ первый разъ, и обыкновенная короткость обхожденія моего съ нею смѣнялась какою-то робостью.

Но Граціелла и не думала наряжать свою красоту. Гордость и кокетство такъ мало участвовали въ инстинктивномъ желаніи рядиться, что тотчасъ послѣ окончанія священной церемоніи она снимала свою богатую одежду и одѣвалась въ простое платье изъ зеленаго сукна, въ исподнее платье съ черными и красными полосами, и обувалась въ туфли съ каблуками изъ бѣлаго дерева, звучавшими по террасѣ, какъ туфли восточныхъ рабынь.

Если за ней не приходили ни подруги, ни кузина, я провожалъ ее въ церковь и ждалъ ее, сидя подъ перистилемъ. Когда она выходила изъ церкви, я, какъ-будто братъ или женихъ ея, съ гордостью внималъ шопоту удивленія ея подругъ и молодыхъ моряковъ набережной Мержеллины. Но она ничего не слышала и видѣла въ толпѣ только меня. Она улыбалась мнѣ съ высоты первой ступени, осѣняла себя въ послѣдній разъ крестнымъ знаменіемъ, коснувшись пальцами святой воды, и скромно, съ потупленными глазами, сходила съ лѣстницы, внизу которой я ее ждалъ.

Такъ провожалъ я ее по праздникамъ поутру и ввечеру къ церкви: это было единственное ея развлеченіе. Въ эти дни я старался одѣваться на-манеръ рыбаковъ, чтобы присутствіе мое никого не удивляло, и чтобы меня принимали за брата или родственника моей спутницы.

Въ другіе дни она не выходила. Что касается до меня, то я снова принялся за мои занятія и развлекался только дружескою бесѣдою Граціеллы. Я читалъ историковъ, поэтовъ разныхъ націй, иногда писалъ. То по-итальянски, то по-французски старался я излить въ прозѣ или стихахъ первыя волненія души, гнетущія сердце, пока не выразишь ихъ словами.

Слово, кажется, единственное предназначеніе человѣка; онъ созданъ раждать мысли, какъ дерево создано раждать плоды. Человѣкъ мучится, пока не выведетъ изъ себя того, что въ немъ шевелится. Писанное слово есть зеркало, необходимое, чтобы онъ могъ узнать самого себя и увѣриться въ своемъ существованіи. Не увидѣвши себя въ своихъ произведеніяхъ, онъ чувствуетъ неполное существованіе. Духъ, какъ и тѣло, имѣетъ свое совершеннолѣтіе.

Я былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда въ душѣ раждается потребность питаться и размножаться посредствомъ слова. Но, какъ

это всегда бываетъ, инстинктъ явился прежде силы. Написавши, я оставался недоволенъ написаннымъ и бросалъ его съ отвращеніемъ. Сколько чувствъ и мыслей, родившихся ночью, написанныхъ и разорванныхъ въ клочки поутру, поглотило неаполитанское море!

16.

Иногда, когда я дольше обыкновеннаго засиживался у себя въ комнатѣ или былъ не-въ-мѣру молчаливъ, Граціелла тихонько прокрадывалась ко мнѣ въ комнату, чтобы отвлечь меня отъ чтенія и занятій. Она неслышно подходила къ моему стулу и заглядывала мнѣ черезъ плечо, не понимая, что́ я пишу или читаю; потомъ мгновенно выхватывала у меня изъ руки книгу или перо и убѣгала. Я бѣжалъ за нею на террасу, немножко сердился, — она смѣялась. Я прощалъ ей, а она дѣлала мнѣ строгій выговоръ тономъ матери.

— Что̀ говоритъ вамъ эта книга сегодня такъ долго? спрашивала она полу-серьёзно, полу-шутя. Неужли эти черныя строчки на этой дрянной старой бумагѣ никогда не перестанутъ говорить? Развѣ вы еще недовольно знаете исторій? Развѣ вамъ нечего разсказывать намъ по воскресеньямъ? Помните, на Прочидѣ, вы меня заставили плакать. И къ кому пишете вы по ночамъ эти длинныя письма, которыя поутру бросаете на вѣтеръ? Посмотрите, какъ вы блѣдны и разсѣяны послѣ долгаго чтенія или писанія. Не лучше ли разговаривать со мной, — вѣдь я смотрю на васъ, а эти буквы даже и не слушаютъ васъ, хоть цѣлый день имъ говорите. Боже мой! отчего я не такъ умна, какъ эти листы бумаги. Я говорила бы съ вами цѣлый день, отвѣчала бы на всѣ ваши вопросы, и не для чего бы вамъ портить глаза и выжигать все масло въ лампѣ.

За тѣмъ она прятала мою книгу и перо, приносила мнѣ курртку и шапку моряка и заставляла итти прогуляться. Я повиновался ей ворча, но любя ее.

мною оставленнаго. Вмѣсто пыли, огня и дыма я дышалъ теперь ароматами растеній. Вмѣсто грома каретъ, пронзительныхъ выкриковъ и неумолкающаго нестройнаго шума улицъ, недающаго слуху ни минуты покоя, слышалъ я теперь крики ословъ, пѣніе пѣтуха, шелестъ листьевъ и глухой ревъ моря.

Я не могъ разстаться съ постелью, лежалъ и наслаждался этимъ солнцемъ, сельскими звуками, порхающими птицами; глядя на голыя стѣны, пустоту комнаты, отсутствіе мебелей, я радовался и думалъ, что здѣсь по-крайней-мѣрѣ любятъ меня, и что ковры, пологи и шолковые занавѣсы не стоятъ привязанности. Все золото въ мірѣ не пробудитъ особеннаго движенія въ сердцѣ равнодушнаго.

Эти мысли услаждали меня въ моемъ полуснѣ; я чувствовалъ, что возрождаюсь для здоровья и мирной жизни. Беппино нѣсколько разъ входилъ ко мнѣ въ комнату узнать, не нужно ли мнѣ чего-нибудь. Онъ принесъ мнѣ хлѣба и винограду; я ѣлъ и бросалъ зерна и крохи ласточкамъ. Было около полудня. Солнце разливало по комнатѣ мягкую осеннюю теплоту, когда я всталъ. Я условился съ рыбакомъ и его женою въ платѣ за квартиру и издержки по хозяйству. Плата была незначительная; они находили, что она слишкомъ велика. Видно было, что они не только не думаютъ извлечь выгоды изъ моего у нихъ пребыванія, но даже досадуютъ на свою бѣдность, не позволяющую имъ угостить меня даромъ. Къ расходу прибавили два хлѣба по утрамъ, лишнюю вареную рыбу въ обѣдъ, молока и фруктовъ на вечеръ, масла для моей лампы и угольевъ въ холодные дни; вотъ и все. Нѣсколько *грановъ* мѣди, мелкой монеты, въ ходу между неаполитанскимъ простонародьемъ, окупали мои ежедневныя издержки. Я никогда не понималъ такъ ясно всю независимость счастья отъ роскоши и возможность купить его за нѣсколько грошей, если только умѣешь найти его тамъ, гдѣ сокрылъ его Богъ.

14.

Такъ провелъ я конецъ осени и начало зимы. Ясность этого времени года въ Неаполѣ заставляетъ невольно смѣшивать его съ предшествовавшимъ. Ничто не нарушало монотоннаго спокойствія нашей жизни. Старикъ съ внукомъ не пускались уже

въ море, по причинѣ частыхъ бурь въ это время года. Они ловили рыбу у берега, мать продавала ее на *маринѣ*, и выручки довольно было *для* ихъ существованія.

Граціелла дѣлала успѣхи въ своемъ искусствѣ; она развивалась и хорошѣла, ведя жизнь болѣе спокойную и сидячую съ тѣхъ поръ, какъ начала заниматься выдѣлкою коралловыхъ вещицъ. Жалованье, приносимое дядей по воскресеньямъ, позволяло ей не только одѣвать дѣтей лучше прежняго и посылать въ школу, но и снабжать себя и бабушку кое-какими болѣе богатыми принадлежностями туалета островитянокъ. Явились красные шолковые платки, длиннымъ треугольникомъ скатывающіеся съ затылка на шею; башмаки безъ пятокъ, охватывающіе только пальцы и вышитые серебряными блестками; куртки безъ рукавовъ, изъ шолковоі̆ матеріи, съ черными и зелеными полосами, обшитыя галунами по швамъ, надѣтыя на-распашку и выказывающія гибкость тальи и очеркъ шеи, украшенной ожерельемъ; наконецъ большія серьги изъ золотыхъ нитей, оплетающихъ жемчугъ. Бѣднѣйшія женщины на греческихъ островахъ носятъ эти украшенія. Ничто не заставитъ ихъ отречься отъ этого удовольствія. Подъ небомъ, гдѣ чувство красоты живѣе, нежели у насъ, и гдѣ жизнь есть любовь, украшеніе не считается женщинами за роскошь. Оно составляетъ ихъ первую и почти единственную потребность.

15.

Когда, въ воскресенье или праздникъ, Граціелла, одѣтая такимъ образомъ, выходила изъ своей комнаты на террасу съ цвѣтами граната или лавра въ черныхъ волосахъ,—когда, внимая звону колоколовъ ближайшей церкви, она прохаживалась передъ моимъ окномъ, какъ павлинъ, грѣющійся на солнцѣ, влача разшитыя туфли и любуясь своей ножкой,—когда она подымала волною голову, давая вѣтру играть концомъ ея платка и волосами,—когда замѣчала, что я смотрю на нее, и краснѣла, какъ-будто стыдясь своей красоты, бывали минуты, что новый блескъ красоты ея поражалъ меня такъ сильно, что мнѣ казалось, будто я вижу ее въ первый разъ, и обыкновенная короткость обхожденія моего съ нею смѣнялась какою-то робостью.

11.

Лицо и душа моя омрачились съ приближеніемъ вечера. Мнѣ стало грустно, когда я вспомнилъ, что надо возвратиться домой. Граціелла замѣтила это первая и шепнула что-то на-ухо бабушкѣ.

— Зачѣмъ оставлять насъ? сказала старуха, какъ-будто говорила кому-нибудь изъ своихъ дѣтей. Въ Прочидѣ было же намъ вмѣстѣ хорошо; развѣ въ Неаполѣ мы не тѣже? Вы точно птица, которая потеряла мать свою и съ крикомъ летаетъ вокругъ всѣхъ гнѣздъ. Поселитесь въ нашемъ, если оно годно для такого *господина*, какъ вы. У насъ всего три комнаты, но Беппино спитъ въ баркѣ. Граціелла помѣстится съ дѣтьми; ей лишь бы днемъ можно было работать въ той комнатѣ, гдѣ вы будете спать. Возьмите ея комнату и дождитесь у насъ возвращенія вашего друга. Добрый молодой человѣкъ одинъ-одинехонекъ на улицахъ Неаполя — да объ этомъ и подумать больно!

Рыбакъ, Беппино, и даже дѣти, уже полюбившія *чужого*, обрадовались этой мысли. Они пристали ко мнѣ и требовали, чтобы я согласился. Граціелла не сказала ничего, но ждала отвѣта моего съ видимымъ безпокойствомъ, стараясь прикрыть его притворной разсѣянностью. Слушая мои возраженія, она невольно, какъ-будто отъ судороги, топала ногою.

Я взглянулъ на нее. Глаза ея были влажны и блестѣли ярче обыкновеннаго; пальцы обрывали стебелекъ за стебелькомъ съ базилики, росшей въ горшкѣ на балконѣ. Я понялъ этотъ жестъ лучше самой длинной рѣчи. Я согласился на ихъ предложеніе. Граціелла ударила въ ладоши и въ радости бросилась безъ оглядки къ себѣ въ комнату, какъ-будто хотѣла поймать меня на словѣ и не дать времени отречься.

12.

Граціелла позвала Беппино. Въ одну минуту она и братъ ея перенесли въ комнату дѣтей кровать ея, бѣдную мебель, маленькое зеркальце въ рамкѣ изъ крашенаго дерева, мѣдную лам-

пу, два-три образа Богородицы, пришпиленные къ стѣнѣ булавками, столикъ и станокъ для обдѣлки коралловъ. Они зачерпнули въ колодцѣ воды, обрызгали ею полъ и тщательно смели коралловую пыль со стѣнъ и пола. На окно поставили два горшка самой зеленой и пахучей резеды, какая только отыскалась на *astrico*. Они прибирали и украшали комнату съ такимъ стараніемъ, какъ-будто въ этотъ вечеръ Беппо приведетъ сюда свою невѣсту. Я помогалъ имъ и смѣялся ихъ ребячеству.

Когда все было готово, я взялъ съ собою рыбака и Беппино и пошелъ купить себѣ необходимую мебель. Я купилъ желѣзную кровать, столъ изъ бѣлаго дерева, два плетеныхъ стула, мѣдную жаровню, передъ которой грѣются зимою по-вечерамъ, сжигая въ ней косточки изъ оливъ; чемоданъ мой заключалъ въ себѣ все остальное. Я послалъ принести его. Я не хотѣлъ утратить ни одной ночи изъ этой счастливой жизни, возвратившей меня въ среду семейства. Я спалъ на новосельѣ. Я проснулся уже при пѣніи ласточекъ, влетавшихъ ко мнѣ въ разбитое окно, и при голосѣ Граціеллы, пѣвшей въ сосѣдней комнатѣ, подъ мѣрное движеніе колеса.

13.

Я открылъ окно. Оно выходило въ сады рыбаковъ и прачекъ, разсыпанные по скату Павзилиппа и берегу Марджеллины.

Нѣсколько кусковъ бураго песчаника скатились въ эти сады, почти до самого дома. Толстыя смоковницы, полураздавленныя ими, охватывали ихъ суковатыми бѣлыми руками и застилали широкою неподвижною зеленью. Съ этой стороны виднѣлись только сады да нѣсколько колодцевъ съ широкими надъ ними колесами; ослы качали воду, сбѣгавшую по жолобамъ и орошавшую укропъ, капусту и рѣпу; женщины развѣшивали сушить бѣлье на веревкахъ, растянутыхъ между лимонными деревьями; дѣти въ рубашонкахъ играли или плакали на террасахъ передъ двумя или тремя бѣлыми домиками, выглядывавшими изъ зелени. Этотъ простой видъ предмѣстія большого города показался мнѣ прекраснымъ въ сравненіи съ высокими фасадами глубокой улицы и шумящимъ народонаселеніемъ квартала, только-что

нпого оставленнаго. Вмѣсто пыли, огня и дыма я дышалъ теперь ароматами растеній. Вмѣсто грома каретъ, пронзительныхъ выкриковъ и неумолкающаго нестройнаго шума улицъ, недающаго слуху ни минуты покоя, слышалъ я теперь крики ословъ, пѣніе пѣтуха, шелестъ листьевъ и глухой ревъ моря.

Я не могъ разстаться съ постелью, лежалъ и наслаждался этимъ солнцемъ, сельскими звуками, порхающими птицами; глядя на голыя стѣны, пустоту комнаты, отсутствіе мебелей, я радовался и думалъ, что здѣсь по-крайней-мѣрѣ любятъ меня, и что ковры, пологи и шолковые занавѣсы не стоятъ привязанности. Все золото въ мірѣ не пробудитъ особеннаго движенія въ сердцѣ равнодушнаго.

Эти мысли услаждали меня въ моемъ полуснѣ; я чувствовалъ, что возрождаюсь для здоровья и мирной жизни. Беппино нѣсколько разъ входилъ ко мнѣ въ комнату узнать, не нужно ли мнѣ чего-нибудь. Онъ принесъ мнѣ хлѣба и винограду; я ѣлъ и бросалъ зерна и крохи ласточкамъ. Было около полудня. Солнце разливало по комнатѣ мягкую осеннюю теплоту, когда я всталъ. Я условился съ рыбакомъ и его женою въ платѣ за квартиру и издержки по хозяйству. Плата была незначительная; они находили, что она слишкомъ велика. Видно было, что они не только не думаютъ извлечь выгоды изъ моего у нихъ пребыванія, но даже досадуютъ на свою бѣдность, не позволяющую имъ угостить меня даромъ. Къ расходу прибавили два хлѣба по утрамъ, лишнюю вареную рыбу въ обѣдъ, молока и фруктовъ на вечеръ, масла для моей лампы и угольевъ въ холодные дни; вотъ и все. Нѣсколько *грановъ* мѣди, мелкой монеты, въ ходу между неаполитанскимъ простонародьемъ, окупали мои ежедневныя издержки. Я никогда не понималъ такъ ясно всю независимость счастья отъ роскоши и возможность купить его за нѣсколько грошей, если только умѣешь найти его тамъ, гдѣ сокрылъ его Богъ.

14.

Такъ провелъ я конецъ осени и начало зимы. Ясность этого времени года въ Неаполѣ заставляетъ невольно смѣшивать его съ предшествовавшимъ. Ничто не нарушало монотоннаго спокойствія нашей жизни. Старикъ съ внукомъ не пускались уже

въ море, по причинѣ частыхъ бурь въ это время года. Они ловили рыбу у берега, мать продавала ее на *маринѣ*, и выручки довольно было для ихъ существованія.

Граціелла дѣлала успѣхи въ своемъ искусствѣ; она развивалась и хорошѣла, ведя жизнь болѣе спокойную и сидячую съ тѣхъ поръ, какъ начала заниматься выдѣлкою коралловыхъ вещицъ. Жалованье, приносимое дядей по воскресеньямъ, позволяло ей не только одѣвать дѣтей лучше прежняго и посылать въ школу, но и снабжать себя и бабушку кое-какими болѣе богатыми принадлежностями туалета островитянокъ. Явились красные шолковые платки, длиннымъ треугольникомъ скатывающіеся съ затылка на шею; башмаки безъ пятокъ, охватывающіе только пальцы и вышитые серебряными блестками; куртки безъ рукавовъ, изъ шолковой матеріи, съ черными и зелеными полосами, обшитыя галунами по швамъ, надѣтыя на-распашку и выказывающія гибкость тальи и очеркъ шеи, украшенной ожерельемъ; наконецъ большія серьги изъ золотыхъ нитей, оплетающихъ жемчугъ. Бѣднѣйшія женщины на греческихъ островахъ носятъ эти украшенія. Ничто не заставитъ ихъ отречься отъ этого удовольствія. Подъ небомъ, гдѣ чувство красоты живѣе, нежели у насъ, и гдѣ жизнь есть любовь, украшеніе не считается женщинами за роскошь. Оно составляетъ ихъ первую и почти единственную потребность.

15.

Когда, въ воскресенье или праздникъ, Граціелла, одѣтая такимъ образомъ, выходила изъ своей комнаты на террасу съ цвѣтами граната или лавра въ черныхъ волосахъ,—когда, внимая звону колоколовъ ближайшей церкви, она прохаживалась передъ моимъ окномъ, какъ павлинъ, грѣющійся на солнцѣ, влача разшитыя туфли и любуясь своей ножкой,—когда она подымала вольною голову, давая вѣтру играть концомъ ея платка и волосами.—когда замѣчала, что я смотрю на нее, и краснѣла, какъ-будто стыдясь своей красоты, бывали минуты, что новый блескъ красоты ея поражалъ меня такъ сильно, что мнѣ казалось, будто я вижу ее въ первый разъ, и обыкновенная короткость обхожденія моего съ нею смѣнялась какою-то робостью.

Но Граціелла и не думала поражать своею красотою. Гордость и кокетство такъ мало участвовали въ инстинктивномъ желаніи рядиться, что тотчасъ послѣ окончанія священной церемоніи она спѣшила снять богатую одежду и одѣться въ простое платье изъ зеленаго сукна, въ ситцевое платье съ черными и красными полосами, и обуться въ туфли съ пятками изъ бѣлаго дерева, звучавшими по террасѣ, какъ туфли восточныхъ рабынь.

Если за ней не приходили ни подруги, ни кузенъ, я провожалъ ее въ церковь и ждалъ ее, сидя подъ перистилемъ. Когда она выходила изъ церкви, я, какъ-будто братъ или женихъ ея, съ гордостью внималъ шопоту удивленія ея подругъ и молодыхъ моряковъ набережной Марджеллины. Но она ничего не слышала и видѣла въ толпѣ только меня. Она улыбалась мнѣ съ высоты первой ступени, осѣняла себя въ послѣдній разъ крестнымъ знаменіемъ, коснувшись пальцами святой воды, и скромно, съ потупленными глазами, сходила съ лѣстницы, внизу которой я ее ждалъ.

Такъ провожалъ я ее по праздникамъ поутру и ввечеру въ церкви; это было единственное ея развлеченіе. Въ эти дни я старался одѣваться на-манеръ рыбаковъ, чтобы присутствіе мое никого не удивляло, и чтобы меня принимали за брата или родственника моей сопутницы.

Въ другіе дни она не выходила. Что́ касается до меня, то я снова принялся за мои занятія и развлекался только дружескою бесѣдою Граціеллы. Я читалъ историковъ, поэтовъ разныхъ націй, иногда писалъ. То по-итальянски, то по-французски старался я излить въ прозѣ или стихахъ первыя волненія души, гнетущія сердце, пока не выразишь ихъ словами.

Слово, кажется, единственное предназначеніе человѣка; онъ созданъ раждать мысли, какъ дерево создано раждать плоды. Человѣкъ мучится, пока не выведетъ изъ себя того, что́ въ немъ шевелится. Писанное слово есть зеркало, необходимое, чтобы онъ могъ узнать самого себя и увѣриться въ своемъ существованіи. Не увидѣвши себя въ своихъ произведеніяхъ, онъ чувствуетъ неполное существованіе. Духъ, какъ и тѣло, имѣетъ свое совершеннолѣтіе.

Я былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда въ душѣ раждается потребность питаться и размножаться посредствомъ слова. Но, какъ

это всегда бываетъ, инстинктъ явился прежде силы. Написавши, я оставался недоволенъ написаннымъ и бросалъ его съ отвращеніемъ. Сколько чувствъ и мыслей, родившихся ночью, написанныхъ и разорванныхъ въ клочки поутру, поглотило неаполитанское море!

16.

Иногда, когда я дольше обыкновеннаго засиживался у себя въ комнатѣ или былъ не-въ-мѣру молчаливъ, Граціелла тихонько прокрадывалась ко мнѣ въ комнату, чтобы отвлечь меня отъ чтенія и занятій. Она неслышно подходила къ моему стулу и заглядывала мнѣ черезъ плечо, не понимая, что̀ я пишу или читаю; потомъ мгновенно выхватывала у меня изъ руки книгу или перо и убѣгала. Я бѣжалъ за нею на террасу, немножко сердился, — она смѣялась. Я прощалъ ей, а она дѣлала мнѣ строгій выговоръ тономъ матери.

— Что̀ говоритъ вамъ эта книга сегодня такъ долго? спрашивала она полу-серьёзно, полу-шутя. Неужли эти черныя строчки на этой дрянной старой бумагѣ никогда не перестанутъ говорить? Развѣ вы еще недовольно знаете исторій? Развѣ вамъ нечего разсказывать намъ по воскресеньямъ? Помните, на Прочидѣ, вы меня заставили плакать. И къ кому пишете вы по ночамъ эти длинныя письма, которыя поутру бросаете на вѣтеръ? Посмотрите, какъ вы блѣдны и разсѣяны послѣ долгаго чтенія или писанія. Не лучше ли разговаривать со мной, — вѣдь я смотрю на васъ, а эти буквы даже и не слушаютъ васъ, хоть цѣлый день имъ говорите. Боже мой! отчего я не такъ умна, какъ эти листы бумаги. Я говорила бы съ вами цѣлый день, отвѣчала бы на всѣ ваши вопросы, и не для чего бы вамъ портить глаза и выжигать все масло въ лампѣ.

За тѣмъ она прятала мою книгу и перо, приносила мнѣ куртку и шапку моряка и заставляла итти прогуляться. Я повиновался ей ворча, но любя ее.

КНИГА X.

1.

Я бродилъ по городу, по набережнымъ, въ полѣ; но одинокія прогулки эти не были для меня скучны, какъ первые дни послѣ возвращенія моего въ Неаполь. Я наслаждался одинъ, но все же наслаждался зрѣлищемъ города, берега, неба и водъ. Мимолетное чувство одиночества не давило меня; оно заставляло меня углубляться въ самого себя и сосредоточивало силы сердца и мысли. Я зналъ, что дружескіе глаза и мысли слѣдовали за мною въ пустыню или въ толпу, и что по возвращеніи я буду встрѣченъ преданнымъ сердцемъ.

Я не походилъ уже на птичку, съ крикомъ облетающую чужія гнѣзда, какъ выразилась старуха; я только учился летать, удаляясь съ родимой вѣтви, и зналъ обратную къ ней дорогу. Вся привязанность моя къ отсутвующему другу перешла на Граціеллу. Это чувство пріязни было даже живѣе и полнѣе. Мнѣ казалось, что первое чувство родилось отъ привычки и обстоятельствъ, а второе само собою или по моему произволу.

То не была любовь. Я не чувствовалъ ни страстной тревоги, ни ревности. То былъ сладкій отдыхъ сердца, а не пріятная лихорадка души и чувствъ. Я не думалъ любить иначе и не желалъ быть любиму сильнѣе. Я не зналъ, товарищъ ли она мнѣ, или другъ, или сестра, или что-нибудь другое. Я зналъ только, что я счастливъ съ нею, а она со мной.

Я ничего больше не желалъ. Я былъ не въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ анализируетъ свои чувства, чтобы сдѣлать пустое опредѣленіе своего счастья. Съ меня довольно было быть спокойнымъ, привязаннымъ и счастливымъ, не зная, за что и почему. Общая жизнь, размышленія вдвоемъ, съ каждымъ днемъ сближали насъ все больше и больше; она была чиста и проста, я спокоенъ и равнодушенъ.

2.

Въ продолженіи пяти мѣсяцовъ, что я прожилъ въ ихъ семьѣ, подъ одною съ ней кровлей, и составлялъ, такъ сказать, часть ея мысли, она такъ привыкла считать меня неразлучнымъ съ ея сердцемъ, что можетъ быть сама не замѣчала, какое мѣсто я въ немъ занялъ. Она не чувствовала въ моемъ присутствіи ни страха, ни стыда, ни необходимости держать себя вдали, — словомъ, ничего похожаго на обыкновенныя условія въ сношеніяхъ молодого человѣка съ дѣвушкой, часто бывающія причиной любви именно потому, что ими стараются оградить себя отъ нея. Она и я, мы вовсе не подозрѣвали, что дѣтская граціозность, развившаяся въ раннюю зрѣлость, превращала наивную красоту ея въ предметъ всеобщаго удивленія и въ опасность для меня. Она не думала объ этомъ, какъ сестра не думаетъ въ присутствіи брата, хороша или дурна она собою. Она не вдѣвала для меня въ свои волосы ни одного лишняго цвѣтка. Она не думала обувать босыя ноги свои, одѣвая по утрамъ братьевъ своихъ на террасѣ, или помогая бабушкѣ сметать упавшія ночью на крышу сухіе листья. Она входила ко мнѣ во всякое время и садилась на стулъ у моей кровати также невинно, какъ Беппино.

Въ ненастные дни я самъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ у нея въ комнатѣ, гдѣ она спала съ дѣтьми и дѣлала коралловыя вещи. Я учился у нея и помогалъ ей, смѣясь и разговаривая. Такимъ образомъ она заработывала въ день двойную плату.

Вечеромъ, напротивъ того, когда всѣ засыпали, она дѣлалась ученицей, а я учителемъ. Я училъ ее читать и писать, заставлялъ разбирать мои книги и водилъ ея рукою. Кузенъ ея не могъ приходить каждый день, и тогда я замѣнялъ его. Потому ли, что этотъ молодой человѣкъ, хромой и горбатый, не внушалъ ей, несмотря на свою кротость, терпѣніе и степенность, довольно почтенія, или потому, что ее развлекали другіе предметы во время ученія, только она успѣвала съ нимъ гораздо меньше, нежели со мною. Половина вечера, посвященнаго ученію, проходила въ смѣхѣ, шуткахъ, передразниваньи педагога. Бѣдняжка былъ слишкомъ робокъ и не могъ сдѣлать ей выговора. Онъ дѣлалъ все, что она хотѣла, лишь бы только брови ея не хму-

Но Граціелла и не думала поражать своею красотою. Гордость и кокетство такъ мало участвовали въ инстинктивномъ желаніи рядиться, что тотчасъ послѣ окончанія священной церемоніи она спѣшила снять богатую одежду и одѣться въ простое платье изъ зеленаго сукна, въ ситцевое платье съ черными и красными полосами, и обуться въ туфли съ пятками изъ бѣлаго дерева, звучавшими по террасѣ, какъ туфли восточныхъ рабынь.

Если за ней не приходили ни подруги, ни кузенъ, я провожалъ ее въ церковь и ждалъ ее, сидя подъ перистилемъ. Когда она выходила изъ церкви, я, какъ-будто братъ или женихъ ея, съ гордостью внималъ шопоту удивленія ея подругъ и молодыхъ моряковъ набережной Марджеллины. Но она ничего не слышала и видѣла въ толпѣ только меня. Она улыбалась мнѣ съ высоты первой ступени, осѣняла себя въ послѣдній разъ крестнымъ знаменіемъ, коснувшись пальцами святой воды, и скромно, съ потупленными глазами, сходила съ лѣстницы, внизу которой я ее ждалъ.

Такъ провожалъ я ее по праздникамъ поутру и ввечеру къ церкви; это было единственное ея развлеченіе. Въ эти дни я старался одѣваться на-маперъ рыбаковъ, чтобы присутствіе мое никого не удивляло, и чтобы меня принимали за брата или родственника моей сопутницы.

Въ другіе дни она не выходила. Что́ касается до меня, то я снова принялся за мои занятія и развлекался только дружескою бесѣдою Граціеллы. Я читалъ историковъ, поэтовъ разныхъ націй, иногда писалъ. То по-итальянски, то по-французски старался я излить въ прозѣ или стихахъ первыя волненія души, гнетущія сердце, пока не выразишь ихъ словами.

Слово, кажется, единственное предназначеніе человѣка; онъ созданъ раждать мысли, какъ дерево создано раждать плоды. Человѣкъ мучится, пока не выведетъ изъ себя того, что́ въ немъ шевелится. Писанное слово есть зеркало, необходимое, чтобы онъ могъ узнать самого себя и увѣриться въ своемъ существованіи. Не увидѣвши себя въ своихъ произведеніяхъ, онъ чувствуетъ неполное существованіе. Духъ, какъ и тѣло, имѣетъ свое совершеннолѣтіе.

Я былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда въ душѣ раждается потребность питаться и размножаться посредствомъ слова. Но, какъ

это всегда бываетъ, инстинктъ явился прежде силы. Написавши, я оставался недоволенъ написаннымъ и бросалъ его съ отвращеніемъ. Сколько чувствъ и мыслей, родившихся ночью, написанныхъ и разорванныхъ въ клочки поутру, поглотило неаполитанское море!

16.

Иногда, когда я дольше обыкновеннаго засиживался у себя въ комнатѣ или былъ не-въ-мѣру молчаливъ, Граціелла тихонько прокрадывалась ко мнѣ въ комнату, чтобы отвлечь меня отъ чтенія и занятій. Она неслышно подходила къ моему стулу и заглядывала мнѣ черезъ плечо, не понимая, что̀ я пишу или читаю; потомъ мгновенно выхватывала у меня изъ руки книгу или перо и убѣгала. Я бѣжалъ за нею на террасу, немножко сердился, — она смѣялась. Я прощалъ ей, а она дѣлала мнѣ строгій выговоръ тономъ матери.

— Что̀ говоритъ вамъ эта книга сегодня такъ долго? спрашивала она полу-серьёзно, полу-шутя. Неужли эти черныя строчки на этой дрянной старой бумагѣ никогда не перестанутъ говорить? Развѣ вы еще недовольно знаете исторій? Развѣ вамъ нечего разсказывать намъ по воскресеньямъ? Помните, на Прочидѣ, вы меня заставили плакать. И къ кому пишете вы по ночамъ эти длинныя письма, которыя поутру бросаете на вѣтеръ? Посмотрите, какъ вы блѣдны и разсѣяны послѣ долгаго чтенія или писанія. Не лучше ли разговаривать со мной, — вѣдь я смотрю на васъ, а эти буквы даже и не слушаютъ васъ, хоть цѣлый день имъ говорите. Боже мой! отчего я не такъ умна, какъ эти листы бумаги. Я говорила бы съ вами цѣлый день, отвѣчала бы на всѣ ваши вопросы, и не для чего бы вамъ портить глаза и выжигать все масло въ лампѣ.

За тѣмъ она прятала мою книгу и перо, приносила мнѣ куртку и шапку моряка и заставляла итти прогуляться. Я повиновался ей ворча, но любя ее.

КНИГА X.

1.

Я бродилъ по городу, по набережнымъ, въ полѣ; но одинокія прогулки эти не были для меня скучны, какъ первые дни послѣ возвращенія моего въ Неаполь. Я наслаждался одинъ, но все же наслаждался зрѣлищемъ города, берега, неба и водъ. Мимолетное чувство одиночества не давило меня; оно заставляло меня углубляться въ самого себя и сосредоточивало силы сердца и мысли. Я зналъ, что дружескіе глаза и мысли слѣдовали за мною въ пустыню или въ толпу, и что по возвращеніи я буду встрѣченъ преданнымъ сердцемъ.

Я не походилъ уже на птичку, съ крикомъ облетающую чужія гнѣзда, какъ выразилась старуха; я только учился летать, удаляясь съ родимой вѣтви, и зналъ обратную къ ней дорогу. Вся привязанность моя къ отсутвующему другу перешла на Граціеллу. Это чувство пріязни было даже живѣе и полнѣе. Мнѣ казалось, что первое чувство родилось отъ привычки и обстоятельствъ, а второе само собою или по моему произволу.

То не была любовь. Я не чувствовалъ ни страстной тревоги, ни ревности. То былъ сладкій отдыхъ сердца, а не пріятная лихорадка души и чувствъ. Я не думалъ любить иначе и не желалъ быть любиму сильнѣе. Я не зналъ, товарищъ ли она мнѣ, или другъ, или сестра, или что-нибудь другое. Я зналъ только, что я счастливъ съ нею, а она со мной.

Я ничего больше не желалъ. Я былъ не въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ анализируетъ свои чувства, чтобы сдѣлать пустое опредѣленіе своего счастья. Съ меня довольно было быть спокойнымъ, привязаннымъ и счастливымъ, не зная, за что и почему. Общая жизнь, размышленія вдвоемъ, съ каждымъ днемъ сближали насъ все больше и больше; она была чиста и проста, я спокоенъ и равнодушенъ.

2.

Въ продолженіи пяти мѣсяцовъ, что я прожилъ въ ихъ семьѣ, подъ одною съ ней кровлей, и составлялъ, такъ сказать, часть ея мысли, она такъ привыкла считать меня неразлучнымъ съ ея сердцемъ, что можетъ быть сама не замѣчала, какое мѣсто я въ немъ занялъ. Она не чувствовала въ моемъ присутствіи ни страха, ни стыда, ни необходимости держать себя вдали, — словомъ, ничего похожаго на обыкновенныя условія въ сношеніяхъ молодого человѣка съ дѣвушкой, часто бывающія причиной любви именно потому, что ими стараются оградить себя отъ нея. Она и я, мы вовсе не подозрѣвали, что дѣтская граціозность, развившаяся въ раннюю зрѣлость, превращала наивную красоту ея въ предметъ всеобщаго удивленія и въ опасность для меня. Она не думала объ этомъ, какъ сестра не думаетъ въ присутствіи брата, хороша или дурна она собою. Она не вдѣвала для меня въ свои волосы ни одного лишняго цвѣтка. Она не думала обувать босыя ноги свои, одѣвая по утрамъ братьевъ своихъ на террасѣ, или помогая бабушкѣ сметать упавшія ночью на крышу сухіе листья. Она входила ко мнѣ во всякое время и садилась на стулъ у моей кровати также невинно, какъ Беппино.

Въ ненастные дни я самъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ у нея въ комнатѣ, гдѣ она спала съ дѣтьми и дѣлала коралловыя вещи. Я учился у нея и помогалъ ей, смѣясь и разговаривая. Такимъ образомъ она заработывала въ день двойную плату.

Вечеромъ, напротивъ того, когда всѣ засыпали, она дѣлалась ученицей, а я учителемъ. Я училъ ее читать и писать, заставлялъ разбирать мои книги и водилъ ея рукою. Кузенъ ея не могъ приходить каждый день, и тогда я замѣнялъ его. Потому ли, что этотъ молодой человѣкъ, хромой и горбатый, не внушалъ ей, несмотря на свою кротость, терпѣніе и степенность, довольно почтенія, или потому, что ее развлекали другіе предметы во время ученія, только она успѣвала съ нимъ гораздо меньше, нежели со мною. Половина вечера, посвященнаго ученію, проходила въ смѣхѣ, шуткахъ, передразниваньи педагога. Бѣдняжка былъ слишкомъ робокъ и не могъ сдѣлать ей выговора. Онъ дѣлалъ все, что̀ она хотѣла, лишь бы только брови ея не хму-

рились. Часто, въ продолженіи часа, когда слѣдовало заняться чтеніемъ, онъ очищалъ кораллы, распутывалъ шолкъ на прялкѣ бабушки или чинилъ сѣти Беппо. Онъ готовъ былъ на все, лишь бы только Граціелла сказала ему на прощаньи *addio*, въ которомъ слышалось бы : до свиданья.

3.

Со мною, напротивъ того, урокъ былъ сёрьезенъ. Часто онъ продолжался до тѣхъ поръ, пока глаза не начинали слипаться отъ дремоты. По наклоненной головѣ, вытянутой шеѣ, неподвижности позы и физіономіи можно было догадаться, что Граціелла старается дѣлать успѣхи. Она облокачивалась мнѣ на плечо, чтобы читать въ книгѣ, гдѣ я пальцемъ указывалъ ей на слово, которое она должна произнести. Когда она писала, я держалъ ея пальцы въ моей рукѣ и помогалъ ей водить перомъ.

Если она дѣлала ошибку, я дѣлалъ ей строгое замѣчаніе; она не отвѣчала и сердилась только на себя. Иногда я замѣчалъ, что она готова заплакать; тогда я смягчалъ голосъ и совѣтовалъ начать снова. Если же она читала и писала хорошо, то видимо искала награды въ моемъ одобреніи. Она обращалась ко мнѣ съ румянцемъ на щекахъ, съ гордою радостью во взорѣ, больше обрадованная тѣмъ, что доставила мнѣ удовольствіе, нежели своимъ успѣхомъ.

Въ награду я читалъ ей нѣсколько страницъ изъ Павла и Виргиніи, книги, нравившейся ей болѣе прочихъ, или нѣсколько строфъ изъ Тасса, гдѣ онъ описываетъ жизнь пастуховъ, у которыхъ жила Эрминія, или поетъ отчаянье двухъ любовниковъ. Музыка стиховъ вызывала у нея слезы, и по окончаніи чтенія она долго оставалась погруженною въ раздумье. Поэзія нигдѣ не отдается такъ звучно и долго, какъ въ юномъ сердцѣ, готовомъ вспыхнуть любовью. Она похожа на предчувствіе всѣхъ страстей. Потомъ она дѣлается ихъ воспоминаніемъ и такимъ образомъ заставляетъ плакать въ началѣ и въ концѣ жизни, юношу отъ надеждъ, старика отъ сожалѣнія.

4.

Эти долгія вечернія бесѣды при свѣтѣ лампы и огнѣ оливъ, горящихъ на жаровнѣ у нашихъ ногъ, не вызывали въ насъ иныхъ помысловъ и отношеній, кромѣ отношеній дѣтской привязанности. Насъ охраняли мое холодное равнодушіе и ея чистая невинность. Мы разставались также спокойно, какъ сходились, и черезъ минуту послѣ долгой бесѣды засыпали подъ одною кровлей, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, какъ двое дѣтей, проигравшихъ вечеръ вмѣстѣ и думающихъ только о своихъ игрушкахъ. Эта безмятежность чувства, несознавшаго себя, могла бы продлиться годы, если бы не случилось обстоятельство, раскрывшее намъ, какого рода эта дружба, дѣлающая насъ столько счастливыми.

5.

Чеко, кузенъ Граціеллы, приходилъ все чаще и чаще проводить вечера въ семействѣ *marinaro*. Хотя Граціелла и не оказывала ему никакого предпочтенія и даже часто надъ нимъ подшучивала, однако же онъ былъ такъ кротокъ, такъ терпѣливъ и послушенъ, что она не могла не тронуться его преданностью и дарила его иногда благосклонною улыбкою. Этого было съ него довольно. Онъ былъ изъ числа людей съ слабымъ, но любящимъ сердцемъ, которые, чувствуя, что природа отказала имъ въ качествахъ, способныхъ внушать любовь, довольствуются любовью безъ взаимности и какъ добровольные рабы посвящаютъ себя службѣ, если не счастью, женщины, владѣющей ихъ сердцемъ. Объ этихъ людяхъ жалѣешь, но удивляешься имъ. Любить, чтобы быть любиму, это въ природѣ человѣка; но любить, чтобы только любить, это выше.

6.

Въ любви Чеко было что-то чрезвычайное. Вмѣсто того, чтобы ревновать меня за оказываемое мнѣ предпочтеніе, онъ любилъ

меня, потому-что меня любила Граціелла. Онъ не имѣлъ притязанія на первое мѣсто въ сердцѣ кузины: онъ довольствовался вторымъ или послѣднимъ. Чтобы доставить ей минуту удовольствія, чтобы получить отъ нея ласковый взглядъ или слово, онъ готовъ былъ сходить за мной на край Франціи и привести меня къ той, которая предпочитала меня ему. Я думаю, онъ возненавидѣлъ бы меня, если бы я ее огорчилъ.

Онъ гордился ею. Можетъ быть, холодный въ душѣ, онъ расчитывалъ инстинктивно, что вліяніе моѐ на кузину не будетъ продолжаться вѣчно, что насъ разлучитъ какое-нибудь обстоятельство; что я иностранецъ, пріѣхавшій изъ-далека, по званію и состоянію очевидно не пара дочери рыбака; что рано или поздно связь моя съ его кузиной прекратится также, какъ началась; что она останется тогда одна, печальная; что отчаяные осилитъ ея сердце и выдастъ его ему безъ раздѣла. Эта роль друга утѣшителя была единственная, на которую онъ могъ мѣтить. Но отецъ его имѣлъ другіе виды.

7.

Отецъ, зная привязанность сына къ Граціеллѣ, посѣщалъ ее отъ времени до времени. Пораженный ея красотою, умомъ, удивленный успѣхами въ искусствѣ обдѣлывать кораллъ, и въ чтеніи, и въ письмѣ, онъ подумалъ, что природные недостатки сына не дадутъ возникнуть между ними другимъ отношеніямъ, кромѣ родственной привязанности, и положилъ женить его на Граціеллѣ. Состояніе его, значительное для мастерового, позволяло ему считать подобное предложеніе за милость, отъ которой ни Андрей, ни жена его, ни Граціелла и не подумаютъ отказаться. Не знаю, сообщилъ ли онъ свою мысль Чеко, или задумалъ сдѣлать для него сюрпризъ, только онъ рѣшился объясниться.

8.

Накануне Рождества я пришелъ къ ужину позже обыкновеннаго. Я замѣтилъ какую-то холодность и смущеніе на лицѣ Андрея и жены его. Я взглянулъ на Граціеллу и увидѣлъ, что она

плакала. Ясность и веселость были всегда такъ неразлучны съ этимъ лицомъ, что печаль точно какъ-будто набросила на него матеріяльное покрывало. Тѣнь мыслей и сердца легла на черты лица ея. Я окаменѣлъ и не смѣлъ сдѣлать вопроса ни старику, ни Граціеллѣ, опасаясь, что звукъ моего голоса встревожитъ ея сердце, которое она и безъ того съ трудомъ удерживала.

Она, противъ своего обыкновенія, не смотрѣла на меня. Разсѣянною рукою подносила она ко рту куски хлѣба и притворялась, что ѣстъ; но она не ѣла, она бросала хлѣбъ подъ столъ. До окончанія молчаливаго ужина она вышла подъ предлогомъ уложить дѣтей, и заперлась въ своей комнатѣ, не простившись ни со мной, ни съ стариками.

Когда мы остались одни, я спросилъ о причинѣ печали Граціеллы и ихъ задумчивости. Они мнѣ разсказали, что днемъ приходилъ къ нимъ отецъ Чеко и просилъ для сына своего руки Граціеллы; что это большое для нихъ счастье; что Чеко съ состояніемъ; что Граціелла можетъ взять къ себѣ братьевъ и воспитывать ихъ какъ своихъ дѣтей; что сами они на старости лѣтъ будутъ обезпечены; что они съ благодарностью приняли предложеніе и сказали объ этомъ Граціеллѣ; что Граціелла, изъ дѣвической скромности, не отвѣчала ничего; но что молчаливость и слезы ея происходятъ отъ неожиданности случая, и что все это пройдетъ; наконецъ, что они съ отцомъ Чеко рѣшили съиграть сватьбу послѣ святокъ.

9.

Они продолжали еще говорить, но я уже давно ничего не слышалъ. Я никогда не отдавалъ себѣ отчета въ привязанности моей къ Граціеллѣ. Я не зналъ, какъ я ее люблю: дружба ли это, или любовь, или привычка, или все вмѣстѣ. Но мысль, что всѣ эти сердечныя отношенія, незамѣтно между нами установившіяся, вдругъ измѣнятся; что ее возьмутъ вдругъ отъ меня и отдадутъ другому; что изъ сестры и подруги она сдѣлается женщиною мнѣ чуждою; что ее не будетъ уже здѣсь; что я не буду видѣть ее каждый часъ, не буду уже читать въ глазахъ ея этого луча нѣжнаго ласкающаго свѣта, постоянно на меня обращеннаго и напоминавшаго мнѣ мать и сестеръ; пустота и мракъ,

меня, потому-что меня любила Граціелла. Онъ не имѣлъ притязанія на первое мѣсто въ сердцѣ кузины: онъ довольствовался вторымъ или послѣднимъ. Чтобы доставить ей минуту удовольствія, чтобы получить отъ нея ласковый взглядъ или слово, онъ готовъ былъ сходить за мной на край Франціи и привести меня къ той, которая предпочитала меня ему. Я думаю, онъ возненавидѣлъ бы меня, если бы я ее огорчилъ.

Онъ гордился ею. Можетъ быть, холодный въ душѣ, онъ расчитывалъ инстинктивно, что вліяніе мое на кузину не будетъ продолжаться вѣчно, что насъ разлучитъ какое-нибудь обстоятельство; что я иностранецъ, пріѣхавшій изъ-далека, по званію и состоянію очевидно не пара дочери рыбака; что рано или поздно связь моя съ его кузиной прекратится также, какъ началась; что она останется тогда одна, печальная; что отчаяные осилитъ ея сердце и выдастъ его ему безъ раздѣла. Эта роль друга утѣшителя была единственная, на которую онъ могъ мѣтить. Но отецъ его имѣлъ другіе виды.

7.

Отецъ, зная привязанность сына къ Граціеллѣ, посѣщалъ ее отъ времени до времени. Пораженный ея красотою, умомъ, удивленный успѣхами въ искусствѣ обдѣлывать кораллъ, и въ чтеніи, и въ письмѣ, онъ подумалъ, что природные недостатки сына не дадутъ возникнуть между ними другимъ отношеніямъ, кромѣ родственной привязанности, и положилъ женить его на Граціеллѣ. Состояніе его, значительное для мастерового, позволяло ему считать подобное предложеніе за милость, отъ которой ни Андрей, ни жена его, ни Граціелла и не подумаютъ отказаться. Не знаю, сообщилъ ли онъ свою мысль Чеко, или задумалъ сдѣлать для него сюрпризъ, только онъ рѣшился объясниться.

8.

Наканунѣ Рождества я пришелъ къ ужину позже обыкновеннаго. Я замѣтилъ какую-то холодность и смущеніе на лицѣ Андрея и жены его. Я взглянулъ на Граціеллу и увидѣлъ, что она

плакала. Ясность и веселость были всегда такъ неразлучны съ этимъ лицомъ, что печаль точно какъ-будто набросила на него матеріяльное покрывало. Тѣнь мыслей и сердца легла на черты лица ея. Я окаменѣлъ и не смѣлъ сдѣлать вопроса ни старику, ни Граціеллѣ, опасаясь, что звукъ моего голоса встревожитъ ея сердце, которое она и безъ того съ трудомъ удерживала.

Она, противъ своего обыкновенія, не смотрѣла на меня. Разсѣянною рукою подносила она ко рту куски хлѣба и притворялась, что ѣстъ; но она не ѣла, она бросала хлѣбъ подъ столъ. До окончанія молчаливаго ужина она вышла подъ предлогомъ уложить дѣтей, и заперлась въ своей комнатѣ, не простившись ни со мной, ни съ стариками.

Когда мы остались одни, я спросилъ о причинѣ печали Граціеллы и ихъ задумчивости. Они мнѣ разсказали, что днемъ приходилъ къ нимъ отецъ Чеко и просилъ для сына своего руки Граціеллы; что это большое для нихъ счастье; что Чеко съ состояніемъ; что Граціелла можетъ взять къ себѣ братьевъ и воспитывать ихъ какъ своихъ дѣтей; что сами они на старости лѣтъ будутъ обезпечены; что они съ благодарностью приняли предложеніе и сказали объ этомъ Граціеллѣ; что Граціелла, изъ дѣвической скромности, не отвѣчала ничего; но что молчаливость и слезы ея происходятъ отъ неожиданности случая, и что все это пройдетъ; наконецъ, что они съ отцомъ Чеко рѣшили съиграть свадьбу послѣ святокъ.

9.

Они продолжали еще говорить, но я уже давно ничего не слышалъ. Я никогда не отдавалъ себѣ отчета въ привязанности моей къ Граціеллѣ. Я не зналъ, какъ я ее люблю: дружба ли это, или любовь, или привычка, или все вмѣстѣ. Но мысль, что всѣ эти сердечныя отношенія, незамѣтно между нами установившіяся, вдругъ измѣнятся; что ее возьмутъ вдругъ отъ меня и отдадутъ другому; что изъ сестры и подруги она сдѣлается женщиною мнѣ чуждою; что ее не будетъ уже здѣсь; что я не буду видѣть ее каждый часъ, не буду уже читать въ глазахъ ея этого луча нѣжнаго ласкающаго свѣта, постоянно на меня обращеннаго и напоминавшаго мнѣ мать и сестеръ; пустота и мракъ,

которые вдругъ охватили меня въ воображеніи; опустѣлая комната ея, столъ, за которымъ я уже не увижу ея, церкви, куда я уже не буду ей сопутствовать, барка, гдѣ мѣсто ея не будетъ занято, и гдѣ мнѣ придется бесѣдовать только съ вѣтромъ и волнами, — все это дало мнѣ почувствовать въ первый разъ, какъ много значило для меня присутствіе Граціеллы, и показало, что чувство, привязывавшее меня къ ней, было сильнѣе, нежели я предполагалъ, и что меня привлекали сюда не море, не лодка, не хижина, не рыбакъ, не жена его, не Беппо, не дѣти, но она, и что съ ней исчезнетъ и все остальное. Безъ нея настоящая жизнь моя дѣлалась совершенно пуста. Я чувствовалъ это; смутное до сихъ поръ чувство, въ которомъ я никогда еще себѣ не признавался, поразило меня такъ сильно, что сердце во мнѣ дрогнуло и я могъ понять безконечность любви по безконечности грусти, въ которую вдругъ погрузилось мое сердце.

10.

Молча возвратился я въ мою комнату. Не раздѣваясь, бросился я на постель. Я пытался читать, писать, думать, развлечься какою-нибудь трудною умственною работою. Все было напрасно. Внутреннее волненіе было такъ велико, что даже упадокъ силъ не привелъ меня ко сну. Никогда еще образъ Граціеллы не рисовался передо мною такъ неотступно и такъ очаровательно. Я наслаждался имъ, какъ предметомъ, всю цѣну котораго узнаешь только въ минуту утраты. До сихъ поръ даже красота ея ничего для меня не значила; впечатлѣніе этой красоты я смѣшивалъ съ чувствомъ дружбы, которое питалъ къ ней, и которое выражалось и на ея лицѣ. Я не думалъ, чтобы привязанность моя была такъ глубока; я и въ ней не подозрѣвалъ и тѣни страсти.

Во всемъ этомъ я не отдалъ себѣ порядочнаго отчета даже и въ продолженіи этой ночи, проведенной безъ сна, въ сердечной тревогѣ. Въ скорби и чувствѣ моемъ все было смутно. Я походилъ на человѣка, оглушеннаго внезапнымъ ударомъ: онъ чувствуетъ боль, но въ первое мгновеніе не можетъ еще разобрать, *гдѣ она*.

Я всталъ съ постели, когда въ домѣ все было еще тихо. Какой-то инстинктъ заставлялъ меня удаляться, какъ-будто присутствіе мое возмутитъ на время святилище семьи, участь которой рѣшается при человѣкѣ постороннемъ.

Уходя, я сказалъ Беппо, что возвращусь черезъ нѣсколько дней. Я пошелъ, куда пошли мои ноги, по длиннымъ набережнымъ Неаполя, мимо Резины, Портичи, по подошвѣ Везувія. Въ Торре дель Греко я взялъ проводниковъ; я прилегъ на камнѣ у входа въ эрмитажъ Санъ-Сальваторе, гдѣ кончается обитаемая страна и начинается царство огня. Вулканъ съ нѣкотораго времени кипѣлъ и выбрасывалъ тучи пепла и камней, скатывавшихся даже до рва, проходившаго у самого эрмитажа; проводники отказались итти со мною дальше. Я пошелъ одинъ; съ трудомъ взобрался я на послѣдній конусъ, погружая ноги и руки въ густую и жгучую золу, разсыпавшуюся подъ тяжестью человѣка. Вулканъ по временамъ ворчалъ и ревѣлъ. Раскаленные камни падали вокругъ меня и погасали въ пеплѣ. Ничто меня не останавливало. Я дошелъ до послѣдней закраины жерла. Я видѣлъ, какъ взошло солнце надъ заливомъ, полями и ослѣпительнымъ Неаполемъ. Но я оставался холоденъ и равнодушенъ къ зрѣлищу, ради котораго пріѣзжаютъ изъ-за тысячи миль. Среди океана свѣта, волнъ, береговъ и зданій, озаренныхъ солнцемъ, я искалъ только бѣлой точки въ темной зелени деревъ на краю Павзилиппа, и мнѣ казалось, что я могу разглядѣть хижину Андрея. Сколько ни окидывай взоромъ пространство, а вся природа состоитъ для человѣка изъ двухъ, трехъ точекъ, къ которымъ обращена вся душа его. Отнимите у жизни сердце, которое васъ любитъ, что̀ въ ней останется? Такъ и въ природѣ. Сотрите съ ландшафта мѣсто или домъ, куда стремятся ваши помыслы или которое населяется вашими воспоминаніями, и передъ вами останется блестящая пустота, гдѣ не начѣмъ остановиться и не гдѣ отдохнуть взору. Что̀ же удивительнаго, что на величайшія сцены міра путешественники смотрятъ различными глазами? Каждый изъ нихъ смотритъ съ своей точки зрѣнія. Облако на душѣ затмѣваетъ землю больше облака на горизонтѣ. Зрѣлище въ зрителѣ. Я это испыталъ.

11.

Я смотрѣлъ — и не видѣлъ ничего. Напрасно спустился я, какъ безумный, придерживаясь за углы остывшей лавы, въ глубину жерла. Напрасно перебирался я черезъ глубокія разсѣлины, откуда дымъ и огонь жгли и душили меня. Напрасно разсматривалъ я обширныя поля кристаллической сѣры и соли, походившихъ на ледники, окрашенные дыханіемъ огня. Я не могъ удивляться, я не чувствовалъ опасности. Душа моя была въ иномъ мѣстѣ, и я напрасно усиливался призвать ее.

Вечеромъ я возвратился въ эрмитажъ, отпустилъ проводниковъ и пошелъ назадъ черезъ виноградники Помпеи. Цѣлый день бродилъ я по пустыннымъ улицамъ подземнаго города. Эта гробница, открытая черезъ двѣ тысячи лѣтъ, сдѣлала на меня съ своими памятниками искусства также мало впечатлѣнія, какъ и Везувій. Я попиралъ ногами прахъ улицъ, нѣкогда полныхъ жизни, также равнодушно, какъ кучи пустыхъ раковинъ, выброшенныхъ моремъ на берегъ. Время, такой же океанъ, выбрасываетъ на сушу обломки человѣка. Нельзя плакать обо всемъ. Каждому человѣку свое горе, каждому вѣку своя слеза. Этого довольно.

Вышедши изъ Помпеи, я углубился въ лѣсистыя ущелья Кастелламаре и Сорренто. Тамъ провелъ я нѣсколько дней, бродя изъ деревни въ деревню, и осматривая, по указанію пастуховъ, извѣстнѣйшіе горные виды. Меня принимали за живописца, изучающаго ландшафты, потому-что я записывалъ иногда кое-что въ рисовальной книгѣ, оставленной мнѣ моимъ другомъ. Я бродилъ, лишь бы убить время.

Наконецъ это стало невыносимо. Когда прошли святки и день новаго года, изъ котораго люди сдѣлали праздникъ, желая умилостивить время, я поспѣшилъ возвратиться въ Неаполь. Я пришелъ туда ночью, волнуемый желаніемъ увидѣть Граціеллу и страхомъ услышать, что я ее уже не увижу. Я останавливался разъ двадцать. Подходя къ Марджеллинѣ, я присѣлъ на край барки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому встрѣтилъ я Беппо. Онъ вскрикнулъ отъ радости и бросился мнѣ на шею. Онъ увелъ

меня къ своей баркѣ и разсказалъ, что случилось во время моего отсутствія.

Все измѣнилось въ домѣ рыбака. Граціелла безпрестанно плакала послѣ моего ухода. Она не являлась къ обѣду, не дѣлала вещицъ изъ коралла. Днемъ она запиралась у себя въ комнатѣ и не отвѣчала на вопросы, ночью ходила по террасѣ. Сосѣди говорили, что она съ ума сошла или влюбилась.

— Но я знаю, что это не правда, прибавилъ Беппо. — Все горе въ томъ, что ее хотятъ выдать за Чеко, а она за него не хочетъ.

Беппино все видѣлъ и слышалъ. Отецъ Чеко ежедневно приходилъ за отвѣтомъ къ дѣду и женѣ его. Они не переставали мучить Граціеллу, уговаривая ее согласиться. Она же не хотѣла объ этомъ и слышать. Она говорила, что скорѣе убѣжитъ въ Женеву. У неаполитанскихъ католиковъ это выраженіе значитъ почти тоже, что «сдѣлаться ренегатомъ». Это, по ихъ понятіямъ, хуже самоубійства, это убіеніе безсмертной души.

Андрей и жена его, любившіе Граціеллу, скорбѣли о ея несговорчивости и о напрасной надеждѣ пристроить ее. Они заклинали ее своими сѣдыми волосами, говорили ей о своей старости, о бѣдности, объ участи дѣтей. Тогда Граціелла смягчалась. Она принимала нѣсколько лучше бѣднаго Чеко, приходившаго иногда по вечерамъ смиренно сѣсть у порога комнаты кузины и играть съ дѣтьми. Онъ говорилъ ей здравствуй и прощай сквозь двери, но она отвѣчала ему очень рѣдко.

— Сестра моя дѣлаетъ нехорошо, говорилъ Беппо. — Чеко ее любитъ; онъ такой добрый! Она была бы счастлива. Вотъ только сегодня вечеромъ она уступила просьбамъ дѣдушки и бабушки и слезамъ Чеко. Она раскрыла немножко дверь и протянула ему руку. Онъ надѣлъ ей на палецъ кольцо, и она обѣщала завтра итти къ вѣнцу. Впрочемъ, кто знаетъ, завтра она можетъ быть опять закапризится. А какъ она была прежде весела и уступчива! Боже мой, какъ она измѣнилась! Вы бы ее не узнали.

12.

Беппино легъ въ баркѣ. Узнавши о происшедшемъ, я вошелъ въ домъ

Андрей и жена были одни на *astrico*. Они встрѣтили меня по-дружески и осыпали упреками за долгое отсутствіе. Они сообщили мнѣ свои надежды и опасенія насчетъ Граціеллы.

— Если бы вы были здѣсь, сказалъ Андрей : — вы могли бы помочь намъ. Она васъ такъ любитъ и ни въ чемъ вамъ не отказываетъ. Какъ мы рады, что вы возвратились! Завтра сватьба, вы будете нашимъ гостемъ, вы всегда приносили намъ счастье.

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при этихъ словахъ. Что-то говорило мнѣ, что я буду причиною ихъ несчастія. Я сгаралъ желаніемъ увидѣть Граціеллу и трепеталъ при этой мысли. Я говорилъ громко и ходилъ мимо дверей ея комнаты, какъ человѣкъ, который не хочетъ звать, но желаетъ быть услышаннымъ. Она оставалась глуха, нѣма, и не показывалась. Я вошелъ въ мою комнату и легъ. Въ душѣ моей возстановилось нѣкотораго рода спокойствіе, раждающееся при выходѣ изъ неизвѣстности, хотя бы то и въ вѣрное несчастіе. Усталымъ мозгомъ и членами овладѣли неясные образы, а потомъ сонъ и забытье.

13.

Два или три раза въ продолженіи ночи я полу-просыпался. То была одна изъ ночей довольно рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе ужасныхъ въ тепломъ климатѣ на берегу моря. Молнія безпрерывно сверкала сквозь щели моихъ ставень, и на стѣнахъ какъ-будто моргали огненныя очи. Вѣтръ вылъ какъ стая голодныхъ псовъ. Море било о берегъ Марджеллины, дрожавшій какъ-будто на него обрушиваются скалы.

Дверь моя дрожала и билась. Раза два мнѣ показалось, что она отворилась и затворилась сама собою, и что въ ревѣ бури раздаются глухіе людскіе вопли. Разъ мнѣ послышались даже слова, и чей-то голосъ произнесъ мое имя, какъ-будто въ отчаньи зовя меня на-помощь. Я сѣлъ; ничего не было слышно; я подумалъ, что меня обманываетъ встревоженное воображеніе, и снова заснулъ.

Къ утру ясное солнце смѣнило бурю. Меня разбудили дѣйствительно стоны и крики рыбака и жены его, вопившихъ у по-

рога Граціеллы. Бѣдняжка убѣжала. Передъ уходомъ она разбудила, обняла дѣтей и сказала имъ шопотъ, чтобы они молчали. Она оставила на постели свои лучшія платья, серьги, ожерелья и нѣсколько бывшихъ у нея денегъ.

Отецъ держалъ въ рукахъ листокъ бумаги, смоченный нѣсколькими каплями воды; его нашли приколотымъ булавкою къ постели. На листкѣ было строчекъ пять, и онъ просилъ меня прочитать ихъ. Дрожащею рукою тамъ было написано слѣдующее:

«Я обѣщала слишкомъ много... что-то говоритъ мнѣ, что это выше моихъ силъ.... Обнимаю ваши ноги. Простите меня. Лучше я пойду въ монахини. Утѣшьте Чекко и скажите... Я буду молиться за него и за дѣтей. Отдайте имъ все мое добро. Кольцо возвратите Чекко....»

При чтеніи этихъ строкъ вся семья залилась слезами. Дѣти, еще несмышленыя, услышавъ, что сестра ушла на-всегда, смѣшали крики свои съ плачемъ старшихъ и бѣгали по всему дому, зовя Граціеллу.

14.

Записка выпала изъ моихъ рукъ. Я хотѣлъ поднять ее — и увидѣлъ на полу, подлѣ моей двери, увядшій гранатовый цвѣтокъ, которымъ любовался прошедшее воскресенье въ волосахъ Граціеллы, и маленькую медаль, которую она всегда носила на груди, и которую четыре мѣсяца тому назадъ привязала къ изголовью моей кровати. Теперь я не сомнѣвался, что дверь моя дѣйствительно отворялась и затворялась ночью, и что слова и звуки, принятые мною за вой вѣтра, были дѣйствительно прощальные вопли бѣдной дѣвушки. Сухая мѣстами и мокрая у входа въ мою комнату, земля передъ порогомъ, послѣ дождя, доказывала, что она провела послѣднюю часть ночи въ слезахъ на этомъ камнѣ. Я поднялъ цвѣтокъ и медаль и спряталъ ихъ у себя на груди.

Бѣдняки были тронуты, среди своего горя [illegible]. Я утѣшалъ ихъ какъ могъ. Мы [illegible] Граціеллѣ, если она найдется, и Чекко. Бѣдняжка Чекко [illegible] ный Беппо, самъ первый [illegible] себя въ [illegible] семейства. Какъ ни былъ [illegible]

Андрей и жена были одни на *astrico*. Они встрѣтили меня по-дружески и осыпали упреками за долгое отсутствіе. Они сообщили мнѣ свои надежды и опасенія насчетъ Граціеллы.

— Если бы вы были здѣсь, сказалъ Андрей: — вы могли бы помочь намъ. Она васъ такъ любитъ и ни въ чемъ вамъ не отказываетъ. Какъ мы рады, что вы возвратились! Завтра сватьба, вы будете нашимъ гостемъ, вы всегда приносили намъ счастье.

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при этихъ словахъ. Что-то говорило мнѣ, что я буду причиною ихъ несчастія. Я сгаралъ желаніемъ увидѣть Граціеллу и трепеталъ при этой мысли. Я говорилъ громко и ходилъ мимо дверей ея комнаты, какъ человѣкъ, который не хочетъ звать, но желаетъ быть услышаннымъ. Она оставалась глуха, нѣма, и не показывалась. Я вошелъ въ мою комнату и легъ. Въ душѣ моей возстановилось нѣкотораго рода спокойствіе, раждающееся при выходѣ изъ неизвѣстности, хотя бы то и въ вѣрное несчастіе. Усталымъ мозгомъ и членами овладѣли неясные образы, а потомъ сонъ и забытье.

13.

Два или три раза въ продолженіи ночи я полу-просыпался. То была одна изъ ночей довольно рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе ужасныхъ въ тепломъ климатѣ на берегу моря. Молнія безпрерывно сверкала сквозь щели моихъ ставень, и на стѣнахъ какъ-будто моргали огненныя очи. Вѣтръ вылъ какъ стая голодныхъ псовъ. Море било о берегъ Марджеллины, дрожавшій какъ-будто на него обрушиваются скалы.

Дверь моя дрожала и билась. Раза два мнѣ показалось, что она отворилась и затворилась сама собою, и что въ ревѣ бури раздаются глухіе людскіе вопли. Разъ мнѣ послышались даже слова, и чей-то голосъ произнесъ мое имя, какъ-будто въ отчаньи зовя меня на-помощь. Я сѣлъ; ничего не было слышно; я подумалъ, что меня обманываетъ встревоженное воображеніе, и снова заснулъ.

Къ утру ясное солнце смѣнило бурю. Меня разбудили дѣйствительно стоны и крики рыбака и жены его, вопившихъ у по-

рога Граціеллы. Бѣдняжка убѣжала. Передъ уходомъ она разбудила, обняла дѣтей и сдѣлала имъ знакъ, чтобы они молчали. Она оставила на постели свои лучшія платья, серьги, ожерелья и нѣсколько бывшихъ у нея денегъ.

Отецъ держалъ въ рукахъ листокъ бумаги, смоченный нѣсколькими каплями воды; его нашли приколотымъ булавкою къ постели. На листкѣ было строчекъ пять, и онъ просилъ меня прочитать ихъ. Дрожащею рукою тамъ было написано слѣдующее:

«Я обѣщала слишкомъ много.... что-то говоритъ мнѣ, что это выше моихъ силъ.... Обнимаю ваши ноги. Простите меня. Лучше я пойду въ монахини. Утѣшьте Чеко и *синьора*... Я буду молиться за него и за дѣтей. Отдайте имъ все мое добро. Кольцо возвратите Чеко....»

При чтеніи этихъ строкъ всѣ снова залились слезами. Дѣти, еще неодѣтыя, услышавши, что сестра ушла на-всегда, смѣшали крики свои съ плачемъ стариковъ и бѣгали по всему дому, зовя Граціеллу.

14.

Записка выпала изъ моихъ рукъ. Я хотѣлъ поднять ее — и увидѣлъ на полу, подъ моею дверью, увядшій гранатовый цвѣтокъ, которымъ любовался прошедшее воскресенье въ волосахъ Граціеллы, и маленькую медаль, которую она всегда носила на груди, и которую четыре мѣсяца тому назадъ приколола къ пологу моей кровати. Теперь я не сомнѣвался, что дверь моя дѣйствительно отворялась и затворялась ночью, и что слова и стоны, принятые мною за вой вѣтра, были дѣйствительно прощальные вопли бѣдной дѣвушки. Сухое мѣсто за дверью у входа въ мою комнату, ясно видимое среди окружающихъ его слѣдовъ дождя, доказывало, что она провела послѣдній часъ въ слезахъ на этомъ камнѣ. Я поднялъ цвѣтокъ и медаль и спряталъ ихъ у себя на груди.

Бѣдняки были тронуты, среди своего горя, моими слезами. Я утѣшалъ ихъ какъ могъ. Мы положили не говорить больше Граціеллѣ, если она найдется, о Чеко. Бѣдный Чеко, призванный Беппо, самъ первый принесъ себя въ жертву миру этого семейства. Какъ ни былъ онъ опечаленъ, однако находилъ сча-

стье уже въ томъ, что имя его было дружески помянуто въ запискѣ.

— Однако же она обо мнѣ думала, говорилъ онъ, отирая глаза. Мы тотчасъ же условились не отдыхать до тѣхъ поръ, пока не нападемъ на слѣдъ бѣглянки.

Отецъ и Чеко отправились по безчисленнымъ женскимъ монастырямъ города. Беппо и мать пошли къ молодымъ подругамъ Граціеллы, которымъ она могла по вѣроятности сообщить свой планъ. Я взялся обойти набережныя, пристани и ворота Неаполя и распросить стражей, капитановъ кораблей и моряковъ, не видѣли ли они молодой *прочиданки*, выходящей изъ города.

Утро прошло въ безполезныхъ поискахъ. Мы возвратились домой молчаливые и пасмурные, разсказали другъ другу свои похожденія и посовѣтовались, чтó дѣлать дальше. Никто, кромѣ дѣтей, не тронулъ и куска хлѣба. Андрей и жена его сѣли въ уныніи на порогъ комнаты Граціеллы. Беппино и Чеко пошли безъ надежды бродить по улицамъ и церквамъ, открытымъ для вечерняго богослуженія.

15.

Я вышелъ послѣ нихъ и пошелъ на-удачу по дорогѣ къ гроту Павзилиппа. Я прошелъ черезъ гротъ и дошелъ до моря, омывающаго островокъ Низиду.

Отсюда взоры мои обратились на Прочиду, бѣлѣющую на голубыхъ волнахъ. Мысли мои естественно перенеслись на этотъ островъ, къ тому времени, которое я провелъ тамъ съ Граціеллой. Я вспомнилъ, что у Граціеллы была тамъ подруга почти однихъ съ нею лѣтъ, дочь бѣднаго крестьянина сосѣда, и что эта дѣвушка ходила въ особенномъ костюмѣ, не похожемъ на одежду другихъ. Однажды я спросилъ ея о причинѣ этой разницы и получилъ въ отвѣтъ, что она монахиня, хотя и живетъ на свободѣ у родителей. Она показала мнѣ церковь своего монастыря. Ихъ было нѣсколько на островѣ, также какъ на Исхіи и по деревнямъ въ окрестностяхъ Неаполя.

Мнѣ пришло на мысль, что Граціелла, вздумавши посвятить ба Богу, отправилась можетъ быть къ этой подругѣ съ прось-

бою ввести ее въ тотъ же монастырь. Не теряя времени на размышленіе, я скорыми шагами пошелъ въ Пуццуоли, откуда всего ближе былъ переѣздъ въ Прочиду.

Меньше нежели черезъ часъ я былъ въ Пуццуоли. Я побѣжалъ на пристань и заплатилъ вдвое, лишь бы только меня взялись перевести на Прочиду подъ ночь, черезъ бурное море. Гребцы стащили барку. Я тоже вооружился парою веселъ. Мы съ трудомъ обогнули Мизенскій мысъ. Чересъ два часа мы причалили, и я уже шелъ одинъ, дрожа и запыхавшись, среди мрака и порывовъ зимняго вѣтра, по ступенямъ длиннаго всхода, ведущаго къ хижинѣ Андрея.

16.

Если Граціелла на островѣ, думалъ я, она вѣрно пришла прежде всего сюда, по естественному инстинкту, влекущему птицу къ гнѣзду и дитя къ отцовскому дому. Если ея уже нѣтъ здѣсь, какой-нибудь слѣдъ укажетъ мнѣ, что она тутъ была, и приведетъ можетъ быть къ ней. Если же я не найду ни ея, ни слѣдовъ, тогда все кончено: за ней затворились двери какой-нибудь живой гробницы.

Волнуемый этими мыслями, я ступилъ на послѣднюю ступень. Я зналъ, въ какой щели скалы спрятала старуха, уходя, ключъ отъ дома. Я раздвинулъ плющъ и полѣзъ туда рукою. Я искалъ ощупью ключа и боялся почувствовать прикосновеніе холоднаго желѣза; тогда не было бы никакой надежды.

Ключа тамъ не было. Я едва не вскрикнулъ отъ радости и молча вошелъ во дворъ. Двери и ставни были заперты. Слабый свѣтъ, выходившій изъ-подъ двери и дрожавшій на листьяхъ фигъ, говорилъ, что внутри дома горитъ лампа. Кто же, кромѣ нея, могъ найти ключъ, открыть дверь, зажечь лампу? Я не сомнѣвался, что Граціелла въ двухъ шагахъ отъ меня, и палъ на колѣни благодарить ангела, приведшаго меня сюда.

17.

Въ домѣ все было тихо. Я приложилъ ухо къ щели дверей, и мнѣ показалось, что кто-то какъ-будто дышетъ и плачетъ во

второй комнатѣ. Я покачнулъ дверь слегка, какъ-будто она шевельнулась отъ вѣтра; я хотѣлъ привлечь вниманіе Граціеллы мало-по-малу, и боялся убить ее, позвавши вдругъ. Дыханіе остановилось. Тогда я позвалъ Граціеллу, тихо и ласково, какъ только могъ. Слабый крикъ былъ мнѣ отвѣтомъ.

Я заклиналъ ее впустить друга, брата, который одинъ, ночью, по бурному морю, пришелъ за нею, ведомый добрымъ геніемъ, который принесъ ей прощеніе родныхъ, хочетъ похитить ее у отчаянья и возвратить ее дому, счастью и семейству.

— Боже! это онъ, это его голосъ! воскликнула она.

Я позвалъ ее еще нѣжнѣе: *Граціеллина*, — имя, которымъ называлъ ее иногда въ-шутку.

— *Да*, *да*, это онъ, я не ошиблась!

Я слышалъ, какъ она встала и зашелестѣли сухіе листья; она сдѣлала шагъ къ двери, но, отъ слабости или душевной тревоги, не могла двинуться дальше.

18.

Я не колебался долѣе; изо всей силы толкнулъ я дверь плечомъ; замокъ отскочилъ, и я вошелъ въ комнату.

Передъ образомъ Мадонны слабо горѣла лампада. Я бросился во вторую комнату, гдѣ слышалъ паденіе, и думалъ, что найду Граціеллу въ обморокѣ. Но она была въ памяти, только, лишенная силъ, упала на кучу листьевъ, служившихъ ей постелью, и смотрѣла на меня, сложа руки. Глаза ея, оживленные лихорадкою, сверкали какъ двѣ звѣзды въ небѣ.

Она силилась приподнять голову, но голова падала отъ слабости на листья, какъ надрубленная сѣкирой. Она была блѣдна какъ смерть, и только на скулахъ алѣли два розовыя пятна. Слезы и пыль испестрили ея бѣдную кожу. Черное платье ея сливалось съ бурымъ цвѣтомъ листьевъ, разбросанныхъ по полу. Босыя ноги ея, бѣлыя какъ мраморъ, свѣшивались съ постели и опирались на камень. Дрожь пробѣгала по ея тѣлу, и зубы стучали какъ кастаньеты въ рукѣ ребенка. Красный платокъ, окутывавшій обыкновенно ея прекрасныя косы, лежалъ на лбу, спускаясь до глазъ. Видно было, что она закрывала имъ, какъ преждевременнымъ саваномъ, лицо свое и слезы, и отки-

нула его, только услышавши мой голосъ и вставши отворить мнѣ дверь.

19.

Я сталъ возлѣ нея на колѣни; взялъ ея за холодныя руки; началъ грѣть ихъ моимъ дыханьемъ. Нѣсколько слезъ упали на нихъ изъ моихъ глазъ. По судорожному пожатію руки ея, я догадался, что она замѣтила этотъ дождь сердца и благодаритъ меня. Я снялъ свой плащъ и прикрылъ ей ноги.

Она только слѣдила за моими движеніями взоромъ счастливой, но не могла шевельнуться, какъ ребенокъ, котораго пеленаютъ и поворачиваютъ въ люлькѣ. Потомъ я развелъ огонь въ сосѣдней комнатѣ, возвратился и опять сѣлъ возлѣ нея.

«Какъ мнѣ хорошо! произнесла она тихимъ и ровнымъ голосомъ, какъ-будто въ опустѣвшей груди ея осталась только одна нота. Напрасно хотѣла я скрыть это отъ себя и отъ тебя. Я могу умереть, но не могу любить никого кромѣ тебя. Они хотѣли навязать мнѣ жениха; ты женихъ души моей! Я не отдамся никому въ мірѣ, потому-что мысленно отдалась уже тебѣ. Ты или Богъ! Этотъ обѣтъ произнесла я въ тотъ день, когда въ первый разъ поняла, что сердце мое больно тобою. Я знаю, что я бѣдная дѣвушка, недостойная коснуться даже ногъ твоихъ своею мыслью, и я никогда не требовала отъ тебя любви. Никогда не спрошу я, любишь ли ты меня. Но я люблю тебя, люблю, люблю!»

И въ этихъ трехъ словахъ сосредоточилась, казалось, вся душа ея.

«Теперь презирай меня, смѣйся надо мною! смѣйся какъ надъ сумасшедшей лохмотницей, воображающей, что она королева. Выставь меня на посмѣшище всему міру. Я сама скажу имъ: «да, я люблю его! Вы на моемъ мѣстѣ тоже полюбили бы его, или умерли!»

20.

Я сидѣлъ потупивши глаза, и не смѣлъ поднять ихъ, опасаясь, что взглядъ мой выскажетъ ей слишкомъ много или слишкомъ мало. Но я приподнялъ голову, которою прильнулъ-было

къ ея рукѣ и прошепталъ нѣсколько словъ. Она положила мнѣ на губы палецъ.

— Дай мнѣ высказать все. Теперь я довольна; я уже не сомнѣваюсь. Слушай: вчера, когда я бѣжала изъ дому, проведши ночь въ слезахъ у твоихъ дверей, когда я пришла сюда сквозь бурю, я не думала увидѣть тебя еще разъ. Завтра назарѣ я хотѣла вступить въ монастырь. Когда я ночью прибыла на островъ, я постучалась въ монастырскія ворота, но было уже поздно, и меня не впустили. Я пришла сюда переночевать и поцаловать на прощаньи стѣны отцовскаго дома, собираясь вступить въ могилу моего сердца. Я написала одной изъ подругъ моихъ, чтобы она пришла за мною завтра Я взяла ключъ, зажгла лампу, стала на колѣни передъ Мадонной и произнесла обѣтъ, послѣдній обѣтъ, обѣтъ надежды среди самого отчаянья. Если ты полюбишь, ты узнаешь, что въ сердцѣ всегда есть еще искра, когда думаешь, что все уже угасло. — Святая Заступница! сказала я, подай мнѣ знакъ моего призванія, увѣрь меня, что меня не обманываетъ любовь, и что я дѣйствительно посвящаю Богу жизнь, которая должна принадлежать исключительно ему.

«Вотъ послѣдняя ночь моей жизни между живыми. Никто не знаетъ, гдѣ я. Завтра придутъ можетъ быть сюда и не найдутъ меня. Если первая придетъ за мною подруга, которую я послала извѣстить, это будетъ знакомъ, что я должна исполнить мое намѣреніе, и я пойду за нею въ монастырь.»

«Но если онъ придетъ прежде нея! онъ, ведомый добрымъ геніемъ, придетъ остановить меня на краю другой жизни! о, это будетъ знакомъ, что я должна возвратиться и любить его до конца жизни!

«Сдѣлай такъ, чтобы пришелъ *онъ!* прибавила я. Соверши это чудо! приношу тебѣ за это въ даръ, что могу. Вотъ мои волосы, мои бѣдные длинные волосы, которые онъ такъ часто развязывалъ и распускалъ по вѣтру. Возьми ихъ; я даю ихъ тебѣ, я сама ихъ отрѣжу въ доказательство того, что ничего не оставляю себѣ. Все равно ихъ завтра срѣжутъ ножницы и отдѣлятъ меня отъ міра.

Она откинула лѣвою рукою платокъ, а правою взяла длинный пучокъ отрѣзанныхъ волосъ, лежавшій возлѣ нея, и показала его мнѣ.

— Мадонна совершила чудо! сказала она радостно. Она привела тебя. Я пойду куда ты хочешь. Волосы мои принадлежатъ ей, жизнь моя принадлежитъ тебѣ.

Я бросился на длинныя черныя косы, оставшіяся у меня въ рукахъ, какъ сломанная вѣтвь дерева. Я осыпалъ ихъ нѣмыми поцалуями, прижималъ къ сердцу, орошалъ слезами, какъ-будто готовился опустить въ могилу часть Граціеллы. Потомъ я взглянулъ на нее. Остриженная голова ея, казалось, была украшена жертвою и сіяла радостью. Это самоубійство красоты ради меня поразило меня въ самое сердце, и я палъ ницъ къ ея ногамъ. Я предчувствовалъ, что̀ значитъ полюбить, и принялъ это предчувствіе за любовь.

21.

Увы! то была неполная любовь, то была только тѣнь любви. Но я былъ слишкомъ молодъ и не могъ не обмануться. Я думалъ, что обожаю ее, какъ она того достойна. Я сказалъ ей это голосомъ искренности и страсти, проистекающимъ изъ сердечнаго движенія, уединенія ночи, отчаянья и слезъ. Она повѣрила, потому-что вѣра эта была для нея необходима, и потому-что собственная страсть ея могла пополнить недостатокъ страсти въ тысячѣ другихъ сердецъ.

Такъ прошла вся ночь, въ чистой и откровенной *бесѣдѣ* двухъ существъ, которыя разоблачаютъ другъ другу свою любовь, и желали бы, чтобы ночь и тишина продолжались вѣчно. Ея благочестіе и моя робость удаляли отъ насъ всякую опасность. Ничто̀ такъ не удаляетъ отъ сладострастія, какъ нѣжное чувство въ сердцѣ. Воспользоваться такою минутою, значило бы профанировать двѣ души.

Я держалъ ея руки въ моихъ. Я чувствовалъ, какъ въ нихъ воскресала жизнь. Я зачерпнулъ ей горстью воды, подкинулъ вѣтвей въ огонь и снова сѣлъ на камень возлѣ вязанки миртъ, служившей ей изголовьемъ, и снова слушалъ ея признаніе въ любви.

22.

Такъ прошла эта ночь, мелькнувшая для насъ какъ первый

вздохъ любви. День, казалось намъ, прервалъ насъ на первомъ словѣ.

Солнце было однако же уже высоко, когда лучи его проникли сквозь ставни и когда поблѣднѣла передъ нами лампада. Я отворилъ дверь и увидѣлъ все семейство рыбака, всходящее по ступенямъ.

Молодая монахиня въ Прочидѣ, подруга Граціеллы, получивши извѣстіе о намѣреніи ея вступить въ монастырь, догадалась, что къ этому привело ея отчаяніе, и послала брата сказать объ этомъ ея роднымъ. Узнавши такимъ образомъ, гдѣ она, они радостно бросились остановить ее на краю отчаянья и привести обратно домой.

Старуха бабушка бросилась у постели ея на колѣни и поставила передъ собою дѣтей, какъ-будто желая ими укрыться отъ упрековъ внучки. Дѣти съ крикомъ и слезами бросились въ объятія сестры. Она приподнялась, и платокъ, упавши съ головы ея, открылъ остриженный затылокъ. Зрители поняли смыслъ этого поступка и вздрогнули. Снова раздались рыданія. Монахиня, вошедшая въ эту минуту, успокоила всѣхъ; она подняла косы Граціеллы; она коснулась ими образа Мадонны, завернула ихъ въ бѣлый шолковый платокъ и положила въ передникъ старухѣ.

23.

Вечеромъ мы возвратились всѣ въ Неаполь. Рвеніе мое въ поискахъ Граціеллы удвоило привязанность ко мнѣ рыбака и жены его. Они не подозрѣвали сущности принимаемаго мною въ нѣй участія, ни ея ко мнѣ любви. Все упорство ея приписывали безобразію Чеко. Надѣялись, что время и разсудокъ убѣдятъ ее. Обѣщали не говорить ей больше о свадьбѣ. Чеко самъ просилъ отца не упоминать объ этомъ. Онъ просилъ у Граціеллы прощенія, что былъ причиною ея горя. Спокойствіе снова водворилось въ домѣ.

24.

Ничто не омрачало лица Граціеллы и моего счастья, кромѣ мысли, что рано или поздно отъѣздъ мой положитъ конецъ это-

му счастью. При имени Франціи она блѣднѣла, какъ-будто встрѣтилась со смертью. Однажды, возвратившись домой, я увидѣлъ, что всѣ мои городскія платья разорваны и разбросаны по полу.

— Прости меня, сказала Граціелла, бросаясь передо мною на колѣни. — Это я надѣлала бѣды. Не брани меня! Все, что̀ напоминаетъ мнѣ, что когда-нибудь ты долженъ будешь оставить платье моряка, терзаетъ меня. Мнѣ все кажется, что съ платьемъ ты перемѣнишь и сердце.

За исключеніемъ этихъ маленькихъ бурь, заражадаемыхъ теплотою чувства и разрѣшавшихся нѣсколькими слезами, три мѣсяца прошли въ воображаемомъ счастьи, которое не могло устоять противъ малѣйшей дѣйствительности. Нашъ рай былъ построенъ на облакѣ.

25.

Однажды вечеромъ, въ послѣднихъ числахъ мая, кто-то сильно постучался въ двери. Всѣ спали. Я пошелъ отворить. То былъ мой товарищъ В....

— Я пріѣхалъ за тобою, сказалъ онъ. — Вотъ письмо отъ твоей матери. Ты не станешь упрямиться. Я велѣлъ заготовить лошадей къ полуночи; теперь одиналцать часовъ. Поѣдемъ; иначе ты никогда не уѣдешь. Это убьетъ твою мать. Ты знаешь, какъ родственники сваливаютъ всѣ твои проступки на ея счетъ. Она не разъ жертвовала собою для тебя, пожертвуй же и ты собою для нея хоть разъ. Я даю тебѣ слово пріѣхать опять съ тобою сюда на другую зиму, но теперь надо ѣхать домой и повиноваться матери.

— Подожди меня здѣсь, сказалъ я.

Я возвратился въ комнату и кое-какъ побросалъ платье въ чемоданъ. Я написалъ къ Граціеллѣ все, что̀ только могло подсказать мнѣ двадцатилѣтнее сердце и умъ покорнаго сына. Я клялся ей, какъ клялся самому себѣ, что раньше четырехъ мѣсяцовъ буду опять здѣсь, и поручалъ нашу будущую участь Провидѣнію и любви. Я оставилъ ей мой кошелекъ, въ помощь старикамъ. Кончивши письмо, я тихонько подошелъ къ дверямъ ея комнаты, сталъ на колѣни, поцаловалъ порогъ и продвинулъ письмо подъ дверь.

Товарищъ поднялъ и увелъ меня. Въ эту минуту Грацiелла, встревоженная необыкновеннымъ шумомъ, отворила дверь. Луна освѣщала террасу. Грацiелла узнала моего товарища; она увидѣла вдали слугу, уносившаго мой чемоданъ. Она протянула руки, вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Мы бросились къ ней. Мы отнесли ее на постель. Всѣ сбѣжались. Брызнули ей въ лицо воды, но она очнулась только на мой голосъ.

— Ты видишь, сказалъ мой товарищъ: — она жива; ударъ нанесенъ. Долгое прощанье будетъ хуже.

Онъ отвелъ ея оледенѣвшiя руки отъ моей шеи и вывелъ меня вонъ. Черезъ часъ мы ѣхали, среди тьмы и безмолвiя, по дорогѣ въ Римъ.

26.

Въ письмѣ моемъ къ Грацiеллѣ оставилъ я нѣсколько адресовъ. Первое письмо отъ нея получилъ я въ Миланѣ. Она писала, что здорова тѣломъ, но больна сердцемъ, но что впрочемъ полагается на мое слово и ждетъ меня къ ноябрю.

Въ Лiонѣ я получилъ другое письмо, веселѣе. Въ немъ нашелъ я и нѣсколько листковъ красной гвоздики, росшей на террасѣ близь моей комнаты; Грацiелла писала, что у ней была лихорадка, что у нея болитъ сердце, но что съ каждымъ днемъ ей становится лучше; что ее послали для поправленiя здоровья къ одной изъ кузинъ ея, сестрѣ Чеко, на Вомеро, гору, возвышающуюся надъ Неаполемъ.

Потомъ мѣсяцовъ пять я не получалъ отъ нея писемъ. Я думалъ о ней ежедневно. Въ началѣ слѣдующей зимы я долженъ былъ опять ѣхать въ Италiю. Милый образъ Грацiеллы являлся мнѣ опять нѣжнымъ упрекомъ. Я былъ въ томъ возрастѣ, когда легкомысленность и подражательность заставляютъ человѣка стыдиться лучшихъ чувствъ своихъ, когда вихрь свѣта уноситъ лучшiе дары Бога еще неразцвѣтшими. Ироническое тщеславiе прiятелей боролось съ таившеюся въ моемъ сердцѣ страстью. Я не могъ назвать предмета моей любви не краснѣя и не подвергаясь тысячѣ насмѣшекъ. Но Грацiелла не была забыта. Воспоминанiе о ней, которое я питалъ тайно въ душѣ, преслѣдовало меня въ свѣтѣ какъ угрызенiе совѣсти. Какъ

краснѣю я теперь, что краснѣлъ тогда! Одна слеза ея стоила больше всѣхъ этихъ взглядовъ, улыбокъ и остротъ, которымъ я готовъ былъ принести въ жертву ея образъ. О, слишкомъ молодой человѣкъ не способенъ любить! онъ не знаетъ цѣны ничему! онъ узнаетъ истинное счастье только потерявши его.

Истинная любовь есть зрѣлый плодъ жизни. Въ двадцать лѣтъ ее не знаютъ, ее только воображаютъ. Въ растительномъ царствѣ съ появленіемъ плода опадаютъ листья. Тоже самое происходитъ можетъ быть и въ царствѣ человѣка. Мнѣ часто приходило это въ голову съ тѣхъ поръ, какъ начали появляться на ней сѣдые волосы. Я упрекалъ себя, что не умѣлъ тогда оцѣнить цвѣтка любви. Я былъ тщеславенъ, — это глупѣйшій изъ пороковъ, — онъ заставляетъ краснѣть за свое счастье.

27.

Однажды, въ началѣ ноября, я возвратился съ бала и нашелъ у себя письмо и пакетъ, привезенные какимъ-то путешественникомъ изъ Неаполя. Я съ трепетомъ развернулъ пакетъ; въ немъ было слѣдующее письмо Граціеллы: «докторъ говоритъ, что я не проживу дольше трехъ дней. Хочу проститься съ тобою, пока не лишилась еще силъ. О, если бы ты былъ здѣсь, я не умерла бы. Но такъ угодно Богу. Я буду говорить съ тобою съ высоты небесъ. Люби мою душу. Она всегда будетъ съ тобою. Оставляю тебѣ мои волосы, отрѣзанные когда-то ради тебя. Посвяти ихъ Богу въ какой-нибудь часовнѣ твоей родины, чтобы хоть часть меня была близь тебя.»

28.

Я пробылъ безъ движенія, съ этимъ письмомъ въ рукѣ, до утра. Тогда только нашелъ я силы развязать узелъ. Въ немъ была коса ея, и въ ней нашлось еще нѣсколько листочковъ, впутавшихся въ роковую ночь. Я исполнилъ ея послѣднее желаніе: съ этого дня тѣнь ея смерти омрачила мою молодость.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ я былъ въ Неаполѣ. Я искалъ слѣдовъ семьи рыбака. Ихъ не было ни въ Марджеллинѣ, ни въ

Прочидѣ. Домикъ на скалѣ острова развалился, и пастухи прятались тамъ съ козами во время дождя. Время стираетъ все съ лица земли, но оно не сотретъ изъ сердца слѣдовъ первой любви.

Бѣдная Граціелла! Много дней прошло съ тѣхъ поръ. Я любилъ, я былъ любимъ. Другіе лучи красоты озаряли мой мрачный путь. Но ничто не могло изгладить изъ моей памяти твоего образа. Чѣмъ больше я жилъ, тѣмъ больше я сближался въ мысляхъ съ тобою. Память о тебѣ похожа на огонь въ лодкѣ отца твоего: пространство освобождаетъ его отъ дыма, и она свѣтитъ, чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣе. Не знаю, гдѣ покоится прахъ твой и оплакиваетъ ли тебя кто-нибудь на родинѣ, но истинная гробница твоя въ моемъ сердцѣ. Имя твое никогда не звучитъ для меня напрасно. Изъ сердца моего постоянно падаютъ, капля за каплей, слезы и освѣжаютъ въ душѣ моей твою память.

1829.

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ИСТОРІЯ ГОРБУНА.

ГЛАВА I.

РОЖДЕНІЕ.

Воображеніе читателя должно перенестись въ эпоху отдаленную, къ событіямъ давно прошедшимъ, которыя бросятъ яркій свѣтъ на дѣйствія и судьбу многихъ лицъ нашей исторіи. Мы сожмемъ эти событія въ самую тѣсную рамку, не касаясь особенностей той эпохи, такъ-какъ нашъ романъ относится собственно къ времени гораздо позднѣйшему. Будетъ передано только самое существенное и необходимое.

Къ дѣлу!

Слишкомъ три четверти вѣка назадъ тому, въ одной изъ дальнихъ губерній Россіи, посреди лѣсовъ и необозримыхъ полей, на большой горѣ, стоялъ одинокій, неуклюжій и огромный каменный домъ. Стѣны его почернѣли, крыша мѣстами провалилась,

маленькій балконъ грозилъ каждую минуту обрушиться, — все представляло печальную картину запустѣнія. Заглохшій садъ, съ прихотливыми затѣями, разстилался на большое пространство и соединялся съ лѣсомъ. Не видно было дорожекъ: густо разросшіеся кусты акацій скрыли ихъ подъ своими сучьями, которые дружно переплелись на свободѣ. Бесѣдки, каскады превратились въ настоящіе руины; заборъ, отдѣлявшій садъ отъ лѣса, во многихъ мѣстахъ повалился, предоставляя свободный входъ каждому. Внутри дома, какъ и снаружи, — тоже запустѣніе; по пустымъ, огромнымъ заламъ съ хорами разгуливали крысы; ихъ пискъ, ихъ тяжелая поступь раздавались эхомъ по всему дому. Мебель, обезображенная молью, придавала пышнымъ хоромамъ жалкій видъ. Въ простѣнкахъ отъ полу до потолка висѣли запыленныя зеркала, тускло отражая въ себѣ картину тлѣнія. Большія картины въ массивныхъ рамахъ иныя попадали со стѣнъ и лежали на полу, другія висѣли бокомъ. Стеклянныя люстры, опушенныя пылью, уныло покачивали своими стеклышками отъ вѣтру, врывавшагося въ разбитыя стекла. Закутанныя въ холстъ огромныя вазы, стоявшія по угламъ залъ, походили на надгробныя изваянія.

Обширный дворъ, поросшій травою, былъ огороженъ со всѣхъ сторонъ заборомъ; мѣстами сквозь него виднѣлись почернѣлыя избушки дворни, а за людскими подъ горой, въ довольно большомъ разстояніи, чернѣлась сплошная масса избъ. Въ полуразвалившихся и почернѣлыхъ службахъ хранилось преданіе о барскомъ домѣ, нѣкогда кипѣвшемъ полною и роскошною жизнію. Но давно уже господа покинули его, а поселился въ пустынномъ домѣ, какъ разсказывала вся дворня отъ мала до велика, какой-то сердитый старикъ, съ заступомъ: онъ всюду рылся, отъискивая кладъ, и производилъ своимъ заступомъ страшный шумъ.

И много лѣтъ простоялъ въ запустѣніи старый домъ, тихо и незамѣтно проходила жизнь нѣсколькихъ поселившихся около него стариковъ и старухъ съ своими ребятишками.... Вдругъ все оживилось. Явился управляющій, стали полоть дворъ, въ домѣ началась чистка и починка; но скоро увидѣли, что для поправки всего дома требовались издержки огромныя. Запустѣлый домъ оставили въ прежнемъ покоѣ и рѣшились поправить только флигель, который впрочемъ былъ такъ обширенъ, что въ немъ

могло помѣстится не одно семейство. Надѣлали заплатъ и подпорокъ, разчистили нѣсколько саженъ сада передъ окнами, отдѣливъ остальное заборомъ, и стали ждать господина, котораго не видали уже нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Онъ не замедлилъ пріѣхать и былъ встрѣченъ радостными криками.

Григорій Петровичъ Бранчевскій (такъ его звали) былъ уже среднихъ лѣтъ, высокъ, полонъ, съ угрюмымъ, но добрымъ лицомъ. Вотчины у него были обширныя; его знали и уважали во всей губерніи. Онъ служилъ при дворѣ, и подобно своему отцу, никогда не велъ счета ни своимъ доходамъ, ни долгамъ. Получивъ отцовское наслѣдіе съ достаточнымъ долгомъ, онъ не только не уплатилъ его, но удесятерилъ. Наконецъ явилась необходимость умѣрить расходы. По самолюбію и тщеславію, онъ не хотѣлъ сдѣлать этого въ столицѣ, и рѣшился лучше удалиться въ деревню, чтобъ собраться съ силами и зажить по прежнему.

Многочисленная праздная дворня ожила; клеветы, сплетни, разныя мелкія козни одушевили людскія, такъ долго жившія самой бѣдной и сонной жизнью. Комнатные лакеи гордо расхаживали по двору и съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ остальныхъ собратовъ. Зависть поселяла раздоръ въ семействахъ. Предметомъ всеобщей зависти была въ особенности красивая дочь старика дворецкаго — Наталья. Ситцевое новое платье, серьги, бусы, появлявшіяся на ней, порождали страшную злобу въ людскихъ, преимущественно между женскимъ поломъ. Имя Натальи иначе не произносилось, какъ съ бранными прибавленіями, но только втихомолку: въ глаза всѣ льстили ей, зная, какое вліяніе могла имѣть она на своего отца. Скоро явился новый поводъ къ толкамъ, а потомъ и къ зависти: у Натальи родился сынъ, который тотчасъ какъ немного подросъ, получилъ право бѣгать по барскимъ комнатамъ. Житье Натальѣ было привольное; но не въ-прокъ оно шло ей! Жажда власти, ежеминутный страхъ потерять ее, не давали ей покою ни днемъ, ни ночью: она даже имѣла шпіоновъ, которые доносили ей все, что говорилось и дѣлалось въ застольной, гдѣ во время обѣда и ужина толкамъ о господахъ не было конца.

Вдругъ дворня повеселѣла; лакеи и горничныя шепчутся, старику дворецкому за спиной дѣлаютъ гримасы

бранятъ Наталью. Причина общей веселости и смѣлости заключалась въ томъ, что баринъ, прежде сидѣвшій дома, сталъ каждый день ѣздить къ своей сосѣдкѣ по имѣнію, дѣвицѣ лѣтъ подъ тридцать, круглой сиротѣ, съ огромнымъ состояніемъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, Наталья стояла подъ вѣнцомъ съ Антономъ буфетчикомъ. Несмотря на шолковое платье, невѣста горько рыдала; вся дворня, даже многіе крестьяне присутствовали при церемоніи. Наталья не подымала глазъ съ полу, ее била лихорадка. Буфетчикъ Антонъ занялъ мѣсто своего тестя, а старика дворецкаго сдѣлали помощникомъ управляющаго.

Проницательная дворня чего-то ждала, и не ошиблась. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцовъ въ домѣ поднялась страшная суматоха: сундуки вытаскивали изъ кладовыхъ, провѣтривали бѣлье, выколачивали мебель, перины и подушки, чистили серебро, выносили и поправляли мебель изъ огромныхъ необитаемыхъ залъ. Тюки привозили съ почты; гонцы скакали въ городъ за разными покупками. Съ утра до ночи стучали столяры и плотники, ковали кузнецы, занятые починкой экипажей; все суетилось и работало. Можетъ быть въ первый разъ, послѣ долгой праздности, дворня была занята; смѣхъ, болтовня смѣшивались съ криками управляющаго и разносились по пустому дому. Все ожило.

Наконецъ насталъ день свадьбы; старое полуразрушенное зданіе затрепетало отъ подъѣзжающихъ экипажей. Весь флигель ярко горѣлъ, рѣзко отдѣляясь отъ мрачнаго дома и бросая на него странныя тѣни. Гулъ музыки, говоръ людей на дворѣ, ржаніе лошадей приводили въ страхъ, привыкшихъ въ тишинѣ. Часть прислуги озабоченно суетилась и перебѣгала по двору; остальные облѣпили окна любуясь новой госпожей. Крестьяне бродили вдали около дома, уставленнаго плошками, останавливались группами, перекидывались отрывистыми замѣчаніями и расходились; дѣти плясали около плошекъ, при чемъ ихъ бѣлые всклокоченные волосы и грязныя рубашонки свободно развѣвались; ихъ звонкій крикъ далеко разносился по пустыннымъ полямъ.

Посреди всеобщаго веселья, въ небольшой комнатѣ, освѣщенной одной лампадой, висѣвшей у образовъ, на постели сидѣла Наталья, жена дворецкаго, утонувъ въ пуховикахъ: она

тоскливо прижимала къ своей груди спящаго сына, глядѣла по временамъ на образъ, шевелила засохшими губами, и слезы ручьями текли по ея блѣднымъ и впалымъ щекамъ.

Музыка грянула громче, огни какъ-будто ярче вспыхнули, радостные крики гостей потрясли домъ: поздравляли молодыхъ!

Три дня праздновали свадьбу. Наконецъ пиры кончились. Прошелъ и медовый мѣсяцъ. Молодая барыня вошла въ права хозяйки дома и тотчасъ же обнаружила замѣчательную силу характера. Она потребовала счеты, стала повѣрять расходъ и приходъ, каждый день бранилась съ управляющимъ и скоро все было повернуто на другую ногу: кто бывалъ первый, опять сдѣлался послѣднимъ, и наоборотъ.

Строгая наружность Александры Степановны также вовлекли молодую барыню, ростъ слишкомъ высокій для женщины, гордая поступь и взглядъ. — все въ ней [illegible] невольное смущеніе. Рожденная въ богатствѣ, [illegible] избалованная своими родителями, она [illegible] характеръ [illegible]столюбивый, и оттого никакъ [illegible] достойнаго мужа. Богатые женихи, [illegible] характеръ, не льстились ея богатствомъ; а [illegible] думать о такой гордой невѣстѣ. Наконецъ [illegible] не побоялся невѣсты, [illegible] суровому характеру, сколько и ея богатству [illegible] себя, потому-что также имѣлъ характеръ [illegible] не расчелъ, что въ [illegible] твердымъ характеромъ [illegible] конецъ опытъ доказалъ [illegible] нулъ рукой и далъ женѣ [illegible] дался охотѣ и проводилъ [illegible] жемъ полѣ.

Бранчевская набрала [illegible] за дѣвичьей вѣрила [illegible] бывшей своей нянькѣ. [illegible] людскихъ она бранила [illegible] барынѣ, кто что [illegible] Антона сѣѣли: [illegible] Петрушу. Бѣдный Антонъ [illegible] съ горя предался [illegible] Вдова его Наталья съ [illegible]

вичьей ее послали въ прачечную, потомъ нашли, что она не способна мыть хорошее бѣлье, и сослали ее въ другую прачечную, людскую. Непримиримая вражда къ Матренѣ закипѣла въ ней; она не давала покою злой старухѣ, только одна изъ всей дворни отваживаясь противорѣчить ей и бранить ее. Дворня нарочно старалась разжечь досаду Натальи, а потомъ смѣялась надъ бѣдной женщиной, въ угоду ея врагу. Матрена грозилась извести Наталью. Имъ было тѣсно жить вмѣстѣ. Злая старушонка не пропускала случая ударить или ущипнуть сына Натальи, которая въ такія минуты выходила изъ себя и кидалась защищать ребенка.

Разъ Наталья стирала, а сынъ ея игралъ подъ окномъ; вдругъ раздался его плачъ; мать кинулась къ нему, цаловала его, обнимала и упрашивала сказать, о чемъ плачетъ; ребенокъ назвалъ обидчицу. У Натальи кровь бросилась въ голову, она чуть не задохнулась отъ злобы. Матрена, всюду Матрена ее тѣснила! Наталья, какъ безумная, кинулась бѣжать по двору, завидѣвъ свою притѣснительницу; Матрена укрылась въ дѣвичью, думая, что прачка не посмѣетъ притти туда; но Наталья забыла приказаніе барыни не являться на порогъ ея дома; она вбѣжала въ комнату и, завидѣвъ Матрену, кинулась къ ней и закричала:

— Ты ударила моего сына?

— Я! отвѣчала Матрена, подбоченясь и съ наглостью глядя на ошеломленную Наталью. — Ну, я ударила! велика важность твой щенокъ; я его не такъ еще оттаскаю, — вотъ что́, да.... поддразнивая хорохорилась Матрена.

Наталья вся дрожала, гнѣвъ душилъ ее, и она едва слышно спросила:

— А какъ ты смѣла его ударить?

— Вотъ тебѣ на!... да я и тебя по рожѣ ударю, если ты будешь здѣсь орать. Очнись! что́ буркулы-то вытаращила? Вспомни, гдѣ ты!

Дѣвушки начали пересмѣиваться между собою. Наталья схватила себя за грудь такъ сильно, что полинялое ея платье затрещало. Она бросала отчаянные взгляды на смѣющихся дѣвушекъ, потомъ вдругъ кинулась къ Матренѣ, ударила е[illegible] цо и закричала:

— Нѣтъ, извини, я прежде тебя побью!

Дикій плачъ наполнилъ дѣвичью; присутствующіе поблѣднѣли и начали уговаривать Матрену, но та только сильнѣе ревѣла.

— Бѣги, скорѣе бѣги! говорили испуганныя дѣвушки, но разгоряченная Наталья все забыла: она наслаждалась побѣдой и высчитывала козни Матрены.

— Барыня, барыня! въ ужасѣ повторило нѣсколько голосовъ.

Одна изъ дѣвушекъ силой вытолкнула Наталью за дверь.

Барыня вошла въ дѣвичью.

— Чтó за крикъ? грозно спросила она, озирая комнату.

Матрена повалилась ей въ ноги и жаловалась на Наталью.

За безпорядокъ, произведенный въ домѣ, Наталью послали полоть гряды и исполнять самыя черныя работы.

Бранчевскій не зналъ ничего, чтó дѣлалось въ домѣ; его занимали только собаки и лошади.

Вѣтры и дожди осенніе обнажили лѣса, превратили безконечныя поля въ черные пласты грязи, обведенные лужами.

Небо сѣрое, мутное; то мелкій, то крупный дождь; пронзительно воющій вѣтеръ.... Наконецъ унылая картина быстро измѣнилась. Осень, будто устыдясь собственныхъ дѣлъ, въ одну ночь покрыла обнаженные лѣса и поля легкимъ пушистымъ снѣгомъ.

Было пять часовъ утра; мелкій снѣгъ продолжалъ порошить, какъ-будто спѣша застлать бѣлой скатертью и остатки голой земли, рядами чернѣвшіе среди полей Женщина въ полушубкѣ бѣжала по опушкѣ лѣса, заботливо окутывая овчиной полусоннаго трехъ-лѣтняго ребенка, наконецъ повернула въ кусты и остановилась подъ защитой трехъ елей, сохранившихъ свою зелень среди общей обнаженности. Она поминутно выглядывала изъ своей засады, наклонялась къ землѣ, и прислушивалась.

Ребенокъ плакалъ, и тогда она приходила въ отчаяніе, грозила ему, зажимала ротъ, убаюкивала....

Вдали на бѣломъ снѣгу что-то зачернѣло; женщина встрепенулась, приподнялась на цыпочки и вся дрожа напрягла зрѣніе. Невдалекѣ показался ... казацкой
лошади; онъ былъ ... скаго
кунтуша; трехъуго... дви-
нута почти на са... ва-

ну, рогъ висѣлъ на его широкой груди, за плечами было ружье. Четыре борзыя собаки [illegible] бѣжали за его широкой лошадью.

Онъ ѣхалъ задумчиво: [illegible] и усахъ придавалъ ему старческій видъ.

За нимъ, въ почтительномъ разстояніи, слѣдовалъ стремянный.

Поровнявшись съ тремя елями, лошадь Бранчевскаго фыркнула и кинулась въ сторону: Бранчевскій чуть не упалъ. Въ ту же минуту женщина съ ребенкомъ выскочила изъ-за одного дерева и кинулась подъ ноги лошади. Бранчевскій поворотилъ и сдержавъ лошадь, строго спросилъ:

— Что такое?

— Защитите сироту! [illegible] женщина и подняла кверху ребенка, который захныкалъ и спряталъ лицо свое на плечо ея.

— Отъ кого защитить? мрачно спросилъ Бранчевскій.

— Матрена заѣла меня и сироту моего. Защитите, батюшка!...

И женщина снова упала въ ноги ему и зарыдала.

— Встань! повелительно сказалъ Бранчевскій и оборотившись крикнулъ: — эй!

Стремянный подскакалъ.

— Возьми сына у Натальи и отвези домой. Да осторожнѣй! потомъ воротись ко мнѣ. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Натальѣ: — иди домой, я все разузнаю.

И онъ рысью поѣхалъ по опушкѣ лѣса.

Наталья утерла слезы, нѣжно поцаловала сына и подала его стремянному.

— Митя, голубчикъ, не урони его!

— Небось! отвѣчалъ стремянный, усаживая ребенка на сѣдло. — Ну, что? прибавилъ онъ таинственно: — сердился?

— Кажись нѣтъ: я, говоритъ, разузнаю.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, давно бы такъ!

И стремянный шажкомъ поѣхалъ домой, а Наталья бѣжала [illegible] и переговаривалась, пересмѣивалась съ своимъ сыномъ, который гордо поглядывалъ на мать, держась своими маленькими ручками за поводья лошади.

[illegible] охотниковъ встрѣтила ихъ.

— Что̀, братъ, Митрей, зайца, что́ ли, затравили вы? спросилъ одинъ.

— Нѣтъ, братцы, старую ворону Матрену доѣхали! отвѣчалъ стремянный и приподнялъ ребенка надъ головой.

Въ толпѣ раздался хохотъ.

Воротясь съ охоты, Бранчевскій потребовалъ къ себѣ управляющаго и далъ приказъ ежемѣсячно выдавать харчи и одежду вдовѣ и сыну дворецкаго Антона. На другое утро онъ пожелалъ видѣть сына Натальи. Мальчикъ былъ красивый и умный, мать умыла его, одѣла и перекрестивъ пустила въ барскіе покои. Бранчевскій поласкалъ его и далъ ему синюю ассигнацію.

Матрена чуть не умерла съ досады.

— Что́ это за вольность такая... безпокоить его милость! говорила она въ негодованіи. — Точно съ барскимъ дитятей нянчится! погоди ты у меня, ужь обрѣжутъ тебѣ крылья!

Матрена каждый вечеръ имѣла доступъ къ Бранчевской. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она подобострастно стояла въ спальней у кровати своей барыни, лежавшей уже въ ночномъ костюмѣ, и тараторила:

— Вчужѣ сердце перевертывается, что́ это за народъ такой сталъ нынче нашъ братъ! И то нехорошо, и то неладно! Фу ты, Господи! рожна, что́ ли, вамъ? въ негодованіи сказала Матрена; глаза ея отуманились, и она продолжала слезливымъ голосомъ:—Лебедушка вы моя, разкрасавица, мое дитятко, вѣдь я все вижу, вѣдь я плачу, плачу, да что̀ станешь дѣлать? Я вамъ скажу, моя барыня-сударыня, что ей ровнаго нѣтъ, вотъ какъ высоко носъ деретъ, и виданное ли дѣло — холопское дитя въ горницу пускать! Вчера, прибавила Матрена, наклонясь ближе къ кровати и понизивъ голосъ:—вчера опять изволили дать красную.

Бранчевская быстро приподнялась, поправила подушку и снова легла.

Долго шли разсказы и распросы; Матрена какъ соловей заливалась. Наконецъ Бранчевская начала зѣвать, тогда Матрена стала на колѣни и жалобно пропищала:

— Матушка, родная моя!

— Что́ тебѣ? спросила барыня.

— Позвольте моему племяннику жениться на Оксюткѣ, родимая!

вичьей ее послали въ прачечную, потомъ нашли, что она не способна мыть хорошее бѣлье, и сослали ее въ другую прачечную, людскую. Непримиримая вражда къ Матренѣ закипѣла въ ней; она не давала покою злой старухѣ, только одна изъ всей дворни отваживаясь противорѣчить ей и бранить ее. Дворня нарочно старалась разжечь досаду Натальи, а потомъ смѣялась надъ бѣдной женщиной, въ угоду ея врагу. Матрена грозилась извести Наталью. Имъ было тѣсно жить вмѣстѣ. Злая старушонка не пропускала случая ударить или ущипнуть сына Натальи, которая въ такія минуты выходила изъ себя и кидалась защищать ребенка.

Разъ Наталья стирала, а сынъ ея игралъ подъ окномъ; вдругъ раздался его плачъ; мать кинулась къ нему, цаловала его, обнимала и упрашивала сказать, о чемъ плачетъ; ребенокъ назвалъ обидчицу. У Натальи кровь бросилась въ голову, она чуть не задохнулась отъ злобы. Матрена, всюду Матрена ее тѣснила! Наталья, какъ безумная, кинулась бѣжать по двору, завидѣвъ свою притѣснительницу; Матрена укрылась въ дѣвичью, думая, что прачка не посмѣетъ притти туда; но Наталья забыла приказаніе барыни не являться на порогъ ея дома; она вбѣжала въ комнату и, завидѣвъ Матрену, кинулась къ ней и закричала:

— Ты ударила моего сына?

— Я! отвѣчала Матрена, подбоченясь и съ наглостью глядя на ошеломленную Наталью. — Ну, я ударила! велика важность твой щенокъ; я его не такъ еще оттаскаю, — вотъ что́, да.... поддразнивая хорохорилась Матрена.

Наталья вся дрожала, гнѣвъ душилъ ее, и она едва слышно спросила:

— А какъ ты смѣла его ударить?

— Вотъ тебѣ на!... да я и тебя по рожѣ ударю, если ты будешь здѣсь орать. Очнись! что́ буркулы-то вытаращила? Вспомни, гдѣ ты!

Дѣвушки начали пересмѣиваться между собою. Наталья схватила себя за грудь такъ сильно, что полинялое ея платье затрещало. Она бросала отчаянные взгляды на смѣющихся дѣвушекъ, потомъ вдругъ кинулась къ Матренѣ, ударила ее въ лицо и закричала:

— Нѣтъ, извини, я прежде тебя побью!

Дикій плачъ наполнилъ дѣвичью; присутствующія [illegible] нѣли и начали уговаривать Матрену, но та только сильнѣе [illegible] вѣла.

— Бѣги, скорѣе бѣги! говорили испуганныя дѣвушки, но разгоряченная Наталья все забыла: она наслаждалась побѣдой и высчитывала козни Матрены.

— Барыня, барыня! въ ужасѣ повторило нѣсколько голосовъ.

Одна изъ дѣвушекъ силой вытолкнула Наталью за дверь.

Барыня вошла въ дѣвичью.

— Что́ за крикъ? грозно спросила она, озирая комнату.

Матрена повалилась ей въ ноги и жаловалась на Наталью.

За безпорядокъ, произведенный въ домѣ, Наталью [illegible] полоть гряды и исполнять самыя черныя работы.

Бранчевскій не зналъ ничего, что́ дѣлалось въ домѣ; его занимали только собаки и лошади.

Вѣтры и дожди осенніе обнажили лѣса, превратили безконечныя поля въ черные пласты грязи, обведенные лужами.

Небо сѣрое, мутное; то мелкій, то крупный дождь; пронзительно воющій вѣтеръ.... Наконецъ унылая картина быстро измѣнилась. Осень, будто устыдясь собственныхъ дѣлъ, въ одну ночь покрыла обнаженные лѣса и поля легкимъ пушистымъ снѣгомъ.

Было пять часовъ утра; мелкій снѣгъ продолжалъ порошить, какъ-будто спѣша застлать бѣлой скатертью и остатки голой земли, рядами чернѣвшіе среди полей. Женщина въ полушубкѣ бѣжала по опушкѣ лѣса, заботливо окутывая овчиной полусоннаго трехъ-лѣтняго ребенка, наконецъ повернула въ кусты и остановилась подъ защитой трехъ елей, сохранившихъ свою зелень среди общей обнаженности. Она поминутно выглядывала изъ своей засады, наклонялась къ землѣ, и прислушивалась.

Ребенокъ плакалъ, и тогда она приходила въ отчаяніе, грозила ему, зажимала ротъ, убаюкивала....

Вдали на бѣломъ снѣгу что-то зачернѣло; женщина встрепенулась, приподнялась на цыпочки и вся дрожа напрягла зрѣніе. Невдалекѣ показался Бранчевскій верхомъ на казанской лошади; онъ былъ въ охотничьемъ платьѣ, въ родѣ польскаго кунтуша; трехъугольная шапка, опушенная мѣхомъ, была надвинута почти на самыя его брови; ружье было перекинуто на спи-

ну, рогъ висѣлъ на его широкой груди, за плечами было ружье. Четыре борзыя собаки дружно бѣжали за его вороной лошадью.

Онъ ѣхалъ задумчиво; снѣгъ на вискахъ и усахъ придавалъ ему старческій видъ.

За нимъ, въ почтительномъ разстояніи, слѣдовалъ стремянный.

Поровнявшись съ тремя елями, лошадь Бранчевскаго фыркнула и кинулась въ сторону; Бранчевскій чуть не упалъ. Въ ту же минуту женщина съ ребенкомъ выскочила изъ-за одного дерева и кинулась подъ ноги лошади. Бранчевскій вздрогнулъ и, сдержавъ лошадь, строго спросилъ:

— Что такое?

— Защитите сироту! завопила женщина и подняла кверху ребенка, который захныкалъ и спряталъ лицо свое на плечо ея.

— Отъ кого защитить? мрачно спросилъ Бранчевскій.

— Матрена заѣла меня и сироту моего. Защитите, батюшка!...

И женщина снова упала въ ноги ему и зарыдала.

— Встань! повелительно сказалъ Бранчевскій и обернувшись крикнулъ: — эй!

Стремянный подскакалъ.

— Возьми сына у Натальи и отвези домой, да осторожнѣй! потомъ воротись ко мнѣ. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Натальѣ: — иди домой, я все разузнаю.

И онъ рысью поѣхалъ по опушкѣ лѣса.

Наталья отерла слезы, нѣжно поцаловала сына и подала его стремянному.

— Митя, голубчикъ, не урони его!

— Небось! отвѣчалъ стремянный, усаживая ребенка на сѣдло. — Ну, что̀? прибавилъ онъ таинственно: — сердился?

— Кажись нѣтъ: я, говоритъ, разузнаю.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, давно бы такъ!

И стремянный шажкомъ поѣхалъ домой, а Наталья бѣжала за нимъ и переговаривалась, пересмѣивалась съ своимъ сыномъ, который гордо поглядывалъ на мать, держась своими маленькими руками за поводья лошади.

Толпа охотниковъ встрѣтила ихъ.

— Что̀, братъ, Митрей, зайца, что̀ ли, затравили вы? спросилъ одинъ.

— Нѣтъ, братцы, старую ворону Матрену доѣхали! отвѣчалъ стремянный и приподнялъ ребенка надъ головой.

Въ толпѣ раздался хохотъ.

Воротясь съ охоты, Бранчевскій потребовалъ къ себѣ управляющаго и далъ приказъ ежемѣсячно выдавать харчи и одежду вдовѣ и сыну дворецкаго Антона. На другое утро онъ пожелалъ видѣть сына Натальи. Мальчикъ былъ красивый и умный, мать умыла его, одѣла и перекрестивъ пустила въ барскіе покои. Бранчевскій поласкалъ его и далъ ему синюю ассигнацію.

Матрена чуть не умерла съ досады.

— Что̀ это за вольность такая... безпокоить его милость! говорила она въ негодованіи. — Точно съ барскимъ дитятей нянчится! погоди ты у меня, ужь обрѣжутъ тебѣ крылья!

Матрена каждый вечеръ имѣла доступъ къ Бранчевской. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она подобострастно стояла въ спальней у кровати своей барыни, лежавшей уже въ ночномъ костюмѣ, и тараторила:

— Вчужѣ сердце перевертывается, что̀ это за народъ такой сталъ нынче нашъ братъ! И то нехорошо, и то неладно! Фу ты, Господи! рожна, что̀ ли, вамъ? въ негодованіи сказала Матрена; глаза ея отуманились, и она продолжала слезливымъ голосомъ:—Лебедушка вы моя, разкрасавица, мое дитятко, вѣдь я все вижу, вѣдь я плачу, плачу, да что̀ станешь дѣлать? Я вамъ скажу, моя барыня-сударыня, что ей ровнаго нѣтъ, вотъ какъ высоко носъ деретъ, и виданное ли дѣло — холопское дитя въ горницу пускать! Вчера, прибавила Матрена, наклонясь ближе къ кровати и понизивъ голосъ:—вчера опять изволили дать красную.

Бранчевская быстро приподнялась, поправила подушку и снова легла.

Долго шли разсказы и распросы; Матрена какъ соловей заливалась. Наконецъ Бранчевская начала зѣвать, тогда Матрена стала на колѣни и жалобно пропищала:

— Матушка, родная моя!

— Что̀ тебѣ? спросила барыня.

— Позвольте моему племяннику жениться на Оксюткѣ, родимая!

И Матрена стукнулась лбомъ объ полъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ужь разъ сказала, что изъ дѣвичьей не позволю, грозно отвѣчала Бранчевская.

Матрена поднялась, тяжело вздохнула и раболѣпно сложила руки

— Иди!

Матрена перекрестила свою госпожу на воздухъ и на цыпочкахъ вышла изъ спальни.

Сынъ Натальи все чаще и чаще былъ призываемъ въ комнаты. Бранчевскій шутилъ съ нимъ и даже ласкалъ его; въ комнатахъ звали ребенка Бóрей, а въ людскихъ Борькой. Вдругъ стали пропадать вещи изъ комнатъ; Бранчевская подняла шумъ и требовала удаленія Борьки; но Бранчевскій возразилъ, что ребенокъ слишкомъ еще малъ для воровства. Однажды со стола исчезли карманные часы, Бранчевская сдѣлала обыскъ всей дворнѣ. Матрена стонала и охала, что дожила до такого сраму; притащила свой сундукъ и высыпала все свое тряпье у барскихъ оконъ, приговаривая: пусть увидятъ, что у меня крохи нѣтъ барскаго!

Черезъ нѣсколько дней, въ то время, какъ господа сидѣли за столомъ, вдругъ вбѣжала Матрена — съ часами въ рукахъ, и задыхаясь разсказала, что нашла ихъ у Борьки въ карманѣ. Бранчевскій выслушалъ недовѣрчиво и покачалъ головой; но его жена возмутилась и потребовала Борьку къ допросу. Матрена, крестясь, побѣжала за нимъ. Борька, ничего не подозрѣвая, игралъ у крыльца съ дворовыми дѣтьми, какъ вдругъ Матрена схватила его и потащила, крича:

— Ага! воръ ты этакой! осрамилъ-было всѣхъ передъ господами!

И Матрена ущипнула его. Борька всегда ненавидѣлъ Матрену, и ея угрозы такъ испугали его, что онъ началъ кричать и биться въ ея рукахъ. Матрена зажимала ему ротъ и все тащила его наверхъ по лѣстницѣ. Борька билъ ногами и силился высвободиться изъ костлявыхъ рукъ старухи. Вдругъ Матрена, взошедши почти на верхъ лѣстницы, оступилась и упала, Борька съ дикимъ крикомъ покатился внизъ головой по каменной лѣстницѣ. Матрена застонала, люди, бѣгавшіе съ блюдами пособили ей привстать, а ребенка, потерявшаго чувство, отнесли къ ма-

тери. Матрена, счастливо избѣгнувшая ушиба, кинулась въ ноги господамъ и просила прощенія за свою неосторожность.

Къ ребенку была послана костоправка. Страшно было видѣть несчастную мать надъ безчувственнымъ сыномъ, она рвала на себѣ волосы, ломала руки и выла какъ сумасшедшая.

Нѣсколько мѣсяцовъ Борька былъ боленъ; но заботы матери мало-по-малу возстановили его силы. Только постоянная блѣдность и болѣзненность остались въ его лицѣ; онъ почти не росъ, въ немъ стала замѣтна сутулость.

Черезъ годъ у Борьки началъ формироваться горбъ.

ГЛАВА II.

СИРОТА.

У Бранчевскихъ родился сынъ, — Борьку совершенно забыли. Воротиться въ столицу Бранчевскій уже и не думалъ. Къ флигелю надѣлали пристроекъ, такъ-что онъ сталъ походить на отдѣльный домъ; маленькій садъ разчистили, испестривъ дорожками и цвѣтниками....

А старый домъ все больше гнилъ, старый садъ все больше глохъ.

Старожилы дворни разсказывали своимъ дѣтямъ, будто господа потому не живутъ въ старомъ домѣ, что боятся старика съ заступомъ. Дѣдъ Бранчевскаго, говорили они, по какому-то договору уступилъ домъ во владѣніе старику, и таинственный старикъ грозился обрушить несчастье на того, кто осмѣлится поселиться въ его владѣнія.

Никто изъ дѣтей не рѣшался бѣгать въ старый домъ, гулять по старому саду, кромѣ Борьки. Борька прятался туда отъ злыхъ насмѣшекъ своихъ товарищей; изъ веселаго мальчика онъ давно уже превратился въ угрюмаго и злого. Онъ не могъ скоро бѣгать и не принималъ участья въ играхъ, а садился куда-нибудь въ темный уголъ и оттуда слѣдилъ за товарищами. И только тогда смѣялся онъ, если кто-нибудь упадетъ и ушибется или когда завяжется драка. По мѣрѣ того, какъ подросталъ Борька, рѣзче и рѣзче выказывались въ немъ ожесточеніе, дикость и злоба ко всѣмъ. Онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, бѣгая въ по-

кинутомъ саду. Тамъ открылъ онъ множество дорожекъ подъ разросшимися кустами. Медленно прохаживался горбатый мальчикъ по этимъ дорожкамъ, передразнивая походку старшихъ: это было его любимое занятіе. Неописанное наслажденіе находилъ онъ, забравшись на чердакъ пустого дома и спрятавшись тамъ, тихонько бросать камешками въ играющихъ дѣтей, которыя съ ужасомъ разбѣгались, повторяя: «старикъ, старикъ!»

Борька важно прохаживался по заламъ, гордо отдыхалъ на креслахъ, обезображенныхъ молью, иногда протиралъ пыльное зеркало и долго разглядывалъ свой горбъ. Онъ дѣлалъ западни крысамъ, раззорялъ птичьи гнѣзда, бросалъ мухъ на съѣденіе паукамъ и съ наслажденіемъ прислушивался къ ихъ тоскливому жужжанью. Такъ проводилъ свои дни Борька въ пустомъ домѣ.

Мать лежала больная. Она сердилась на сына за его холодность къ ней, за его угрюмость и злобу; а Борька всякой разъ повторялъ:

— А зачѣмъ я съ горбомъ родился?

Мать плакала, божилась, что злые люди изъ зависти погубили его. Тогда Борька сжималъ кулаки и ворчалъ сквозь зубы:

— Ужь я имъ, какъ выросту!...

Наталья все больше и больше слабѣла, она чувствовала приближеніе смерти и упрашивала своего сына не отлучаться отъ нея.

— Дай мнѣ насмотрѣться на тебя, мой соколикъ, касатикъ ты мой! Не дай своей родной матери умереть на чужихъ рукахъ, плача говорила ему мать.

Борькѣ было уже десять лѣтъ: онъ тронулся мольбами своей больной матери и почти не отходилъ отъ ея кровати. Изба была душная и мрачная, стоны да оханья Натальи иногда наводили такой страхъ на Борьку, что онъ кидался въ пустой садъ и, оббѣжавъ его, возвращался съ новымъ запасомъ терпѣнія.

Мать же, стараясь удержать при себѣ сына, слабымъ голосомъ разсказывала ему нелѣпыя и страшныя сказки, а когда сказки истощились, перешла къ самой себѣ. Обнявъ своего горбатаго сына, она выла, приговаривая:

— На кого-то я тебя оставлю, круглая моя сиротка, безъ родныхъ, безъ матери, заѣдятъ тебя злые люди.... и отецъ-то тебя забылъ! Охъ-хо-хо!

— Развѣ мой отецъ живъ? вырываясь изъ рукъ матери, спрашивалъ Борька и вопросительно смотрѣлъ на ея блѣдное лицо.

— Умеръ, умеръ, родной мой Борюшка! поспѣшно отвѣчала мать.—Не въ добрый ты часъ родился на Божій свѣтъ. Да не брани свою мать злосчастную! продолжала больная, обнимая сына и цалуя его руки.—Ты моя радость, вѣдь ты у меня какъ перстъ одинъ одинехонекъ, погубили насъ съ тобою злые люди да ихъ навѣты на насъ, сиротъ.

Наталья болѣзненно рыдала:

— Полно, матушка! сквозь слезы говорилъ Борька, проводя рукой по ея изсохшей щекѣ, и утирая ей слезы.

Разъ ночью Наталья охала, стонала и поминутно будила сына.

— Боря, а Боря!

— Что́ тебѣ, матушка?

— Встань, встань, родимый! охъ, мнѣ тяжело! зажги-ка, Борюшка, лампаду, я хоть помолюсь. Охъ-о-охъ!

И больная металась на постели.

— Да лампада горитъ! отвѣчалъ сонный сынъ, потягиваясь.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Боря! Боря! испуганнымъ голосомъ воскликнула мать.

— Что̀ тебѣ, матушка, нужно? подойдя къ постели, спросилъ сынъ.

Больная выставила свои костлявыя руки изъ-подъ одѣяла и жалобно сказала:

— Боря, дай я тебя обниму! Глаза, прибавила она съ испугомъ: — словно что́ заститъ, и такъ душно здѣсь.

Она указала на грудь.

— Раскрыть дверь, матушка? тревожно спросилъ сынъ, нагнувшись къ лицу матери, которая какъ слѣпая ощупала его лицо и жадно стала цаловать.

— Боря!

— Что̀? сквозь слезы спросилъ Боря, растроганный судорожными ласками своей матери.

— Зажги свѣчи у образа, да побольше! я хочу на тебя посмотрѣть; что-то больно темно, Боря!

Больная начала протирать глаза.

— Скорѣе же, скорѣе! говорила она съ трепетомъ.

А Боря въ то время бѣжалъ по старому саду; ночь была темная, воздухъ сырой. Борѣ было страшно, онъ прятался за кусты, выбиралъ мѣсто и начиналъ усердно рыть землю, но вдругъ бросалъ работу и бѣжалъ дальше. Наконецъ онъ кинулся въ пустой домъ, пряталъ тамъ ларецъ во всѣ углы, но черезъ минуту вынималъ его и въ-страхѣ бѣгалъ по комнатамъ. Воротившись снова въ садъ, Боря осторожно спустился къ развалившемуся каскаду, густо обросшему кустарникомъ; тамъ онъ долго рылъ землю; наконецъ, отдохнувъ немного, положилъ въ глубокую яму ларецъ, засыпалъ его землей и сталъ сдвигать съ мѣста тутъ же лежавшій камень, весь поросшій мхомъ. Не по силамъ десятилѣтнему мальчику была тяжесть, и Боря съ досады топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы, но, отдохнувъ, снова принимался за работу. Наконецъ сила воли побѣдила. Окончивъ работу, Боря почувствовалъ новый страхъ, сильнѣе прежняго, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Ему казалось, что весь садъ наполнился народомъ, съ заступами и лопатами, всѣ толпились къ нему, чтобъ отрыть его ларецъ. Откуда ни взялось также множество хищныхъ птицъ; онѣ летали надъ его головой, махали крыльями и такъ пронзительно кричали, что Боря зажалъ уши. Вдругъ въ саду раздался страшный трескъ, камни посыпались съ каскада и съ грохотомъ катились на Борю; Боря поднялъ глаза и увидалъ старика съ заступомъ. Весь въ бѣломъ, старикъ грозилъ Борѣ лопатой и тихо смѣялся. Боря безъ чувствъ упалъ на камень.

Стало слегка разсвѣтать, когда Боря очнулся. Садъ былъ весь въ туманѣ, уныло гудѣли доски, сторожа лѣниво перекликались у барскаго дома.

Боря робко выглянулъ изъ каскада и, собравшись съ силами, пустился бѣжать домой. Вбѣжавъ въ избу впопыхахъ, онъ радостно крикнулъ:

— Матушка, спряталъ!

Въ избѣ было тихо, свѣчи догорѣли, лампада едва теплилась. Боря остолбенѣлъ, онъ какъ-будто боялся подойти къ больной матери и снова закричалъ:

— Да слышишь ли ты, матушка? спряталъ!

Отвѣта не было; Боря кинулся къ матери, схватилъ ее за лицо, потомъ за руки, но она была уже холодна. Боря вскрикнулъ и отскочилъ отъ матери.... Постоявъ съ минуту посреди

избы, онъ кинулся къ себѣ на постель, завернулся съ головою въ тулупъ и такъ пролежалъ до тѣхъ поръ, пока не пришла знахарка, пользовавшая Наталью. Она толкнула Борю и сказала:

— Вставай! что дрыхнешь? ты, смотри, сродная твоя Богу душу отдала!

Борька безсмысленно посмотрѣлъ на знахарку и еще крѣпче закуталъ голову.

Менѣе чѣмъ въ полчаса, въ избу набралась куча бабъ и дѣтей. Каждый желалъ заглянуть на посинѣлое лицо покойницы.

— Гдѣ Матвѣевна? что нейдетъ? сказала одна баба.

— Горемычная! подхватила другая: — вѣдь у ней окромя горбуна никого нѣтъ!

— Нѣкому и поплакать-то! слезливо замѣтила третья.

— Охъ, моя сиротинушка! охъ, моя лебѣдушка! охъ, хо-о-о! протяжно и пискливо завыла четвертая старуха.

Къ ней присоединились остальныя, и вой огласилъ избу. На порогѣ явилась высокая, толстая и краснощекая баба Матвѣевна; она повела своими сѣрыми соколиными глазами кругомъ и дико застонала:

— А-а-а.... родная моя, по-ки-ну-ла-ты-на-асъ, а-а-а... по-ки-ну-а-у....

Матвѣевна, занявъ первое мѣсто у постели покойницы, выла и причитывала съ увлеченіемъ, тогда-какъ почти всѣ остальныя бабы подтягивали ей лѣниво.

Борькѣ стало душно, онъ сбросилъ съ себя тулупъ, посмотрѣлъ на мать и жалобно застоналъ. Всѣ стихли, какъ-будто почувствовавъ, что слезы ихъ не умѣстны, и съ минуту молча прислушивались къ горькимъ рыданіямъ сироты. И тутъ Матвѣевна первая пришла въ себя: она подошла къ Борькѣ и надъ самымъ ухомъ стала ему подтягивать: Борька вскочилъ, растолкалъ народъ и, выбѣжавъ изъ избы, пустился въ пустой домъ. Тамъ оставался онъ цѣлый день и только къ ночи, до-сыта наплакавшись, пришелъ къ избѣ. Раскрывъ дверь, онъ остановился на порогѣ: мать его уже лежала на столѣ вся въ бѣломъ; желтыя свѣчи горѣли у изголовья. Сначала Борька не рѣшался войти, но, увидавъ раскрытый сундучекъ, изъ котораго Матвѣевна уже повыбрала все, что было получше, кинулся въ избу и сталъ шарить въ немъ. [illegible]

уголки, все чего-то искалъ; наконецъ утомленный упалъ къ холоднымъ ногамъ матери и такъ пролежалъ до утра. Утромъ онъ опять ушелъ и только къ ночи воротился домой.

Насталъ день похоронъ. Матвѣевна до послѣдней минуты отлично исполняла свое дѣло. Когда стали прощаться съ покойницей, она притащила Борьку за руку въ избу и завыла:

— Простись.... ты... съ... съ своей, су...да...ры...ры...ней ма...тушкой!

Тутъ Матвѣевна крѣпко сжала его руку.

— Оставила она тебя.... сиротку, убогаго.... о-о-о....

Борька чувствовалъ боль въ рукѣ, но не зналъ, чего хочетъ Матвѣевна и робко глядѣлъ на другихъ бабъ; бабы дѣлали ему гримасы.

— Да простись же!

И Матвѣевна толкнула его къ матери. Борька проворно перекрестился и, поцаловавъ матушку въ холодныя губы, съ испугомъ отскочилъ и спряталъ свою голову въ платье Матвѣевны, которая съ воемъ повела его за гробомъ.

Въ церкви Борька не плакалъ; онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на лица присутствующихъ, но когда стали опускать гробъ, онъ вдругъ вырвался изъ рукъ Матвѣевны, кинулся къ могилѣ и дико закричалъ:

— Ай! отдайте мнѣ матушку!

Гробъ скрылся на дно ямы. Борька въ испугѣ вопросительно глядѣлъ на всѣхъ; Матвѣевна притянула его къ себѣ, и онъ въ ужасѣ, весь дрожа, смотрѣлъ, какъ начали засыпать землей его матушку. Потомъ онъ вырвался изъ рукъ Матвѣевны и бѣгомъ пустился домой. Матвѣевна и другія бабы съ обычными прибауточками воротились съ похоронъ, и никто не вспомнилъ, куда дѣвался Борька; а онъ сидѣлъ въ дикомъ саду, забившись въ кусты; на колѣняхъ его лежалъ раскрытый ларецъ; онъ любовался серьгами и кольцами своей покойницы матери и заботливо пересчитывалъ деньги.

ГЛАВА III.

ПОЖАРЪ.

По смерти Натальи, Борьку присадили въ контору—учиться грамотѣ. Онъ оказывалъ необыкновенныя способности, особенно по счетной части. Самоучкой выучился очень проворно считать на счетахъ и помогалъ своему учителю. Угрюмость его исчезла; ее смѣнили хитрость и лукавство, которыя онъ прикрывалъ личиной простоты и тупости. Онъ сталъ льстить всѣмъ въ домѣ, и скоро возбудилъ почти общее сожалѣніе къ своему круглому сиротству. При словѣ: сирота, онъ съеживался и жалобно смотрѣлъ на всѣхъ; платье свое нарочно рвалъ, и когда ему замѣчали, что онъ ходитъ такимъ нищимъ, онъ жалобно отвѣчалъ:

— Сиротка Борька!

Въ застольной онъ сдѣлался лицомъ необходимымъ: гримасничалъ, плясалъ, пѣлъ пѣсни, сочиняемыя лакеями, и хохотъ не умолкалъ тамъ во время ужина и обѣда. А по вечерамъ въ кругу бабъ Борька разсказывалъ, какъ видѣлъ въ пустомъ домѣ старика съ заступомъ, какъ старикъ говорилъ съ нимъ и обѣщалъ ему показать гдѣ зарытъ кладъ, когда онъ выростетъ. Еще Борька искусно выдѣлывалъ изъ камышу свирѣлки и наигрывалъ на нихъ разныя пѣсенки.

Онъ почти не росъ; зато его горбъ замѣтно прибавлялся. Порывы злобы иногда проявлялись въ немъ такъ страшно, что раздразнившіе его ребятишки прятались отъ него, повторяя:— горбатый расходился, горбатый!!

Борька началъ прохаживаться около барскаго сада, въ которомъ игралъ сынъ Бранчевскихъ, мальчикъ лѣтъ восьми. Сидя у рѣшетки, Борька часто наигрывалъ на своей свирѣлкѣ; Володенька (такъ звали маленькаго Бранчевскаго) слушалъ его съ большимъ любопытствомъ. Разъ ему вздумалось поиграть самому. Онъ требовалъ свирѣлку. Нянька отговаривала, но капризный ребенокъ топалъ ногами, повторяя: «хочу, хочу»! Нянька съ сердцемъ взяла у Борьки свирѣль и подала Володенькѣ; Борька сдѣлалъ жалобную гримасу и робко смотрѣлъ въ рѣшотку.

Сынъ кинулся зажигать свѣчи, лежавшія на деревянномъ углу, подъ образомъ. Онъ уставилъ весь уголъ зажженными свѣчами, а мать все повторяла:

— Еще Боря, еще, родимый!

— Больше нѣтъ! съ удивленіемъ сказалъ Боря.

— Ну, ладно. Поди сюда!

И мать силилась приподняться. Сынъ близко наклонился къ ней. Она дрожащими руками старалась снять съ своей шеи маленькій образокъ.

— Что̀ ты хочешь, матушка? ласково спросилъ сынъ.

Мать молча указала на образокъ, сынъ снялъ его; больная набожно перекрестилась, поцаловала образокъ.... Вдругъ все тѣло ея задрожало, она приподнялась, схватила сына за голову, прижала судорожно къ своей изсохшей груди, поцаловала и простонала:

— Господи, услышь мою молитву!

И больная приложила свой образокъ къ головѣ сына и медленно опустилась на подушки.

— Мама, сударыня моя, голубушка, ęродная ты моя! закричалъ сынъ, поддерживая мать; но она молчала. Боря началъ метаться у ея ногъ и съ воемъ приговаривалъ:

— Золотая моя, сударыня моя, лебедушка моя!

— Боря! слабо сказала мать.

Онъ встрепенулся и кинулся къ ней.

— Боря, сними съ пояса ключъ отъ сундука, едва внятно пробормотала больная.

Онъ исполнилъ ея желаніе: снялъ ключъ, висѣвшій у нея на поясѣ.

— Ну, гдѣ онъ?

И больная ловила руками ключъ.

— А вотъ!... слушай, Боря, слушай! таинственно сказала она.

Боря весь превратился въ слухъ.

— Смотри... сундукъ; направо подъ душегрейкой... лежитъ ларецъ... завернутъ въ тряпицу.... да ты слышишь ли меня?

И мать искала руками сына, который уже сидѣлъ на корточкахъ передъ раскрытымъ сундукомъ и рылся.

— Боря, гдѣ ты? послушай свою мать! вѣдь это я тебѣ скопила, это все для тебя, мой касатикъ; отецъ-то твой богатъ, да все злые люди. Охъ я, горемычная!

Сынъ не слушалъ ничего. Наконецъ онъ радостно закричалъ:

— Нашелъ!

Голосъ у больной сталъ тверже.

— Боря! слушай, слушай, что́ я тебѣ хочу сказать....

Больная скрестила руки и, стараясь собраться съ силами, продолжала:

— Вѣдь Антонъ не отецъ твой....

— Что́ тутъ лежитъ? перебилъ Боря, подавая ей ларецъ.

Больная съ испугомъ ощупала ларецъ.

— Деньги, Боря, деньги.... спрячь ихъ, спрячь! а то отнимутъ у тебя....

Сынъ въ испугѣ вырвалъ ларецъ изъ рукъ матери и прижалъ его къ своей груди.

— Спрячь ихъ, Борюшка! они, злые, возьмутъ послѣднее у сироты, тоскливо сказала мать и вдругъ привстала. – Ты спрячь ихъ въ землю, прибавила она таинственно:—а какъ выростешь, и возьми тогда.

— А старикъ съ заступомъ? замѣтилъ сынъ, продолжая крѣпко держать ларецъ.

— Нѣтъ, онъ не возьметъ, онъ не обидитъ сироту! и съ надждой и со страхомъ отвѣчала больная. — Слушай, Боря, ты спрячь деньги куда-нибудь, въ другое мѣсто, подальше!... Поди же ко мнѣ, поди, дай мнѣ еще посмотрѣть на тебя; что-то темно, Боря, зажги еще свѣчу!

Сынъ оглядѣлъ комнату и сказалъ:

— Да свѣтло, матушка, вѣдь такъ вся изба и горитъ.... Ты погоди, я сбѣгаю, спрячу только....

— Нѣтъ, родной, останься, останься! въ испугѣ закричала мать.

Но Боря уже юркнулъ въ дверь.

— Боря, поди сюда, Боря, родимый ты мой, я тебѣ все скажу, все; я грѣшница.... Боря, гдѣ ты? охъ, мнѣ тяжело!...

И больная стонала, разводила по воздуху костлявыми руками, тоскливо мотала головой, нѣжно звала своего сына. Потомъ она начала бормотать несвязныя слова.

...о Боря бѣжалъ по старому саду; ночь была тем-
...ная. Борѣ было страшно, онъ прятался за кусты, часто и начиналъ усердно рыть землю, но вдругъ ...и бѣжалъ дальше. Наконецъ онъ кинулся въ домъ, прятал тамъ ларецъ во всѣ углы, но черезъ минуту вынималъ его и въ-страхѣ бѣгалъ по комнатамъ. Воротив... снова въ залъ, Боря осторожно спустился къ развалившемуся каскаду, густо обросшему кустарникомъ; тамъ онъ долго рылъ землю; наконецъ, отдохнувъ немного, положилъ въ глубокую яму ларецъ, засыпалъ его землей и сталъ двигать съ мѣста тутъ же лежавшій камень, весь поросшій мхомъ. Не по силамъ десятилѣтнему мальчику была тяжесть, и Боря съ досады топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы и, отдохнувъ, снова принимался за работу. Наконецъ сила воли побѣдила. Окончивъ работу, Боря почувствовалъ новый страхъ, сильнѣе прежняго, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Ему казалось, что весь садъ наполнился народомъ, съ заступами и лопатами, всѣ толпились къ нему, чтобъ отрыть его ларецъ. Откуда ни взялось также множество хищныхъ птицъ; онѣ летали надъ его головой, махали крыльями и такъ пронзительно кричали, что Боря зажалъ уши. Вдругъ въ саду раздался страшный трескъ, камни посыпались съ каскада и съ грохотомъ катились на Борю: Боря поднялъ глаза и увидалъ старика съ заступомъ. Весь въ бѣломъ, старикъ грозилъ Борѣ лопатой и тихо смѣялся. Боря безъ чувствъ упалъ на камень.

Стало слегка разсвѣтать, когда Боря очнулся. Садъ былъ весь въ туманѣ, уныло гудѣли доски, сторожа лѣниво перекликались у царскаго дома.

Боря робко выглянулъ изъ каскада и, собравшись съ силами, пустился бѣжать домой. Вбѣжавъ въ избу впопыхахъ, онъ радостно крикнулъ:

— Матушка, спряталъ!

Въ избѣ было тихо, свѣчи догорѣли, лампада едва теплилась. Боря остолбенѣлъ, онъ какъ будто боялся подойти къ больной матери и снова закричалъ:

— Слышишь ли ты, матушка? спряталъ!

Отвѣта не было. Боря кинулся къ матери, схватилъ ее за [illegible], потомъ за руки, но она была уже холодна. Боря вскрикнулъ и отскочилъ отъ матери... Постоявъ съ минуту посреди

избы, онъ кинулся къ себѣ на постель, завернулся съ головой въ тулупъ и такъ пролежалъ до тѣхъ поръ, пока не вошла знахарка, пользовавшая Наталью. Она толкнула Борю и сказала:

— Вставай! чтó дрыхнешь? ты, смотри, сродная твоя Богу душу отдала!

Борька безсмысленно посмотрѣлъ на знахарку и еще крѣпче закуталъ голову.

Менѣе чѣмъ въ полчаса, въ избу набралась куча бабъ и дѣтей. Каждый желалъ заглянуть на посинѣлое лицо покойницы.

— Гдѣ Матвѣевна? что нейдетъ? сказала одна баба.

— Горемычная! подхватила другая: — вѣдь у ней окромя горбуна никого нѣтъ!

— Нѐкому и поплакать-то! слезливо замѣтила третья.

— Охъ, моя сиротинушка! охъ, моя лебедушка! охъ, хо-о-о! протяжно и пискливо завыла четвертая старуха.

Къ ней присоединились остальныя, и вой огласилъ избу. На порогѣ явилась высокая, толстая и краснощокая баба Матвѣевна; она повела своими сѣрыми соколиными глазами кругомъ и дико застонала:

— А-а-а.... родная моя, по-ки-ну-ла-ты-на-насъ, а-а-а... по-ки-ну-а-у....

Матвѣевна, занявъ первое мѣсто у постели покойницы, выла и причитывала съ увлеченіемъ, тогда-какъ почти всѣ остальныя бабы подтягивали ей лѣниво.

Борькѣ стало душно, онъ сбросилъ съ себя тулупъ, посмотрѣлъ на мать и жалобно застоналъ. Всѣ стихли, какъ-будто почувствовавъ, что слезы ихъ не умѣстны, и съ минуту молча прислушивались къ горькимъ рыданіямъ сироты. И тутъ Матвѣевна первая пришла въ себя: она подошла къ Борькѣ и надъ самымъ ухомъ стала ему подтягивать; Борька вскочилъ, растолкалъ народъ и, выбѣжавъ изъ избы, пустился въ пустой домъ. Тамъ оставался онъ цѣлый день и только къ ночи, до-сыта наплакавшись, пришелъ къ избѣ. Раскрывъ дверь, онъ остановился на порогѣ: мать его уже лежала на столѣ, вся въ бѣломъ; жолтыя свѣчи горѣли у изголовья... Сначала Борька не рѣшался войти, но, увидавъ раскрытый сундукъ, изъ котораго Матвѣевна уже повыбрала все, чтó было получше, кинулся въ избу и сталъ шарить въ немъ. Онъ перешарилъ всѣ

уголки, все чего-то искалъ; наконецъ утомленный упалъ къ холоднымъ ногамъ матери и такъ пролежалъ до утра. Утромъ онъ опять ушелъ и только къ ночи воротился домой.

Настала день похоронъ. Матвѣевна до послѣдней минуты отлично исполняла свое дѣло. Когда стали прощаться съ покойницей, она притащила Борьку за руку въ избу и завыла:

— Простись.... ты... съ... съ своей, су...да...ры...ры...ней ма...тушкой!

Тутъ Матвѣевна крѣпко сжала его руку.

— Оставила она тебя.... сиротку, убогаго.... о-о-о....

Борька чувствовалъ боль въ рукѣ, но не зналъ, чего хочетъ Матвѣевна и робко глядѣлъ на другихъ бабъ; бабы дѣлали ему гримасы.

— Да простись же!

И Матвѣевна толкнула его къ матери. Борька проворно перекрестился и, поцаловавъ матушку въ холодныя губы, съ испугомъ отскочилъ и спряталъ свою голову въ платье Матвѣевны, которая съ воемъ повела его за гробомъ.

Въ церкви Борька не плакалъ; онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на лица присутствующихъ, но когда стали опускать гробъ, онъ вдругъ вырвался изъ рукъ Матвѣевны, кинулся къ могилѣ и дико закричалъ:

— Ай! отдайте мнѣ матушку!

Гробъ скрылся на дно ямы. Борька въ испугѣ вопросительно глядѣлъ на всѣхъ; Матвѣевна притянула его къ себѣ, и онъ въ ужасѣ, весь дрожа, смотрѣлъ, какъ начали засыпать землей его матушку. Потомъ онъ вырвался изъ рукъ Матвѣевны и бѣгомъ пустился домой. Матвѣевна и другія бабы съ обычными прибауточками воротились съ похоронъ, и никто не вспомнилъ, куда дѣвался Борька; а онъ сидѣлъ въ дикомъ саду, забившись въ кусты; на колѣняхъ его лежалъ раскрытый ларецъ; онъ любовался серьгами и кольцами своей покойницы матери и заботливо пересчитывалъ деньги.

ГЛАВА III.

ПОЖАРЪ.

По смерти Натальи, Борьку присадили въ контору—учиться грамотѣ. Онъ оказывалъ необыкновенныя способности, особенно по счетной части. Самоучкой выучился очень проворно считать на счетахъ и помогалъ своему учителю. Угрюмость его исчезла; ее смѣнили хитрость и лукавство, которыя онъ прикрывалъ личиной простоты и тупости. Онъ сталъ льстить всѣмъ въ домѣ, и скоро возбудилъ почти общее сожалѣніе къ своему круглому сиротству. При словѣ: сирота, онъ съеживался и жалобно смотрѣлъ на всѣхъ; платье свое нарочно рвалъ, и когда ему замѣчали, что онъ ходитъ такимъ нищимъ, онъ жалобно отвѣчалъ:

— Сиротка Борька!

Въ застольной онъ сдѣлался лицомъ необходимымъ: гримасничалъ, плясалъ, пѣлъ пѣсни, сочиняемыя лакеями, и хохотъ не умолкалъ тамъ во время ужина и обѣда. А по вечерамъ въ кругу бабъ Борька разсказывалъ, какъ видѣлъ въ пустомъ домѣ старика съ заступомъ, какъ старикъ говорилъ съ нимъ и обѣщалъ ему показать гдѣ зарытъ кладъ, когда онъ выростетъ. Еще Борька искусно выдѣлывалъ изъ камышу свирѣлки и наигрывалъ на нихъ разныя пѣсенки.

Онъ почти не росъ; зато его горбъ замѣтно прибавлялся. Порывы злобы иногда проявлялись въ немъ такъ страшно, что раздразнившіе его ребятишки прятались отъ него, повторяя:— горбатый расходился, горбатый!!

Борька началъ прохаживаться около барскаго сада, въ которомъ игралъ сынъ Бранчевскихъ, мальчикъ лѣтъ восьми. Сидя у рѣшетки, Борька часто наигрывалъ на своей свирѣлкѣ; Володенька (такъ звали маленькаго Бранчевскаго) слушалъ его съ большимъ любопытствомъ. Разъ ему вздумалось поиграть самому. Онъ требовалъ свирѣлку. Нянька отговаривала, но капризный ребенокъ топалъ ногами, повторяя: «хочу, хочу»! Нянька съ сердцемъ взяла у Борьки свирѣль и подала Володенькѣ; Борька сдѣлалъ жалобную гримасу и робко смотрѣлъ въ рѣшотку.

Володенька радостно началъ дуть въ свирѣлку, но она неиздавала ни звука; ребенокъ передалъ ее нянькѣ, приказывая ей поиграть; но свирѣлка не слушалась и няни, которая въ досадѣ наконецъ сунула ее Борькѣ и сказала:

— На, возьми и убирайся, горбатый!

Борька отошелъ отъ рѣшотки и сталъ опять играть.

Ребенокъ захлопалъ въ ладоши и кинулся къ рѣшоткѣ. Борька завертѣлся передъ нимъ. Всѣ движенія его были такъ рѣзки и смѣшны, что нянька съ ребенкомъ заливались смѣхомъ. Наконецъ нянька погрозила кулакомъ Борькѣ, чтобъ онъ пересталъ, потому-что Володенька посинѣлъ отъ смѣху.

Съ того дня Борька всякой день приходилъ къ рѣшоткѣ сада и черезъ нее игралъ съ Володенькой, которому скоро успѣлъ внушить къ себѣ жалость, разсказывая сказки, гдѣ занималъ первую роль сиротка Борька. Нянька, расчитавъ, что должность ея облегчится, если Борьку возьмутъ въ комнаты, велѣла ему вымыться и пріодѣться, а питомца своего научила попросить родителей, чтобъ позволили ему играть съ Борькой.

Во время обѣда Володенька ввелъ Борьку въ столовую.

— Это что? строго спросила у няньки Бранчевская, указывая на Борьку.

Борька весь задрожалъ.

— Мама, онъ сиротка.... это Боря.... можно мнѣ съ нимъ играть, мама?

И сынъ ласкался къ матери.

— Какъ ты смѣешь позволять ему играть со всѣми?

— Сударыня, отвѣчала испуганная нянька: — Владиміръ Григорьичъ изволитъ плакать о немъ.

Бранчевскій подозвалъ сына и спросилъ: за что̀ онъ полюбилъ Борьку?

— Онъ сиротка, папа! отвѣчалъ сынъ.

Бранчевская возвысила голосъ.

— Вздоръ! если ему нужно играть, то можно найти хорошенькаго мальчика, а не горбатаго. Пошелъ отсюда! прибавила она, обратясь къ Борькѣ. — Пошелъ и не смѣй около дома ходить!

Володенька съ плачемъ кинулся къ Борькѣ и, обхвативъ его шею своими ручонками, грозно смотрѣлъ на мать.

Бранчевскій вышелъ изъ-за стола и удалился къ себѣ въ кабинетъ; Бранчевская одна осталась на полѣ битвы; въ первый разъ она не исполнила желанія своего единственнаго сына: — Борька былъ высланъ изъ комнаты. Борька не плакалъ, онъ былъ блѣденъ, смотрѣлъ свирѣпо. Въ прихожей лакеи встрѣтили его насмѣшками:

— Чтò, горбунъ! грибъ съѣлъ? а?

Онъ стиснулъ зубы и сжалъ кулаки. Выбѣжавъ изъ барскаго дома, онъ опрометью кинулся въ пустой садъ. Тамъ, упавъ на траву, Борька судорожно катался по ней, рвалъ на себѣ волосы, зубами и руками рылъ землю и какъ звѣрь рычалъ. Злоба душила его. Глаза его были сухи и страшно блестѣли. Скоро онъ впалъ въ забытье и съ часъ пролежалъ неподвижно. Наконецъ всталъ и долго, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ-будто о чемъ-то думая. соображая что-то. Вдругъ лицо его засіяло; онъ кинулся собирать сухіе сучья. Борька работалъ неутомимо, поминутно бѣгая изъ саду въ пустой домъ съ охапками сухихъ прутьевъ. Изрѣдка онъ садился отдыхать, потъ катился съ его блѣднаго лица, озареннаго дикой улыбкой, и Борька, потирая руками, самодовольно улыбался и все кому-то грозилъ.

Ночью онъ вынулъ ларецъ свой, пересчиталъ, перецаловалъ свои деньги и глубже закопалъ ихъ въ землю. День и ночь Борька вглядывался въ небо.

— Чтó, горбунъ, колдовать, чтó ли, учишься? спрашивали его проходящіе лакеи.

Борька вздрагивалъ и поспѣшно отвѣчалъ:

— Сироткѣ скучно!

Дней черезъ пять небо обложилось тучами, наступала уже ночь, а воздухъ былъ душенъ. Борька улыбался, и волненіе его возрастало съ каждой минутой.

За ужиномъ въ застольной онъ сидѣлъ задумчиво. Дворня дивилась ему.

— Да чтó ты нынче, горбатый шутъ, носъ повѣсилъ? спросилъ одинъ лакей.

— Оставь его! вишь въ барскіе покои задумалъ пробраться, губа не дура! замѣтилъ другой.

— Да съ носомъ остался.... а? спрашивали другіе лакеи, заглядывая ему въ лицо.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ злобно и молчалъ.

— Батюшки свѣты! посмотрите, братцы, какіе у него глаза-то! съ удивленіемъ сказала прачка.

Борька сдѣлалъ жалобную гримасу и пропищалъ:

— Сиротка Борька!

— Что-то душно; кажись, будетъ гроза ночью, замѣтила прачка, подходя къ окну и вглядываясь въ небо.

Борька встрепенулся, и когда оставили его безъ вниманія, тихонько скрылся изъ застольной.

Борька въ одинъ мигъ очутился въ пустомъ домѣ; черезъ разбитое стекло пролѣзъ на балконъ, который весь скрипѣлъ подъ его ногами, — и, облокотясь на перилы, тоскливо глядѣлъ на небо. Высокія деревья мрачно рисовались въ саду, тишина была страшная; ни одинъ листокъ не колыхался. Вдругъ легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по верхушкамъ деревъ, и всѣ листки задрожали. Молнія блеснула въ темнотѣ. Борька весь встрепенулся и сталъ прислушиваться. Глухой ударъ грома раздался вдали. Борька выскочилъ въ окно и черезъ минуту воротился съ пукомъ сухихъ прутьевъ. Онъ подложилъ ихъ у самыхъ стѣнъ дома, присѣлъ на корточки и, оглядываясь во всѣ стороны, началъ высѣкать огонь; руки его дрожали, когда онъ подкладывалъ на огонь сухіе прутья. Потомъ онъ согнулся и сталъ раздувать пламя. Прутья слабо затрещали, и Борька еще съ бòльшимъ стараніемъ принялся раздувать огонь.

Страшно было его видѣть, волосы его стояли дыбомъ, блѣдное лицо облито было красноватымъ пламенемъ, горбъ казался огромнымъ въ эту минуту.

Удары грома все сильнѣе и сильнѣе потрясали своды пустого дома, летучія мыши и птицы въ испугѣ съ пронзительнымъ пискомъ вылетали изъ оконъ и снова прятались въ домъ. Вѣтеръ рвался къ дыму, какъ-будто горя нетерпѣніемъ раздуть поскорѣе пламя, которое обхватило уже балконъ и огненными змѣйками подымалось по стѣнѣ.

Борька въ испугѣ отскочилъ отъ пламени. Но вдругъ лицо его прояснилось. Онъ забилъ въ ладоши, дико засмѣялся и кинулся въ разбитое окно, повторяя:

— Вотъ какъ васъ всѣхъ угостилъ горбунъ Борька.

Выбѣжавъ въ садъ, онъ взлѣзъ на самое высокое дерево и оттуда съ жадностію слѣдилъ за возрастающимъ пламенемъ, которое распространялось болѣе и болѣе и съ силой врывалось въ

окна. Вѣтеръ вступилъ въ бой съ [illegible]. [illegible]лось [illegible] и [illegible] угрожая [illegible]. [illegible] уничтожалъ во мгновеніе ока [illegible]. У [illegible] ныли [illegible]. Борька [illegible] не [illegible]къ дерева, сложивъ руки на груди, [illegible]стался и часто шепталъ:

— Матушка, видишь ли ты?

Въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. [illegible] качала на рукахъ своего первенца и [illegible]вала:

— Спи, засни, мое золото! баю, баюшки, баю.

Но Володенька не могъ спать. Съ [illegible]говорѣніе, онъ такъ разсердился, что [illegible]. У [illegible]мныя послѣдствія своего [illegible]. [illegible]нить его капризъ. Завтра утромъ [illegible] привести къ нему Борьку.

При каждомъ ударѣ грома [illegible]. На дворѣ становилось все [illegible]лось страшнымъ. [illegible] съ ужасомъ отскочила. [illegible] стараго дома. Крики [illegible]

— Пожаръ, пожаръ! [illegible]

Крестьяне сбѣжались къ барскому дому. [illegible] бабъ, мычаніе коровъ сливались съ [illegible] Бранчевскій: онъ началъ распоряжаться, и [illegible]. Тысяча топоровъ застучали по крышѣ, [illegible] съ громкими криками:

— Сюда воды! сюда!

Борька, притаивъ дыханіе, смотрѣлъ на [illegible] рукъ своихъ. Вдругъ вмѣстѣ съ [illegible] балконъ, — пламя и дымъ [illegible], и тогда Борька увидалъ въ дверяхъ [illegible]го старика, съ желѣзными [illegible] грозилъ ему. [illegible]ками, досталъ до вершины дерева, на [illegible]. Вѣтеръ завертѣлъ и закачалъ дерево... [illegible] все становится выше и выше, вотъ онъ [illegible].

ревомъ! Борька закрылъ глаза, голова его закружилась.... онъ упалъ на землю безъ чувствъ.

Едва начинало разсвѣтать, когда Борька очнулся; дождь лилъ какъ изъ вѣдра, весь садъ былъ наполненъ гарью.

Приподнявъ голову, Борька вскочилъ въ ужасѣ; стараго дома нельзя было узнать, стѣны были черны, окна повыбиты, крыша вскрыта, какъ черепъ у человѣка; первые утренніе лучи бросали унылый свѣтъ на обгорѣлые остатки.

Задыхаясь отъ дыму, Борька побрелъ домой. Проходя дворъ, онъ содрогнулся: мебель барская валялась въ безпорядкѣ по двору, облитая дождемъ. Узлы, сундуки, разная посуда,—все было вытащено изъ предосторожности. Часовые, важно развалившись въ барскихъ креслахъ, сладко спали. Борька, никѣмъ не замѣченный, прокрался къ перинѣ и легъ на нее. Къ утру онъ былъ въ бреду и чуть не умеръ.

Никому не пришло въ голову, что домъ загорѣлся не отъ грозы.

Бранчевскій простудился на пожарѣ и тоже слегъ въ постель. По выздоровленіи Борьки, его потребовали въ комнаты. Съ этого дня жизнь Борьки измѣнилась; онъ пилъ и ѣлъ за однимъ столомъ съ Володенькой. Его перестали звать Борькой. Боря съ каждымъ днемъ больше былъ любимъ сыномъ Бранчевскихъ. Правда, онъ былъ изобрѣтателенъ: лазилъ на деревья доставать птичьи гнѣзда, выдумывалъ безпрестанно новыя игры, а по вечерамъ разсказывалъ Володенькѣ сказки, которымъ выучила его мать передъ своей смертью.

Начались уроки; Боря съ жадностью вслушивался, чему учили Володеньку, а потомъ помогалъ ему выучивать уроки, начитывая ихъ, когда они играли. Онъ писалъ Володенькѣ тетрадки и умѣлъ съ необыкновеннымъ искусствомъ поддѣлываться подъ его руку. Боря былъ одѣтъ какъ и Володя. Бранчевская помирилась съ Борей: онъ старался услуживать ей и всегда умѣлъ показать свое благоразуміе.

Время шло, и сынъ Бранчевскихъ сдѣлался взрослымъ юношей. Боря былъ старше его пятью годами, но по росту казался передъ нимъ ребенкомъ.

Лицо у горбуна было довольно красиво, еслибъ не вѣчная улыбка на его тонкихъ губахъ. Онъ былъ блѣденъ, большіе *блестящіе* глаза придавали его лицу особенную энергію; руки

его, своей [illegible] [illegible] и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]-ваніе. Рѣдко кто могъ вынести [illegible] его [illegible], такъ которые [illegible] [illegible] [illegible] чертамъ, а [illegible] [illegible]-[illegible]-сѣрыми.

Любовныя интриги, тайны домовъ — все устраивалъ горбунъ для молодого Брачевскаго и велъ дѣло такъ хорошо, что все больше и больше входилъ въ его довѣренность.

Вдругъ молодой Брачевскій влюбился въ дочь экономки, бѣдную дѣвушку, которая жила съ своей матерью въ ихъ домѣ. Горбунъ ревновалъ своего покровителя ко всякому, кого только онъ начиналъ любить: притомъ эта дѣвушка, за разныя причины, ненавидѣла горбуна: все это онъ зналъ и зналъ также слабый характеръ Владиміра. Страхъ потерять свое вліяніе надъ нимъ внушилъ ему мысль подняться на хитрость. Онъ такъ устроилъ тайное свиданіе молодого Брачевскаго съ дочерью экономки, что Брачевская могла это узнать.

Страшенъ былъ гнѣвъ матери: она грозила согнать изъ дому и экономку и ея дочь и даже горбуна, за то, что онъ, будучи такъ близокъ къ ея сыну, не предувѣдомилъ ее объ угрожающей опасности.

Молодой Брачевскій испугался гнѣва матери и кинулся къ горбуну за совѣтами.

— Я самъ можетъ быть пойду по-міру за ваши продѣлки, въ негодованіи сказалъ горбунъ.

Покровитель его клялся, что не допуститъ до этого: что онъ не хочетъ погубить никого.

Горбунъ, подумавъ, предложилъ слѣдующее: онъ все возьметъ на себя, скажетъ, что давно любитъ эту дѣвушку, что она его тоже любитъ, и что Владиміръ былъ только посредникомъ ихъ любви. Хитрость была сплетена такъ ловко, добровольное признаніе горбуна было такъ правдоподобно, что Брачевская повѣрила. Казалось, все уладилось благополучно. Но разъ чего-нибудь испугавшись, Брачевская не была покойна.

Въ одно воскресенье, собравъ множество гостей, Брачевская вдругъ объявила, что у нея въ домѣ женихъ и невѣста. Гости подумали, что дѣло идетъ о сынѣ: но къ общему удивленію, она приказала позвать горбуна и дочь экономки и при

ревомъ! Борька закрылъ глаза, голова его закружилась.... онъ упалъ на землю безъ чувствъ.

Едва начинало разсвѣтать, когда Борька очнулся; дождь лилъ какъ изъ вѣдра, весь садъ былъ наполненъ гарью.

Приподнявъ голову, Борька вскочилъ въ ужасѣ; стараго дома нельзя было узнать, стѣны были черны, окна повыбиты, крыша вскрыта, какъ черепъ у человѣка; первые утренніе лучи бросали унылый свѣтъ на обгорѣлые остатки.

Задыхаясь отъ дыму, Борька побрелъ домой. Проходя дворъ, онъ содрогнулся: мебель барская валялась въ безпорядкѣ по двору, облитая дождемъ. Узлы, сундуки, разная посуда,—все было вытащено изъ предосторожности. Часовые, важно развалившись въ барскихъ креслахъ, сладко спали. Борька, никѣмъ не замѣченный, прокрался къ перинѣ и легъ на нее. Къ утру онъ былъ въ бреду и чуть не умеръ.

Никому не пришло въ голову, что домъ загорѣлся не отъ грозы.

Бранчевскій простудился на пожарѣ и тоже слегъ въ постель. По выздоровленіи Борьки, его потребовали въ комнаты. Съ этого дня жизнь Борьки измѣнилась; онъ пилъ и ѣлъ за однимъ столомъ съ Володенькой. Его перестали звать Борькой. Боря съ каждымъ днемъ больше былъ любимъ сыномъ Бранчевскихъ. Правда, онъ былъ изобрѣтателенъ: лазилъ на деревья доставать птичьи гнѣзда, выдумывалъ безпрестанно новыя игры, а по вечерамъ разсказывалъ Володенькѣ сказки, которымъ выучила его мать передъ своей смертью.

Начались уроки; Боря съ жадностью вслушивался, чему учили Володеньку, а потомъ помогалъ ему выучивать уроки, начитывая ихъ, когда они играли. Онъ писалъ Володенькѣ тетрадки и умѣлъ съ необыкновеннымъ искусствомъ поддѣлываться подъ его руку. Боря былъ одѣтъ какъ и Володя. Бранчевская помирилась съ Борей: онъ старался услуживать ей и всегда умѣлъ показать свое благоразуміе.

Время шло, и сынъ Бранчевскихъ сдѣлался взрослымъ юношей. Боря былъ старше его пятью годами, но по росту казался передъ нимъ ребенкомъ.

Лицо у горбуна было довольно красиво, еслибъ не вѣчная улыбка на его тонкихъ губахъ. Онъ былъ блѣденъ, большіе блестящіе глаза придавали его лицу особенную энергію; руки

его, своей правильной формой и бѣлизной, обращали общее вниманіе. Рѣдко кто могъ вынести взглядъ его блестящихъ глазъ, которые вечеромъ казались совершенно черными, а днемъ зеленовато-сѣрыми.

Любовныя интриги, займы денегъ — все устроивалъ горбунъ для молодого Бранчевскаго и велъ дѣла такъ хорошо, что все больше и больше входилъ въ его довѣренность.

Вдругъ молодой Бранчевскій влюбился въ дочь экономки, бѣдную дѣвушку, которая жила съ своей матерью изъ милости въ ихъ домѣ. Горбунъ ревновалъ своего покровителя ко всѣмъ, кого только онъ начиналъ любить; притомъ эта дѣвушка, по разнымъ причинамъ, ненавидѣла горбуна: все это онъ зналъ и зналъ также слабый характеръ Владиміра. Страхъ потерять свое вліяніе надъ нимъ внушилъ ему мысль подняться на хитрость. Онъ такъ устроилъ тайное свиданіе молодого Бранчевскаго съ дочерью экономки, что Бранчевской донесли объ этомъ.

Страшенъ былъ гнѣвъ матери; она грозила сослать изъ дому и экономку и ея дочь и даже горбуна, за то, что онъ, будучи такъ близокъ къ ея сыну, не предувѣдомилъ ее объ угрожающей опасности.

Молодой Бранчевскій испугался гнѣва матери и кинулся къ горбуну за совѣтами.

— Я самъ можетъ быть пойду по-міру за ваши продѣлки, въ негодованіи сказалъ горбунъ.

Покровитель его клялся, что не допуститъ до этого; что онъ не хочетъ погубить никого.

Горбунъ, подумавъ, предложилъ слѣдующее: онъ все возьметъ на себя, скажетъ, что давно любитъ эту дѣвушку, что она его тоже любитъ, и что Владиміръ былъ только посредникомъ ихъ любви. Хитрость была сплетена такъ ловко, добровольное признаніе горбуна было такъ правдоподобно, что Бранчевская повѣрила. Казалось, все уладилось благополучно. Но разъ чего-нибудь испугавшись, Бранчевская не была покойна.

Въ одно воскресенье, собравъ множество гостей, Бранчевская вдругъ объявила, что у нея въ домѣ женихъ и невѣста. Гости подумали, что дѣло идетъ о сынѣ; но къ общему удивленію, она приказала позвать горбуна и дочь экономки и при

всѣхъ гостяхъ объявила имъ, что извѣстная ей любовь ихъ наконецъ можетъ увѣнчаться счастливой развязкой. Женихъ и невѣста такъ дико смотрѣли другъ на друга, что Бранчевская съ улыбкой замѣтила :

— Вы, кажется, отъ радости одурѣли оба!

Горбунъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, онъ искалъ глазами молодого Бранчевскаго, но его не было въ комнатѣ. Невѣста откровенно созналась горбуну, что не любитъ его; но онъ зналъ, что иначе изобличится обманъ и рѣшился жениться. Владиміръ утѣшалъ его, что дастъ ему денегъ, что не оставитъ его; но горбуну не нужно было никакихъ утѣшеній: въ первый разъ въ жизни его самолюбіе, хоть наружно, не было уколото. Невѣста была молода и хороша собой и шла за него, какъ всѣмъ было извѣстно, по любви.

Одно тревожило горбуна : любовь къ его невѣстѣ молодого Бранчевскаго.

Въ день сватьбы, старикъ Бранчевскій поднесъ горбуну право на званіе купца, а Бранчевская десять тысячь деньгами.

Послѣ сватьбы горбунъ еще сильнѣе сталъ ревновать свою жену къ молодому Бранчевскому. Онъ не любилъ ея; но мысль, что она обманываетъ его, что они надъ нимъ будутъ смѣяться, дѣлала изъ него изверга.

Онъ запиралъ свою жену на ключъ, уходя изъ дому. Билъ ее при малѣйшей тѣни подозрѣнія. Жена сдѣлалась для него источникомъ страшныхъ мученій; онъ проклиналъ свою жизнь.

Наконецъ силы его оставили; онъ открылъ свои страданія Бранчевской, давъ такой оборотъ своей ревности, будто сынъ ея дѣйствительно влюбленъ въ его жену.

Мать снарядила своего сына въ столицу разсѣяться и послужить. Горбунъ вздохнулъ свободно, но не на долго. Жена его сдѣлалась беременна. Онъ какъ тѣнь слѣдилъ за ней съ перваго дня брака и зналъ, что измѣны не могло быть... а между тѣмъ дикое подозрѣніе терзало его. И онъ подвергалъ жену свою страшнымъ мученіямъ, чтобъ выпытать роковую тайну; но бѣдная, невинная женщина, ничего не могла сказать въ свое оправданіе и должна была молча терпѣть безпрестанные незаслуженные упреки и оскорбленія.

Горбунъ, казалось, находилъ наслажденіе мучить свою жену, которая наконецъ прямо объявила ему, что ненавидитъ его.

Спустя недѣлю, ему случилось уѣхать на нѣсколько дней по дѣламъ. Желая положить разомъ конецъ своимъ страданіямъ и опасаясь за участь своего ребенка, если онъ останется на рукахъ горбуна, несчастная женщина рѣшилась бѣжать въ дальній уѣздный городъ къ своей матери, которая уже давно была сослана изъ дома Бранчевскихъ, по проискамъ горбуна.

Но она не доѣхала до своей матери. Почувствовавъ приближеніе родовъ, ускоренное ѣздой на телѣгѣ, она пріѣхала къ бабкѣ Авдотьѣ Петровнѣ Р*** и тамъ родила сына, который и былъ подкинутъ Тульчинову.

Возвратясь домой, горбунъ чуть не задохся отъ злобы, узнавъ, что его жена уѣхала. Не желая огласить свой позоръ, онъ тотчасъ же поскакалъ въ городъ и сталъ развѣдывать.

Онъ засталъ жену свою уже въ бреду; черезъ два дня она умерла; о ребенкѣ сказали ему, что она выкинула мертваго.

Горбунъ былъ потрясенъ плачемъ и криками своей жены и даже на минуту почувствовалъ-было свою вину; но въ бреду у несчастной вырвалось имя молодого Бранчевскаго, — и горбунъ снова закипѣлъ враждой.

Похоронивъ ее, онъ возвратился вдовцомъ домой.

ГЛАВА IV.

И ДРУГЪ И ВРАГЪ.

Спустя годъ послѣ описанныхъ событій, въ семействѣ Бранчевскихъ произошли большія перемѣны.

Бранчевская держала себя слишкомъ гордо съ своими сосѣдями. Одинъ только домъ графа К* пользовался ея расположеніемъ. Графъ былъ старъ и богатъ. У этого графа вдругъ умеръ братъ вдовецъ и поручилъ ему единственную шестнадцатилѣтнюю дочь свою — Сару. Сара была воспитана отцомъ, который безумно любилъ и баловалъ ее.

Графъ К* заохалъ; онъ пріѣхалъ къ Бранчевской за совѣтомъ, что́ ему дѣлать съ сиротой. Бранчевская рѣшилась взять ее къ себѣ. Приготовили комнату и, по озабоченному лицу Бранчевской, горбунъ понялъ ея цѣль. Явилась и Сара. На-видъ ей казалось больше шестнадцати лѣтъ: она была вы-

сока ростомъ, съ пышными плечами, съ гордымъ, но живымъ взглядомъ. Лицо у ней было правильно, рѣсницы какъ бархатъ, глаза черные и блестящіе, которыхъ форма безпрерывно мѣнялась: они то съуживались, то дѣлались огромными; носъ тонкій, но ноздри его раздувались, какъ у арабской лошади, при малѣйшемъ порывѣ гнѣва; губы тонкія, совершенно женской формы; волоса и брови черные; цвѣтъ лица бѣлизны и нѣжности необыкновенной; казалось, какъ-будто въ ней не было ни одной кровинки. Вообще въ ея взглядѣ было что-то смѣлое и холодное.

Не зная противорѣчія своимъ прихотямъ, она скучала въ обществѣ стариковъ, которые сильно ластились къ ней. Но еще болѣе тяготила ее Бранчевская: Сара рѣшительно не могла выносить власти женщины. Притомъ она можетъ быть догадывалась, какіе виды имѣла на нее Бранчевская. Сдѣлать все наперекоръ ей — было, кажется, главной задачей Сары. Нужно еще замѣтить, что отецъ ея прожилъ все свое состояніе и кромѣ графскаго титла не оставилъ ей никакого наслѣдства.

Отъ скуки Сара иногда болтала съ горбуномъ, но слишкомъ часто оскорбляла его своими насмѣшками и презрительнымъ обхожденіемъ. Такъ-какъ онъ имѣлъ неограниченную власть въ домѣ, то она иногда и смягчала свой голосъ, прося его исполнить какой-нибудь капризъ свой; но ея просьбы скорѣе походили на приказанія. Горбунъ чувствовалъ что-то странное: онъ ненавидѣлъ Сару за ея оскорбительное обращеніе съ нимъ, но ей стоило сказать одно ласковое слово — и онъ исполнялъ ея волю. У него былъ тутъ и расчетъ: онъ ясно видѣлъ, что Бранчевская готовитъ Сару въ невѣстки, и побѣждалъ въ себѣ злобу для будущихъ цѣлей своей жизни. Онъ видѣлъ, что характеръ Сары слишкомъ надмененъ, что разъ потерявъ ея расположеніе трудно будетъ его пріобрѣсть, а жизнь его въ домѣ Бранчевскихъ съ каждымъ годомъ была ему выгоднѣе.

Сара не стѣсняла себя ни въ чемъ. Она часто вставала до разсвѣта и, накинувъ легкій капотъ, бѣгала по саду. Горбунъ часто по цѣлымъ часамъ, не переводя дыханія, слѣдилъ изъ своего окна, выходившаго въ садъ, какъ она гонялась за бабочкой, не обращая вниманія, что длинные ея волосы падали по плечамъ, что грудь ея раскрывалась. Бѣгая и прыгая, какъ ди-

кая молодая лошадь на волѣ, она не сконфузилась бы, еслибъ даже замѣтила горбуна... ростъ и миніатюрныя нѣжныя черты горбуна были обманчивы: она считала его еще мальчикомъ.

Горбунъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ женщину красивую, молодую и до такой степени странную.

День былъ лѣтній, солнце весело горѣло и жгло все, что попадало подъ его лучи. Старые господа отдыхали послѣ обѣда въ своихъ покояхъ; а Сара, набѣгавшись въ саду и раскраснѣвшись, усталая, лежала раскинувшись на креслахъ, въ залѣ, гдѣ обыкновенно горбунъ занимался своими дѣлами и счетами. Ему давно уже было передано управленіе всѣмъ имѣніемъ.

— Я хочу ѣхать верхомъ! повелительно и небрежно сказала Сара, какъ-будто разговаривая сама съ собой.

Горбунъ, склонивъ голову къ бумагѣ, поминутно изкоса поглядывалъ на Сару; при ея словахъ, онъ заботливо перевернулъ листъ.

— Ты слышишь, я хочу ѣхать верхомъ! съ сердцемъ повторила Сара.

Горбунъ закусилъ губу и спокойно произнесъ:

— Мнѣ никто не давалъ приказанія исполнить желаніе ваше — ѣхать верхомъ.

Сара вспыхнула, ноздри ея расширились; казалось, пламя готово было вылетѣть изъ нихъ.

— Какое тебѣ дѣло до приказаній другихъ? я хочу, я приказываю! надменно закричала она.

— Я не выполню вашихъ приказаній, отвѣчалъ глухимъ голосомъ горбунъ, поблѣднѣвъ.

Сара вскочила, съ презрѣніемъ оглядѣла его съ ногъ до головы и засмѣялась.

— Тебя заставятъ, уродъ! гордо сказала она и выбѣжала изъ комнаты.

Бранчевская, видя избалованный характеръ Сары, рѣшилась исправить ее, надѣясь на свое вліяніе и твердость воли. Она отказывала ей во всѣхъ удовольствіяхъ, которыя могли бы усиливать ея смѣлость, и думала, что этими лишеніями сдѣлать изъ своенравной Сары послушную невѣстку. И на этотъ разъ просьбы Сары остались тщетны. Сара въ ярости убѣжала въ свою комнату и расплакалась. Но скоро она пе-

рестала плакать, тщательно вытерла слезы и дала себѣ слово, во что бы то ни стало, сегодня же ѣхать верхомъ! Она вбѣжала въ залу, какъ-будто ничего не произошло между ею и горбуномъ, вертѣлась, прыгала и вдругъ, тяжело вздохнувъ, сказала, какъ-будто самой себѣ:

— Еслибъ мнѣ подвели теперь осѣдланную лошадь, я бы...

Она остановилась и лукаво посмотрѣла на горбуна. Онъ вздрогнулъ и поспѣшно спросилъ:

— Что бы, вы сдѣлали?

— Я?... я дала бы поцаловать палецъ своей перчатки! съ гордостью отвѣчала Сара.

— Если я вамъ достану лошадь? робко спросилъ горбунъ.

Сара залилась смѣхомъ и забила въ ладоши.

Горбунъ поблѣднѣлъ и глухо спросилъ:

— Вы исполните ваше обѣщаніе?

— Бѣги! повелительно сказала Сара и продолжала смѣяться.

Черезъ часъ верховая лошадь, осѣдланная по-дамски, стояла подъ горой, у стараго сада. Горбунъ держалъ ее подъ уздцы и тревожно ждалъ. Бѣговые дрожки стояли невдалекѣ и лошадь, привязанная къ дереву, махала хвостомъ, отгоняя мухъ, и рыла копытомъ землю.

Шелестъ послышался въ кустахъ, и Сара, какъ привидѣніе, явилась передъ горбуномъ. Она надѣла сверхъ своего бѣлаго платья длинную, бѣлую юбку; на головѣ ея была черная шляпа съ широкими полями, на которой съ одного боку приколоты были два черныхъ пера. Черные ея волосы, заплетенные въ косы, висѣли и колыхались па ея гибкомъ станѣ.

Горбунъ остолбенѣлъ; онъ испугался своей смѣлости.—Что если узнаютъ? подумалъ онъ; но Сара уже схватилась за ручку сѣдла и быстро спросила:

— Какъ же я сяду?

— Я васъ подсажу! робко отвѣчалъ горбунъ.

— Не хочу! съ сердцѐмъ возразила Сара, потомъ вдругъ засмѣялась и повелительно сказала: — нагнись!

Горбунъ нагнулся, Сара вскочила на его спину, ловко сѣла въ сѣдло, и, не давъ очнуться горбуну, ударила его хлыстомъ по спинѣ, потомъ стегнула свою лошадь и понеслась какъ стрѣла.

Горбунъ съ секунду не могъ встать съ колѣнъ; когда онъ поднялъ голову, бѣлое платье Сары едва виднѣлось. Онъ въ отчаяніи кинулся на бѣговые дрожки и пустился за ней.

Прогулки такого рода стали повторяться все чаще и чаще. Сара требовала, чтобъ горбунъ ѣздилъ съ ней тоже верхомъ; но убѣдившись, что это невозможно, она придумала другое средство: одѣла его въ женское платье и въ этомъ нарядѣ посадила на дамское сѣдло. Какъ дитя тѣшилась Сара своей выдумкой, и звучный смѣхъ оглашалъ лѣсъ; маленькими своими ручками поправляла она горбуну волосы и не спускала съ него глазъ, называя его нѣжными именами. Горбунъ молчалъ и прямо глядѣлъ ей въ глаза. Въ тотъ вечеръ Сара была весела до безумія.

— Послушай меня, красивая моя подруга, поѣдемъ-ка къ моему дядѣ, я хочу видѣть Алексиса!

Такъ звала она молодого человѣка, который былъ дальнимъ родственникомъ старому графу и жилъ у него.

Горбунъ въ испугѣ посмотрѣлъ на Сару и робко замѣтилъ, что слишкомъ далеко.

— Я хочу!

И Сара ударила по лошади и понеслась во весь опоръ. Горбунъ едва держался на сѣдлѣ, скача за нею, и жалобнымъ голосомъ кричалъ:

— Боже мой, вы меня погубите!

Сара сдержала лошадь и повелительно сказала:

— Хорошо, я не поѣду, ты поѣзжай впередъ и скажи Алексису, что я хочу его видѣть!

Горбунъ указалъ на свое платье и отчаяннымъ голосомъ спросилъ:

— Какъ же я могу такъ ѣхать?

— Вотъ хорошо! ты думаешь, что ты не хорошъ? насмѣшливо спросила Сара.

— Будутъ смѣяться.... я въ такомъ нарядѣ!

— Неужели ты думаешь, что есть платье, которое можетъ тебя сдѣлать смѣшнѣе, чѣмъ ты есть? Вздоръ я хочу, чтобъ ты именно въ этомъ платьѣ ѣхалъ. Мнѣ скучно; я хочу, хочу видѣть Алексиса! съ горячностью кричала Сара.

Горбунъ поблѣднѣлъ и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Въ другой разъ, ради Бога, въ другой разъ!

— Нѣтъ, я хочу сегодня, сегодня его видѣть, закричала Сара.

Горбунъ заплакалъ. Сара стала смѣяться, думая, что онъ нарочно плачетъ, чтобъ разсмѣшить ее, но горбунъ рыдалъ не шутя. Отчаяніе его съ каждой минутой возрастало. Онъ началъ рвать съ себя платье, судорожно сжималъ руки и наконецъ, стиснувъ зубы и застонавъ, рухнулся съ лошади.

Сара испугалась, она соскочила съ лошади и дрожа смотрѣла на горбуна, валявшагося въ судорогахъ на землѣ.

— Не нужно, я не пошлю тебя! кричала Сара, въ досадѣ топая ногою и въ тоже время заливаясь горькими слезами. Ей стало жаль горбуна, она опустилась на колѣни и, взявъ его за руку, ласково сказала:

— Встань, намъ пора ѣхать домой!

Но горбунъ лежалъ безъ чувствъ.

— Боже мой, что̀ это такое! въ отчаяніи сказала Сара, глядя на горбуна.

Ей стало страшно; она осмотрѣлась кругомъ: лѣсъ былъ густой, все было тихо, только шумѣли деревья да щебетали птицы; горбунъ какъ мертвый лежалъ у ея ногъ. Сара не знала, что̀ дѣлать; рыдая, сѣла она на свою лошадь и медленно поѣхала прочь, продолжая плакать. Но вдругъ она ударила лошадь и ускакала.

Черезъ полчаса горбунъ очнулся; онъ долго не могъ собраться съ мыслями, но, увидавъ платокъ, забытый Сарой, вдругъ вспомнилъ все; въ отчаяніи кинулся онъ на лошадь, и его дикіе крики наполнили лѣсъ: онъ звалъ Сару. Но въ лѣсу ея не было. Онъ вспомнилъ, что она хотѣла ѣхать къ дядѣ, и поскакалъ туда, но тамъ никто не видалъ ее. Горбунъ поѣхалъ домой, весь дрожа отъ страху. Радость его была неописанная, когда, подъѣзжая къ тому мѣсту, откуда они обыкновенно отправлялись на свои прогулки, онъ увидѣлъ лошадь Сары.

Успокоившись, горбунъ пришелъ домой и съ мѣсяцъ не выходилъ изъ своей комнаты: онъ захворалъ.

Сара скучала безъ него: нѐкому было исполнять ея прихотей, — и разъ двадцать посылала она узнавать объ его здоровьи.

Наконецъ горбунъ вышелъ изъ своей комнаты, и Сара, не давъ ему опомниться, таинственно сказала:

— Любишь ли ты меня?

И глаза ея страшно расширились и устремились на горбуна, еще слабаго и блѣднаго. Онъ задрожалъ и глухо пробормоталъ:

— Я.... я очень преданъ....

— Ну, хорошо, хорошо! перебила она и, слегка покраснѣвъ, объявила горбуну, что желаетъ переслать письмо къ Алексису, что она умираетъ съ тоски, и что хочетъ выйти за-мужъ за Алексиса.

Горбунъ съ этого дня превратился въ ихъ почтальона. Онъ совершенно измѣнился, обращалъ больше вниманія на свой туалетъ, сдѣлался заступникомъ угнетенныхъ, наказывалъ притѣснителей, и имя его стало повторяться съ благоговѣніемъ во всемъ околодкѣ.

Черезъ нѣсколько времени, Бранчевская принялась пересматривать свои сундуки; горбунъ понялъ, что время приближается.

Онъ объявилъ Сарѣ, что владѣетъ страшной тайной, которая касается до нея. Она требовала, чтобъ онъ сказалъ эту тайну.

— Нѣтъ, я даромъ не скажу. Что́ вы мнѣ дадите за это? спросилъ горбунъ.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія вещи! я сама не хочу знать твоей тайны! гордо отвѣчала Сара.

Но черезъ минуту она снова умоляла горбуна открыть сіи тайну.

— Я тебѣ дамъ все, что́ ты хочешь, только скажи!

И Сара сложила руки и умоляющими глазами смотрѣла на горбуна.

— Позвольте мнѣ поцаловать вашу ручку, скороговоркой сказалъ горбунъ.

Сара засмѣялась и гордо протянула ему свою руку. Онъ жадно поцаловалъ ее.

— Говори же, скорѣе! нетерпѣливо вскричала Сара, и глаза ея расширились.

Оправясь отъ волненія, горбунъ таинственно произнесъ:

— Скоро пріѣдетъ.... вашъ.... женихъ!

— Ха, ха, ха! Да я эту тайну давно ужъ знаю: я догадалась съ перваго же дня, зачѣмъ меня сюда привезли.

Горбунъ оторопѣлъ и поспѣшно спросилъ:

— Вы согласны за него выйти?

— Если понравится, выйду.

— А вашъ....

Сара погрозила пальцемъ горбуну и убѣжала.

Горбунъ замѣтилъ, что Сара стала гораздо холоднѣе къ Алексису и чаще ссорилась съ нимъ; рѣже писала къ нему; но зато онъ писалъ къ ней по два письма въ день.

Наконецъ наступилъ день, когда молодой Бранчевскій возвратился изъ столицы. Немногое было нужно, чтобъ онъ влюбился въ Сару: она обходилась съ нимъ холодно и строго, явно отдавая предпочтеніе Алексису.... Бранчевскій приходилъ въ отчаяніе....

Родители ждали, чтобъ ихъ сынъ самъ попросилъ руки Клеопатры; такъ и случилось. Молодой Бранчевскій, наскучивъ разъигрывать жалкую роль передъ своимъ соперникомъ, просилъ позволенія жениться на Сарѣ.

Старуха Бранчевская, важно усѣвшись въ кресла, призвала Сару, и покровительнымъ тономъ объявила ей радостную вѣсть, что Владиміръ Григорьичъ проситъ ея руки.

Сара уже была предувѣдомлена объ этомъ горбуномъ; она холодно выслушала Бранчевскую и сказала:

— Я не выйду за вашего сына!

Бранчевская чуть не лишилась чувствъ: она не могла себѣ представить, чтобъ бѣдная дѣвушка не польстилась такой партіей.

— Я хочу знать причину? строго спросила старуха, дурно скрывая свою досаду.

— Я его не люблю! небрежно отвѣчала Сара, поправляя свое платье.

— Вы безразсудная дѣвочка! съ горячностью сказала Бранчевская.

— Развѣ только потому, что не люблю вашего сына? насмѣшливо возразила Сара.

— Прошу васъ удержаться при мнѣ отъ вашей веселости: наши лѣта слишкомъ не равны для шутокъ! съ надменностью замѣтила Бранчевская.

Сара поклонилась и, выходя изъ комнаты, пробормотала:

— Давно бы пора догадаться, что мнѣ очень скучно съ стариками!

Горбунъ съ трепетомъ ждалъ ее у дверей. Сара все пересказала; она была весела и все твердила:

— Я разозлила ее, мнѣ весело, мнѣ страшно весело!

— Вы серьёзно не хотите выйти за ея сына? спросилъ горбунъ.

— Кто это тебѣ сказалъ? я нарочно обходилась съ нимъ холодно, чтобъ онъ скорѣе посватался на мнѣ. Мнѣ ужь слишкомъ скучно, я хочу, чтобъ мнѣ никто не смѣлъ запрещать дѣлать, чтò я вздумаю. Онъ богатъ, а? и безъ ея денегъ?

— Да, отвѣчалъ горбунъ радостно.

— Ну, онъ будетъ моимъ мужемъ.

— А если она на васъ такъ разсердилась, что будетъ теперь препятствовать?

Сара засмѣялась. Она подскочила къ зеркалу, долго смотрѣлась въ него, нахмурила брови, топнула ногой и сказала:

— Я захочу, и онъ будетъ моимъ мужемъ!

И точно: молодой Бранчевскій въ ногахъ валялся у матери, чтобъ она позволила ему жениться на Сарѣ, которой Бранчевская не могла простить ея выходки. Отецъ былъ за сына, потому-что Сара была услужлива и нѣжна къ старику.

Нечего было дѣлать: Бранчевская убѣдилась, что Сара, одна изъ такихъ женщинъ, для которыхъ нѣтъ препятствій, и день свадьбы былъ назначенъ.

Горбунъ дѣлалъ всѣ закупки. Комнаты Сары отдѣлывались съ необыкновенною роскошью, Сара и слышать не хотѣла объ умѣренности.

— Я за-мужъ выхожу для того, чтобъ весело жить, твердила она.

Горбунъ уменьшалъ передъ Бранчевской цѣны разныхъ вещей, чтобъ угодить Сарѣ. Страшная дружба завязалась между ею и горбуномъ; они по цѣлымъ днямъ совѣтовались, какъ чтò сдѣлать, и какъ провести Бранчевскую.

Молодой Бранчевскій уже охладѣлъ къ Сарѣ; ея характеръ былъ ему не по-силамъ, и онъ чувствовалъ свое безсиліе. Она вѣчно смѣялась надъ своимъ женихомъ. Онъ сталъ бояться ее.

Старикъ Бранчевскій опасно захворалъ. Поспѣшили сыграть свадьбу. Свадьба была великолѣпная; невѣста, вся въ брильянтахъ, гордо стояла подъ вѣнцомъ и между присутствующими пролетѣлъ шопотъ:

— Она ему не пара!

Горбунъ ходилъ какъ потерянный; онъ не сводилъ глазъ съ Сары. То убѣгалъ къ себѣ въ комнату, и тамъ рвалъ на себѣ волосы, повторяя: — Зачѣмъ я не растроилъ? то опрометью кидался въ залу и страстно смотрѣлъ на Сару.

Гости разъѣхались, и молодые отправились въ свои комнаты. Горбунъ заранѣе ушелъ въ старый садъ. Онъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда смотрѣлъ на обгорѣлый домъ, наутро послѣ пожара. Тяжелыя мысли тѣснили ему грудь. Вспомнилъ онъ и свое дѣтство и свою мать!... Слезы текли ручьями по его блѣдному лицу.

Сторожевыя доски загудѣли и вывели его изъ забытья; онъ вскочилъ и пустился бѣжать изъ сада. На цыпочкахъ прокрался онъ въ комнату больного старика Бранчевскаго. Старикъ не спалъ отъ боли и охалъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я-съ!

— Что ты не спишь?

— Я.... я имѣю сообщить вамъ очень важную вещь, сказалъ горбунъ и близко подошелъ къ кровати старика.

— Боже, что съ тобою? отчего ты такъ блѣденъ? не случилось ли чего?... тоскливо спрашивалъ старикъ и нетерпѣливо глядѣлъ въ лицо горбуна, искаженное страданіями.

— Успокойтесь; я пришелъ вамъ сказать...

— Что? что такое? говори!

И старикъ, весь дрожа, приподнялся.

— Ваша невѣстка.... она....

И горбунъ подалъ старику пукъ писемъ Сары къ Алексису.

Старикъ содрогнулся, голова его скатилась на подушки, и онъ лишился чувствъ.

Горбунъ кинулся изъ комнаты и, страшно застучавъ въ дверь, которая вела въ спальню молодыхъ, закричалъ:

— Вставайте, вставайте, вашъ батюшка умираетъ!

Въ голосѣ его слышалась радостная насмѣшка.

ГЛАВА V.

СОНЪ.

Цѣлую ночь весь домъ былъ въ тревогѣ; Бранчевскій умиралъ. Печально провели молодые медовый мѣсяцъ. Старикъ былъ такъ слабъ, что смерти его ждали каждую минуту. Онъ сидѣлъ съ горбуномъ и все о чемъ-то говорилъ съ нимъ. Умирая, онъ взялъ съ него клятву, что тайна о его невѣсткѣ останется между ними.

Сара скучала, видя, что власть ея такъ же ограничена, какъ и прежде. Вражда между ею и старухой Бранчевской завязалась открытая. Онѣ иначе не могли говорить другъ съ другомъ, какъ колкостями. Сара непремѣнно хотѣла распоряжаться самостоятельно. Она устроила себѣ совершенно особую жизнь: ночь проводила въ удовольствіяхъ, а день спала.

Молодой Бранчевскій, испуганный порывами гнѣва своей жены, частыми семейными ссорами, сталъ искать разсѣянія внѣ дома, и горбунъ содѣйствовалъ ему въ этомъ. У Бранчевскаго явилась страсть къ игрѣ и скоро достигла страшныхъ размѣровъ: двои и трои сутки могъ онъ, не вставая, просиживать за картами.

Сара не огорчалась холодностью мужа; ей нужна была свобода, она ее имѣла и упивалась ею.

Гости не выѣзжали изъ ихъ дома; то были бо́льшей частію мужчины. Сара не очень любила дамское общество.

— Я тогда только полюблю дамское общество, говорила она: — когда оно отречется отъ китайскихъ формъ.

Однакожь она смутно чувствовала, что ей чего-то не достаетъ; кокетничала со всѣми и въ тоже время осыпала своихъ вздыхателей самыми злыми насмѣшками. Всѣ казались ей трусами, неповоротливыми, безжизненными; тотъ слишкомъ нѣженъ, тотъ холоденъ. Ни одинъ изъ окружавшихъ ее молодыхъ людей не нравился ей.

— Я хочу любить мужчину, а не дѣвушку [illegible]сіонскими манерами въ мужскомъ платьѣ, говорила [illegible]

Тоска Сары высказывалась дико и часто страшно; въ недобрыя минуты она разрушала все, чтó ей нравилось, чтò было дорого. Разъ она приказала вывести свою любимую лошадь, молодую и очень горячую. Навязавъ ей колокольчиковъ и бубенчиковъ на гриву и хвостъ, съ криками пустили ее въ поле. Лошадь дѣлала страшные прыжки, бѣсилась, ржала и наконецъ съ пѣной у рта помчалась къ лѣсу. Сара судорожно смѣялась, ноздри ея расширялись, глаза дѣлались огромными и страшно блестѣли. Но когда лошадь исчезла въ лѣсу, она испугалась и велѣла всей дворнѣ искать ее. Лошадь нашли во рву съ переломленной ногой. Сара злилась, зачѣмъ не умѣли сберечь ее и горько плакала.

Часто, разсердившись на горничную, она выгоняла ее. Тогда горбунъ, одѣвшись, по старой памяти, въ женское платье, входилъ къ Сарѣ, присѣдалъ и рекомендовалъ себя, какъ отличную горничную. Гнѣвъ Сары въ минуту проходилъ, она смѣялась и позволяла горбуну чесать себѣ голову, обувать свои маленькія безподобныя ножки. Горбунъ обходился съ волосами Сары какъ самый искусный парикмахеръ.

Сара даже разсерженная, когда никто не смѣлъ подойти къ ней, выносила присутствіе горбуна; часто даже призывала его. Если мужъ долго не пріѣзжалъ, горбунъ обязанъ былъ сидѣть у кровати Сары и убаюкивать ее сказками.

На Сару находили дни, когда она просто превращалась въ ребенка; робко оглядывалась кругомъ, всего трусила, ни на шагъ не отпускала отъ себя горбуна; а ночью приказывала ярко освѣщать свою спальню, и вся дворня пировала передъ ея окнами, плясала и пѣла. Къ этимъ странностямъ всѣ въ домѣ привыкли: Сара была добра, въ домашнія мелочи не входила, и прислуга была очень довольна, что взбалмошная госпожа не требуетъ особеннаго порядка.

Однажды Сарѣ вздумалось осмотрѣть старый садъ. Горбунъ былъ ея чичероне. Онъ зналъ каждой уголокъ и передавалъ ей все мѣстные случаи и преданія. Осмотрѣвъ садъ, Сара пожелала итти въ старый домъ. Горбунъ замѣтилъ ей, что въ немъ опасно ходить: стѣны и потолки часто обрушиваются; но его замѣчаніе только сильнѣе разожгло желаніе Сары.

— Я хочу видѣть весь домъ! настойчиво сказала она. — *Веди меня!*

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]:

— [illegible]

[illegible]

— [illegible] картины.

— [illegible]...

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible] Сара.

— [illegible]...

— [illegible]

— [illegible]....

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

Горбунъ стоялъ на срединѣ другой балки и покачивался.

— Чтò же вы? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Упадешь! поспѣшно закричала ему Сара, нахмуривъ брови.

Горбунъ продолжалъ покачиваться.

— Вы меня назвали трусомъ, замѣтилъ онъ язвительно. — Я хочу вамъ доказать....

Сара засмѣялась.

— Что тебѣ бояться? Лишній горбъ не можетъ уже обезобразить тебя!

И она стала уськать свою собаку на горбуна; но собака не шла на балку. Глаза Сары блеснули дикимъ огнемъ. Долго билась она съ непослушной собакой, наконецъ схватила ее за ошейникъ, притащила къ балкѣ и сбросила внизъ. Пустой домъ огласился пронзительнымъ визгомъ. Внизу началась тревога: раздался дикій крикъ; стая воронъ, тяжело хлопая крыльями, поднялась вверхъ, иныя въ испугѣ бросились къ окнамъ, другія метались и вились надъ головой Сары, которая, закрывъ лицо руками, стояла въ углу и дрожала.

Горбунъ подошелъ къ ней, когда воцарилась прежняя тишина.

— Это былъ старикъ? тихо спросила Сара, отнимая руки отъ лица.

Горбунъ кивнулъ головой.

— Чтó же, мы не пойдемъ дальше? спросилъ онъ улыбаясь.

— Кто тебѣ это сказалъ? возразила она съ гордостью и не держась прошла по обгорѣлой балкѣ.

Горбунъ шелъ за ней. Они вошли въ комнату съ уцѣлѣвшимъ поломъ, потомъ прошли еще нѣсколько такихъ же комнатъ и очутились у затворенной двери.

— Здѣсь, сказалъ горбунъ, отворяя дверь.

Ржавыя петли жалобно провизжали, какъ-будто прося не нарушать тишины отслужившаго зданія.

Комната, въ которую они вступили, была безъ оконъ: свѣтъ входилъ въ нее сверху. Прямо у стѣны по серединѣ стояла огромная двухспальная кровать; комоды, шкафы и кресла — все было покрыто густымъ слоемъ пыли.

— Вотъ комната, въ которой случилось несчастье, сказалъ горбунъ.

— Какъ сыро здѣсь! какая смѣшная мебель! посмотри, каковъ шкафъ!

Сара открыла дверцы у шкафа; что-то пискнуло тамъ, заметалось и шлепнулось на полъ. Сара съ крикомъ отскочила и упала на руки горбуна.

Когда она очнулась, они были уже въ саду.

— Что́ это со мною было? чего я испугалась?

— Крысы! насмѣшливо отвѣчалъ горбунъ.

Сара покраснѣла.

— Гдѣ моя собака? быстро спросила она.

— Горбунъ сталъ звать ее. Изъ-за куста, медленно выступая на трехъ ногахъ, показалась собака. Сара пришла въ отчаяніе.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! она сломала себѣ лапу; бѣги скорѣе за докторомъ! въ отчаяніи кричала она горбуну, лаская собаку. Она стала передъ ней на колѣни и съ такою любовью смотрѣла ей въ глаза, что горбунъ покраснѣлъ и быстро отвернулся.

Цѣлый день Сара возилась съ лапой собаки. Она устала и рано легла въ постель. Горбунъ сидѣлъ на ступенькѣ у ея кровати, а возлѣ, на подушкѣ, лежала больная собака.

Комната была небольшая; кровать стояла на возвышеніи, подъ розовыми занавѣсками. Мебель была позолоченная, обитая розовымъ штофомъ; полъ былъ устланъ дорогими коврами. Свѣтъ выходилъ изъ розовой вазы, висѣвшей на срединѣ потолка. Сара лежала въ одномъ кисейномъ капотѣ; было жарко. Она поминутно мѣняла положенія, и одно другого было граціознѣе. Ея черные волосы расплелись и падали по кружевнымъ подушкамъ. Ноги ея, бѣлыя какъ мраморъ, были одѣты въ шолковыя туфли; одна туфля сползла, и чудная ножка обнажилась во всей своей стройности.

— Какая жара! проговорила Сара, откинувъ волосы назадъ и закинувъ руки на голову. Она дышала прерывисто и скоро.

Горбунъ жадно глядѣлъ на нее и часто закрывалъ голову руками, какъ-будто вдругъ чего испугавшись.

— Отвори окно и разсказывай мнѣ сказки! шопотомъ сказала Сара.

Старикъ Бранчевскій опасно захворалъ. Поспѣшили сънграть сватьбу. Сватьба была великолѣпная; невѣста, вся въ брильянтахъ, гордо стояла подъ вѣнцомъ и между присутствующими пролетѣлъ шопотъ:

— Она ему не пара!

Горбунъ ходилъ какъ потерянный; онъ не сводилъ глазъ съ Сары. То убѣгалъ къ себѣ въ комнату, и тамъ рвалъ на себѣ волосы, повторяя: — Зачѣмъ я не растроилъ? то опрометью кидался въ залу и страстно смотрѣлъ на Сару.

Гости разъѣхались, и молодые отправились въ свои комнаты. Горбунъ заранѣе ушелъ въ старый садъ. Онъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда смотрѣлъ на обгорѣлый домъ, наутро послѣ пожара. Тяжелыя мысли тѣснили ему грудь. Вспомнилъ онъ и свое дѣтство и свою мать!... Слезы текли ручьями по его блѣдному лицу.

Сторожевыя доски загудѣли и вывели его изъ забытья; онъ вскочилъ и пустился бѣжать изъ сада. На цыпочкахъ прокрался онъ въ комнату больного старика Бранчевскаго. Старикъ не спалъ отъ боли и охалъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я-съ!

— Что̀ ты не спишь?

— Я.... я имѣю сообщить вамъ очень важную вещь, сказалъ горбунъ и близко подошелъ къ кровати старика.

— Боже, что̀ съ тобою? отчего ты такъ блѣденъ? не случилось ли чего?... тоскливо спрашивалъ старикъ и нетерпѣливо глядѣлъ въ лицо горбуна, искаженное страданіями.

— Успокойтесь; я пришелъ вамъ сказать...

— Что́? что́ такое? говори!

И старикъ, весь дрожа, приподнялся.

— Ваша невѣстка.... она....

И горбунъ подалъ старику пукъ писемъ Сары къ Алексису.

Старикъ содрогнулся, голова его скатилась на подушки, и онъ лишился чувствъ.

Горбунъ кинулся изъ комнаты и, страшно застучавъ въ дверь, которая вела въ спальню молодыхъ, закричалъ:

— *Вставайте*, вставайте, вашъ батюшка умираетъ!

Въ голосѣ его слышалась радостная насмѣшка.

ГЛАВА V.

СОНЪ.

Цѣлую ночь весь домъ былъ въ тревогѣ; Бранчевскій умиралъ. Печально провели молодые медовый мѣсяцъ. Старикъ былъ такъ слабъ, что смерти его ждали каждую минуту. Онъ сидѣлъ съ горбуномъ и все о чемъ-то говорилъ съ нимъ. Умирая, онъ взялъ съ него клятву, что тайна о его невѣсткѣ останется между ними.

Сара скучала, видя, что власть ея такъ же ограниченна, какъ и прежде. Вражда между ею и старухой Бранчевской завязалась открытая. Онѣ иначе не могли говорить другъ съ другомъ, какъ колкостями. Сара непремѣнно хотѣла распоряжаться самостоятельно. Она устроила себѣ совершенно особую жизнь: ночь проводила въ удовольствіяхъ, а день спала.

Молодой Бранчевскій, испуганный порывами гнѣва своей жены, частыми семейными ссорами, сталъ искать разсѣянія внѣ дома, и горбунъ содѣйствовалъ ему въ этомъ. У Бранчевскаго явилась страсть къ игрѣ и скоро достигла страшныхъ размѣровъ: двои и трои сутки могъ онъ, не вставая, просиживать за картами.

Сара не огорчалась холодностью мужа; ей нужна была свобода, она ее имѣла и упивалась ею.

Гости не выѣзжали изъ ихъ дома; то были бо́льшей частію мужчины. Сара не очень любила дамское общество.

— Я тогда только полюблю дамское общество, говорила она: — когда оно отречется отъ китайскихъ формъ.

Однакожь она смутно чувствовала, что ей чего-то не достаетъ; кокетничала со всѣми и въ тоже время осыпала своихъ вздыхателей самыми злыми насмѣшками. Всѣ казались ей трусами, неповоротливыми, безжизненными; тотъ слишкомъ нѣженъ, тотъ холоденъ. Ни одинъ изъ окружавшихъ ее молодыхъ людей не нравился ей.

— Я хочу любить мужчину, а не дѣвушку съ пансіонскими манерами въ мужскомъ платьѣ, говорила она.

Тоска Сары высказывалась дико и часто страшно; въ недобрыя минуты она разрушала все, что ей нравилось, что было дорого. Разъ она приказала вывести свою любимую лошадь, молодую и очень горячую. Навязавъ ей колокольчиковъ и бубенчиковъ на гриву и хвостъ, съ криками пустили ее въ поле. Лошадь дѣлала страшные прыжки, бѣсилась, ржала и наконецъ съ пѣной у рта помчалась къ лѣсу. Сара судорожно смѣялась, ноздри ея разширялись, глаза дѣлались огромными и страшно блестѣли. Но когда лошадь исчезла въ лѣсу, она испугалась и велѣла всей дворнѣ искать ее. Лошадь нашли въ рву съ переломленной ногой. Сара злилась, зачѣмъ не умѣли сберечь ее и горько плакала.

Часто, разсердившись на горничную, она выгоняла ее. Тогда горбунъ, одѣвшись, по старой памяти, въ женское платье, ходилъ къ Сарѣ, присѣдалъ и рекомендовалъ себя, какъ отличную горничную. Гнѣвъ Сары въ минуту проходилъ, она смѣялась и позволяла горбуну чесать себѣ голову, обувать свои маленькія безподобныя ножки. Горбунъ обходился съ волосами Сары какъ самый искусный парикмахеръ.

Сара даже разсерженная, когда никто не смѣлъ подойти къ ней, выносила присутствіе горбуна; часто даже призывала его. Если мужъ долго не пріѣзжалъ, горбунъ обязанъ былъ сидѣть у кровати Сары и убаюкивать ее сказками.

На Сару находили дни, когда она просто превращалась въ ребенка; робко оглядывалась кругомъ, всего трусила, ни на шагъ не отпускала отъ себя горбуна; а ночью приказывала ярко освѣщать свою спальню, и вся дворня пировала передъ ея окнами, плясала и пѣла. Къ этимъ странностямъ всѣ въ домѣ привыкли: Сара была добра, въ домашнія мелочи не входила, и прислуга была очень довольна, что взбалмошная госпожа не требуетъ особеннаго порядка.

Однажды Сарѣ вздумалось осмотрѣть старый садъ. Горбунъ былъ ея чичероне. Онъ зналъ каждой уголокъ и передавалъ ей все мѣстные случаи и преданія. Осмотрѣвъ садъ, Сара пожелала итти въ старый домъ. Горбунъ замѣтилъ ей, что въ немъ опасно ходить: стѣны и потолки часто обрушиваются; но его замѣчаніе только сильнѣе разожгло желаніе Сары.

— Я хочу видѣть весь домъ! настойчиво сказала она. — Веди меня!

Горбунъ зналъ, что нѣтъ средствъ остановить ее, если ужь на сказала «хочу», и повиновался.

Взбираясь по старой, полусгнившей лѣстницѣ, Сара поблѣднѣла и крѣпко схватилась за руку горбуна.

— Чтò съ вами? спросилъ онъ. — Не вернуться ли намъ?

Она оставила его руку и съ презрѣніемъ сказала:

— Трусъ!

Эхо нѣсколько разъ повторило это слово. Горбунъ поблѣднѣлъ и злобно посмотрѣлъ на Сару, которая уже шла по залѣ, ричала и вслушивалась въ эхо.

— Здѣсь гораздо веселѣе, чѣмъ у насъ! и если мнѣ очень адоѣстъ, я переберусь сюда жить! замѣтила она, разсматривая артины.

— Въ этомъ домѣ нельзя жить....

— Почему? быстро спросила Сара.

— Потому-что здѣсь поселился старикъ, которому дѣдъ ваего отца уступилъ этотъ домъ. Говорятъ, старикъ не давалъ му ни днемъ, ни ночью покоя, грозилъ обрушить на его домъ азныя несчастія ... отецъ его будто бы съ нимъ имѣлъ какойо договоръ.

— Я увѣрена, что дѣдъ моего мужа смѣялся его угрозамъ, амѣтила Сара.

— Да, сначала и онъ разсуждалъ также, какъ и вы, пока не лучилось съ нимъ одно несчастіе....

— Какое? съ любопытствомъ спросила Сара.

— Пойдемте, я вамъ покажу спальню, гдѣ оно случиось....

Они отправились дальше и, миновавъ нѣсколько комнатъ, вошли въ большую залу, всю обгорѣлую, съ провалившимся поомъ, такъ-что виденъ былъ нижній этажъ. Крыша была вскрыа, и одинъ остовъ потолка со множествомъ перекладинъ висѣлъ адъ ихъ головами. Обгорѣлыя балки иныя торчали до полоины, другія тянулись во всю длину комнаты. Тоже было и подъ хъ ногами.

Сара не безъ страха взглянула внизъ.

— Страшно! сказала она и притянула къ себѣ свою собаку, оторая чуть-было не провалилась, прыгнувъ на конецъ обгорѣлой балки; уголья посыпались и съ глухимъ шумомъ упали а полъ нижней комнаты. Собака заворчала.

Горбунъ стоялъ на срединѣ другой балки и покачивался.

— Чтò же вы? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Упадешь! поспѣшно закричала ему Сара, нахмуривъ брови.

Горбунъ продолжалъ покачиваться.

— Вы меня назвали трусомъ, замѣтилъ онъ язвительно. — Я хочу вамъ доказать....

Сара засмѣялась.

— Что тебѣ бояться? Лишній горбъ не можетъ уже обезобразить тебя!

И она стала уськать свою собаку на горбуна; но собака не шла на балку. Глаза Сары блеснули дикимъ огнемъ. Долго билась она съ непослушной собакой, наконецъ схватила ее за ошейникъ, притащила къ балкѣ и сбросила внизъ. Пустой домъ огласился пронзительнымъ визгомъ. Внизу началась тревога: раздался дикій крикъ; стая воронъ, тяжело хлопая крыльями, поднялась вверхъ, иныя въ испугѣ бросились къ окнамъ, другія метались и вились надъ головой Сары, которая, закрывъ лицо руками, стояла въ углу и дрожала.

Горбунъ подошелъ къ ней, когда воцарилась прежняя тишина.

— Это былъ старикъ? тихо спросила Сара, отнимая руки отъ лица.

Горбунъ кивнулъ головой.

— Чтó же, мы не пойдемъ дальше? спросилъ онъ улыбаясь.

— Кто тебѣ это сказалъ? возразила она съ гордостью и не держась прошла по обгорѣлой балкѣ.

Горбунъ шелъ за ней. Они вошли въ комнату съ уцѣлѣвшимъ поломъ, потомъ прошли еще нѣсколько такихъ же комнатъ и очутились у затворенной двери.

— Здѣсь, сказалъ горбунъ, отворяя дверь.

Ржавыя петли жалобно провизжали, какъ-будто прося не нарушать тишины отслужившаго зданія.

Комната, въ которую они вступили, была безъ оконъ: свѣтъ входилъ въ нее сверху. Прямо у стѣны по серединѣ стояла огромная двухспальная кровать; комоды, шкафы и кресла — все было покрыто густымъ слоемъ пыли.

— Вотъ комната, въ которой случилось несчастье, сказалъ горбунъ.

— Какъ сыро здѣсь! какая смѣшная мебель! посмотри, каковъ шкафъ!

Сара открыла дверцы у шкафа; что-то пискнуло тамъ, заметалось и шлепнулось на полъ. Сара съ крикомъ отскочила и упала на руки горбуна.

Когда она очнулась, они были уже въ саду.

— Что̀ это со мною было? чего я испугалась?

— Крысы! насмѣшливо отвѣчалъ горбунъ.

Сара покраснѣла.

— Гдѣ моя собака? быстро спросила она.

— Горбунъ сталъ звать ее. Изъ-за куста, медленно выступая на трехъ ногахъ, показалась собака. Сара пришла въ отчаяніе.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! она сломала себѣ лапу; бѣги скорѣе за докторомъ! въ отчаяніи кричала она горбуну, лаская собаку. Она стала передъ ней на колѣни и съ такою любовью смотрѣла ей въ глаза, что горбунъ покраснѣлъ и быстро отвернулся.

Цѣлый день Сара возилась съ лапой собаки. Она устала и рано легла въ постель. Горбунъ сидѣлъ на ступенькѣ у ея кровати, а возлѣ, на подушкѣ, лежала больная собака.

Комната была небольшая; кровать стояла на возвышеніи, подъ розовыми занавѣсками. Мебель была позолоченная, обитая розовымъ штофомъ; полъ былъ устланъ дорогими коврами. Свѣтъ выходилъ изъ розовой вазы, висѣвшей на срединѣ потолка. Сара лежала въ одномъ кисейномъ капотѣ; было жарко. Она поминутно мѣняла положенія, и одно другого было граціознѣе. Ея черные волосы расплелись и падали по кружевнымъ подушкамъ. Ноги ея, бѣлыя какъ мраморъ, были одѣты въ шолковыя туфли; одна туфля сползла, и чудная ножка обнажилась во всей своей стройности.

— Какая жара! проговорила Сара, откинувъ волосы назадъ и закинувъ руки на голову. Она дышала прерывисто и скоро.

Горбунъ жадно глядѣлъ на нее и часто закрывалъ голову руками, какъ-будто вдругъ чего испугавшись.

— Отвори окно и разсказывай мнѣ сказки! шопотомъ сказала Сара.

Горбунъ исполнилъ первое ея приказаніе, а о второмъ сказалъ, что не знаетъ никакой новой сказки. Она непремѣнно требовала, чтобъ онъ что-нибудь разсказывалъ.

— Угодно, я вамъ разскажу странный сонъ, который я видѣлъ на-дняхъ....

— Ну, разсказывай! машинально сказала Сара и закрыла глаза, приготовившись слушать.

Горбунъ началъ дрожащимъ голосомъ:

— Мнѣ было очень грустно; я долго думалъ о своемъ положеніи: я одинъ, меня никто не любитъ, надо мною всѣ смѣются. Я осужденъ не знать любви, въ то время, какъ страсть сжигаетъ меня.

Онъ пріостановился и поглядѣлъ на Сару. Неожиданное молчаніе вывело ее изъ дремоты, и она быстро сказала:

— Ну, продолжай! Смѣшно, очень смѣшно, что ты говорилъ....

Горбунъ горько улыбнулся и продолжалъ:

— Съ этими мыслями я задремалъ; сонъ еще не успѣлъ овладѣть мною вполнѣ, какъ передо мною начали мелькать какія-то лица; они дразнили меня, щипали, бранили, и я не могъ сдвинуться съ мѣста; ноги и руки мои были какъ-будто скованы. Это, кажется, еще больше поощряло моихъ жестокихъ мучителей. Я рыдалъ, чувствуя свое безсиліе, проклиналъ себя и наконецъ дошелъ до страшнаго состоянія. Я вызвалъ на помощь себѣ нечистую силу, чтобъ отомстить. Загремѣлъ громъ, люди съ крикомъ разбѣжались, я остался одинъ, вдругъ потолокъ рухнулся.... я почувствовалъ, будто лечу; точно, я очутился въ нашемъ старомъ саду; старикъ съ заступомъ стоялъ передо мною. Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и велѣлъ итти за собой. Мы долго шли дремучимъ лѣсомъ; пропасти и болота превращались передъ нами въ равнины, и мы свободно проходили по нимъ. Звѣри, встрѣчаясь съ нами, раболѣпно падали, птицы замирали въ воздухѣ, не смѣя опередить насъ; мы все шли лѣсомъ глубже и глубже. Вдругъ поднялась буря, столѣтніе дубы стонали и съ трескомъ падали, звѣри выли... земля заколыхалась, и мы стали опускаться.... Я лишился чувствъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что лежу среди обширнаго луга, на мягкой, высокой и душистой травѣ. Кругомъ меня весело распѣвали птицы. Свѣтъ былъ розово-матовый. Цвѣты са-

мые роскошные росли на этомъ лугу. Мнѣ было такъ весело, такъ легко, что я заплакалъ отъ счастія. Вдругъ послышались нѣжные звуки арфы и гармоническій голосъ.... Очарованный, я подкрался къ кусту розъ, откуда неслись звуки, раздвинулъ его и голова моя закружилась. Качаясь на кустахъ розъ, лежала женщина. Лицо ея поразительной красоты какъ-будто было знакомо мнѣ; она лукаво улыбалась. Долго я смотрѣлъ на ея черные волосы, на ея ласковыя глаза, на ея бѣлую грудь. Я забылъ все, я упалъ на колѣни, хотѣлъ прильнуть къ ея губамъ.... но она какъ птичка порхнула и высоко сѣла на дерево и тамъ снова запѣла, призывая меня. Долго я ловилъ ее.... наконецъ поймалъ! она дрожала въ моихъ рукахъ. Я прижималъ ее къ своей груди, я цаловалъ ее, и она не отворачивалась отъ меня. Коротко было мое счастье! вдругъ все потемнѣло, я очутился снова въ дремучемъ лѣсу, старикъ съ заступомъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Твоя злоба, твоя жажда мести — все исчезло при первомъ моемъ испытаніи! Зачѣмъ же ты звалъ меня?...

Я сознался ему, что готовъ все забыть, все простить, лишь бы еще разъ увидѣть эту женщину, что готовъ даже вынести всѣ мученія, какія онъ можетъ придумать, только бы снова обнять ее.

Старикъ улыбнулся и сказалъ:

— «Ты мой! выбирай же несмѣтное богатство на всю жизнь, или минутное счастье обладать этой женщиной....

— Я согласился на....

Горбунъ остановился; въ эту минуту онъ замѣтилъ, что Сара, спустивъ свои ножки съ кровати, внимательно слушала его.

— На что̀ же ты согласился? съ любопытствомъ спросила она.

— На послѣднее! отвѣчалъ горбунъ и продолжалъ:

«Если такъ, сказалъ мнѣ старикъ, то ты подвергнешься испытанію....» Но тутъ грянулъ громъ и старикъ исчезъ....

Едва успѣлъ договорить горбунъ, какъ порывъ вѣтра, который давно уже бушевалъ на дворѣ, ворвался въ комнату, распахнулъ занавѣски у кровати, погасилъ огонь, зашумѣлъ бумагами, лежавшими на столѣ, застучалъ ставнями. Молнія освѣтила комнату... Сара приподнялась, вскрикнула и безъ чувствъ упала на подушки.

ГЛАВА VI.

ОХОТА.

На-утро горбунъ пропалъ изъ дому; все всполошилось. Сара скучала о немъ и разсказывала всѣмъ, что сама собственными глазами видѣла старика съ заступомъ. Два дня пропадалъ горбунъ, на третій день вечеромъ явился. Онъ былъ худъ, глаза его ввалились, волосы были всклокочены, платье изорвано. Молча пришелъ онъ въ свою комнату и заперся въ ней. Сару тотчасъ же извѣстили о возвращеніи его и состояніи, въ которомъ онъ находился. На-утро горбунъ уже былъ одѣтъ и причесанъ по прежнему, только судорожная дрожь подергивала его. Ни ласками, ни угрозами Сара не могла вывѣдать у него причины трехдневнаго бѣгства; онъ повторялъ одно:

— Это моя тайна!

Съ этого дня горбунъ началъ возбуждать въ Сарѣ ревность къ ея мужу, который продолжалъ кутить и играть то съ разгульными деревенскими сосѣдами, то въ ближнемъ губернскомъ городѣ.

Старуха Бранчевская захворала. Сара вдругъ измѣнилась къ ней: она усердно ухаживала за больной, и свекровь умирая благословляла свою невѣсту за попеченіе о ней. Сара была тронута смертію свекрови, которая въ послѣднее время уже ни во что не входила и не мѣшала ей дѣлать, что̀ вздумается, да и Сара, утоливъ первую жажду властолюбія, давно уже поугомонилась: онѣ могли жить мирно. Поплакали, поскучали и вскорѣ, какъ водится, забыли старуху Бранчевскую.

Оставшись полными хозяевами своей воли и своихъ доходовъ, молодые Бранчевскіе начали жить еще роскошнѣе и безрасчетливѣе; долги быстро росли; но ни мужъ, ни жена не обращали вниманія на совѣты и предостереженія горбуна. Впрочемъ онъ самъ иногда подавалъ Сарѣ мысль затѣять какое-нибудь празднество, стоившее огромныхъ денегъ.

У Сары явились прихоти и капризы, еще страннѣе прежнихъ. Она какъ ребенокъ бѣгала, прыгала и безумно скакала верхомъ. Надѣвъ амазонку, перекинувъ черезъ плечо ружье, Са-

ра съ толпою гостей и слугъ отправлялась на охоту. Ея звонкій смѣхъ далеко разносился по лѣсамъ и полямъ.

Въ такіе дни горбунъ заранѣе уѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ лѣсъ и оттуда слѣдилъ за Сарой, не показываясь ей.

Разъ на охотѣ Сарой овладѣла какая-то дикая, необузданная веселость; глаза ея какъ-то страшно блестѣли, звонкій, радостный смѣхъ не умолкалъ. Если лошадь горячилась подъ кѣмъ-нибудь изъ гостей, Сара съ наслажденіемъ слѣдила за возрастающей ея горячностью и, казалось, съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда лошадь сброситъ своего всадника.

Наконецъ она начала горячить свою лошадь; окружающіе уговаривали отважную всадницу, но это только разжигало ее; она заставляла свою лошадь дѣлать отчаянные прыжки, при общихъ восклицаніяхъ ужаса.

— Сара, ты дурачишься! сказалъ мужъ, подскакавъ къ ней.

— Я вамъ не мѣшаю дурачиться и прошу васъ оставить меня въ-покоѣ, отвѣчала она.

— Нѣтъ, я тебѣ не позволю! сердито возразилъ мужъ и хотѣлъ удержать за поводъ ея лошадь.

Сара съ силой хлестнула лошадь мужа, потомъ пришпорила свою и съ дикимъ смѣхомъ поскакала впередъ. Раздался отчаянный крикъ. Сара оглянулась и увидѣла лошадь своего мужа, мчавшуюся за ней безъ всадника: съ дикимъ ржаньемъ обогнала она Сару, и положеніе наѣздницы стало опасно: лошадь подъ ней, и безъ того разгоряченная, закусивъ удила, помчалась за лошадью, сбросившей Бранчевскаго. Остановить ее у Сары не было силъ. Вся въ пѣнѣ, долго мчала она свою всадницу по полямъ, наконецъ свернула въ лѣсъ; вѣтви деревьевъ хлестали Сару по лицу, царапали ее; шляпа съ нея упала, и разсыпавшіеся волосы зацѣплялись за сучья. Силы оставили Сару, она опустила поводья. Лошадь попала между двумя деревьями, рванулась — курокъ соскочилъ, раздался выстрѣлъ. У Сары потемнѣло въ глазахъ, она дико вскрикнула. Ошеломленная неожиданнымъ выстрѣломъ, лошадь остановилась какъ вкопаная. Въ ту самую минуту изъ–за кустовъ выскочилъ горбунъ, блѣдный, съ изцарапаннымъ лицомъ, въ изорванномъ платьѣ, схватилъ лошадь подъ уздцы, и безчувственная Сара упала къ нему на руки.

Бережно положилъ ее горбунъ на землю, потомъ вывелъ лошадь изъ лѣсу и, повернувъ къ дому, хлеснулъ прутомъ. Лошадь понеслась, брыкаясь.

Горбунъ кинулся къ Сарѣ, снялъ ружье съ ея плечь и, бросивъ его въ сторону, ощупалъ ея голову; растегнулъ амазонку и долго осматривалъ, нѣтъ ли ушиба? Но вдругъ, какъ-будто одумавшись, онъ съ испугомъ осмотрѣлся кругомъ, схватилъ Сару на руки и понесъ въ самую чащу лѣса. Съ трудомъ пробравшись въ густой кустарникъ и выбравъ удобное мѣсто, онъ бережно опустилъ ее на землю, сталъ передъ ней на колѣни и долго въ какомъ-то восторгѣ глядѣлъ на нее.

Казалось, онъ не вѣрилъ своему счастью; бралъ ея руки, то одну, то другую, гладилъ, цаловалъ ихъ; слезы лились по его изцарапанному лицу. Онъ хваталъ себя за голову, протиралъ глаза и снова страстно смотрѣлъ на Сару. Глаза ея были закрыты; волосы откинуты назадъ, и только коротенькія черныя змѣйки, лежавшія на вискахъ, рѣзко оттѣняли блѣдное какъ мраморъ лицо Сары. Это лицо, дышавшее обыкновенно плѣнительной суровостью, теперь безъ обычнаго напряженія въ чертахъ, безъ этихъ измѣнчивыхъ глазъ съ вѣчно нахмуренными грозно и привлекательно бровями, — было теперь строго, но кротко, какимъ никогда не видалъ его горбунъ. И эта необычная кротость, казалась, придала ему смѣлость....

Солнце сѣло, въ лѣсу стало темно. Онъ нагнулся къ лицу Сары и тихо сказалъ:

— Мы одни здѣсь, насъ никто не увидитъ, встань, встань! Ты теперь моя; я отдамъ жизнь свою, но ты будешь моею. Я долго боролся съ страстью. Я много вынесъ страданія и униженія, ты должна меня вознаградить, да! Встань же, скажи мнѣ одно слово!

Онъ говорилъ отрывисто; глаза его блуждали, какъ у безумнаго.

— Ты одна, одна у меня во всемъ мірѣ, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ много было нѣжности и отчаянія. — Я знаю, что я не достоинъ твоей любви.... о, пощади меня, пощади несчастнаго безумца!

Онъ упалъ съ рыданіемъ на грудь Сары и какъ дитя плакалъ и молилъ ее сжалиться надъ нимъ.

Онъ жадно обнималъ ее; взявъ ея голову обѣими руками, онъ долго глядѣлъ на нее, повторяя:

— Клянусь, что жизнь моя принадлежитъ тебѣ, клянусь, что твое спокойствіе, твое счастье я готовъ купить моею жизнію! Клянусь тебѣ, что еще никогда не существовало такой безумной любви, какую я къ тебѣ чувствую!

Сара слабо вздохнула.

Горбунъ съ испугомъ отскочилъ.

Сара проговорила слабымъ голосомъ:

— Оставьте меня, я спать хочу!

Горбунъ опустился на колѣни и прислушивался къ ея дыханію.

Сара дышала ровно, но слабо. Казалось, сонъ, похожій на летаргію, овладѣлъ ею. Руки ея и весь корпусъ безжизненно лежали на травѣ.

Горбунъ стоялъ на колѣняхъ и, нагнувшись къ ней, не сводилъ съ нея глазъ. Онъ забылъ и время и мѣсто, — онъ все забылъ.... Ему казалось, что женщина, которая лежитъ передъ нимъ, принадлежитъ ему, что онъ счастливъ, что она не оттолкнула его съ ужасомъ и отвращеніемъ, когда онъ высказалъ ей свою страсть.... что онъ будетъ вѣчно такъ жить, что страданія его кончились и впереди ждутъ его однѣ радости.

Прохладный вѣтерокъ зашумѣлъ листьями, деревья начали перешептываться. Горбуну казалось, что сама природа приняла участіе въ его радости и листья говорятъ другъ другу о счастіи, котораго были свидѣтелями.

Въ лѣсу совершенно стемнѣло. Горбунъ едва могъ различать черты, столь ему знакомыя; онъ нагнулся близко къ лицу Сары. Дыханіе его заставило ее очнуться. Она приподняла голову, ощупала руками кругомъ себя и съ испугомъ спросила слабымъ голосомъ:

— Гдѣ я?

И протянувъ руку, она прикоснулась къ горбуну, который отвѣчалъ ей страстнымъ пожатіемъ.

— Боже, гдѣ я? кто тутъ? проговорила Сара и снова упала безъ чувствъ.

Горбунъ нѣжно прошепталъ:

— Ты съ человѣкомъ, который тебя страстно любитъ!...

Въ ту минуту звуки охотничьяго рога дико и громко разнеслись по лѣсу. Горбунъ вздрогнулъ и наклонился къ самому лицу Сары.

. . . .

Огни мелькали между густой зеленью. Крики и пронзительные звуки роговъ раздавались по всему лѣсу.

Горбунъ, прислушиваясь къ шуму, весь дрожалъ. Минуты его блаженства были сочтены — онъ судорожно упивался имъ.

. . . .

Въ кустахъ послышался шорохъ; виляя хвостомъ, явилась любимая собака Сары и начала радостно обнюхивать свою госпожу; горбунъ какъ звѣрь кинулся съ охотничьимъ ножомъ на сабаку, но она ловко увернулась и исчезла. Горбунъ въ отчаяніи схватилъ себя за голову и простоналъ:

— Они возьмутъ ее у меня.... они возьмутъ мою жизнь!

И онъ упалъ на землю у ногъ Сары.

Крики становились все ближе и ближе, огни замелькали вблизи. Горбунъ впалъ въ изступленіе; онъ то плакалъ, то цаловалъ руки Сары, то осыпалъ ее проклятіями.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ голосъ Бранчевскаго. Горбунъ окаменѣлъ.

— А, они идутъ! дико прошепталъ онъ: — ну, хорошо! буду еще страдать и ждать.... но наконецъ придетъ время!...

Схвативъ Сару на руки,горбунъ поцаловалъ ее, и его поцалуй походилъ на тѣ поцалуи, которые получаютъ умершіе: онъ дико закричалъ:

— Сюда, сюда! ау! сюда!

Шумъ и крики сильнѣе прежняго поднялись въ лѣсу. Огней замелькало множество среди густой, темной зелени, и всѣ они, казалось, бѣжали къ горбуну. Наконецъ вотъ и люди—горбунъ торжественно вынесъ на встрѣчу Бранчевскому и его гостямъ безчувственную Сару.

Фонари бросали красноватый свѣтъ на блѣдныя, встревоженныя лица гостей и прислуги; горбунъ щурился, пораженный ихъ блескомъ. Все столпилось около Сары. Осмотрѣли ее и увидѣли, что у ней слегка было ушибено плечо. Горбунъ незамѣтно исчезъ.

Бережно вынесли изъ лѣсу Сару и, уложивъ въ карету, привезли домой.

Этотъ случай нисколько не сдѣлалъ ее осторожнѣе: пролежавъ три дня въ постели, она снова принялась за свои любимыя удовольствія. Другое обстоятельство произвело перемѣну въ ея характерѣ и образѣ жизни: у ней родился сынъ. Первое время это очень заняло ее: охота и пиры были забыты... Но черезъ нѣсколько времени она снова стала скучать: возвратиться къ прежнимъ удовольствіямъ ей уже не хотѣлось: они ей надоѣли. Мужъ ея тоже давно уже скучалъ обществомъ своихъ сосѣдей.

Они рѣшились ѣхать за-границу.

ГЛАВА VII.

МАСКАРАДЪ.

Заложено было имѣніе — и супруги отправились. Горбунъ былъ имъ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь: онъ обдѣлывалъ всѣ дѣла, велъ счеты, распоряжался всѣмъ. Аккуратность его, заботливость и предупредительность даже не разъ поражали въ дорогѣ самую Сару. Прибыли въ Парижъ. Сара, вѣчно жившая въ деревнѣ, и не подозрѣвала, что могло существовать въ жизни столько разнообразія. Театры, гулянья, балы, наряды, — все такъ заняло ее, что голова у ней пошла кругомъ. Она съ увлеченіемъ предалась этой жизни; ее окружало разнообразное общество. Мужъ не только не мѣшалъ ей, но старался всѣми силами поддерживать въ ней страсть къ этой жизни, чтобъ она не мѣшала и не имѣла права мѣшать ему. Денегъ, которыя они привезли съ собой, расчитывая прожить ими годъ, хватило только на пять мѣсяцовъ: горбунъ долженъ былъ прибѣгать къ займамъ; процентовъ не жалѣли.

Сара сначала увлеклась-было молодыми людьми, окружавшими ее, но увлеченіе ея было непродолжительно: казалось она не создана была для любви. Наконецъ между ея знакомыми, число которыхъ съ каждымъ днемъ прибывало, явился молодой, красивый и гордый испанецъ. Онъ бѣжалъ изъ своей родины, убивъ на дуэли противника. У него было правильное, свѣжее лицо,

жгучіе глаза, черные волосы, величавая осанка и романическое имя. Онъ чудесно стрѣлялъ, еще лучше ѣздилъ верхомъ. Смѣлость, которую онъ обнаруживалъ въ частыхъ прогулкахъ верхомъ, да двѣ дуэли, за часъ передъ которыми онъ былъ покоенъ и веселъ, побѣдили сердце Сары: она увидѣла въ немъ свой идеалъ. Стараясь покорить сердце гордаго испанца, Сара употребляла всѣ тонкости кокетства; наконецъ она стала даже явно оказывать ему предпочтеніе предъ всѣми молодыми людьми; но донъ Эрнандо торжествовалъ и оставался холоденъ. Почувствовавъ къ нему страшную ненависть, Сара, не менѣе его гордая, дала себѣ слово, во что́ бы ни стало, завлечь его и потомъ отмстить ему за его холодность, посмѣявшись надъ его любовью. Къ собственному удивленію, она замѣчала въ себѣ большую перемѣну: была весела и любезна только при немъ, часто впадала въ отчаяніе, мучимая его равнодушіемъ.

Горбунъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ своей госпожи; ея отчаяніе заставляло его страдать; но не въ его власти было помочь горю.

Вдругъ Сара повеселѣла, театры, балы, прогулки не давали ей минуты отдыха. Она не находила времени ни для чего другого; о сынѣ она мало думала, думать о дѣлахъ считала унизительнымъ. Разъ, готовясь къ балу, она позвала горбуна, чтобъ отдать ему нужныя приказанія. Онъ замѣтилъ, что она употребляла особенное стараніе о своемъ туалетѣ; раза три мѣняли ей прическу. Наконецъ она устала и выслала всѣхъ, кромѣ горбуна, который продолжалъ отдавать отчетъ по дѣламъ. Сара разсѣянно слушала его, перебирая свои кольца.

— Ахъ, Боже мой, мнѣ ни одно изъ нихъ не нравится! сказала она: — поѣзжай сейчасъ же и купи мнѣ кольцо, съ самымъ лучшимъ опаломъ. Денегъ не жалѣй!

Горбунъ не двигался съ мѣста.

— Скорѣе, скорѣе! нетерпѣливо кричала Сара.

— У меня нѣтъ денегъ, сказалъ горбунъ.

— Достань гдѣ хочешь, мнѣ непремѣнно нужно! вспыхнувъ крикнула Сара.

— Нѣтъ возможности больше доставать ихъ, робко отвѣчалъ горбунъ.

— Это что́ значитъ? строго спросила Сара.

— У меня нѣтъ средствъ еще занять, рѣшительно сказалъ горбунъ.

Сара гордо подошла къ нему.

— Я давно собирался вамъ сказать, продолжалъ онъ: — что вамъ нужно измѣнить образъ жизни: мы должны кругомъ, имѣніе въ залогѣ, — откуда взять еще денегъ?

— Что же я должна дѣлать? спросила насмѣшливо Сара.

— Умѣрить себя....

— Я.... я буду умѣрять себя, я?

— Что же дѣлать? ваши дѣла запутаны....

Сара дико засмѣялась, горбунъ вздрогнулъ: онъ узналъ смѣхъ, который всегда былъ предвѣстникомъ страшнаго гнѣва Сары.

— Я покажу тебѣ, какъ я намѣрена себя умѣрять, сказала она и подошла къ туалету, на которомъ разложены были дорогія вещи, приготовленныя для ея туалета; схватила ихъ и стала судорожно мять и ломать, потомъ кинула на полъ и принялась топтать ногами. — Чтобъ точно такія вещи были у меня завтра! повелительно сказала она, кинувшись на кушетку. А кольцо съ опаломъ, чтобъ было у меня сейчасъ же! Иди!

Горбунъ молча вышелъ.

Кольцо съ опаломъ, которое онъ досталъ ей, очутилось на рукѣ дона Эрнандо.

Горбунъ обратился и къ Бранчевскому съ просьбой умѣрить расходы, пугалъ его разореніемъ; Бранчевскій призадумался, далъ слово остепениться; но черезъ два дня, проигравъ значительную сумму, онъ приказалъ горбуну непремѣнно достать ему денегъ.

Сарѣ было не до экономіи: она въ первый разъ любила. Страсть ея не знала границъ. Она не спускала глазъ съ своего испанца; проводила съ нимъ все свое время; ревновала его даже къ вещамъ; то проклинала его, плакала, рвала на себѣ волосы въ его присутствіи, то вдругъ становилась нѣжна, кротка до униженія. Только онъ одинъ могъ противорѣчить ей.

Время шло. Сара жила одной страстью. Ночи быстро летѣли, превращенныя въ дни. Устроивъ потайную комнату съ ходомъ прямо на улицу, Сара убрала ее съ неслыханной восточной роскошью, и тамъ, нарядившись въ восточное платье, украшенное дорогими каменьями и брильянтами, на мягкихъ по-

Бережно положилъ ее горбунъ на землю, потомъ вывелъ лошадь изъ лѣсу и, повернувъ къ дому, хлеснулъ прутомъ. Лошадь понеслась, брыкаясь.

Горбунъ кинулся къ Сарѣ, снялъ ружье съ ея плечь и, бросивъ его въ сторону, ощупалъ ея голову; растегнулъ амазонку и долго осматривалъ, нѣтъ ли ушиба? Но вдругъ, какъ-будто одумавшись, онъ съ испугомъ осмотрѣлся кругомъ, схватилъ Сару на руки и понесъ въ самую чащу лѣса. Съ трудомъ пробравшись въ густой кустарникъ и выбравъ удобное мѣсто, онъ бережно опустилъ ее на землю, сталъ передъ ней на колѣни и долго въ какомъ-то восторгѣ глядѣлъ на нее.

Казалось, онъ не вѣрилъ своему счастью; бралъ ея руки, то одну, то другую, гладилъ, целовалъ ихъ; слезы лились по его изцарапанному лицу. Онъ хваталъ себя за голову, протиралъ глаза и снова страстно смотрѣлъ на Сару. Глаза ея были закрыты; волосы откинуты назадъ, и только коротенькія черныя змѣйки, лежавшія на вискахъ, рѣзко оттѣняли блѣдное какъ мраморъ лицо Сары. Это лицо, дышавшее обыкновенно плѣнительной суровостью, теперь безъ обычнаго напряженія въ чертахъ, безъ этихъ измѣнчивыхъ глазъ съ вѣчно нахмуренными грозно и привлекательно бровями, — было теперь строго, но кротко, какимъ никогда не видалъ его горбунъ. И эта необычная кротость, казалась, придала ему смѣлость....

Солнце сѣло, въ лѣсу стало темно. Онъ нагнулся къ лицу Сары и тихо сказалъ:

— Мы одни здѣсь, насъ никто не увидитъ, встань, встань! Ты теперь моя; я отдамъ жизнь свою, но ты будешь моею. Я долго боролся съ страстью. Я много вынесъ страданія и униженія, ты должна меня вознаградить, да! Встань же, скажи мнѣ одно слово!

Онъ говорилъ отрывисто; глаза его блуждали, какъ у безумнаго.

— Ты одна, одна у меня во всемъ мірѣ, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ много было нѣжности и отчаянія. — Я знаю, что я не достоинъ твоей любви.... о, пощади меня, пощади несчастнаго безумца!

Онъ упалъ съ рыданіемъ на грудь Сары и какъ дитя плакалъ и молилъ ее сжалиться надъ нимъ.

Онъ жадно обнималъ ее; взявъ ея голову обѣими руками, онъ долго глядѣлъ на нее, повторяя:

— Клянусь, что жизнь моя принадлежитъ тебѣ, клянусь, что твое спокойствіе, твое счастье я готовъ купить моею жизнію! Клянусь тебѣ, что еще никогда не существовало такой безумной любви, какую я къ тебѣ чувствую!

Сара слабо вздохнула.

Горбунъ съ испугомъ отскочилъ.

Сара проговорила слабымъ голосомъ:

— Оставьте меня, я спать хочу!

Горбунъ опустился на колѣни и прислушивался къ ея дыханію.

Сара дышала ровно, но слабо. Казалось, сонъ, похожій на летаргію, овладѣлъ ею. Руки ея и весь корпусъ безжизненно лежали на травѣ.

Горбунъ стоялъ на колѣняхъ и, нагнувшись къ ней, не сводилъ съ нея глазъ. Онъ забылъ и время и мѣсто, — онъ все забылъ.... Ему казалось, что женщина, которая лежитъ передъ нимъ, принадлежитъ ему, что онъ счастливъ, что она не оттолкнула его съ ужасомъ и отвращеніемъ, когда онъ высказалъ ей свою страсть.... что онъ будетъ вѣчно такъ жить, что страданія его кончились и впереди ждутъ его однѣ радости.

Прохладный вѣтерокъ зашумѣлъ листьями, деревья начали перешептываться. Горбуну казалось, что сама природа приняла участіе въ его радости и листья говорятъ другъ другу о счастіи, котораго были свидѣтелями.

Въ лѣсу совершенно стемнѣло. Горбунъ едва могъ различать черты, столь ему знакомыя; онъ нагнулся близко къ лицу Сары. Дыханіе его заставило ее очнуться. Она приподняла голову, ощупала руками кругомъ себя и съ испугомъ спросила слабымъ голосомъ:

— Гдѣ я?

И протянувъ руку, она прикоснулась къ горбуну, который отвѣчалъ ей страстнымъ пожатіемъ.

— Боже, гдѣ я? кто тутъ? проговорила Сара и снова упала безъ чувствъ.

Горбунъ нѣжно прошепталъ:

— Ты съ человѣкомъ, который тебя страстно любитъ!...

[illegible]

[illegible] ...пулися. пораженный [illegible] ...Осмотрѣли ее и уви- [illegible] ...пробито плечо. Горбунъ незамѣт-

Бережно вынесли изъ лѣсу Сару и, уложивъ въ карету, отвезли домой.

Этотъ случай нисколько не сдѣлалъ ее осторожнѣе; пролежавъ три дня въ постели, она снова принялась за свои любимыя удовольствія. Другое обстоятельство произвело перемѣну въ ея характерѣ и образѣ жизни: у ней родился сынъ. Первое время это очень заняло ее; охота и пиры были забыты.... Но черезъ нѣсколько времени она снова стала скучать; возвратиться къ прежнимъ удовольствіямъ ей уже не хотѣлось: они ей надоѣли. Мужъ ея тоже давно уже скучалъ обществомъ своихъ сосѣдей.

Они рѣшились ѣхать за-границу.

ГЛАВА VII.

МАСКАРАДЪ.

Заложено было имѣніе — и супруги отправились. Горбунъ былъ имъ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь: онъ обдѣлывалъ всѣ дѣла, велъ счеты, распоряжался всѣмъ. Аккуратность его, заботливость и предупредительность даже не разъ поражали въ дорогѣ самую Сару. Прибыли въ Парижъ. Сара, вѣчно жившая въ деревнѣ, и не подозрѣвала, что могло существовать въ жизни столько разнообразія. Театры, гулянья, балы, наряды, — все такъ заняло ее, что голова у ней пошла кругомъ. Она съ увлеченіемъ предалась этой жизни; ее окружало разнообразное общество. Мужъ не только не мѣшалъ ей, но старался всѣми силами поддерживать въ ней страсть къ этой жизни, чтобъ она не мѣшала и не имѣла права мѣшать ему. Денегъ, которыя они привезли съ собой, расчитывая прожить ими годъ, хватило только на пять мѣсяцовъ; горбунъ долженъ былъ прибѣгать къ займамъ; процентовъ не жалѣли.

Сара сначала увлеклась-было молодыми людьми, окружавшими ее, но увлеченіе ея было непродолжительно: казалось она не создана была для любви. Наконецъ между ея знакомыми, число которыхъ съ каждымъ днемъ прибывало, явился молодой, красивый и гордый испанецъ. Онъ бѣжалъ изъ своей родины, убивъ на дуэли противника. У него было правильное, свѣжее лицо,

жгучіе глаза, черные волосы, величавая осанка и романическое имя. Онъ чудесно стрѣлялъ, еще лучше ѣздилъ верхомъ. Смѣлость, которую онъ обнаруживалъ въ частыхъ прогулкахъ верхомъ, да двѣ дуэли, за часъ передъ которыми онъ былъ покоенъ и веселъ, побѣдили сердце Сары: она увидѣла въ немъ свой идеалъ. Стараясь покорить сердце гордаго испанца, Сара употребляла всѣ тонкости кокетства; наконецъ она стала даже явно оказывать ему предпочтеніе предъ всѣми молодыми людьми; но донъ Эрнандо торжествовалъ и оставался холоденъ. Почувствовавъ къ нему страшную ненависть, Сара, не менѣе его гордая, дала себѣ слово, во что̀ бы ни стало, завлечь его и потомъ отмстить ему за его холодность, посмѣявшись надъ его любовью. Къ собственному удивленію, она замѣчала въ себѣ большую перемѣну: была весела и любезна только при немъ, часто впадала въ отчаяніе, мучимая его равнодушіемъ.

Горбунъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ своей госпожи; ея отчаяніе заставляло его страдать; но не въ его власти было помочь горю.

Вдругъ Сара повеселѣла, театры, балы, прогулки не давали ей минуты отдыха. Она не находила времени ни для чего другого; о сынѣ она мало думала, думать о дѣлахъ считала унизительнымъ. Разъ, готовясь къ балу, она позвала горбуна, чтобъ отдать ему нужныя приказанія. Онъ замѣтилъ, что она употребляла особенное стараніе о своемъ туалетѣ; раза три мѣняли ей прическу. Наконецъ она устала и выслала всѣхъ, кромѣ горбуна, который продолжалъ отдавать отчетъ по дѣламъ. Сара разсѣянно слушала его, перебирая свои кольца.

— Ахъ, Боже мой, мнѣ ни одно изъ нихъ не нравится! сказала она: — поѣзжай сейчасъ же и купи мнѣ кольцо, съ самымъ лучшимъ опаломъ. Денегъ не жалѣй!

Горбунъ не двигался съ мѣста.

— Скорѣе, скорѣе! нетерпѣливо кричала Сара.

— У меня нѣтъ денегъ, сказалъ горбунъ.

— Достань гдѣ хочешь, мнѣ непремѣнно нужно! вспыхнувъ крикнула Сара.

— Нѣтъ возможности больше доставать ихъ, робко отвѣчалъ горбунъ.

— Это что̀ значитъ? строго спросила Сара.

— У меня нѣтъ средствъ еще занять, рѣшительно сказалъ горбунъ.

Сара гордо подошла къ нему.

— Я давно собирался вамъ сказать, продолжалъ онъ: — что вамъ нужно измѣнить образъ жизни: мы должны кругомъ, имѣніе въ залогѣ, — откуда взять еще денегъ?

— Чтò же я должна дѣлать? спросила насмѣшливо Сара.

— Умѣрить себя....

— Я.... я буду умѣрять себя, я?

— Чтò же дѣлать? ваши дѣла запутаны....

Сара дико засмѣялась, горбунъ вздрогнулъ: онъ узналъ смѣхъ, который всегда былъ предвѣстникомъ страшнаго гнѣва Сары.

— Я покажу тебѣ, какъ я намѣрена себя умѣрять, сказала она и подошла къ туалету, на которомъ разложены были дорогія вещи, приготовленныя для ея туалета; схватила ихъ и стала судорожно мять и ломать, потомъ кинула на полъ и принялась топтать ногами. — Чтобъ точно такія вещи были у меня завтра! повелительно сказала она, кинувшись на кушетку. А кольцо съ опаломъ, чтобъ было у меня сейчасъ же! Иди!

Горбунъ молча вышелъ.

Кольцо съ опаломъ, которое онъ досталъ ей, очутилось на рукѣ дона Эрнандо.

Горбунъ обратился и къ Бранчевскому съ просьбой умѣрить расходы, пугалъ его раззореніемъ; Бранчевскій призадумался, далъ слово остепениться; но черезъ два дня, проигравъ значительную сумму, онъ приказалъ горбуну непремѣнно достать ему денегъ.

Сарѣ было не до экономіи: она въ первый разъ любила. Страсть ея не знала границъ. Она не спускала глазъ съ своего испанца; проводила съ нимъ все свое время; ревновала его даже къ вещамъ; то проклинала его, плакала, рвала на себѣ волосы въ его присутствіи, то вдругъ становилась нѣжна, кротка до униженія. Только онъ одинъ могъ противорѣчить ей.

Время шло. Сара жила одной страстью. Ночи быстро летѣли, превращенныя въ дни. Устроивъ потайную комнату съ ходомъ прямо на улицу, Сара убрала ее съ неслыханной восточной роскошью, и тамъ, нарядившись въ восточное платье, украшенное дорогими каменьями и брильянтами, на мягкихъ по-

душкахъ, въ нетерпѣніи ждала къ себѣ возлюбленнаго. Самыя тонкія блюда и вина являлись къ ужину. Горбунъ вполнѣ походилъ на евнуха; лицо его постоянно хранило лукавое и злое выраженіе; какой-то умыселъ таилъ онъ въ своей душѣ. Безъ противорѣчій, безъ ропота, какъ-будто машинально, исполнялъ онъ всѣ прихоти Сары, которая все больше и больше ввѣрялась ему.

Разъ днемъ Сара ввела горбуна въ свою потайную комнату. Въ ея движеніяхъ было что-то странное и таинственное. Горбунъ былъ потрясенъ роскошной нѣгой комнаты и таинственными взглядами Сары. Страшная мысль мелькнула въ головѣ его. Въ испугѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, нерѣшительно глядѣлъ онъ на Сару, которая сидѣла въ задумчивости. Наконецъ она быстро подняла голову и устремила на горбуна проницательный взоръ.

— Истинно ли ты мнѣ преданъ? спросила она.

Горбунъ смѣшался и вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Способенъ ли ты понять всю важность моей довѣренности къ тебѣ? продолжала она.

— Чѣмъ могъ я возбудить ваше сомнѣніе? перебилъ ее горбунъ дрожащимъ голосомъ.

— Я знаю, ты преданъ мнѣ! гордо и съ увѣренностью сказала Сара.

— О, я готовъ чѣмъ угодно доказать вамъ мою преданность! съ горячностью воскликнулъ горбунъ.

— Я все вижу — и ты будешь щедро награжденъ.

Судорожная улыбка мелькнула на губахъ его; онъ слегка поклонился.

— Послушай! шопотомъ сказала Сара и оглядѣлась во всѣ стороны; краска выступила на ея лицѣ, она продолжала быстро: — мнѣ нужна вѣрная женщина....

Горбунъ пошатнулся, мгновенный и тихій страдальческій стонъ вылетѣлъ изъ его груди; онъ такъ сильно сжалъ свои руки, что суставы хрустнули. Сара, слишкомъ занятая собственными мыслями, ничего не замѣтила.

— Я не буду жалѣть денегъ, твоя жизнь, твое благосостояніе все упрочится, если ты сохранишь тайну. Она закрыла лицо руками и упала въ подушки дивана, не взглянувъ въ лицо гор-

буна, которое дышало въ эту минуту адской, злобной насмѣшливостью.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ у Сары родилась дочь, которую отдали на воспитаніе одной женщинѣ, отысканной горбуномъ. Она была русская и, попавъ въ Парижъ съ своей госпожей, по смерти ея, не знала, какъ добраться домой. Горбунъ обѣщалъ ей, что она будетъ отправлена вмѣстѣ съ ребенкомъ въ Россію, и этой надеждой купилъ ея безграничную преданность. Сара, казалось, еще сильнѣе привязалась къ дону Эрнанду: она тиранила его своей любовью; ей все казалось, что онъ холоденъ, не вѣренъ ей; испанецъ наконецъ усталъ и видимо началъ избѣгать ее....

Сара близка была къ безумію. Разъ вечеромъ она приказала горбуну готовить все къ отъѣзду, задумавъ бѣжать съ своимъ возлюбленнымъ въ Испанію, въ надеждѣ, что на родинѣ онъ сильнѣе будетъ любить ее.

Терпѣніе горбуна лопнуло. Онъ рѣшился прекратить страданія Сары. Въ надеждѣ ослабить узы, связывавшія ее съ дономъ Эрнандо, онъ отправилъ ребенка съ его кормилицей въ Петербургъ, а Сарѣ сказалъ, что дочь ея умерла. Потомъ онъ объявилъ Сарѣ, что испанецъ любитъ другую.

Гнѣвъ, отчаяніе Сары были страшны. Горбунъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и слезы его были искренны. Сара нѣсколько разъ давала ему слово разорвать свою связь, но при встрѣчѣ съ испанцемъ все забывала и, осыпая его ласками, просила не покидать и любить ее.

Возмущенный такой слабостію, горбунъ разсказалъ Сарѣ, что испанецъ не только измѣняетъ ей, но еще нагло хвастается ея любовью:

— Онъ говоритъ, что вы ему надоѣли!

Сара вскочила, полная негодованіемъ, глаза ея заблистали, ноздри расширились.

— Не можетъ быть! воскликнула она съ обычной надменностію.

— Угодно? я вамъ докажу!

— Хорошо, если ты мнѣ докажешь, то я.... я....

Горбунъ радовался.

— Я васъ не узнаю! вамъ ли сносить такое пренебреженіе? замѣтилъ онъ.

— Я не могу перестать любить его, прошептала Сара, зарыдавъ какъ дитя.

— Вы презирайте его.

— Не могу, не могу!...

Она въ отчаяніи кинулась на диванъ, металась и рыдала.

— Еще можно было бы простить ему, еслибъ онъ пренебрегъ вами для какой-нибудь женщины.... не говорю равной вамъ, но хоть любимой.... а то для первой встрѣчной....

— Лжешь! съ гнѣвомъ перебила Сара.

— Я берусь вамъ доказать! сказалъ горбунъ глухимъ голосомъ.

— Если правда, я.... о, я брошу его!

Горбунъ радостно вскрикнулъ и бросился къ ногамъ Сары. Волненіе его было такъ велико, что слезы показались въ его глазахъ.

— Вы.... вы исполните ваше обѣщаніе? спросилъ онъ рыдающимъ голосомъ.

Сара съ удивленіемъ смотрѣла на горбуна, въ первый разъ обративъ на него вниманіе, какъ на мужчину; брови ея сдвинулись, и она въ презрѣніемъ спросила:

— Это что́ значитъ?

Горбунъ замеръ и опустилъ голову на грудь. Казалось, онъ не въ-силахъ былъ подняться съ колѣнъ.

— Мнѣ не нравится твоя слишкомъ горячая преданность ко мнѣ.... ты не долженъ такъ смѣло падать передо мною на колѣни!

Горбунъ быстро вскочилъ. Злоба вспыхнула въ немъ.

— Ты мнѣ не нуженъ больше! сказала Сара, всматриваясь въ его лицо.

Черезъ день горбунъ послалъ два письма къ дону Эрнандо: одно писанное рукою Сары, которая назначала ему ночное свиданіе, а другое отъ неизвѣстной маски, которая умоляла его притти въ ту же ночь въ маскарадъ Большой Оперы.

Горбунъ и Сара оба были въ волненіи. Одна дала бы полъ жизни, чтобъ испанецъ пришелъ, другой всю жизнь отдалъ бы, чтобъ онъ не пришелъ.

Настала полночь; домино были готовы для Сары и горбуна; но Сара медлила, она ходила по комнатѣ, тоскливо поглядывая на часовую стрѣлку. Малѣйшій шорохъ приводилъ ее

въ трепетъ. Четверть часа прошло сверхъ назначеннаго времени, а Сара все еще надѣялась. Горбунъ молча сидѣлъ у потайной двери, чтобъ принять испанца.

Пробило часъ, горбунъ и Сара вздрогнули, одинъ отъ радости, другая — отъ негодованія. Сара дико засмѣялась и, махнувъ рукой горбуну, чтобы онъ слѣдовалъ за нею, вышла изъ потайной комнаты.

Черезъ четверть часа они ѣхали по бульвару въ каретѣ, замаскированные. Печально сидѣла въ углу кареты Бранчевская; изрѣдка слабый стонъ вылеталъ изъ ея груди; она открывала окно и безсмысленно глядѣла на улицу. Ночь была темная и свѣжая, блескъ фонарей и плошекъ ярко освѣщалъ маски, бѣжавшія по тротуарамъ. Многіе въ нетерпѣніи летѣли галопомъ. Хохотъ, говоръ, брань сливались съ хлопаньемъ бичей и стукомъ колесъ. Казалось, весь городъ стекался къ театру Большой Оперы.

Крикъ, брань и смѣхъ усилились при въѣздѣ въ узкую улицу, гдѣ была устроена арка изъ тонкихъ досокъ, незатѣйливо иллюминованная шкаликами. Всѣ спѣшили, сталкивались и сами себѣ замедляли путь.

— Мы ужь пріѣхали? робко спросила Сара, когда карета остановилась.

Горбунъ, разчищая дорогу, провелъ ее въ залу. Тѣснота была страшная: визгъ, пискъ, остроты, каламбуры, смѣшанные съ ревомъ музыки, оглушили Сару, которая крѣпко держалась за руку горбуна.

— Я не могу итти дальше, сказала она ему: — я только теперь увѣрилась, что я также слаба, какъ и всѣ женщины!

Но толпа противъ воли влекла ихъ впередъ. Чтобъ защищать Сару, горбунъ все ближе и ближе придвигался къ ней; онъ обхватилъ ея талію, и сама она въ испугѣ жалась къ нему. Въ первый разъ видѣла она такую страшную толпу. Обезсиленная волненіемъ и негодованіемъ, она едва держалась на ногахъ.

— Я упаду! шепнула Сара, склонясь на плечо горбуна, который слегка сжалъ ея талію и тихо шепнулъ:

— Вы не должны бояться: вы со мною!

— Мнѣ душно, мнѣ [illegible]о здѣсь! говорила Сара.

— Боже, что со мною? я схожу съ ума! въ отчаяніи воскликнула она черезъ минуту, бросая кругомъ дикіе и робкіе взгляды. — Неужели я его не увижу больше?

Она упала на столъ. Рыданія ея превратились въ дикіе вопли и несвязныя отрывочныя слова.

Горбунъ сдерживалъ судорожныя движенія Сары, которая наконецъ изнемогла и безъ чувствъ упала къ нему на руки.

ГЛАВА VIII.

РАЗВЯЗКА ДРУГОЙ ЛЮБВИ.

Сара переродилась; ее нельзя было узнать. Она какъ будто постарѣла; холодное и гордое выраженіе ни на минуту не сходило съ ея лица. Цѣлые дни проводила она съ своимъ маленькимъ сыномъ да съ двумя старухами, съ которыми толковала о воспитаніи дѣтей. Общества она убѣгала, въ домѣ у ней стало пусто и мрачно. Скучая парижской веселой жизнью, она каждый день писала къ мужу, что хочетъ воротиться въ Россію. Лицо ея съ каждымъ днемъ больше и больше пріюбрѣтало твердости, но жестокая борьба — борьба между долгомъ и страстью кипѣла въ душѣ гордой женщины.

Горбунъ самъ испугался, замѣтивъ такую перемѣну. Въ разговорахъ съ нимъ она стала строга и требовательна, даже начала входить въ мелочи; онъ не спалъ ночей, приводя въ порядокъ счеты. Часто приходило ему въ голову бросить все и бѣжать, задушивъ свою страсть; то бѣшено скрежеталъ онъ зубами и клялся мстить Сарѣ. Ея суровое обхожденіе съ нимъ развивало его злобу; иногда онъ до того забывался, что говорилъ ей грубости, и тогда Сара не щадила его и уничтожала своимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ.

Послѣ одной изъ такихъ сценъ горбунъ въ отчаяніи прибѣжалъ въ свою комнату, долго ходилъ неровными шагами и все повторялъ злобнымъ голосомъ:

— Еще одно средство! если нѣтъ, я задушу въ груди эту постыдную страсть; и тогда она увидитъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло!

Сара ужаснулась, увидавъ счеты: дѣла были страшно запутаны. Нужно было заплатить огромную сумму, чтобъ только

выѣхать изъ Парижа. Она принимала горбуна [illegible], и даже прибѣгнула къ его помощи, [illegible] презрительнаго голоса: казалось, она [illegible] выгнать его; онъ сталъ ей необходимъ. Припоминая всѣ эти дѣйствія, она ужаснулась собственной неосторожности: горбунъ зналъ всѣ ея тайны. Къ тому же, она инстинктивно предчувствовала, что его привязанность, его заботливость слишкомъ велики, чтобъ ихъ можно было объяснить [illegible].

— Я не могу оставаться здѣсь долѣе: я хочу уѣхать. Если мой мужъ захочетъ еще остаться, я уѣду одна, съ [illegible] твердо говорила Сара.

Горбунъ значительно улыбнулся.

— Вашъ мужъ не можетъ уѣхать въ Россію! сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана письмо и подавая ей.

— Это что за вздоръ? строго спросила Сара.

— Прочтите, холодно отвѣчалъ горбунъ. — Письмо писано ко мнѣ, но я нахожу нужнымъ показать его вамъ.

Сара вырвала письмо изъ рукъ горбуна, быстро развернула и стала читать. Вотъ его содержаніе:

«Я гибну, спаси меня! употреби всѣ свои старанія достать «мнѣ денегъ, ради Бога, денегъ! Если нѣтъ средствъ достать «ихъ, я застрѣлюсь. Честь моего дома того требуетъ. Заимодавцы грозятъ мнѣ тюрьмой... мнѣ! Я не вынесу такого униженія; спаси меня, спаси! я остепенюсь: даю тебѣ слово бросить «карты, только избавь меня отъ преступленія! Постарайся, «чтобъ моя жена ничего не узнала...» и пр.

Сара долго читала и перечитывала письмо своего мужа къ горбуну. Онъ стоялъ передъ ней, заложивъ руки назадъ, и любовался ея ужасомъ. Наконецъ она молча протянула руку съ письмомъ къ канделябрѣ.

— Что вы хотите сдѣлать? въ испугѣ закричалъ горбунъ и кинулся къ ней.

— Уничтожить вашъ [illegible]! отвѣчала она съ презрительной улыбкой и подняла письмо къ огню.

— Остановитесь! грозно сказалъ горбунъ.

Сара вздрогнула и невольно опустила руку;

— Оно не вамъ принадлежитъ! сказалъ горбунъ и силой взялъ у ней письмо.

Дерзость его такъ удивила Сару, что она рѣшительно потерялась и смотрѣла на своего повѣреннаго такими глазами, какъбудто видѣла его въ первый разъ.

— Ваша честь, честь всего вашего семейства, жизнь отца вашего ребенка, — все, все зависитъ теперь отъ васъ! торжественно сказалъ горбунъ.

Сара выпрямилась.

— Ты, кажется воображаешь, сказала она, окинувъ его гордымъ и презрительнымъ взглядомъ: — что мнѣ нужно твое ободреніе, когда дѣло идетъ о сохраненіи чести той фамиліи, которую я ношу. — Знай, что я лучше соглашусь сто разъ умереть, чѣмъ допущу такой позоръ! Возьми всѣ мои брильянты, продолжала она повелительнымъ и болѣе спокойнымъ голосомъ. — Возьми все, что я имѣю дорогого! я разстанусь со всѣмъ. Надо думать о спасеніи нашей чести!

Горбунъ вздохнулъ.

— Ваши вещи трудно выкупить, отвѣчалъ онъ жалобнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ голосомъ. — Онѣ слишкомъ дорого заложены. Я ужь вамъ докладывалъ....

— Какъ? съ испугомъ спросила Сара.

— Вотъ формальный актъ, подписанный вами, отвѣчалъ горбунъ, подавая ей бумагу.

Сара отрицательно махнула рукой.

— Возьми все серебро, все, что есть еще у насъ цѣннаго, сказала она, кусая губы.—Продай все,—слышишь? только незабудь снять нашъ гербъ....

Она остановилась, придумывая, что еще можно продать.

— Ну, однимъ словомъ, продай все....

Горбунъ лукаво улыбнулся.

— Но Боже мой! сказалъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ.— Вы забыли, что у насъ давно серебро все продано.... Все, что есть — не настоящее....

— Мы раззорены, мы погибли! воскликнула Сара съ ужасомъ и негодованіемъ. — О, ради Бога! прибавила она умоляющимъ голосомъ: — спаси нашу честь, достань намъ денегъ! Боже! неужели я дошла до такой нищеты, что должна погибнуть?

— Знаете ли вы, сколько вамъ нужно денегъ? спросилъ мрачно горбунъ.

— Сколько?

Онъ молча подалъ ей счеты.

— Не можетъ быть, не можетъ быть! гнѣвно воскликнула Сара.

— Вотъ ваши векселя. Онъ показалъ ихъ.

— Срокъ уже кончился, кредиторы требуютъ уплаты....

— Бѣдный, бѣдный мой сынъ! простонала Сара рыдая.

Съ минуту длилось молчаніе. Сара плакала; горбунъ дышалъ тяжело. Вдругъ Сара кинулась къ нему; она осыпала его самыми нѣжными названьями и умоляла спасти ихъ честь....

— О, пожалѣй моего сына! говорила она. — Онъ дитя. Я, одна я виновата во всемъ.... онъ дитя....

Горбунъ былъ страшенъ: глаза его налились кровью, грудь и горбъ судорожно колыхались. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ говорить, но языкъ не повиновался ему, и онъ только махалъ руками, какъ-будто прося пощады. Наконецъ онъ собрался съ силами и тихо сказалъ Сарѣ, которая рыдала, закрывъ лицо руками:

— Вы спасены!

— Я надѣялась! надменно сказала Сара, отнявъ руки отъ лица, въ которомъ появилось прежнее гордое выраженіе, и кивнувъ головой.

Горбунъ поблѣднѣлъ.

— Только съ условіемъ, прибавилъ онъ поспѣшно.

— Я на все готова! отвѣчала она рѣшительно.

Горбунъ молчалъ.

— Ну, что̀ же? говори, какія условія?

Горбунъ продолжалъ молчать.

— Что̀ значитъ твое молчаніе? запальчиво спросила Сара.

Онъ сдвинулъ брови. Видно было, что въ душѣ его совершалась борьба.

— Не мучь меня, говори скорѣе! сказала Сара болѣе кроткимъ голосомъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Сара пожала плечами и слѣдила съ гнѣвомъ и удивленіемъ, какъ онъ прохаживался. Наконецъ горбунъ неожиданно остановился прямо противъ Сары и, глядя ей въ глаза, мрачно сказалъ:

— У меня есть человѣкъ, который вамъ дастъ денегъ....

— Я не буду жалѣть процентовъ, и ты будешь награжденъ...

Горбунъ пожалъ плечами и горько улыбнулся.

— Процентовъ онъ не хочетъ!

— Ктожь онъ такой? съ удивленіемъ спросила Сара.

— Неужели вы до сихъ поръ не поняли преданнаго вамъ человѣка? я готовъ положить за васъ жизнь!

И горбунъ тихо опустился на колѣни.

— Встань, сказала Сара покровительнымъ тономъ· — преданность твою къ нашему дому я знаю!

И она величественно протянула ему руку; онъ съ жаромъ поцаловалъ ее. Сара съ гнѣвомъ вырвала свою руку, но тотчасъ же побѣдила свое негодованіе и ласково сказала:

— Встань и скажи мнѣ, какъ и что̀ придумалъ ты сдѣлать!

Горбунъ собрался съ силами; лицо его приняло выраженіе холодное и рѣшительное. Онъ началъ:

— Вамъ нужны деньги... для спасенія чести вашей фамиліи

— Да! съ сердцемъ перебила Сара.

— Ваша гибель неизбѣжна....

Сара улыбнулась: теперь мысль о гибели казалась уже невозможною.

— Есть человѣкъ, который спасетъ васъ.... Какая будетъ ему награда?

Сара подумала и гордо отвѣчала:

— Устроивъ свои дѣла, я заплачу ему вдвое.

Горбунъ презрительно покачалъ головой.

— Не изъ корысти дѣлаетъ онъ....

— Ну, моя признательность, холодно и важно замѣтила Бранчевская.

Нѣсколько минутъ они молча, испытующимъ взоромъ смотрѣли другъ на друга. Горбунъ первый прервалъ молчаніе.

— А какъ далеко будетъ простираться ваша признательность къ человѣку, который спасетъ честь вашу и всего вашего семейства? спросилъ онъ.

— Я не понимаю тебя, запальчиво сказала Сара.

— Какія границы положите вы своей признательности?

И горбунъ потупилъ глаза, голосъ его дрожалъ.

— Что ты такое говоришь? Я тебя не понимаю! какія границы?.. грозно спросила Сара.

Горбунъ молчалъ. Онъ походилъ на человѣка, которому прочли смертный приговоръ

— И что̀ за лицо у тебя? ты какъ-будто убилъ кого? въ испугѣ произнесла Сара.

— Я никого не убивалъ.... меня всю жизнь убивали люди своими насмѣшками, презрѣніемъ, своими злыми поступками со мной. Я рожденъ не для такой роли, какую мнѣ дали играть въ жизни. Мое безобразіе.... я знаю: оно дѣло рукъ людскихъ.... да! я покорился судьбѣ, я жилъ, страдая; но людямъ показалось мало моихъ страданій, и они... о! они жестоко поступили со мной! Вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ ни днемъ, ни ночью я не знаю покоя! Я изсохъ, для меня нѣтъ радостей, моя жизнь — адъ со всѣми его муками! Я съ радостью встрѣтилъ бы смерть.... Но пожалѣйте же меня! дайте мнѣ хоть умереть по-человѣчески!

Горбунъ, казалось, не помнилъ, что̀ говорилъ; слова невольно срывались съ его языка. Сару возмутила такая фамильярность; она слушала его съ удивленіемъ. Часто и прежде говаривалъ онъ ей о своемъ рожденіи, о своей жизни; но Сара непонимала, къ чему клонились его рѣчи.

— Послушай, ты кажется забываешься, я вовсе не расположена выслушивать горести и страданія моихъ слугъ! презрительно сказала она.

Злоба одушевила печальное лицо горбуна. Онъ тихо сказалъ:

— Я думалъ, что моя преданность....

— Ты развѣ не доволенъ платой? перебила его Сара.

— О, пощадите, пощадите меня! проговорилъ горбунъ плачущимъ голосомъ и закрылъ лицо руками.

Брови Сары нахмурились, она гордо подняла голову и спросила:

— Ты имѣешь человѣка, у котораго я могу занять денегъ?

— Да! самодовольно отвѣчалъ горбунъ: — вы будете имѣть денегъ, сколько вамъ нужно.

Сара вздохнула свободно.

— Завтра же, чтобъ деньги были посланы въ Италію! сказала она.

— Такъ вы согласны? радостно спросилъ горбунъ.

— Ты глупъ! запальчиво воскликнула Сара. — Я рѣшительно ничего не понимаю. Ты говоришь, что у тебя есть человѣкъ, который мнѣ дастъ денегъ въ-займы?

Горбунъ кивнулъ головой.

Дерзость его такъ удивила Сару, что она рѣшительно потерялась и смотрѣла на своего повѣреннаго такими глазами, какъбудто видѣла его въ первый разъ.

— Ваша честь, честь всего вашего семейства, жизнь отца вашего ребенка, — все, все зависитъ теперь отъ васъ! торжественно сказалъ горбунъ.

Сара выпрямилась.

— Ты, кажется воображаешь, сказала она, окинувъ его гордымъ и презрительнымъ взглядомъ: — что мнѣ нужно твое ободреніе, когда дѣло идетъ о сохраненіи чести той фамиліи, которую я ношу. — Знай, что я лучше соглашусь сто разъ умереть, чѣмъ допущу такой позоръ! Возьми всѣ мои брильянты, продолжала она повелительнымъ и болѣе спокойнымъ голосомъ. — Возьми все, чтó я имѣю дорогого! я разстанусь со всѣмъ. Надо думать о спасеніи нашей чести!

Горбунъ вздохнулъ.

— Ваши вещи трудно выкупить, отвѣчалъ онъ жалобнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ голосомъ. — Онѣ слишкомъ дорого заложены. Я ужь вамъ докладывалъ....

— Какъ? съ испугомъ спросила Сара.

— Вотъ формальный актъ, подписанный вами, отвѣчалъ горбунъ, подавая ей бумагу.

Сара отрицательно махнула рукой.

— Возьми все серебро, все, чтò есть еще у насъ цѣннаго, сказала она, кусая губы.—Продай все,—слышишь? только незабудь снять нашъ гербъ....

Она остановилась, придумывая, чтó еще можно продать.

— Ну, однимъ словомъ, продай все....

Горбунъ лукаво улыбнулся.

— Но Боже мой! сказалъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ.— Вы забыли, что у насъ давно серебро все продано.... Все, чтó есть — не настоящее....

— Мы раззорены, мы погибли! воскликнула Сара съ ужасомъ и негодованіемъ. — О, ради Бога! прибавила она умоляющимъ голосомъ: — спаси нашу честь, достань намъ денегъ! Боже! неужели я дошла до такой нищеты, что должна погибнуть?

— Знаете ли вы, сколько вамъ нужно денегъ? спросилъ мрачно горбунъ.

— Сколько?

Онъ молча подалъ ей счеты.

— Не можетъ быть, не можетъ быть! гнѣвно воскликнула Сара.

— Вотъ ваши векселя. Онъ показалъ ихъ.

— Срокъ уже кончился, кредиторы требуютъ уплаты....

— Бѣдный, бѣдный мой сынъ! простонала Сара рыдая.

Съ минуту длилось молчаніе. Сара плакала; горбунъ дышалъ тяжело. Вдругъ Сара кинулась къ нему; она осыпала его самыми нѣжными названьями и умоляла спасти ихъ честь....

— О, пожалѣй моего сына! говорила она. — Онъ дитя. Я, одна я виновата во всемъ.... онъ дитя....

Горбунъ былъ страшенъ: глаза его налились кровью, грудь и горбъ судорожно колыхались. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ говорить, но языкъ не повиновался ему, и онъ только махалъ руками, какъ-будто прося пощады. Наконецъ онъ собрался съ силами и тихо сказалъ Сарѣ, которая рыдала, закрывъ лицо руками:

— Вы спасены!

— Я надѣялась! надменно сказала Сара, отнявъ руки отъ лица, въ которомъ появилось прежнее гордое выраженіе, и кивнувъ головой.

Горбунъ поблѣднѣлъ.

— Только съ условіемъ, прибавилъ онъ поспѣшно.

— Я на все готова! отвѣчала она рѣшительно.

Горбунъ молчалъ.

— Ну, что̀ же? говори, какія условія?

Горбунъ продолжалъ молчать.

— Что̀ значитъ твое молчаніе? запальчиво спросила Сара.

Онъ сдвинулъ брови. Видно было, что въ душѣ его совершалась борьба.

— Не мучь меня, говори скорѣе! сказала Сара болѣе кроткимъ голосомъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Сара пожала плечами и слѣдила съ гнѣвомъ и удивленіемъ, какъ онъ прохаживался. Наконецъ горбунъ неожиданно остановился прямо противъ Сары и, глядя ей въ глаза, мрачно сказалъ:

— У меня есть человѣкъ, который вамъ дастъ денегъ....

— Я не буду жалѣть процентовъ, и ты будешь награжденъ...

Горбунъ пожалъ плечами и горько улыбнулся.

— Процентовъ онъ не хочетъ!

— Ктожь онъ такой? съ удивленіемъ спросила Сара.

— Неужели вы до сихъ поръ не поняли преданнаго вамъ человѣка? я готовъ положить за васъ жизнь!

И горбунъ тихо опустился на колѣни.

— Встань, сказала Сара покровительнымъ тономъ — преданность твою къ нашему дому я знаю!

И она величественно протянула ему руку; онъ съ жаромъ поцаловалъ ее. Сара съ гнѣвомъ вырвала свою руку, но тотчасъ же побѣдила свое негодованіе и ласково сказала:

— Встань и скажи мнѣ, какъ и что́ придумалъ ты сдѣлать?

Горбунъ собрался съ силами; лицо его приняло выраженіе холодное и рѣшительное. Онъ началъ:

— Вамъ нужны деньги... для спасенія чести вашей фамиліи?

— Да! съ сердцемъ перебила Сара.

— Ваша гибель неизбѣжна....

Сара улыбнулась: теперь мысль о гибели казалась уже ей невозможною.

— Есть человѣкъ, который спасетъ васъ.... Какая будетъ ему награда?

Сара подумала и гордо отвѣчала:

— Устроивъ свои дѣла, я заплачу ему вдвое.

Горбунъ презрительно покачалъ головой.

— Не изъ корысти дѣлаетъ онъ....

— Ну, моя признательность, холодно и важно замѣтила Бранчевская.

Нѣсколько минутъ они молча, испытующимъ взоромъ смотрѣли другъ на друга. Горбунъ первый прервалъ молчаніе.

— А какъ далеко будетъ простираться ваша признательность къ человѣку, который спасетъ честь вашу и всего вашего семейства? спросилъ онъ.

— Я не понимаю тебя, запальчиво сказала Сара.

— Какія границы положите вы своей признательности?

И горбунъ потупилъ глаза, голосъ его дрожалъ.

— Что ты такое говоришь? Я тебя не понимаю! какія границы? грозно спросила Сара.

Горбунъ молчалъ. Онъ походилъ на человѣка, которому прочли смертный приговоръ.

— И что за лицо у тебя? ты какъ-будто убилъ кого? въ испугѣ произнесла Сара.

— Я никого не убивалъ.... меня всю жизнь убивали люди своими насмѣшками, презрѣніемъ, своими злыми поступками со мной. Я рожденъ не для такой роли, какую мнѣ дали играть въ жизни. Мое безобразіе.... я знаю: оно дѣло рукъ людскихъ.... да! я покорился судьбѣ, я жилъ, страдая; но людямъ показалось мало моихъ страданій, и они... о! они жестоко поступили со мной! Вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ ни днемъ, ни ночью я не знаю покоя! Я изсохъ, для меня нѣтъ радостей, моя жизнь — адъ со всѣми его муками! Я съ радостью встрѣтилъ бы смерть.... Но пожалѣйте же меня! дайте мнѣ хоть умереть по-человѣчески!

Горбунъ, казалось, не помнилъ, что говорилъ; слова невольно срывались съ его языка. Сару возмутила такая фамильярность; она слушала его съ удивленіемъ. Часто и прежде говаривалъ онъ ей о своемъ рожденіи, о своей жизни; но Сара непонимала, къ чему клонились его рѣчи.

— Послушай, ты кажется забываешься, я вовсе не расположена выслушивать горести и страданія моихъ слугъ! презритель но сказала она.

Злоба одушевила печальное лицо горбуна. Онъ тихо сказалъ:

— Я думалъ, что моя преданность....

— Ты развѣ не доволенъ платой? перебила его Сара.

— О, пощадите, пощадите меня! проговорилъ горбунъ плачущимъ голосомъ и закрылъ лицо руками.

Брови Сары нахмурились, она гордо подняла голову и спросила:

— Ты имѣешь человѣка, у котораго я могу занять денегъ?

— Да! самодовольно отвѣчалъ горбунъ: — вы будете имѣть денегъ, сколько вамъ нужно.

Сара вздохнула свободно.

— Завтра же, чтобъ деньги были посланы въ Италію! сказала она.

— Такъ вы согласны? радостно спросилъ горбунъ.

— Ты глупъ! запальчиво воскликнула Сара. — Я рѣшительно ничего не понимаю. Ты говоришь, что у тебя есть человѣкъ, который мнѣ дастъ денегъ въ-займы?

Горбунъ кивнулъ головой.

— Онъ безкорыстенъ, онъ хочетъ.... Но чего же онъ хочетъ? о какихъ условіяхъ ты все твердишь? чтò это за человѣкъ?

Сара горячилась.

— Этотъ человѣкъ....

Горбунъ остановился, какъ-будто стараясь собраться съ силами.

— Этотъ человѣкъ, продолжалъ онъ глухимъ голосомъ: — не хочетъ ничего, чтò вы ему предлагали.... Одного, одного желаетъ онъ....

Горбунъ опять остановился.

— Чего? рѣзко спросила Сара

Вашей любви! быстро отвѣчалъ горбунъ. — Чтó я говорю: любви? нѣтъ, одинъ взглядъ.... одну ласку.... и ему довольно! Ему ненужно другого счастья!

Горбунъ забылся. Съ лица его исчезло нерѣшительное и страдальческое выраженіе. Оно дышало страстью. Смѣло, глазами полными любви, смотрѣлъ онъ на Сару.

Сара вспыхнула.

— Какъ ты смѣлъ сдѣлать мнѣ такое предложеніе? воскликнула она, окинувъ его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ. — Чтò за человѣкъ, который такъ дерзокъ, что считаетъ возможнымъ такое условіе?

Сара затрепетала. Мысль, не тотъ ли, о комъ она не перестала думать, снова хочетъ воротиться къ ней, — какъ пламенемъ обхватила ее.

— Я хочу знать, кто онъ такой? настойчиво повторила она.

Испугъ и смятеніе выражались въ лицѣ горбуна. Онъ дрожалъ и молчалъ.

— Говори! гнѣвно закричала Сара.

Горбунъ упалъ на колѣни и, сложивъ руки на груди, отчаяннымъ голосомъ произнесъ:

— Я!...

Силы его оставили, и онъ упалъ лицомъ къ полу.

Дикой, пронзительный хохотъ, полный безконечнаго презрѣнія, пронесся по всему дому. Будто оглушенный имъ, горбунъ быстро поднялъ голову. Сара, съ пылающимъ лицомъ, стояла посреди комнаты и продолжала смѣяться. Слезы

появились у ней на глазахъ; она старалась сдержать свой смѣхъ, но, увидавъ лицо горбуна, расхохоталась еще громче и презрительнѣй....

Злоба придала силы горбуну и подняла его съ колѣнъ. Съ бѣшенствомъ смотрѣлъ онъ на Сару.

— Боже мой! ха, ха, ха!

— Это я такъ разсмѣшилъ васъ? сурово спросилъ горбунъ.

— Чтó? ха, ха, ха!

И Сара махала ему рукой, чтобъ онъ поскорѣй ушелъ.

Онъ заскрежеталъ зубами и грозно произнесъ:

— А! такъ вамъ смѣшна моя страсть! знайте же, что ваша участь, ваша честь въ моихъ рукахъ!

Хохотъ Сары быстро прекратился.

— Ты съ ума сошелъ? высокомѣрно спросила она.

— Нѣтъ! мое безуміе было бы спасеніемъ для васъ.... но я въ полномъ умѣ! Повторяю вамъ, что честь вашей фамиліи, все въ моихъ рукахъ! смѣйтесь теперь!

Сара поблѣднѣла.

— Негодяй! сказала она презрительно.

Въ одну минуту страшная перемѣна совершилась съ горбуномъ. Онъ отчаянно вскрикнулъ и, кинувшись къ ногамъ Сары, жалобно простоналъ:

— Сжальтесь!.. Не бойтесь меня, продолжалъ онъ тихо, стараясь схватить ея руку: — не бойтесь! клянусь вамъ, что никто кромѣ насъ не будетъ знать нашей тайны. Я убью себя послѣ минуты счастья, чтобъ тайна погибла вмѣстѣ со мною! Да, если мое существованіе будетъ тревожить васъ, одно слово — и я лишу себя жизни! Вспомните, чтó вамъ предстоитъ, вспомните, что вы должны будете дать отчетъ вашему сыну за позоръ вашей фамиліи....

— И все это я должна купить моею честью? въ ужасѣ, будто разсуждая сама съ собой, прошептала Сара. И снова хохотъ, подобный дикому плачу, огласилъ комнату. Лицо Сары пылало стыдомъ и ненавистью; глаза сверкали злобой, ноздри расширялись.

— Вонъ, вонъ отсюда! вонъ съ глазъ моихъ! грозно закричала она, топнувъ ногой.

Горбунъ съ отчаяніемъ осмотрѣлся кругомъ и не двигался.

— Говорю тебѣ: вонъ отсюда!

Горбунъ рѣшительно махнулъ рукой и всталъ.

— Я самъ желаю оставить вашъ домъ; но помните, что вы въ моихъ рукахъ, медленно проговорилъ онъ и вышелъ съ поклономъ. Сара проводила его презрительнымъ смѣхомъ.. .

Горбунъ прибѣжалъ въ свою комнату. Смѣхъ Сары продолжалъ звучать въ его ушахъ. Онъ пряталъ голову въ подушки и рыдалъ какъ безумный, наконецъ кинулся къ столу и досталъ маленькую скляночку. Долго онъ смотрѣлъ на нее то съ любовью, то съ ужасомъ; кончилось тѣмъ, что онъ снова спряталъ ее и началъ ходить по комнатѣ. Онъ говорилъ самъ съ собой, размахивалъ руками, билъ себя въ грудь; лицо его то блѣднѣло, то вспыхивало. Такъ прошло часа два. И въ домѣ и на улицѣ была совершенная тишина — все спало кругомъ.

Горбунъ раскрылъ окно; холодный ночной воздухъ пахнулъ ему въ лицо; неподвижно стоялъ онъ передъ окномъ, устремивъ въ даль свои горящіе большіе глаза. И понемногу укрощалось дикое выраженіе его лица; злоба исчезла, оно сдѣлалось страдальчески кротко, слезы потекли по щекамъ горбуна. Долго стоялъ онъ въ раздумьи, наконецъ кинулся къ бюро, досталъ множество банковыхъ билетовъ и выбѣжалъ изъ своей комнаты. Тихо на цыпочкахъ подкрался онъ къ дверямъ Сары и сталъ прислушиваться. Огонь виднѣлся изъ щели. Горбунъ слегка постучался въ дверь.

— Кто тамъ? тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ спросила Сара и, будто почувствовавъ вдругъ присутствіе горбуна, строго прибавила: — кто смѣетъ стучаться?

Горбунъ молчалъ; онъ стоялъ у дверей, страшась переступить порогъ. Ни гнѣва, ни ненависти не было въ лицѣ его. Онъ все забылъ, все простилъ. Раскаяніемъ, однимъ раскаяніемъ полно было его растерзанное сердце.

— А, ты? насмѣшливо сказала Сара, отворивъ дверь.

Она была рада его приходу. Страхъ потерять общественное уваженіе, навсегда заклеймить позоромъ свою фамилію, побѣдилъ неукротимую гордость Сары. Она уже готова была сама позвать горбуна, чтобъ переговорить о деньгахъ. Онъ спасъ ее отъ перваго шага къ униженію.

— Войди! произнесла Сара довольно ласково.

Радостно кинулся-было горбунъ къ ногамъ своей госпожи, *но она* остановила его холодно-презрительнымъ взглядомъ. Онъ

потупилъ глаза и оставался съ наклоненной головой. Сара улыбнулась; униженіе и робость его немного примирили ее съ влюбленнымъ управляющимъ; а можетъ быть и необходимость покориться обстоятельствамъ сдерживала ее.

— Какая причина могла быть такъ важна, что ты осмѣлился тревожить меня въ такую пору?

— Ваше спокойствіе, слабымъ голосомъ отвѣчалъ горбунъ.

Въ его голосѣ было столько страданія, столько мольбы и раскаянія, что Сара бросила на него ласковый взглядъ. Ей тоже было тяжело и страшно оттолкнуть человѣка, который столько времени былъ такъ безгранично преданъ ей.

Чудное дѣйствіе произвелъ надъ нимъ ласковый взглядъ Сары Забыты были всѣ планы, всѣ условія, всѣ надежды, которыя еще таились въ глубинѣ его души. Свѣтлой безконечной благодарностью свѣтились глаза его. Сара подарила ему еще одинъ ласковый взглядъ.

Онъ упалъ передъ ней на колѣни и рыдая сказалъ:

— О простите, простите меня! я безумецъ, я самъ не знаю, что́ дѣлаю; простите меня! Вотъ.... вотъ вамъ деньги, дѣлайте, что хотите съ ними! Одного только прошу у васъ: забудьте мои слова и простите мое безуміе!

Горбунъ доставалъ изъ кармана банковые билеты и клалъ ихъ у ногъ Сары, которая съ торжествующей и язвительной улыбкой смотрѣла на нихъ.

— Хорошо, увидимъ! холодно сказала она. — Теперь возьми эти деньги и запри въ этотъ шкафъ.

Она указала на одинъ изъ шкафовъ, стоявшихъ въ комнатѣ.

Горбунъ, будто околдованный, повиновался. Онъ собралъ съ полу билеты и, поминутно оглядываясь на Сару, отнесъ ихъ въ шкафъ, сложилъ и заперъ.

Сара тревожно слѣдила за его движеніями и ласково кивала ему головой. Когда же онъ подалъ ей ключъ, она быстро схватила его и спрятала на своей груди. Въ туже минуту лицо ея измѣнилось: прежняя холодная презрительная улыбка явилась на губахъ.

Горбунъ вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на Сару, которая продолжала улыбаться. Онъ хотѣлъ говорить; но она предупредила его.

— Иди, ты мнѣ не нуженъ теперь! сказала она.

— Пощадите, не выгоняйте меня!

— Вонъ изъ моего дома! твердо произнесла Сара и выпрямилась.

Горбунъ дико посмотрѣлъ на нее... потомъ окинулъ глазами всю комнату.

— Я долженъ оставить ея домъ? прошепталъ онъ съ ужасомъ.

Отчаяніе овладѣло имъ.

— Нѣтъ, пусть лучше я умру теперь же!

И онъ упалъ на колѣни.

— Я не могу тебя видѣть! сказала Сара съ видомъ сожалѣнія; но лицо ея выражало презрѣніе; она отвернулась отъ горбуна, который страшно былъ жалокъ въ эту минуту.

— О, не выгоняйте меня, дайте мнѣ хоть еще разъ видѣть васъ! я не переживу, я съ ума сойду. Сжальтесь, сжальтесь! придумайте самое жестокое наказаніе; только не это, ради Бога, не это: оно ужасно, оно безчеловѣчно!

И горбунъ рыдалъ на всю комнату; онъ подползъ къ Сарѣ, цаловалъ и обливалъ слезами слѣды ея ногъ.

— Оставь, оставь меня! въ волненіи сказала Сара, отступая.

Ни словъ, ни голосу не доставало у горбуна молить ее о пощадѣ. Одни раздирающіе стоны вырывались изъ его истерзанной груди.

Сара, облокотясь на каминъ и закрывъ лицо, тоже всхлипывала. Она была потрясена его стонами. Она привыкла къ нему: его слѣпая преданность нравилась ей и совершенно была по ея гордому характеру.

Съ минуту Бранчевская стояла у камина, потомъ, поднявъ гордо голову и бросивъ презрительный взглядъ на горбуна, пресмыкавшагося у ея ногъ, мѣрнымъ шагомъ подошла къ снурку колокольчика.

— Иди, или я призову людей! сказала она, взявшись за снурокъ.

Горбунъ сдѣлалъ отчаянный жестъ, вскочилъ и съ ужасомъ закричалъ:

— Я иду, иду!

Переступивъ порогъ, онъ упалъ безъ чувствъ.

Сара вздрогнула; съ минуту она стояла еще у снурка, *не рѣшаясь*, позвонить или нѣтъ? Наконецъ подошла къ двери и

хотѣла запереть ее. Рука горбуна [illegible] оттолкнула ее ногой и [illegible] дверь за [illegible]...

ГЛАВА IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Тяжко бьютъ по душѣ впечатлѣнія угрюмой жизни и куютъ изъ нея душу твердую, непреклонную, которая не встревожится, не вскипитъ въ минуту сильной радости, не смягчится [illegible] но и отъ воплей чужаго отчаянія: крѣпнетъ душа подъ ударами впечатлѣній угрюмой жизни.

. . . .

. . . .

Вѣчныя бури и волненія воздымались и кипѣли въ страстной душѣ, заключенной въ уродливомъ тѣлѣ. Съ первыхъ дней дѣтства сама судьба, казалось, обрекла горбуна быть существомъ злобнымъ, враждебнымъ всему міру. И такъ вела его: раздувано было все низкое и недостойное, зародышъ чего лежитъ въ каждой душѣ, какъ и зародышъ добра... Долго боролось въ немъ доброе начало и съ обстоятельствами, и съ крутыми уроками судьбы.... наконецъ умерло оно, — заснула душа..... И спитъ она крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ. Спитъ годъ, спитъ десять и двадцать лѣтъ, и тѣмъ продолжительнѣе сонъ, тѣмъ грубѣе и недоступнѣе кора, нарастающая на ней.... Наконецъ уже и нѣтъ ничего въ цѣломъ подлунномъ мірѣ, чтò могло бы пробудить ее.... развѣ вмѣшается сила сверхъестественная, грянетъ громъ Божій.... тогда проснется она.... и горе несчастному!

Долго боролся горбунъ со смертью, потрясенный послѣднимъ свиданіемъ съ Сарой; наконецъ искусство врачей спасло его. Когда онъ въ первый разъ всталъ съ постели, Бранчевская была уже вдовой: мужъ ея, поссорившись съ кѣмъ-то въ Италіи, убитъ былъ на дуэли. Это извѣстіе привезъ Сарѣ Ту[illegible]новъ, странствовавшій тогда по свѣту и бывшій секундантомъ Бранчевскаго. Покойникъ, отправляясь стрѣляться, передалъ ему свои бумаги и поручилъ сказать женѣ своей, чтобъ она

уплатила горбуну только по четыремъ векселямъ, которые назоветъ ей Тульчиновъ, а по остальнымъ не платила бы, потому-что они поддѣланы горбуномъ, подписавшимся подъ его руку.

Тульчиновъ, сосѣдъ Бранчевскихъ по имѣнію, зналъ подробно ихъ дѣла и давно уже терпѣть не могъ горбуна, объясняя себѣ его поступки единственно жадностью. Онъ въ точности передалъ Сарѣ слова покойнаго. Бранчевская въ первую минуту, полная негодованія, рѣшилась обличить продѣлки прежняго своего управляющаго. Но горбунъ, провѣдавъ о близкой опасности, далъ ей знать, что у него также есть письма дона Эрнандо и другія доказательства, которыми онъ много можетъ повредить ей.

Сара смирилась. Они снова увидѣлись и размѣнялись оружіями мести, которыя имѣли другъ противъ друга. Сара дала слово не поднимать дѣла о поддѣлкѣ векселей, горбунъ отдалъ ей письма къ дону Эрнандо. Сара поспѣшила бросить ихъ въ каминъ, не подумавъ, всѣ ли они отданы ей....

Сара возвратилась въ Россію вдовой, горбунъ — старикомъ: его никто не узнавалъ. Онъ уже не нашелъ въ Петербургѣ женщины, которой ввѣрилъ дочь Сары, да онъ и не имѣлъ времени хорошенько искать ее, потому-что былъ въ Петербургѣ проѣздомъ и торопился въ усадьбу Бранчевскихъ, гдѣ много у него осталось добра, которое теперь должно было забрать. Уже гораздо позже, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ, что та женщина умерла, и что ребенокъ, котораго привезла она изъ Парижа, также умеръ.

Горбунъ попалъ въ усадьбу Бранчевскихъ прежде помѣщицы, и первымъ его дѣломъ было припрятать портретъ Сары, который впослѣдствіи видѣлъ у него Тульчиновъ. Множество старинныхъ дорогихъ вещей, украшавшихъ нѣкогда огромныя комнаты покинутаго дома, было спрятано горбуномъ еще при жизни родителей Владиміра Бранчевскаго. Онъ увезъ всѣ ихъ съ собой въ Петербургъ, вмѣстѣ съ значительнымъ капиталомъ, который скопилъ, управляя имѣніемъ Бранчевскихъ и помогая имъ проматываться въ Парижѣ.

Въ Петербургѣ, среди одинокой, однообразной жизни, душа его черствѣла не по днямъ, а по часамъ, и скоро уснула глубокимъ сномъ. Сначала онъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ, скупалъ тяжбы, наконецъ началъ давать деньги въ ростъ....

Такъ прошло много лѣтъ. Сынъ Сары выросъ: разъ ему понадобились деньги и случай столкнулъ его съ горбуномъ. Горбунъ съ радостью сталъ давать ему деньги, брался даже помогать ему въ удовольствіяхъ разнаго рода. Съ той поры у горбуна снова завелись постоянныя сношенія съ домомъ Бранчевской, которой онъ впрочемъ никогда вовсе не упускалъ изъ виду; ему знакомы были всѣ люди, а съ Анисьей Ѳедоровной онъ былъ старый другъ.

Наконецъ обстоятельства привели его еще разъ увидѣться и съ самой Бранчевской. Сара увидала случайно въ Полинькиной комнатѣ образокъ, который когда-то надѣла на шею своей дочери. Страшная догадка мелькнула у ней. Горбунъ былъ призванъ.

Мысль, что Полинька, такъ страстно имъ любимая, дочь той самой женщины, по милости которой вынесъ онъ столько муки и униженія, въ первую минуту сильно ошеломила его. Но во вторую минуту онъ уже сообразилъ, что тутъ представляется новая возможность достигнуть своей цѣли или отмстить гордой Полинькѣ.

Розыски удались: снова отвергнутый Полинькой, горбунъ доказалъ Бранчевской, что Полинька не дочь ея. Лишивъ пристанища бѣдную дѣвушку, пустивъ по-міру Кирпичова, его жену и дѣтей, онъ торжествовалъ, строилъ новые планы.... непробуднымъ сномъ продолжала спать душа, озлобленная и жестокая.... пока не грянулъ громъ Божій!

ГЛАВА X.

ВИДѢНІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Подобно утопающему, который хватается за соломенку, Кирпичовъ, получивъ свободу, тотчасъ же кинулся обивать пороги у людей съ капиталами; просилъ денегъ, приглашалъ въ половину и сулилъ впереди золотыя горы. Смѣшонъ и жалокъ былъ онъ съ своими несбыточными планами, съ непоколебимой вѣрой въ свои комерческія способности, въ любовь къ нему всей просвѣщенной Россіи, съ фантастическими химерами и выкладками. Слушали его равнодушно, безъ возраженій, какъ слуша-

ютъ помѣшаннаго, усмѣхались, пожимали плечами. Никто не поддавался. Нѣкоторые впрочемъ просили времени подумать. Тогда воображеніе Кирпичова быстро разъигрывалось: въ радужныхъ краскахъ рисовалась ему будущность, и прежніе друзья Урываевъ и Бѣшенцовъ, непокинувшіе его въ несчастіи, уже пили и принуждали его пить за новое открытіе магазина. Но получивъ на-утро отказъ, Кирпичовъ опять впадалъ въ раздражительную тоску....

Много дней разъѣзжалъ онъ — проку не было! Наконецъ ѣлетъ онъ по одной узкой и некрасивой улицѣ. Дѣло къ вечеру. Кирпичовъ глядитъ на домы, на магазины, на лавочки.... кипитъ въ нихъ торговля, отворяются и затворяются двери, и понятно: роковая печать не оковала ихъ! Ноетъ сердце книгопродавца! Вотъ онъ видитъ домъ, старый и безобразный, вышины непомѣрной.... Счастливая мысль шевельнулась въ его головѣ; лучемъ надежды освѣтилось его лицо....

— Стой! кричитъ онъ извощику.

Извощикъ остановилъ свою клячу.

Кирпичовъ спрыгнулъ съ дрожекъ, вошелъ на дворъ и поднялся по темной, грязной и узкой лѣстницѣ въ самый верхъ. Долго стучался онъ въ единственную дверь чердака, наконецъ послышался стукъ ключей, запоровъ, задвижекъ.

— Кто стучитъ? спросилъ изъ-за дверей испуганный и угрюмый голосъ.

— Я.... Кирпичовъ.... я душенька! отвѣчалъ Кирпичовъ.

Однако долго еще не отворялись двери, такъ-что Кирпичовъ разсердился и закричалъ:

— Отворяй, нето выломлю!

Задвижка щелкнула: высокая, сухая и мрачная фигура появилась на порогѣ со свѣчей.

— Насилу-то! воскликнулъ Кирпичовъ ласково и принялся обнимать персіянина, который съ угрюмой важностью подставилъ ему свои впалыя, жолтыя, колючія щоки, и глубокомысленно произнесъ:

— Здоровъ?

— Здоровъ, здоровъ! А ты какъ? спросилъ Кирпичовъ, входя въ нечистую и совершенно пустую комнату.

Персіянинъ ничего не отвѣчалъ; онъ усердно трудился, *запирая замки* и задвижки у дверей.

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

— Ну, что [illegible]

— [illegible]

— Не [illegible]

Хотя онъ считалъ [illegible]

— Ты мнѣ [illegible]

[illegible]

— Ахъ ты, [illegible]

Онъ [illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

И [illegible]

[illegible]

Освѣщеніе необыкновенно яркое. Золотые корешки переплетовъ слиты въ плотную массу, и стѣны какъ жаръ горятъ, точно окованы граненымъ золотомъ! Толпятся покупатели сотнями, прикащики стучатъ щетами, лазятъ по лѣстницамъ за книгами, перья скрипятъ, звонъ золота раздается по всему магазину, его уже некуда прятать — столько выручили! Покупатели уходя почтительно кланяются Кирпичову. Люди съ важными лицами пожимаютъ ему руки, на которыхъ снова горятъ всѣ его брильянтовые перстни.

Кирпичовъ чувствуетъ необыкновенную легкость на душѣ, ему весело, всѣ его враги стоятъ съ потупленными глазами и просятъ у него прощенія; одинъ только горбунъ, забравшись на шкафъ между глобусами, скалитъ ему зубы. Кирпичовъ ставитъ лѣстницу и хочетъ его снять, но шкафъ все дѣлается выше и выше; Кирпичовъ утомился, взбираясь по лѣстницѣ, — и вотъ онъ уже хватаетъ горбуна за волосы, но вдругъ руку его останавливаетъ красивая женщина и молча указываетъ ему внизъ. Кирпичовъ ужаснулся страшной высоты, на которую забрался: подъ ногами его огромная площадь, народъ толпится тысячами, всѣ куда-то спѣшатъ. Онъ видитъ, какъ, при дружномъ крикѣ многихъ тысячь рабочихъ, подымаютъ колоссальную статую; сердце у него замерло: въ статуѣ онъ узнаетъ свое изображеніе! Ее ставятъ на мраморный пьедесталъ, на которомъ золотыми буквами написано: «Аккуратному, расторопному и дѣятельному двигателю книжной торговли, Василью Матвѣеву сыну Кирпичову. — Иногородные.»

Въ толпѣ онъ узналъ многихъ иногородныхъ, узналъ по письмамъ... они стояли почтительно, снявъ шляпы. Кирпичовъ долго любовался съ своей высоты чуднымъ зрѣлищемъ. Слезы умиленья потекли ручьями изъ его глазъ и мѣшали ему наслаждаться торжественной минутой своей славы. Онъ хотѣлъ протереть глаза—и вдругъ съ ужасомъ отнялъ руку отъ лица: глазъ у него нѣтъ, вмѣсто нихъ огромныя впадины. И самъ онъ уже не живой человѣкъ: онъ — скелетъ и лежитъ въ темнотѣ: на него несетъ сыростью. Огромный мраморный пьедесталъ давитъ ему грудь.

Кирпичовъ содрогается всѣмъ тѣломъ и приходитъ въ сознаніе... Какъ удивился онъ, увидавъ себя на полу, рядомъ съ

[illegible]

всякаго права закладывать или продавать его! Никакіе козни враговъ моихъ не сокрушатъ его!!

Извощикъ съ удивленіемъ слушалъ Кирпичова, сморкался, почесывалъ голову, пока тотъ ораторствовалъ.

— Ну, пошелъ! сказалъ Кирпичовъ, уставъ говорить о будущемъ величіи своего магазина.

— Извощикъ дернулъ возжами, но лошадь не двигалась; онъ грозно замахалъ ими въ воздухѣ, лошадь упорно оставалась на одномъ мѣстѣ. Извощикъ кричалъ, бранился и, разсердясь, ударилъ свою лошаденку. Сдѣлавъ отчаянное усиліе, проѣхала она два-три шага, слабыя ноги скользнули, и она упала на деревянную мостовую. Глухой стонъ вырвался изъ груди извощика, возжи выпали изъ его рукъ; онъ какъ шальной глядѣлъ на растянувшуюся свою клячу, у которой бока высоко подымались, отъ тяжелаго дыханія шея и морда вытянулись, и въ глазахъ столько было страданія, что страшно было смотрѣть.

Кирпичовъ сошелъ съ дрожекъ; только тутъ очнулся извощикъ и съ отчаяннымъ плачемъ кинулся къ нему.

— Батюшка, родной, пособи, обожди, я сейчасъ! Ахъ, Господи, Господи, грѣхъ какой!! недаромъ я видѣлъ, что тебя у меня украли! прислонясь къ мордѣ лошади, плачущимъ голосомъ проговорилъ извощикъ и началъ дрожащими руками разматывать хомутъ. Онъ тревожно глядѣлъ во всѣ стороны, какъ-будто думая сыскать себѣ помощи; но кругомъ было тихо и пусто. Отъ волненія бѣдный ванька ничего не могъ сдѣлать: онъ кричалъ на лошадь, нукалъ; но она грустно и неподвижно лежала, слезливо глядя на своего хозяина. Кирпичовъ уже ушелъ далеко, размахивая руками. Извощикъ кинулся догонять его. Онъ бѣжалъ, спотыкаясь, и задыхающимся голосомъ кричалъ:

— Баринъ, не погуби меня, отдай мнѣ хоть деньги-то: вѣдь я бѣдный человѣкъ!

Кирпичовъ считалъ въ ту минуту будущіе свои доходы. Онъ съ презрѣніемъ подалъ извощику десятирублевую ассигнацію и пошелъ дальше.

Извощикъ кинулся къ своей лошади, но, нагнувшись къ ней, отскочилъ и остолбенѣлъ: кляча лежала съ закрытыми глазами. Извощикъ упалъ на свои оборванные дрожки и зарыдалъ. Долго оплакивалъ онъ свою кормилицу посреди большой улицы...

Начали появляться прохожіе. Они останавливались, равнодушно глядѣли на мертвую клячу, на извощика, и продолжали свой путь.... случались и такіе, которые, оглядѣвъ съ участіемъ околѣвшую лошадь, осыпали извощика упреками:

— Ишь, вѣдь, я думаю, лошадь не кормилъ, а теперь плачешь.... лучше бы меньше вина пилъ!

Черезъ часъ окоченѣлую лошаденку положили на роспуски, къ которымъ привязали дрожки, и такая же измученная кляча, выбиваясь изъ силъ, потащила ее съ богатой улицы....

Извощикъ шелъ за роспусками, безсмысленно глядя на узду, снятую съ бѣдной клячи....

ГЛАВА XI.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Кирпичовъ возвратился домой усталый. Онъ жилъ теперь за тучковымъ мостомъ въ нижнемъ этажѣ стараго и неуклюжаго дома; квартира была бѣдная и тѣсная. Дѣти, пробужденныя его приходомъ, пугливо спрятали головы въ одѣяло, потому-что Кирпичовъ въ минуты отчаянія былъ свирѣпъ съ ними; ихъ плачъ казался ему живымъ упрекомъ. Надежда Сергѣевна, худая, съ заплаканными глазами, радостно встрѣтила своего мужа, котораго всю ночь прождала, полная страху—не случилось ли чего съ нимъ?

Кирпичовъ грубо отвѣчалъ на всѣ вопросы жены и заперся въ своей комнатѣ. Онъ легъ на постель и проглотилъ лепешку. Сны радужные часто смѣнялись дико-чудовищными, въ которыхъ всегда главную роль игралъ горбунъ....

Нѣсколько дней не покидалъ Кирпичовъ своей комнаты, почти ничего не ѣлъ, да и нечего было: все цѣнное уже было продано; сбывалось предсказаніе горбуна: его женѣ и дѣтямъ грозила голодная смерть! Несчастная мать бодрилась; но страшно было у ней на душѣ!

Вечеромъ, сидя на диванѣ, печально смотрѣла она на своихъ дѣтей, спавшихъ на ея колѣняхъ, — слезы бѣдной матери ручьями падали на ихъ головки. По временамъ слышался хриплый кашель изъ темной комнаты, гдѣ лежалъ Кирпичовъ

съ мучительной головной болью и безотрадной тоской. Страшная дѣйствительность уже безсмѣнно наполняла его мысли — онъ испытывалъ невыносимыя муки!

У него нѣтъ больше опіуму, чтобъ прогнать мучительную дѣйствительность, у ней нѣтъ хлѣба, чтобъ накормить дѣтей! Уже цѣлый день собирается она итти къ нему, уговорить его укрѣпиться духомъ, подумать о дѣтяхъ, достать денегъ. Но каждый разъ становилось ей такъ страшно, что она ворочалась. Наконецъ, бережно переложивъ сонныя головы дѣтей съ колѣнъ на диванъ, она взяла свѣчу и подошла къ его двери; съ минуту стояла въ нерѣшимости, но оглянулась на спящихъ дѣтей — и вошла, заслонивъ рукою свѣчу.

Кирпичовъ лежалъ на диванѣ, уткнувъ лицо въ подушку. Комната была печальная и холодная: изъ единственнаго окна виднѣлась мрачная даль, въ которой едва замѣтными точками блестѣли фонари, отражаясь въ рукавѣ Невы. Кромѣ дивана, на которомъ лежалъ Кирпичовъ, въ комнатѣ былъ столъ, заложенный бумагами и счетами, да нѣсколько стульевъ.

Жена сдѣлала несмѣлый шагъ къ дивану; но ей видно не суждено было поговорить съ своимъ мужемъ... и зачѣмъ? чтобъ выслушать много малодушныхъ жалобъ, стоновъ отчаянія, даже можетъ быть незаслуженныхъ грубостей и упрековъ! Вдругъ послышался скрипъ дверей въ другой комнатѣ. Она быстро кинулась туда—и остолбенѣла на порогѣ, пораженная испугомъ и удивленіемъ.

Въ противоположныхъ дверяхъ стоялъ горбунъ! Онъ былъ блѣденъ и дышалъ тяжело. Его платье все было забрызгано грязью. Онъ поклонился женѣ своего сына, съ видомъ непонятнаго ей смиренія, и умоляющимъ жестомъ подзывалъ ее къ себѣ. Она заперла дверь къ мужу и сказала съ упрекомъ:

— Зачѣмъ вы пришли? чтó вамъ нужно?

— Мнѣ нужно видѣть вашего мужа! отвѣчалъ горбунъ, собираясь съ силами.

— Моего мужа? на чтó вамъ его? чтобъ опять вести въ тюрьму? развѣ мало еще вы мучили насъ?

Кирпичова теперь видѣлась съ горбуномъ въ первой разъ со времени роковаго переворота ихъ дѣлъ. Гнѣвъ душилъ ее.

— Мнѣ нужно его видѣть! умоляющимъ голосомъ сказалъ *горбунъ.*

— [illegible]! [illegible]

[illegible]

Надежда Сергѣевна [illegible]

Горбачъ [illegible]

— [illegible] ради Бога [illegible]

Онъ развелъ [illegible]

Надежда Сергѣевна [illegible]

— Я [illegible]

— Я [illegible] Надежда Сергѣевна [illegible]

Она [illegible]

— [illegible] тебя [illegible]

Ошибка не [illegible]

— Не [illegible] — [illegible]!

Опять [illegible]

Горбачъ [illegible]

[illegible]

всякаго права закладывать или продавать его! Никакіе козни враговъ моихъ не сокрушатъ его!!

Извощикъ съ удивленіемъ слушалъ Кирпичова, сморкался, почесывалъ голову, пока тотъ ораторствовалъ.

— Ну, пошелъ! сказалъ Кирпичовъ, уставъ говорить о будущемъ величіи своего магазина.

— Извощикъ дернулъ возжами, но лошадь не двигалась; онъ грозно замахалъ ими въ воздухѣ, лошадь упорно оставалась на одномъ мѣстѣ. Извощикъ кричалъ, бранился и, разсердясь, ударилъ свою лошаденку. Сдѣлавъ отчаянное усиліе, проѣхала она два-три шага, слабыя ноги скользнули, и она упала на деревянную мостовую. Глухой стонъ вырвался изъ груди извощика, возжи выпали изъ его рукъ; онъ какъ шальной глядѣлъ на растянувшуюся свою клячу, у которой бока высоко подымались, отъ тяжелаго дыханія шея и морда вытянулись, и въ глазахъ столько было страданія, что страшно было смотрѣть.

Кирпичовъ сошелъ съ дрожекъ; только тутъ очнулся извощикъ и съ отчаяннымъ плачемъ кинулся къ нему.

— Батюшка, родной, пособи, обожди, я сейчасъ! Ахъ, Господи, Господи, грѣхъ какой!! недаромъ я видѣлъ, что тебя у меня украли! прислонясь къ мордѣ лошади, плачущимъ голосомъ проговорилъ извощикъ и началъ дрожащими руками разматывать хомутъ. Онъ тревожно глядѣлъ во всѣ стороны, какъбудто думая сыскать себѣ помощи; но кругомъ было тихо и пусто. Отъ волненія бѣдный ванька ничего не могъ сдѣлать; онъ кричалъ на лошадь, нукалъ; но она грустно и неподвижно лежала, слезливо глядя на своего хозяина. Кирпичовъ уже ушелъ далеко, размахивая руками. Извощикъ кинулся догонять его. Онъ бѣжалъ, спотыкаясь, и задыхающимся голосомъ кричалъ:

— Барнинъ, не погуби меня, отдай мнѣ хоть деньги-то: вѣдь я бѣдный человѣкъ!

Кирпичовъ считалъ въ ту минуту будущіе свои доходы. Онъ съ презрѣніемъ подалъ извощику десятирублевую ассигнацію и пошелъ дальше.

Извощикъ кинулся къ своей лошади, но, нагнувшись къ ней, отскочилъ и остолбенѣлъ: кляча лежала съ закрытыми глазами. Извощикъ упалъ на свои оборванные дрожки и зарыдалъ. Долго оплакивалъ онъ свою кормилицу посреди большой улицы...

Начали появляться прохожіе. Они останавливались, равнодушно глядѣли на мертвую клячу, на извощика, и продолжали свой путь.... случались и такіе, которые, оглядѣвъ съ участіемъ околѣвшую лошадь, осыпали извощика упреками:

— Ишь, вѣдь, я думаю, лошадь не кормилъ, а теперь плачешь.... лучше бы меньше вина пилъ!

Черезъ часъ окоченѣлую лошаденку положили на роспуски, къ которымъ привязали дрожки, и такая же измученная кляча, выбиваясь изъ силъ, потащила ее съ богатой улицы....

Извощикъ шелъ за роспусками, безсмысленно глядя на узду, снятую съ бѣдной клячи....

ГЛАВА XI.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Кирпичовъ возвратился домой усталый. Онъ жилъ теперь за Тучковымъ мостомъ въ нижнемъ этажѣ стараго и неуклюжаго дома; квартира была бѣдная и тѣсная. Дѣти, пробужденныя его приходомъ, пугливо спрятали головы въ одѣяло, потому-что Кирпичовъ въ минуты отчаянія былъ свирѣпъ съ ними; ихъ плачъ казался ему живымъ упрекомъ. Надежда Сергѣевна, худая, съ заплаканными глазами, радостно встрѣтила своего мужа, котораго всю ночь прождала, полная страху—не случилось ли чего съ нимъ?

Кирпичовъ грубо отвѣчалъ на всѣ вопросы жены и заперся въ своей комнатѣ. Онъ легъ на постель и проглотилъ лепешку. Сны радужные часто смѣнялись дико-чудовищными, въ которыхъ всегда главную роль игралъ горбунъ....

Нѣсколько дней не покидалъ Кирпичовъ своей комнаты, почти ничего не ѣлъ, да и нечего было: все цѣнное уже было продано; сбывалось предсказаніе горбуна: его женѣ и дѣтямъ грозила голодная смерть! Несчастная мать бодрилась; но страшно было у ней на душѣ!

Вечеромъ, сидя на диванѣ, печально смотрѣла она на своихъ дѣтей, спавшихъ на ея колѣняхъ, — слезы бѣдной матери ручьями падали на ихъ головки. По временамъ слышался хриплый кашель изъ темной комнаты, гдѣ лежалъ Кирпичовъ

съ мучительной головной болью и безотрадной тоской. Страшная дѣйствительность уже безсмѣнно наполняла его мысли — онъ испытывалъ невыносимыя муки!

У него нѣтъ больше опіуму, чтобъ прогнать мучительную дѣйствительность, у ней нѣтъ хлѣба, чтобъ накормить дѣтей! Уже цѣлый день собирается она итти къ нему, уговорить его укрѣпиться духомъ, подумать о дѣтяхъ, достать денегъ. Но каждый разъ становилось ей такъ страшно, что она ворочалась. Наконецъ, бережно переложивъ сонныя головы дѣтей съ колѣнъ на диванъ, она взяла свѣчу и подошла къ его двери; съ минуту стояла въ нерѣшимости, но оглянулась на спящихъ дѣтей — и вошла, заслонивъ рукою свѣчу.

Кирпичовъ лежалъ на диванѣ, уткнувъ лицо въ подушку. Комната была печальная и холодная: изъ единственнаго окна виднѣлась мрачная даль, въ которой едва замѣтными точками блестѣли фонари, отражаясь въ рукавѣ Невы. Кромѣ дивана, на которомъ лежалъ Кирпичовъ, въ комнатѣ былъ столъ, заложенный бумагами и счетами, да нѣсколько стульевъ.

Жена сдѣлала несмѣлый шагъ къ дивану; но ей видно не суждено было поговорить съ своимъ мужемъ... и зачѣмъ? чтобъ выслушать много малодушныхъ жалобъ, стоновъ отчаянія, даже можетъ быть незаслуженныхъ грубостей и упрековъ! Вдругъ послышался скрипъ дверей въ другой комнатѣ. Она быстро кинулась туда—и остолбенѣла на порогѣ, пораженная испугомъ и удивленіемъ.

Въ противоположныхъ дверяхъ стоялъ горбунъ! Онъ былъ блѣденъ и дышалъ тяжело. Его платье все было забрызгано грязью. Онъ поклонился женѣ своего сына, съ видомъ непонятнаго ей смиренія, и умоляющимъ жестомъ подзывалъ ее къ себѣ. Она заперла дверь къ мужу и сказала съ упрекомъ:

— Зачѣмъ вы пришли? что́ вамъ нужно?

— Мнѣ нужно видѣть вашего мужа! отвѣчалъ горбунъ, собираясь съ силами.

— Моего мужа? на что́ вамъ его? чтобъ опять вести въ тюрьму? развѣ мало еще вы мучили насъ?

Кирпичова теперь видѣлась съ горбуномъ въ первой разъ со времени рокового переворота ихъ дѣлъ. Гнѣвъ душилъ ее.

— Мнѣ нужно его видѣть! умоляющимъ голосомъ сказалъ *горбунъ*.

— Смотрите! вотъ его дѣти, которыхъ вы пустили по-міру; эни можетъ быть скоро умрутъ съ голоду, вмѣстѣ съ своимъ этцемъ; вы лучше ужь тогда придите полюбоваться!

Надежда Сергѣевна залилась слезами.

Горбунъ съ ужасомъ оглядѣлъ комнату, въ которой все но:сило печать нищеты, взглянулъ на спящихъ блѣдныхъ малюгокъ и, кинувшись къ Кирпичовой, сказалъ растерзаннымъ голо:омъ :

— Пощадите! я пришелъ отдать вамъ все, что́ имѣю! неужеи вы не видите на моемъ лицѣ страданій, которыя грызутъ меія? ради Бога, пустите меня къ нему, дайте мнѣ съ нимъ пеюеговорить.... умоляю васъ!

Онъ рыдалъ какъ дитя.

Надежда Сергѣевна глядѣла на него съ удивленіемъ ; дѣти іроснулись и, кинувшись къ матери, тоже не спускали своихъ іспуганныхъ, сонныхъ глазъ съ плачущаго горбуна.

— Я принесъ ему денегъ. Я все отдамъ ему ; вы не будете и въ чемъ нуждаться, дайте мнѣ только переговорить съ нимъ! схлипывая говорилъ горбунъ.

— Я спрошу его, желаетъ ли онъ видѣть васъ? сказала Надежда Сергѣевна, въ недоумѣніи.

Она тихо отворила дверь и сказала :

— Василій Матвѣичъ, а Василій Матвѣичъ! къ тебѣ пришли, ебя желаютъ видѣть по дѣлу!

Отвѣта не было.

— Не заснулъ ли онъ? сказала она, оборотившись къ горуну. — Всю эту ночь онъ проходилъ по комнатѣ. Василій Матѣичъ!

Опять нѣтъ отвѣта.

Горбунъ дрожалъ, напрягая слухъ.

Взявъ свѣчу, осторожно вошла Надежда Сергѣевна въ темую комнату; дѣти держали ее за платье, горбунъ тоже слѣдоілъ за нею. Диванъ, гдѣ недавно лежалъ Кирпичовъ, былъ устъ.... Надежда Сергѣевна вздрогнула ; медленно стала она бводить свѣчей комнату, — сырой, холодный вѣтеръ пахнулъ ь улицы, зашевелилъ бумагами на письменномъ столѣ и чуть не дулъ свѣчу. Надежда Сергѣевна дико вскрикнула и устремила іаза на окно. Яснѣе, чѣмъ прежде, вдали быстро бѣжала черая масса воды, мѣстами озаренная дрожащими искрами. Кир-

пичова молча указала въ раскрытое окно. По указанію матери, стоявшей съ поднятой рукой, дѣти тоже стали смотрѣть въ темную даль, гдѣ виднѣлась масса бѣгущей воды; посмотрѣлъ и горбунъ.... Вдругъ Надежда Сергѣевна поставила на столъ свѣчу, обхватила руками своихъ дѣтей, и сказала отчаяннымъ и вмѣстѣ грознымъ голосомъ, указывая на горбуна:

— Смотрите дѣти, запомните его хорошенько! онъ можетъ быть сдѣлалъ васъ сиротами!

Горбунъ помертвѣлъ.

— Какъ?... что́?... глухо проговорилъ онъ, пораженный ужасной догадкой, и съ дикимъ крикомъ кинулся къ окну.

Дѣти вскрикнули, когда онъ выскочилъ на улицу....

Уже нѣсколько дней Кирпичовъ чувствовалъ нестерпимую тоску. Печальный голосъ жены, плачь и лепетъ дѣтей были ему пыткой, громко пробуждая давно спавшую совѣсть. Самыя средства, которыми нѣсколько дней поддерживалъ онъ въ себѣ искусственную бодрость, способствовали конечному упадку духа. Нищета и позоръ въ страшныхъ картинахъ рисовались несчастному. Когда же наконецъ жена вошла въ его комнату, отчаяніе его достигло крайнихъ предѣловъ: онъ понялъ, зачѣмъ вошла жена, и зналъ, что долженъ будетъ отказать ей! И какъ только она воротилась, онъ вскочилъ, терзаемый всѣми муками ада, и кинулся изъ окошка....

Теперь онъ шелъ скорыми и неровными шагами по Т*** мосту. Низенькая, неуклюжая фигура не въ дальнемъ разстояніи бѣжала за нимъ.

Кирпичовъ остановился на мосту, и облокотясь на перилы сталъ смотрѣть на широкую полосу воды. Былъ поздній вечеръ; прохожихъ не было; никто не тревожилъ его, не мѣшалъ ему предаваться страшнымъ мыслямъ, слушать грозные вопли совѣсти, которая твердила ему, что погубилъ онъ дѣтей и жену, лишивъ ихъ состоянія, что имъ нечего ѣсть, что умрутъ они съ голоду. Спустя минуту, низенькая фигура остановилась позади его и, закрывъ руками лицо, простонала:

— Господи! помоги мнѣ!

Кирпичовъ быстро повернулся. Нагнувшись къ низенькой фигурѣ, онъ принужденно захохоталъ и произнесъ съ иронической вѣжливостью:

— А! мое почтеніе, Борисъ Антонычъ!

Горбунъ вздрогнулъ и, отнявъ руки отъ лица, сдѣлалъ къ Кирпичову умоляющее движеніе.

— Посмотри, посмотри на меня по-человѣчески! сказалъ онъ рыдающимъ голосомъ. — Я больше не врагъ твой.... не врагъ....

— Другъ, закадышный другъ! отвѣчалъ Кирпичовъ съ дикимъ хохотомъ.—Ха, ха, ха! засадилъ въ тюрьму, обокралъ... вотъ друга, такъ друга нашелъ я!

— Выслушай меня, ради всего, что̀ у тебя есть дорогого, выслушай!

— Дорогого? что̀ у меня теперь есть дорогого? сказалъ Кирпичовъ. — Дорожатъ люди честью — ты у меня ее отнялъ.... дорожатъ деньгами — ты же отнялъ ихъ у меня! Я пустилъ по міру своихъ родныхъ дѣтой... слышишь ли ты, злодѣй? Я родныхъ дѣтей сдѣлалъ нищими.... понимаешь ли ты, можешь ли ты понять? Или не было у тебя дѣтей? И хорошо! Нето они вѣрно отреклись бы отъ такого отца, прокл....

— Погоди проклинать меня! съ ужасомъ перебилъ горбунъ, хватаясь за перилы.—Ты не знаешь, кто стоитъ передъ тобой!

— Какъ не знать? Борисъ Антоньічъ Добротинъ! какъ не знать мнѣ его? онъ лишилъ меня всего состоянія, онъ опозорилъ меня на всю Россію, даже и дѣти мои будутъ стыдиться, что имѣли такого отца! Какъ не знать мнѣ его? насмѣшливо повторялъ Кирпичовъ.

— Перестань, прошу тебя — перестань! ты самъ отецъ, пойми же меня.... вѣдь я твой отецъ! въ отчаяніи вскрикнулъ горбунъ и кинулся-было къ Кирпичову.

Кирпичовъ отстранилъ его рукой.

— Какой отецъ и чей? спросилъ онъ.

— Твой, твой! поспѣшно отвѣчалъ горбунъ.

— У меня нѣтъ отца, я не знавалъ его. Бросилъ онъ меня! Отецъ! отецъ! Будь отецъ, онъ научилъ бы меня добру, не потерялъ бы я своей чести.... На что̀ мнѣ теперь отецъ? все для меня въ жизни кончено..... я нищій, меня многіе считаютъ воромъ.... зачѣмъ мнѣ отецъ теперь?

— Меня обманули: мнѣ сказали, что ты умеръ.

— Тебя не обманули: я точно умеръ.... я никуда не гожусь теперь! Развѣ отецъ станетъ сажать сына въ тюрьму? развѣ ста-

нетъ учить его дѣлать то, чему ты меня научалъ? Ты лжешь! погубилъ меня да еще хочешь смѣяться надо мной!

— Я тебѣ дамъ капиталъ, я уничтожу твои векселя, ты будешь жить по-прежнему.... будешь богатъ.... будешь гулять, въ отчаяніи твердилъ горбунъ.

— Зачѣмъ ты сулишь мнѣ деньги? я знаю тебя хорошо.... да и чтó мнѣ въ нихъ теперь? Я ихъ имѣлъ: чтó же я сдѣлалъ изъ нихъ? а, чтò? я бросалъ ихъ тѣмъ, которые льстили мнѣ, и выгонялъ тѣхъ, кто молилъ помощи... чтó мнѣ въ той жизни, какую я велъ? пьянство.... да оно-то и погубило меня.... Нѣтъ, ничего мнѣ не надо! я вѣкъ свой прожилъ, словно какое животное, прожилъ свои и чужія деньги, пустилъ по міру жену и дѣтей. Я все сдѣлалъ низкое и злое, чтò только можетъ сдѣлать человѣкъ! Такъ зачѣмъ мнѣ еще деньги? чтобъ опять поить и кормить льстецовъ да обшитывать бѣдныхъ и честныхъ людей? Нѣтъ, ужь кончено! не увидишь, не налюбуешься ты больше моимъ позоромъ, моими черными дѣлами.... Нѣтъ, нѣтъ! закричалъ Кирпичовъ и побѣжалъ по мосту.

Горбунъ кинулся за нимъ; онъ хваталъ его за шинель, кричалъ ему раздирающимъ голосомъ:

— Прости, прости своего отца!

— Отецъ! съ хохотомъ повторилъ Кирпичовъ. — Да, хорошъ отецъ!

И онъ пустился бѣжать еще шибче. Горбунъ бѣжалъ за нимъ, но силы измѣнили ему. Далеко опередившій его Кирпичовъ остановился у фонаря и крикнулъ горбуну:

— Смотри! вотъ чтò мнѣ осталось дѣлать!

И онъ перешагнулъ черезъ перилы.

Горбунъ сдѣлалъ надъ собой отчаянное усиліе, подскочилъ къ сыну и, схвативъ его за шинель, дико закричалъ:

— Помогите!

Раздался глухой и печальный плескъ волнъ. На секунду нарушилось постоянное теченье рѣки, какъ-будто съ торжественной почтительностью принявшей въ свои объятія Кирпичова, — и тотчасъ же волны снова потекли мѣрно и тихо.

Горбунъ держалъ въ рукахъ шинель сына, устремивъ безумные глаза внизъ, и кричалъ о помощи. Вдругъ что-то черное мелькнуло надъ водой, раздался слабый мгновенный крикъ.

— Тонетъ, тонетъ!.... сынъ мой тонетъ! спасите, спасите!... О, я самъ спасу его! закричалъ горбунъ и кинулся съ мосту спасать своего сына....

Еще раздался глухой и печальный плескъ, — волны разступились и тотчасъ снова плотно сомкнулись и потекли своимъ неизмѣннымъ путемъ....

ГЛАВА XII.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

А что Каютинъ?.... Забытый читателемъ на Новой Землѣ, онъ воротился въ Архангельскъ въ началѣ лѣта. Первымъ дѣломъ его было бѣжать на почту, куда просилъ онъ своихъ друзей адресовать къ нему письма съ тѣмъ, чтобъ ихъ оставляли тамъ до его прихода. Ему отдали нѣсколько писемъ отъ Данкова, много писемъ отъ Душникова, но писемъ, которыхъ онъ особенно ждалъ—писемъ полинькиныхъ—ни одного! Сильное горе взяло бѣднаго труженика, который послѣ долгихъ странствованій, послѣ утомительной работы и скуки, надѣялся наконецъ отвести душу. Какая могла быть причина этого молчанія? Тяжкая болѣзнь, смерть? Но въ такомъ случаѣ или башмачникъ, или Надежда Сергѣевна непремѣнно увѣдомили бы его.... Думалъ, думалъ Каютинъ и рѣшилъ, что другой причины не можетъ быть, кромѣ той, что Полинька забыла его. Въ этомъ случаѣ понятно молчаніе друзей его, также какъ и ея собственное. Подъ вліяніемъ этой тяжелой мысли, Каютинъ написалъ Полинькѣ то рѣзкое и грустное письмо, которое, попавшись ей въ руки вмѣстѣ съ другими черезъ Граблина, привело ее въ такое негодованіе.

Въ числѣ писемъ Душникова было одно, недавнее, въ которомъ Душниковъ описывалъ приволье жизни въ при-каспійскомъ краю и звалъ своего друга попробовать счастья въ тамошнихъ промыслахъ, обѣщая ему вѣрную прибыль, если только онъ еще не довольно пріобрѣлъ, чтобъ разстаться съ страннической и труженической жизнью.

Каютинъ не долго думалъ. Какъ ни хорошо шли весенніе промыслы на Новой Землѣ, однакожь, при первоначальныхъ не-

удачахъ, чистая выручка не могла быть слишкомъ значительна. И притомъ, зачѣмъ онъ будетъ теперь торопиться въ Петербургъ?

Товаръ поспѣшили продать, и Каютинъ, не теряя времени, отправился въ Астрахань. Хребтовъ сопровождалъ его.

Другихъ людей, другую природу увидѣлъ нашъ герой.

По положенію своему на берегу Каспійскаго моря, при устьѣ текущей изъ глубины Россіи Волги, Астрахань представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ нашего отечества въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ. Состоя преимущественно изъ обширныхъ безплодныхъ степей, бѣдная мѣстными средствами, Астраханская губернія небогата осѣдлымъ населеніемъ. И притомъ цѣлая треть его приходится на долю губернскаго города, служащаго средоточіемъ всего рыболовства Каспійскаго моря, занимающаго многія тысячи рукъ. Сюда стекаются для найма изъ верхнихъ губерній рабочіе люди, здѣсь строятся суда и заготовляются рыболовные матеріялы, провизія, соль; здѣсь наконецъ складочный портъ всего улова Каспійскаго моря.

Населенный богато и разнообразно городъ особенно поражаетъ своею пестрой, полу-европейской, полу-азіятской физіономіей. Церкви и мечети, обыкновенные дома, встрѣчающіеся во всѣхъ русскихъ городахъ, и дома, закрытые снаружи заборами; татары, хивинцы, калмыки, армяне, киргизы, русскіе мужики; — костюмы европейскіе, національные русскіе, татарскія чухи, цвѣтные халаты, бѣлыя покрывала армянокъ; — дрожки, коляски, татарскія телѣги, навьюченные верблюды, верховые лошади, — вся эта смѣсь строеній, племенъ, одеждъ, экипажей и всего прочаго производитъ зрѣлище странное и занимательное.

Но Каютину нѣкогда было долго бродить по городу и любоваться его оригинальной наружностью. Предувѣдомленный заранѣе, Душниковъ уже приготовилъ все, чтобъ немедленно приступить къ дѣлу. Снаряжены были двѣ большія барки, такъ-какъ средства Каютина позволяли ему теперь вести промыслъ въ размѣрахъ значительныхъ, и друзья наши отправились въ свой участокъ.

Всѣ каспійскія воды и устья притекающихъ къ морю рѣкъ раздѣлены на участки, изъ которыхъ одни принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ, другіе казнѣ. Казна предоставляетъ свои *участки свободной* промышленности, съ платою опредѣленной

ошлины. Участокъ, снятый Каютинымъ, по совѣту Душниэва, составлялъ часть такъ называемыхъ Эмбенскихъ Водъ, дущихъ вдоль восточнаго берега, и прилегалъ почти къ самому олпинскому мысу. Отсюда къ югу промыселъ становится опаньмъ: тюркмены и киргизы, кочующіе по берегамъ полуостровъ Бузачи и Тюкъ-Караганскаго, часто нападаютъ на промыиленниковъ, грабятъ и забираютъ ихъ въ плѣнъ.

Каютину и Душникову опасаться однако же слишкомъ было ечего: на двухъ судахъ ихъ находилось до сорока человѣкъ ильнаго и смѣлаго рабочаго народа, хорошо вооруженнаго. По овѣту осторожнаго Душникова, оружія взято было даже болѣе, ѣмъ требовалось при промыслахъ.

Такимъ образомъ, подстрекаемые хорошимъ уловомъ, котоый съ каждымъ шагомъ впередъ становился выгоднѣе, они наонецъ очутились у самыхъ береговъ Тюкъ-Карагинскаго полуострова.

То была уже глубокая осень, въ томъ краю особенно пріятая своей ровностью и умѣреннымъ холодомъ. Солнце быстро іустилось въ море, наступилъ вечеръ. Барки нашихъ промыленниковъ бросили якорь въ виду тюкъ-караганскихъ береэвъ.

Каютинъ стоялъ на палубѣ своей барки. Небо было чистое ясное; волны, чуть колеблемыя тихимъ вѣтромъ, лѣниво плесались, чуждыя своей обычной торопливости; ничего мрачнаго пугающаго не было въ ихъ шопотѣ; онѣ какъ-будто говорили спокойствіи. Но въ душѣ его не было спокойствія.

Вотъ теперь планы его удаются; онъ почти уже имѣетъ то, чемъ едва смѣлъ мечтать.... но зачѣмъ ему теперь деньги, — еньги, стоившія столькихъ трудовъ, лишеній, и главное такихъ гаркихъ битвъ съ самимъ собою, съ врожденной лѣнью, непособностью, нерасположеніемъ?... грустно!

Небольшая лодочка причалила къ баркѣ: покинувъ свою арку, Душниковъ спѣшилъ свидѣться съ Каютинымъ, съ котоымъ въ теченіи дня они перекликались только съ барокъ.

Фигура Душникова значительно измѣнилась. Купеческій когюмъ шелъ къ нему гораздо лучше такъ называемаго нѣмецаго платья. Ловко сшитый синій кафтанъ съ мѣховой оторочой, подпоясанный краснымъ кушакомъ, шапка съ соболемъ ридавали ему молодецкій видъ. Не было въ немъ прежней ро-

бости, неувѣренности: можетъ быть, что занявшись наконец
дѣломъ, въ которомъ чувствовалъ себя не безполезнымъ, он
сталъ смѣлѣе и самостоятельнѣе....

Въ послѣднее время у нихъ только и разговоровъ было, ч
о Полинькѣ. Каютинъ считалъ несомнѣннымъ, что она забы
его, Душниковъ — искалъ другихъ причинъ ея молчанія и со
вѣтовалъ ему тотчасъ по окончаніи промысловъ ѣхать въ Пе
тербургъ. Но Каютинъ клялся, что если, пріѣхавъ въ Астр
хань, не найдетъ и тамъ письма отъ Полиньки, то скорѣй он
отправится на Новую Землю, чѣмъ въ Петербургъ. И теп
рѣчь пошла о томъ же.

— Оба вы хорошіе парни, сказалъ Хребтовъ, неожи
но появившись передъ ними. — И умны, и работящи, и
нѣтъ, однимъ нехороши: какъ сойдетесь вмѣстѣ, такъ у
бра не жди: все супитесь да хмуритесь, словно у васъ и
веселыхъ промежъ собой нѣтъ.... Испортилъ ты у меня
замѣтилъ Хребтовъ Душникову, указывая на Каютина.— Пр
да, и прежде бывало онъ какъ загруститъ, такъ бѣда, —
скоро проходило, и ужь за-то какъ развеселится, такъ толь
держись — дымъ стоитъ коромысломъ! Пѣсни поетъ и фр
цузскія и русскія.... да что́ пѣсни! Помнишь, молодецъ (Хр
товъ обратился къ Каютину), какъ ты на Новой Землѣ по
вдругъ французскій танецъ пошелъ?... И я, старикъ, смѣш
сказать, глядѣлъ-глядѣлъ, да туда же пустился русскую; гл
—и вся артель пристала... Такая пошла потѣха, что куда холо
дѣвался! Степь кругомъ мертвая: не дойдешь не доѣдешь,
доплывешь ни до какого жилья, пока не минетъ зимушка до
гая, — а въ зимушку ту каждый часъ ни до чего нѣтъ бли
какъ до смерти, — глаза рѣжетъ словно бритвами, холодъ,
приведи Богъ, а намъ и нуждушки нѣтъ! лихо согрѣлись, д
весело было. Я смерть люблю такъ тѣшиться. И за то я т
еще пуще полюбилъ, Тимофей Николаичъ, что тамъ, гдѣ д
гой, того гляди, благимъ-матомъ взвоетъ, ты плясать пошелъ.

— То было другое время, со вздохомъ сказалъ Каютинъ.

— Другое время? Неужли жь скажешь, что лучше то вре
было? И мерзли-то мы, и товарища схоронили, и долго удачи
было, а здѣсь вотъ спасибо Семену Никитичу — хорошій у
стокъ снялъ, — въ два мѣсяца, припѣваючи, что́ промысли
Поди, нашъ уловъ по всей Астрахани первый будетъ. Сколь

красной рыбы одной — севрюги, осетра, бѣлуги! А частиковой такъ и говорить нечего: вѣдь у насъ лосося, бѣлорыбицы, сазана — хоть прудъ пруди! Какихъ тюленей промыслили! какихъ сомовъ погромили! — нѣтъ, грѣхъ теперь кручиниться! Вишь ночь какая! право, спать не хочется ложиться.... не кручиньтесь, други! Я вотъ артели по хорошей порціи винца выдамъ, такъ они у меня хоромъ пѣсню молодецкую гаркнутъ — авось и васъ развеселятъ.... а, такъ, чтó ли?

— Пожалуйста, Антипъ Савельичъ, распорядись, какъ тебѣ хочется.... пусть веселятся!

Обѣ барки скоро оживились пѣснями и плясками, но Каютинъ и Душниковъ не принимали участія въ общемъ весельи: имъ какъ-то особенно грустно было въ этотъ вечеръ. Настроенный печальными жалобами Каютина, и Душниковъ недолго крѣпился. Какъ-будто желая утѣшить Каютина, доказавъ ему, что горе его еще не такъ велико, онъ нарочно старался вспомнить самые грустные случаи своей несчастной любви, мелочи, ничтожныя въ глазахъ равнодушнаго слушателя, но въ которыхъ глазъ влюбленнаго открывалъ тысячи поводовъ къ невыносимымъ страданіямъ. Такія воспоминанія всегда болѣзненно дѣйствовали на Душникова, въ которомъ тоска рѣдко высказывалась наружными признаками, но за то съ страшною силою. Нервы его были слабы и, разъ потрясенная и грустно настроенная душа его не скоро успокоивалась.... Каютинъ скоро понялъ, что своими горькими жалобами неблагоразумно растравилъ глубокую рану въ сердцѣ друга. И онъ перемѣнилъ тонъ, онъ уже больше не говорилъ ни о своихъ страданіяхъ, ни о любви и коварной измѣнѣ. Но теперь пришла очередь Душникову грустить и жаловаться. Каютинъ ужаснулся, какъ еще сильна и свѣжа любовь къ вѣтреной и причудливой Лизѣ въ сердцѣ его друга. И какъ вмѣстѣ съ тѣмъ она благородна и великодушна!

— Лиза, Лиза! тихо говорилъ Душниковъ, всматриваясь въ мрачную массу воды и можетъ быть видя въ волнахъ ту самую граціозную и прекрасную картину, которую нѣкогда такъ чудно передала его кисть.—Я былъ глупъ, я былъ неблагодаренъ, когда прощался съ тобой.... Я плакалъ, какъ недовольный, какъ обиженный, уходилъ съ тоской и болью въ душѣ... И ты плакала, я довелъ тебя до слезъ! И я не умѣлъ сказать тебѣ, что плакать тебѣ не о чемъ, что жалѣть меня нечего: я и такъ счастливъ на

[illegible]

Долго еще говорилъ Лушниковъ то самому себѣ, то Капитану о своей любви, о своемъ счастіи, о Лизѣ, о доброй ея бабушкѣ... Наконецъ они разстались. Лушниковъ сѣлъ въ свою лодочку и причалилъ къ своей баркѣ. Капитанъ сошелъ въ каюту и легъ. Скоро совершенная тишина наступила на баркахъ. Рабочіе, утомленные дневными трудами, порядочно подкутившіе, спали глубокимъ сномъ. Только часовые бродили на палубѣ и по временамъ нетвердой рукой били въ сторожевой колоколъ. Наконецъ и часовые умолкли.

Была совершенная тишина. Волны чуть плескались. Небо было покрыто туманомъ, только немногія звѣзды отражались въ морѣ. Ночь, чѣмъ глубже, становилась темнѣй и тише....

Вдругъ около барокъ показалась небольшая лодка. Тихо, осторожно приближалась она къ нимъ. Сидѣвшіе въ ней три человѣка поминутно поднимали весла и прислушивались. Нако-

нецъ они подплыли къ одной баркѣ; огромный ножъ сверкнулъ въ рукахъ одного изъ пловцовъ и въ минуту якорный канатъ былъ перерѣзанъ. Барка покачнулась и медленно начала отдаляться, гонимая легкимъ юго-восточнымъ вѣтромъ.

Лодка съ тремя гребцами стала приближаться къ другой баркѣ, казалось, съ тѣмъ же намѣреніемъ. Ножъ не былъ спрятанъ.... Вдругъ часовой на палубѣ отплывшей барки проснулся, подошелъ къ колоколу и сталъ звонить. Пловцы быстро принялись грести прочь, наблюдая движенія часового, который, прозвонивъ въ просонкахъ, снова улегся.

Лодка съ тремя гребцами быстро удалялась къ Тюкъ-Караганскому берегу.

Барку все гнало по направленію вѣтра и къ утру съ другой барки, продолжавшей стоять на якорѣ, ея уже не было видно не только простымъ глазомъ, но и въ трубу. Часовой первый замѣтилъ, что барки нѣтъ.

— Антипъ Савельичъ! Антипъ Савельичъ! закричалъ онъ какъ безумный, вбѣгая въ каюту Хребтова. — Барка душниковская пропала!

Въ нѣсколько минутъ на баркѣ произошло смятеніе. Всѣ проснулись, всѣ были поражены и напуганы, суетились и не знали, что̀ дѣлать. Хребтовъ тотчасъ угадалъ, какимъ образомъ исчезла барка.

— Киргизы разбойники подшутили съ нами, сказалъ онъ испуганному Каютину: — когда нѣтъ надежды силой ограбить барку, они часто выкидываютъ такія штуки.... ужь таковъ народецъ! Знаютъ, что рабочій народъ усталъ, спитъ крѣпко — вотъ и подрѣжутъ ночью канатъ, коли вѣтеръ дуетъ въ ихъ сторону; барку и подгонитъ къ нимъ. И коли удастся, они давай грабить ее, да еще послѣ и передъ судомъ правятся: мы де по береговому праву.... зачѣмъ въ нашихъ участкахъ рыба наловлена.... такъ-де она намъ и слѣдуетъ! А коли неудастся, имъ тоже горя мало: знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ, видно канатъ самъ оборвался, и конецъ! Грѣхъ моей сѣдой головѣ, сказалъ печально Антипъ: — что я допустилъ такую бѣду, да ужь поздно пенять, не воротишь! надо думать, какъ дѣлу помочь, какъ товаръ выручить....

— Что́ товаръ? замѣтилъ Каютинъ: — тамъ пятнадцать человѣкъ нашихъ товарищей.... и Душниковъ....

— Отшибемъ, всѣхъ отшибемъ, коли ужь и попались они въ руки киргизамъ! рѣшительно перебилъ Хребтовъ: — насъ довольно.... винтовка у каждаго, пуль и пороху пропасть.... даже двѣ сабли есть....

— И барабанъ есть, замѣтилъ одинъ рабочій, Демьянъ Пупковъ, тотъ самый, который былъ съ Каютинымъ и на Новой Землѣ: — взяли для балагурства, а теперь можетъ и пригодится....

— Возьмемъ и барабанъ, съ усмѣшкой сказалъ Хребтовъ: — коли понадобится, и на берегъ сойдемъ, а ужь товарищей выручимъ! вѣдь что ихъ бояться? Только воровски храбры они, а какъ дѣло пойдетъ на открытую, такъ нѣтъ ихъ трусливѣй... Сто человѣкъ отъ десяти бѣгутъ....

Расчитывая, куда могъ занесть вѣтеръ барку Душникова, промышленники держались тѣмъ курсомъ, но какъ ни смотрѣли въ зрительную трубку, барки не усмотрѣли.

— Некогда мѣшкать, надо сойти на берегъ; авось по слѣдамъ найдемъ разбойниковъ! сказалъ Хребтовъ.

И, оставивъ на баркѣ двухъ человѣкъ, остальные пересѣли въ лодки и стали грести къ берегу.

По мѣрѣ приближенья къ нему, между рабочими усиливалось волненіе.

— Лѣсъ, лѣсъ, братцы! передавали они другъ другу съ лодки на лодку.

Каютинъ посмотрѣлъ въ трубу: точно, на горизонтѣ тянулась узенькая едва замѣтная полоса, окаймляя безконечное пространство моря. Рабочіе побросали свои занятія и напрягали зрѣніе. Только Хребтовъ, не поднимая головы, продолжалъ чинить свою рубашку. Къ его окладистой бородѣ и широкимъ плечамъ не шла иголка, которую онъ смѣшно держалъ двумя пальцами; а остальные странно таращились. Каютинъ окликнулъ его.

— Антипъ Савельичъ, лѣсъ!

Хребтовъ усмѣхнулся и, перекусивъ нитку зубами, отвѣчалъ:

— Да еще какой чудной: съ моремъ воюетъ, а у самого ни [illegible]!

— Да что же тамъ такое? право деревья торчатъ: посмотри [illegible]!

Каютинъ подалъ ему трубку.

— Не мѣшай, другъ! отвѣчалъ Хребтовъ, прищуриваясь.

— Ага! радостно воскликнулъ онъ, вдѣвъ наконецъ нитку въ иглу, что̀ долго не удавалось ему.... — Ужь въ такую чудную сторону попали мы, примолвилъ Хребтовъ. — Моря лѣсами поростаютъ; большія рѣки пропадаютъ, а вѣдь кажись не игла, мудрено затеряться! Вотъ увидишь, какой тутъ лѣсъ....

Къ вечеру лодки пристали къ мнимому берегу; пятисаженные гибкіе камыши своимъ унылымъ шелестомъ сливались съ монотоннымъ плескомъ волнъ.

Печальная музыка моря, неизвѣстность, что сталось съ товарищами, и что̀ ожидаетъ ихъ самихъ въ дикомъ краю, — все вмѣстѣ сильно прикручинило промышленниковъ. Молчаливо, съ печальными лицами, сидѣли они у разложеннаго костра. Небо было подернуто тучами. Шипѣніе камышей становилось все громче; ихъ стонущіе, зовущіе, умоляющіе звуки были невыносимо унылы....

Каютинъ съ Хребтовымъ лежали поодаль отъ костра на кучѣ камышей, набранныхъ для топлива.

— Ну, народецъ нашъ не весело глядитъ, замѣтилъ Хребтовъ.

— Да что̀, отвѣчалъ Каютинъ: — вѣдь по правдѣ сказать, такъ и радоваться нечему....

— Оно такъ....да про то вѣдать должна одна душа. А ужь коли пришли сюда, такъ держись.... Эй, Демьянъ! гаркнулъ Хребтовъ.

Демьянъ Путковъ, пожилой человѣкъ съ плотно остриженной бородой и большими усами, подошелъ къ нему. Движенія его были угловаты, но необыкновенно живы.

— Что́, братъ, ты не балагуришь? Вишь они у тебя, сказалъ ему Хребтовъ, подмигнувъ на остальныхъ его товарищей: — словно бабы глядятъ! Ай, стыдно, Демьянъ! а еще балагуръ считался.... дома!

— Да что́, Антипъ Савельичъ, больно ужь кругомъ-то того.... такъ оно, знаешь, не до смѣху....

— И, врешь! нутка подай твои бубны да литавры—споемъ!

И онъ запѣлъ. Въ его голосѣ не было разгула, но всѣ лица просіяли. Демьянъ присоединился къ нему съ барабаномъ, съ

бубенчиками; онъ свисталъ, звѣнѣлъ бубнами, билъ въ барабанъ, прыгалъ и пѣлъ дикимъ голосомъ.

Его окружили товарищи; стали подтрунивать, но веселье не клеилось. Тогда Хребтовъ соскочилъ съ камыша и пустился плясать, припѣвая:

Тра-та-та! тра-та-та!
Вышла кошка за кота!

Всѣ хохотали; принялись подпѣвать. Демьянъ, поощренный Хребтовымъ, выплясывалъ до-поту лица. Хребтовъ ободрялъ его криками:

— Ай, молодецъ, Демьянъ! славно, живѣй, живѣй! Ну, ну, ну.... молодецъ!

— Теперь, братцы, споемъ круговую, сказалъ онъ, и промышленники хоромъ затянули:

Купимъ-ка мы, жонушка, курочку себѣ —
Курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, уточку себѣ —
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, гусиньку себѣ —
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, индюшку себѣ —
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, барашка себѣ —
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, женушка, козленка себѣ —
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусынька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣнничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, женушка, коровку себѣ —
Коровушка мыкъ-мыкъ,
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусынька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣнничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Часа черезъ два все стихло. Только нѣкоторые, не успѣвшіе заснуть, пѣли тихимъ голосомъ, у догорающаго костра; унылые напѣвы гармонировали съ природой и съ душевнымъ состояніемъ промышленниковъ. Все кругомъ было полно грусти....

Лежа поодаль, Каютинъ тихонько подпѣвалъ своимъ товарищамъ. Хребтовъ ворочался съ боку на бокъ. Вдругъ онъ вскочилъ и бросился къ костру.

— Мнѣ и не въ домекъ, братцы.... ну, такое ли здѣсь мѣсто, чтобъ пѣть, да еще ночью?

Все разомъ смолкло. Хребтовъ опять легъ. Когда же наконецъ всѣ заснули, онъ подсѣлъ къ огню, чуть тлѣвшему, и сталъ сушить свою обувь. Долго онъ еще сидѣлъ у костра, пощипывая свою бороду и раздумывая. Вдругъ, среди обычнаго шелеста, послышался шумъ въ камышахъ. Хребтовъ встрепенулся, вскочилъ — шумъ все приближался. Хребтовъ долго вслушивался, — тихонько осмотрѣлъ ножъ и ружье, затопталъ огонь и началъ красться къ тому мѣсту, откуда доносился шумъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ вдругъ блеснули въ темнотѣ два огромныхъ глаза.... потомъ, среди глубокой тишины, раздалось ржаніе лошади. Хребтовъ радостно вскрикнулъ, два глаза быстро исчезли.... камыши взволновались и прозвучали, подобно тысячамъ-тысячъ струнъ, тронутыхъ въ одно время.

— Отнимемъ, всѣхъ отнимемъ, коли ужь и попались они въ руки киргизамъ! рѣшительно перебилъ Хребтовъ: — насъ довольно.... винтовка у каждаго, пуль и пороху пропасть.... даже двѣ сабли есть....

— И барабанъ есть, замѣтилъ одинъ рабочій, Демьянъ Путковъ, тотъ самый, который былъ съ Каютинымъ и на Новой Землѣ: — взяли для балагурства, а теперь можетъ и пригодится....

— Возьмемъ и барабанъ, съ усмѣшкой сказалъ Хребтовъ: — коли понадобится, и на берегъ сойдемъ, а ужь товарищей не уступимъ! вѣдь что́ ихъ бояться? Только воровски храбры они, а какъ дѣло пойдетъ на открытую, такъ нѣтъ ихъ трусливѣй.... Сто человѣкъ отъ десяти бѣгутъ....

Расчитывая, куда могъ занесть вѣтеръ барку Душникова, промышленники держались тѣмъ курсомъ, но какъ ни смотрѣли въ зрительную трубку, барки не усмотрѣли.

— Нѣкогда мѣшкать, надо сойти на берегъ; авось по слѣдамъ найдемъ разбойниковъ! сказалъ Хребтовъ.

И, оставивъ на баркѣ двухъ человѣкъ, остальные пересѣли въ лодки и стали грести къ берегу.

По мѣрѣ приближенья къ нему, между рабочими усиливалось волненіе.

— Лѣсъ, лѣсъ, братцы! передавали они другъ другу съ лодки на лодку.

Каютинъ посмотрѣлъ въ трубу: точно, на горизонтѣ тянулась узенькая едва замѣтная полоса, окаймляя безконечное пространство моря. Рабочіе побросали свои занятія и напрягали зрѣніе. Только Хребтовъ, не поднимая головы, продолжалъ чинить свою рубашку. Къ его окладистой бородѣ и широкимъ плечамъ не шла иголка, которую онъ смѣшно держалъ двумя пальцами; а остальные странно таращились. Каютинъ окликнулъ его.

— Антипъ Савельичъ, лѣсъ!

Хребтовъ усмѣхнулся и, перекусивъ нитку зубами, отвѣчалъ;

— Да еще какой чудной: съ моремъ воюетъ, а у самого ни поленца нѣтъ!

— Да что́ же тамъ такое? право деревья торчатъ: посмотри самъ!

Каютинъ подалъ ему трубку.

— Не [illegible], другъ! [illegible] Хребтовъ [illegible]

— Ага! радостно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]ку въ [illegible], что долго не [illegible] [illegible]... — [illegible] [illegible] кую чудную сторону [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]. — Моря лѣсами поростаютъ: [illegible] рѣки [illegible] [illegible] кажись не [illegible], мудрено затеряться! [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] здѣсь....

Къ вечеру лодки пристали къ [illegible] берегу [illegible]ные гибкіе [illegible] своимъ [illegible] [illegible] [illegible] монотоннымъ [illegible] волнъ.

Печальная музыка моря, [illegible], эти [illegible] товарищами, и что [illegible] ихъ [illegible] за [illegible] [illegible] — все вмѣстѣ сильно [illegible] [illegible]. [illegible]во, съ печальными лицами, сидѣли они у [illegible] [illegible]. Небо было подернуто тучами. [illegible] [illegible] [illegible] все громче; ихъ стонущіе, [illegible], [illegible] звуки были [illegible]выносимо унылы....

Каютинъ съ Хребтовымъ лежали [illegible] [illegible] [illegible] кучѣ камышей, набранныхъ для топлива.

— Ну, народецъ нашъ не [illegible] [illegible], [illegible] Хребтовъ.

— Да что, отвѣчалъ Каютинъ: — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], такъ и радоваться нечему....

— Оно такъ.... да про [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] коли пришли сюда, такъ держись.... [illegible], Демьянъ, [illegible] Хребтовъ.

Демьянъ Путковъ, [illegible] человѣкъ съ [illegible] [illegible]ной бородой и большими усами, [illegible] къ нему. [illegible] его были угловаты, но [illegible] живы.

— Что, братъ, ты не [illegible]? [illegible] [illegible] [illegible], сказалъ ему Хребтовъ, [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible]: — словно бабы глядятъ! [illegible], [illegible], Демьянъ! [illegible] [illegible] [illegible]гуръ считался.... дома!

— Да что, Антонъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]го.... такъ оно, знаешь, не [illegible] [illegible]...

— И, время! [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible]

И онъ запѣлъ. Въ [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] просіяли. Демьянъ [illegible] къ нему [illegible] [illegible] [illegible]

б[illegible] [illegible] сплясалъ, [illegible] бубнами, билъ въ барабанъ, прыгалъ и [illegible] [illegible] [illegible].

Его окружили [illegible]: стали [illegible], но веселье не клеилось. Тогда Хребтовъ [illegible] съ [illegible] и пустился плясать, приговаривая:

Гра-за-за! гра-за-за!
[illegible] [illegible] за [illegible]!

Всѣ захохотали: принялись подпѣвать. Демьянъ, поощренный Хребтовымъ, выплясывалъ до-поту лица. Хребтовъ ободрялъ его криками:

— Ай, молодецъ, Демьянъ! славно, живѣй, живѣй! Ну, ну, ну.... молодецъ!

— Теперь, братцы, споемъ круговую, сказалъ онъ, и промышленники хоромъ затянули:

Купимъ-ка мы, жонушка, курочку себѣ —
Курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, уточку себѣ —
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, гусиньку себѣ —
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, индюшку себѣ —
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, барашка себѣ —
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, козленка себѣ —
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ : тюкъ-тю-рю-рюкъ !

Купимъ-ка мы, жонушка, коровку себѣ —
Коровушка мыкъ-мыкъ,
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ : тюкъ-тю-рю-рюкъ !

Часа черезъ два все стихло. Только нѣкоторые, не успѣвшіе заснуть, пѣли тихимъ голосомъ, у догорающаго костра; унылые напѣвы гармонировали съ природой и съ душевнымъ состояніемъ промышленниковъ. Все кругомъ было полно грусти....

Лежа поодаль, Каютинъ тихонько подпѣвалъ своимъ товарищамъ. Хребтовъ ворочался съ боку на бокъ. Вдругъ онъ вскочилъ и бросился къ костру.

— Мнѣ и не въ домекъ, братцы.... ну, такое ли здѣсь мѣсто, чтобъ пѣть, да еще ночью?

Все разомъ смолкло. Хребтовъ опять легъ. Когда же наконецъ всѣ заснули, онъ подсѣлъ къ огню, чуть тлѣвшему, и сталъ сушить свою обувь. Долго онъ еще сидѣлъ у костра, пощипывая свою бороду и раздумывая. Вдругъ, среди обычнаго шелеста, послышался шумъ въ камышахъ. Хребтовъ встрепенулся, вскочилъ — шумъ все приближался. Хребтовъ долго вслушивался, — тихонько осмотрѣлъ ножъ и ружье, затопталъ огонь и началъ красться къ тому мѣсту, откуда доносился шумъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ вдругъ блеснули въ темнотѣ два огромныхъ глаза.... потомъ, среди глубокой тишины, раздалось ржаніе лошади. Хребтовъ радостно вскрикнулъ, два глаза быстро исчезли.... камыши взволновались и прозвучали, подобно тысячамъ-тысячь струнъ, тронутыхъ въ одно время.

Ржаніе лошади и крикъ Хребтова пробудили промышленниковъ, которые подумали, что на нихъ напали киргизы.

— Нѣтъ, братцы, что̀ вы? какіе киргизы, успокоивалъ ихъ Хребтовъ. — Просто лошадь! Да еще, головой отвѣчаю, и лошадь не ихная, а наша русская, — какъ-нибудь попала, сердечная! Ихная лошадь не станетъ къ огню да къ человѣку лѣзть, особливо къ чужому, да и фыркнула она, а киргизы лошадямъ своимъ ноздри рѣжутъ нарочно, чтобъ ловче и безъ шуму къ непріятелю подкрасться. А вотъ утро придетъ, мы ее поймаемъ.

Какъ только наступило утро, промышленники разсыпались искать слѣдовъ пропавшей барки и своихъ товарищей. Двое скоро воротились и созвали остальныхъ. Съ радостными криками вели они необыкновенно тощую, жалкую лошаденку; Хребтовъ узналъ въ ней ту самую, которую видѣлъ ночью. Многіе, глядя на нее, чуть не плакали, другіе готовы были спросить, не видала ли она своихъ земляковъ, ихъ товарищей. Лошадь весело поводила ушами, слушая родной языкъ.

— Что̀, братцы! чуть не со слезами сказалъ Демьянъ, осматривая ее. — Ужь коли скотину такъ высушила чужая сторона, такъ ужь врядъ найдемъ мы товарищей въ-живыхъ!

— Эхъ, голова, голова! возразилъ Хребтовъ: — что̀ сморозилъ! Да у нихъ у самихъ весь скотъ зимой еле ноги таскаетъ съ голоду, корму нѣтъ! Трава выростетъ, солнце повыжжетъ до послѣдней былинки. А ума-разума у нихъ нѣтъ накосить сѣнца, аль посѣять овса. Лѣнтяи такіе, что Боже упаси! Лѣтомъ лежитъ у себя въ кибиткѣ отъ жару и такъ много пьетъ кумысу, что всего его раздуетъ, — не двинется словно чурбанъ! а зимой опять лежитъ у огня на своихъ сундукахъ отъ холоду. Дѣти его хоть зажарься въ горячей золѣ, ему горя мало: не двинется! Кто бывалъ у нихъ въ плѣну, сказываютъ, что такой визгъ въ иной кибиткѣ, словно рѣжутъ кого, а все отродье ихнее: голый детенышъ выползетъ къ огню изъ-подъ овчины, обожжется и ну вопить! Жоны то ихъ, говорятъ, еще жалостливѣй, а ужь они — не приведи Богъ! Коли ихъ разсердишь, такъ словно звѣри! Сказывалъ одинъ бывалый человѣкъ, былъ случай: поссорились два аула; пошла драка, и какъ обиженный верхъ одержалъ, такъ они съ радости выпустили кровь изъ своихъ враговъ, наливали ее въ чаши и словно какую сладость пи-

ли, а сами ржали по-звѣриному! Кровь любятъ, разбойники! Однажды розняли двухъ, не дали подраться до сыта, такъ одинъ въ такую ярость пришелъ, что давай самого себя пырять ножомъ, разъ пять поранилъ: такъ хотѣлось крови увидѣть!... Чтò вы, братцы? быстро спросилъ Хребтовъ, увидѣвъ двухъ товарищей, которые ушли-было впередъ, а теперь бѣжали къ нему.

— Слѣдъ нашли!

Кинулись смотрѣть слѣдъ. Онъ былъ свѣжъ; можно было предположить, что не болѣе полусутокъ тутъ стояло десятка два кибитокъ.

— Ушли! сказалъ Хребтовъ. — Господь знаетъ, съ ними ли наши, а надо попробовать. Идемъ, братцы!

Помолясь Богу, пустились въ путь, взявъ съ собою и лошадь, подобно верблюду, навьюченную мѣшками съ провизіей и водой.

Жолтая степь песку какъ море разстилалась передъ ними. Антипъ старался по слѣдамъ опредѣлить количество киргизовъ, угадать, есть ли между ними русскіе? Каждый предметъ, попадавшійся имъ среди песковъ, подвергался осмотру. Наконецъ нашли складной небольшой ножъ, принадлежавшій Душникову, потомъ его же платокъ, далѣе стало попадаться много мелкихъ вещей, какъ-будто нарочно разбросанныхъ догадливыми плѣнниками.

Не столько обрадовало, сколько опечалило ихъ такое открытіе. Они все еще смутно надѣялись, что авось ихъ товарищи и не попали къ киргизамъ. Теперь страшная истина была ясна какъ день. Въ угрюмомъ молчаніи подвигались они впередъ. Ни звѣря, ни деревца, ни травки не попадалось имъ; однообразіе безконечной равнины утомляло зрѣніе, увеличивало уныніе. Наконецъ завидѣли они длинную вереницу странныхъ звѣрей немного больше обыкновенной козы, съ короткой и гладкой шерстью, темно-желтоватаго цвѣта, съ небольшими крутыми рогами и сухими ногами. Первая стояла съ закрытыми глазами и уткнувъ носъ въ песокъ; за ея туловище прятала другая свою голову, за другой третья и такъ далѣе.

— Чтó, братцы, хорошъ звѣрь? спросилъ Хребтовъ удивленныхъ своихъ товарищей.

— А какой онъ такой?

— А зовутся они сайгами. Вотъ ужь глупый такъ глупый звѣрь! убей первую — другая станетъ на ея мѣсто, и ты ихъ колоти пока рука не устанетъ, а они ужь все будутъ одна другую замѣнять. А когда идутъ, такъ такія проворныя, чудо, — подумаешь, что и путныя!

Товарищи Хребтова на дѣлѣ испытали справедливость его словъ; двадцать четыре сайги было убито въ десять минутъ.

Каютинъ наконецъ запретилъ продолжать охоту, боясь, чтобъ лишняя поклажа не замедлила пути, и дорожа временемъ. Сдѣлавъ къ ночи привалъ, они зажарили одну сайгу; но немногіе отвѣдали новаго мяса, утомленные длиннымъ переходомъ по степи....

Утромъ, едва разсвѣло, Хребтовъ разбудилъ своихъ товарищей крикомъ:

— Братцы! киргизы, киргизы!

Н. НЕКРАСОВЪ. - Н СТАНИЦКІЙ.

БОГАТСТВА ДРЕВНЯГО РИМА

И ЗНАКОМСТВО ЕГО СЪ ГРЕЦІЕЮ И ВОСТОКОМЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Есть люди, которые велики только при встрѣчѣ съ опасностью, въ болѣзни, въ нищетѣ, въ битвѣ, въ бурю на океанѣ, — люди, которые понимаютъ значеніе жизни только за шагъ отъ смерти и находятъ гигантскіе силы въ самихъ себѣ только лишенные всякой посторонней помощи. Но когда критическая минута миновалась, когда здоровье возвращено тѣлу, въ домѣ воцарилось довольство, битва кончена, буря утихла, они не знаютъ, на что употребить богатый запасъ душевныхъ силъ и энергіи, и, словно желая освободиться отъ тяжкаго бремени, расточаютъ ихъ на дѣла, къ которымъ сами питаютъ глубокое презрѣніе.

Таковъ былъ римлянинъ. Не падавшій духомъ, когда существованіе Рима висѣло на волоскѣ, онъ потерялся, завоевавши полміра. Невозможно представить себѣ Цинцинната современникомъ Клодія: такія явленія не бываютъ вмѣстѣ; одно исключаетъ возможность другого. Но зоркій глазъ видитъ родство ихъ натуръ, и нѣтъ причины сомнѣваться, что какой-нибудь Катилина, живи онъ во время Аннибала, нашелъ бы лучшее поприще для снѣдавшей его безумной страсти дѣйствовать на первомъ планѣ. Жизнь человѣка слагается изъ его натуры и внѣшней обстановки. Въ борьбѣ этихъ двухъ началъ обрисовывается личность, изъ борьбы вытекаетъ

бубенчиками; онъ свисталъ, звѣнѣлъ бубнами, билъ въ барабанъ, прыгалъ и пѣлъ дикимъ голосомъ.

Его окружили товарищи; стали подтрунивать, но веселье не клеилось. Тогда Хребтовъ соскочилъ съ камыша и пустился плясать, припѣвая:

Тра-та-та! тра-та-та!
Вышла кошка за кота!

Всѣ хохотали; принялись подпѣвать. Демьянъ, поощренный Хребтовымъ, выплясывалъ до-поту лица. Хребтовъ ободрялъ его криками:

— Ай, молодецъ, Демьянъ! славно, живѣй, живѣй! Ну, ну, ну.... молодецъ!

— Теперь, братцы, споемъ круговую, сказалъ онъ, и промышленники хоромъ затянули:

Купимъ-ка мы, жонушка, курочку себѣ —
Курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, уточку себѣ —
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, гусиньку себѣ —
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, индюшку себѣ —
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, барашка себѣ —
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ: тюкъ-тю-рю-рюкъ!

Купимъ-ка мы, жонушка, козленка себѣ —
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ : тюкъ-тю-рю-рюкъ !

Купимъ-ка мы, жонушка, коровку себѣ —
Коровушка мыкъ-мыкъ,
Козленочекъ брыкъ-брыкъ,
Барашекъ шадры-бадры,
Индюшка шулды-булды,
Гусинька га-га-га-га,
Уточка съ носка плоска,
А курочка по сѣничкамъ : тюкъ-тю-рю-рюкъ !

Часа черезъ два все стихло. Только нѣкоторые, не успѣвшіе заснуть, пѣли тихимъ голосомъ, у догорающаго костра; унылые напѣвы гармонировали съ природой и съ душевнымъ состояніемъ промышленниковъ. Все кругомъ было полно грусти....

Лежа поодаль, Каютинъ тихонько подпѣвалъ своимъ товарищамъ. Хребтовъ ворочался съ боку на бокъ. Вдругъ онъ вскочилъ и бросился къ костру.

— Мнѣ и не въ домекъ, братцы.... ну, такое ли здѣсь мѣсто, чтобъ пѣть, да еще ночью?

Все разомъ смолкло. Хребтовъ опять легъ. Когда же наконецъ всѣ заснули, онъ подсѣлъ къ огню, чуть тлѣвшему, и сталъ сушить свою обувь. Долго онъ еще сидѣлъ у костра, пощипывая свою бороду и раздумывая. Вдругъ, среди обычнаго шелеста, послышался шумъ въ камышахъ. Хребтовъ встрепенулся, вскочилъ — шумъ все приближался. Хребтовъ долго вслушивался, — тихонько осмотрѣлъ ножъ и ружье, затопталъ огонь и началъ красться къ тому мѣсту, откуда доносился шумъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ вдругъ блеснули въ темнотѣ два огромныхъ глаза.... потомъ, среди глубокой тишины, раздалось ржаніе лошади. Хребтовъ радостно вскрикнулъ, два глаза быстро исчезли.... камыши взволновались и прозвучали, подобно тысячамъ-тысячь струнъ, тронутыхъ въ одно время.

Ржаніе лошади и крикъ Хребтова пробудили промышленниковъ, которые подумали, что на нихъ напали киргизы.

— Нѣтъ, братцы, что вы? какіе киргизы, успокоивалъ ихъ Хребтовъ. — Просто лошадь! Да еще, головой отвѣчаю, и лошадь не ихная, а наша русская, — какъ-нибудь попала, сердечная! Ихная лошадь не станетъ къ огню да къ человѣку лѣзть, особливо къ чужому, да и фыркнула она, а киргизы лошадямъ своимъ ноздри рѣжутъ нарочно, чтобъ ловче и безъ шуму къ непріятелю подкрасться. А вотъ утро придетъ, мы ее поймаемъ.

Какъ только наступило утро, промышленники разсыпались искать слѣдовъ пропавшей барки и своихъ товарищей. Двое скоро воротились и созвали остальныхъ. Съ радостными криками вели они необыкновенно тощую, жалкую лошаденку; Хребтовъ узналъ въ ней ту самую, которую видѣлъ ночью. Многіе, глядя на нее, чуть не плакали, другіе готовы были спросить, не видала ли она своихъ земляковъ, ихъ товарищей. Лошадь весело поводила ушами, слушая родной языкъ.

— Что, братцы! чуть не со слезами сказалъ Демьянъ, осматривая ее. — Ужь коли скотину такъ высушила чужая сторона, такъ ужь врядъ найдемъ мы товарищей въ-живыхъ!

— Эхъ, голова, голова! возразилъ Хребтовъ: — что сморозилъ! Да у нихъ у самихъ весь скотъ зимой еле ноги таскаетъ съ голоду, корму нѣтъ! Трава выростетъ, солнце повыжжетъ до послѣдней былинки. А ума-разума у нихъ нѣтъ накосить сѣнца, аль посѣять овса. Лѣнтяи такіе, что Боже упаси! Лѣтомъ лежитъ у себя въ кибиткѣ отъ жару и такъ много пьетъ кумысу, что всего его раздуетъ, — не двинется словно чурбанъ! а зимой опять лежитъ у огня на своихъ сундукахъ отъ холоду. Дѣти его хоть зажарься въ горячей золѣ, ему горя мало: не двинется! Кто бывалъ у нихъ въ плѣну, сказываютъ, что такой визгъ въ иной кибиткѣ, словно рѣжутъ кого, а все отродье ихнее: голый детенышъ выползетъ къ огню изъ-подъ овчины, обожжется и ну вопить! Жоны то ихъ, говорятъ, еще жалостливѣй, а ужь они — не приведи Богъ! Коли ихъ разсердишь, такъ словно звѣри! Сказывалъ одинъ бывалый человѣкъ, былъ случай: поссорились два аула; пошла драка, и какъ обиженный верхъ одержалъ, такъ они съ радости выпустили кровь изъ своихъ враговъ, наливали ее въ чаши и словно какую сладость пи-

ли, а сами ржали по-звѣриному! Кровь любятъ, разбойники! Однажды розняли двухъ, не дали подраться до сыта, такъ одинъ въ такую ярость пришелъ, что давай самого себя пырять ножомъ, разъ пять поранилъ: такъ хотѣлось крови увидѣть!... Что вы, братцы? быстро спросилъ Хребтовъ, увидѣвъ двухъ товарищей, которые ушли-было впередъ, а теперь бѣжали къ нему.

— Слѣдъ нашли!

Кинулись смотрѣть слѣдъ. Онъ былъ свѣжъ; можно было предположить, что не болѣе полусутокъ тутъ стояло десятка два кибитокъ.

— Ушли! сказалъ Хребтовъ. — Господь знаетъ, съ ними ли наши, а надо попробовать. Идемъ, братцы!

Помолясь Богу, пустились въ путь, взявъ съ собою и лошадь, подобно верблюду, навьюченную мѣшками съ провизіей и водой.

Жолтая степь песку какъ море разстилалась передъ ними. Антипъ старался по слѣдамъ опредѣлить количество киргизовъ, угадать, есть ли между ними русскіе? Каждый предметъ, попадавшійся имъ среди песковъ, подвергался осмотру. Наконецъ нашли складной небольшой ножъ, принадлежавшій Душникову, потомъ его же платокъ, далѣе стало попадаться много мелкихъ вещей, какъ-будто нарочно разбросанныхъ догадливыми плѣнниками.

Не столько обрадовало, сколько опечалило ихъ такое открытіе. Они все еще смутно надѣялись, что авось ихъ товарищи и не попали къ киргизамъ. Теперь страшная истина была ясна какъ день. Въ угрюмомъ молчаніи подвигались они впередъ. Ни звѣря, ни деревца, ни травки не попадалось имъ; однообразіе безконечной равнины утомляло зрѣніе, увеличивало уныніе. Наконецъ завидѣли они длинную вереницу странныхъ звѣрей немного больше обыкновенной козы, съ короткой и гладкой шерстью, темно-желтоватаго цвѣта, съ небольшими крутыми рогами и сухими ногами. Первая стояла съ закрытыми глазами и уткнувъ носъ въ песокъ; за ея туловище прятала другая свою голову, за другой третья и такъ далѣе.

— Что, братцы, хорошъ звѣрь? спросилъ Хребтовъ удивленныхъ своихъ товарищей.

— А какой онъ такой?

— А ловятся они сайгаки. Вотъ ужь глупый такъ глупый звѣрь: убей матку — другая станетъ на ея мѣсто, и ты въ полчаса иной разъ руки не устанешь, а онѣ ужь все будутъ одна другую поджидать. А когда идутъ, такъ такія проворныя, чудо, — подумаешь, что и птицы!

Товарищи Хребтова на дѣлѣ испытали справедливость его словъ: двадцать четыре сайги было убито въ десять минутъ.

Капитанъ наконецъ запретилъ продолжать охоту, боясь, чтобъ лишняя поклажа не замедляла пути, а дорога временемъ. Сдѣлавъ къ ночи привалъ, они зажарили одну сайгу; но немногіе отвѣдали [illegible] мяса, утомленные длиннымъ переходомъ и жаромъ...

Утромъ, едва разсвѣло, Хребтовъ разбудилъ своихъ товарищей крикомъ:

— Киргизы! киргизы, киргизы!

Н. НЕКРАСОВЪ. — Н. СТАНИЦКІЙ.

БОГАТСТВА ДРЕВНЯГО РИМА

И ЗНАКОМСТВО ЕГО СЪ ГРЕЦІЕЮ И ВОСТОКОМЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Есть люди, которые велики только при встрѣчѣ съ опасностью, въ болѣзни, въ нищетѣ, въ битвѣ, въ бурю на океанѣ,—люди, которые понимаютъ значеніе жизни только за шагъ отъ смерти и находятъ гигантскіе силы въ самихъ себѣ только лишенные всякой посторонней помощи. Но когда критическая минута миновалась, когда здоровье возвращено тѣлу, въ домѣ воцарилось довольство, битва кончена, буря утихла, они не знаютъ, на что̀ употребить богатый запасъ душевныхъ силъ и энергіи, и, словно желая освободиться отъ тяжкаго бремени, расточаютъ ихъ на дѣла, къ которымъ сами питаютъ глубокое презрѣніе.

Таковъ былъ римлянинъ. Не падавшій духомъ, когда существованіе Рима висѣло на волоскѣ, онъ потерялся, завоевавши полміра. Невозможно представить себѣ Цинцинната современникомъ Клодію: такія явленія не бываютъ вмѣстѣ; одно исключаетъ возможность другого. Но зоркій глазъ видитъ родство ихъ натуръ, и нѣтъ причины сомнѣваться, что какой-нибудь Катилина, живи онъ во время Аннибала, нашелъ бы лучшее поприще для снѣдавшей его душу безумной страсти дѣйствовать на первомъ планѣ. Жизнь человѣка слагается изъ его натуры и внѣшней обстановки. Въ борьбѣ этихъ двухъ началъ обрисовывается личность, изъ борьбы вытекаетъ

исторія. Поставленный въ другія обстоятельства, человѣкъ мыслитъ и дѣйствуетъ иначе. Это ключь къ изъясненію фактической исторіи жизни. Тутъ, какъ въ зернѣ пальмы, изъ котораго, несмотря и возможность безконечнаго разнообразія формъ, можетъ произрасти только пальма, а не дубъ, заключается возможность однихъ явленій и невозможность другихъ, и чей взоръ не проникъ сквозь оболочку внѣшностей до этой глубины человѣка, тотъ не понялъ его.

Тоже самое можно сказать и о народѣ: тотъ не разгадалъ его исторіи, кто не разгадалъ его натуры и не видитъ проявленія одной и той же личности въ событіяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга цѣлыми вѣками и десятками вѣковъ. Чтó общаго на первый взглядъ между Римомъ временъ Курія Дентата и временъ Суллы? А возможность этихъ эпохъ основана на одной и той же личности народа, кровавыя сцены подъ конецъ республики вытекали изъ того же источника, изъ котораго проистекало стоическое отреченіе отъ наслажденій во время борьбы съ Италіей и Карѳагеномъ.

Это-то внутреннее единство среди разнообразія внѣшнихъ событій постараемся мы прослѣдить въ предлежащей статьѣ. Не останавливаясь на характеристикѣ и исторіи Рима древнѣйшихъ временъ, достаточно всѣмъ извѣстныхъ, мы начнемъ разсказъ нашъ со времени пораженія Аннибала при Замѣ, то есть съ той эпохи, когда внѣшняя жизнь римлянъ вышла изъ старой колеи и мало-по-малу измѣнилась до такой степени, что законодатели цѣлаго міра, оставшись впрочемъ вѣрными своей натурѣ, сами не умѣли наконецъ подчиниться рѣшительно никакому закону.

Конецъ второй пунической войны (553 годъ по построеніи Рима) былъ эпохою величайшей нравственной силы Рима. До сихъ поръ римляне сражались за свое существованіе, и мужество ихъ росло съ опасностью и бѣдствіями. Сломивши главнаго врага своего—Карѳагенъ, они увидѣли передъ собою открытую дорогу къ побѣдамъ и завоеваніямъ. Никто не могъ съ ними бороться, богатства Греціи и востока были соблазнительны, и въ тринадцать лѣтъ послѣ пораженія Аннибала при Замѣ они побѣдили Филиппа Македонскаго, Антіоха Сирійскаго, этолянъ и галатовъ. Но быстрые успѣхи оружія гибельно отразились на бытѣ и государственномъ устройствѣ завоевателей; несправедливая побѣда отомстила сама за себя: изъ завоеванныхъ странъ римляне занесли въ свое отечество семяна разрушенія.

Не успѣли римляне одержать рѣшительной побѣды надъ Филиппомъ Македонскимъ (555), какъ страсть къ наружному блеску высказалась въ Римѣ очень оригинальнымъ образомъ. Вещь повидимому самая ничтожная, дѣло о женскомъ нарядѣ привело въ волненіе

весь городъ (557). За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ 537 году, во время самаго разгара второй пунической войны, трибунъ Оппій предложилъ постановить закономъ, чтобы никакая изъ женщинъ не имѣла на себѣ больше полуунціи золота, не носила пурпурной одежды и не ѣздила въ экипажѣ ни въ Римѣ, ни въ другихъ городахъ, ни за тысячу шаговъ отъ города, исключая поѣздокъ на публичныя жертвоприношенія. Законъ этотъ былъ тогда утвержденъ; но теперь трибуны М. Фунданій и М. Валерій предложили отмѣнить его.

Едва только узнали объ этомъ женщины, какъ цѣлыя толпы ихъ хлынули къ Капитолію и запрудили собою всѣ улицы, ведущія къ Форуму. Нельзя было пройти туда иначе, какъ сквозь тучу просьбъ объ отмѣненіи оппіева закона. Женщины стеклись даже изъ окрестныхъ городовъ и смѣло осадили просьбами консуловъ, преторовъ и трибуновъ Марка и Публія Брутовъ, несогласныхъ съ предложеніемъ своихъ товарищей.

Для близорукаго эта бабья тревога изъ-за тряпокъ и побрякушекъ могла показаться не болѣе какъ смѣшною; но консулъ Катонъ видѣлъ въ горячности римскихъ матронъ зародышъ двухъ золъ: любви къ роскоши и неуваженія къ закону. Въ публичной рѣчи онъ старался выказать все неприличіе ихъ поступка и изложить вредныя послѣдствія отмѣненія оппіева закона; но другіе не провидѣли такъ далеко, и краснорѣчіе его осталось втунѣ. Трибунъ Валерій выводилъ безполезность закона изъ того, что онъ данъ былъ вовсе не съ цѣлью остановить расточительность женщинъ, невозможную въ то время, когда Аннибалъ стоялъ почти у самыхъ воротъ Рима, и граждане добровольно снесли все свое золото и серебро на помощь обнищавшей казнѣ. «Общая бѣдность — говорилъ онъ — вынудила этотъ законъ, и не для чего ему переживать свою причину. Теперь мы богаты, и разумно ли, чтобы чапракъ на лошади былъ богаче платья на женѣ свободнаго римлянина?»

Трибунъ упустилъ изъ виду обстоятельство, чрезвычайно важное для общества, основаннаго на тѣхъ началахъ, на которыхъ тогда основывалось римское общество: законъ Оппія подводилъ подъ одинъ уровень и богатыхъ и бѣдныхъ. Неважно было убранство каждой женщины само-по-себѣ, но важно было соревнованіе, порожденное разностью костюмовъ. Какъ скоро законъ былъ отмѣненъ, богатыя тотчасъ же выдѣлились нагляднымъ образомъ изъ массы; бѣднѣйшія разумѣется отставали неохотно и тянулись за ними изо всѣхъ силъ. Въ теченіи времени дошло до того, что ради этой цѣли римлянки не отступали ни передъ какими средствами.

Между тѣмъ безпрестанные тріумфы, одинъ великолѣпнѣе другого, начали пріучать жителей Рима къ блеску и разжигать въ немъ

— А зовутся они сайгами. Вотъ ужь глупый такъ глупый звѣрь! убей первую — другая станетъ на ея мѣсто, и ты ихъ колоти пока рука не устанетъ, а они ужь все будутъ одна другую замѣнять. А когда идутъ, такъ такія проворныя, чудо, — подумаешь, что и путныя!

Товарищи Хребтова на дѣлѣ испытали справедливость его словъ; двадцать четыре сайги было убито въ десять минутъ.

Каютинъ наконецъ запретилъ продолжать охоту, боясь, чтобъ лишняя поклажа не замедлила пути, и дорожа временемъ. Сдѣлавъ къ ночи привалъ, они зажарили одну сайгу; но немногіе отвѣдали новаго мяса, утомленные длиннымъ переходомъ по степи....

Утромъ, едва разсвѣло, Хребтовъ разбудилъ своихъ товарищей крикомъ:

— Братцы! киргизы, киргизы!

Н. НЕКРАСОВЪ. – Н СТАНИЦКІЙ.

БОГАТСТВА ДРЕВНЯГО РИМА

И ЗНАКОМСТВО ЕГО СЪ ГРЕЦІЕЮ И ВОСТОКОМЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Есть люди , которые велики только при встрѣчѣ съ опасностью,
ъ болѣзни, въ нищетѣ, въ битвѣ, въ бурю на океанѣ,—люди , кото-
ые понимаютъ значеніе жизни только за шагъ отъ смерти и нахо-
ятъ гигантскіе силы въ самихъ себѣ только лишенные всякой по-
торонней помощи. Но когда критическая минута миновалась , когда
доровье возвращено тѣлу, въ домѣ воцарилось довольство , битва
ончена , буря утихла , они не знаютъ , на что́ употребить богатый
апасъ душевныхъ силъ и энергіи, и, словно желая освободиться отъ
яжкаго бремени, расточаютъ ихъ на дѣла, къ которымъ сами пита-
отъ глубокое презрѣніе.

Таковъ былъ римлянинъ. Не падавшій духомъ , когда существо-
аніе Рима висѣло на волоскѣ , онъ потерялся , завоевавши полміра.
евозможно представить себѣ Цинцинната современникомъ Клодію :
акія явленія не бываютъ вмѣстѣ ; одно исключаетъ возможность
ругого. Но зоркій глазъ видитъ родство ихъ натуръ , и нѣтъ при-
ины сомнѣваться, что какой-нибудь Катилина , живи онъ во время
ннибала, нашелъ бы лучшее поприще для снѣдавшей его душу без-
мпной страсти дѣйствовать на первомъ планѣ. Жизнь человѣка сла-
ается изъ его натуры и внѣшней обстановки. Въ борьбѣ этихъ
вухъ началъ обрисовывается личность, изъ борьбы вытекаетъ

исторія. Поставленный въ другія обстоятельства, человѣкъ мыслитъ и дѣйствуетъ иначе. Это ключъ къ изъясненію фактической исторіи жизни. Тутъ, какъ въ зернѣ пальмы, изъ котораго, несмотря и возможность безконечнаго разнообразія формъ, можетъ произрасти только пальма, а не дубъ, заключается возможность однихъ явленій и невозможность другихъ, и чей взоръ не проникъ сквозь оболочку внѣшностей до этой глубины человѣка, тотъ не понялъ его.

Тоже самое можно сказать и о народѣ: тотъ не разгадалъ его исторіи, кто не разгадалъ его натуры и не видитъ проявленія одной и той же личности въ событіяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга цѣлыми вѣками и десятками вѣковъ. Что́ общаго на первый взглядъ между Римомъ временъ Курія Дентата и временъ Суллы? А возможность этихъ эпохъ основана на одной и той же личности народа, и кровавыя сцены подъ конецъ республики вытекали изъ того же источника, изъ котораго проистекало стоическое отреченіе отъ наслажденій во время борьбы съ Италіей и Кареагеномъ.

Это-то внутреннее единство среди разнообразія внѣшнихъ событій постараемся мы прослѣдить въ предлежащей статьѣ. Не останавливаясь на характеристикѣ и исторіи Рима древнѣйшихъ временъ, достаточно всѣмъ извѣстныхъ, мы начнемъ разсказъ нашъ со времени пораженія Аннибала при Замѣ, то есть съ той эпохи, когда внѣшняя жизнь римлянъ вышла изъ старой колеи и мало-по-малу измѣнилась до такой степени, что законодатели цѣлаго міра, оставшись впрочемъ вѣрными своей натурѣ, сами не умѣли наконецъ подчиниться рѣшительно никакому закону.

Конецъ второй пунической войны (553 годъ по построеніи Рима) былъ эпохою величайшей нравственной силы Рима. До сихъ поръ римляне сражались за свое существованіе, и мужество ихъ росло съ опасностью и бѣдствіями. Сломивши главнаго врага своего—Кареагенъ, они увидѣли передъ собою открытую дорогу къ побѣдамъ и завоеваніямъ. Никто не могъ съ ними бороться, богатства Греціи и востока были соблазнительны, и въ тринадцать лѣтъ послѣ пораженія Аннибала при Замѣ они побѣдили Филиппа Македонскаго, Антіоха Сирійскаго, этолянъ и галатовъ. Но быстрые успѣхи оружія гибельно отразились на бытѣ и государственномъ устройствѣ завоевателей; несправедливая побѣда отомстила сама за себя: изъ завоеванныхъ странъ римляне занесли въ свое отечество семяна разрушенія.

Не успѣли римляне одержать рѣшительной побѣды надъ Филиппомъ Македонскимъ (555), какъ страсть къ наружному блеску высказалась въ Римѣ очень оригинальнымъ образомъ. Вещь повидимому самая ничтожная, дѣло о женскомъ нарядѣ привело въ волненіе

весь городъ (557). За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ 537 году, во время самаго разгара второй пунической войны, трибунъ Оппій предложилъ постановить закономъ, чтобы никакая изъ женщинъ не имѣла на себѣ больше полуунціи золота, не носила пурпурной одежды и не ѣздила въ экипажѣ ни въ Римѣ, ни въ другихъ городахъ, ни за тысячу шаговъ отъ города, исключая поѣздокъ на публичныя жертвоприношенія. Законъ этотъ былъ тогда утвержденъ; но теперь трибуны М. Фунданій и М. Валерій предложили отмѣнить его.

Едва только узнали объ этомъ женщины, какъ цѣлыя толпы ихъ хлынули къ Капитолію и запрудили собою всѣ улицы, ведущія къ Форуму. Нельзя было пройти туда иначе, какъ сквозь тучу просьбъ объ отмѣненіи оппіева закона. Женщины стеклись даже изъ окрестныхъ городовъ и смѣло осадили просьбами консуловъ, преторовъ и трибуновъ Марка и Публія Брутовъ, несогласныхъ съ предложеніемъ своихъ товарищей.

Для близорукаго эта бабья тревога изъ-за тряпокъ и побрякушекъ могла показаться не болѣе какъ смѣшною; но консулъ Катонъ видѣлъ въ горячности римскихъ матронъ зародышъ двухъ золъ: любви къ роскоши и неуваженія къ закону. Въ публичной рѣчи онъ старался выказать все неприличіе ихъ поступка и изложить вредныя послѣдствія отмѣненія оппіева закона; но другіе не провидѣли такъ далеко, и краснорѣчіе его осталось втунѣ. Трибунъ Валерій выводилъ безполезность закона изъ того, что онъ данъ былъ вовсе не съ цѣлью остановить расточительность женщинъ, невозможную въ то время, когда Аннибалъ стоялъ почти у самыхъ воротъ Рима, и граждане добровольно снесли все свое золото и серебро на помощь обнищавшей казнѣ. «Общая бѣдность — говорилъ онъ — вынудила этотъ законъ, и не для чего ему переживать свою причину. Теперь мы богаты, и разумно ли, чтобы чапракъ на лошади былъ богаче платья на женѣ свободнаго римлянина?»

Трибунъ упустилъ изъ виду обстоятельство, чрезвычайно важное для общества, основаннаго на тѣхъ началахъ, на которыхъ тогда основывалось римское общество: законъ Оппія подводилъ подъ одинъ уровень и богатыхъ и бѣдныхъ. Неважно было убранство каждой женщины само-по-себѣ, но важно было соревнованіе, порожденное разностью костюмовъ. Какъ скоро законъ былъ отмѣненъ, богатыя тотчасъ же выдѣлились нагляднымъ образомъ изъ массы; бѣднѣйшія разумѣется отставали неохотно и тянулись за ними изо всѣхъ силъ. Въ теченіи времени дошло до того, что ради этой цѣли римлянки не отступали ни передъ какими средствами.

Между тѣмъ безпрестанные тріумфы, одинъ великолѣпнѣе другого, начали пріучать жителей Рима къ блеску и разжигать въ немъ

сребролюбіе, выставляя на показъ завоеванныя сокровища. Не проходило года безъ тріумфа или оваціи. Долго было бы изчислять ихъ всѣ, но чтобы дать нѣкоторое понятіе о цѣнности добычи, ввозимой въ Римъ, укажемъ на тріумфы Фламинина, Глабріона, Сципіона, Фульвія и Манлія.

Фламининъ праздновалъ свою побѣду надъ Филиппомъ Македонскимъ въ 558 году; три дня сряду несли и везли въ торжественной процессіи военную добычу. Въ первый день оружіе и мраморныя и бронзовыя статуи, принадлежавшія бо́льшею частью Филиппу. Во второй день золото и серебро: 18,000 фунтовъ серебра въ слиткахъ и 270,000 въ издѣліяхъ, бо́льшею частію вазахъ превосходной чеканной работы. Кромѣ того 10 серебряныхъ щитовъ и множество бронзовыхъ издѣлій. Монетою: 84,000 аттическихъ тетрадрахмъ (около 78,000 руб. сер.); золота 3,714 фунтовъ, одинъ щитъ изъ чистаго золота, 14,514 золотыхъ филиппинскихъ монетъ, и дань Филиппа — 1,000 талантовъ (около 1,400,000 руб. сер.). На третій день 114 золотыхъ вѣнцовъ; за ними шло множество знатныхъ плѣнниковъ и аманатовъ, въ томъ числѣ Димитрій, сынъ Филиппа, и Арменъ, сынъ Набида. Потомъ ѣхалъ самъ Фламининъ на тріумфальной колесницѣ, и за нимъ слѣдовало войско. Пѣхотинцамъ роздано по 250 ассовъ (около 5 руб. сер.), центуріонамъ по 500, кавалеристамъ по 750. Процессію заключали 2,000 взятыхъ Аннибаломъ въ плѣнъ и проданныхъ имъ въ рабство, а теперь освобожденныхъ Фламининомъ (1).

Черезъ четыре года праздновалъ тріумфъ свой Глабріонъ, послѣ пораженія Антіоха при Магнезіи (562). Въ его тріумфѣ несли 230 военныхъ значковъ, 3,000 фунтовъ серебра въ слиткахъ; въ монетахъ: 113,000 аттическихъ тетрадрахмъ (около 100,000 руб. сер.), и 248,000 цистофоръ (230,000 руб. сер.); много чеканныхъ серебряныхъ вазъ значительнаго вѣса, царское серебро, богатыя одежды, и 45 золотыхъ вѣнцовъ; передъ колесницей шли 36 знатныхъ плѣнниковъ и вождей. На память этого тріумфа выбитъ серебрянный денарій (2).

На слѣдующій годъ (563) заключенъ миръ съ Антіохомъ, и побѣдитель, Л. Корнелій Сципіонъ Азіятскій, ввезъ въ своемъ тріумфѣ въ городъ 234 военныхъ значка, 134 изображенія городовъ, 1,231 слоновый зубъ, 137,420 фунтовъ серебра, 234 золотыхъ вѣнца, 224,000 аттическихъ тетрадрахмъ (около 200,000 руб. сер.), 331,070 цистофоръ (около 300,000 руб. сер.), 140,000 золотыхъ монетъ Филиппа,

(1) Liv. XXXIV. 52. Val. Max. V, 2.
(2) Liv. XXXVII. 46.

1,424 фунта серебра и 1,024 фунта золота въ сосудахъ чеканной работы. Передъ колесницей тріумфатора шли 32 плѣнныхъ вождя ([1]).

Черезъ два года (565), праздновалъ тріумфъ свой М. Фульвій Нобиліоръ. Онъ внесъ съ собою въ городъ 100 золотыхъ вѣнцовъ, каждый вѣсомъ въ 12 фунтовъ, 1,083 фунта серебра, 243 фунта золота, 118,000 аттическихъ тетрадрахмъ (около 110,000 рублей сер.), 12,422 филиппинскихъ золотыхъ монетъ, 285 бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, множество оружія и другой военной добычи. Передъ колесницей вели 27 плѣнныхъ вождей. Тріумфаторъ роздалъ множество наградъ трибунамъ, префектамъ, эквитамъ и центуріонамъ. Солдаты получили изъ добычи по 25 денаріевъ (5 руб. сер.), центуріоны по 50, кавалеристы по 75. Сто фунтовъ золота употреблено, по обѣту Фульвія, на священныя игры въ честь Юпитера ([2]).

Въ томъ же году и Кн. Манлій Вульзонъ торжествовалъ побѣду надъ галатами. Онъ ввезъ въ своемъ тріумфѣ 200 золотыхъ вѣнцовъ, каждый вѣсомъ въ 12 фунтовъ, 220,000 фунтовъ серебра, 2,103 фунта золота, 127,000 аттическихъ тетрадрахмъ (117,000 руб. сер.), 250,000 цистофоръ (230,000 руб. сер.), 16,320 филиппинскихъ золотыхъ монетъ, множество оружія и другой добычи. Передъ колесницей шли 52 плѣнныхъ вождя ([3]).

Само собою разумѣется, что тріумфаторы старались придать своимъ тріумфамъ какъ можно больше блеска и щегольнуть богатствомъ добычи. Сокровища были ввозимы въ городъ такъ, чтобы ни одна вещица не ускользнула отъ глазъ народа и зрители видѣли дѣйствительно милліоны ввозимыхъ денегъ, а не цыфру на какомъ-нибудь замкнутомъ ящикѣ. Каждый изъ тріумфаторовъ старался превзойти своего предшественника и всегда умѣлъ поразить зрителей чѣмъ-нибудь новымъ, еще невиданнымъ. Тріумфъ былъ для полководца величайшей наградою. Для этой минуты опустошались цѣлыя области, совершались жестокости, насилія и несправедливости. Чтобы провести передъ своей колесницей по улицамъ Рима знатнаго плѣнника, прибѣгали къ мѣрамъ, недостойнымъ благороднаго воина, и самую войну затѣвали иногда только затѣмъ, чтобы насладиться тріумфомъ. Такъ Манлій старался, хотя и безъ успѣха, заманить въ свои сѣти осторожнаго Антіоха, и началъ войну съ галатами не спросясь у сената и народа. Собственные легаты его, Л. Фурій Пурпуреонъ и Л. Эмилій Павлъ, подали было голосъ противъ

([1]) Liv. XXXVII, 59.
([2]) Liv. XXXIX, 5.
([3]) Liv. XXXIX, 6.

тріумфа, но друзьямъ Манлія немного стоило труда склонить сенаторовъ въ его пользу, и тріумфъ былъ ему дозволенъ (¹).

Естественно, что кромѣ сокровищъ и произведеній искусства, ввозимыхъ въ тріумфахъ какъ общественное достояніе, многіе изъ солдатъ приносили съ собою въ Римъ вещи, пробуждавшія и въ мирныхъ жителяхъ города желаніе пріобрѣсти что-нибудь подобное. Все это имѣло, безспорно, свою хорошую сторону, развивало художественный вкусъ народа; но чувственность слишкомъ преобладала въ характерѣ римлянъ, и они никогда не могли возвыситься до чисто-художественнаго наслажденія красотою. Эстетическое вліяніе Греціи не искупало зла, проистекавшаго изъ того же источника. Гражданскій стоицизмъ, поражающій насъ своимъ величіемъ въ первыхъ пяти вѣкахъ исторіи Рима, какъ-будто требовалъ атмосферы анти-художественной. Искусство не питало души римлянина, какъ вино не питаетъ тѣла. Оно только раздражало его и давало врожденной ему энергіи направленіе, несвойственное его натурѣ. Прежде всего отразилось это на войскѣ. Въ классической Греціи солдаты познакомились съ новыми формами жизни, съ новыми удобствами и удовольствіями, но усвоили только внѣшность и остались чужды одухотворявшей ее идеѣ. Мраморная Венера была для нихъ конечно не больше, какъ нагая женщина, и мягкій коверъ предпочитался картинѣ, не говорившей ихъ чувству. Такое же впечатлѣніе дѣлали эти вещи и въ Римѣ. Тріумфъ Манлія былъ замѣчательнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи. Войска его отвыкли въ Азіи отъ строгой дисциплины, чего и должно было ожидать подъ начальствомъ полководца, затѣявшаго войну ради тріумфа, и слѣдовательно смотрѣвшаго на нее просто какъ на средство блеснуть побѣдою. Съ такой точки зрѣнія онъ долженъ былъ и солдатамъ своимъ позволить всѣ необузданности и насилія въ непріятельской землѣ. О правѣ не могло быть и рѣчи. Это не мѣшало имъ однако же храбро сражаться. Въ битвѣ римлянинъ былъ въ своей сферѣ и забывалъ объ удовольствіяхъ мира, какъ художникъ, занятый въ мастерской своимъ дѣломъ, забываетъ во время штурма, что слѣдующая минута можетъ прекратить его жизнь. Возвратясь въ Римъ, солдаты Манлія предались наслажденіямъ, съ которыми познакомились на чужбинѣ. Они принесли съ собою много вещей, дотолѣ невиданныхъ въ Римѣ: постели съ бронзовыми украшеніями, драгоцѣнные ковры и одѣяла, абаки и столы на одной ножкѣ. На пиршествахъ появились пѣвицы, танцовщицы и мимы; самые пиры стали роскошнѣе, и повара возвысились на степень художниковъ.

(¹) Liv. XXXVIII, 44, 45.

Полководцы не ограничивались однако же торжественнымъ шествіемъ. Тріумфъ удовлетворялъ ихъ самолюбію, но славу надо было скрѣплять любовью народа, не выходившаго изъ круга насущнаго и очевиднаго. Важность побѣды народъ измѣрялъ великолѣпіемъ тріумфа. Можно было покорить весь міръ, но если вслѣдъ затѣмъ не въѣхать въ Римъ на тріумфальной колесницѣ, никто и не заговорилъ бы о побѣдителѣ. Пользу побѣды тотъ же народъ измѣрялъ пользою, которую извлекалъ онъ изъ нея для своего желудка и глазъ. — и тріумфаторы не забывали угощать его обѣдами и тѣшить разными зрѣлищами. Такъ М. Фульвій Нобиліоръ далъ ему въ 566 году великолѣпныя игры, обѣщанныя имъ во время войны въ Этоліи. Игры эти продолжались десять дней и привлекли въ Римъ множество греческихъ художниковъ, нашедшихъ здѣсь по этому случаю работу и прибыль. Во время этого празднества римляне въ первый разъ увидѣли борьбу атлетовъ и охоту за львами и барсами.

Въ томъ же году и Сципіонъ, согласно обѣту, данному имъ во время войны съ Антіохомъ, угостилъ народъ другими играми, продолжавшимися тоже 10 дней. Въ казнѣ накопилось за это время уже столько денегъ, что ими начали сорить, и игры эти Сципіонъ устроилъ на казенный счетъ.

Чтобы понять истинное значеніе этихъ публичныхъ угощеній и зрѣлищъ, должно взглянуть на образъ жизни римскихъ городскихъ плебеянъ — этой горсти людей, никогда не доходившей до милліона и правившей всѣмъ древнимъ міромъ. Во-первыхъ, должно замѣтить, что массу составляли, какъ и вездѣ, бѣднѣйшіе; но бѣдняки эти ни на мгновеніе не забывали, что они стоятъ въ правахъ своихъ наравнѣ съ богатыми и знатными, сила и власть которыхъ у нихъ въ рукахъ. Работа плохо ладила съ этимъ гордымъ сознаніемъ и всенароднымъ на форумѣ отправленіемъ государственныхъ дѣлъ. Безпрестанные сходки и праздники отвлекали народъ отъ частныхъ занятій, да и самая натура римлянина была не такова, чтобы удовольствоваться тѣснымъ кругомъ домашней жизни. Чѣмъ же питались эти властители міра?

Почетныя занятія были война и земледѣліе. Все прочее предоставлялось рабамъ, вольноотпущеннымъ и иностранцамъ. Но цвѣтущее состояніе земледѣлія зависѣло отъ ненарушимости аграрныхъ законовъ, обезпечивавшихъ матеріяльную независимость каждаго гражданина тѣмъ, что они опредѣляли *maximum* поземельной собственности въ 500 югеровъ. Въ первые годы послѣ второй пунической войны, когда поселяне были раззорены, капиталисты нашли средства переступить эту мѣру и захватить въ свое владѣніе огромныя участки земли, для обработки которой прибѣгли къ рукамъ ра-

бовъ; земледѣльцы граждане не могли выдерживать конкурренціи съ капиталистами, а итти къ нимъ въ работники не хотѣли. Земледѣліе падало, и во время Марія и Суллы бо́льшая часть хлѣбопашцевъ оставила свое ремесло и переселилась въ Римъ, гдѣ существованіе было для нихъ легче среди гражданскихъ смутъ.

Другое, главное и почетное занятіе римскаго гражданина была война. Каждый былъ обязанъ защищать отечество, и только десятилѣтняя военная служба давала право на гражданскую должность. Никто не могъ безнаказанно отъ нея отказаться, никто почти и не отказывался, — сначала изъ чувства чести и долга, потомъ, когда оружіе Рима обратилось на Грецію и востокъ, изъ жажды добычи. Полководцы позволяли своимъ солдатамъ въ этихъ походахъ много вольностей, грабили сами и давали грабить, и кромѣ того, по возвращеніи въ отечество, раздавали имъ, при торжествѣ тріумфа, значительныя денежныя награды. Соотечественники, мирно остававшіеся дома, упивались разсказами возвратившихся солдатъ о богатствахъ и роскошной жизни востока, прельщались сокровищами, принесенными ими въ отчизну, и съ радостью шли въ новый походъ.

Нѣсколько фактовъ покажутъ постепенное увеличеніе выгодъ, которыя извлекали для себя солдаты изъ походовъ.

Въ первую пуническую войну солдатъ получалъ въ день по 3 асса жалованья (6 коп. сер.), при Цезарѣ — по 10. Жалованье слѣдовательно было ничтожно и увеличилось немногимъ. Но награды, даваемыя не въ зачетъ, и случаи обогащенія, представлявшіеся во время самаго похода, шли совершенно въ иной прогрессіи. Въ провинціи солдатъ жилъ на счетъ туземныхъ обывателей, слѣдовательно жалованье оставалось у него въ карманѣ, а по окончаніи похода онъ нерѣдко получалъ значительные участки земли въ свое владѣніе. Во время македонской войны солдаты часто получали отпускъ и отправлялись съ полными кошельками шататься по всей Греціи, производя выгодную для себя торговлю, конечно подъ покровительствомъ страха, внушаемаго именемъ римскаго солдата. Солдатамъ Суллы выдавали въ Азіи ежедневно по 16 драхмъ (по 3 руб. 70 коп. сер.), и жители должны были угощать ихъ со всѣми, кого имъ заблагоразсудится пригласить къ обѣду. Капитанъ получалъ 500 драхмъ (115 р. сер.) и одежду.

Солдаты, разумѣется, не ограничивались тѣмъ, что́ положено было отпускать имъ по волѣ полководца, а брали по пословицѣ: душа мѣру знаетъ. Потомъ, по возвращеніи домой, тріумфаторъ раздавалъ имъ денежныя награды, и каждый старался перещеголять въ этомъ отношеніи своего предшественника.

Послѣ побѣды надъ Аздрубаломъ (1) въ 545 году, солдаты получили по 56 ассовъ (1 р. 12 к. сер.).

По окончаніи второй пунической войны Сципіонъ роздалъ имъ по 40 ассовъ (2). Луцій Лентулъ роздалъ изъ испанской добычи по 120 ассовъ (3). Корнелій Цетегъ, по окончаніи войны съ Бѣлою Галліей, роздалъ въ 555 году по 70 ассовъ (4). Т. Квинкцій Фламининъ, побѣдитель Филиппа Македонскаго, роздалъ въ 558 году солдатамъ по 250 ассовъ, центуріонамъ по 500, кавалеристамъ по 750 (эта пропорція соблюдалась вообще при всѣхъ раздачахъ наградъ) (5). Катонъ роздалъ изъ испанской добычи въ томъ же году по 270 ассовъ. По разбитіи Антіоха солдаты получили по 25 денаріевъ (5 р. сер.) и двойное жалованье (6). Черезъ два года Фульвій Нобиліоръ далъ своимъ солдатамъ послѣ похода въ Этолію тоже по 25 денаріевъ, и кромѣ того осыпалъ ихъ знаками отличія за самые маловажные подвиги (7). Манлій, въ томъ же году, роздалъ по 42 денарія, и кромѣ того пѣхотинцамъ двойное, а кавалеристамъ тройное жалованье. Въ 585 году Павелъ Эмилій отдалъ на разграбленіе своимъ солдатамъ 70 эпирскихъ городовъ. Изъ проданной добычи (въ томъ числѣ 150,000 военноплѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство), каждый пѣхотинецъ получилъ по 200 денаріевъ, кавалеристъ по 400 (8). Лукуллъ роздалъ по 950 денаріевъ (9). Царь Тигранъ, въ радости, что заключилъ сносный миръ съ Римомъ, подарилъ римскимъ солдатамъ каждому по полуминѣ серебра (по 10 р. сер.) (10). Помпей, послѣ азіятскихъ походовъ, роздалъ своимъ солдатамъ по меньшей мѣрѣ по 1500 денаріевъ (11). Цезарь во время гражданскихъ войнъ далъ каждому кавалеристу по 55 червонцевъ, Августъ пришедшимъ съ нимъ отъ Модены въ Римъ по 250 червонцевъ (12). Передъ сраженіемъ при Филиппахъ, онъ и Антоній обѣщали своимъ солдатамъ по 2,000 ассовъ (13).

Вотъ два главнѣйшіе источника пропитанія массы римскаго на-

(1) Liv. 28, 9.
(2) Liv. 30, 45.
(3) Liv. 30, 20.
(4) Liv. 33, 23.
(5) Liv. 34, 52.
(6) Liv. 37, 39.
(7) A. Gell. V, 6. Liv. 39, 5.
(8) Liv, 45, 34.
(9) Plut. Lucull.
(10) Plut. Pomp.
(11) Plut. Pomp.
(12) Suet. Caes. 38.
(13) Plut. Ant.

рода. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе падало и доставляло съ каждымъ днемъ все меньше и меньше прибыли, военная служба становилась все выгоднѣе и выгоднѣе. Нельзя было однако же служить всѣмъ въ войскѣ, а въ городъ стекались между тѣмъ земледѣльцы, оставившіе обработку полей и искавшіе другого, легчайшаго средства къ жизни. Ремесла и торговля никогда не были главными занятіями римлянъ, и изъ всѣхъ, кто не хотѣлъ пахать землю, образовался въ Римѣ многочисленный классъ людей, не имѣвшихъ никакого постояннаго занятія и никакихъ постоянныхъ доходовъ. Эти люди жили случаемъ, и всякое волненіе въ городѣ было для нихъ поживою. Они продавали свои голоса, отъ которыхъ зависѣла участь дѣла, и нерѣдко, въ соединеніи съ рабами и гладіаторами, силою поддерживали сторону того, кто умѣлъ пріобрѣсти ихъ дружбу деньгами, угощеніемъ, зрѣлищами или даровою раздачею хлѣба.

Вотъ почему такъ важны и необходимы были для славы и авторитета полководца тріумфъ и угощеніе народа. Пиръ говорилъ прямо и непосредственно желудку массы, тріумфъ былъ для нея краснорѣчивымъ и неопровержимымъ доказательствомъ одержанной побѣды. Римлянинъ не понималъ отвлеченностей; натура его требовала олицетворенія, воплощенія, картинности и рѣзкихъ красокъ. Это понимали образованнѣйшіе, и въ важныхъ случаяхъ, почти всегда съ успѣхомъ, прибѣгали къ *сценамъ*, къ *спектаклю*. Сколько разъ сенатъ и тысячи гражданъ являлись на площади въ траурной одеждѣ! сколько разъ заслуженные воины разрывали на себѣ одежду и показывали народу грудь, покрытую ранами! Эти выходки приводили къ желанной цѣли быстрѣе и вѣрнѣе всякой логики и очевидной правоты дѣла.

При такихъ условіяхъ понятно, почему тріумфъ упрочивалъ славу и могущество полководца больше самой побѣды. Но это не вело къ добру, и мы видимъ въ эту эпоху явленія, которыя въ старое время республики почли бы баснословными.

Рѣзкими фактами выдаются: процессъ Вакханалій, процессъ отравителей, процессъ эдиля Манцина съ публичною женщиной, и наконецъ безпорядки при домогательствѣ правительственныхъ мѣстъ. Но, какъ-будто по какому-то вездѣ замѣтному закону равновѣсія, среди этихъ постыдныхъ для чести народной событій рисуется личность суроваго, но незапятнаннаго Катона.

Въ томъ самомъ году, когда Римъ торжествовалъ побѣды надъ Антіохомъ и Этоліей, случай открылъ существованіе въ Римѣ тайнаго общества, число членовъ котораго простиралось до 7,000, и въ нѣдрахъ котораго совершалось все гнусное и преступное, что боялось еще въ то время дневного свѣта, но что впослѣдствіи времени,

въ эпоху Клодія и Катилины, совершались [illegible] и [illegible]казанно. Мистеріи эти назывались Вакханаліями.

Консуламъ поручено было уничтожить Вакханаліи въ Римѣ и во всей Италіи. Сенатусконсультъ, [illegible] эти мистеріи, [illegible] впрочемъ оговорку, что если кто считаетъ за [illegible] [illegible] [illegible]гомъ праздновать ихъ, тотъ долженъ объявить [illegible] [illegible] претору, и если, по докладу претора, сто сенаторовъ разрѣшатъ ему [illegible] богослуженіе, то онъ можетъ совершить его [illegible] въ присутствіи пяти человѣкъ, безъ жреца и жертвоприношенія, и безъ [illegible] на издержки.

Декретомъ сената опредѣлено дать Эбуцію и Гиспалѣ въ награду по 100,000 ассовъ (2,000 р. сер.) изъ казны. Кромѣ этого [illegible] поручено предложить народу черезъ трибуновъ законъ, [illegible] Эбуцій былъ бы освобожденъ отъ военной службы, а [illegible] Гиспалѣ дано бы было право располагать по произволу своимъ имуществомъ и выйти за-мужъ за свободнаго человѣка, не принося [illegible] этимъ безчестія. Народъ утвердилъ эти законы.

Преслѣдованія продолжались еще долгое время, и [illegible] въ связи съ слѣдствіемъ о Вакханаліяхъ и свирѣпствовавшей въ то время въ Италіи эпидеміею состоитъ и разысканіе объ отравителяхъ, о которомъ вкратцѣ упоминаетъ Ливій, говоря, что въ [illegible] году, по словамъ Валерія, осуждено было за это преступленіе число до [illegible] тысячь человѣкъ. Въ 572 году однако же дѣло объ отравахъ [illegible] характеръ болѣе серьёзный по случаю смерти консула Кая Кальпурнія Пизона. Эпидемія свирѣпствовала въ то время во всей Италіи, и конечно многое приписывали дѣйствію яда, подносимаго [illegible]ными руками, что́ собственно было вліяніемъ заразы, разлитой въ воздухѣ. При всемъ томъ трудно однако же предположить, чтобы зоркое правительство Рима нарядило слѣдствіе о тайныхъ отравахъ, не имѣя на то достаточныхъ данныхъ, и конечно многіе изъ бывшихъ участниками въ таинствахъ Вакханалій и вообще люди неразборчивые относительно средствъ къ достиженію своихъ цѣлей пользовались эпидеміей какъ удобнымъ случаемъ ставить на ея счетъ жертвы своего расчета. Какъ бы то ни было, слѣдствіе было поручено преторамъ Каю Клавдію Пульхру и Каю Менію, и [illegible] поводомъ къ тому была, какъ уже сказано, смерть консула Кальпурнія. Подозрѣвали, что его отравила жена его, Кварта Гостилія. Было это, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, было не совсѣмъ ясно; однако же много уликъ говорили противъ Гостиліи, и она была осуждена. Неваженъ для насъ вопросъ, была ли она дѣйствительно виновна въ отравленіи мужа, или нѣтъ; но важна самая сущность процесса, какъ доказательство того, что подобныя [illegible]

трагическія семейныя драмы уже были дѣйствительно возможны или предполагались возможными въ бытѣ римлянъ высшаго круга.

Еще одинъ случай характеризуетъ эту эпоху: въ 570 году эдиль Авлъ Гостилій Манцинъ не постыдился позвать къ суду публичную женщину Манулію, за то, что будто бы онъ былъ ночью раненъ камнемъ, брошеннымъ въ него изъ ея жилища. Онъ показывалъ и рану, но Манулія объявила, что эдиль самъ пришелъ къ ней на пиршество, что она не хотѣла принять его, но что онъ ворвался силою и тогда уже былъ выгнанъ каменьями. Трибуны рѣшили, что она поступила хорошо, потому-что эдилю неприлично ходить въ такія мѣста (1).

Это происходило въ нѣдрахъ частной жизни. Многозначительнѣе была сцена избранія консуловъ на 568 годъ, свидѣтельствующая объ упадкѣ уваженія къ закону и общественному порядку. Въ числѣ кандидатовъ явился Публій Клавдій, братъ бывшаго въ то время консула Аппія Клавдія. Онъ меньше прочихъ имѣлъ права надѣяться на успѣхъ, но достигъ своей цѣли благодаря безстыдству брата. Аппій, не имѣя собственно права предсѣдательствовать на выборахъ, что̀ по жребію доставалось товарищу его Семпронію, поспѣшилъ однако же изъ провинціи въ Римъ, прибылъ раньше Семпронія и, забывши свой санъ, оставилъ трибуналъ, прогналъ прочь своихъ ликторовъ и пустился обѣгать по форуму толпы народа, склоняя его въ пользу своего брата. Противники старались пристыдить его, сенаторы хотѣли образумить, напоминая ему его обязанность, но онъ оставался глухъ и къ тѣмъ и къ другимъ и продолжалъ свое дѣло. Зато оно и увѣнчалось успѣхомъ: послѣ жаркаго спора братъ его былъ, къ собственному своему удивленію, избранъ въ консулы. Какъ ни неприлична была эта сцена, но это идиллія въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ дѣлалось на выборахъ впослѣдствіи времени, и случись она сто лѣтъ позже, о ней не упомянули бы въ лѣтописяхъ, какъ не упоминаютъ о пролетѣвшемъ по небу облакѣ.

Всѣ эти факты указываютъ на начало распаденія внутри общества. Личные интересы начали брать верхъ надъ государственными. Масса и многіе изъ путеводителей ея, людей съ органически развившимся кругомъ понятій, съ опредѣленнымъ образомъ мыслей,—людей, которые знали куда и зачѣмъ идутъ они сами и ведутъ другихъ, начали теперь, когда кончились трудовые дни Рима, теряться въ пестромъ и шумномъ праздникѣ столичной жизни. Цѣлью существованія сдѣлалось насущное, минутное, частное; отцы семействъ забыли, казалось, что у нихъ есть дѣти и будутъ внуки; люди государ-

(1) Aul. Gell. 4, 14.

ственные забыли, что для нихъ настанетъ могущество и величiе. Все сводилось на слово *деньги*.

И дѣйствительно, деньги были корнемъ зла. Совершеннаго равенства состоянiй не было и прежде и быть не могло, но не было и тѣхъ чудовищныхъ разницъ, которыя начали появляться теперь. Капиталы въ рукахъ немногихъ сдѣлались вѣрнымъ средствомъ новыхъ и новыхъ прiобрѣтенiй, а бѣдные были не въ-силахъ съ ними бороться и бѣднѣли еще больше. Всего ярче отразилось это на поземельной собственности, бывшей до сихъ поръ основою благосостоянiя граждан. Сенатъ понялъ опасность и хотѣлъ предупредить новыя бѣды.

Въ 579 году онъ призналъ необходимымъ возстановить въ полной силѣ законъ Лицинiя,—тотъ самый законъ, за который пали, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ борьбѣ съ этимъ же сенатомъ, Гракхи, и который 200 лѣтъ тому назадъ былъ принятъ почти безъ всякаго спора. Исторiя этого закона какъ нельзя лучше характеризуетъ двѣ эпохи римской исторiи. Послѣ взятiя Рима галлами, плебеи, раззоренные больше патрицiевъ, у которыхъ были и связи внѣ города и кредитъ, и которые, лишившись многаго, все-таки сохранили что-нибудь,—плебеяне впали въ неоплатные долги, тѣмъ болѣе, что въ продолженiи пятнадцати лѣтъ не было ценза, состоянiя частныхъ лицъ были опредѣлены довольно проблематически и затрудняли возможность и условiя займовъ. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ и еще болѣе предложенiй къ пресѣченiю зла, но однѣ не удались, другiя были отринуты, пока наконецъ Кай Лицинiй и Луцiй Секстiй не предложили приступить къ новому раздѣлу полей и постановить закономъ, чтобы никто не пользовался болѣе нежели пятью стами югерами земли, а уплоченные проценты были вычтены изъ капитала, который должники обязаны уплатить въ три года. Такимъ образомъ, при новомъ размежеванiи поземельной собственности, выдѣлилось много свободнаго поля, бывшаго во владѣнiи частныхъ лицъ, а теперь обращеннаго въ государственную собственность и раздѣленнаго между плебеями по 7 югеровъ на душу. Эта матерiяльная помощь и уменьшенiе долга вычетомъ процентовъ изъ капитала дали обѣднѣвшимъ гражданамъ возможность поправиться.

Расчетъ былъ простъ и вѣренъ, и не онъ отличаетъ эпоху Лицинiя отъ эпохи Гракховъ: отличаетъ ихъ то, что законъ, который тогда былъ принятъ почти безъ спора и остановилъ государство на краю гибели, породилъ во время Гракховъ, когда его хотѣли возобновить въ прежней силѣ, только кровопролитiе и убiйства.

Въ двѣсти лѣтъ после изданія этого закона, и преимущественно въ послѣднее тридцатилѣтіе, то есть со времени окончанія второй пунической войны и начала сближенія съ Греціею и востокомъ, многіе изъ частныхъ лицъ захватили въ свое владѣніе болѣе 500 югеровъ земли. Консулъ Постумій былъ посланъ въ 579 году для розысканія и отобранія лишнихъ участковъ въ казну, но вмѣсто того, чтобы исполнить порученіе сената, онъ только подалъ примѣръ самовластнаго угнетенія союзниковъ, потребовавши отъ жителей Пренесты, изъ личной вражды, чтобы начальство вышло къ нему на встрѣчу, чтобы ему дали квартиру и содержаніе на счетъ города и подъемныхъ лошадей при выѣздѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ это же время начались грабежи и взяточничество, конечно ничтожныя въ сравненіи съ подвигами какого-нибудь Верреса, но уже показывавшія, какъ смотрятъ на долгъ и права свои правители римскихъ областей. Преторы М. Тиціній, П. Фурій Филъ и Матіенъ дѣлали страшныя прижимки въ Испаніи; Кассій опустошилъ земли прилежащія къ Альпамъ, и отвелъ тысячи жителей въ рабство, а потомъ выжегъ и обобралъ карновъ, истровъ и гепидовъ. К. Лукрецій вынесъ изъ храмовъ Халкиса всѣ украшенія и переслалъ ихъ въ Анціумъ, къ себѣ на дачу; продавалъ свободныхъ людей въ рабство и на вырученныя деньги строилъ на своей дачѣ водопроводы, стоившіе огромныхъ суммъ. Гортензій зимою и лѣтомъ ставилъ солдатъ на постой къ жителямъ Халкиса, взялъ и разграбилъ Абдеру за то только, что когда онъ потребовалъ отъ жителей ея 100,000 денаріевъ и 50,000 модіевъ хлѣба, они попросили отсрочки, желая послать по этому дѣлу депутатовъ къ консулу Гостилію (1).

Это совершалось однако же тамъ, гдѣ не было другого контроля надъ правителемъ, кромѣ его совѣсти. Эти же самыя лица, засѣдая въ сенатѣ, не рѣшались вступаться явно за подобные поступки или вовсе проходить ихъ молчаніемъ; казалось, имъ стыдно было предъ лицомъ другихъ, хотя они и знали, что бóльшая часть думаютъ, а при случаѣ и поступятъ также какъ они. Безчинства преторовъ, вынуждавшія жителей провинцій являться въ сенатъ съ жалобами, не проходили имъ даромъ; но и мѣры, принимаемыя сенатомъ для прекращенія безпорядковъ, такъ мало отзывались прежнею энергіею римскаго правительства, что были, казалось, дѣлаемы только изъ приличія, стыда ради. Рѣшеніе дѣла П. Фульвія Фила и Матіена было сперва отсрочено, а когда срокъ кончился, оказалось, что они удалились въ добровольную ссылку—Фурій въ Пренесту, Матіенъ въ Тибуръ. Преторъ Канулей, которому поручено было слѣдствіе и судъ,

(1) Liv. XLIII, 2—8

[illegible] мицію, чтобы [illegible]
Сенатъ [illegible]
[illegible] — [illegible]
съ [illegible] въ Кизію. [illegible]
подобнаго рода [illegible]
не одобрять [illegible]
спублики осудить [illegible]
по возвращеніи его изъ [illegible]
дасть имъ удовлетворенія.» [illegible]
и тѣхъ [illegible] — [illegible]
говоръ и [illegible] въ [illegible]
ко Лукрецій не [illegible]
[illegible] трибуны [illegible]
призвали его на судъ [illegible]
къ пенѣ въ 1.000.000 [illegible] 20.000 [illegible].

Эти [illegible]
и [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
лось [illegible]
преторы [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
употребить [illegible]
жителей самого Рима. [illegible]
построить храмъ [illegible]
съ храма Юноны [illegible]
его возвратить [illegible]

Рѣдко выступаютъ [illegible]
ка [illegible]
сторонность [illegible]
туры. [illegible]
Постановленный [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

дей, хотя и современниковъ, но принадлежавшихъ въ сущности къ другому вѣку, онъ уходилъ, такъ сказать, въ самого себя, все болѣе и болѣе отрѣшался отъ общепринятыхъ идей и формъ жизни, упорствовалъ, по врожденному человѣку инстинкту *нравственнаго* самосохраненія, въ своихъ воззрѣніяхъ и реализировалъ ихъ съ послѣдовательностью, безъ пощады себѣ и другимъ. Онъ былъ врагъ греческой философіи; но у него была своя, *самородная* философія. Признанныя имъ истины проистекали для него не изъ чужихъ авторитетовъ, подвергнутыхъ или неподвергнутыхъ критикѣ, но изъ нѣдръ собственнаго ума, изъ самостоятельной дѣятельности. Многое конечно зависѣло отъ *характера*, но въ жизни Катона проявляется не безсмысленное упорство ради упорства, а единство идеи съ ея осуществленіемъ и цѣлая система логически развившихся понятій и взглядовъ. Этого-то и не доставало бо́льшей части его современниковъ. Въ окружавшихъ его людяхъ видна какая-то шаткость, какая-то пустота внутренняго содержанія, отсутствіе самостоятельности. Не было въ нихъ ни силы устоять противъ общаго теченія, ни рѣшимости плыть за водою безъ оглядки. Это былъ вѣкъ полудоблестей и полупороковъ. Отъ этого-то, несмотря на разладъ между личностью Катона и современнымъ ему обществомъ, всѣ его уважали, всѣ, — не скажу любили, но боялись, потому-что чуяли въ немъ силу, которой не было въ нихъ. Его избрали цензоромъ, зная напередъ, какъ безпощадно строгъ будетъ онъ ко всѣмъ новымъ привычкамъ общества, и это избраніе лучше всего доказываетъ шаткость тогдашняго взгляда на жизнь. Нельзя вдругъ отстать отъ стараго и пристать къ новому. Часть отцовскихъ понятій переходитъ въ кровь сына и развѣ только во внукѣ и правнукѣ исчезаетъ окончательно. Такъ и римляне того времени носили еще въ крови своей много элементовъ отцовскаго стоицизма и не могли вполнѣ измѣнить характеру предковъ. Если бы вопросы, опредѣляющіе форму частной и общественной жизни, были рѣшены внутри ихъ окончательно, и рѣшены несогласно съ воззрѣніями Катона, — въ немъ видѣли бы оригинала, — и только. Надъ нимъ иногда смѣялись бы, а чаще всего оставляли бы его безъ вниманія.

Катонъ плохо ладилъ съ окружающимъ его міромъ, но въ односторонности его былъ смыслъ, возводившій ее на степень доблести, недоступной его современникамъ и потому невольно ими уважаемой.

Какъ было имъ не дивиться человѣку, никогда не издерживавшему на обѣдъ больше 60 к. сер., тогда-какъ весь Римъ пустился въ гастрономію, и были люди, платившіе за одну соленую рыбу, привозимую изъ Понта, по 75 р. сер., — человѣку, не носившему платья дороже 20 р. сер., тогда-какъ другіе щеголяли въ пурпурѣ и посвя-

щали туалету по нѣскольку часовъ въ день,—человѣку, умѣвшему пріобрѣсти богатства не грабежемъ, а экономіей, не строившему великолѣпныхъ дачъ, не покупавшему дорогихъ рабовъ и рабынь,—человѣку, который, отправляясь консуломъ въ Испанію, издержалъ на переѣздъ свой туда всего 500 ассовъ (10 р. сер.), ѣлъ и пилъ дорогою тоже, что ѣли и пили матросы, имѣлъ при себѣ для прислуги только трехъ рабовъ и спалъ на бараньемъ мѣху, постилаемомъ на голой землѣ, а потомъ, возвращаясь въ Римъ, продалъ въ Испаніи даже свою лошадь, чтобы не возить ея дорогою на счетъ республики, и роздалъ солдатамъ изъ военной добычи по фунту серебра, а себѣ не взялъ ни обола? (1).

Такой человѣкъ былъ какъ бѣльмо на глазу у людей, усвоившихся считать наслажденіе цѣлью жизни и придерживающихся въ этомъ отношеніи правила, что цѣль оправдываетъ средства. Они и не оставляли его въ-покоѣ; при малѣйшемъ удобномъ случаѣ звали его къ суду, и въ послѣдній разъ, когда ему было уже 86 лѣтъ, онъ сказалъ, «что трудно обвиненному давать отчетъ въ своей жизни людямъ другого вѣка». Онъ не подозрѣвалъ, что могъ сказать эту истину и 30 лѣтъ отъ роду.

Онъ былъ избранъ въ цензоры, несмотря на соискательство семи кандидатовъ, старавшихся всѣми средствами склонить народъ въ свою пользу. Плутархъ видитъ въ этомъ великую черту римскаго народа. Едва ли не вѣрнѣе, что это было только невольное подчиненіе нравственному авторитету. Народъ, не умѣвшій 30 лѣтъ спустя отстоять Гракховъ, не сочувствовалъ теперь и Катону: онъ поставилъ ему, правда, также какъ потомъ Гракхамъ, безмолвную статую, но на другой же годъ послѣ цензорства присудилъ его за распоряженіе по отдачѣ на откупъ вектигалій къ денежной пенѣ въ 2 таланта (около 3,000 р. сер.). Такъ всегда поступаютъ люди, не покончившіе еще своего счета съ старымъ принципомъ: они честятъ его фразами или пожалуй статуями, а между тѣмъ идутъ своею дорогою и отрицаютъ его на дѣлѣ, или, наоборотъ, уничтожаютъ его на словахъ и слѣдуютъ ему въ жизни.

Цензорство Катона (568), какъ и должно было ожидать, было очень замѣчательно. Во-первыхъ, онъ лишилъ сенаторскаго званія многихъ сенаторовъ, и въ томъ числѣ бывшаго консула Луція Квинкція Фламинина, брата знаменитаго Тита Квинкція Фламинина, побѣдителя Филиппа Македонскаго. Это надѣлало тогда много шуму и поссорило Катона съ Титомъ; но Луцій заслуживалъ позора своимъ безпутствомъ. Вотъ образчикъ, по которому можно судить о человѣкѣ: у Луція былъ любимецъ, котораго онъ увезъ съ собою

(1) Plut. Cato 6. — Val. Max. IV, 3

формъ были перемѣшаны съ колчанами и конскою збруею; изъ-за нихъ густою щетиною выглядывали копья и обнаженные мечи. Затѣмъ три тысячи человѣкъ несли 750 вазъ съ серебряною монетою; въ каждой вазѣ, несомой четырьмя человѣками, заключалось по 3 таланта (всего 3,100,000 р. сер.). Другіе несли серебряныя тяжеловѣсныя чаши, кубки и рога, замѣчательные превосходною чеканною работою. На третій день шествіе открыли трубачи, трубившіе атаку. За ними вели сто двадцать откормленныхъ быковъ съ золочеными рогами, украшенныхъ лентами и гирляндами. Ихъ вели юноши, подпоясанные богатыми кушаками, и сопровождаемые мальчиками, несшими золотыя и серебряныя чаши. Потомъ несли 77 вазъ съ золтыми монетами, въ каждой по 3 таланта (всего 3,187,800 р. сер.)[1]; потомъ священную чашу, въ которой одного золота было на 10 талантовъ (138,000 р. сер.), украшенную еще сверхъ того драгоцѣнными каменьями, и сдѣланную по заказу Эмилія; потомъ антигониды, селевкиды, териклеи и другую золотую утварь Персея. За ними ѣхала колесница Персея съ его оружіемъ и діадемою. За колесницей шелъ Битисъ, сынъ царя Котиса, посланный отъ отца своего заложникомъ въ Македонію и взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ дѣтьми Персея; за Битисомъ сами дѣти Персея въ сопровожденіи своихъ наставниковъ и воспитателей, съ молящимъ видомъ учившихъ ихъ протягивать руки къ народу-побѣдителю. Ихъ было два сына и одна дочь, тѣмъ больше возбуждавшіе состраданіе, что по малолѣтству лѣтъ они не понимали своего несчастія. Многіе не могли удержаться отъ слезъ, и нѣмое сожалѣніе отравило минуту радости. За дѣтьми шелъ Персей съ своею женою, въ траурной одеждѣ [illegible], съ лицемъ, лишеннымъ смысла отъ [illegible]. Побѣдитель не [illegible] въ немъ человѣка: отказаться [illegible] въ тріумфѣ плѣннаго царя было выше силъ [illegible], и когда Персей послалъ просить Эмилія избавить его отъ [illegible], Эмилій отвѣчалъ, что руки у него не связаны, и что [illegible] его власти. Самоубійство [illegible] [illegible]. За Персеемъ несли четыреста золотыхъ вѣнковъ, [illegible] царю-побѣдителю отъ городовъ Греціи и Азіи. [illegible], что [illegible] этихъ вещей, [illegible] сами по себѣ, были [illegible] [illegible]

[illegible]

[1] [illegible]

(20 р. сер.), центуріонамъ по 200, кавалеристамъ по 300; и Ливій замѣчаетъ, что онъ вѣроятно далъ бы еще больше, если бы солдаты не подали сначала голоса противъ тріумфа. Они были недовольны на Эмилія за строгое соблюденіе дисциплины и запрещеніе доставшейся во время самой войны добычи, а имъ позволили только разграбленіе 70 городовъ! Одного золота и серебра досталось тогда по 40 р. сер. на пѣхотинца, по 80 на кавалериста, а 150,000 человѣкъ было продано въ рабство!

Побѣда и тріумфъ Павла Эмилія совершенно изгладили слѣды ценсорства Катона. Уничтоженіе подати вдругъ возвысило богатства частныхъ лицъ, и тысячи предметовъ роскоши, привезенные изъ Греціи, породили новыя потребности въ домашнемъ быту римлянъ.

Туалетъ сдѣлался важнымъ занятіемъ не только женщинъ, но и мужчинъ. Начали строить домы и дачи, какихъ прежде не было видано ни въ Римѣ, ни въ его окрестностяхъ, убирать покои драгоцѣнными коврами и занавѣсами, расписывать стѣны, украшать двери бронзовыми барельефами, уставлять шкапы и этажерки серебряною и золотою посудою.

Это льстило гордости римлянина, услаждало его взоры и душу. Но гастрономія, говорившая непосредственно и исключительно одному желудку, была еще привлекательнѣе для чувственной его натуры, и ей начали приноситься въ жертву не только личные, но и государственные интересы. Благородные юноши продавали честь и свободу свою за лакомство; плебеи являлись на форумъ въ полпьяна, и судьба республики и цѣлыхъ царствъ рѣшалась подъ вліяніемъ винныхъ паровъ (1). На тотъ же ладъ совершалось и судопроизводство. Вотъ отрывокъ изъ рѣчи Кая Тиція въ пользу закона Фаннія, сохранившійся у Макробія (2): онъ говоритъ о бражничаньи римлянъ: «раздушенные и умащенные, они играютъ, «среди прелестницъ, въ кости. Въ десять часовъ кличутъ мальчика; сходи, говорятъ, на форумъ, узнай, о чемъ тамъ толкуютъ, «кто говорилъ *pro* и кто *contra*, и на чьей сторонѣ перевѣсъ голосовъ. Забравши эти свѣдѣнія, они избавляютъ себя отъ труда подумать самимъ, и идутъ въ народное собраніе на готовое рѣшеніе. «Дорогой останавливаются у всѣхъ сосудовъ по закоулкамъ: вино «производитъ свое дѣйствіе. Наконецъ приходятъ на форумъ и со скукою на лицѣ приступаютъ къ дѣлу; судья зоветъ свидѣтелей, — самъ опять идетъ къ сосуду. Возвратившись, говоритъ: «ну, хорошо, слышалъ!» и требуетъ таблицы. Отягченныя вѣки его слипаются, онъ едва въ силахъ разглядѣть таблицы, и говоритъ въ за-

(1) Macr. Sat. 2, 23.
(2) Macr. Sat. 2, 12.

изъ Рима въ провинцію накануне гладіаторскихъ игръ. Этотъ молодой человѣкъ не разъ говаривалъ ему: видишь ли, какъ я тебя люблю; для тебя оставилъ я Римъ, не дождавшись сраженія гладіаторовъ, а я никогда не видѣлъ, какъ убиваютъ человѣка, и мнѣ ужасно хотѣлось посмотрѣть». И вотъ однажды во время обѣда докладываютъ Луцію, что какой-то благородный галлъ пришелъ съ дѣтьми своими передаться на сторону римлянъ и желаетъ лично просить покровительства консула. Галла впустили; но не успѣлъ онъ начать рѣчи, какъ Луцій, обращаясь къ своему любимцу, сказалъ:» ты жалѣешь о гладіаторскихъ играхъ, —хочешь посмотрѣть, какъ умретъ этотъ галлъ?» И когда любимецъ кивнулъ ему въ знакъ согласія головою, онъ выхватилъ мечь и ранилъ галла въ голову. Галлъ бросился-было вонъ, моля о помощи, но Луцій догналъ его и пронзилъ ему бокъ. — Такъ разсказываетъ Ливій, почерпнувшій разсказъ изъ рѣчи самого Катона. Другіе историки разсказываютъ этотъ случай съ нѣкоторыми измѣненіями, но сущность остается одна и таже.

Кстати замѣтить здѣсь случай, подтверждающій сказанное выше, именно, что все сценическое чрезвычайно сильно дѣйствовало на римлянъ. Луцій больше нежели всѣ прочіе, изгнанные цензоромъ изъ сената, заслужилъ наказаніе; Манилій, напримѣръ, лишенъ сенаторскаго званія зато, что поцаловалъ жену свою въ присутствіи дочери. Однако же народъ ни къ кому изъ нихъ не выказалъ особеннаго сочувствія, конечно потому, что имъ не представилось случая тронуть его картинностью своего положенія, порисоваться передъ нимъ въ несчастіи. А когда Луцій, пришедшій въ театръ, прошелъ съ поникшею головою мимо скамьи консуларовъ и занялъ мѣсто вдали, это до такой степени тронуло народъ, что онъ громко просилъ его занять свое прежнее мѣсто.

Исключеніе нѣсколькихъ лицъ изъ сената и кавалерскаго сословія не пробудило общаго ропота: это касалось отдѣльныхъ личностей. Но когда цензоры наложили акцизъ на предметы роскоши и возвысили откупную сумму вектигалій, тогда всѣ изъявили свое неудовольствіе, и сенатъ попытался даже офиціяльно парализировать часть ихъ распоряженій. Налогъ на предметы роскоши состоялъ въ томъ, что приказано было оцѣнить всѣ украшенія, женскія платья и экипажи, превосходившія цѣною 15,000 ассовъ (300 р. сер.) также какъ и рабовъ моложе двадцати лѣтъ, купленныхъ со времени послѣдней ревизіи за 10,000 ассовъ или больше, и платить за право владѣнія ими по 3 асса съ тысячи. Но такъ-какъ всѣ эти вещи (рабы считались тоже въ числѣ вещей) были, по распоряженію цензоровъ оцѣнены вдесятеро противъ того, что дѣйствительно стоили, то ак-

цизъ равнялся 30-ти ассамъ съ тысячи, т. е. тремъ процентамъ. Мало же римляне были пріучены къ косвеннымъ налогамъ, если три процента Катонъ считалъ достаточными для обузданія роскоши, а имъ этотъ акцизъ казался тягостнымъ!

Другое, очень не понравившееся распоряженіе цензоровъ состояло въ томъ, что они возвысили откупную сумму при отдачѣ на откупъ поземельныхъ государственныхъ доходовъ и понизили цѣны на подряды публичныхъ работъ. Этого откупщики не могли снести спокойно и выхлопотали у сената, при помощи Тита Фламинина, раздраженнаго униженіемъ своего брата, повелѣніе приступить къ переторжкѣ по откупамъ вектигалій. Но цензоры устранили своимъ эдиктомъ отъ этой переторжки всѣхъ заключившихъ условія въ первый разъ и отдали вектигаліи на откупъ только съ небольшимъ пониженіемъ цѣнъ противъ перваго торга.

Но ни цензорство Катона, ни распоряженія сената,— полумѣры, надъ которыми смѣялись сами распорядители, — не привели къ желанной цѣли. Къ ней могло привести только войско непріятелей у стѣнъ Рима подъ командою какого-нибудь новаго Аннибала, а подобный случай былъ теперь исключенъ изъ числа возможностей. Римляне сдѣлали предпослѣдній шагъ къ покоренію Греціи. Персей Македонскій, послѣ четырехлѣтней борьбы, былъ разбитъ Павломъ Эмиліемъ при Пиднѣ, и Македонія и Иллирія объявлены республиками (585).

О количествѣ денегъ, скопившихся въ это время въ римской казнѣ, можно судить по тому, что на жителей Македоніи и Иллиріи наложена подать вполовину меньше против тoй, какую платили они своимъ прежнимъ властителямъ, а римскіе граждане вовсе освобождены отъ подати.

Самый тріумфъ Павла Эмилія (¹) превзошелъ великолѣпіемъ все, что видѣли до сихъ поръ въ Римѣ. Народъ въ бѣлыхъ тогахъ покрылъ подмостки, устроенные для зрителей на форумѣ и улицахъ, по которымъ назначено было итти торжественной процессіи. Всѣ храмы были открыты, и курились ѳиміамомъ, увѣшанные гирляндами. Ликторы очищали широкій путь среди волнующейся толпы народа. Въ первый день едва успѣли ввезти всѣ статуи и картины, на 250 повозкахъ. На второй день ввезли все лучшее и красивѣйшее изъ взятаго у македонянъ оружія; желѣзо и мѣдь, тщательно вычищенныя, гремѣли и сверкали на солнцѣ; оружіе навалено было на повозки кучами; но этотъ безпорядокъ былъ дѣломъ искусства; шлемъ виднѣлся возлѣ щита, панцырь возлѣ сапога, щиты разныхъ

(¹) Liv. 45, 39.

формъ были перемѣшаны съ колчанами и конскою збруею; изъ-и нихъ густою щетиною выглядывали копья и обнаженные мечи. За тѣмъ три тысячи человѣкъ несли 750 вазъ съ серебряною монетою; въ каждой вазѣ, несомой четырьмя человѣками, заключалось по 3 таланта (всего 3,100,000 р. сер.). Другіе несли серебряныя тяжеловѣсныя чаши, кубки и рога, замѣчательные превосходною чеканною работою. На третій день шествіе открыли трубачи, трубившіе атаку. За ними вели сто двадцать откормленныхъ быковъ съ золочеными рогами, увѣшанныхъ лентами и гирляндами. Ихъ вели юноши, опоясанные богатыми кушаками, и сопровождаемые мальчиками, несшими золотыя и серебряныя чаши. Потомъ несли 77 вазъ съ золотыми монетами, въ каждой по 3 таланта (всего 3,187,800 р. сер.)(¹); потомъ священную чашу, въ которой одного золота было на 10 талантовъ (138,000 р. сер.), украшенную еще сверхъ того драгоцѣнными каменьями, и сдѣланную по заказу Эмилія; потомъ антигониды, селевкиды, терикле и другую золотую утварь Персея. За ними ѣхала колесница Персея съ его оружіемъ и діадемою. За колесницей шелъ Битисъ, сынъ царя Котиса, посланный отъ отца своего заложникомъ въ Македонію и взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ дѣтьми Персея; за Битисомъ сами дѣти Персея въ сопровожденіи своихъ наставниковъ и воспитателей, съ молящимъ видомъ учившихъ ихъ протягивать руки къ народу-побѣдителю. Ихъ было два сына и одна дочь, тѣмъ больше возбуждавшіе сострадание, что по молодости лѣтъ они не понимали своего несчастія. Многіе не могли удержаться отъ слезъ, и нѣмое сожалѣніе отравило минуту радости. За дѣтьми шелъ Персей съ своею женою, въ траурной одеждѣ и греческихъ сандаліяхъ, съ лицомъ, лишеннымъ смысла отъ скорби. Побѣдитель не пощадилъ въ немъ человѣка; отказаться провести передъ собою въ тріумфѣ плѣннаго царя было выше силъ римлянина, и когда Персей послалъ просить Эмилія избавить его отъ этого позора, Эмилій отвѣчалъ, что «руки у него не связаны, и что это въ его власти». Самоубійство казалось римлянину дѣломъ самымъ простымъ. За Персеемъ несли четыреста золотыхъ вѣнцовъ, принесенныхъ въ даръ побѣдителю отъ городовъ Греціи и Азіи. Ливій замѣчаетъ, что цѣнность этихъ вещей, великая сама по себѣ, была ничтожна въ сравненіи съ богатствомъ остальной добычи, и что Валерій Анційскій, оцѣняя количество ввезеннаго золота и серебра въ 6,000,000 р. сер., цѣнитъ эту часть добычи слишкомъ дешево.

Тріумфальное шествіе заключалъ самъ Павелъ Эмилій на колесницѣ, и за нимъ его войско. Пѣхотинцамъ роздано по 100 денаріевъ

(¹) Талантъ золота былъ вдесятеро дороже таланта серебра.

20 р. сер.), центуріонамъ по 200, кавалеристамъ по 300, и Ливій замѣчаетъ, что онъ вѣроятно далъ бы втрое больше, если бы солдаты не подали сначала голоса противъ тріумфа. Они были недовольны на Эмилія за строгое соблюденіе дисциплины и *скудость* доставшейся во время самой войны добычи, а онъ отдалъ имъ на разграбленіе 70 городовъ! Одного золота и серебра досталось тогда по 10 р. сер. на пѣхотинца, по 80 на кавалериста, и 150,000 человѣкъ было продано въ рабство!

Побѣда и тріумфъ Павла Эмилія совершенно изгладили слѣды цензорства Катона. Уничтоженіе подати вдругъ возвысило богатства частныхъ лицъ, и тысячи предметовъ роскоши, принесенные изъ Греціи, породили новыя потребности въ домашнемъ быту римлянъ.

Туалетъ сдѣлался важнымъ занятіемъ не только женщинъ, но и мужчинъ. Начали строить домы и дачи, какихъ прежде не было видано ни въ Римѣ, ни въ его окрестностяхъ, убирать покои драгоцѣнными коврами и занавѣсами, расписывать стѣны, украшать двери бронзовыми барельефами, уставлять абаки и этажерки серебряною и золотою посудою.

Это льстило гордости римлянина, услаждало его взоры и душу. Но гастрономія, говорившая непосредственно и исключительно одному желудку, была еще привлекательнѣе для чувственной его натуры, и ей начали приноситься въ жертву не только личные, но и государственные интересы. Благородные юноши продавали честь и свободу свою за лакомство; плебеи являлись на форумъ въ полъпьяна, и судьба республики и цѣлыхъ царствъ рѣшалась подъ вліяніемъ винныхъ паровъ (¹). На тотъ же ладъ совершалось и судопроизводство. Вотъ отрывокъ изъ рѣчи Кая Тиція въ пользу закона Фаннія, сохранившійся у Макробія (²): онъ говоритъ о бражничаньи римлянъ: «раздушенные и умащенные, они играютъ, «среди прелестницъ, въ кости. Въ десять часовъ кличутъ маль«чика; сходи, говорятъ, на форумъ, узнай, о чемъ тамъ толкуютъ, «кто говорилъ *pro* и кто *contra*, и на чьей сторонѣ перевѣсъ голо«совъ. Забравши эти свѣдѣнія, они избавляютъ себя отъ труда по«думать самимъ, и идутъ въ народное собраніе на готовое рѣшеніе. «Дорогой останавливаются у всѣхъ сосудовъ по закоулкамъ: вино «производитъ свое дѣйствіе. Наконецъ приходятъ на форумъ и со «скукою на лицѣ приступаютъ къ дѣлу; судья зоветъ свидѣтелей,— «самъ опять идетъ къ сосуду. Возвратившись, говоритъ: «ну, хоро«шо, слышалъ!» и требуетъ таблицы. Отягченныя вѣки его слипа«ются, онъ едва въ-силахъ разглядѣть таблицы, и говоритъ въ за-

(¹) Macr. Sat. 2, 23.
(²) Macr. Sat. 2, 12.

«к лючецie: «стану я возиться съ этими дрязгами! пойдемте лу
«отвѣд ать дрозда и щуки и запьемъ ихъ греческимъ виномъ».

Послѣ этого понятно, почему сенатъ старался остановить гаст
номиче скія паклонности римлянъ преимущественно предъ проч
стр емленіями роскоши. Отъ Катона до Августа издано одинадцать з
коновъ по этому предмету, но въ нихъ замѣтно тоже отсутствіе эн
гіи и политической расчетливости, какъ и въ полумѣрахъ, предп
нятыхъ противъ грабежа и насилій намѣстниковъ въ провинціи
Законы эти были какъ-будто невольною данью старымъ прави
прежнихъ временъ; сами законодатели не имѣли силы воздержат
отъ ихъ нарушенія и походили на пьяницу, который, несовсѣмъ ещ
оглохнувъ къ голосу разсудка, говоритъ самъ себѣ: «да, скверн
скверно! даю себѣ честное слово не брать капли въ ротъ», и д
житъ это слово — до перваго поднесенія.

Вскорѣ послѣ цензорства Катона изданъ былъ, по предлож
трибуна Кая Орхія, законъ, ограничивавшій число гостей в
домъ. Сами сенаторы обязались клятвою не издерживать на об
(не влючая въ счетъ хлѣба, вина и овощей) больше 120 ассовъ (2 р.
40 к. сер.), не пить иностранныхъ винъ и не ставить на столъ бол
ше 100 фунтовъ серебряной посуды. Но клятву дать было легче,
нежели сдержать ([1]).

Потомъ, въ 592 году, трибунъ Фанній, видя, что законъ Орхі
часто нарушается, да если бы и соблюдался, то не лишаетъ возмож
ности упиваться и проѣдать свое состояніе, потому-что за иную
рыбу платили дороже, нежели за цѣлаго быка, предложилъ огран
чить закономъ издержки на столъ. Положено было издерживать в
большіе праздники не больше 100 ассовъ (2 р. сер.), въ другіе н
30, въ будни по 10.

Но никто не сообразовался съ закономъ; не брали на себя да
труда оспаривать его на форумѣ, и, слушая рѣчь какого-нибудь Ти
ція, большая часть мечтали, вѣроятно, о дроздѣ и щукѣ, которыми
укорялъ ихъ ораторъ. Страсть брала свое, и впереди было время
когда сенаторъ надѣнетъ трауръ по уснувшей въ садкѣ его рыбѣ
будетъ еще гордиться этимъ поступкомъ.

([1]) A. Gell. 2, 24.

А. КРОНЕБЕРГЪ.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА

ВЪ ОБЩЕСТВѢ

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВЪ ВЕРХНЕЙ КАЛИФОРНІИ.

ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ТИРВЕЙТЪ БРУКСА.

Калифорнія въ настоящую минуту вопросъ самый живой и современный. Скоро мы постараемся напечатать въ Современникѣ, по поводу калифорнскаго золота, статью политико-экономическую, а покуда предлагаемъ нашимъ читателямъ простой и увлекательный разсказъ англійскаго медика, отправившагося, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, искать счастья въ Орегонѣ. Обманутый въ надеждахъ и не зная что̀ предпринять, услыхалъ онъ, въ началѣ 1848 года, о покореніи Калифорніи американцами и тотчасъ вздумалъ вступить къ нимъ въ службу. Пріѣхавъ моремъ въ Санъ-Франциско, онъ нѣсколько времени уже хлопоталъ о мѣстѣ медика въ полку нью-йоркскихъ волонтеровъ, подъ командою полковника Мазона, какъ вдругъ, среди толпы, занятой постройкою домовъ и магазиновъ и основывающей торговое складочное мѣсто, которое должно современемъ соперничать съ Лондономъ и Нью-Йоркомъ, подобно молніи пронеслась молва, что въ долинѣ, близь Сакраменто, открыты богатѣйшія

золотыя руды. Дѣйствіе ея было мгновенное. Менѣе чѣмъ въ недѣлю, дома, магазины, постройки, лавки, спекуляціи, торговля, — однимъ словомъ, все было брошено. Съ предпріимчивымъ умомъ и рѣшимостію, характеризующею американцевъ, толпы народа отправились въ новый Эльдорадо; чиновники, негоціянты, ремесленники, доктора, законовѣдцы, солдаты, матросы съ кораблей, стоявшихъ въ бухтѣ на якорѣ, — всѣ бросили свои занятія или покинули свои посты, чтобы бѣжать къ золотымъ рудникамъ. Получивъ отказъ отъ полковника Мазона, г. Бруксъ послѣдовалъ за толпой, и только послѣ всѣхъ превратностей, о которыхъ мы разскажемъ ниже, и послѣ четырехъ-мѣсячныхъ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ имъ при отыскиваніи золота, въ то время, когда уже несчастіе и дурная погода заставили его воротиться въ городъ, вспомнилъ онъ, что во все это время онъ не посылалъ ни одной вѣсточки о себѣ своимъ роднымъ и друзьямъ въ Европу. Желая исправить свою забывчивость, г. Бруксъ переслалъ брату своему рукопись дневника, довольно небрежно веденнаго во время экспедиціи въ *Gold-District'ѣ*. Дневникъ этотъ недавно только появился въ Лондонѣ, потому-что братъ Т. Брукса, прочтя его, долгомъ счелъ тотчасъ же напечатать, какъ источникъ свѣдѣній и справочную книгу для эмигрантовъ, которыхъ эпидемія жолтой минеральной горячки увлекаетъ нынѣ въ Калифорнію. Мы постараемся передать разсказъ этотъ во всей его простотѣ.

Дневникъ веденъ съ 28-го апрѣля 1848 г., т. е. со дня прибытія въ великолѣпную бухту Санъ-Франциско корабля, на которомъ находились г. Бруксъ и два товарища его Гг. Малькольмъ и Макфайль, два орегонскихъ эмигранта, которые, какъ и Бруксъ, испытали тамъ неудачи. Не подозрѣвая приготовляющихся открытій, путешественники въ первые дни собираютъ свѣдѣнія о климатѣ, почвѣ земли и т. п. Подробности по этимъ предметамъ сообщаетъ имъ американецъ, нѣкто г. Бредлей, который потомъ отправился съ ними къ рудникамъ, но ничего еще не знавшій о существованіи дорогого металла въ Калифорніи и не слыхавшій о немъ во все время своего осьмилѣтняго пребыванія въ этой странѣ. Удовлетворенные полученными справками, они рѣшаются лично изслѣдовать мѣстность и проѣхать до столицы, Монтерей. Они отправляются верхомъ, — и дневникъ упоминаетъ о земледѣліи, о домахъ, о фермахъ, но ни слова о золотѣ. Только въ Монтереѣ заходитъ о немъ рѣчь въ первый разъ, во время посѣщенія полковника Мазона, у котораго Бруксъ просилъ себѣ мѣста полкового медика. Вотъ выписка изъ дневника по этому предмету: «Увѣривъ насъ, что война уже кончена и миръ скоро будетъ заключенъ, губернаторъ спросилъ Бредлея, не слыхалъ ли онъ объ

открытіи золотыхъ рудъ на берегахъ Сакраменто, о которомъ случайно упоминалъ ему въ письмѣ капитанъ Фульзомъ (посланный съ особымъ порученіемъ въ Калифорнію къ правительству Соединенныхъ Штатовъ). Г. Бредлей (проживщій тамъ уже 8 лѣтъ) отвѣчалъ, что дѣйствительно въ Санъ-Франциско распускаютъ эту новость, но онъ полагаетъ ее нелѣпою, хотя уже нѣсколько сумазбродовъ и поѣхали къ предполагаемымъ рудамъ. Такъ кончилось наше свиданіе.» Довольные своею поѣздкою, друзья наши возвращаются въ Санъ-Франциско. 8-го мая считаютъ открытіе золотыхъ рудниковъ вѣроятнымъ, но не совсѣмъ еще вѣрнымъ. «Капитанъ Фульзомъ былъ у меня. Онъ видѣлъ сегодня утромъ человѣка, который привезъ золото, собранное имъ на берегахъ рѣки Сакраменто. Капитанъ видѣлъ это зернистое золото, вѣсомъ въ 23 унца; собрано оно въ 8 дней, и хотя Фульзомъ нѣсколько недѣль тому назадъ встрѣчалъ уже образцики подобнаго золота, но все-таки онъ принимаетъ его за слюду. Однако знатоки увѣряютъ, что это хорошее золото, вслѣдствіе чего капитанъ изъявилъ желаніе лично осмотрѣть мѣсторожденіе пріисковъ. Послѣ его отъѣзда, Бредлей уговорилъ и насъ ѣхать вмѣстѣ съ Малькольмомъ, предпринявшимъ поѣздку къ Сакраменту, отъ которой рѣка, называемая Американскія вилы, находится въ 30 миляхъ.»

«10-го мая. — Вчера и сегодня только и разговоровъ, что о золотыхъ рудахъ. Четыре человѣка привезли сюда довольно значительное количество золота, которое было осмотрѣно первымъ алькадомъ и всѣми купцами здѣшними. Бредлей показалъ кусочекъ вѣсомъ въ $^{1}/_{4}$ унца, за который онъ заплатилъ три съ половиною доллара.

Я уже не сомнѣваюсь, что это чистое золото; нѣсколько человѣкъ отправилось удостовѣриться въ существованіи пріисковъ, и, если вѣрить здѣшнимъ журналамъ, они взяли съ собою лопаты, заступы и пр., для разработки рудниковъ; но я полагаю, что это будетъ воспрещено, потому-что капитанъ просилъ уже у полковника Мазона полномочія войти во владѣніе рудниками во имя правительства.

«13-го мая. — Рѣшено, что мы ѣдемъ въ среду въ долину Сакраменто, и сознаюсь, я сильно заразился господствующею болѣзнію, потому-что съ нетерпѣніемъ ожидаю среды.

«17-го мая. — Всѣ мастеровые бросили свои занятія. Гуляя сегодня по городу, я замѣтилъ, что изъ числа слишкомъ пятидесяти вновь строющихся домовъ только на шести остались рабочіе; я насчиталъ 18 домовъ запертыхъ: обыватели ихъ поѣхали къ рудникамъ. Если полковникъ Мазонъ, какъ въ городѣ говорятъ, пошлетъ

на пріиски отрядъ войска, то всѣ эти люди потеряютъ даромъ свое время.»

Несмотря на нетерпѣніе, путешественники наши не могутъ уѣхать. Сѣдельникъ, взявшійся поставить имъ необходимые предметы для поѣздки въ страну мало извѣстную, не можетъ удержать своихъ работниковъ, а слѣдственно и удовлетворить нашихъ друзей заказанными ими вещами. Въ это время къ нимъ присоединяется новое лицо — испанецъ донъ Луи-Пало, у котораго они обѣдали нѣсколько дней тому назадъ въ Монтерсѣ, и который, не зная ничего о пріискахъ, собирался продавать свое имѣніе, чтобъ отправиться въ Европу.

«22-го мая. — Новая неудача; сѣдельникъ не держитъ своего слова. Пока мы бранили сѣдельника, явился къ намъ донъ Луи. Золотая лихорадка (gold fever) проникла въ Монтерей, и онъ рѣшился ѣхать въ рудники для разработки. Онъ беретъ съ собою своего слугу, индѣйца, по имени Хозе, и все, что̀, по его мнѣнію, ему понадобится; слухи объ отправленіи полковникомъ Мазономъ отряда называетъ онъ вздоромъ, потому-что хотя значительное число солдатъ ушло изъ Монтерея къ пріискамъ, но это все бѣглецы, отправившіеся работать собственно для себя. Донъ-Луи увѣряетъ насъ, что золото найдено на пространствѣ нѣсколькихъ миль; вѣсть эта побуждаетъ насъ слѣдовать его примѣру, т. е. самимъ приступить къ разработкѣ пріисковъ; конечно можно почесть сумасшедшими четырехъ человѣкъ, занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ, желающихъ основать свои предпріятія на слухахъ, можетъ быть нелѣпыхъ, но примѣръ толпы, ежедневно отправляющейся къ пріискамъ, увлекаетъ и насъ. Вслѣдствіе этого мы составили совѣтъ, чтобъ окончательно рѣшить нашъ планъ, и въ это время подоспѣлъ къ намъ и Макфайль. Вотъ результатъ нашихъ совѣщаній: всякой долженъ запастись хорошею лошадью для себя и другою для своихъ вещей и части общей поклажи; всякой возметъ по ружью и парѣ пистолетовъ; сверхъ того положено купить тотчасъ же палатку, лопаты, заступы, топоръ, одѣяла, кофе, сахаръ, водку, ножи, вилки, тарелки, кастрюли, — однимъ словомъ, всѣ вещи, необходимыя для походной жизни. «Около четырехъ часовъ отдали мнѣ наконецъ наши сѣдла и чемоданы, но желая, въ тотъ же вечеръ, приказать передѣлать кое-что въ моемъ сѣдлѣ, я нашелъ домъ пустымъ съ надписью на двери: Уѣхали на пріиски.»

Наконецъ и наши искатели золота уѣзжаютъ 24-го мая; безъ особыхъ приключеній, прибыли они 29-го къ маленькому городку, *названному*, по американскому обычаю, Сутервиль. Это крѣпостца ка-

[illegible] Сутера: [illegible] 24 пушки. [illegible] гвардіи Карла X, капитанъ Сутеръ, [illegible] въ 18[illegible] году [illegible] нилъ Европу на Новый Свѣтъ: [illegible] Штатахъ, потомъ, лѣтъ десять тому назадъ, [illegible] лифорнію. Она была тогда почти необитаема [illegible] трудненій получилъ во владѣніе, отъ [illegible] довольно значительный участокъ земли, [illegible] 4 миля ширины. Центръ участка находится на [illegible] [illegible] Американскими вилами (Fourches américaines) и [illegible] и надо замѣтить, что первое открытіе золотыхъ [illegible] было на землѣ Сутера.

Отрекомендованные г. Шерманомъ, [illegible] друзья наши были приняты Сутеромъ и женою его, [illegible] такъ хорошо, на сколько позволяли обстоятельства. [illegible] уже покинутъ почти всѣми своими служителями, [illegible] торыми долженъ былъ воспитать при переселеніи своемъ, и [illegible] наконецъ великодушіемъ и храбростью [illegible] къ занятіямъ военной службы и земледѣльческимъ трудамъ; [illegible] перь почти всѣ разбѣжались и были замѣнены бродягами, [illegible] влекшимися за золотомъ и пользовавшимися гостепріимствомъ капитана. Городъ до того былъ [illegible] переполненъ, что большая часть [illegible] кировали въ садахъ и дворахъ. Это было сборище любопытное и разнообразное, гдѣ были представители чуть ли не всѣхъ народовъ.

Капитанъ старается какъ можно лучше принять Боруэса и его друзей, и по совѣту его, они пополняютъ свои запасы: покупаютъ у него лошадей и присоединяютъ къ своему каравану, окончательно состоящему изъ семи человѣкъ, [illegible] слугу, молодого и сильнаго, по имени Джемса Горра, дезертировавшаго съ одного изъ кораблей, пристающихъ у Санъ-Франциско. Снабженная всѣмъ необходимымъ, полная надеждами на успѣхъ, компанія отправилась изъ крѣпости въ субботу 3-го іюня, и хотя имъ слѣдовало проѣхать шесть или семь миль до Нижнихъ или Мормонскихъ рудниковъ, они достигли ихъ только къ вечеру, бывши задержаны дорогою вьючными лошадьми.

«Воскресенье, 4-го іюня. — Вчера въ сумерки пріѣхали мы къ Мормонскимъ рудникамъ, идущимъ на двѣ или на три американскихъ мили по лѣвому берегу Американской рѣки. Тамъ нашли мы около сорока палатокъ, разбитыхъ по скатамъ горъ и занятыхъ преимущественно американцами, большая часть которыхъ привезли съ собою свои семейства. Хотя солнце было уже на закатѣ, но всѣ

работали съ удивительнымъ рвеніемъ. На каждыхъ десяти шагахъ стояли люди съ голыми руками и добывавшіе золотыя зерна или порошокъ промываніемъ. У иныхъ приборы состояли изъ рѣшетъ, блюдъ и земляныхъ горшковъ, которыми они размахивали изъ всей силы, съ цѣлью отдѣлить драгоцѣнный металлъ. Другіе, посмышленнѣе, хлопотали вчетверомъ около большихъ и тяжелыхъ деревянныхъ машинъ, на-подобіе люлекъ съ рычагомъ, и названныхъ вслѣдствіе этого *cradles* (колыбель).

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ зрѣлищемъ. Намъ казалось, что передъ нами раскрылись баснословныя сокровища Тысяча и одной Ночи. Мгновенно взялись мы за руки и поклялись быть вѣрными другъ другу и дѣятельно трудиться для блага общаго. Мы одурѣли, ходя по палаткамъ и глядя на кучи золота, собраннаго въ нѣсколько недѣль; возбужденные этимъ зрѣлищемъ, полупьяные, мы помышляли лишь объ одномъ — скорѣе разбить лагерь свой и приступить къ работѣ. Руки наши чесались, горѣли отъ золота, котораго мы жаждали, и, менѣе какъ чрезъ полчаса послѣ нашего прибытія, мы развьючили лошадь съ лопатами, рѣшетами, деревянными блюдами и пр. и были уже за работою, горя желаніемъ перещеголять другъ друга. Вооружась лопаткою и жестянымъ вѣдеркомъ, я бросился къ изсохшему руслу ручейка, близъ котораго мы расположились. Никогда не забуду я ощущенія, которое испытывалъ, загребая лопаткою песокъ. Насыпавъ вѣдро до половины, я пошелъ къ водѣ и, погрузивъ его на нѣсколько линій ниже уровня воды, началъ живо перебирать песокъ, какъ дѣлали это другіе, но, конечно по неопытности, утерялъ часть золота; однако я началъ замѣчать, что земля, разлагаясь, утекала съ водою, а на днѣ сосуда образовался песчаный осадокъ; потомъ я слилъ осторожно смѣсь изъ вѣдра въ корзину, непропускающую воды, и горя нетерпѣніемъ, хотѣлъ сушить ее на бивачномъ огнѣ, потому-что послѣдніе лучи солнца не имѣли уже достаточной теплоты.

«Черезъ полчаса я вернулся въ лагерь и замѣтилъ, что мы второпяхъ забыли развьючить лошадей. Малькольмъ, немного меня опередившій, принесъ одинаковое со мною количество золотоноснаго песку. Бредлей и донъ Луи явились вслѣдъ за нами, оба въ самомъ восторженномъ настроеніи духа. «Надѣюсь, что это не дурно», сказалъ первый, показывая намъ плоды своихъ трудовъ.

«Наконецъ мы разбили палатку, и Малькольмъ принялся приготовлять ужинъ, но мы часто ему мѣшали, желая поскорѣе высушить нашъ песокъ и узнать успѣхъ нашей работы. Перебивъ нѣсколько посуды, мы высушили песокъ и, зажмуривъ глаза, сдули пепелъ,

покрывавшій наше сокровище; чрезъ нѣсколько минутъ мы сдѣлались владѣльцами двухъ или трехъ щепотокъ золотого порошка. Для начала это было утѣшительно; убаюканные сладкими мечтами, мы скоро заснули крѣпкимъ сномъ.

«Сегодня блестящее солнце взошло на безоблачномъ небѣ. Позавтракавъ на скорую руку, мы стали совѣщаться объ употребленіи дня. Донъ Луи объявилъ, что онъ въ воскресенье работать не будетъ; чтобы согласить всѣхъ, мы положили, что всякой будетъ работать на себя и обязанъ содѣйствіемъ обществу только для общей защиты. Оставивъ дона Луи въ палаткѣ, мы принялись за работу и увидѣли, что самая бо́льшая часть золотопромышленниковъ одного съ нами мнѣнія въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли работать въ воскресенье?

«Мы все утро работали съ ожесточеніемъ. Это одна изъ самыхъ тяжкихъ работъ: постоянно наклонное положеніе утомляетъ поясницу, а кожа на рукахъ отъ дѣйствія воды и солнца трескается съ жестокою болью. Страданія эти конечно переносятся легко при мысли о прибыли, которую доставляютъ; совсѣмъ тѣмъ, пообѣдавъ въ полдень, мы вмѣсто работы отправились осматривать поселеніе. Почти всѣ сдѣлали тоже. Одни спали подъ деревьями и палатками или въ тѣни своихъ телѣгъ; другіе курили и разговаривали; тутъ чинили платье; тамъ варили обѣдъ. Дѣйствительно, мы видѣли картину самую странную и разнообразную: тутъ индѣйцы гордо прохаживались въ выбойчатыхъ сорочкахъ яркихъ цвѣтовъ; тамъ бронзовыя лица и тощія, но мускулистыя тѣла съ тонкими формами и огненнымъ взглядомъ, обличающими испанцевъ, разговариваютъ съ янками, блѣднолицыми, бѣлокурыми, людьми умѣющими сладить торгъ и готовыми на драку. Далѣе узнаете вы, по красной или синей шерстяной рубашкѣ и широкимъ парусиннымъ панталонамъ, матроса, сбѣжавшаго съ какого-нибудь корабля; еще далѣе видите вы негровъ-бѣглецовъ, разговаривающихъ со свойственною имъ бѣглостію, небрежно качающихъ своими косматыми головами или смѣющихся во все горло, открывъ до ушей огромный ротъ и выказавъ два ряда зубовъ удивительной бѣлизны.

«Такимъ образомъ гуляя, открыли мы палатку огромнаго размѣра, составленную изъ 2 или 3 палатокъ: это была часовня, гдѣ собиралась большая толпа слушать миссіонера.

«5 іюня. — Ревностные труды наши были вознаграждены сегодня. Я надѣюсь, что начинаю воздвигать зданіе моего счастія и благодарю за то Всевышняго отъ всего сердца. Во время странствованія по свѣту я получилъ довольно толчковъ; но теперь фортуна въ

на пріиски отрядъ войска, то всѣ эти люди потеряютъ даромъ свое время.»

Несмотря на нетерпѣніе, путешественники наши не могутъ уѣхать. Сѣдельникъ, взявшійся поставить имъ необходимые предметы для поѣздки въ страну мало извѣстную, не можетъ удержать своихъ работниковъ, а слѣдственно и удовлетворить нашихъ друзей заказанными ими вещами. Въ это время къ нимъ присоединяется новое лицо — испанецъ донъ Луи-Пало, у котораго они обѣдали нѣсколько дней тому назадъ въ Монтереѣ, и который, не зная ничего о пріискахъ, собирался продавать свое имѣніе, чтобъ отправиться въ Европу.

«22-го мая. — Новая неудача; сѣдельникъ не держитъ своего слова. Пока мы бранили сѣдельника, явился къ намъ донъ Луи. Золотая лихорадка (gold fever) проникла въ Монтерей, и онъ рѣшилъ ѣхать въ рудники для разработки. Онъ беретъ съ собою своего слугу, индѣйца, по имени Хозе, и все, что, по его мнѣнію, ему понадобится; слухи объ отправленіи полковникомъ Мазономъ отряда называетъ онъ вздоромъ, потому-что хотя значительное число солдатъ ушло изъ Монтерея къ пріискамъ, но это все бѣглецы, отправившіеся работать собственно для себя. Донъ-Луи увѣряетъ насъ, что золото найдено на пространствѣ нѣсколькихъ миль; вѣсть эта побуждаетъ насъ слѣдовать его примѣру, т. е. самимъ приступить къ разработкѣ пріисковъ; конечно можно почесть сумасшедшими четырехъ человѣкъ, занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ, желающихъ основать свои предпріятія на слухахъ, можетъ быть нелѣпыхъ, но примѣръ толпы, ежедневно отправляющейся къ пріискамъ, увлекаетъ и насъ. Вслѣдствіе этого мы составили совѣтъ, чтобъ окончательно рѣшить нашъ планъ, и въ это время подоспѣлъ къ намъ и Макфайль. Вотъ результатъ нашихъ совѣщаній: всякой долженъ запастись хорошею лошадью для себя и другою для своихъ вещей и части общей поклажи; всякой возметъ по ружью и парѣ пистолетовъ; сверхъ того положено купить тотчасъ же палатку, лопаты, заступы, топоръ, одѣяла, кофе, сахаръ, водку, ножи, вилки, тарелки, кастрюли, — однимъ словомъ, всѣ вещи, необходимыя для походной жизни. «Около четырехъ часовъ отдали мнѣ наконецъ наши сѣдла и чемоданы, но желая, въ тотъ же вечеръ, приказать передѣлать кое-что въ моемъ сѣдлѣ, я нашелъ домъ пустымъ съ надписью на двери: Уѣхали на пріиски.»

Наконецъ и наши искатели золота уѣзжаютъ 24-го мая; безъ особыхъ приключеній, прибыли они 29-го къ маленькому городку, названному, по американскому обычаю, Сутервиль. Это крѣпостца ка-

питана Сутера; она обнесена рвомъ и земляннымъ валомъ, на которомъ красуются 24 пушки. Находясь на службѣ въ швейцарской гвардіи Карла X, капитанъ Сутеръ, раненный въ 1830 году, промѣнялъ Европу на Новый Свѣтъ; сперва онъ поселился въ Соединенныхъ Штатахъ, потомъ, лѣтъ десять тому назадъ, переѣхалъ въ Калифорнію. Она была тогда почти необитаема, и капитанъ безъ затрудненія получилъ во владѣніе, отъ мексиканскаго правительства, довольно значительный участокъ земли, имѣющій 20 миль длины на 4 мили ширины. Центръ участка находится на сліяніи рѣки, называемой *Американскими вилами* (Fourches americaine) и Сакраменто; и надо замѣтить, что первое открытіе золотыхъ пріисковъ сдѣлано было на землѣ Сутера.

Отрекомендованные г. Шерманомъ, адъютантомъ губернатора, друзья наши были приняты Сутеромъ и женою его, парижанкою, такъ хорошо, на сколько позволяли обстоятельства. Капитанъ былъ уже покинутъ почти всѣми своими служителями, индѣйцами, съ которыми долженъ былъ воевать при переселеніи своемъ, и которыхъ наконецъ великодушіемъ и храбростью преобразовалъ и пріучилъ къ занятіямъ военной службы и земледѣльческимъ трудамъ; но теперь почти всѣ разбѣжались и были замѣнены бродягами, отправлявшимися за золотомъ и пользовавшимися гостепріимствомъ капитана. Городъ до того былъ ими наполненъ, что бо́льшая часть бивакировали въ садахъ и дворахъ. Это было сборище любопытное и разнообразное, гдѣ были представители чуть ли не всѣхъ народовъ.

Капитанъ старается какъ можно лучше принять Брукса и его друзей, и по совѣту его, они пополняютъ свои запасы, покупаютъ у него лошадей и присоединяютъ къ своему каравану, окончательно состоящему изъ семи человѣкъ, новаго слугу, молодого и сильнаго, по имени Джемза Горри, дезертировавшаго съ одного изъ кораблей, приставшихъ у Санъ-Франциска. Снабженная всѣмъ необходимымъ, полная надеждами на успѣхъ, компанія отправилась изъ крѣпости въ субботу 3-го іюня, и хотя имъ слѣдовало проѣхать шесть или семь миль до Нижнихъ или Мормонскихъ рудниковъ, они достигли ихъ только къ вечеру, бывши задержаны дорогою вьючными лошадьми.

«Воскресенье, 4-го іюня. — Вчера въ сумерки пріѣхали мы къ Мормонскимъ рудникамъ, идущимъ на двѣ или на три американскихъ мили по лѣвому берегу Американской рѣки. Тамъ нашли мы около сорока палатокъ, разбитыхъ по скатамъ горъ и занятыхъ преимущественно американцами, бо́льшая часть которыхъ привезли съ собою свои семейства. Хотя солнце было уже на закатѣ, но всѣ

работали съ удивительнымъ рвеніемъ. На каждыхъ десяти шагахъ стояли люди съ голыми руками и добывавшіе золотыя зерна или порошокъ промываніемъ. У иныхъ приборы состояли изъ рѣшетъ, блюдъ и земляныхъ горшковъ, которыми они размахивали изъ всей силы, съ цѣлью отдѣлить драгоцѣнный металлъ. Другіе, посмышленнѣе, хлопотали вчетверомъ около большихъ и тяжелыхъ деревянныхъ машинъ, на-подобіе люлекъ съ рычагомъ, и названныхъ вслѣдствіе этого *cradles* (колыбель).

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ зрѣлищемъ. Намъ казалось, что передъ нами раскрылись баснословныя сокровища Тысяча и одной Ночи. Мгновенно взялись мы за руки и поклялись быть вѣрными другъ другу и дѣятельно трудиться для блага общаго. Мы одурѣли, ходя по палаткамъ и глядя на кучи золота, собраннаго въ нѣсколько недѣль; возбужденные этимъ зрѣлищемъ, полупьяные, мы помышляли лишь объ одномъ — скорѣе разбить лагерь свой и приступить къ работѣ. Руки наши чесались, горѣли отъ золота, котораго мы жаждали, и, менѣе какъ чрезъ полчаса послѣ нашего прибытія, мы развьючили лошадь съ лопатами, рѣшетами, деревянными блюдами и пр. и были уже за работою, горя желаніемъ перещеголять другъ друга. Вооружась лопаткою и жестянымъ вѣдеркомъ, я бросился къ изсохшему руслу ручейка, близъ котораго мы расположились. Никогда не забуду я ощущенія, которое испытывалъ, загребая лопаткою песокъ. Насыпавъ вѣдро до половины, я пошелъ къ водѣ и, погрузивъ его на нѣсколько линій ниже уровня воды, началъ живо перебирать песокъ, какъ дѣлали это другіе, но, конечно по неопытности, утерялъ часть золота; однако я началъ замѣчать, что земля, разлагаясь, утекала съ водою, а на днѣ сосуда образовался песчаный осадокъ; потомъ я слилъ осторожно смѣсь изъ вѣдра въ корзину, непропускающую воды, и горя нетерпѣніемъ, хотѣлъ сушить ее на бивачномъ огнѣ, потому-что послѣдніе лучи солнца не имѣли уже достаточной теплоты.

«Черезъ полчаса я вернулся въ лагерь и замѣтилъ, что мы второпяхъ забыли развьючить лошадей. Малькольмъ, немного меня опередившій, принесъ одинаковое со мною количество золотоноснаго песку. Бредлей и донъ Луи явились вслѣдъ за нами, оба въ самомъ восторженномъ настроеніи духа. «Надѣюсь, что это не дурно», сказалъ первый, показывая намъ плоды свохъ трудовъ.

«Наконецъ мы разбили палатку, и Малькольмъ принялся приготовлять ужинъ, но мы часто ему мѣшали, желая поскорѣе высушить нашъ песокъ и узнать успѣхъ нашей работы. Перебивъ нѣсколько посуды, мы высушили песокъ и, зажмуривъ глаза, сдули пепелъ,

покрывавшій наше сокровище; чрезъ нѣсколько минутъ мы сдѣлались владѣльцами двухъ или трехъ щепотокъ золотого порошка. Для начала это было утѣшительно; убаюканные сладкими мечтами, мы скоро заснули крѣпкимъ сномъ.

«Сегодня блестящее солнце взошло на безоблачномъ небѣ. Позавтракавъ на скорую руку, мы стали совѣщаться объ употребленіи дня. Донъ Луи объявилъ, что онъ въ воскресенье работать не будетъ; чтобы согласить всѣхъ, мы положили, что всякой будетъ работать на себя и обязанъ содѣйствіемъ обществу только для общей защиты. Оставивъ дона Луи въ палаткѣ, мы принялись за работу и увидѣли, что самая бо́льшая часть золотопромышленниковъ одного съ нами мнѣнія въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли работать въ воскресенье?

«Мы все утро работали съ ожесточеніемъ. Это одна изъ самыхъ тяжкихъ работъ: постоянно наклонное положеніе утомляетъ поясницу, а кожа на рукахъ отъ дѣйствія воды и солнца трескается съ жестокою болью. Страданія эти конечно переносятся легко при мысли о прибыли, которую доставляютъ; совсѣмъ тѣмъ, пообѣдавъ въ полдень, мы вмѣсто работы отправились осматривать поселеніе. Почти всѣ сдѣлали тоже. Одни спали подъ деревьями и палатками или въ тѣни своихъ телѣгъ; другіе курили и разговаривали; тутъ чинили платье; тамъ варили обѣдъ. Дѣйствительно, мы видѣли картину самую странную и разнообразную: тутъ индѣйцы гордо прохаживались въ выбойчатыхъ сорочкахъ яркихъ цвѣтовъ; тамъ бронзовыя лица и тощія, но мускулистыя тѣла съ тонкими формами и огненнымъ взглядомъ, обличающими испанцевъ, разговариваютъ съ янками, блѣднолицыми, бѣлокурыми, людьми умѣющими сладить торгъ и готовыми на драку. Далѣе узнаете вы, по красной или синей шерстяной рубашкѣ и широкимъ парусиннымъ панталонамъ, матроса, сбѣжавшаго съ какого-нибудь корабля; еще далѣе видите вы негровъ-бѣглецовъ, разговаривающихъ со свойственною имъ бѣглостію, небрежно качающихъ своими косматыми головами или смѣющихся во все горло, открывъ до ушей огромный ротъ и выказавъ два ряда зубовъ удивительной бѣлизны.

«Такимъ образомъ гуляя, открыли мы палатку огромнаго размѣра, составленную изъ 2 или 3 палатокъ: это была часовня, гдѣ собиралась большая толпа слушать миссіонера.

«5 іюня. — Ревностные труды наши были вознаграждены сегодня. Я надѣюсь, что начинаю воздвигать зданіе моего счастія и благодарю за то Всевышняго отъ всего сердца. Во время странствованія по свѣту я получилъ довольно толчковъ; но теперь фортуна въ

или обрамливаютъ лицо, и всегда съ тою неподражаемою ловкостью, съ тѣмъ прелестнымъ кокетствомъ, которыми владѣютъ испанки, обмахиваясь опахаломъ или накидывая мантилью. Съ прибытіемъ калифорницевъ, мы видимъ почти каждый вечеръ фанданго, и это доставляетъ большое удовольствіе послѣ тяжкаго дневного труда. Веселые звуки гитары и скрипки объявляютъ всѣмъ о началѣ танцевъ, и вы увидите самую живописную толпу, собранную въ кружокъ, курящую, апплодирующую танцорамъ, которые тоже курятъ свои сигары. Достойны удивленія великолѣпныя костюмы и граціозныя движенія танцовщицъ, которыя, кажется, отплясываютъ отъ всей души, отъ всего сердца. Особенно эти фанданго вскружили голову Лакоссу.

«Воскресенье, 25 іюня. Мы всѣ рѣшились не работать по воскресеньямъ: довольно съ насъ и шести дней. Въ истекшую недѣлю мы набрали всего 19 унцъ. Каждый вечеръ взвѣшиваютъ золотой песокъ и дѣлятъ между компаньонами, которые носятъ свое богатство въ поясѣ. Хозе, собравшій уже порядочную сумму, въ свободное время безпрестанно удостовѣряется въ цѣлости своего клада; онъ взвѣшиваетъ его раза два или три въ день, и всякой разъ поминаетъ въ тоже время всѣхъ духовъ индѣйскаго язычества. Онъ, передъ отъѣздомъ изъ Монтерея, далъ обѣтъ отложить четвертую часть своего сокровища и пожертвовать ее духамъ; но кажется мнѣ, что эта часть ежедневно уменьшается, и что Хозе начинаетъ кривить душою.

«Сегодня спорили мы долго о томъ, не поселиться ли намъ выше по рѣкѣ. Мормонскіе рудники набиты народомъ, и у насъ уже украли нѣсколько инструментовъ. Наконецъ мы рѣшили: продать наши кредли и попытать счастья не въ столь многолюдномъ обществѣ. Мнѣ кажется однако, что я буду очень сожалѣть о фанданго, и двухъ или трехъ сеноритахъ, которыхъ привыкъ видѣть каждый вечеръ.

«Воскресенье, 2 іюля. Согласно предположенію нашему, выѣхали мы вчера изъ Мормонскихъ рудниковъ и потянулись вверхъ по теченію Американской рѣки. Въ четвергъ вечеромъ рѣшились мы окончательно на эту мѣру, а въ пятницу отправился я, съ Бредлеемъ и Макфайлемъ, по лагерю, чтобы продать наши орудія для промыванія песку. Покупщиковъ явилось много, и человѣкъ восемь изъ нихъ такъ настойчиво желали купить наши инструменты, что мы вздумали продать ихъ съ аукціона. Бредлей вызвался приглашать гг. покупщиковъ набавлять цѣну. Идея была превосходная. За большой инструментъ предлагали намъ высшую цѣну — 160 долларовъ (848 фр.), а Бредлей рѣчью и шутками своими заставилъ ее возвы-

сить; выхваляя товаръ свой съ удивительною болтливостью, онъ вдругъ вскричалъ: «Знаете ли, господа, что въ этотъ самый кредли чуть не попалъ слитокъ золота вѣсомъ въ $2^3/_4$ унца, т. е. великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ, найденныхъ здѣсь, и который принадлежитъ джентльмену, стоящему около меня съ правой стороны. Всѣ разсмѣялись и начали набавлять цѣну, такъ-что одна машина наша оцѣнена была въ 195 долл., а другая въ 180 долл. Такимъ образомъ добыли мы 375 д. (1,987 фр. 50 с.) золотымъ пескомъ, принявъ унцъ золота въ 14 долларъ.

«Дорога наша шла мимо мѣльницы, гдѣ золото было впервые открыто; мы рѣшились посѣтить это мѣсто и напрягли зрѣніе наше, чтобъ отыскать его, какъ вдругъ были развлечены ружейнымъ выстрѣломъ, вслѣдъ за которымъ вышелъ человѣкъ въ бѣлыхъ панталонахъ, замшевыхъ сапожкахъ и огромной мексиканской шляпѣ, съ ружьемъ на плечѣ. Это былъ товарищъ Сутера, Маршаль; онъ тѣшился охотою, осматривая работы, для которыхъ нанялъ онъ 50 или 60 индѣйцевъ, получавшихъ задѣльную плату водкою; нѣсколько подалѣе толпа, человѣкъ во сто, работала для капитана по той же цѣнѣ.

«4 іюля. Выбравъ удобное мѣсто, посреди крутого оврага, наполнили мы землею наши индѣйскія корзины, купленныя еще въ Сутеровой крѣпости, привязали ихъ веревками къ палкамъ и понесли къ рѣкѣ, гдѣ и промывали золото по прежнему способу. Результатъ сегодняшней работы далеко превзошелъ барышъ нашъ въ Мормонскихъ рудникахъ. Здѣсь земля болѣе насыщена золотомъ, зато утомленіе и потеря времени при переноскѣ минерала къ водѣ едва выносимы. Я сегодня такъ усталъ, что съ трудомъ могъ написать эти строки.

«4 іюля. Сегодня утромъ, готовясь нести корзинки съ минераломъ на рѣкѣ, Лакессъ сдѣлалъ намъ вопросъ: «Отчего лошади наши живутъ какъ джентльмены, а джентльмены работаютъ какъ лошади?» Мы разсмѣялись и тотчасъ же навьючили лошадей; странно, отчего до сихъ поръ никому не приходила эта идея?

«Бо́льшая часть золотопромышленниковъ праздновали, сегодня послѣ обѣда, годовщину независимости Соединенныхъ Штатовъ. Тосты и патріотическія пѣсни составляли главную часть праздника. Бредлей говорилъ рѣчь, и, противъ своего обыкновенія, говорилъ много лестнаго объ Англіи.

«*Weber's-Creek*, 6-го іюля. Опытъ убѣдилъ насъ въ потерѣ времени и трудовъ при переноскѣ земли на рѣку, и мы рѣшились отыскать болѣе удобное мѣсто; на мѣльницѣ сказывали намъ, что въ

Weber's-Creek золото въ большемъ изобиліи, и это обстоятел
рѣшило нашъ выборъ. *Weber's-Creek* есть небольшой ручеек,
сѣвера впадающій въ Американскую рѣку. Выѣхавъ съ утра, мы
вечеру уже прибыли на мѣсто; по дорогѣ разбросаны рабочіе п
латки. Вставъ сегодня очень рано, принялись мы отыскивать у
ное для работъ мѣсто; черезъ часъ времени наткнулись мы н
герь, расположенный въ нѣсколькихъ миляхъ отъ соединенія *W
ber's-Creek* и Американской рѣки, и рѣшились тутъ испытать
стіе. Лагерь этотъ не такъ многолюденъ, какъ на Мормонскихъ р
никахъ; здѣсь бо́льшею частію все индѣйцы; одни работали в
момъ руслѣ рѣки, другіе рылись въ оврагахъ между горами. Н
сказали, что въ рѣкѣ можно найти золото въ бо́льшемъ колич
а въ оврагахъ лучшаго достоинства; копая землю, можно найти
ки въ нѣсколько унцовъ вѣсомъ, но можно и цѣлый день д
провозиться; а въ рѣкѣ навѣрное можно добывать ежедневн
крайней-мѣрѣ 1 унцъ золота. Вслѣдствіе этихъ доводовъ рѣш
мы работать въ водѣ и взялись за постройку бредлей. За дос
просили съ насъ такую чудовищную цѣну, что мы добыли из
лѣсу, и, благодаря обязательности одного столяра, работа пош
нѣшно. Къ чести столяра надо сказать, что онъ взялъ съ насъ т
ко по 30 долларовъ (159 фр.) поденной платы. Мы неутомимо р
тали, несмотря на жаръ, который здѣсь гораздо сильнѣе, чѣм
берегу.

«8-го іюля. Во время послѣобѣденнаго отдыха, замѣтили въ л
герѣ сильное движеніе: всѣ выходили изъ палатокъ, звали сосѣ
и собирались въ толпу; мы съ Бредлеемъ вмѣшались въ нее вмѣст
съ другими и увидѣли полковника Мазона, съ адъютантомъ и св
тою, пріѣхавшаго осмотрѣть рудники, для донесенія правительст
въ Вашингтонъ. Полковникъ былъ съ нами очень любезенъ, но ос
тороженъ. Бредлей вызвался показать ему расположеніе *Weber's-
Creek*'а. Возвратясь въ палатку, Бредлей сказалъ намъ, что полко
никъ въ тотъ же вечеръ хотѣлъ ѣхать въ крѣпость Сутера, и, отве
дя меня въ сторону, предложилъ воспользоваться этимъ случаемъ,
чтобы переслать Сутеру собранное нами золото, которое капитанъ
за умѣренную плату отдалъ бы на сохраненіе какому-нибудь него
ціянту въ Монтереѣ. Количество золота насъ уже обременяло и мы
начинали бояться какого-нибудь несчастія. «Вотъ случай, продол-
жалъ Бредлей: — сохранить въ цѣлости наше богатство: я знаю пол-
ковника Мазона, служилъ съ нимъ вмѣстѣ, и даже вызываюсь, если
предложеніе мое будетъ принято, лично доставить капитану наше
сокровище».

Идея была весьма благоразумна, тѣмъ болѣе, что полковникъ ласился взять съ собою Бредлея. Вслѣдствіе этого мы собрались, ѣсили золото, собранное нами шестью въ 20 дней дѣйствитель- і работы: его оказалось 27 ф. и 8 унцовъ, цѣною на 4,600 долл. ,580 фр.). Бредлей выдалъ намъ росписку въ полученіи его и взался доставить таковую же отъ капитана Сутера; потомъ мы ожили золото въ чемоданчикъ и привязали его къ спинѣ лучшей ъ нашихъ лошадей, какъ умѣли крѣпче; лошадь эту Бредлей дол- нъ былъ вести въ поводу, его же самого вооружили ружьемъ и істолетами и вечеромъ отправили съ полковникомъ.

«Середа, 12-го іюля. Мы окончили наши кредли въ субботу ве- черомъ, а потому и отложили работу до понедѣльника. Желая вос- пользоваться свободнымъ временемъ, я отправился, въ воскресенье, смотрѣть сосѣдніе бивуаки и замѣтилъ многихъ больныхъ, стра- давшихъ перемѣжающеюся лихорадкою. Впрочемъ это неудивитель- о: дурная пища, дѣйствіе солнца въ жаркій день и сырость ночей — причины достаточныя для болѣзни. Въ понедѣльникъ принялись ы опять рыться, копать, наполнять и качать кредли; прибыль бы- а значительна: одна машина доставила 8 унцовъ, другая $7^1/_2$ (обѣ— ,346 фр. и 20 сант). Утромъ возвратился отъ капитана Бредлей, строивъ дѣла наши къ полному нашему удовольствію. Вечеромъ зашелъ къ намъ въ палатку какой-то человѣкъ и спросилъ, не можемъ ли мы ему продать лекарствъ; я отвѣтилъ ему, что я медикъ, и, разспросивъ его о болѣзни, далъ ему хинины, посовѣтовавъ беречься и полежать нѣсколько дней въ постели; но это нисколько не помѣшало ему усердно работать на другой день, несмотря на лихорадочные припадки. Слухъ о томъ, что въ лагерѣ есть докторъ, быстро распространился, и меня безпрестанно зовутъ къ больнымъ, среднимъ числомъ даютъ мнѣ по унцу золота за визитъ; занятіе это менѣе утомительно и несравненно выгоднѣе добыванія золота; но къ несчастію, больные требуютъ не однихъ совѣтовъ, имъ необходимы и лекарства, а я взялъ съ собою запасъ только для своей компаніи, и потому не могу оказывать помощи тамъ, гдѣ требуютъ медикаментовъ.

«Сильные жары продолжаются. Изъ числа работающихъ на берегу рѣки, и слѣдственно подверженныхъ дѣйствію солнца во всей силѣ, многіе уже умерли. Не менѣе жертвъ пало отъ кроваваго поноса, вслѣдствіе дурной пищи. Вообще положеніе наше не можетъ назваться совершенно пріятнымъ.

«Суббота, 15-го іюля. Мы наняли нѣсколькихъ индѣйцевъ для работъ въ оврагахъ. Они принадлежатъ къ племени Змѣй, чрезвы-

чайно бѣдны и чрезвычайно тощи; мы платимъ имъ провизіею *pisco* (туземная водка).

«Болѣзнь развивается. Вотъ уже два дня лежитъ Лакоссъ въ лихорадкѣ, но теперь ему лучше. Причина болѣзней не въ климатѣ, но въ излишнемъ трудѣ, дурной пищѣ и бивуачной жизни. Мы замышляемъ болѣе углубиться въ горы: тамъ, говорятъ, болѣе золота. Вчера отправилось отсюда большое общество на Бобровую рѣку, впадающую въ Сакраменто и лежащую отъ насъ къ сѣверу миль на пятьдесятъ.

«Понедѣльникъ, 24-го іюля. Рѣшено! мы ѣдемъ на Бобровую рѣку. Прошлую недѣлю работали мы неусыпно, зато и потерпѣли отъ жару: всѣ мы хвораемъ; у того симптомы лихорадки, у другого головная боль, третій жалуется на боль въ поясницѣ и т. д.; но здоровье наше все-таки въ лучшемъ положеніи, чѣмъ у прочихъ золотопромышленниковъ. *Weber s-Creek* сталъ также многолюденъ, какъ и Мормонскіе рудники, и лучшіе пріиски достались на долю счастливцевъ, занявшихъ ущелія горъ. Вся долина усѣяна палатками и шалашами, и нельзя сыскать лужи, не занятой рабочими.

«Отдыхая послѣ обѣда подъ тѣнью палатки, увидѣли мы стараго охотника Джоя Вайта, знакомаго Бредлея и дона Луи, и пригласили его къ себѣ на кофе. Вайтъ прибылъ въ эту страну съ капитаномъ Сутеромъ и разсказалъ намъ исторію переселенія капитана, характеру и храбрости котораго онъ отдавалъ должную справедливость. Послѣ многихъ стычекъ, дикія племена перестали воевать съ нимъ, и многія изъ нихъ, оставивъ привычку грабить, поселились подъ покровительствомъ крѣпостцы, занимаясь охотою или работая на поляхъ и на кирпичныхъ заводахъ для бѣлыхъ. Капитанъ платилъ имъ товарами и *писко*. Вайтъ увѣрялъ насъ, что капитанъ пустилъ нынче въ ходъ между племенами мѣдную монету, съ изображеніемъ его имени, и на которую дикіе покупаютъ въ крѣпости товары, имъ необходимые.

«Прослушавъ два или три похожденія въ этомъ родѣ, Бредлей завелъ рѣчь объ окрестностяхъ Бобровой рѣки. Вайтъ отвѣтилъ, что онѣ ему знакомы, и что, если вѣрить слухамъ, золото тамъ въ изобиліи; мы спросили его, не желаетъ ли онъ быть нашимъ проводникомъ, и онъ, послѣ немногихъ отговорокъ, согласился за 65 долларовъ; цѣна эта весьма умѣренна въ сравненіи съ существующими здѣсь цѣнами; дѣло въ томъ, что старикъ тотчасъ же сознался передъ нами, что онъ хворъ и не любитъ бродить по водѣ за золотомъ, и что онъ этой трудной работѣ предпочитаетъ прогулку въ пустыню. Послѣ долгихъ преній, рѣшились мы отправиться послѣзавтра, т. е въ среду.

«Вторникъ, 25-го іюля. День прошелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Запасы наши, исключая муки, истощились, стало быть наша первая забота была о нихъ; но такъ-какъ цѣны въ лагерѣ на все непомѣрныя, то мы и должны были довольствоваться небольшимъ количествомъ свинины, копченаго быка и кофе, въ остальномъ полагаясь на наши ружья, потому-что, по слухамъ, Бобровая долина изобилуетъ дичью. По совѣту Вайта, каждый изъ насъ беретъ пятнадцатидневную провизію, имѣя по стольку же на вьючныхъ лошадяхъ.

Услышавъ о нашемъ отправленіи, три золотопромышленника просили насъ принять ихъ въ товарищество. Одинъ изъ нихъ, Эдвардъ Стори, американецъ адвокатъ, бывшій, во время испанскаго владычества, алькадомъ въ Монтереѣ; остальные двое: Джонъ Довнингъ, первый лейтенантъ, и Самуэль Бредше (*Bradschaw*), плотникъ съ корабля, оставленнаго ими за нѣсколько дней въ Санъ-Франциско. Адвокатъ смышленъ и знаетъ нарѣчія племенъ; лейтенантъ, кажется, человѣкъ неглупый; что́ же касается до плотника, то это дорогая находка для людей, которые предпринимаютъ путешествіе въ пустыню, и конечно предложеніе ихъ было принято съ удовольствіемъ. У всѣхъ троихъ есть верховыя лошади, хотя моряки уморительно ѣздятъ верхомъ.

«Середа, 26-го іюля. Съ разсвѣтомъ тронулись мы изъ лагеря и въ полдень поѣли супъ изъ зайцевъ, убитыхъ нами дорогою. Мы замѣтили много оленьихъ слѣдовъ — это хорошій знакъ для нашей кухни; впрочемъ мы цѣлый день провели подымаясь и спускаясь по отвратительной дорогѣ. Сегодня вѣтеръ холодный, и мы зажгли костеръ изъ сосновыхъ вѣтвей.

«Пятница, 28-го іюля. Вчера утро было ясное, но холодное. До полудня переѣхали мы начало Американской рѣки, которая течетъ здѣсь въ видѣ небольшого ручейка. Мѣстность становится гористѣе и неудобопроходима. Усталые, расположились мы на ночлегъ въ скалахъ; ужинъ нашъ состоялъ изъ мучныхъ лепешекъ и ломтиковъ жареной свинины. Съ дономъ Луи сдѣлался ночью лихорадочный припадокъ, но пріемъ хины успокоилъ его.

«Осѣдлавъ, на разсвѣтѣ, лошадей, пустились мы сегодня въ путь; было холодно, но скоро солнце показалось на горизонтѣ и пригрѣло насъ. Дорога очень трудна; она идетъ по краямъ овраговъ и пропастей, а взбираясь на утесы, мы портили ноги лошадей и подвигались впередъ очень медленно. Лѣса, которые мы проѣзжали, преимущественно сосновые; есть и дубовыя рощи, но деревья менѣе, чѣмъ въ южной части этой страны. Около полудня перепра-

вались мы черезъ начало рѣки Перьевъ (*rio de las Plumas*), и послѣ утомительнаго перехода мы переступили чрезъ послѣдній хребет утесовъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Бобровой долины. Солнце уже садилось, когда мы, спустясь съ горы, подъѣзжали къ рѣкѣ. Это небольшой ручеекъ, текущій къ западу по песчаному руслу. Изъ нашей палатки слышно журчаніе воды, и мы въ восторгѣ, что отдыхаемъ послѣ такого утомительнаго перехода.

«Воскресенье, 30-го іюля. Вчера мы проспали до позднято утра, и, осматривая потомъ мѣстность, удостовѣрились, что мы одни. Первые наши поиски были конечно поиски за золотомъ; для этого мы раздѣлились и пошли по теченію рѣки и ручейковъ, въ нее впадающихъ.

«Представьте себѣ наше разочарованіе и досаду, когда мы, возвратясь, объявили другъ другу, что ничего не открыли! По совѣту стараго Вайта, отправили нѣсколько человѣкъ къ истоку рѣки; и прошли миль двѣнадцать не найдя ничего, но наконецъ имъ удалось отъискать мѣсто, гдѣ, по первому взгляду, можно было узнать, что золото въ изобиліи и въ пескѣ и въ трещинахъ утесовъ; туда-то мы и перенесли сегодня свой бивуакъ, и, увѣренные, что долгое время будемъ здѣсь одни, мы позаботились о нашемъ продовольствіи и безопасности. Бредлей, Вайтъ и Хозе будутъ охотниками; Малькольмъ, Лакоссъ и Макфайль завтра же начнутъ сколачивать два кредля; плотникъ будетъ имъ изрѣдка помогать, потому-что главнымъ его занятіемъ будетъ надзоръ за постройкою обширнаго барака, въ которомъ бы мы могли всѣ помѣститься, и который мы обведемъ острыми палисадами, за которыми бы мы могли укрывать на ночь нашихъ лошадей, во избѣжаніе набѣговъ индѣйцевъ. Мы полагаемъ, что постройки эти отнимутъ у насъ недѣлю времени, а можетъ быть и болѣе. Охотники наши принесли сегодня двѣ лани, а Вайтъ сѣтями поймалъ дюжину перепелокъ, такъ-что мы отлично пообѣдали.

«Воскресенье, 6-го августа. Я былъ чрезвычайно разстроенъ на прошедшей недѣлѣ; мысли мои невольно летѣли въ отчизну, и я задумывался. Товарищи мои замѣтили это. Сегодня вечеромъ, когда всѣ, кромѣ меня, легли спать, я вынулъ изъ чемодана портфель и только хотѣлъ начать писать, какъ донъ Луи мнѣ сказалъ: «Развѣ вы не можете уснуть?» — Нѣтъ, синьоръ, я думаю объ Англіи, о братѣ и о друзьяхъ моихъ, отвѣчалъ я. «Можетъ быть и о милой?» — Можетъ быть. Я грустно улыбнулся и началъ писать. Теперь мы окончательно расположились на Бобровой рѣкѣ, и до сихъ поръ не видали еще человѣческихъ слѣдовъ. Кредли окончены въ поне-

дѣльникъ, а баракъ въ субботу; къ нему пристроили мы небольшой сарай, служащій намъ кухнею. Палисады наши достаточны, чтобъ защитить лошадей нашихъ отъ индѣйскихъ воровъ. Окончивъ постройки, приступили мы къ отыскиванію золота, и трудъ нашъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

«8-го августа. Старый нашъ охотникъ вступилъ къ намъ въ службу; онъ будетъ получать по 15 долл. въ недѣлю и по 2 порціи водки въ день: за это онъ будетъ намъ доставлять дичь, но доли въ пріискахъ имѣть не будетъ. Онъ должно быть чистосердечно презираетъ доллары, судя по малой цѣнѣ; да впрочемъ и можетъ ли чувствовать что-либо другое къ источнику всѣхъ золъ человѣкъ, проведшій всю жизнь свою въ пустынѣ и имѣющій потребности, которыя онъ въ состояніи удовлетворить своимъ ружьемъ. Голодъ его утоляетъ пуля, пущенная въ лося, жажду — чистые ручьи; шкура медвѣдей и оленей доставляетъ ему и платье и защиту отъ холодныхъ ночей, а на нѣсколько бобровыхъ шкуръ онъ добываетъ пороху и снарядовъ, которыхъ ему не перевесть и въ годъ. Такъ на что́ же ему золото? будетъ ли онъ на него обращать вниманіе?

«Вчера, во время обѣда, прибылъ къ намъ небольшой отрядъ индѣйцевъ съ озера Труке; такъ-какъ они пришли не съ непріязненными намѣреніями, то мы и приняли ихъ ласково и дали имъ нѣсколько одѣялъ. Остатокъ дня провели они съ нами, а ночь пробивуакировали возлѣ нашего укрѣпленія; ночью и утромъ исчезали они поодиночкѣ, не заслуживъ однако никакого упрека съ нашей стороны. Изъ нихъ осталось только человѣкъ пять, которые и предлагали намъ свои услуги; но жалкое положеніе нашихъ магазиновъ заставило насъ отвергнуть ихъ предложеніе.

«13-го августа. Охота въ эти дни была очень удачна; у насъ теперь большой запасъ буйволова мяса, которое мы хотимъ высушить по-индѣйски. Наши индѣйскіе посѣтители провели съ нами дня два и ушли въ ночь съ четверга на пятницу, не бывъ замѣченными нашими часовыми. Они ничего не украли у насъ, исключая двухъ одѣялъ, которыя они забыли намъ отдать.

«Воскресенье, 20-го августа. Истекшая недѣля была обильна приключеніями. Въ пятницу, при обыскиваніи ущелій, отдѣляющихъ насъ отъ Сіерры-Невады, нашли мы въ обломкѣ утеса нѣсколько золотыхъ кусочковъ значительной величины; это подало намъ мысль разработать оврагъ, и, дѣйствительно, мы скоро убѣдились, что золото здѣсь въ бо́льшемъ изобиліи и добывается съ меньшимъ трудомъ, потому-что золото, находясь въ слиткахъ, не требуетъ промыванія. Поэтому мы рѣшились перенести сюда всѣ наши ин-

струменты; невыгода этого пріиска та, что онъ удаленъ отъ … го жилища на полмили.

«Итакъ, вчера, отпустивъ на охоту, для возобновленія запа… Бредлея, Лакосса, Макфайля и Вайта, и оставя Хозе и адвоката … раулить баракъ, отправились мы съ нашими инструментами къ … вому пріиску. Въ нѣсколько часовъ собрали мы золота болѣе … набрали его въ три дня, и уже хотѣли вернуться домой, когда … лингъ, услышавъ шорохъ, замѣтилъ ползущаго къ нему инді… который, видя, что его открыли, пустилъ стрѣлу и къ сча… слегка только ранилъ Довлинга въ лѣвое ухо. Съ досады дикій … пустилъ ужасный крикъ и бросился бѣжать, стараясь выну… колчана другую стрѣлу, но оступился и упалъ; не успѣвъ еще … подняться, получилъ онъ отъ Довлинга мѣткій ударъ засту… головѣ, отъ котораго тотчасъ и умеръ.

«Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ въ сторонѣ нашего … ка; это еще увеличило наше смущеніе, мы схватились за ружья … взошелъ на возвышеніе для рекогносцировки и увидѣлъ скачу… на насъ во весь опоръ отрядъ индѣйцевъ. Видя, что переговоры … поведутъ ни къ чему, мы спустились внизъ и ждали нападенія.

«Это былъ моментъ сильнаго ощущенія. Мы слышали топо… лошадей, несущихся на насъ, но не видѣли непріятеля. Сознаюсь … дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но не отъ одного страха, хотя и бы… увѣренъ, что дикіе враги изрѣжутъ насъ въ куски; я полагаю, что … внезапность опасности особенно встревожила меня и заставила бит… ся мое сердце такъ сильно; но въ то самое время, когда я упрекалъ … себя въ трусости, раздался ужасный крикъ, и передъ нами яви… лось человѣкъ 50 индѣйскихъ воиновъ. Нервы мои получили как… бы электрическій толчекъ, и когда куча стрѣлъ насъ засыпала, … первый мѣткимъ выстрѣломъ сшибъ передового индѣйца съ лоша… ди. Пока я снова заряжалъ ружье, товарищи мои тоже подстрѣли… нѣсколькихъ дикихъ и вмѣстѣ со мною скрылись за ивами, которы… могли отражать пущенныя въ насъ стрѣлы. Второй залпъ скоро по… слѣдовалъ за первымъ, и когда дымъ сталъ разсѣеваться, я уви… дѣлъ, что много жертвъ пало между индѣйцами, и что оставшіеся … подбирали раненыхъ, желая отступить. Въ это время я прицѣлился … въ старика, соскочившаго съ лошади, и уже хотѣлъ спустить ку… рокъ, когда замѣтилъ, что старикъ прехладнокровно подошелъ къ … одному изъ раненыхъ, взвалилъ его на лошадь, вскочилъ самъ на … нее и пустился во весь опоръ. Хотя я и былъ увѣренъ, что въ слу… чаѣ неудачи дикіе насъ не пощадили бы, я все-таки не имѣлъ ду… убить старца, увезшаго ранена го товарища, а можетъ быть и сына.

«Въ нѣсколько мгновеній поле сраженія было очищено, и только три индѣйца, плававшіе въ крови, да пустые колчаны, перья, луки и томагауки, разбросанные по землѣ, свидѣтельствовали о нашей битвѣ. Поодиночкѣ взобрались мы на возвышеніе, съ котораго открылъ приближеніе непріятеля, и видя, что онъ удаляется въ противную сторону отъ нашего барака, мы рѣшились итти домой, ожидая найти тамъ Хозе и Стори зарѣзанными. Но, благодаря Бога, мы ошиблись въ предположеніи: индѣйцы не атаковали нашего жилища. Стори выстрѣлилъ, чтобы насъ предувѣдомить, а Хозе прехрабро залѣзъ въ воду по-горло и этимъ оригинальнымъ способомъ укрылся отъ непріятеля.

«Перевязавъ легкую рану Довлинга и царапину на рукѣ дона Дун, мы стали безпокоиться объ участи нашихъ товарищей, съ утра ушедшихъ на охоту. Вечеромъ, видя, что они не возвращаются, мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, чтобы предъувѣдомить ихъ объ опасности, которой они могли подвергнуться, и чтобы показать индѣйцамъ, что мы на-сторожѣ. Мы согласились не спать до возвращенія охотниковъ, чтобы подать имъ помощь въ случаѣ опасности и защищать себя, потому-что мы полагали, что индѣйцы бродятъ около нашего лагеря и сдѣлаютъ нападеніе. Но утомленные трудомъ и ощущеніями, мы уснули одинъ за другимъ.

«Ружейный выстрѣлъ и дикій крикъ разбудили насъ; вмигъ вскочили мы, взяли ружья и готовились дорого продать свою жизнь, но знакомый свистъ Бредлея скоро насъ разувѣрилъ. И дѣйствительно Бредлей съ Лакоссомъ и Вайтомъ возвратились съ охоты. «Здѣсь ли Макфайль?» спросили они насъ, осматривая нашъ бивуакъ. Мы его не видали, и на распросы наши, гдѣ онъ ихъ оставилъ и слышали ли они ружейный выстрѣлъ, разбудившій насъ, Лакоссъ отвѣтилъ, что они потеряли Макфайля изъ виду съ часъ тому назадъ, но не безпокоились о томъ, полагая, что онъ скорѣе хотѣлъ добраться до дому, и хотя ночь и темна, но тропинку найти нетрудно; что́ же касается до ружейнаго выстрѣла, Бредлей объяснилъ намъ, что, разставшись съ Макфайлемъ, замѣтили они, что ихъ преслѣдуетъ шайка волковъ, и боясь, чтобы вой ихъ не приманилъ на слѣдъ охотниковъ, еще опаснѣйшихъ звѣрей, онъ пустилъ въ нихъ нѣсколько пуль изъ пистотета и убилъ двухъ волковъ. Вѣроятно послѣдній выстрѣлъ и разбудилъ насъ, потому-что никто изъ насъ не слыхалъ болѣе одного выстрѣла.

«Охотники наши принялись готовить ужинъ, въ ожиданіи Макфайля, но ужинъ былъ уже готовъ и съѣденъ, а Макфайль все еще не возвращался; прошелъ еще часъ, и насъ взяло раздумье: това-

вились мы черезъ начало рѣки Перьевъ (*rio de las Plumas*), и послѣ утомительнаго перехода мы переступили чрезъ послѣдній хребетъ утесовъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Бобровой долины. Солнце уже садилось, когда мы, спустясь съ горы, подъѣзжали къ рѣкѣ. Это небольшой ручеекъ, текущій къ западу по песчаному руслу. Изъ нашей палатки слышно журчаніе воды, и мы въ восторгѣ, что отдыхаемъ послѣ такого утомительнаго перехода.

«Воскресенье, 30-го іюля. Вчера мы проспали до поздняго утра и, осматривая потомъ мѣстность, удостовѣрились, что мы одни. Первые наши поиски были конечно поиски за золотомъ; для этого мы раздѣлились и пошли по теченію рѣки и ручейковъ, въ нее впадающихъ.

«Представьте себѣ наше разочарованіе и досаду, когда мы, возвратясь, объявили другъ другу, что ничего не открыли! По совѣту стараго Вайта, отправили нѣсколько человѣкъ къ истоку рѣки; они прошли миль двѣнадцать не найдя ничего, но наконецъ имъ удалось отъискать мѣсто, гдѣ, по первому взгляду, можно было узнать, что золото въ изобиліи и въ пескѣ и въ трещинахъ утесовъ; туда-то мы и перенесли сегодня свой бивуакъ, и, увѣренные, что долгое время будемъ здѣсь одни, мы позаботились о нашемъ продовольствіи и безопасности. Бредлей, Вайтъ и Хозе будутъ охотниками; Малькольмъ, Лакоссъ и Макфайль завтра же начнутъ сколачивать два кредля; плотникъ будетъ имъ изрѣдка помогать, потому-что главнымъ его занятіемъ будетъ надзоръ за постройкою обширнаго барака, въ которомъ бы мы могли всѣ помѣститься, и который мы обведемъ острыми палисадами, за которыми бы мы могли укрывать на ночь нашихъ лошадей, во избѣжаніе набѣговъ индѣйцевъ. Мы полагаемъ, что постройки эти отнимутъ у насъ недѣлю времени, а можетъ быть и болѣе. Охотники наши принесли сегодня двѣ лани, а Вайтъ сѣтями поймалъ дюжину перепелокъ, такъ-что мы отлично пообѣдали.

«Воскресенье, 6-го августа. Я былъ чрезвычайно разстроенъ на прошедшей недѣлѣ; мысли мои невольно летѣли въ отчизну, и я задумывался. Товарищи мои замѣтили это. Сегодня вечеромъ, когда всѣ, кромѣ меня, легли спать, я вынулъ изъ чемодана портфель и только хотѣлъ начать писать, какъ донъ Луи мнѣ сказалъ: «Развѣ вы не можете уснуть?» — Нѣтъ, синьоръ, я думаю объ Англіи, о братѣ и о друзьяхъ моихъ, отвѣчалъ я. «Можетъ быть и о милой?» — Можетъ быть. Я грустно улыбнулся и началъ писать. Теперь мы окончательно расположились на Бобровой рѣкѣ, и до сихъ поръ не видали еще человѣческихъ слѣдовъ. Кредли окончены въ поне-

дѣльникъ, а баракъ въ субботу; къ нему пристроили мы небольшой сарай, служащій намъ кухнею. Палисады наши достаточны, чтобъ защитить лошадей нашихъ отъ индѣйскихъ воровъ. Окончивъ постройки, приступили мы къ отыскиванію золота, и трудъ нашъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

«8-го августа. Старый нашъ охотникъ вступилъ къ намъ въ службу; онъ будетъ получать по 15 долл. въ недѣлю и по 2 порціи водки въ день: за это онъ будетъ намъ доставлять дичь, но доли въ пріискахъ имѣть не будетъ. Онъ должно быть чистосердечно презираетъ доллары, судя по малой цѣнѣ; да впрочемъ и можетъ ли чувствовать что-либо другое къ источнику всѣхъ золъ человѣкъ, проведшій всю жизнь свою въ пустынѣ и имѣющій потребности, которыя онъ въ состояніи удовлетворить своимъ ружьемъ. Голодъ его утоляетъ пуля, пущенная въ лося, жажду — чистые ручьи; шкура медвѣдей и оленей доставляетъ ему и платье и защиту отъ холодныхъ ночей, а на нѣсколько бобровыхъ шкуръ онъ добываетъ пороху и снарядовъ, которыхъ ему не перевесть и въ годъ. Такъ на что́ же ему золото? будетъ ли онъ на него обращать вниманіе?

«Вчера, во время обѣда, прибылъ къ намъ небольшой отрядъ индѣйцевъ съ озера Труке; такъ-какъ они пришли не съ непріязненными намѣреніями, то мы и приняли ихъ ласково и дали имъ нѣсколько одѣялъ. Остатокъ дня провели они съ нами, а ночь пробивуакировали возлѣ нашего укрѣпленія; ночью и утромъ исчезали они поодиночкѣ, не заслуживъ однако никакого упрека съ нашей стороны. Изъ нихъ осталось только человѣкъ пять, которые и предлагали намъ свои услуги; но жалкое положеніе нашихъ магазиновъ заставило насъ отвергнуть ихъ предложеніе.

«13-го августа. Охота въ эти дни была очень удачна; у насъ теперь большой запасъ буйволова мяса, которое мы хотимъ высушить по-индѣйски. Наши индѣйскіе посѣтители провели съ нами дня два и ушли въ ночь съ четверга на пятницу, не бывъ замѣченными нашими часовыми. Они ничего не украли у насъ, исключая двухъ одѣялъ, которыя они забыли намъ отдать.

«Воскресенье, 20-го августа. Истекшая недѣля была обильна приключеніями. Въ пятницу, при обыскиваніи ущелій, отдѣляющихъ насъ отъ Сіерры-Невады, нашли мы въ обломкѣ утеса нѣсколько золотыхъ кусочковъ значительной величины; это подало намъ мысль разработать оврагъ, и, дѣйствительно, мы скоро убѣдились, что золото здѣсь въ бо́льшемъ изобиліи и добывается съ меньшимъ трудомъ, потому-что золото, находясь въ слиткахъ, не требуетъ промыванія. Поэтому мы рѣшились перенести сюда всѣ наши ин-

струменты: [illegible] этого пріиска та, что онъ удаленъ [illegible]
го [illegible] на [illegible].

«Итакъ, вчера, отпустивъ на охоту, для продовольствія [illegible] Бродлея, Джексона, Макфейля и Вайта, и оставя Хозе и [illegible] раздить баракъ, отправились мы съ нашими инструментами [illegible] вому пріиску. Въ нѣсколько часовъ собрали мы золота боле [illegible] набрали его въ три дня, и уже хотѣли вернуться домой, [illegible] лингъ, услышавъ шорохъ, замѣтилъ ползущаго къ нему [illegible] который, видя, что его открыли, пустилъ стрѣлу и къ [illegible] слегка только ранилъ Довлинга въ лѣвое ухо. Съ досады [illegible] пустилъ ужасный крикъ и бросился бѣжать, стараясь вы[illegible] колчана другую стрѣлу, но оступился и упалъ; не успѣвъ [illegible] подняться, получилъ онъ отъ Довлинга мѣткій ударъ заст[illegible] головѣ, отъ котораго тотчасъ и умеръ.

«Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ въ сторонѣ нашег[illegible] ка; это еще увеличило наше смущеніе, мы схватились за ру[illegible] взошелъ на возвышеніе для рекогносцировки и увидѣлъ ск[illegible] на насъ во весь опоръ отрядъ индѣйцевъ. Видя, что перегов[illegible] поведутъ ни къ чему, мы спустились внизъ и ждали нападенія.

«Это былъ моментъ сильнаго ощущенія. Мы слышали [illegible] лошадей, несущихся на насъ, но не видѣли непріятеля. Сознаю[illegible] дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но не отъ одного страха, хотя [illegible] увѣренъ, что дикіе враги изрѣжутъ насъ въ куски; я полагаю, [illegible] внезапность опасности особенно встревожила меня и заставила би[illegible] ся мое сердце такъ сильно; но въ то самое время, когда я упрек[illegible] себя въ трусости, раздался ужасный крикъ, и передъ нами [illegible] лось человѣкъ 50 индѣйскихъ воиновъ. Нервы мои получили [illegible] бы электрическій толчекъ, и когда куча стрѣлъ насъ засыпа[illegible] первый мѣткимъ выстрѣломъ сшибъ передового индѣйца съ ло[illegible] ди. Пока я снова заряжалъ ружье, товарищи мои тоже подстрѣли[illegible] нѣсколькихъ дикихъ и вмѣстѣ со мною скрылись за ивами, котор[illegible] могли отражать пущенныя въ насъ стрѣлы. Второй залпъ скоро [illegible] слѣдовалъ за первымъ, и когда дымъ сталъ разсѣяваться, я ув[illegible] дѣлъ, что много жертвъ пало между индѣйцами, и что оставшіеся подбирали раненыхъ, желая отступить. Въ это время я прицѣлил[illegible] въ старика, соскочившаго съ лошади, и уже хотѣлъ спустить [illegible] рокъ, когда замѣтилъ, что старикъ прехладнокровно подошелъ [illegible] одному изъ раненыхъ, взвалилъ его на лошадь, вскочилъ самъ [illegible] нее и пустился во весь опоръ. Хотя я и былъ увѣренъ, что въ слу[illegible] чаѣ неудачи дикіе насъ не пощадили бы, я все-таки не имѣлъ ду[illegible] убить старца, увозившаго ранена о товарища, а можетъ быть и сы[illegible]

«Въ нѣсколько мгновеній поле сраженія было очищено, и толь- ри индѣйца, плававшіе въ крови, да пустые колчаны, перья, и томагауки, разбросанные по землѣ, свидѣтельствовали о на- битвѣ. Поодиночкѣ взобрались мы на возвышеніе, съ котораго крылъ приближеніе непріятеля, и видя, что онъ удаляется въ тивную сторону отъ нашего барака, мы рѣшились итти домой, дая найти тамъ Хозе и Стори зарѣзанными. Но, благодаря Бога, ошиблись въ предположеніи: индѣйцы не атаковали нашего жили- Стори выстрѣлилъ, чтобы насъ предувѣдомить, а Хозе прехра- залѣзъ въ воду по-горло и этимъ оригинальнымъ способомъ ылся отъ непріятеля.

«Перевязавъ легкую рану Довлинга и царапину на рукѣ дона и, мы стали безпокоиться объ участи нашихъ товарищей, съ утра едшихъ на охоту. Вечеромъ, видя, что они не возвращаются, мы лали нѣсколько выстрѣловъ, чтобы предъувѣдомить ихъ объ асности, которой они могли подвергнуться, и чтобы показать ин- йцамъ, что мы на-сторожѣ. Мы согласились не спать до возвра- нія охотниковъ, чтобы подать имъ помощь въ случаѣ опасности защищать себя, потому-что мы полагали, что индѣйцы бродятъ коло нашего лагеря и сдѣлаютъ нападеніе. Но утомленные трудомъ ощущеніями, мы уснули одинъ за другимъ.

«Ружейный выстрѣлъ и дикій крикъ разбудили насъ; вмигъ вскочили мы, взяли ружья и готовились дорого продать свою жизнь, но знакомый свистъ Бредлея скоро насъ разувѣрилъ. И дѣйствитель- но Бредлей съ Лакоссомъ и Вайтомъ возвратились съ охоты. «Здѣсь ли Макфайль?» спросили они насъ, осматривая нашъ бивуакъ. Мы его не видали, и на распросы наши, гдѣ онъ ихъ оставилъ и слыша- ли ли они ружейный выстрѣлъ, разбудившій насъ, Лакоссъ отвѣ- тилъ, что они потеряли Макфайля изъ виду съ часъ тому назадъ, но не безпокоились о томъ, полагая, что онъ скорѣе хотѣлъ добраться до дому, и хотя ночь и темна, но тропинку найти нетрудно; что́ же касается до ружейнаго выстрѣла, Бредлей объяснилъ намъ, что, раз- ставшись съ Макфайлемъ, замѣтили они, что ихъ преслѣдуетъ шай- ка волковъ, и боясь, чтобы вой ихъ не приманилъ на слѣдъ охотни- ковъ, еще опаснѣйшихъ звѣрей, онъ пустилъ въ нихъ нѣсколько пуль изъ пистолета и убилъ двухъ волковъ. Вѣроятно послѣдній вы- стрѣлъ и разбудилъ насъ, потому-что никто изъ насъ не слыхалъ болѣе одного выстрѣла.

«Охотники наши принялись готовить ужинъ, въ ожиданіи Мак- файля, но ужинъ былъ уже готовъ и съѣденъ, а Макфайль все еще не возвращался; прошелъ еще часъ, и насъ взяло раздумье: това-

рищъ нашъ пропадалъ уже три часа, а отдѣлившись отъ прочихъ охотниковъ, онъ былъ отъ лагеря на часъ ходьбы; очевидно было, что онъ или заблудился, или въ опасности. Мы рѣшились отправиться отыскивать его, оставя небольшой отрядъ для охраненія барака. Довлингъ и донъ Луи были оставлены за ранами, Бредлей по случаю сильнаго утомленія, а Биггсъ данъ былъ ему въ помощники.

«Мы выѣхали въ часъ по полуночи. Черезъ полчаса достигли мѣста, гдѣ потѣрялся Макфайль, и начали кричать вовсе горло; вой голодныхъ волковъ былъ намъ отвѣтомъ; мы поѣхали далѣе по тропѣ миль 8 или 10, но все не могли найти слѣдъ пропавшаго товарища. Вайтъ полагалъ, что Макфайль, ошибкою, могъ взять совершенно противоположное направленіе, и, по его совѣту, начали и мы по тропѣ удаляться отъ нашего лагеря, но не нашли никакого признака, могущаго навести насъ на истину; зоркій глазъ стараго охотника открылъ, правда, лошадиные слѣды свѣжѣе утреннихъ, но, къ несчастію, слѣды эти прекращались у мѣста нашей теперешней стоянки, и темнота ночи не позволяла разглядѣть ихъ дальнаго направленія.

«Видя, что поиски наши, до разсвѣта, безполезны, мы рѣшились подкрѣпить силы свои сномъ и, привязавъ лошадей, завернулись въ плащи и уснули, положивъ сѣдла подъ голову. Стори и молодой Горри стали на часы въ первую смѣну. Чрезъ нѣсколько времени проснулся я, чувствуя, что кто-то дергаетъ меня за ногу; я схватилъ ружье и съ просонокъ хотѣлъ уже выстрѣлить, но, къ счастью, скоро узналъ голосъ Стори, звавшаго меня. Онъ сообщилъ мнѣ, что увидѣлъ нѣсколько огней на близьлежащихъ горахъ и разбудилъ меня для совѣщанія. Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ-за деревьевъ, гдѣ мы расположились на ночь, и увидавъ дѣйствительно разложенные огни, полагалъ, что это бивуакъ индѣйцевъ, напавшихъ на насъ утромъ. Разбудивъ всѣхъ, мы, по общему совѣщанію, рѣшились напасть въ-расплохъ на индѣйцевъ, сдѣлать по нимъ нѣсколько выстрѣловъ и во время суматохи отнять нашихъ лошадей, украденныхъ по-утру. Осѣдлавъ лошадей, отправились мы въ экспедицію, принимая каждый шумъ и шелестъ листьевъ за движеніе индѣйскаго часового, открывшаго наше приближеніе. Такимъ образомъ подъѣхали мы довольно близко къ огнямъ, не бывъ примѣчены; тогда мы слѣзли съ лошадей и поручили ихъ охраненію молодого Горри, наказавъ ему быть внимательнымъ и крикнуть нѣсколько разъ въ случаѣ нашего отступленія, дабы мы скорѣе могли найти лошадей и спастись бѣгствомъ. Потомъ двинулись мы впередъ, имѣя Малькольма и Бредшс въ аванъ-гардѣ, шаговъ на двад-

цать впереди главнаго отряда, который состоялъ изъ Лакосса, Стори, Вайта, Хозе и меня, и расположенъ былъ полукругомъ, имѣя на оконечностяхъ Малькольма и Бредше. Планъ нашъ состоялъ въ томъ, чтобы итти прямо на индѣйцевъ, на самомъ близкомъ разстояніи сдѣлать общій залпъ и, пользуясь нечаянностію и безпорядкомъ, произведеннымъ залпомъ, угнать своихъ лошадей. Не доходя до огней шаговъ двухъсотъ, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ пронзительный крикъ; мы быстро двинулись впередъ и увидѣли раненнаго Бредше на рукахъ Малькольма; я бросился осмотрѣть рану, а товарищи наши, не спросивъ, откуда былъ пущенъ выстрѣлъ, бросились на бивуакъ и хотѣли уже стрѣлять, какъ были оставлены вопросомъ, сдѣланнымъ на англійскомъ языкѣ: «Чортъ бы васъ побралъ! кто идетъ?» Вопросъ этотъ предупредилъ страшную рѣзню. Удивленные товарищи наши остановились и не знали что́ начать; они полагали, что пуля, ранившая одного изъ насъ, была пущена изъ лагеря; но кто же были люди, кочевавшіе тутъ? Конечно не индѣйцы, потому-что они говорили по-англійски; вѣроятно они принадлежали къ какой-нибудь шайкѣ грабителей, состоящей изъ грязнаго осадка всѣхъ націй и кочующей въ ущеліи Сіерры-Навады.

«Въ это время я, перевязавъ рану Бредше, подошелъ къ нимъ и сообщилъ, что онъ самъ себя ранилъ, по неосторожности; я прибавилъ, что Бредше опасно раненъ въ ногу, что я въ ожиданіи лучшаго перевязалъ ему рану носовымъ платкомъ и пришелъ разсказать имъ это, чтобы остановить дальнѣйшее кровопролитіе. Не успѣлъ еще я кончить, какъ раздался крикъ Горри и за нимъ нѣсколько стоновъ, но какъ никто кромѣ меня ихъ не слыхалъ, то я и вообразилъ, что ошибся; товарищи мои полагали, что Горри, согласно приказу, сдѣлалъ условленный сигналъ, какъ вдругъ пронеслось мимо насъ нѣсколько лошадей и за ними человѣкъ шесть индѣйскихъ наѣздниковъ. Мы тотчасъ же догадались, что индѣйцы угнали нашихъ лошадей, перерѣзавъ имъ уздечки. Прицѣлясь въ воровъ, сдѣлали мы по два выстрѣла и пустились въ погоню за непріятелемъ; чрезъ нѣсколько минутъ отбили мы лошадей, индѣйцы же скрылись.

«Тогда поѣхали мы къ мѣсту, гдѣ оставили Горри; долго не могли мы его найти, и наконецъ... вообразите нашъ ужасъ, когда увидѣли его лежащаго безъ движенія, съ изуродованнымъ лицомъ; дикіе зарѣзали его и содрали съ черепа кожу. «Да, да, сказалъ старый Вайтъ:—волосы его привязаны къ поясу одного изъ этихъ разбойниковъ; но я отомщу имъ и пущу пулю въ перваго краснокожаго, котораго встрѣчу.»

«Прійдя немного въ себя послѣ этой ужасной сцены, отправился я съ Вайтомъ къ Малькольму и Бредше; послѣ того, что я видѣлъ, я уже не надѣялся и ихъ застать живыми, но къ счастію опасенія мои не оправдались; мы бережно перенесли раненаго и провели на этомъ мѣстѣ остатокъ ночи въ молчаніи и горѣ; у меня слезы навертывались безпрестанно. Грубый морякъ, дезертиръ, на котораго я бы въ другое время смотрѣлъ съ презрѣніемъ, и къ судьбѣ котораго, при другихъ обстоятельствахъ, остался бы очень равнодушенъ, въ пустынѣ возбуждалъ во мнѣ живѣйшее сожалѣніе своей участью. Наконецъ солнце взошло. Исправивъ, какъ умѣли, сбрую, отправились мы въ путь, завернули тѣло Горри въ одѣяло и положили его на лошадь, чтобъ отвезти домой и предать землѣ, по обряду англиканской церкви. Передъ походомъ осмотрѣлъ я рану плотника, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что пуля не тронула кости; онъ мучился, сидя на лошади, но не было другого средства доставить его въ лагерь. Подвигаясь медленно впередъ, смотрѣли мы на долину, бывшую театромъ нашихъ несчастій въ прошедшей ночи, и, къ удивленію нашему, увидѣли на высотахъ двѣ телѣжки эмигрантовъ и лошадей, пасущихся неподалеку. Двое изъ насъ поѣхали въ ту сторону, но не нашли тамъ ни живой души. Тогда объяснилась намъ загадка прошлой ночи: огни, которые мы приняли за индѣйскій лагерь, а потомъ за бивуакъ разбойниковъ, были разложены эмигрантами, перешедшими ущелія Сіерры-Невады и направлявшимися вѣроятно къ долинѣ Сакраменто; они конечно были сильно испуганы ночными приключеніями и, бросивъ свои телѣги, спрятались».

«Мы объѣздили окрестности, называя ихъ *друзьями*, *американцами*, но тщетно. Оставивъ ихъ, поѣхали мы догонять нашихъ спутниковъ и черезъ три часа прибыли въ лагерь, утѣшаясь напередъ удовольствіемъ увидѣть Макфайля; но и тутъ насъ ожидало разочарованіе: о немъ не было ни слуху, ни духу. Потомъ мы вырыли могилу для Горри, и когда Малькольмъ прочелъ установленныя церковью молитвы, засыпали тѣло и поставили столбъ, на которомъ вырѣзали имя покойнаго и число его смерти.»

« 27 августа. Прошлая недѣля была тяжкая и неприбыльна. Три дни мы употребили на усиленіе нашихъ оборонительныхъ средствъ; рубили сосны и на себѣ притягивали къ бараку. Но, не приступивъ еще къ этой работѣ, отправили Малькольма, Лакосса и Вайта отыскивать Макфайля; они вернулись въ тотъ же день (воскресенье) ночью, не найдя ничего. Больные мои поправляются; чистый воздухъ и діэта имъ гораздо полезнѣе моихъ познаній.»

«Въ понедѣльникъ совѣщались о томъ, не послать ли еще разъ нѣсколько человѣкъ на поиски пропавшаго, и, послѣ краткаго разсужденія, Вайтъ отправился одинъ, взявъ съ собою на три дня провизіи. Въ среду принялись мы снова за разработку золота, но не смѣли удаляться отъ барака; справедливость требуетъ однако сказать, что работа была прибыльна: болѣе четырехъ унцовъ приходилось ежедневно на каждаго. Въ среду же утромъ вернулся нашъ старый охотникъ: поиски его были столь же безполезны, какъ и предъидущіе.

«Въ четвергъ вечеромъ, при возвращеніи домой, послѣ дневной работы, имѣли мы счастіе увидѣть нашего друга Макфайля, котораго мы считали окончательно пропавшимъ. Онъ возвращался въ сопровожденіи нѣсколькихъ индѣйцевъ, одѣтыхъ въ новыя испанскія платья, купленныя, безъ сомнѣнія, на деньги, заработанныя на рудникахъ. Нечего и говорить о радости, съ какою былъ встрѣченъ нашъ другъ. За ужиномъ, въ честь его возвращенія, былъ поданъ пуншъ *au pisco*.

«Вотъ его исторія: полагая, что онъ обогналъ своихъ товарищей, онъ отправился къ ручью, чтобы напоить лошадь, и потомъ возвратился къ условному мѣсту ожидать ихъ. Но прошло полчаса, и не видя ихъ, онъ въ свою очередь сталъ думать, что отсталъ отъ нихъ, и пустилъ свою лошадь въ галопъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что заблудился; никакого слѣда лагеря, ни его товарищей. Онъ взбирался на нѣсколько горъ, надѣясь съ вершины ихъ увидѣть долину Бобровъ, но видѣлъ пустыню.

«Тогда разсудокъ его помрачился, и, въ довершеніе несчастія, при переправѣ чрезъ довольно глубокій ручей, по которому лошадь его пустилась вплавь, онъ уронилъ свое ружье въ воду и не могъ его найти.

«Онъ окончательно заблудился и начиналъ уже чувствовать усталость. Онъ рѣшился провести ночь подъ открытымъ небомъ и легъ не поужинавши, завернувшись въ свой плащь, положивъ подъ голову вмѣсто подушки сѣдло. Онъ проснулся на другой день утромъ и увидѣлъ новое несчастіе. Лошадь его, которую онъ привязалъ вечеромъ къ ближнему дереву, оборвала ночью поводья и ушла. Онъ пошелъ по ея слѣдамъ, но вскорѣ долженъ былъ отказаться сыскать ее. Въ продолженіи этого и слѣдующаго дня онъ блуждалъ по безплодной и дикой странѣ, испещренной оврагами и пропастями, по краямъ которыхъ принужденъ былъ обходить по цѣлымъ милямъ, прежде чѣмъ нашлась бы возможность перейти чрезъ нихъ. И совершенное отсутствіе пищи! Правда, онъ видѣлъ, какъ

проходили многочисленныя стада оленей, но у него не было ружья. Онъ тщетно искалъ какихъ-нибудь кореньевъ и былъ принужденъ жевать траву и молодые отростки деревьевъ.

«Мученія его были ужасны, и какъ время текло, не принося никакого улучшенія его участи, то у него сдѣлались страшныя судороги и тошнота.

«Онъ былъ такъ слабъ, что едва могъ держаться на ногахъ. Наконецъ на третій день, при закатѣ солнца, онъ упалъ на траву, въ безмолвномъ уныніи, которое, ему казалось, было началомъ предсмертныхъ мукъ. Въ такомъ-то состояніи нашли его тѣ индѣйцы, которые привели его въ лагерь. Они обошлись съ нимъ очень человѣколюбиво, сначала дали ему пищи очень мало, потому-что послѣ столь долгаго голоданья боль въ желудкѣ могла бы быть ему пагубна. Когда мало-по-малу желудокъ его окрѣпъ, то индѣйцы дали ему болѣе пищи, и, пробывъ съ ними эту и слѣдующую ночь, онъ почувствовалъ себя въ-силахъ возвратиться въ лагерь. Можно себѣ представить, какъ мы хорошо приняли этихъ добрыхъ индѣйцевъ, которые на слѣдующее утро насъ оставили.

«29 августа. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней вели мы жизнь довольно праздную. Тревожная жизнь сдѣлала насъ неспособными къ регулярнымъ занятіямъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, и ни разу не работали мы болѣе пяти часовъ въ день; ежедневная охота тоже уменьшаетъ число рабочихъ рукъ. Намъ уже надоѣло рыться въ землѣ, и если бъ не приближалось время постоянныхъ дождей, которые понудятъ насъ отправиться въ городъ, я бы сейчасъ съ радостью уѣхалъ. У насъ въ лагерѣ трое больныхъ, осужденныхъ къ бездѣйствію: Бредше, котораго рана хотя и заживаетъ, но долго еще не позволитъ заняться чѣмъ нибудь, потомъ Биггсъ и Довлингъ; сверхъ-того аптека моя уничтожается. Благодаря Бога, я совершенно здоровъ.»

«Наши съѣстные припасы истощаются, муки осталось очень мало, и мы ее бережемъ для больныхъ; охота поддерживаетъ наше существованіе; вчера наши охотники принесли только одну лань и нѣсколько зайцевъ; впрочемъ въ перепелкахъ недостатка нѣтъ. Лакоссъ и Вайтъ вызвались ѣхать въ укрѣпленіе Сутера для закупки необходимой провизіи; кажется они завтра уже отправляются.

«1 сентября. Мы разсуждали, благоразумно ли съ нашей стороны, что мы хранимъ при себѣ все наше золото; оно можетъ привлечь индѣйцевъ, которые конечно насъ не пощадятъ. Между племенами разнесся слухъ, что, имѣя жолтую землю, которая съ жадностью собирается блѣднолицыми, можно купить пуговицы, ткани,

ружья, порохъ, пули и водку, къ которой индѣйцы, къ сожалѣнію, слишкомъ пристрастны. Одни изъ насъ полагаютъ, что лучше оставить все золото при себѣ и бдительно за нимъ смотрѣть до отправленія нашего въ Санъ-Франциско; Бредлей же и донъ Луи противнаго мнѣнія и вызываются отвезти золото хоть и въ Монтерей, чтобы отдать его, отъ имени всѣхъ насъ, какому-нибудь негоціянту на сохраненіе. Мнѣ не нравится эта услужливость: сумма довольно значительна и можетъ искусить многихъ исчезнуть съ ней. Сегодня мы на половинной порціи, потому-что провизія истощается.

«2 сентября. Товарищи мои согласились съ мнѣніемъ Бредлея. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что большое количество золота будетъ подвергать насъ опасности еще въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ. Жаль, что мы не догадались отправить его къ капитану Сутеру черезъ Лакосса и Вайта.

«Воскресенье, 3 сентября. Бредлей возобновилъ свое предложеніе и требовалъ, чтобъ его отпустили завтра съ дономъ Луи и Хозе. Стори замѣтилъ, что не мѣшало бы намъ проводить ихъ до долины Сакраменто, но, къ удивленію нашему, Бредлей и донъ Луи отказались отъ этого, находя эту предосторожность лишнею.

«Вчера вечеромъ выбралъ я удобное время, чтобы отдѣльно поговорить съ Малькольмомъ и Макфайлемъ о предложеніи Бредлея, и тутъ только вспомнили мы, что никто изъ насъ не видалъ росписки капитана Сутера въ полученіи имъ отъ Бредлея нашего вклада. Вслѣдствіе этого, сегодня за завтракомъ, Малькольмъ прямо спросилъ Бредлея, выдалъ ли ему капитанъ росписку. «Да», отвѣтилъ Бредлей, но тутъ же, къ изумленію нашему, прибавилъ, что онъ ее нечаянно сжегъ: на возвратномъ пути къ *Weber's Creek'y* закурилъ онъ сигару бумажкою, въ которой потомъ узналъ росписку. Онъ говорилъ, что тогда же разсказалъ объ этомъ дону Луи. Малькольмъ, Макфайль и я значительно переглянулись, но должны были повѣрить этому разсказу до полученія ясныхъ уликъ. Зато мы рѣшились отвергнуть новое предложеніе Бредлея, ежели никто изъ насъ троихъ не будетъ назначенъ въ конвой.

«Послѣ обѣда я завелъ рѣчь о предметѣ, занимавшемъ насъ всѣхъ, и сказалъ, что если предложеніе Бредлея будетъ принято, то Малькольмъ желалъ бы участвовать въ экспедиціи; предлогомъ къ отправленію выставилъ я порученіе мое Малькольму купить медикаментовъ, которыхъ у меня осталось очень мало,—предлогъ, правда, довольно глупый, потому-что и Бредлей и донъ Луи могли бы исполнить мое порученіе. Къ счастію, Малькольмъ вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ, что у него есть дѣла въ Санъ-Франциско, и

что ему надо было видѣться съ капитаномъ корабля, отправлявшагося въ Орегонъ, гдѣ было оставлено имъ, Малькольмомъ, семейство. Бредлей переглянулся съ дономъ Луи и сталъ увѣрять, что въ это время года корабли изъ Санъ-Франциско не отходятъ, но Биггсъ, знавшій болѣе насъ по этой части, сказалъ, что это неправда. Тогда начался жаркій споръ, который прекратился только тѣмъ, что Стори и Макфайль сказали, что если Малькольма дѣла зовутъ въ Санъ Франциско, почему бы ему не ѣхать съ Бредлеемъ. На это нечего было возражать, и мы рѣшили, что они поѣдутъ 5, во вторникъ; Хозе останется съ нами.

«Работа истекшей недѣли была прибыльна, особенно принявъ въ соображеніе, что двухъ не доставало, а трое были больны. Небо было сегодня облачно, но дожди не начнутся ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ.

«5 сентября. — Сегодня утромъ отправился нашъ транспортъ въ городъ. Мы встали до свѣту и позавтракавъ выѣхали. По моему наущенію, Малькольму дали лучшую лошадь и поручили большую часть золота, Бредлей же и донъ Луи взяли сколько могли помѣстить въ чушки. Мы разочли, что, навьючивъ золотомъ особую лошадь, мы затруднили бы путниковъ. Бредлей и донъ Луи взяли по 18 фунтовъ золота, а Малькольмъ около 70 фунтовъ. Чтобы сберечь лошадь послѣдняго, мы, составлявшіе конвой, провезли 15 фунтовъ нѣсколько миль. Такъ-какъ конвой долженъ былъ вернуться къ ночи въ лагерь, то мы рѣшились ѣхать съ транспортомъ только до полудня. Первое время дорога шла открытыми мѣстами, потомъ переѣхали мы нѣсколько каменистыхъ холмовъ и спустились въ долину подъ тѣнь великолѣпныхъ кедровъ. Въ полдень остановились мы на берегу ручейка подъ тѣнью ивъ. Послѣ обѣда разговоръ нашъ прерванъ былъ упавшими на насъ съ верху камешками; мы поднялись, полагая, что это медвѣдь пришелъ насъ караулить, и Бредлей съ Малькольмомъ направились въ ту сторону, надѣясь отъискать безпокойнаго посѣтителя, но онъ былъ проворнѣе ихъ, и, взобравшись на утесъ, услышали они уже на дальнемъ разстояніи шумъ отъ бѣжавшаго врага, скрывшагося за туманомъ. Имѣя въ виду дальнюю дорогу, они бросили преслѣдованіе и стали спускаться къ намъ; тутъ Бредлей замѣтилъ слѣдъ, а дальше и еще нѣсколько свѣжихъ, но не медвѣжьихъ, а человѣческихъ; вѣроятно какой-нибудь индѣйскій мародёръ думалъ застигнуть насъ врасплохъ. Бредлей и Малькольмъ сообщили намъ свое замѣчаніе, но мы сочли лишнимъ провожать ихъ далѣе, потому-что они были только на нѣсколько часовъ ѣзды отъ лагерей, расположенныхъ на Сакраменто; мы полагали, что индѣйцы не осмѣлятся напасть на нихъ въ этихъ мѣстахъ.

Но когда пришло время разставанія, мы не рѣшались оставить ихъ одних'ь и проѣхали съ ними еще нѣсколько миль; наконецъ, пожавъ имъ руки и пожелавъ благополучнаго пути, мы поворотили лошадей и поѣхали назадъ въ лагерь.

«На возвратномъ пути мы удвоили бдительность, проѣзжая долину, гдѣ завтракали поутру, и черезъ нѣсколько часовъ были уже дома, поздравляя себя съ благополучною поѣздкою. Вечеръ мы провели очень весело, и выпили по двойной порціи водки за успѣхъ экспедиціи и скорое возвращеніе нашихъ друзей.»

Тутъ дневникъ прерывается на нѣсколько времени, потому-что важность событій не дозволила автору продолжать акуратно свой разсказъ.

«Нѣсколько недѣль не имѣлъ я свободнаго времени, чтобы продолжать свой дневникъ.

«Вечеромъ 5 числа, когда товарищи мои бесѣдовали, а я писалъ, услыхали мы знакомый свистъ.

— Это Бредлей! воскликнулъ я.

«Но другіе, принявъ это за военную хитрость, схватили ружья; повторенный свистъ однако и ихъ разувѣрилъ, и вслѣдъ за тѣмъ подскакали къ намъ Бредлей и донъ Луи; Малькольма съ ними не было.

— Друзья, сказалъ первый: — я долженъ вамъ объявить пренепріятную новость: почти все наше золото пропало.

— Какимъ образомъ могло оно пропасть? возразилъ я, подозрѣвая измѣну со стороны Бредлея и Малькольма: — я этому не вѣрю и никогда не повѣрю.

«Бредлей бросилъ на меня разъяренный взглядъ, но промолчалъ.

— Гдѣ же Малькольмъ? спросилъ я.

— Умеръ, я, по-крайней-мѣрѣ, такъ полагаю.

— Боже великій! воскликнулъ я, и внутренно прибавилъ: — значитъ вы его убили.

«Бредлей окинулъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ, и какъ я слѣдилъ за всѣми его движеніями, то и увидалъ, что на всѣхъ лицахъ написаны были отчаяніе и злоба; онъ тоже замѣтилъ это и во-весь вечеръ не сказалъ болѣе ни слова. Донъ Луи далъ намъ слѣдующее объясненіе:

«Онъ разсказалъ, что, разставшись съ нами, поѣхали они полною рысью, чтобъ скорѣе выѣхать на болѣе безопасную дорогу. По многимъ признакамъ, предполагали они, что индѣйскіе мародёры броди-

что ему надо было видѣться съ капитаномъ корабля, отправлявшагося въ Орегонъ, гдѣ было оставлено имъ, Малькольмомъ, семейство. Бредлей переглянулся съ дономъ Луи и сталъ увѣрять, что въ это время года корабли изъ Санъ-Франциско не отходятъ, но Биггсъ, знавшій болѣе насъ по этой части, сказалъ, что это неправда. Тогда начался жаркій споръ, который прекратился только тѣмъ, что Стори и Макфайль сказали, что если Малькольма дѣла зовутъ въ Санъ Франциско, почему бы ему не ѣхать съ Бредлеемъ. На это нечего было возражать, и мы рѣшили, что они поѣдутъ 5, во вторникъ; Хозе останется съ нами.

«Работа истекшей недѣли была прибыльна, особенно принявъ въ соображеніе, что двухъ не доставало, а трое были больны. Небо было сегодня облачно, но дожди не начнутся ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ.

«5 сентября. — Сегодня утромъ отправился нашъ транспортъ въ городъ. Мы встали до свѣту и позавтракавъ выѣхали. По моему наущенію, Малькольму дали лучшую лошадь и поручили бо́льшую часть золота, Бредлей же и донъ Луи взяли сколько могли помѣстить въ чушки. Мы разочли, что, навьючивъ золотомъ особую лошадь, мы затруднили бы путниковъ. Бредлей и донъ Луи взяли по 18 фунтовъ золота, а Малькольмъ около 70 фунтовъ. Чтобы сберечь лошадь послѣдняго, мы, составлявшіе конвой, провезли 15 фунтовъ нѣсколько миль. Такъ-какъ конвой долженъ былъ вернуться къ ночи въ лагерь, то мы рѣшились ѣхать съ транспортомъ только до полудня. Первое время дорога шла открытыми мѣстами, потомъ переѣхали мы нѣсколько каменистыхъ холмовъ и спустились въ долину подъ тѣнь великолѣпныхъ кедровъ. Въ полдень остановились мы на берегу ручейка подъ тѣнью ивъ. Послѣ обѣда разговоръ нашъ прерванъ былъ упавшими на насъ съ верху камешками; мы поднялись, полагая, что это медвѣдь пришелъ насъ караулить, и Бредлей съ Малькольмомъ направились въ ту сторону, надѣясь отъискать безпокойнаго посѣтителя, но онъ былъ проворнѣе ихъ, и, взобравшись на утесъ, услышали они уже на дальнемъ разстояніи шумъ отъ бѣжавшаго врага, скрывшагося за туманомъ. Имѣя въ виду дальнюю дорогу, они бросили преслѣдованіе и стали спускаться къ намъ; тутъ Бредлей замѣтилъ слѣдъ, а дальше и еще нѣсколько свѣжихъ, но не медвѣжьихъ, а человѣческихъ; вѣроятно какой-нибудь индійскій мародёръ думалъ застигнуть насъ врасплохъ. Бредлей и Малькольмъ сообщили намъ свое замѣчаніе, но мы сочли лишнимъ провожать ихъ далѣе, потому-что они были только на нѣсколько часовъ ѣзды отъ лагерей, расположенныхъ на Сакраменто; мы полагали, что индѣйцы не осмѣлятся напасть на нихъ въ этихъ мѣстахъ.

Но когда пришло время разставанія, мы не рѣшались оставить ихъ однихъ и проѣхали съ ними еще нѣсколько миль; наконецъ, пожавъ имъ руки и пожелавъ благополучнаго пути, мы поворотили лошадей и поѣхали назадъ въ лагерь.

«На возвратномъ пути мы удвоили бдительность, проѣзжая долину, гдѣ завтракали поутру, и черезъ нѣсколько часовъ были уже дома, поздравляя себя съ благополучною поѣздкою. Вечеръ мы провели очень весело, и выпили по двойной порціи водки за успѣхъ экспедиціи и скорое возвращеніе нашихъ друзей.»

Тутъ дневникъ прерывается на нѣсколько времени, потомучто важность событій не дозволила автору продолжать акуратно свой разсказъ.

«Нѣсколько недѣль не имѣлъ я свободнаго времени, чтобы продолжать свой дневникъ.

«Вечеромъ 5 числа, когда товарищи мои бесѣдовали, а я писалъ, услыхали мы знакомый свистъ.

— Это Бредлей! воскликнулъ я.

«Но другіе, принявъ это за военную хитрость, схватили ружья; повторенный свистъ однако и ихъ разувѣрилъ, и вслѣдъ за тѣмъ подскакали къ намъ Бредлей и донъ Луи; Малькольма съ ними не было.

— Друзья, сказалъ первый: — я долженъ вамъ объявить пренепріятную новость: почти все наше золото пропало.

— Какимъ образомъ могло оно пропасть? возразилъ я, подозрѣвая измѣну со стороны Бредлея и Малькольма: — я этому не вѣрю и никогда не повѣрю.

«Бредлей бросилъ на меня разъяренный взглядъ, но промолчалъ.

— Гдѣ же Малькольмъ? спросилъ я.

— Умеръ, я, по-крайней-мѣрѣ, такъ полагаю.

— Боже великій! воскликнулъ я, и внутренно прибавилъ: — значитъ вы его убили.

«Бредлей окинулъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ, и какъ я слѣдилъ за всѣми его движеніями, то и увидалъ, что на всѣхъ лицахъ написаны были отчаяніе и злоба; онъ тоже замѣтилъ это и вовесь вечеръ не сказалъ болѣе ни слова. Донъ Луи далъ намъ слѣдующее объясненіе:

«Онъ разсказалъ, что, разставшись съ нами, поѣхали они полною рысью, чтобъ скорѣе выѣхать на болѣе безопасную дорогу. По многимъ признакамъ, предполагали они, что индѣйскіе мародёры броди-

ли около нихъ, и какъ дорога ихъ проходила черезъ ущелія и овраги, мѣста очень удобныя для воровъ, то они и хотѣли скорѣе добраться до открытой равнины. Наконецъ доѣхали они до небольшого хребта горъ, который, по ихъ мнѣнію, отдѣлялъ ихъ отъ Сакраменто; съ лѣвой стороны былъ лѣсокъ; донъ Луи ѣхалъ немного впереди и обернувшись къ Бредлею и Малькольму, чтобы заговорить съ ними, увидѣлъ выѣхавшаго изъ лѣса всадника, и вслѣдъ за тѣмъ другого, повидимому индѣйца; прежде чѣмъ донъ Луи успѣлъ сообщить это своимъ спутникамъ, одинъ изъ всадниковъ бросилъ свой арканъ и обвилъ имъ, съ удивительною мѣткостію, голову и плечи Малькольма. Донъ Луи соскочилъ съ лошади и выстрѣлилъ во индѣйцу въ самый тотъ моментъ, когда тотъ хотѣлъ отскакать; пуля ударила лошадь въ голову, и въ одинъ мигъ и всадникъ и лошадь пали наземь; Малькольмъ, увлеченный движеніемъ аркана, тоже слетѣлъ. Бредлей, замѣтившій опасность по свисту аркана, соскочилъ съ лошади и, укрывшись за нее, подобно дону Луи, выстрѣлилъ по непріятелямъ. Пуля его, мѣтко пущенная, сшибла одного изъ нихъ. Товарищи наши, не теряя времени, укрылись съ лошадьми за утесы, доставившіе имъ защиту отъ непріятельскихъ ударовъ, и увидѣли еще скачущихъ на нихъ четырехъ всадниковъ. Донъ Луи и Бредлей, привыкшіе къ подобнаго рода приключеніямъ, легли наземь и зарядили ружья. Донъ Луи выстрѣлилъ первый и безуспѣшно, имъ отвѣтили четырьмя пулями, просвиставшими надъ головами ихъ; потомъ выстрѣлилъ и Бредлей. «Можно было подумать — говорилъ донъ Луи: — что пуля разлетѣлась на четыре части и ранила всѣхъ всадниковъ, потому-что они съ быстротою молніи повернули назадъ и ускакали, угнавъ съ собою лошадь Малькольма.

«Оставшись побѣдителями, друзья наши покинули свою засаду и принялись отъискивать Малькольма, котораго и нашли скоро, валявшагося на землѣ со скрученными руками и головою, но онъ дышалъ еще, хотя и былъ сильно изувѣченъ лошадьми разбойниковъ. Бредлей перерѣзалъ арканъ охотничьимъ ножомъ и съ дономъ Луи приподнялъ Малькольма, но онъ не только не могъ держаться на ногахъ, но и не очнулся. Въ это время крикъ нѣсколькихъ голосовъ привелъ ихъ въ новое безпокойство; по направленію отъ Сакраменто скакалъ къ нимъ отрядъ всадниковъ. Они ожидали смерти, но, къ полному удовольствію, узнали, что это золотопромышленники, которые, услыхавъ ружейные выстрѣлы, пріѣхали ихъ выручать. Этой-то неожиданной помощи донъ Луи приписывалъ быстрое бѣгство разбойниковъ. Они нашли лошадь индѣйца съ привязаннымъ къ сѣдлу арканомъ, всадника же не могли отъискать, хотя донъ Луи и видѣлъ, что при паденіи онъ попалъ подъ лошадь и слѣдственно былъ

въ бѣдственномъ положеніи. Тѣло разбойника, убитаго Бредлеемъ, валялось тутъ же; нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ узнали въ немъ калифорнскаго солдата, по имени Томасъ Марія Карилло, бѣжавшаго изъ арміи и приставшаго къ шайкѣ мародёровъ, которые обирали купцовъ и золотопромышленниковъ. Шайка эта приблизилась теперь къ рудникамъ; и судя, по разсказамъ о ихъ грабежахъ, экспедиція ихъ была чрезвычайно прибыльна.

«Первымъ дѣломъ нашимъ — продолжалъ донъ Луи — было позаботиться о несчастномъ Малькольмѣ, а потомъ о преслѣдованіи мошенниковъ, но, попросивъ помощи у вновь прибывшихъ, мы получили рѣшительный отказъ. Любопытство ихъ было удовлетворено, и они поворотили лошадей, оставивъ насъ съ умирающимъ и не обращая вниманія на наши просьбы. Они должны были снова приняться за работу, а мы могли назваться счастливцами, что ихъ прибытіе спасло нашу жизнь. Это былъ ихъ отвѣтъ. Люди эти такъ жадны къ золоту, что не могли удѣлить минуты времени на доброе дѣло. Наконецъ — прибавилъ донъ Луи — когда я обѣщалъ заплатить имъ, сколько они потребуютъ, двое изъ нихъ обѣщались прійти черезъ часъ съ носилками, чтобы перенести Малькольма.

«Носилки, которыя они дѣйствительно принесли, связаны были изъ вѣтвей и одѣялъ. Мы положили на нихъ Малькольма и перенесли его въ хижину бѣдной, но хорошей туземной женщины, которая обѣщалась ходить за нимъ, пока мы вернемся отъ васъ съ помощью.»

«На разспросы мои донъ Луи отвѣчалъ, что вѣроятно у Малькольма нѣтъ переломовъ, но что онъ сильно контуженъ и раненъ въ мягкія части. Темнота ночи не позволила мнѣ тотчасъ же отправиться къ нему, и я, по неволѣ, отложилъ визитацію до утра.

«Во время разсказа дона Луи я ни разу не вспомнилъ о золотѣ: такъ занятъ я былъ несчастьемъ Малькольма; но другіе думали иначе, и на дона Луи посыпались горькіе и даже дерзкіе вопросы о потерѣ золота. Онъ отвѣтилъ, что какъ намъ всѣмъ извѣстно, бóльшая часть нашего сокровища была привязана къ сѣдлу Малькольма, и что угнавъ лошадь, разбойники отняли и золото. «Мы этимъ обязаны доктору», проворчалъ Бредлей, и хотя я не совершенно соглашался съ нимъ, но не могъ не упрекнуть себя въ недовѣрчивости къ нему, которая и была причиною принятой нами мѣры при перевозкѣ золота, а можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и причиною смерти Малькольма. Тогда вспомнилъ я невольно о женѣ и дѣтяхъ его, оставшихся въ Орегонѣ, которыхъ онъ надѣялся обогатить и которые теперь тщетно будутъ ждать его возвращенія. Ночь провели мы во-

кругъ огня, или молча съ отчаянія, или осыпая ругатель[ствами] судьбу: и первые лучи солнца освѣтили раздраженныя и отчая[нныя] лица.

«Утромъ 6 числа пошелъ я, послѣ завтрака, сѣдлать лошадь, и [въ] это время узналъ отъ дона Луи, что большинство требуетъ дѣл[ежа] оставшагося золота и распущенія компаніи, оставя на произво[лъ] каждаго возвратиться назадъ или продолжать поиски. Я ничего [не] имѣлъ сказать противъ этого. Золото взвѣсили и раздѣлили. Бр[ед]лей взялся доставить Джкоссу его долю, а меня попросили от[дать] Малькольму слѣдующую ему часть. Всего было у насъ 42 фунт[а зо]лота: каждому изъ насъ досталось по 4 фунта и 2 унца, т. е. 700 [дол]ларовъ (3.710 фр.). Если прибавить къ этому мою долю въ 600 [д.] изъ вклада нашего капитану Сутеру и слѣдовавшія мнѣ деньги [за] продажу кредей и за работу до присоединенія къ намъ Джон[а] Биггса, я имѣлъ болѣе 1.500 долларовъ (болѣе 7.950 фр.).

«Почти все утро прошло въ спорахъ о дѣлежѣ золота: я не [при]нималъ въ нихъ никакого участія и взялъ что мнѣ дали, потом[ъ от]велъ Макфайля въ сторону и спросилъ его, что намѣренъ онъ пр[ед]принять: онъ полагалъ, въ случаѣ согласія остальныхъ товарищ[ей], пуститься въ погоню за мошенниками, обокравшими насъ; я жалѣ[лъ] очень объ отсутствіи Вайта, съ помощію котораго мы бы навѣр[но] ихъ накрыли. Не зная дороги къ убѣжищу Малькольма, потерял[ъ] много времени, упрашивая бывшихъ товарищей своихъ провод[ить] меня туда: наконецъ донъ Луи, Хозе, Бредлей и Макфайль пошли со мною. Биггсъ остался на нѣсколько дней въ лагерѣ. Бредле[й] Довлингъ, по слабости, не могли еще отправиться въ путь, и Смит[ъ] остался ждать ихъ выздоровленія. Мнѣ жаль было видѣть этихъ [че]тырехъ людей, изъ которыхъ только двое могли обороняться [въ] случаѣ нападенія: но они повидимому не предполагали опасност[и], да еслибъ и вздумали убѣждать насъ остаться, то вѣрно потеряли [бы] даромъ время и труды. Вотъ до какого эгоизма мы дожили!

«Въ часъ по полудни мы были готовы къ отправленію. Съ собо[ю] взяли мы двухъ вьючныхъ лошадей для палатокъ и кухонной по[су]ды. Бредлей и донъ Луи ѣхали впереди, Хозе съ вьючными лошад[ь]ми въ центрѣ, а Макфайль и я въ арріергардѣ. Отъѣхавъ мили че[]тыре, замѣтили мы ѣдущихъ намъ на встрѣчу Джкосса и Вайта. И тутъ неблагопріятный отвѣтъ на разспросы — отчего они такъ дол[го] пробыли въ крѣпостцѣ Сутера и не привезли съ собою съѣстн[ыхъ] припасовъ.

«Джкоссъ разсказалъ намъ, что они благополучно прибыли [въ] городъ Сутера на другой день послѣ отъѣзда своего и переночева[ли]

тамъ; мукá поднялась тамъ въ цѣнѣ до 85 долларовъ за боченокъ и всѣ припасы вздорожали въ той же степени; несмотря на это, они купили мукѝ и въ тотъ же день отправились къ намъ. Ночь провели они бивуакомъ на берегахъ Сакраменто, при сліяніи ея съ рѣкою Перьевъ. На другой день проѣхали они 25 миль и расположились близь небольшого лагеря золотопромышленниковъ; на слѣдующій день остановились они на ночь близь многолюднаго лагеря, и полагая себя въ безопасности, спокойно заснули, но утромъ не нашли ни вьючныхъ лошадей, ни припасовъ; слѣды около нихъ были такъ многочисленны, что нельзя было дознаться истины.

«Собирая свѣдѣнія по палаткамъ, были они вездѣ небрежно выслушиваемы; никто не зналъ ничего объ ихъ лошадяхъ, а одинъ американецъ, огромнаго роста и жилистаго сложенія, грозилъ имъ ружьемъ, если они не выйдутъ изъ шалаша, въ которомъ онъ укрывался. Лакоссъ отвѣтомъ своимъ на эту дерзкую выходку привлекъ нѣсколько человѣкъ, которые и объяснили ему, что американецъ этотъ, со времени переселенія своего, убилъ уже двухъ человѣкъ и былъ страшилищемъ всего лагеря. Тогда они уѣхали, бросивъ розыски, и на ночь расположились подалѣе отъ *братства* золотопромышленниковъ.

«Мы, въ свою очередь, разсказали имъ про наше несчастье. Лакоссъ пришелъ въ отчаяніе и рѣшился отправиться въ нашъ баракъ за своими вещами, чтобы потомъ присоединиться къ намъ въ крѣпости Сутера и принять мѣры къ отъисканію воровъ и отнятаго ими золота. Вайтъ вызвался быть его проводникомъ.

«Проведя весьма холодную ночь подъ открытымъ небомъ, мы прибыли только на слѣдующее утро къ бѣдному Малькольму. Къ счастью, онъ уже немного оправился, могъ стоять на ногахъ и чувствовалъ хорошій апетитъ. Тѣло его болѣло отъ ушибовъ, а на ногѣ была легкая рана. Наканунѣ у него сильно болѣла голова, но крѣпкій сонъ разогналъ эту боль. Пособивъ ему, по крайнему моему разумѣнію, передалъ я его на руки женщинѣ, которая очень усердно за нимъ смотрѣла.

Съ разсвѣтомъ я его опять навѣстилъ, и, дождавшись его пробужденія, увидѣлъ, что сонъ подкрѣпилъ его силы. Донъ Луи, Бредлей, Макфайль и Хозе поѣхали въ полдень, направляясь къ крѣпостцѣ Сутера; я обѣщалъ присоединиться къ нимъ, когда Малькольму не будетъ нужна моя помощь. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною у больного, посѣщалъ я въ свободное время золотопромышленниковъ, но не принималъ никакого участія въ работахъ.

Двѣ трети народонаселенія были одержимы лихорадками, а остальные о нихъ ни мало не пеклись. Умирающихъ было много, и ихъ даже не хоронили, и они доставались на добычу голодныхъ волковъ.

Здоровье Малькольма улучшалось значительно, и я сдалъ его в руки его хозяевамъ; они были калифорнцы и добротою рѣзко отличались отъ эгоизма окружавшихъ ихъ людей.

«Я ѣхалъ, малыми переходами, по берегу Сакраменто, заѣзжалъ на бивуаки золотопромышленниковъ, вездѣ встрѣчалъ много больныхъ и вездѣ слышалъ, что не было безопасности ни для кого и ни для чего. Мнѣ разсказывали, что всякаго, кто успѣвалъ набрать значительное количество золота, преслѣдовали и, выбравъ удобный случай, стирали съ лица земли; открытыхъ убійствъ было немного, но число безъ вѣсти пропавшихъ людей было значительно. Нѣсколько тѣлъ плавало по рѣкѣ: это ясно доказывало преступленіе, потому что уже дознано, что бѣднѣйшіе изъ золотопромышленниковъ успѣвали собирать и носили всегда при себѣ количество золота, достаточное погрузить ихъ въ рѣку до дна. Сверхъ того жизненные припасы вздорожали чрезвычайно, платье тоже, такъ-что большая часть золотопромышленниковъ ходила въ грязныхъ лохмотьяхъ; водку продавали по 1 доллару за каплю; я видѣлъ толпу несчастныхъ оборванцевъ, страдавшихъ перемѣжающеюся лихорадкою, которые пили водку по этой цѣнѣ; каждая капля приближала ихъ къ смерти.

«Мнѣ показывали американца, который такъ грубо обошелся съ Лакоссомъ. Увѣряли, будто онъ собралъ золота на 16,000 долларовъ (болѣе 84,000 фр.) и всѣхъ подходившихъ къ нему принималъ за грабителей. Люди, которыхъ онъ убилъ, вѣроятно за воровство, были: бѣглый солдатъ изъ Монтерея и мошенникъ, принадлежавшій къ шайкѣ, которая насъ обобрала.

«По прибытіи въ укрѣпленіе Сутера, нашелъ я тамъ Лакосса. Капитанъ сказалъ мнѣ, что атаманъ шайки, ограбившей насъ, появился на берегу, дней десять тому назадъ; его звали Андреасъ Арижо. Мы съ Лакоссомъ тотчасъ же отправились догонять друзей нашихъ дона Луи, Бредлея, Макфайля и Хозе, поѣхавшихъ преслѣдовать разбойниковъ, и присоединились къ нимъ въ Санъ-Франциско. На дорогѣ мы безпрестанно получали свѣдѣнія объ Андреасѣ, потому-что *el capitan*, какъ его называли, вездѣ, гдѣ проходилъ, оставилъ неизгладимые слѣды.

«Пріѣхавъ въ Франциско, друзья наши освѣдомились, не отправился ли на-дняхъ какой-нибудь корабль въ море, но, къ удовольствію, узнали, что въ бухтѣ ни одно судно не могло тронуться съ мѣста за неимѣніемъ людей; сверхъ того имъ сказали, что Андреасъ

съ шайкой искали случая переѣхать въ какую-нибудь гавань въ Мексику и даже предлагали за провозъ капитану корабля 1,000 долларовъ, съ условіемъ замѣнить матросовъ для проѣзда. Но капитанъ не принялъ этого предложенія.

«Тогда Бредлей и Комп. хотѣли обратиться къ первому алькаду съ просьбою арестовать мошенниковъ, скрывавшихся вѣроятно неподалеку, но ни его, ни второго алькада не было въ городѣ; оба они отправились въ *Gold-District*. Однимъ словомъ, въ Санъ-Франциско не было ни одного полицейскаго офицера, и друзья наши рѣшились ѣхать въ Монтерей, предполагая, что Андреасъ тамъ выжидаетъ случая сѣсть на корабль.

«Мы съ Лакоссомъ присоединились къ нимъ и не медля пустились въ путь. Пріѣхавъ въ Монтерей, узнали мы, что Андреасъ съ шайкой показался-было въ городѣ, и что одинъ изъ его подчиненныхъ былъ арестованъ, какъ бѣглецъ изъ гарнизона. Донъ Луи пошелъ со мною къ полковнику Мазону; мы объяснили ему наше горе и получили отъ него приказъ о пропускѣ насъ въ темницу къ бѣглому солдату. Обѣщавъ ему не преслѣдовать его за участіе, принятое имъ въ воровствѣ, дознали мы отъ него всѣ обстоятельства грабежа, и сверхъ того онъ намъ сказалъ, что Андреасъ съ двумя человѣками отправились съ нашимъ золотомъ съ караваномъ, который ежегодно проходитъ изъ Санта-Фе въ Калифорнію для покупки лошадей.

«Возвратясь и сообщивъ это нашимъ товарищамъ, рѣшились мы на другой же день ѣхать для преслѣдованія воровъ. Мы сказали объ этомъ полковнику Мазону, который одобрилъ наше намѣреніе и сказалъ, что съ удовольствіемъ далъ бы намъ конвой, но что, къ несчастью, онъ увѣренъ, что, выйдя за городъ, солдаты разбѣгутся.

«Итакъ, мы отправились и, послѣ четырехъ-дневнаго упорнаго преслѣдованія, измучивъ лошадей, узнали, что мошенники ѣдутъ впередъ насъ на сорокъ миль. Безъ лошадей, безъ проводника, среди пустыни, опасаясь набѣга индѣйцевъ, мы рѣшились возвратиться въ Монтерей и окончательно бросить искъ.

«Пріѣхавъ въ городъ, остановились мы въ плохой гостинницѣ, лучшей впрочемъ во всемъ городѣ, и на слѣдующее утро раздѣлили золото, находившееся на сохраненіи у капитана Сутера; вечеромъ былъ у насъ прощальный ужинъ, оживленный самою грустною веселостью, а тамъ, пожавъ другъ другу руки, окончательно разстались.

«Донъ Луи поѣхалъ въ свою хорошенькую виллу, Бредлей въ Санъ-Франциско; куда дѣлись другіе, я не знаю; довольно того, что на другое утро я оставался одинъ въ городѣ.

ли около нихъ, и какъ дорога ихъ проходила черезъ ущелія и овраги, мѣста очень удобныя для воровъ, то они и хотѣли скорѣе добраться до открытой равнины. Наконецъ доѣхали они до небольшого хребта горъ, который, по ихъ мнѣнію, отдѣлялъ ихъ отъ Сакраменто; съ лѣвой стороны былъ лѣсокъ; донъ Луи ѣхалъ немного впереди и обернувшись къ Бредлею и Малькольму, чтобы заговорить съ ними, увидѣлъ выѣхавшаго изъ лѣса всадника, и вслѣдъ за тѣмъ другого, повидимому индѣйца; прежде чѣмъ донъ Луи успѣлъ сообщить это своимъ спутникамъ, одинъ изъ всадниковъ бросилъ свой арканъ и обвилъ имъ, съ удивительною мѣткостію, голову и плечи Малькольма. Донъ Луи соскочилъ съ лошади и выстрѣлилъ по индѣйцу въ самый тотъ моментъ, когда тотъ хотѣлъ отскакать; пуля ударила лошадь въ голову, и въ одинъ мигъ и всадникъ и лошадь пали наземь; Малькольмъ, увлеченный движеніемъ аркана, тоже слетѣлъ. Бредлей, замѣтившій опасность по свисту аркана, соскочилъ съ лошади и, укрывшись за нее, подобно дону Луи, выстрѣлилъ в непріятелямъ. Пуля его, мѣтко пущенная, сшибла одного изъ нихъ. Товарищи наши, не теряя времени, укрылись съ лошадьми за утесы, доставившіе имъ защиту отъ непріятельскихъ ударовъ, и увидѣли еще скачущихъ на нихъ четырехъ всадниковъ. Донъ Луи и Бредлей, привыкшіе къ подобнаго рода приключеніямъ, легли наземь и зарядили ружья. Донъ Луи выстрѣлилъ первый и безуспѣшно, имъ отвѣтили четырьмя пулями, просвиставшими надъ головами ихъ; потомъ выстрѣлилъ и Бредлей. «Можно было подумать — говорилъ донъ Луи: — что пуля разлетѣлась на четыре части и ранила всѣхъ всадниковъ, потому-что они съ быстротою молніи повернули назадъ и ускакали, угнавъ съ собою лошадь Малькольма.

«Оставшись побѣдителями, друзья наши покинули свою засаду и принялись отъискивать Малькольма, котораго и нашли скоро, валявшагося на землѣ со скрученными руками и головою, но онъ дышалъ еще, хотя и былъ сильно изувѣченъ лошадьми разбойниковъ. Бредлей перерѣзалъ арканъ охотничьимъ ножомъ и съ дономъ Луи приподнялъ Малькольма, но онъ не только не могъ держаться на ногахъ, но и не очнулся. Въ это время крикъ нѣсколькихъ голосовъ привелъ ихъ въ новое безпокойство; по направленію отъ Сакраменто скакалъ къ нимъ отрядъ всадниковъ. Они ожидали смерти, но, къ полному удовольствію, узнали, что это золотопромышленники, которые, услыхавъ ружейные выстрѣлы, пріѣхали ихъ выручать. Этой-то неожиданной помощи донъ Луи приписывалъ быстрое бѣгство разбойниковъ. Они нашли лошадь индѣйца съ привязаннымъ къ сѣдлу арканомъ, всадника же не могли отъискать, хотя донъ Луи видѣлъ, что при паденіи онъ попалъ подъ лошадь и слѣдственно былъ

въ бѣдственномъ положеніи. Тѣло разбойника, убитаго Бредлеемъ, валялось тутъ же; нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ узнали въ немъ калифорнскаго солдата, по имени Томасъ Марія Карилло, бѣжавшаго изъ арміи и приставшаго къ шайкѣ мародёровъ, которые обирали купцовъ и золотопромышленниковъ. Шайка эта приближалась теперь къ рудникамъ; и судя, по разсказамъ о ихъ грабежахъ, экспедиція ихъ была чрезвычайно прибыльна.

«Первымъ дѣломъ нашимъ — продолжалъ донъ Луи — было позаботиться о несчастномъ Малькольмѣ, а потомъ о преслѣдованіи мошенниковъ, но, попросивъ помощи у вновь прибывшихъ, мы получили рѣшительный отказъ. Любопытство ихъ было удовлетворено, и они поворотили лошадей, оставивъ насъ съ умирающимъ и не обращая вниманія на наши просьбы. Они должны были снова приняться за работу, а мы могли назваться счастливцами, что ихъ прибытіе спасло нашу жизнь. Это былъ ихъ отвѣтъ. Люди эти такъ жадны къ золоту, что не могли удѣлить минуты времени на доброе дѣло. Наконецъ — прибавилъ донъ Луи — когда я обѣщалъ заплатить имъ, сколько они потребуютъ, двое изъ нихъ обѣщались прійти черезъ часъ съ носилками, чтобы перенести Малькольма.

«Носилки, которыя они дѣйствительно принесли, связаны были изъ вѣтвей и одѣялъ. Мы положили на нихъ Малькольма и перенесли его въ хижину бѣдной, но хорошей туземной женщины, которая обѣщалась ходить за нимъ, пока мы вернемся отъ васъ съ помощью.»

«На разспросы мои донъ Луи отвѣчалъ, что вѣроятно у Малькольма нѣтъ переломовъ, но что онъ сильно контуженъ и раненъ въ мягкія части. Темнота ночи не позволила мнѣ тотчасъ же отправиться къ нему, и я, по неволѣ, отложилъ визитацію до утра.

«Во время разсказа дона Луи я ни разу не вспомнилъ о золотѣ: такъ занятъ я былъ несчастьемъ Малькольма; но другіе думали иначе, и на дона Луи посыпались горькіе и даже дерзкіе вопросы о потерѣ золота. Онъ отвѣтилъ, что какъ намъ всѣмъ извѣстно, бо́льшая часть нашего сокровища была привязана къ сѣдлу Малькольма, и что угнавъ лошадь, разбойники отняли и золото. «Мы этимъ обязаны доктору», проворчалъ Бредлей, и хотя я не совершенно соглашался съ нимъ, но не могъ не упрекнуть себя въ недовѣрчивости къ нему, которая и была причиною принятой нами мѣры при перевозкѣ золота, а можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и причиною смерти Малькольма. Тогда вспомнилъ я невольно о женѣ и дѣтяхъ его, оставшихся въ Орегонѣ, которыхъ онъ надѣялся обогатить и которые теперь тщетно будутъ ждать его возвращенія. Ночь провели мы во-

гамъ; мука поднялась тамъ въ цѣнѣ до 85 долларовъ за боченокъ и всѣ припасы вздорожали въ той же степени; несмотря на это, они купили муки и въ тотъ же день отправились къ намъ. Ночь провели они бивуакомъ на берегахъ Сакраменто, при сліяніи ея съ рѣкою Перьевъ. На другой день проѣхали они 25 миль и расположились близь небольшого лагеря золотопромышленниковъ; на слѣдующій день остановились они на ночь близь многолюднаго лагеря, и полагая себя въ безопасности, спокойно заснули, но утромъ не нашли ни вьючныхъ лошадей, ни припасовъ; слѣды около нихъ были такъ многочисленны, что нельзя было дознаться истины.

«Собирая свѣдѣнія по палаткамъ, были они вездѣ небрежно выслушиваемы; никто не зналъ ничего объ ихъ лошадяхъ, а одинъ американецъ, огромнаго роста и жилистаго сложенія, грозилъ имъ ружьемъ, если они не выйдутъ изъ шалаша, въ которомъ онъ укрывался. Лакоссъ отвѣтомъ своимъ на эту дерзкую выходку привлекъ нѣсколько человѣкъ, которые и объяснили ему, что американецъ этотъ, со времени переселенія своего, убилъ уже двухъ человѣкъ и былъ страшилищемъ всего лагеря. Тогда они уѣхали, бросивъ розыски, и на ночь расположились подалѣе отъ *братства* золотопромышленниковъ.

«Мы, въ свою очередь, разсказали имъ про наше несчастье. Лакоссъ пришелъ въ отчаяніе и рѣшился отправиться въ нашъ баракъ за своими вещами, чтобы потомъ присоединиться къ намъ въ крѣпости Сутера и принять мѣры къ отъисканію воровъ и отнятаго ими золота. Вайтъ вызвался быть его проводникомъ.

«Проведя весьма холодную ночь подъ открытымъ небомъ, мы прибыли только на слѣдующее утро къ бѣдному Малькольму. Къ счастью, онъ уже немного оправился, могъ стоять на ногахъ и чувствовалъ хорошій апетитъ. Тѣло его болѣло отъ ушибовъ, а на ногѣ была легкая рана. Наканунѣ у него сильно болѣла голова, но крѣпкій сонъ разогналъ эту боль. Пособивъ ему, по крайнему моему разумѣнію, передалъ я его на руки женщинѣ, которая очень усердно за нимъ смотрѣла.

Съ разсвѣтомъ я его опять навѣстилъ, и, дождавшись его пробужденія, увидѣлъ, что сонъ подкрѣпилъ его силы. Донъ Луи, Бредлей, Макфайль и Хозе поѣхали въ полдень, направляясь къ крѣпостцѣ Сутера; я обѣщалъ присоединиться къ нимъ, когда Малькольму не будетъ нужна моя помощь. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною у больного, посѣщалъ я въ свободное время золотопромышленниковъ, но не принималъ никакого участія въ работахъ.

съ шайкой искали случая переѣхать въ какую-нибудь гавань въ Мексику и даже предлагали за провозъ капитану корабля 1,000 долларовъ, съ условіемъ замѣнить матросовъ для проѣзда. Но капитанъ не принялъ этого предложенія.

«Тогда Бредлей и Комп. хотѣли обратиться къ первому алькаду съ просьбою арестовать мошенниковъ, скрывавшихся вѣроятно неподалеку, но ни его, ни второго алькада не было въ городѣ; оба они отправились въ *Gold-District*. Однимъ словомъ, въ Санъ-Франциско не было ни одного полицейскаго офицера, и друзья наши рѣшились ѣхать въ Монтерей, предполагая, что Андреасъ тамъ выжидаетъ случая сѣсть на корабль.

«Мы съ Лакоссомъ присоединились къ нимъ и не медля пустились въ путь. Пріѣхавъ въ Монтерей, узнали мы, что Андреасъ съ шайкой показался-было въ городѣ, и что одинъ изъ его подчиненныхъ былъ арестованъ, какъ бѣглецъ изъ гарнизона. Донъ Луи пошелъ со мною къ полковнику Мазону; мы объяснили ему наше горе и получили отъ него приказъ о пропускѣ насъ въ темницу къ бѣглому солдату. Обѣщавъ ему не преслѣдовать его за участіе, принятое имъ въ воровствѣ, дознали мы отъ него всѣ обстоятельства грабежа, и сверхъ того онъ намъ сказалъ, что Андреасъ съ двумя человѣками отправились съ нашимъ золотомъ съ караваномъ, который ежегодно проходитъ изъ Санта-Фе въ Калифорнію для покупки лошадей.

«Возвратясь и сообщивъ это нашимъ товарищамъ, рѣшились мы на другой же день ѣхать для преслѣдованія воровъ. Мы сказали объ этомъ полковнику Мазону, который одобрилъ наше намѣреніе и сказалъ, что съ удовольствіемъ далъ бы намъ конвой, но что, къ несчастью, онъ увѣренъ, что, выйдя за городъ, солдаты разбѣгутся.

«Итакъ, мы отправились и, послѣ четырехъ-дневнаго упорнаго преслѣдованія, измучивъ лошадей, узнали, что мошенники ѣдутъ впередъ насъ на сорокъ миль. Безъ лошадей, безъ проводника, среди пустыни, опасаясь набѣга индѣйцевъ, мы рѣшились возвратиться въ Монтерей и окончательно бросить искъ.

«Пріѣхавъ въ городъ, остановились мы въ плохой гостинницѣ, лучшей впрочемъ во всемъ городѣ, и на слѣдующее утро раздѣлили золото, находившееся на сохраненіи у капитана Сутера; вечеромъ былъ у насъ прощальный ужинъ, оживленный самою грустною веселостью, а тамъ, пожавъ другъ другу руки, окончательно разстались.

«Донъ Луи поѣхалъ въ свою хорошенькую виллу, Бредлей въ Санъ-Франциско; куда дѣлись другіе, я не знаю; довольно того, что на другое утро я оставался одинъ въ городѣ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, *соч. Рижскаго Епископа* ФИЛАРЕТА. *Пять періодовъ. 1847 и 1848 г.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, выходило въ свѣтъ начиная съ 1847 года *періодами*, не слѣдовавшими одинъ за другимъ по порядку, и только недавно окончено. Достоинство этого труда, мѣсто, какое онъ займетъ въ русской исторической литературѣ, самые недостатки его заставляютъ насъ представить читателямъ Современника отчетъ о книгѣ преосвящ. Филарета подробный и обстоятельный. Во введеніи къ своему сочиненію авторъ прямо высказалъ свои мнѣнія о избранномъ предметѣ и указалъ планъ его изложенія. Съ этими мнѣніями, опредѣляющими точку воззрѣнія автора на значеніе церковной исторіи, мы необходимо должны познакомиться, чтобы знать, чего вправѣ требовать отъ его сочиненія.

«Исторія Христіанской Церкви (говоритъ преосвящ. Филаретъ) «изображаетъ событія и перемѣны, происходившія въ Церкви Христіанской, съ ихъ началами и послѣдствіями, начиная съ ея происхожденія. Церковь земная есть общество людей, освященныхъ благодатію, но еще недостигшихъ полнаго совершенства, возможнаго «только за гробомъ. Члены сего общества только *постепенно уясняютъ себѣ истину христіанскаго откровенія на пути созерцанія, «постепенно усвояютъ сердцемъ своимъ святость Христову путемъ «практическаго упражненія; истина и святость въ сознаніи людей «яснѣе и тверже становится только подвигами*» (стр. I — II, введеніе ч. I).

«Вѣра христіанская есть свѣтъ и любитъ свѣтъ; она развиваетъ «стремленіе души нашей къ истинѣ», какъ говоритъ авторъ разбираемой нами книги (стр. 48. Ч. I). Отсюда понятна возможность церковной исторіи, какъ науки, которая слѣдитъ за развитіемъ народнаго пониманія религіи и за усвоеніемъ ея нравственныхъ истинъ въ жизни дѣятельной. Въ этомъ и состоитъ главная задача изслѣдователя исторіи Церкви. Тогда только трудъ его получитъ *внутреннее значеніе*, тогда только исторія Церкви явится «органическимъ цѣлымъ», сохранитъ «единство предмета, связь частей и ихъ правильное расположеніе: потому-что части ея, или періоды, обозначатся сами собою, судьбою и вліяніемъ христіанскаго ученія въ жизни народной. Главный вопросъ здѣсь — нравственно-религіозное развитіе даннаго общества; всѣ прочія стороны (значеніе духовенства, положеніе его къ свѣтской власти и проч.) важны будутъ только по отношенію къ нему и въ немъ найдутъ свое объясненіе. Необходимость такой обработки русской церковной исторіи чувствовалъ преосвящ. Филаретъ и ясно высказалъ на III — IV стр. введенія.

Впрочемъ самъ онъ мало удовлетворяетъ такому требованію; и едва ли можно обвинять его. Такая работа — уже вѣнецъ общирныхъ, разностороннихъ и утомительныхъ розысканій, которыхъ у насъ такъ немного, и которыя необходимы для того, чтобъ отвязаться отъ многихъ историческихъ заблужденій. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему до сихъ поръ исторію русской Церкви разсматривали болѣе съ внѣшней стороны. Обыкновенно обращали вниманіе на [illegible] распространенія христіанства, на перемѣны іерархіи; [illegible] жизнь Церкви большею частію оставалась въ сторонѣ. [illegible] Церкви и за періоды [illegible] по совершенно [illegible] [illegible] которая [illegible] [illegible] рано или позже должна принести плодъ. [illegible] [illegible] «Исторія русской Церкви» преосвящ. Филарета. Онъ [illegible] свое сочиненіе [illegible] [illegible] Хотя онъ [illegible] [illegible] которыя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] періодовъ: первый — отъ начала христіанства въ Россіи до [illegible] [illegible] второй — отъ [illegible] [illegible] третій — [illegible] [illegible] четвертый — [illegible] пятый — отъ [illegible] [illegible]

безъ сомнѣнія, вліяли на положеніе Церкви. Но едва ли всѣ пункты, выбранные сочинителемъ для дѣленія исторіи русской Церкви, могутъ быть поставлены терминами, означающими новыя ступени нравственно-религіознаго народнаго развитія. Мы не понимаемъ, почему нашествіе монголовъ поставлено на рубежѣ двухъ періодовъ. Новѣйшія изслѣдованія исключили названіе монгольскаго періода изъ политической исторіи; мы думаемъ, что и въ церковной — названіе это не можетъ имѣть авторитета. Развѣ монголы преслѣдовали въ своихъ отношеніяхъ къ Руси религіозныя идеи и чувства? развѣ они явились съ пропагандою своего ученія и съ гоненіями на христіянство? Напротивъ, всѣ изслѣдованія показали ихъ равнодушіе въ дѣлѣ вѣры. Извѣстны мирныя отношенія монгольскихъ хановъ къ русскому духовенству; часто было говорено о ханскихъ ярлыкахъ и приводимо слѣдующее, слишкомъ извѣстное мѣсто лѣтописи: «тое же зимы пріѣхаша численици, исчетоша всю землю..... и оставиша десятники и сотники и тысящники и «темники, и идоша въ ворду, *толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, «поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицу и на влады- «ку»* (¹). Конечно, монгольское иго не оставалось безъ вліянія на народную нравственность; но вліяніе это не было и не могло быть важно и значительно, какъ думаетъ сочинитель «Исторіи русской Церкви», потому-что Русь, общество европейско-христіянское, стояло гораздо выше азіятской орды — въ дѣлѣ цивилизаціи. Притомъ монголы не смѣшивались съ русскимъ населеніемъ; столкновенія между тѣми и другими ограничивались быстрыми нападеніями и опустошеніями, а мирныя отношенія — данью. Собственно же, Русь жила и развивалась по своимъ законамъ, оставаясь постоянно вѣрною своему родовому типу, его добродѣтелямъ и недостаткамъ.

Раздѣленіе митрополіи на московскую и литовскую, безъ сомнѣнія, вліяло на историческое бытіе русской Церкви; но событіе это вызвано политическими условіями эпохи; слѣдовательно, прикладывая его къ церковной исторіи, мы беремъ фактъ извнѣ и ставимъ мѣриломъ внутренней жизни церкви, что́ не совсѣмъ справедливо. Кромѣ того, раздѣленіе митрополіи главнымъ образомъ касалось судьбы южной Руси, отошедшей къ Литвѣ. Тамъ встала борьба за вѣру, борьба долгая и кровавая, исполненная трагическихъ ужасовъ; тамъ явилась и наука, вызванная богословскою полемикою съ западомъ. Въ московской половинѣ если и встрѣчаемъ новыя явленія, то совершенно независимо отъ раздѣленія митрополіи, и относятся онѣ ко времени Іоанновъ III и IV.

(¹) Лавр. Лѣтоп. стр. 203.

Еще менѣе можетъ быть принято точкою дѣленія начало патріаршества. Самъ авторъ говоритъ, что митрополиту всея Россіи недоставало только имени патріарха, и что права этого послѣдняго были совершенно тѣже, что и права митрополита; только преимущества священнослуженія, сообразныя сану, и большее уваженіе къ этому титилу народныхъ умовъ возвышало его предъ прежнимъ митрополитомъ (стр. 2 и 7, ч. IV).

Каждый отдѣльный періодъ авторъ подраздѣляетъ на пять особенныхъ отдѣловъ: 1) распространеніе христіянства, 2) церковное управленіе, 3) состояніе богослуженія, 4) степень духовнаго образованія и 5) жизнь христіянская. Итакъ, несмотря на то, что при указаніи періодовъ авторъ больше увлекался внѣшними событіями, въ самомъ изложеніи онъ не хотѣлъ быть одностороннимъ и обратилъ вниманіе какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю жизнь Церкви. Но послѣдней сторонѣ вопроса онъ не далъ главнаго мѣста, и это лишило его трудъ цѣлости и единства.

Въ изслѣдованіяхъ преосвящ. Филарета — попадаются пристрастные взгляды, неправильные выводы и даже выходки. Все это объяснится полнѣе при ближайшемъ обзорѣ «Исторіи русской Церкви»; теперь же приведемъ въ доказательство выходку (иначе мы, право, не умѣемъ назвать) противъ двухъ замѣчательныхъ именъ въ области русской литературы. Вотъ она:

«*Карамзинъ*, написавшій такую прекрасную картину минувшей «судьбы Россіи, въ первыхъ томахъ своей исторіи не рѣдко дѣлаетъ «странные отзывы о церковныхъ событіяхъ. Отъ чего это? *Оттого, «что, не задолго предъ тѣмъ возвратясь изъ Парижа, онъ еще «не освободился отъ злокачественнаго воздуха Палерояля*». Но извѣстно, что Карамзинъ окончилъ свое путешествіе за-границей въ 1790 году, а русскую исторію принялся писать только 1803 года(*): слѣдовательно, едва ли справедливо прибѣгать къ климатическимъ объясненіямъ.

«Петръ Великій отечески наказывалъ Татищева за вольнодумство.... однако *или урокъ былъ не довольно выразителенъ*, или ученикъ былъ тупъ: *Татищевъ въ своей исторіи не рѣдко смотритъ «на Церковь Иностранцемъ*» (стр. XV введ. н.) Исторія Татищева окончательно признана замѣчательнымъ явленіемъ между изслѣдованіями древняго русскаго быта, особенно если принять во вниманіе время ея выхода; но она и теперь имѣетъ въ наукѣ значеніе. Не знаемъ, какъ авторъ, а мы думаемъ, что не худо бы оказывать большее уваженіе трудамъ другихъ.

(*) См. письма Карамзина къ М. Н. Муравьеву. (Пол. Соб. Соч. Карамз. изд. Смирдина Т. III. Стр. 680 и дал.)

Читатели легко поймутъ, что стѣсняетъ взглядъ сочинителя «Исторіи русской Церкви», изъ нашихъ выписокъ и еще лучше изъ самой книги. Прочитать же эту книгу мы совѣтуемъ всякому любителю русской исторіи и словесности. Она заслуживаетъ, несмотря на свои недостатки, почетное мѣсто и въ библіотекѣ, и на столѣ ученаго. За нее говорятъ обширная начитанность автора, его трудолюбіе и живое изложеніе. Многіе отдѣлы со всѣхъ сторонъ превосходны. Примѣчанія составлены истинно-ученымъ образомъ, дѣльно у мѣста и полно.

Все это яснѣе раскроется изъ болѣе подробнаго знакомства съ сочиненіемъ преосвящ. Филарета, которое вполнѣ того заслуживаетъ.

Первый періодъ обнимаетъ время отъ начала христіянства въ Россіи до нашествія монголовъ (988 — 1237 г.) Прежде всего преосвящ. Филаретъ говоритъ о постепенномъ водвореніи въ Россіи христіянства — вопросъ, уже превосходно разсмотрѣнный архим. Макаріемъ. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что авторъ «Исторіи русской Церкви» нисколько не воспользовался его изслѣдованіями (*); оттого весь первый періодъ не представляетъ той обработки и полноты, которыхъ мы вправѣ требовать. Исторія не создается трудами одного человѣка, а многихъ; потому всякой новой результатъ, добытый кѣмъ бы то ни было, необходимо тотчасъ вносить въ область науки.—Кромѣ того, преосвящ. Филаретъ, какъ дѣлали и другіе изслѣдователи русской церковной исторіи, ни слова не говоритъ о томъ, на какой степени развитія застало славянскія племена христіянство? каковы были ихъ религіозныя убѣжденія и въ какихъ публичныхъ формахъ они выражались? въ какой связи находилась эта первоначальная религія съ нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ народа? Всѣ эти вопросы весьма важны и не должны быть оставляемы безъ вниманія. Если задача эта требуетъ долгихъ трудовъ, то по-крайней-мѣрѣ представьте попытки ея рѣшенія. Иначе мы не будемъ въ состояніи опредѣлить: на сколько могло быть воспринято христіянство въ народной массѣ, и какую борьбу оно должно было выдерживать съ прежними вѣрованіями, тогда-какъ эти соображенія проливаютъ свѣтъ на всю послѣдующую судьбу новаго ученія. Архим. Макарій еще сколько-нибудь имѣлъ въ виду выставленные нами вопросы; преосвящ. Филаретъ опустилъ ихъ вовсе.

(*) Исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольн. кн. Владиміра, соч. Арх. Макарія. Его же: Очеркъ Исторіи Христіанства въ Россіи, въ періодъ дотатарской. Равнымъ образомъ авторъ не воспользовался и работами проф. Соловьева: «Взглядъ на состояніе духовенства въ др. Руси» (Ч. О. И. и Д. 1847 г. № 6); «О правахъ и обычаяхъ древней Руси» (ibidem. 1846 г. № 1); а это избавило бы его отъ нѣкоторыхъ пробѣловъ и многихъ невѣрныхъ взглядовъ.

На основаніи изслѣдованій преосвящ. Филарета, дополняя въ необходимыхъ мѣстахъ результатами, сознанными наукой, мы изложимъ въ краткомъ очеркѣ водвореніе христіянства въ Россіи. При этомъ укажемъ и на нѣкоторыя невѣрности при взглядѣ преосвящ. Филарета и фактическія ошибки; послѣднихъ, къ чести автора, весьма немного. Такъ разбираеное нами сочиненіе обозначится своей хорошей стороною и недостаточной.

Христіянство въ Россіи, какъ и вездѣ, не было принято и утверждено вдругъ, такъ думали прежде, а нѣкоторые и теперь, по старой привычкѣ. Напротивъ, обращеніе славянъ (русскихъ) совершалось медленно и не безъ борьбы съ старыми языческими вѣрованіями. Уже на первыхъ листахъ несторовой лѣтописи читаемъ о проповѣди апостола Андрея въ южныхъ мѣстахъ теперешней Россіи, около Кіева и Новгорода. Такъ рано начинають двигаться къ намъ новыя христіянскія идеи; но при неразвитости племенъ и недостаткѣ учителей они пали на каменистую почву и не могли дать плода. «Въ первой «четверти IV столѣтія начались въ южной Россіи частыя обращенія «русскихъ (?) къ христіанству и то только частныя — лицъ, а не цѣ«лыхъ племенъ, говоритъ преосвящ. Филаретъ — и, приведя различныя свидѣтельства, онъ дѣлаетъ такой окончательный выводъ: «такимъ «образомъ, по памятникамъ исторіи, христіане до IX вѣка *были го«стями въ южной Россіи:* нѣсколько лицъ, нѣсколько семействъ «являлись въ ней съ христіянствомъ въ душѣ, но потомъ пожинались «войною или гоненіемъ язычества, *не оставивъ по себѣ движенія въ «общей массѣ народа*(ч. 1, стр. 2-7).» Гораздо подробнѣе обозрѣлъ эти первые вѣка арх. Макарій и потому пришелъ къ болѣе достовѣрнымъ и любопытнѣйшимъ выводамъ. Онъ воспользовался важными источниками, чтобы объяснить развитіе христіянства въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи, до призванія варяговъ. Доказавши, что здѣсь были довольно свѣжіе зачатки Христовой вѣры, онъ заключаетъ: «тогда какъ на всемъ протяженіи южныхъ границъ ны«нѣшней Россіи св. вѣра Христова была уже болѣе или менѣе извѣст«на, трудно представить, чтобы въ продолженіи осьми вѣковъ не про«никала она по временамъ и въ нѣкоторыя внутреннія области на«шего отечества.» Вслѣдствіе того, онъ разсматриваетъ пути, которыми христіянская вѣра могла проникнуть къ намъ, и представляетъ одинъ случай, когда она дѣйствительно проникла (*). Но болѣе значительное вліяніе христіянства на славянскія племена начинается съ перевода Священнаго Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ на болгарскомъ языкъ. Переводъ этотъ, содѣйствовавшій пробужденію народнаго

(*) Истор. хр. въ Рос. до равноап. кн. Владиміра, стр. 9, 43, 44, 157 и слѣд.

славянскаго духа. [illegible] христіанства въ [illegible] сказанія о [illegible] русскихъ при [illegible] стія о христіанахъ въ [illegible] при [illegible] чалѣ его княженія. Съ [illegible] вать съ греками [illegible] зывають [illegible] пользы христіанству. Въ [illegible] сказать, что [illegible] дворенію христіанства между [illegible] тельно, авторъ [illegible] [illegible] — норманны. а [illegible] то характеръ [illegible] — [illegible] только отъ [illegible] Русскіе [illegible] (стр. [illegible] ч. I). Сочинитель, вѣроятно, [illegible] тость и [illegible] характеръ [illegible]. Мы могли бы представить [illegible] проводниками христіанскаго [illegible] преслѣдованія эту [illegible] но авторъ, вѣроятно, [illegible].

При Игорѣ между [illegible] ные: [illegible] Иліи. Послѣ [illegible] княги, [illegible] шана, [illegible]

Всѣми этими [illegible] ской вѣры при [illegible] русской Церкви [illegible] тель неестественъ и [illegible] говоритъ онъ — въ [illegible] кровавыми войнами, но [illegible] Ужасное братоубійство, [illegible] въ, сластолюбіе [illegible] ника. Владиміръ [illegible] кумиры на берегахъ [illegible] ромъ и золотомъ, [illegible] того, — [illegible] скомъ. [illegible] (стр. 1[illegible]). [illegible] вліяніе на [illegible]

[illegible]

отдѣльныхъ лицъ. Оттого ни древняя Русь, ни Владиміръ не видѣли ничего безнравственнаго въ родовыхъ которахъ и усобицахъ. Такія усобицы, и нерѣдко съ печальными послѣдствіями — клятвопреступленіемъ и насиліемъ — продолжались и послѣ принятія христіанства. Это — одно. Во-вторыхъ, послѣднія изслѣдованія профессора Соловьева ясно указали причину первоначальной языческой набожности Владиміра. Получивши великокняжескій стольный городъ при посредствѣ языческой партіи, онъ вынужденъ былъ дѣйствовать въ пользу язычества, и дѣйствовалъ конечно не по убѣжденію, а въ угоду сторонѣ. Только такимъ образомъ понятно становится слѣдующее его обращеніе. Изслѣдованія арх. Макарія приводятъ къ тому же результату (*), и мы бы совѣтовали ученому автору не обѣгать трудовъ этихъ, безспорно, даровитыхъ обработывателей русской исторіи. Тогда не нужнобъ было прибѣгать къ натянутымъ психологическимъ объясненіямъ.

Далѣе, преосвящ. Филаретъ говоритъ о предложеніи Владиміру различныхъ вѣроисповѣданій и о прочихъ событіяхъ, предшествовавшихъ крещенію Руси, при чемъ, къ сожалѣнію, показалъ также мало критики. Вообще, должно признаться, до сихъ поръ мы нигдѣ не читали объ этихъ происшествіяхъ лучшаго разсказа, какъ въ самой несторовой лѣтописи; характеръ эпохи здѣсь выступаетъ выпукло и во всей истинѣ. Писатели, передавая событіе обращенія русской земли, хотя повидимому слѣдуютъ лѣтописцу во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе освѣщаютъ его совершенно ненужнымъ свѣтомъ, не замѣчая, что стираютъ такимъ образомъ съ фактовъ современныя краски. Испытаніе вѣры и крещеніе Владиміра авторъ, подобно другимъ изслѣдователямъ, приводитъ въ связь съ походомъ великаго князя на Херсонъ: «воинственный Князь, только что рѣ«шившійся принять вѣру, не могъ еще столько возвыситься въ ду«шѣ, чтобы отрѣшиться отъ всего земнаго: смиренно просить «наставленія въ новой вѣрѣ у Грековъ казалось ему *неприличнымъ* «*для знаменитаго побѣдами князя и народа*.... Владиміръ, спустя «годъ послѣ совѣта, *рѣшился завоевать вѣру оружіемъ*» (стр. 21). При первомъ взглядѣ, такое объясненіе уже поражаетъ своею искуственностію, особенно если представимъ себѣ простой вѣкъ Владиміра, — и между тѣмъ ему какъ-будто суждено долго повторяться въ нашихъ учебникахъ и ученыхъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ, что лѣтопись вовсе не говоритъ объ этихъ видахъ Владиміра; она только поставила рядомъ два событія; но отсюда еще далеко заключать о желаніи

(*) Истор. отнош. между рус. кн. Рюрик. дома, соч. Солов. М. 1847, стр. 50 — 53. Ист. Хр. въ Рос. до равноап. кн. Влад, соч. арх. Макарія, стр. 3?9

«завоевать вѣру оружіемъ.» Эта мысль была навязана историками Владиміру и мало-по-малу сдѣлалась ходячею. Мы, напротивъ, принимаемъ мнѣніе г. Погодина, какъ болѣе естественное, что походъ на Херсонъ — совершенно особенное явленіе, не имѣющее связи съ намѣреніемъ Владиміра перемѣнить религію (*).

«Первымъ дѣломъ Владиміра по возвращеніи въ Кіевъ было кре-«щеніе двѣнадцати сыновей своихъ. Вслѣдъ за тѣмъ приступилъ онъ «къ истребленію идоловъ. Иные были сожжены, другіе изрублены; «Перуна, главнаго бога, велѣлъ Владиміръ привязать къ хвосту кон-«скому, совлечь съ горы и бросить въ Днѣпръ» — «Вслѣдъ же ему по ручаю къ Днѣпру, говоритъ лѣтопись, *плакахуся его невѣрніи людье*» — «Между тѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ, что-«бы на другой же день всѣ жители, безъ различія возраста и состоя-«нія, собирались на берегъ днѣпровскій для принятія крещенія, подъ «опасеніемъ немилости князя за ослушаніе. Кіевляне давно уже знали «греческую вѣру, знали о совѣщаніяхъ и рѣшимости относительно «сей вѣры. Если бы новая вѣра не была лучшею, князь и бояре не «приняли бы ее, разсуждалъ народъ и спѣшилъ исполнить княже-«скую волю» (стр. 24—25). Несторъ неясно и слегка намекаетъ на сопротивленіе, которое оказали язычники при введеніи христіанства въ Кіевѣ. По всему вѣроятію, здѣсь сопротивленіе это было мало или почти незамѣтно, потому-что въ Кіевѣ издавна были многіе христіане, которые при Игорѣ имѣли даже соборный храмъ. Несторъ говоритъ, что народъ «плакахуся», но исполнялъ волю князя и крестился. Не то было въ другихъ частяхъ Россіи, особенно на сѣверо-востокѣ, гдѣ язычество было еще сильнѣе и могло выдержать упорную борьбу съ новымъ ученіемъ. Владиміръ, раздѣляя сыновей своихъ на удѣлы, приказалъ заботиться о водвореніи христіанства и построеніи храмовъ; вмѣстѣ съ ними были отправлены и священники, вѣроятно, изъ болгарскихъ славянъ, какъ можно заключать по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ. «Въ Новгородѣ (замѣчаетъ преосв. Филаретъ) «не только не безъ скорби, какъ въ Кіевѣ, но и не безъ «сопротивленія разстались съ старымъ. Не безъ основанія и въ народѣ присловіе: *Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.* «Это указываетъ на то, что Новгородцы, какъ и въ [illegible] слу-«чаяхъ, отказались было повиноваться волѣ [illegible] и [illegible], и «ихъ надобно было усмирять какъ нарушителей [illegible]» (стр. [illegible]). Нѣтъ, это указываетъ только на то, что [illegible] не столько развитъ, чтобы добровольно [illegible] ученіе Христа — не болѣе. Должно замѣтить, что авторъ [illegible]

(*) Несторъ, Истор.-крит. [illegible] Погодина, стр. 191 [illegible]

На основаніи изслѣдованій преосвящ. Филарета, дополняя въ необходимыхъ мѣстахъ результатами, сознанными наукой, мы изложимъ въ краткомъ очеркѣ водвореніе христіанства въ Россіи. При этомъ укажемъ и на нѣкоторыя невѣрности при взглядѣ преосвящ. Филарета и фактическія ошибки; послѣднихъ, къ чести автора, весьма немного. Такъ разбираемое нами сочиненіе обозначится своей хорошей стороною и недостаточной.

Христіанство въ Россіи, какъ и вездѣ, не было принято и утверждено вдругъ, такъ думали прежде, а нѣкоторые и теперь, по старой привычкѣ. Напротивъ, обращеніе славянъ (русскихъ) совершалось медленно и не безъ борьбы съ старыми языческими вѣрованіями. Уже на первыхъ листахъ несторовой лѣтописи читаемъ о проповѣди апостола Андрея въ южныхъ мѣстахъ теперешней Россіи, около Кіева и Новгорода. Такъ рано начинаютъ двигаться къ намъ новыя христіанскія идеи; но при неразвитости племенъ и недостаткѣ учителей они пали на каменистую почву и не могли дать плода. «Въ первой «четверти IV столѣтія начались въ южной Россіи частыя обращенія «русскихъ (?) къ христіанству и то только частныя — лицъ, а не цѣ«лыхъ племенъ, говоритъ преосвящ. Филаретъ — и, приведя различныя свидѣтельства, онъ дѣлаетъ такой окончательный выводъ: «такимъ «образомъ, по памятникамъ исторіи, христіане до IX вѣка *были го«стями въ южной Россіи:* нѣсколько лицъ, нѣсколько семействъ «являлись въ ней съ христіянствомъ въ душѣ, но потомъ пожинались «войною или гоненіемъ язычества, *не оставивъ по себѣ движенія въ «общей массѣ народа*(ч. 1, стр. 2-7).» Гораздо подробнѣе обозрѣлъ эти первые вѣка арх. Макарій и потому пришелъ къ болѣе достовѣрнымъ и любопытнѣйшимъ выводамъ. Онъ воспользовался важными источниками, чтобы объяснить развитіе христіянства въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи, до призванія варяговъ. Доказавши, что здѣсь были довольно свѣжіе зачатки Христовой вѣры, онъ заключаетъ: «тогда какъ на всемъ протяженіи южныхъ границъ ны«нѣшней Россіи св. вѣра Христова была уже болѣе или менѣе извѣст«на, трудно представить, чтобы въ продолженіи осьми вѣковъ не про«никала она по временамъ и въ нѣкоторыя внутреннія области на«шего отечества.» Вслѣдствіе того, онъ разсматриваетъ пути, которыми христіянская вѣра могла проникнуть къ намъ, и представляетъ одинъ случай, когда она дѣйствительно проникла (*). Но болѣе значительное вліяніе христіянства на славянскія племена начинается съ перевода Священнаго Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ на болгарскій языкъ. Переводъ этотъ, содѣйствовавшій пробужденію народнаго

(*) Истор. хр. въ Рос. до равноап. кн. Владиміра, стр. 9, 43, 11, 157 и слѣд.

славянскаго духа, имѣлъ великое значеніе въ дѣлѣ распространенія христіянства въ нашихъ странахъ. Отсюда понятны послѣдующія сказанія о крещеніи руссовъ при Аскольдѣ и Дирѣ, понятны извѣстія о христіанахъ въ Кіевѣ при Игорѣ, Ольгѣ и Владимірѣ, въ началѣ его княженія. Съ призваніемъ варяговъ начались сношенія славянъ съ греками, военныя и торговыя, и сношенія эти, какъ доказываютъ изслѣдованія самого преосвящ. Филарета, не остались безъ пользы христіянству. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, справедливо сказать, что варяги содѣйствовали успѣшнѣйшему принятію и водворенію христіянства между славянами, призвавшими ихъ. Слѣдовательно, авторъ некстати дѣлаетъ такое восклицаніе: «да, если варя«ги — норманны, а норманны не болѣе, какъ морскіе разбойники; «то характеръ варяговъ — прекрасный проводникъ христіанства: «только отъ нихъ Русскіе и могли научиться христіанству!» (стр. 13, ч. I). Сочинитель, вѣроятно, забылъ, что первоначальныя неразвитость и невѣжество уравниваютъ нравственный характеръ народовъ. Мы могли бы представить нѣсколько примѣровъ, когда великими проводниками христіянскаго ученія являлись лица, прежде жестоко преслѣдовавшія эту новую религію въ пользу языческихъ убѣжденій, но авторъ, вѣроятно, знаетъ эти примѣры...

При Игорѣ между русскими различаются крещеные и некрещеные; первые даютъ грекамъ клятву въ кіевской *соборной* церкви св. Иліи. Послѣ крещенія княгини Ольги, по свидѣтельству Степенной книги, «многіе дивясь о глаголѣхъ ея, ихъ же николи же прежде слы«шаша, любезно принимали отъ устъ ея слово Божіе и крестились» (*).

Всѣми этими данными объясняется и успѣхъ принятія христіянской вѣры при великомъ князѣ Владимірѣ. Взглядъ автора «Исторіи русской Церкви» на этого знаменитаго въ нашихъ лѣтописяхъ дѣятеля неестественъ и потому исторически невѣренъ. «Владиміръ — говоритъ онъ — въ первые годы правленія не только занятъ былъ «кровавыми войнами, но жилъ какъ самый нечистый язычникъ. «Ужасное братоубійство, побѣды, купленныя кровью чужихъ и сво«ихъ, сластолюбіе грубое *не могли не тяготить совѣсти даже языч«ника. Владиміръ думалъ облегчить душу тѣмъ, что ставилъ но«вые кумиры* на берегахъ Днѣпра и Волхова, украшалъ ихъ сереб«ромъ и золотомъ, закалалъ тучныя жертвы предъ ними; мало «того, — пролилъ даже кровь двухъ христіанъ на жертвенникѣ идоль«скомъ. *Но все это, какъ чувствовалъ онъ, не доставляло покоя ду«шѣ*» (стр. 18). Надо согласиться, что понятія времени имѣютъ сильное вліяніе на народное пониманіе нравственности и на убѣжденія

(*) Степ. книг. стр. 27, 30.

отдѣльныхъ лицъ. Оттого ни древняя Русь, ни Владиміръ не видѣли ничего безнравственнаго въ родовыхъ которахъ и усобицахъ. Такія усобицы, и нерѣдко съ печальными послѣдствіями — клятвопреступленіемъ и насиліемъ — продолжались и послѣ принятія христіянства. Это — одно. Во-вторыхъ, послѣднія изслѣдованія профессора Соловьева ясно указали причину первоначальной языческой набожности Владиміра. Получивши великокняжескій стольный городъ при посредствѣ языческой партіи, онъ вынужденъ былъ дѣйствовать въ пользу язычества, и дѣйствовалъ конечно не по убѣжденію, а въ угоду сторонѣ. Только такимъ образомъ понятно становится слѣдующее его обращеніе. Изслѣдованія арх. Макарія приводятъ къ тому же результату (*), и мы бы совѣтовали ученому автору не обѣгать трудовъ этихъ, безспорно, даровитыхъ обработывателей русской исторіи. Тогда не нужнобъ было прибѣгать къ натянутымъ психологическимъ объясненіямъ.

Далѣе, преосвящ. Филаретъ говоритъ о предложеніи Владиміру различныхъ вѣроисповѣданій и о прочихъ событіяхъ, предшествовавшихъ крещенію Руси, при чемъ, къ сожалѣнію, показалъ такъ же мало критики. Вообще, должно признаться, до сихъ поръ мы нигдѣ не читали объ этихъ происшествіяхъ лучшаго разсказа, какъ въ самой несторовой лѣтописи; характеръ эпохи здѣсь выступаетъ выпукло и во всей истинѣ. Писатели, передавая событіе обращенія русской земли, хотя повидимому слѣдуютъ лѣтописцу во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе освѣщаютъ его совершенно ненужнымъ свѣтомъ, не замѣчая, что стираютъ такимъ образомъ съ фактовъ современныя краски. Испытаніе вѣры и крещеніе Владиміра авторъ, подобно другимъ изслѣдователямъ, приводитъ въ связь съ походомъ великаго князя на Херсонъ: «воинственный Князь, только что рѣ«шившійся принять вѣру, не могъ еще столько возвыситься въ ду«шѣ, чтобы отрѣшиться отъ всего земнаго: смиренно просить «наставленія въ новой вѣрѣ у Грековъ казалось ему *неприличнымъ «для знаменитаго побѣдами князя и народа*.... Владиміръ, спустя «годъ послѣ совѣта, *рѣшился завоевать вѣру оружіемъ*» (стр. 21). При первомъ взглядѣ, такое объясненіе уже поражаетъ своею искуственностію, особенно если представимъ себѣ простой вѣкъ Владиміра, – и между тѣмъ ему какъ-будто суждено долго повторяться въ нашихъ учебникахъ и ученыхъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ, что лѣтопись вовсе не говоритъ объ этихъ видахъ Владиміра; она только поставила рядомъ два событія; но отсюда еще далеко заключать о желаніи

(*) Истор. отнош. между рус. кн. Рюрик. дома, соч. Солов. М. 1847, стр. 50 — 53. Ист. Хр. въ Рос. до равноап. кн. Влад., соч. арх. Макарія, стр 329

«завоевать вѣру оружіемъ.» Эта мысль была навязана историками Владиміру и мало-по-малу сдѣлалась ходячею. Мы, напротивъ, принимаемъ мнѣніе г. Погодина, какъ болѣе естественное, что походъ на Херсонъ — совершенно особенное явленіе, не имѣвшее связи съ намѣреніемъ Владиміра перемѣнить религію (*).

«Первымъ дѣломъ Владиміра по возвращеніи въ Кіевъ было крещеніе двѣнадцати сыновей своихъ. Въ слѣдъ за тѣмъ приступилъ онъ «къ истребленію идоловъ. Иные были сожжены, другіе изрублены; «Перуна, главнаго бога, велѣлъ Владиміръ привязать къ хвосту кон-«скому, совлечь съ горы и бросить въ Днѣпръ» — «Влекому же ему по ручаю къ Днѣпру, говоритъ лѣтопись, *плакахуся его невѣрніи людье*» — «Между тѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ, что-«бы на другой же день всѣ жители, безъ различія возраста и состоя-«нія, собирались на берегъ днѣпровскій для принятія крещенія, подъ «опасеніемъ немилости князя за ослушаніе. Кіевляне давно уже знали «греческую вѣру, знали о совѣщаніяхъ и рѣшимости относительно «сей вѣры. Если бы новая вѣра не была лучшею, князь и бояре не «приняли бы ее, разсуждалъ народъ и спѣшилъ исполнить княже-скую волю» (стр. 24 — 25). Несторъ неясно и слегка намекаетъ на сопротивленіе, которое оказали язычники при введеніи христіянства въ Кіевѣ. По всему вѣроятію, здѣсь сопротивленіе это было мало или почти незамѣтно, потому-что въ Кіевѣ издавна были многіе христіяне, которые при Игорѣ имѣли даже соборный храмъ. Несторъ говоритъ, что народъ «плакахуся», но исполнилъ велѣніе князя: крстился. Не то было въ другимъ частяхъ Россіи, особенно на сѣверо-востокѣ, гдѣ язычество было еще сильно и готово выдержать упорную борьбу съ новымъ ученіемъ. Владиміръ, посылая сыновей своихъ на удѣлы, приказалъ заботиться о водвореніи христіянства и построеніи храмовъ; вмѣстѣ съ ними были отправлены и священники, вѣроятно, изъ болгарскихъ славянъ, какъ можно заключать по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ. «Въ Новгородѣ (замѣчаетъ преосвящ. Филаретъ) «не только не безъ скорби, какъ въ Кіевѣ, но и не безъ «сопротивленія разстались съ старымъ. Не безъ основанія же въ народѣ присловіе: *Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.* «Это указываетъ на то, что Новгородцы, какъ и въ другихъ слу-«чаяхъ, отказались было повиноваться волѣ в. князя о крещеніи, и «ихъ надобно было усмирять какъ нарушителей порядка» (стр. 28). Нѣтъ, это указываетъ только на то, что Новгородъ не былъ еще на столько развитъ, чтобы добровольно отдаться возвышенному ученію Христа — не болѣе. Должно замѣтить, что авторъ весьма кратко

(*) Несторъ, Историко-критг. раз. Погодина, стр. 191 — 193.

сказалъ объ этомъ сопротивленіи новгородскихъ язычниковъ, основываясь только на пословицѣ; онъ опустилъ изъ вниманія замѣчательныя свидѣтельства Іоакимовской лѣтописи и Степенной книги, гдѣ эти событія выставлены ярко и вполнѣ подтверждаютъ пословицу: «Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ». Вопросъ такъ важенъ, что требовалъ бы большаго вниманія. Сверхъ того, напрасно авторъ даетъ фактамъ такой смыслъ, какъ-будто *только* въ Новгородѣ язычество выразило сопротивленіе введенію христіанской вѣры. Въ слѣдующемъ параграфѣ онъ самъ же говоритъ, что востокъ Россіи въ XI и XII столѣтіяхъ «еще мало былъ знакомъ съ христіанствомъ, а сѣверовосточные лѣса и болота посвящались еще язычеству» (стр. 29). Такъ въ Ростовѣ христіянство возрасло, орошенное кровію св. Леонтія. Симонъ въ посланіи своемъ Поликарпу говоритъ: «первый ростовскій Леонтій священномученикъ, его же Богъ прослави «нетлѣніемъ и бысть первопрестольникъ, *его же невѣрніи, много мучивше, убиша*». Первые два епископа Ростова, Ѳеодоръ и Иларіонъ были изгнаны «невѣрными людьми». Въ Муромѣ тоже жители не принимали христіянства. Когда Константинъ Святославичъ рѣшился уничтожить тамъ древнія вѣрованія, онъ отправилъ на этотъ подвигъ сына своего Михаила, который однако былъ убитъ. Константинъ долженъ былъ вооруженною рукою взять городъ. Даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ христіянская религія уже была введена и признана, въ народѣ еще долго жили языческія преданія, обряды и вѣрованія. Церковный уставъ Владиміра упоминаетъ о людяхъ, молившихся подъ овиномъ, у воды, въ рощахъ и занимавшихся потворами, чародѣйствомъ и волхвованіемъ. Митрополитъ Іоаннъ (XII в.) говоритъ о христіянахъ, которые приносили жертвы «бѣсомъ и болотомъ и колодяземъ»». Въ вопросахъ, предложенныхъ ему Кирикомъ, находимъ извѣстіе о женахъ, приносившихъ младенцевъ своихъ къ волхвамъ и избѣгавшихъ молитвы священника. Правила бракосочетанія нарушались до позднѣйшаго времени; духовенство безпрерывно писало и возставало противъ разводовъ, многоженства и заключенія брака въ незаконныхъ степеняхъ родства и свойства. Было убѣжденіе, что бракосочетаніе предъ лицомъ церкви есть церемоніяльный обрядъ для князей и бояръ; простой народъ считалъ для себя достаточнымъ «плесканіе». Несторъ не разъ указываетъ на существованіе въ его время живыхъ слѣдовъ язычества: «но «сими дьяволъ льститъ и другими всяческыми лестьми пребавляетъ «отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо «игрища утолочена и людей много множество, яко упихати начнутъ «другъ друга, позоры дѣюща отъ бѣса замышленнаго дѣла, — а «церквы стоятъ (пусты)» или «се бо не погански ли живемъ, аще

«усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящетъ черноризца, то възвра-«щается, ли единецъ, ли свинью», то «не погансқы ли есть?» и проч. Все это очень естественно и должно было высказаться такъ, а не иначе, если вспомнимъ тогдашнюю ступень народнаго развитія.

Побѣждаемое со всѣхъ сторонъ христіянскимъ ученіемъ, язычество вставало нѣсколько разъ для открытой борьбы съ нимъ, хотя всякой разъ вновь падало. Оно высылало на свою защиту волхвовъ и кудесниковъ, воспитанныхъ сѣверными лѣсами и пустынями. Авторъ «Исторіи Русской Церкви» говоритъ объ этихъ замѣчательныхъ фактахъ весьма неполно, что мѣшаетъ вѣрно возстановить характеръ эпохи. Мы представимъ нѣсколько фактовъ, сохраненныхъ лѣтописцемъ. Подъ 1024 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: «въ се же лѣто въсташа вълъсви въ Суждали, избиваху старую «чадь по дьяволю наученью и бѣсованью, глаголюще, яко си дер-«жать гобино. Бѣ мятежъ и голодъ по всей той странѣ». Еще въ концѣ XI в. волхвы не разъ увлекаютъ за собою цѣлыя массы народа: такъ слаба была новая вѣра. 1071 года въ самомъ Кіевѣ явился волхвъ, предсказывая обратное теченіе Днѣпра и перемѣщеніе земель греческой и русской; нашлись «невѣгласи», которые его слушали. Подъ тѣмъ же годомъ, по случаю голода, волхвы сложили причину бѣдствія на женщинъ и избивали ихъ; такъ они пробрались изъ Ростовской области до Бѣлаозера, въ сопровожденіи большой толпы; а въ Новгородѣ одинъ волхвъ такъ взволновалъ народъ, что самая смерть грозила епископу Ѳеодору, на сторонѣ котораго былъ только князь съ дружиною. Все остальное населеніе стояло за волхва. Факты эти, кажется, достаточно говорятъ противъ восьмого параграфа «Исторіи» (Ч. I), гдѣ авторъ разсматриваетъ «причины *мирнаго* и *скораго* распространенія Христіанства въ Россіи».

Эта борьба христіянской религіи съ язычествомъ и ея постепенная побѣда составляютъ содержаніе перваго отдѣла первой части въ сочиненіи преосвящ. Филарета. Мы нарочно разсматривали этотъ отдѣлъ подробнѣе, такъ-какъ въ немъ и заключается главный историческій интересъ. Относительно прочихъ отдѣловъ мы замѣтимъ только нѣкоторыя ошибки автора и остановимся на событіяхъ, особенно характеризующихъ духъ времени и положеніе русской Церкви въ эти начальные годы ея бытія.

Второй отдѣлъ посвященъ разбору тѣхъ мѣръ, которыя предприняты были для распространенія, сколько возможно, греческой духовной образованности. Здѣсь на-ряду съ дѣльными выводами авторъ приводитъ слѣдующій: «сношенія Россіи съ Греціею въ пер-«вомъ ея періодѣ до того знакомили ее съ Греціею, *что даже про-«стой народъ нѣсколько понималъ греческій языкъ*; напр. въ торже-

«ніе Митрополіи Русской — говоритъ сочинитель — выражалось въ «томъ, что онъ пользовался *правомъ избирать и поставлять Митро-«полита всей Россіи*». Желаніе отрѣшиться отъ этой зависимости высказывается у насъ весьма рано со стороны великокняжеской власти. Уже Ярославъ самъ избираетъ и поставляетъ своими епископами русскаго митрополита Иларіона. Но послѣ Русь снова принимаетъ митрополитовъ изъ Греціи, до великаго князя Изяслава, который 1147 г. созвалъ соборъ Епископовъ для избранія и поставленія перваго «Епископа Россіи». Начались споры; особенно возставалъ противъ требованія великаго князя новгородскій епископъ Нифонтъ. Несмотря на то, былъ избранъ Климентъ? «Нифонтъ за рѣзкіе отзывы о новомъ Митрополитѣ вызванъ былъ въ «Кіевъ и оставался въ заключеніи, пока не овладѣлъ Кіевомъ Юрій. «*Патріархъ Николай прислалъ одобрительную грамоту Нифонту «за усердіе къ патріаршему престолу*». Когда Изяславъ умеръ, кіевляне приняли брата его Ростислава. Въ 1155 г. Ростиславъ потерялъ велико-княжескій столъ, и Климентъ вынужденъ былъ бѣжать. Кіевомъ овладѣлъ Юрій, который принялъ на каѳедру митрополита грека Константина. «Въ началѣ 1159 года сыновья Изяслава «силою оружія предоставили Ростиславу Смоленскому кіевскій пре-«столъ, но съ тѣмъ, чтобы Климентъ снова управлялъ церковію. «Ростиславъ, *союзникъ умершаго Юрія* (Ростиславъ Мстиславичъ не «былъ союзникомъ Юрія, ни живаго, ни мертваго), не принималъ «сего условія. Не согласіе длилось. Сѣверный князь, *Андрей Бого-«любскій, пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, послалъ просить у «Патріарха особаго Митрополита сѣверу Россіи*». Тотъ, разумѣется, не согласился на такую просьбу. Южные князья окончили между тѣмъ споръ, призвавши новаго митрополита изъ Греціи, который однако вскорѣ умеръ. Ростиславъ желалъ возвратить митрополичью каѳедру Клименту и потому отправилъ въ Грецію посла, за согласіемъ патріарха. Но посолъ на дорогѣ встрѣтилъ новаго митрополита Іоанна, отправленнаго изъ Греціи въ Русь, и принужденъ былъ воротиться. «Ростиславъ негодовалъ: но смягченный ласками Импера-«тора и Патріарха, принялъ Іоанна, *съ тѣмъ однако, чтобы впередъ «безъ согласія В. Князя не присылали въ Россію Митрополита изъ «Греціи*» (стр. 170 — 180). Сочинитель «Исторіи русской Церкви» думаетъ, что всѣ эти факты вызваны неудобствомъ сообщеній Россіи съ Греціей, смутами, происходившими у насъ и въ Византіи, и потребностію, чтобы митрополитъ зналъ русскій языкъ. Не отвергая вліянія такихъ причинъ, мы однако думаемъ, что главная причина изложенныхъ фактовъ было стремленіе великихъ князей къ самостоятельности въ церковномъ отношеніи. Разсказъ преосвящ.

Филарета, противъ его воли, говоритъ тоже, какъ можно видѣть изъ нарочно-приведенныхъ нами мѣстъ.

На 187 стр. читаемъ: «Избраніе епископа въ удѣльномъ княжествѣ *зависѣло отъ князя, какъ представителя народнаго голоса;* а князь представлялъ избраннаго митрополиту». Въ доказательство приведено извѣстное мѣсто лѣтописи: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветъ, *князь восхощетъ и людье*». Авторъ не замѣтилъ выраженія «и людье». На слѣдующей страницѣ сказано: «отъ воли князя зависѣло удалить Епископа отъ управленія, *но никогда безъ разсмотрѣнія митрополичьяго. Только* своевольные Новгородцы, во время безурядій своихъ, сами по себѣ отказывали пастырямъ своимъ въ управленіи». Въ немногихъ строкахъ и столько ошибокъ! Впрочемъ понятно, почему? Авторъ проводитъ здѣсь свое желаніе, чтобы такъ было въ древней Руси. Слова его, разумѣется, не подтверждаются фактами; но дѣло въ томъ, что онъ и не безпокоится о фактахъ, онъ не представилъ своему мнѣнію никакихъ доказательствъ. А искать факты нельзя, безъ искаженія исторической истины. Андрей Боголюбскій, напримѣръ, и другіе князья нерѣдко изгоняли изъ своихъ удѣловъ епископовъ и возвращали ихъ снова; все это дѣлалось, и лѣтопись не только не говоритъ о согласіи митрополита, напротивъ, указываетъ на такіе факты, какъ факты, вызванные княжескимъ насиліемъ. Съ другой стороны, извѣстно, что епископы, избранные митрополитомъ, часто не были принимаемы удѣльными князьями. А что не одни «своевольные» новгородцы изгоняли епископовъ, на это приведемъ свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи подъ 1159 г.: «томъ же лѣтѣ выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа, зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы». Подобныхъ указаній въ лѣтописи авторъ можетъ найти еще нѣсколько.

Послѣдній отдѣлъ «О жизни христіанской» мы, по особеннымъ причинамъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, разсмотримъ ниже, — для всѣхъ періодовъ вмѣстѣ. Теперь же обратимся къ слѣдующимъ частямъ сочиненія.

А. АФАНАСЬЕВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВО ВНУТРЕНЮЮ АФРИКУ. Е. Ковалевскаго, *автора «Странствователя по сушѣ и морямъ» и проч. Съ картою и шестнадцатью картинками, рисованными г. Тимомъ и Дороговымъ, вырѣзанными на деревѣ Клотомъ, Бернардскимъ и Линкомъ.* Въ двухъ частяхъ. *Спб. 1849.*

Чудное дѣло путешествіе! Сколько наслажденій для всѣхъ возможныхъ чувствъ! Здѣсь бросается въ глаза веселый или мрачный пейзажъ; тамъ поражаетъ ихъ разнообразіе, странность, причудливость нарядовъ, физіономій, языковъ, характеровъ, обычаевъ; здѣсь прилетитъ мысль, которая осталась бы навсегда затаенною въ мозгу человѣка, если бы встрѣча съ новыми предметами не вызвала ея на свѣтъ Божій; тамъ сердце то забьется чувствомъ радости, то защемитъ больно. Сколько свѣдѣній, опыта, примѣровъ, которыхъ бы ввѣкъ не вычитать изъ самыхъ разумныхъ книгъ, будь ихъ такое же множество, какое сжегъ извѣстный аравійскій завоеватель! — и какихъ свѣдѣній! о природѣ, о жизни прошедшей и настоящей, объ искусствахъ полезныхъ и пріятныхъ, хотя многимъ кажущихся не только безполезными, но даже вредными. Сколько новыхъ знакомствъ, сколько встрѣчь съ людьми, которыхъ бы не привелось никогда отыскать, если бы даже сталъ гоняться за ними нарочно! Что́ знакомства! сколько людей, съ которыми гдѣ-нибудь подъ тропиками, или неподалеку отъ римскаго форума, или у стѣнъ мрачнаго лондонскаго тоуера, провелъ часъ-другой въ разговорѣ съ глазу на глазъ, хотя кругомъ кипѣла вѣчно-шумная, вѣчно-суетливая толпа! съ которыми *столкнулся* ненарокомъ, на-время, а *сошелся* на-всегда, оттого, что въ этотъ часъ-другой высказалъ и выслушалъ все, что было на душѣ. Отчего? оттого, что при видѣ чудесъ природы и произведеній труженической работы человѣческой нахлынули на эту душу волны впечатлѣній, затопили ее, и стало человѣку больно затаить ихъ въ себѣ или пролить даромъ въ безумномъ монологѣ. От-

того, что завидѣлъ онъ другого человѣка, который, также молча, вонзилъ свои взоры, задумчивые, внимательные, въ новый поразившій ихъ предметъ, и вотъ оба странника сошлись, переглянулись, перемолвились, слово за словомъ, и полилась бесѣда, длинная, живая, безусловно-разнообразная; незамѣтно промелькнуло время, и оба странника на всю жизнь остались знакомцами, друзьями, для того, чтобы всю жизнь припоминать имена другъ друга въ своихъ разсказахъ и тайныхъ думахъ. А разсказовъ — бездна! а думамъ — нѣтъ конца!.... Чудное дѣло путешествіе!

Иногда выходятъ не одни разсказы и думы: иногда облетавшій разныя страны путешественникъ выпуститъ и книгу.

Книга — вотъ здѣсь и камень претыканія, какъ говорилъ одинъ очень почтенный преподаватель какой-то полезной науки.

Изъ всѣхъ книгъ едва ли не самыя любопытныя — описанія путешествій: но зато ни одна такъ часто и не обманываетъ, ни даже ни-взять карта обѣда въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Посмотришь — словечки потекутъ, попробуешь проникнуть въ *сущность* — и то нельзя. Хотѣлось бы кстати объ обѣденной картѣ сказать слова и о нѣкоторыхъ путешествіяхъ.... ну, да лучше скорѣе къ дѣлу.

Предъ нами два красивые томика «Путешествія во внутреннюю Африку», съ отчетливою картою восточнаго Судана и Абиссиніи, съ картинками, рисованными рукою даровитыхъ Тима и Дорогова, вырѣзанныхъ на деревѣ Клотомъ, Бернардскимъ и Линкомъ — мастерами своего труднаго дѣла.

Если не вѣрите, посмотрите сами, и скажите г. Ковалевскому доброе русское спасибо за его прекрасное, любопытное изданіе. Пошлите ему желаніе счастливаго пути, потому-что онъ, оставивъ намъ на память свои замѣтки, опять пускается—Богъ его знаетъ куда: «далеко отсюда», говоритъ онъ. Не забудьте только попросить его непремѣнно издать для насъ свое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Вѣдь съ нимъ намъ весело будетъ пробраться и не въ такія любопытныя страны.

Возьмите-ка «Путешествіе» г. Ковалевскаго. Могу васъ увѣрить, что если примитесь читать, то перестанете только тогда, когда на 197 страницѣ второй книги увидите «конецъ».

Шутки въ сторону, г. Ковалевскій дилетантъ-путешественникъ увлекательно разсказываетъ все, что пришлось ему видѣть собственными глазами. Онъ знаетъ «свою» Африку, какъ вы знаете свой околодокъ; онъ прочелъ, я думаю, все, что написали о ней люди умные и ученые, начиная отъ Геродота до Клотъ-Бея; но ни на одной страницѣ ни однимъ словомъ не прихвастнетъ онъ своими свѣдѣніями. Онъ разсказываетъ просто, безъ претензій, живо, скоро, за-

нимательно. Многіе, можетъ быть, найдутъ, что разсказъ его даже слишкомъ быстръ, что на иномъ мѣстѣ можно было бы остановиться, какъ на хорошей станціи, помечтать, порезонёрствовать, поразить читателя бездною умъ помрачающей учености. Но г. Ковалевскій, напротивъ, кажется, самъ себѣ задалъ непремѣнную обязанность научить васъ всему, что́ самъ знаетъ, безъ труда съ вашей стороны, просто шутя. Даже тамъ, гдѣ бы онъ могъ васъ чисто озадачить, онъ держитъ себя скромно. Вотъ его метода. «Можетъ быть» — говоритъ онъ — «я смотрю на памятники древняго Египта съ другой точки, но я не навязываю никому своего образа воззрѣнія, даже всячески избѣгаю ученыхъ столкновеній съ другими, зная по опыту, что споры почти никогда ничего не доказываютъ, и, помилуй Богъ, какъ наскучаютъ читателямъ, которымъ насильно тычутъ всякую египетскую, греческую и латинскую мудрость, не для того, чтобы научить ихъ, нѣтъ, чтобы показать свою собственную ученость; а самый предметъ споровъ остается по прежнему въ неопредѣленномъ туманѣ». Стр. 67. Ч. I.

А знаете, по какому поводу сказаны имъ эти слова? По поводу вопроса о мѣстонахожденіи Меридова озера. Бездѣлица! да тутъ не только путешественнику, видѣвшему собственными глазами египетскія чудеса, а и кому-нибудь изъ кабинетныхъ бумогомарателей можно было бы заткнуть за поясъ всю египетскую экспедицію самого Наполеона. Посмотрите же, какъ на стр. 69 — 75 пишетъ объ этомъ вопросѣ г. Ковалевскій:

До сихъ поръ за Меридово озеро принимали находящееся въ Фаюмѣ, древнемъ Арсаноитѣ, озеро Биркетъ-эль-Керунъ. Самое геологическое строеніе береговъ озера убѣждаетъ въ томъ, что оно обязано существованіемъ своимъ естественнымъ причинамъ, а не рукамъ человѣческимъ: но это было бы слишкомъ простое, хотя и ясное опроверженіе укоренившагося мнѣнія; нужны изысканія историческія, чтобы опровергнуть убѣжденія, основанныя на показаніяхъ древнихъ, и умный Линанъ де Бельфонъ хорошо понялъ это: онъ посвятилъ большую часть своей брошюры для опроверженія гипотезы, и доказалъ древними же писателями всю несообразность ея, поколебалъ на всѣхъ пунктахъ, разрушилъ въ основаніи и потомъ разсыпалъ самый прахъ: теперь ей никто болѣе не вѣритъ. Я отсылаю любопытныхъ къ умной брошюрѣ. Они прочтутъ ее еще съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ ученыя изысканія извѣстнаго Жомара, напечатанныя въ огромномъ изданіи объ изслѣдованіяхъ Наполеоновской французской экспедиціи въ Египтѣ.

Казалось, почтенный Линанъ-бей на этомъ могъ бы и остановиться, — нѣтъ! Увлекшись изысканіями древнихъ, ступивши на соблазнительную и скользкую для многихъ ученыхъ почву, онъ уже не могъ

устоять и понесся по ней безъ оглядки. Ему нужно было непремѣ
найтти Меридово озеро, его робкому воображенію казалось стр
нымъ остаться безъ этого памятника египетской мудрости, стр
оставить свѣтъ безъ этого чуда свѣта, къ которому изъ-дѣтст
привыкли, какъ къ какому-нибудь колоссу Родосскому, къ басно
нымъ садамъ Семирамиды или Вавилонскому столпотворенію. И
Линанъ сталъ искать вездѣ суррогатъ Меридова озера. Разумѣе
первою заботою было пригнать его къ такому именно мѣсту, чт
къ нему приходились и лабиринтъ, и пирамиды, и дорога изъ М
фиса, и Крокодилополисъ, словомъ, сколько возможно, всѣ разн
ныя показанія древнихъ писателей: онъ долго искалъ такого пу
и, вообразите его радость, — отыскалъ!... Чего, подумаешь, не
лаетъ умный человѣкъ съ доброю волею! Когда я говорю, что
отыскалъ Меридово озеро, то не думайте, чтобы это было сор
образно съ вашими старыми понятіями объ озерахъ: нисколь
первыхъ, въ немъ нѣтъ и капли воды, во вторыхъ, оно обр
равнину; но, надѣюсь, что для такого важнаго открытія, вы
сдѣлать маленькія уступки. Что же служитъ естественными у
ми озера?

Г. Линанъ отыскалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ груды камн
нича, приписываемыя имъ древнимъ работамъ, которыя, по сн
нію, должны были составлять крѣпи озера. Хотя весь Египет
стоитъ скорѣе изъ развалинъ, чѣмъ изъ жилыхъ мѣстъ, одна
торъ, открывъ желанныя указанія, проводитъ по нимъ черту, д
няя воображеніемъ тѣ мѣста, гдѣ линія должна оборваться за не
ніемъ данныхъ, и такимъ образомъ обрисовываетъ площадь, къ кот
рой какъ нельзя лучше приходятся обозначенные древними пункт
Я съ намѣреніемъ указалъ на страницу брошюры, чтобы могли
вѣрить меня; не выставляю же здѣсь именъ деревень и урочищъ, че
резъ которыя проводитъ свою линію Линанъ, потому что никто
обязанъ знать географію Фаюма во всѣхъ его подробностяхъ.

Слѣдуя тактикѣ Линана, мы, въ подтвержденіе своего мнѣнія, со
шлемся на тѣхъ же древнихъ писателей, которыхъ онъ приводитъ в
свое оправданіе. Геродотъ полагаетъ окружность озера въ 3,600 стадій

Такъ какъ это пространство дѣйствительно огромное, то мы охот
но готовы согласиться съ другими, что здѣсь рѣчь идетъ о малых
стадіяхъ, которыя равняются 99,75 метрамъ, что все таки составитъ
площадь въ 359,100 метровъ.

Въ переводахъ древнихъ измѣреній на новѣйшія, мы вездѣ будемъ
слѣдовать Жомару, какъ самому добросовѣстному изслѣдователю,
потому удерживаемъ французскую мѣру, чтобы каждый могъ по-
рить насъ.

Діодоръ повторяетъ то, что сказалъ Геродотъ; показаніе Плинія
съ небольшими натяжками можно подвести подъ тотъ же уровень. За
то Помпоній-Мела даетъ совсѣмъ другую мѣру озеру.

основываемся конечно на указаніи Геродота, признанномъ за ѣрнѣйшее.
къ мы сказали, что площадь Меридова озера по Геродоту заъ 359,100 метровъ. Глубина его 50 оргій, что составляетъ по- метра.
:лѣ этого уже вамъ не трудно будетъ самимъ вычислить, сколькно вынуть земли, чтобы получить бассейнъ указанныхъ раз-, и вы увидите ужасающую цифру въ тысячу милліардовъ куѣхъ метровъ.
говоря уже о томъ, что подобный трудъ почти внѣ человѣчесилъ, особенно для одного царствованія, спрашиваю только, гдѣ сь огромная масса вынутой земли, которую не только 40 вѣ-ł00 не въ силахъ изгладить въ странѣ, гдѣ почти не бываетъ і?... Нѣтъ даже слѣдовъ ея, между тѣмъ, какъ замѣтны еще по берегамъ небольшихъ каналовъ фараонова времени.
го еще мало: Меридово озеро существовало для отвода излишы во время прибыли Нила и для снабженія его водою во время ельной убыли. Геродотъ говоритъ: шесть мѣсяцевъ воды Нила зъ озеро, шесть мѣсяцевъ воды озера текли въ Нилъ и, за-, однимъ и тѣмъ же каналомъ. И послѣ этой басни, показаніе ıбираютъ серьезно. Первый взглядъ на страну убѣдитъ васъ въ жности выполненія подобнаго условія Но это еще не все. Выь количество воды, протекающей въ минуту во время наиболь-ıибыли въ Нилѣ и принявъ въ соображеніе пространство и глузера, вы увидите, что весь Нилъ на нѣкоторое время нырнетъ и Нижній Египетъ останется безъ воды. Линанъ-бей слишвѣдущій инженеръ и легко сдѣлаетъ повѣрку моихъ словъ. Но і авторъ брошюры скажетъ, и даже говоритъ, что Геродотъ ıся въ вычисленіи окружности, что онъ еще больше, еще гру-ıибался въ показаніи глубины. А! здѣсь такъ онъ ошибался, замъ это нужно; почему же не ошибаетесь вы, или почему уже не сказать, что отецъ исторіи ошибался въ предположеніи твеннаго Меридова озера, что это басня, которую сказали ему, тѣмъ болѣе, что, какъ очень справедливо замѣтилъ г. Линанъ, египтяне были также хвастливы, какъ и нынѣшніе. Они вве-одота не въ одну ошибку, Геродота, котораго нѣкоторыя геоческія указанія и теперь поражаютъ своею точностію и вѣрно-Очень вѣроятно, что Меридъ вырылъ каналъ, который черезство Бахръ-эль-Юсуфа отводилъ излишнія воды Нила въ озеро ъ. Благодѣтельное вліяніе этой мѣры для жителей провинцій, ıежащихъ, исполнило удивленія, благоговѣнія къ фараону: не, чтобы одинъ каналъ могъ принести такую пользу, считали, сотворилъ чудо; слухъ о немъ мало по малу превращался въ которой способствовали жрецы и наконецъ эта басня разсказıла за дѣйствительность Геродоту, а тотъ сообщилъ ее на удисвѣту. За Геродотомъ повторяли другіе историки, которые, не

находя въ Фаюмѣ другаго озера кромѣ Кейруна, приняли его за искусственное, какъ вѣроятно принялъ и самъ Геродотъ.

Да какъ же быть, спросите вы, неужели и остаться совсѣмъ безъ Меридова озера?

Не знаю, какъ вы, а я рѣшительно не вѣрю въ него! Да и откуда возьмется у египтянъ, — не въ обиду будь сказано ихъ мудрости — знаніе гидравлическихъ работъ въ такой высокой степени, чтобы они могли устроить шлюзы и вообще выполнить эту гигантскую работу, когда цѣлыя пустыни, находившіяся такъ сказать въ центрѣ Египта, оставались безъ воздѣлыванія, потому только, что требовали нѣсколько сложной системы канализаціи.

Можно ли проще, дѣльнѣе, занимательнѣе изложить такое сухое разсужденіе о какомъ-нибудь Меридовомъ озерѣ, до котораго читателю неученому нѣтъ ни малѣйшей надобности, о которомъ онъ помнитъ только потому, что твердо заучилъ въ своемъ дѣтствѣ кое что изъ исторіи Египта.

Мы могли бы смѣло пуститься въ выписки, если бы не считали злоупотребленіемъ правъ рецензента цитировать на каждомъ шагу разбираемаго автора, и если бы не были увѣрены, что большая часть нашихъ читателей прочтетъ книгу г. Ковалевскаго цѣликомъ отъ начала до конца. Однако, для доказательства, что не духъ пристрастія, а полное убѣжденіе руководитъ перомъ нашимъ, мы укажемъ на изображеніе Мегемета-Али. Оно далеко принадлежитъ не къ числу лучшихъ въ книгѣ нашего туриста; но, кажется, нельзя въ болѣе короткихъ словахъ и яснѣе опредѣлить физіономію этого замѣчательнаго человѣка, не прибѣгая притомъ къ повторенію всего, что было сказано и пересказано о немъ въ книгахъ, газетахъ и журналахъ.

«Мегеметъ Али пригласилъ насъ въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. — почетъ, которымъ онъ рѣдко кого удостоиваетъ. Къ завтраку онъ приглашаетъ часто, иногда даже дамъ, особенно жену французскаго консула, Баро, но обѣдаютъ съ нимъ только люди близкіе, турки, большею частію его родственники, всего человѣкъ шесть-семь.

Мегеметъ Али сидѣлъ уже за столомъ, когда мы вошли въ столовую, и послѣ ласковаго привѣта, просилъ насъ садиться. На лицѣ его изображалась тяжкая болѣзнь: это было начало той болѣзни, которой, увы, суждено было впослѣдствіи такъ неожиданно, такъ страшно разразиться; руки его дрожали, онъ едва могъ держать ложку и почти ничего не ѣлъ; но голосъ былъ твердъ, и, перемогая свои недуги, старый паша не переставалъ быть привѣтливымъ хозяиномъ.

Съ любопытствомъ всматривался я въ лицо этого человѣка, который такъ долго занималъ собою вниманіе Европы. Его выставляли то геніемъ, то злодѣемъ, но каковъ бы онъ ни былъ, исторія жизни его

во всякомъ случаѣ, чудная и таинственная, вѣрно не разъ заставляла биться сердце читавшаго ее. Исторія эта всѣмъ извѣстна, и я не стану разсказывать ее подробно: припомню только важнѣйшія событія.

Мегеметъ-Али родился въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Румеліи, Кавалѣ, въ 1769 году, какъ говоритъ онъ самъ, но старики изъ Кавалы утверждаютъ, что ему теперь стукнуло добрыхъ 90 лѣтъ. Оставшись сиротою въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ былъ призрѣнъ однимъ добрымъ агой; мальчикъ полюбился агѣ, который отличилъ его отъ прочихъ домочадцевъ и выбралъ ему довольно богатую невѣсту. Молодой Мегеметъ-Али съ легкой руки началъ торговать табакомъ, скопилъ себѣ маленькое состояньице и строилъ планы болѣе обширной торговли, какъ вдругъ пришло въ Кавалу приказаніе набрать 300 человѣкъ и вмѣстѣ съ другими отправить въ Египетъ, гдѣ турки уже воевали противъ арміи Наполеона: Мегеметъ-Али попалъ въ число этихъ 300 человѣкъ. Онъ былъ храбръ, въ этомъ всѣ отдаютъ ему справедливость, уменъ, объ этомъ и говорить нечего, а потому не мудрено, что скоро выставился впередъ изъ среды полудикихъ албанцевъ. Послѣ абукирской битвы, онъ уже былъ произведенъ въ сарешесме (въ начальники 1000), а когда французы покинули Египетъ, онъ былъ посланъ противъ мамелюковъ, въ качествѣ начальника отряда.

Тутъ начинается для Мегеметъ-Али тотъ не вѣрный, тернистый и вмѣстѣ скользкій путь, по которому властолюбцы идутъ къ своей цѣли: бездна у ногъ; одинъ не вѣрный шагъ, и гибель неизбѣжна. Надо однако сказать, что не всегда эти пираты счастья пускаются по немъ преднамѣренно, съ сознаніемъ цѣли: нѣтъ! иногда случай сталкиваетъ ихъ на эту дорогу, иногда судьба увлекаетъ по ней. Мегеметъ-Али, рядомъ побѣдъ, интригъ, силою несокрушимой воли и гибкаго ума дошелъ до того, что шейхи Каира, выбросивши Копруда изъ пашалыка, предложили Египетъ смѣлому албанцу. Мегеметъ-Али послѣдовалъ общей, весьма странной уловкѣ людей въ его положеніи; нѣсколько времени онъ ломался, отказывался и наконецъ согласился сдѣлать милость каирскимъ жителямъ и шейхамъ, — принялъ Египетъ; порта, не смотря на всѣ свои противодѣйствія, принуждена была утвердить его въ званіи вице-короля: фирманъ послѣдовалъ 9 іюля 1805 года.

Проходимъ молчаніемъ рядъ послѣдующихъ побѣдъ его и завоеваніе Аравіи, Сиріи, Сенаара, Кордафана. Освобожденіе святыхъ городовъ Мекки и Медины изъ рукъ мусульманскихъ еретиковъ, вагабитовъ, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать войска султана, доставило ему громкую славу и уваженіе въ мусульманскомъ мірѣ; но вскорѣ потомъ начинается для Мегеметъ-Али рядъ пораженій всякаго рода: смерть любимыхъ сыновей Туссума и Исмаила, ужасное пораженіе въ Греціи, частая чума въ Египтѣ, наконецъ отнятіе Сиріи и Аравіи, и вслѣдъ за тѣмъ уничтоженіе многихъ монополій, приносившихъ ему огромный доходъ, мѣра, которую онъ долженъ былъ принять противъ воли. Но старый паша не упадалъ духомъ, и про-

того, что завидѣлъ онъ другого человѣка, который, также молча, вонзилъ свои взоры, задумчивые, внимательные, въ новый поразившій ихъ предметъ, и вотъ оба странника сошлись, переглянулись, перемолвились, слово за словомъ, и полилась бесѣда, длинная, живая, безусловно-разнообразная; незамѣтно промелькнуло время, и оба странника на всю жизнь остались знакомцами, друзьями, для того, чтобы всю жизнь припоминать имена другъ друга въ своихъ разсказахъ и тайныхъ думахъ. А разсказовъ — бездна! а думамъ — нѣтъ конца!.... Чудное дѣло путешествіе!

Иногда выходятъ не одни разсказы и думы: иногда облетавшій разныя страны путешественникъ выпуститъ и книгу.

Книга — вотъ здѣсь и камень претыканія, какъ говорилъ одинъ очень почтенный преподаватель какой-то полезной науки.

Изъ всѣхъ книгъ едва ли не самыя любопытныя — описанія путешествій; но зато ни одна такъ часто и не обманываетъ, ни дать-ни-взять карта обѣда въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Посмотришь — слюньки потекутъ, попробуешь проникнуть въ *сущность* — нѣтъ нельзя. Хотѣлось бы кстати объ обѣденной картѣ сказать слова два о нѣкоторыхъ путешествіяхъ.... ну, да лучше скорѣе къ дѣлу.

Предъ нами два красивые томика «Путешествія во внутреннюю Африку», съ отчетливою картою восточнаго Судана и Абиссиніи, съ картинками, рисованными рукою даровитыхъ Тима и Дорогова, вырѣзанныхъ на деревѣ Клотомъ, Бернардскимъ и Линкомъ — мастерами своего труднаго дѣла.

Если не вѣрите, посмотрите сами, и скажите г. Ковалевскому доброе русское спасибо за его прекрасное, любопытное изданіе. Пошлите ему желаніе счастливаго пути, потому-что онъ, оставивъ намъ на память свои замѣтки, опять пускается—Богъ его знаетъ куда: «далеко отсюда», говоритъ онъ. Не забудьте только попросить его непремѣнно издать для насъ свое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Вѣдь съ нимъ намъ весело будетъ пробраться и не въ такія любопытныя страны.

Возьмите-ка «Путешествіе» г. Ковалевскаго. Могу васъ увѣрить, что если приметесь читать, то перестанете только тогда, когда на 197 страницѣ второй книги увидите «конецъ».

Шутки въ сторону, г. Ковалевскій дилетантъ-путешественникъ увлекательно разсказываетъ все, что̀ пришлось ему видѣть собственными глазами. Онъ знаетъ «свою» Африку, какъ вы знаете свой околодокъ; онъ прочелъ, я думаю, все, что̀ написали о ней люди умные и ученые, начиная отъ Геродота до Клотъ-Бея; но ни на одной страницѣ ни однимъ словомъ не прихвастнетъ онъ своими свѣдѣніями. Онъ разсказываетъ просто, безъ претензій, живо, скоро, за-

нимательно. Многie, можетъ быть, найдутъ, что разсказъ его даже слишкомъ быстръ, что на иномъ мѣстѣ можно было бы остановиться, какъ на хорошей станціи, помечтать, порезонѣрствовать, поразить читателя бездною умъ помрачающей учености. Но г. Ковалевскій, напротивъ, кажется, самъ себѣ задалъ непремѣнную обязанность научить васъ всему, что̀ самъ знаетъ, безъ труда съ вашей стороны, просто шутя. Даже тамъ, гдѣ бы онъ мо̀гъ васъ чисто озадачить, онъ держитъ себя скромно. Вотъ его метода. «Можетъ быть» — говоритъ онъ — «я смотрю на памятники древняго Египта съ другой точки, но я не навязываю никому своего образа воззрѣнія, даже всячески избѣгаю ученыхъ столкновеній съ другими, зная по опыту, что споры почти никогда ничего не доказываютъ, и, помилуй Богъ, какъ наскучаютъ читателямъ, которымъ насильно тычутъ всякую египетскую, греческую и латинскую мудрость, не для того, чтобы научить ихъ, нѣтъ, чтобы показать свою собственную ученость; а самый предметъ споровъ остается по прежнему въ неопредѣленномъ туманѣ». Стр. 67. Ч. I.

А знаете, по какому поводу сказаны имъ эти слова? По поводу вопроса о мѣстонахожденіи Меридова озера. Бездѣлица! да тутъ не только путешественнику, видѣвшему собственными глазами египетскія чудеса, а и кому-нибудь изъ кабинетныхъ бумогомарателей можно было бы заткнуть за поясъ всю египетскую экспедицію самого Наполеона. Посмотрите же, какъ на стр. 69 — 75 пишетъ объ этомъ вопросѣ г. Ковалевскій:

До сихъ поръ за Меридово озеро принимали находящееся въ Фаюмѣ, древнемъ Арсаноитѣ, озеро Биркетъ-эль-Керунъ. Самое геологическое строеніе береговъ озера убѣждаетъ въ томъ, что оно обязано существованіемъ своимъ естественнымъ причинамъ, а не рукамъ человѣческимъ: но это было бы слишкомъ простое, хотя и ясное опровержение укоренившагося мнѣнія; нужны изысканія историческія, чтобы опровергнуть убѣжденія, основанныя на показаніяхъ древнихъ, и умный Линанъ де Бельфонъ хорошо понялъ это: онъ посвятилъ большую часть своей брошюры для опровержения гипотезы, и доказалъ древними же писателями всю несообразность ея, поколебалъ на всѣхъ пунктахъ, разрушилъ въ основаніи и потомъ разсыпалъ самый прахъ: теперь ей никто болѣе не вѣритъ. Я отсылаю любопытныхъ къ умной брошюрѣ. Они прочтутъ ее еще съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ ученыя изысканія извѣстнаго Жомара, напечатанныя въ огромномъ изданіи объ изслѣдованіяхъ Наполеоновской французской экспедиціи въ Египтѣ.

Казалось, почтенный Линанъ-бей на этомъ могъ бы и остановиться. — нѣтъ! Увлекшись изысканіями древнихъ, ступивши на соблазнительную и скользкую для многихъ ученыхъ почву, онъ уже не могъ

устоять и понесся по ней безъ оглядки. Ему нужно было непремѣнно найтти Меридово озеро, его робкому воображенію казалось страшнымъ остаться безъ этого памятника египетской мудрости, страшно оставить свѣтъ безъ этого чуда свѣта, къ которому изъ-дѣтства вы привыкли, какъ къ какому-нибудь колоссу Родосскому, къ баснословнымъ садамъ Семирамиды или Вавилонскому столпотворенію. И вотъ Линанъ сталъ искать вездѣ суррогатъ Меридова озера. Разумѣется, первою заботою было пригнать его къ такому именно мѣсту, чтобы къ нему приходились и лабиринтъ, и пирамиды, и дорога изъ Мемфиса, и Крокодилополисъ, словомъ, сколько возможно, всѣ разнородныя показанія древнихъ писателей; онъ долго искалъ такого пункта и, вообразите его радость, — отыскалъ!... Чего, подумаешь, не сдѣлаетъ умный человѣкъ съ доброю волею! Когда я говорю, что онъ отыскалъ Меридово озеро, то не думайте, чтобы это было *озеро*, сообразно съ вашими старыми понятіями объ озерахъ: нисколько! во первыхъ, въ немъ нѣтъ и капли воды, во вторыхъ, оно образуетъ равнину; но, надѣюсь, что для такого важнаго открытія, вы можете сдѣлать маленькія уступки. Что же служитъ естественными указаніями озера?

Г. Линанъ отыскалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ груды камня и кирпича, приписываемыя имъ древнимъ работамъ, которыя, по его мнѣнію, должны были составлять крѣпи озера. Хотя весь Египетъ состоитъ скорѣе изъ развалинъ, чѣмъ изъ жилыхъ мѣстъ, однако авторъ, открывъ желанныя указанія, проводитъ по нимъ черту, дополняя воображеніемъ тѣ мѣста, гдѣ линія должна оборваться за неимѣніемъ данныхъ, и такимъ образомъ обрисовываетъ площадь, къ которой какъ нельзя лучше приходятся обозначенные древними пункты. Я съ намѣреніемъ указалъ на страницу брошюры, чтобы могли повѣрить меня; не выставляю же здѣсь именъ деревень и урочищъ, черезъ которыя проводитъ свою линію Линанъ, потому что никто не обязанъ знать географію Фаюма во всѣхъ его подробностяхъ.

Слѣдуя тактикѣ Линана, мы, въ подтвержденіе своего мнѣнія, сошлемся на тѣхъ же древнихъ писателей, которыхъ онъ приводитъ въ свое оправданіе. Геродотъ полагаетъ окружность озера въ 3,600 стадій.

Такъ какъ это пространство дѣйствительно огромное, то мы охотно готовы согласиться съ другими, что здѣсь рѣчь идетъ о малыхъ стадіяхъ, которыя равняются 99,75 метрамъ, что все таки составитъ площадь въ 359,100 метровъ.

Въ переводахъ древнихъ измѣреній на новѣйшія, мы вездѣ будемъ слѣдовать Жомару, какъ самому добросовѣстному изслѣдователю, и потому удерживаемъ французскую мѣру, чтобы каждый могъ повѣрить насъ.

Діодоръ повторяетъ то, что сказалъ Геродотъ; показаніе Плинія съ небольшими натяжками можно подвести подъ тотъ же уровень. За то Помпоній-Мела даетъ совсѣмъ другую мѣру озеру.

Мы основываемся конечно на указаніи Геродота, признанномъ за достовѣрнѣйшее.

Итакъ мы сказали, что площадь Меридова озера по Геродоту занимаетъ 359,100 метровъ. Глубина его 50 оргій, что составляетъ почти 92 метра.

Послѣ этого уже вамъ не трудно будетъ самимъ вычислить, сколько нужно вынуть земли, чтобы получить бассейнъ указанныхъ размѣровъ, и вы увидите ужасающую цифру въ тысячу милліардовъ кубическихъ метровъ.

Не говоря уже о томъ, что подобный трудъ почти внѣ человѣческихъ силъ, особенно для одного царствованія, спрашиваю только, гдѣ дѣвалась огромная масса вынутой земли, которую не только 40 вѣковъ, 400 не въ силахъ изгладить въ странѣ, гдѣ почти не бываетъ дождей?... Нѣтъ даже слѣдовъ ея, между тѣмъ, какъ замѣтны еще бугры по берегамъ небольшихъ каналовъ фараонова времени.

Этого еще мало: Меридово озеро существовало для отвода излишка воды во время прибыли Нила и для снабженія его водою во время значительной убыли. Геродотъ говоритъ: шесть мѣсяцевъ воды Нила текли въ озеро, шесть мѣсяцевъ воды озера текли въ Нилъ и, замѣтьте, однимъ и тѣмъ же каналомъ. И послѣ этой басни, показаніе его разбираютъ серьезно. Первый взглядъ на страну убѣдитъ васъ въ невозможности выполненія подобнаго условія Но это еще не все. Вычисливъ количество воды, протекающей въ минуту во время наибольшей прибыли въ Нилѣ и принявъ въ соображеніе пространство и глубину озера, вы увидите, что весь Нилъ на нѣкоторое время нырнетъ въ него и Нижній Египетъ останется безъ воды. Линанъ-бей слишкомъ свѣдущій инженеръ и легко сдѣлаетъ повѣрку моихъ словъ. Но ученый авторъ брошюры скажетъ, и даже говоритъ, что Геродотъ ошибался въ изчисленіи окружности, что онъ еще больше, еще грубѣе ошибался въ показаніи глубины. А! здѣсь такъ онъ ошибался, когда вамъ это нужно; почему же не ошибаетесь вы, или почему уже за одно не сказать, что отецъ исторіи ошибался въ предположеніи искусственнаго Меридова озера, что это басня, которую сказали ему жрецы, тѣмъ болѣе, что, какъ очень справедливо замѣтилъ г. Линанъ, древніе египтяне были также хвастливы, какъ и нынѣшніе. Они ввели Геродота не въ одну ошибку, Геродота, котораго нѣкоторыя географическія указанія и теперь поражаютъ своею точностію и вѣрностію. Очень вѣроятно, что Меридъ вырылъ каналъ, который черезъ посредство Бахръ-эль-Юсуфа отводилъ излишнія воды Нила въ озеро Кейрунъ. Благодѣтельное вліяніе этой мѣры для жителей провинцій, выше лежащихъ, исполнило удивленія, благоговѣнія къ фараону: не вѣрили, чтобы одинъ каналъ могъ принести такую пользу, считали, что онъ сотворилъ чудо; слухъ о немъ мало по малу превращался въ басню, которой способствовали жрецы и наконецъ эта басня разсказана была за дѣйствительность Геродоту, а тотъ сообщилъ ее на удивленіе свѣту. За Геродотомъ повторяли другіе историки, которые, не

находя въ Фаюмѣ другаго озера кромѣ Кейрунъ, приняли его за искусственное, какъ вѣроятно принялъ и самъ Геродотъ.

Да какъ же быть, спросите вы, неужели и остаться совсѣмъ безъ Меридова озера?

Не знаю, какъ вы, а я рѣшителъно не вѣрю въ него! Да и откуда возьмется у египтянъ, — не въ обиду будь сказано ихъ мудрости — знаніе гидравлическихъ работъ въ такой высокой степени, чтобы они могли устроить шлюзы и вообще выполнить эту гигантскую работу, когда цѣлыя пустыни, находившіяся такъ сказать въ центрѣ Египта, оставались безъ воздѣлыванія, потому только, что требовали нѣсколько сложной системы канализаціи.

Можно ли проще, дѣльнѣе, занимательнѣе изложить такое сухое разсужденіе о какомъ-нибудь Меридовомъ озерѣ, до котораго читателю неученому нѣтъ ни малѣйшей надобности, о которомъ онъ помнитъ только потому, что твердо заучилъ въ своемъ дѣтствѣ коечто изъ исторіи Египта.

Мы могли бы смѣло пуститься въ выписки, если бы не считали злоупотребленіемъ правъ рецензента цитировать на каждомъ шагу разбираемаго автора, и если бы не были увѣрены, что бо́льшая часть нашихъ читателей прочтетъ книгу г. Ковалевскаго цѣликомъ отъ начала до конца. Однако, для доказательства, что не духъ пристрастія, а полное убѣжденіе руководитъ перомъ нашимъ, мы укажемъ на изображеніе Мегемета-Али. Оно далеко принадлежитъ не къ числу лучшихъ въ книгѣ нашего туриста; но, кажется, нельзя въ болѣе короткихъ словахъ и яснѣе опредѣлить физіономію этого замѣчательнаго человѣка, не прибѣгая притомъ къ повторенію всего, что́ было сказано и пересказано о немъ въ книгахъ, газетахъ и журналахъ.

«Мегеметъ Али пригласилъ насъ въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. — почетъ, которымъ онъ рѣдко кого удостоиваетъ. Къ завтраку онъ приглашаетъ часто, иногда даже дамъ, особенно жену французскаго консула, Баро, но обѣдаютъ съ нимъ только люди близкіе, турки, большею частію его родственники, всего человѣкъ шесть-семь.

Мегеметъ Али сидѣлъ уже за столомъ, когда мы вошли въ столовую, и послѣ ласковаго привѣта, просилъ насъ садиться. На лицѣ его изображалась тяжкая болѣзнь: это было начало той болѣзни, которой, увы, суждено было впослѣдствіи такъ неожиданно, такъ страшно разразиться; руки его дрожали, онъ едва могъ держать ложку и почти ничего не ѣлъ; но голосъ былъ твердъ, и, перемогая свои недуги, старый паша не переставалъ быть привѣтливымъ хозяиномъ.

Съ любопытствомъ всматривался я въ лицо этого человѣка, который такъ долго занималъ собою вниманіе Европы. Его выставляли то геніемъ, то злодѣемъ, но каковъ бы онъ ни былъ, исторія жизни его

во всякомъ случаѣ, чудная и таинственная, вѣрно не разъ заставляла биться сердце читавшаго ее. Исторія эта всѣмъ извѣстна, и я не стану разсказывать ее подробно: припомню только важнѣйшія событія.

Мегеметъ-Али родился въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Румеліи, Кавалѣ, въ 1769 году, какъ говоритъ онъ самъ, но старики изъ Кавалы утверждаютъ, что ему теперь стукнуло добрыхъ 90 лѣтъ. Оставшись сиротою въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ былъ призрѣнъ однимъ добрымъ агой; мальчикъ полюбился агѣ, который отличилъ его отъ прочихъ домочадцевъ и выбралъ ему довольно богатую невѣсту. Молодой Мегеметъ-Али съ легкой руки началъ торговать табакомъ, скопилъ себѣ маленькое состояньице и строилъ планы болѣе обширной торговли, какъ вдругъ пришло въ Кавалу приказаніе набрать 300 человѣкъ и вмѣстѣ съ другими отправить въ Египетъ, гдѣ турки уже воевали противъ арміи Наполеона: Мегеметъ-Али попалъ въ число этихъ 300 человѣкъ. Онъ былъ храбръ, въ этомъ всѣ отдаютъ ему справедливость, уменъ, объ этомъ и говорить нечего, а потому не мудрено, что скоро выставился впередъ изъ среды полудикихъ албанцевъ. Послѣ абукирской битвы, онъ уже былъ произведенъ въ сарешесме (въ начальники 1000), а когда французы покинули Египетъ, онъ былъ посланъ противъ мамелюковъ, въ качествѣ начальника отряда.

Тутъ начинается для Мегеметъ-Али тотъ не вѣрный, тернистый и вмѣстѣ скользкій путь, по которому властолюбцы идутъ къ своей цѣли: бездна у ногъ; одинъ не вѣрный шагъ, и гибель неизбѣжна. Надо однако сказать, что не всегда эти пираты счастья пускаются по немъ преднамѣренно, съ сознаніемъ цѣли: нѣтъ' иногда случай сталкиваетъ ихъ на эту дорогу, иногда судьба увлекаетъ по ней. Мегеметъ-Али, рядомъ побѣдъ, интригъ, силою несокрушимой воли и гибкаго ума дошелъ до того, что шейхи Каира, выбросивши Котруда изъ пашалыка, предложили Египетъ смѣлому албанцу. Мегеметъ-Али послѣдовалъ общей, весьма странной уловкѣ людей въ его положеніи: нѣсколько времени онъ ломался, отказывался и наконецъ согласился сдѣлать милость каирскимъ жителямъ и шейхамъ, — принялъ Египетъ; порта, не смотря на всѣ свои противодѣйствія, принуждена была утвердить его въ званіи вице-короля: фирманъ послѣдовалъ 9 іюля 1805 года.

Проходимъ молчаніемъ рядъ послѣдующихъ побѣдъ его и завоеваніе Аравіи, Сиріи, Сенаара, Кордофана. Освобожденіе святыхъ городовъ Мекки и Медины изъ рукъ мусульманскихъ еретиковъ, вагабитовъ, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать войска султана, доставило ему громкую славу и уваженіе въ мусульманскомъ мірѣ; но вскорѣ потомъ начинается для Мегеметъ-Али рядъ пораженій всякаго рода: смерть любимыхъ сыновей Тусуна и Измаила, ужасное пораженіе въ Греціи, частая чума въ Египтѣ, наконецъ отнятіе Сиріи и Аравіи, и вслѣдъ за тѣмъ уничтоженіе многихъ монополій, приносившихъ ему огромный доходъ, мѣра, которую онъ долженъ былъ принять противъ воли. Но старый паша не упадалъ духомъ, и про

должалъ по прежнему дѣло преобразованія въ оставшемся ему Египтѣ, въ Сенаарѣ и Кордафанѣ. какъ онъ преобразовалъ ихъ, это мы увидимъ во время своего путешествія, а теперь обратимся къ нашему обѣду.

Обѣдъ былъ очень хорошъ и сервированъ по европейски; всѣ торопились ѣсть или пропускали блюда, не прикасаясь къ нимъ, чтобы не утомлять больнаго продолжительнымъ сидѣніемъ за столомъ; французъ дворецкій, понимавшій общее желаніе, исполнялъ свое дѣло живо; слуги передвигались въ совершенной тишинѣ, какъ тѣни: только слышна была мѣрная, внятная, кадансовая рѣчь переводчика, который съ главнымъ драгоманомъ, лицомъ очень важнымъ въ управленіи Египта, стоялъ у стула больнаго и передавалъ намъ по французски едва внятныя слова его.

Мегеметъ-Али не большаго роста: сьеженный лѣтами и болѣзнію, онъ казался миніатюрнымъ, крошечныя руки и голова соотвѣтствовали всей его фигурѣ; рѣдкая, бѣлая борода и маленькіе усы не скрывали лица, которое нѣкогда было красиво, теперь блѣдно, покрыто морщинами, но нисколько не непріятно, какъ это часто бываетъ у стариковъ, напротивъ, внушало уваженіе и довѣренность, а свѣтло-каріе, глубоко вдавленные глаза, подвижные, живые, все еще блестящіе, какъ-то странно озаряли эту фантастическую фигуру, свидѣтельствуя, что жизнь въ ней еще бьетъ ключемъ и мятежный духъ также дѣятеленъ теперь, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Только по временамъ, какое-то страшное вскрикиваніе, которое, казалось, вырывалось изъ глубины души больнаго, неожиданно, безъ всякаго участія его самаго, невольно пугало насъ; другіе привыкли къ нему, потому что всякая болѣзнь вице-короля сопровождалась подобными криками; ихъ не могли истребить ни его твердая воля, ни всѣ усилія врачей. Говорятъ, это произошло отъ чрезвычайнаго нравственнаго напряженія его во время войны съ вагабитами. Окруженный отвсюду сильнымъ непріятелемъ, угрожаемый своими, изъ которыхъ многіе уже отказались ему повиноваться, онъ рѣшился на отчаянный подвигъ: взять приступомъ крѣпость, такъ сказать висѣвшую надъ головою и громившую его лагерь: однимъ этимъ онъ могъ возстановить упавшій духъ въ оставшемся у него отрядѣ, открыть себѣ путь во внутрь страны и устрашить непріятеля. У него была только горсть людей, и съ нею-то, ночью, кинулся онъ на крѣпость. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ дѣло, и война съ вагабитами приняла другой оборотъ: но возвратившись съ поля битвы, Мегеметъ Али почувствовалъ въ первый разъ эти нервическіе, судорожные крики, которые, въ началѣ, приводили его въ совершенное отчаяніе

За обѣдомъ разговоръ кружился около моей экспедиціи Мегеметъ-Али хотѣлось чтобы я пережидалъ періодическіе дожди въ Каирѣ, и потомъ уже отправился въ Сенааръ; онъ утверждалъ, что первые дожди въ Суданѣ начнутся въ будущемъ мѣсяцѣ (февралѣ). Мысль, что я долженъ жить въ Каирѣ безъ всякаго дѣла около полугода, пуга-

ла меня; при томъ же, хотя Мегеметъ-Али и былъ однажды за линіей періодическихъ дождей, слѣдовательно могъ судить по опыту, однако, я зналъ отъ людей бывалыхъ во всякое время года въ этихъ краяхъ, что сильные дожди, харифъ, отъ которыхъ бѣгутъ люди и звѣри, въ горахъ начинаются не ранѣе мая мѣсяца; я рѣшился объяснить это Мегеметъ-Али, разумѣется какъ можно легче. Онъ сомнительно покачалъ головой и обратился съ вопросомъ къ другимъ. Многіе изъ находившихся тутъ были въ Суданѣ, но только одинъ, изъ слугъ, рѣшился отвѣчать, что хотя эфендина совершенно правъ и дожди бываютъ въ февралѣ, однако большею частію начинаются въ маѣ. Мегеметъ-Али взглянулъ на него такъ, что тотъ попятился невольно къ стѣнѣ; но тутъ же объявилъ, что совершенно согласенъ отпустить меня, когда я хочу, и что велитъ немедленно снаряжать экспедицію: только ради моего здоровья желалъ онъ оставить меня подолѣе здѣсь. И дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, Мегеметъ-Али, по совѣту добраго Клотъ-бея, хотѣлъ, чтобы мы оклиматизировались въ Каирѣ, и сколько по этому, столько по возникшимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ съ Абиссиніей, со стороны Сенаара, хотѣлъ насъ удержать нѣсколько времени при себѣ, хотя самъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе добиться результатовъ нашей экспедиціи, а результатовъ онъ ожидалъ огромныхъ.

— Я приказалъ генералъ губернатору послать въ Фазоглу 10,000 человѣкъ для работъ на золотыхъ рудникахъ, сказалъ паша, а если нужно, такъ еще прибавлю столько же.

Съ удивленіемъ слушалъ я его. Что мы станемъ дѣлать съ 10,000, думалъ я, когда еще нѣтъ и рудниковъ, не говорю уже о горныхъ людяхъ, которые бы могли руководить всю эту толпу людей; но предупрежденный напередъ и видя по опыту, какъ не любитъ противорѣчій старый паша, избалованный своими и европейцами, которые изъ уваженія къ его лѣтамъ и заслугамъ, изъ боязни можетъ быть, во всемъ соглашаются съ нимъ, хотя не всегда поступаютъ по его волѣ, я на этотъ разъ не противорѣчилъ, рѣшившись однако, при первомъ свиданіи объясниться съ нимъ обстоятельнѣй и показать вещи съ настоящей точки зрѣнія. Иншаллахъ! сказалъ я: дай только Богъ, чтобъ было золото!

— О, вы непремѣнно найдете и золото и серебро и мѣдь: тамъ всего много.

Я хотѣлъ было говорить, но обращенные на меня отвсюду умоляющіе взоры принудили къ молчанію.

Послѣ обѣда мы ушли въ другую комнату, роскошно убранную, разрисованную въ восточномъ вкусѣ цвѣтами и арабесками, съ огромными зеркалами на простѣнкахъ и съ мягкими диванами вдоль двухъ стѣнъ. Мегеметъ-Али усѣлся по турецки въ углу дивана, со всѣмъ погрузившись въ свою шубу: мы сѣли возлѣ, на покойныхъ креслахъ: изъ всѣхъ бывшихъ въ столовой, одинъ главный драгоманъ послѣдовалъ за нами. Напившись кофе и втянувъ въ себя по нѣскольку глот-

должалъ по прежнему дѣло преобразованія въ оставшемся ему Египтѣ, въ Сенаарѣ и Кордафанѣ. какъ онъ преобразовалъ ихъ, это мы увидимъ во время своего путешествія, а теперь обратимся къ нашему обѣду.

Обѣдъ былъ очень хорошъ и сервированъ по европейски; всѣ торопились ѣсть или пропускали блюда, не прикасаясь къ нимъ, чтобы не утомлять больнаго продолжительнымъ сидѣніемъ за столомъ; французъ дворецкій, понимавшій общее желаніе, исполнялъ свое дѣло живо; слуги передвигались въ совершенной тишинѣ, какъ тѣни: только слышна была мѣрная, внятная, кадансовая рѣчь переводчика, который съ главнымъ драгоманомъ, лицомъ очень важнымъ въ управленіи Египта, стоялъ у стула больнаго и передавалъ намъ по французски едва внятныя слова его.

Мегеметъ-Али не большаго роста: сьеженный лѣтами и болѣзнію, онъ казался миніатюрнымъ, крошечныя руки и голова соотвѣтствовали всей его фигурѣ; рѣдкая, бѣлая борода и маленькіе усы не скрывали лица, которое нѣкогда было красиво, теперь блѣдно, покрыто морщинами, но нисколько не непріятно, какъ это часто бываетъ у стариковъ, напротивъ, внушало уваженіе и довѣренность, а свѣтло-каріе, глубоко вдавленные глаза, подвижные, живые, все еще блестящіе, какъ-то странно озаряли эту фантастическую фигуру, свидѣтельствуя, что жизнь въ ней еще бьетъ ключемъ и мятежный духъ также дѣятеленъ теперь, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Только по временамъ, какое-то страшное вскрикиваніе, которое, казалось, вырывалось изъ глубины души больнаго, неожиданно, безъ всякаго участія его самаго, невольно пугало насъ; другіе привыкли къ нему, потому что всякая болѣзнь вице-короля сопровождалась подобными криками; ихъ не могли истребить ни его твердая воля, ни всѣ усилія врачей. Говорятъ, это произошло отъ чрезвычайнаго нравственнаго напряженія его во время войны съ вагабитами. Окруженный отвсюду сильнымъ непріятелемъ, угрожаемый своими, изъ которыхъ многіе уже отказались ему повиноваться, онъ рѣшился на отчаянный подвигъ: взять приступомъ крѣпость, такъ сказать висѣвшую надъ головою и громившую его лагерь: однимъ этимъ онъ могъ возстановить упавшій духъ въ оставшемся у него отрядѣ, открыть себѣ путь во внутрь страны и устрашить непріятеля. У него была только горсть людей, и съ нею-то, ночью, кинулся онъ на крѣпость. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ дѣло, и война съ вагабитами приняла другой оборотъ: но возвратившись съ поля битвы, Мегеметъ Али почувствовалъ въ первый разъ эти нервическіе, судорожные крики, которые, въ началѣ, приводили его въ совершенное отчаяніе

За обѣдомъ разговоръ кружился около моей экспедиціи Мегеметъ-Али хотѣлось чтобы я переждалъ періодическіе дожди въ Каирѣ, и потомъ уже отправился въ Сенааръ; онъ утверждалъ, что первые дожди въ Суданѣ начнутся въ будущемъ мѣсяцѣ (февралѣ). Мысль, что я долженъ жить въ Каирѣ безъ всякаго дѣла около полугода, пуга-

ла меня; при томъ же, хотя Мегеметъ-Али и былъ (однажды) въ странѣ періодическихъ дождей, слѣдовательно могъ судить по опыту. Однакожъ я зналъ отъ людей бывалыхъ во всякое время года въ этихъ краяхъ, что сильные дожди, харифъ, отъ которыхъ бѣгутъ люди и звѣри, въ горахъ начинаются не ранѣе мая мѣсяца: я рѣшился объяснить это Мегеметъ-Али, разумѣется какъ можно легче. Онъ снисходительно покачалъ головой и обратился съ вопросомъ къ другимъ. Многіе изъ находившихся тутъ были въ Суданѣ, но только одинъ, изъ слугъ, рѣшился отвѣчать, что хотя эффенди совершенно правъ и дожди бываютъ въ февралѣ, однако большею частію начинаются въ маѣ. Мегеметъ-Али взглянулъ на него такъ, что тотъ прижался невольно къ стѣнѣ; но тутъ же объявилъ, что совершенно согласенъ отпустить меня, когда я хочу, и что велитъ немедленно снаряжать экспедицію; только ради моего здоровья желалъ онъ оставить меня подольше здѣсь. И дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, Мегеметъ-Али, по совѣту добраго Клотъ-бея, хотѣлъ, чтобы мы акклиматизировались въ Каирѣ, и сколько по этому, столько по возникшимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ съ Абиссиніей, со стороны Сеннаара, хотѣлъ насъ удержать нѣсколько времени при себѣ, хотя самъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе добиться результатовъ нашей экспедиціи, а результатовъ онъ ожидалъ огромныхъ.

— Я приказалъ генералъ губернатору послать въ Фазоглу 10,000 человѣкъ для работъ на золотыхъ рудникахъ, сказалъ паша, а если нужно, такъ еще прибавлю столько же.

Съ удивленіемъ слушалъ я его. Что мы станемъ дѣлать съ 10,000, думалъ я, когда еще нѣтъ и рудниковъ, не говорю уже о горныхъ людяхъ, которые бы могли руководить всю эту толпу людей; но предупрежденный напередъ и видя по опыту, какъ не любитъ противорѣчій старый паша, избалованный своими и европейцами, которые изъ уваженія къ его лѣтамъ и заслугамъ, изъ боязни можетъ быть, во всемъ соглашаются съ нимъ, хотя не всегда поступаютъ по его волѣ, я на этотъ разъ не противорѣчилъ, рѣшившись однако, при первомъ свиданіи объясниться съ нимъ обстоятельнѣе и показать вещи съ настоящей точки зрѣнія. Иншаллахъ! сказалъ я: дай только Богъ, чтобъ было золото!

— О, вы непремѣнно найдете и золото и серебро и мѣдь: тамъ всего много.

Я хотѣлъ было говорить, но обращенные на меня отвсюду умоляющіе взоры принудили къ молчанію.

Послѣ обѣда мы ушли въ другую комнату, роскошно убранную, разрисованную въ восточномъ вкусѣ цвѣтами и арабесками, съ огромными зеркалами на простѣнкахъ и съ мягкими диванами вдоль двухъ стѣнъ. Мегеметъ-Али усѣлся по турецки въ углу дивана, со всѣмъ погрузившись въ свою шубу; мы сѣли возлѣ, на покойныхъ креслахъ; изъ всѣхъ бывшихъ въ столовой, одинъ главный драгоманъ послѣдовалъ за нами. Напившись кофе и втянувъ въ себя по нѣскольку глото-

ковъ дыму изъ огромныхъ, украшенныхъ бриліантами янтарныхъ мундштуковъ, мы хотѣли откланяться, чтобы не утомлять больного.

— Мнѣ скучно: оставьтесь, пожалуйста, и будемте о чемъ нибудь болтать, сказалъ онъ добродушно.

И стали говорить. Зная его слабую сторону, консулъ завелъ разговоръ о торговлѣ, и Мегеметъ-Али оживился, увлекся. Мы остались у него около часу послѣ обѣда.

Никогда не забуду я словъ его, произнесенныхъ съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы пророческимъ голосомъ: «насъ трое сверстниковъ» — говорилъ онъ: «Луи-Филиппъ, король французовъ, Метернихъ и я; если свергнется одинъ изъ насъ, то другіе немедленно послѣдуютъ за нимъ.» Этимъ словамъ суждено было слишкомъ скоро осуществиться.

Приготовленія къ экспедиціи шли быстро: Мегметъ Али умѣлъ пріучить своихъ подчиненныхъ къ подвижности.»

Въ заключеніе мы разскажемъ въ немногихъ словахъ содержаніе занимательнаго сочиненія г. Ковалевскаго,

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе Александріею. Исторія этого города, непохожаго на города востока, его значеніе и физіономія, — все это переплетено чрезвычайно искусно. Бѣглость разсказа даже удивляетъ читателя; вначалѣ кажется, будто разскащикъ еще не расходился и не соразмѣрилъ количества своихъ матеріаловъ со временемъ, которое можетъ посвятить на ихъ описаніе; но подождите, дайте угомониться его собственному волненію; онъ проведетъ васъ по Нилу, покажетъ вамъ Каиръ съ его полуразрушенными мечетями и минаретами, съ его физіономіею, составляющею смѣсь вкуса восточнаго съ европейскимъ, который прокрадывается туда съ медленнымъ, но все же поступательнымъ движеніемъ образованности. Онъ познакомитъ васъ съ пустынями и пирамидами: объ этихъ чудесахъ говоритъ онъ просто, безъ громкихъ восклицаній, а напротивъ, съ грустнымъ чувствомъ человѣка, которому больно видѣть эти громадные памятники невѣжественной суетности и безжалостнаго невѣжества. Онъ немногими, бѣгло набросанными сценами познакомитъ васъ съ мѣстными обычаями, которые въ короткомъ анекдотѣ обрисуются для васъ яснѣе, чѣмъ въ многословныхъ описаніяхъ. Вы увидите и природу Африки, съ ея роскошной и печальной стороны, съ ея прозрачнымъ небомъ и величавыми пальмами, съ ея болотами и песками. Вамъ представятся и закутанныя своими покрывалами женщины и соблазнительныя альме, которыхъ съ восторгомъ вспоминаютъ путешественники. Отъ нихъ онъ поведетъ васъ въ Нубію, страну людей когда-то дикихъ, сильныхъ, вооруженныхъ огромными щитами и мечами, а теперь отличающихся только немощностію, наготою и чернымъ цвѣтомъ кожи:

въ нубійскую пустыню, гдѣ вы какъ передъ глазами увидите шествіе каравана, то шумнаго, говорливаго, то утомленнаго и тоскливаго,— ту самую пустыню, описаніе которой вы недавно могли прочесть на страницахъ Современника. Оттуда городъ Картумъ и Сенааръ, онъ проникнетъ съ вами въ глубь Африки, къ источникамъ Нила, куда едва ли достигала отважная предпріимчивость путешественниковъ, движимыхъ то жаждою познаній, то корыстью; наконецъ, возвратившись съ вами опять въ Александрію, онъ, въ особомъ приложеніи, отчетливо изложитъ вамъ собранныя имъ геологическія свѣдѣнія о бассейнѣ Нила и золотыхъ пріискахъ внутренней Африки,— свѣдѣнія, добытыя съ опасностію жизни, терпѣніемъ и настойчивою любознательностію.

Словомъ, чтеніе двухъ книжекъ «Путешествія во внутреннюю Африку» отниметъ у васъ четыре-пять часовъ времени и доставитъ на-долго много удовольствія и полезнаго знанія. А это, вы согласитесь, не бездѣлица.

Изданіе книги въ полномъ смыслѣ превосходное; бумага необыкновенно бѣла, и текстъ и картинки отпечатаны чрезвычайно тщательно и красиво.

[illegible] къ которому относится: напримѣръ: [illegible] наибольше [illegible] вмѣсто: [illegible] Когда мы [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

администраторѣ разнообразіе познаній бóльшею частію придаетъ обширность его взгляду на управляемую имъ часть, служитъ важнымъ пособіемъ къ опредѣленію отношеній этой отдѣльной части къ кругу всего государственнаго управленія и составляетъ основаніе умѣнья сочетать одно распоряженіе со всѣми другими. Если бы нужно было указать на важность разнообразія и множества свѣдѣній въ литературной дѣятельности, то мы скорѣе всего назвали бы дѣятельность журналиста. Главная причина пользы энциклопедическихъ познаній и свѣтскаго человѣка, и администратора, и журналиста заключается въ томъ, что никто изъ нихъ не обязанъ трудиться надъ обработкою подробностей: имъ нужно только схватить общее значеніе предмета и за тѣмъ предоставить отдѣлку частностей людямъ специяльнымъ. Здѣсь свойства ума энциклопедиста играютъ самую важную ролю; отъ нихъ зависитъ свѣтлость, глубина, вѣрность, смѣлость мысли; но возлѣ этихъ достоинствъ стоятъ и важные недостатки — поверхностность и парадоксальность. Отъ нихъ энциклопедиста спасаетъ только труженическая и кропотливая работа специялиста. Избави насъ Богъ писать похвальное слово односторонности! Между нею и специяльностію разница огромная: первая есть недостатокъ, послѣдняя — достоинство. Односторонность, говоря французскимъ выраженіемъ, есть *порокъ достоинства*, *le défaut de la qualité*.

Съ другой стороны, ничто не тѣшитъ такъ самолюбія, какъ многосторонность при отсутствіи глубокости познаній. Человѣку и безъ того суждено плохо сознавать свои недостатки, быть къ нимъ черезчуръ снисходительнымъ; какова же будетъ его слабость къ самому себѣ, если, не опредѣливъ дѣйствительной цѣнности своихъ познаній, онъ увлечется ихъ разнообразіемъ и многосторонностію и назначитъ имъ слишкомъ большую цѣну!

Эти мысли пришли намъ въ голову при новой встрѣчѣ съ г. Классовскимъ. Описаніе Помпеи, Взглядъ на новую исторію, Теорія и мимика страстей, библіографическія статьи, помѣщаемыя имъ въ Сѣверной Пчелѣ — таковы плоды его дѣятельности, которой извѣстность считается только нѣсколькими мѣсяцами. Въ свое время мы отдали отчетъ о первыхъ трудахъ его; во всѣхъ нихъ нельзя не замѣтить начитанности, ума,—словомъ, того, что составляетъ достоинство человѣка образованнаго; скажемъ даже: описаніе Помпеи обнаружило въ немъ специяльность свѣдѣній. Надо признаться, что появленіе новаго писателя, котораго трудъ обѣщалъ знакомить насъ съ древностію, было для многихъ пріятно. Знакомство съ древностію — есть рѣдкость; въ нашей литературѣ можно указать немного дѣятелей серьёзныхъ по части исторіи, филологіи, ар-

нельзя не оправдать; но изъ чего слѣдуетъ, чтобы въ угоду различнымъ воззрѣніямъ на пользу и занимательность вообще было необходимо писать обо всѣмъ или ни о чемъ, — не видно. Угождать всякому взгляду невозможно, да и не настоитъ никакой необходимости. Всякой авторъ свободенъ въ выборѣ предметовъ для своихъ сочиненій, и его дѣло заботиться, полезенъ ли и занимателенъ ли предметъ; потому-что его дѣло искать успѣха или нѣтъ. Непонятно только, отчего нужно прибѣгать къ крайностямъ: писать обо всемъ или ни о чемъ, тогда-какъ между ними есть середина? Дѣльной книгѣ не вредитъ никакое воззрѣніе.

Обращаемся къ содержанію самой монографіи. Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ слѣдить за всѣми выводами автора, потому мы остановимся на его основныхъ началахъ и бѣгло укажемъ на нѣкоторые частные недостатки собственно въ характеристикѣ страстей.

Вся брошюра раздѣлена на три главы. Въ первой изложены психологическія начала для объясненія сущности страстей; во второй — характеристика нѣкоторыхъ страстей; и въ послѣдней — показано выраженіе страстей во внѣшнихъ движеніяхъ частей тѣла.

Коротко, но ясно, показавъ возможность наблюденія души по внѣшнемъ проявленіи ея, авторъ въ своей теоріи исходитъ изъ того основанія, что духовная дѣятельность человѣка тройственна: ее составляютъ умъ, чувство и волю, отъ преобладанія которыхъ зависитъ то или другое состояніе души. Такъ, когда чувство и воля руководствуются умомъ, то душа находится въ состояніи нормальномъ, безмятежномъ. Освобожденіе чувства отъ повиновенія уму авторъ называетъ *страстнымъ порывомъ*, а преобладаніе воли — *страстью*. Порывъ и страсть отличаются, по его мнѣнію, тѣмъ, что первый есть большее или меньшее помраченіе ума *чувствомъ*, вторая есть помраченіе ума посредствомъ несоразмѣрно усилившагося желанія обладать чѣмъ-нибудь.

Таково главное основаніе теоріи г. Классовскаго.

Какъ ни остроумно и ни логически сдѣланъ выводъ его, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, и къ этому обязываетъ насъ его же собственная характеристика порыва и страсти, для которой, несмотря на многословное и цвѣтистое изложеніе (стр. 4 — 10), въ сущности онъ нашелъ только двѣ черты: порывъ — мгновененъ, страсть — продолжительна. Мы думаемъ, что порывъ и страсть составляютъ только двѣ разныя степени напряженности чувства. И та и другая зависятъ отъ темперамента и времени, въ теченіи котораго чувство развивается. Возьмите для примѣра приведенную вами же страсть къ деньгамъ. Чувство привязанности къ пріобрѣтенію выражается, еще

въ дѣтскомъ возрастѣ, не именно страстью къ деньгамъ, но жадностію ко всему, къ игрушкамъ, лакомствамъ, лоскуткамъ; оно выражается не постоянно, а только при извѣстныхъ случаяхъ, когда то или другое обстоятельство вызываетъ его проявленіе. Когда же практическая жизнь даетъ средство уму опредѣлить важность денегъ, какъ видимой формы богатства, является привязанность именно къ деньгамъ, заслоняющая, но не уничтожающая привязанности къ другимъ предметамъ, способнымъ тѣшить ее. Такъ Плюшкинъ Гоголя собиралъ всякую дрянь вслѣдствіе гнѣздившейся въ немъ страсти къ пріобрѣтенію. Это чувство привязанности бываетъ прежде порывомъ мгновеннымъ, по временамъ выражающимся, а въ теченіи времени становится страстью постоянною. Точно также важно и различіе темперамента. Скупость сангвиника, болѣе способнаго къ страстнымъ порывамъ, чѣмъ къ медленному владычеству страсти, совершенно отлична отъ терпѣливой, никогда себя не забывающей скупости человѣка съ темпераментомъ жолчнымъ. Тоже должно сказать и о всѣхъ другихъ страстяхъ. Воля содѣйствуетъ чувству, точно также, какъ и уму, обращеніемъ ихъ движеній въ фактическій поступокъ. Ограничить ея дѣятельность только однимъ желаніемъ, какъ сдѣлалъ авторъ, невозможно. Что́ касается до той характеристической черты страсти, которую г. Классовскій называетъ желаніемъ обладать какимъ-нибудь предметомъ, то, во-первыхъ, оно свойственно не всѣмъ страстямъ, какъ напримѣръ мести, а во-вторыхъ, оно имѣетъ мѣсто и при страстномъ порывѣ. Поставимъ въ примѣръ чувство любви, которое не во всѣхъ степеняхъ своихъ достойно названія страсти, хотя во всѣхъ имѣетъ цѣлію обладаніе.

По этимъ не многимъ причинамъ, которыя могли бы быть развиты съ бо́льшею подробностію, мы считаемъ принятое г. Классовскимъ въ основаніе объясненіе страсти и страстнаго порыва недостаточнымъ.

Относительно самой характеристики различныхъ страстей, составляющей предметъ второй главы, можно было бы во многомъ поспорить съ авторомъ, потому-что многія положенія его грѣшатъ произвольностію. Предѣлы нашего отчета заставляютъ насъ ограничиться только немногими словами, единственно для доказательства, что обвиненіе въ произвольности основано нами на убѣжденіи. Вообще въ этомъ отношеніи можно сказать, что г. Классовскій есть прямой наслѣдникъ Лафатера, который допустилъ въ своемъ сочиненіи о физіономикѣ такое множество совершенно голословныхъ положеній.

На стр. 27 сказано: «Ревность есть подозрѣніе, усиленное наступательнымъ недоброжелательствомъ къ подозрѣваемому въ какомъ

онъ не новъ; но отчего же есть изъ числа этихъ читателей многіе, не умѣвшіе заставить себя дойти до конца «Домби и Сына»? Говорятъ, въ романахъ французскихъ писателей всегда есть современныя мысли, современные вопросы. Это возраженіе также невѣрно; допустимъ, что у Сю они точно есть; но у Дюма ихъ никогда не было; а Бальзакъ давно отрекся отъ всѣхъ вопросовъ, которые занимали его въ началѣ его литературной дѣятельности, тогда-какъ въ основаніи «Домби и Сына» положена глубокая мысль, которая могла родиться только въ головѣ современнаго намъ англичанина. Говорятъ, содержаніе французскихъ романовъ просто, удобопонятно для всѣхъ. Такъ, но это замѣчаніе можетъ объяснить только привязанность къ нимъ со стороны менѣе образованныхъ читателей; понятно, отчего образованные люди не занимаются чтеніемъ Еруслана Лазаревича и Бовы Королевича, еще и до сихъ поръ встрѣчающихся въ рукахъ гостинодворскихъ сидѣльцевъ; но отчего же всѣ классы безъ изъятія читаютъ французскіе романы, кто́ въ подлинникѣ, а кто́ въ переводѣ? Отчего тоже явленіе у всѣхъ націй Европы, во многихъ городахъ остальныхъ частей свѣта? отчего?... но эти «отчего» могли бы сдѣлаться безконечными, если бы только была охота продолжать ихъ, и все-таки вопросъ остался бы нерѣшеннымъ.

И странно, многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно сильно нападающіе на «неистовую» французскую литературу, не пропускаютъ удобнаго случая поднести публикѣ болѣе или менѣе изящный переводецъ того или другого знаменитаго романа. Особенно «Библіотека для Чтенія», которая всегда очень охотно остритъ и шутитъ надъ французскими писателями, отъ Шатобріана до Дюма включительно, отличается угодливостію преобладающему вкусу своихъ читателей. Послѣ этого, кто же будетъ отвергать, что у книгъ есть своя судьба, *habent sua fata libelli?*...

Итакъ, пишущій эти строки, отрекаясь отъ возможности рѣшить заданный имъ любопытный вопросъ, предоставляетъ другому, болѣе бойкому, перу изложить причины успѣха французскихъ романовъ вообще и Евгенія Сю въ особенности.

Переходимъ къ переводу «Гордости».

Такъ-какъ мы допустили, что въ романахъ Сю есть мысль, то считаемъ нужнымъ сказать, что и лежащій передъ нами романъ построенъ на той мысли, которая выражена авторомъ въ избранномъ имъ эпиграфѣ: «У нея былъ одинъ порокъ.... *гордость*.... который замѣнялъ ей всѣ добродѣтели». Очевидно, что это — апологія одного изъ тяжкихъ смертныхъ грѣховъ, который въ обыкновенномъ быту часто называется *благородною* гордостью, того, что соста-

ляетъ чувство собственнаго достоинства. Мысль прекрасная, до того вдохновившая автора, что геройня романа, Эрминія, за *гордость* свою прозванная «герцогинею», вышла очень миленькою дѣвушкою, особенно въ первой половинѣ сочиненія. Зато изъ остальныхъ лицъ мудрено было бы указать на кого-нибудь, какъ на характеръ замѣчательный. Это или воплощенныя добродѣтели въ образѣ красоты или безобразія, или олицетворенные пороки, прикрытые маскою образованности. Чтó касается до самого содержанія, то это цѣпь натяжекъ и невѣроятностей, разсказанныхъ живо и увлекательно, съ тѣмъ мастерствомъ, которое исключительно принадлежитъ французамъ. Мѣстами попадаются сцены, набросанныя удачно, обнаруживающія въ авторѣ большое знаніе людей. Въ этомъ отношеніи можно упомянуть о свиданіи Эрминіи съ Эрнестиной де-Бомениль на вечерѣ у мадамъ Эрбо, на знакомство Эрнестины съ притворщикомъ Макрезомъ на балѣ у мадамъ де-Миркуръ.

Переводъ вообще недуренъ; но переводчикъ могъ бы позаботиться о бóльшей легкости слога и избѣжать безпрерывныхъ галлицизмовъ. Умѣнье переводить есть своего рода искусство; оно дается не безъ труда, внимательнаго и продолжительнаго. Мы знаемъ, что поспѣшность, требуемая при журнальной работѣ, иногда вовлекáетъ нашихъ переводчиковъ въ ошибки непростительныя; но когда переводъ издается отдѣльною книгою, то негрѣшно пересмотрѣть его тщательнѣе и обработать отчетливѣе. Особенно разговорный языкъ бóльшею частію отличается необыкновенно длинными періодами, которыя дѣлаютъ рѣчь страшно тяжелою. Мы, русскіе, не любимъ этихъ длинныхъ періодовъ; мы въ разговорѣ дробимъ ихъ на мелкія фразы и стараемся держать середину между витіеватостію школьнаго учителя и просторѣчіемъ мужичка: у перваго беремъ мы правильность рѣчи, у послѣдняго сжатость, отрывочность предложеній. Въ этомъ, по нашему, вся тайна русскаго разговорнаго языка, надъ которой такъ многіе у насъ задумываются.

Вотъ обращики перевода «Гордости»:

«*Услыхавъ это(,) сердце* Эрнестины *забилось предчувствіемъ исполненнымъ* самыхъ сладостныхъ *ощущеній.*» (стр. 243). Сколько ошибокъ въ двухъ строкахъ! »*Услыхавъ*» вмѣсто *услышавъ*. »*Услыхавъ, сердце забилось*» — галлицизмъ непростительный по своей обыкновенности. «Предчувствіе, исполненное ощущеній» — непонятно.

У переводчика есть даже *любимыя* ошибки. Такъ онъ безпрестанно употребляетъ союзъ *чтобъ*, тогда-какъ его слѣдовало бы или просто выпустить, или, не придерживаясь буквально подлинника, измѣнить самое строеніе фразъ. Мѣстоименіе *этотъ* почти постоян-

но стоитъ у него послѣ имени, къ которому относится; напримѣръ: «Мерзавецъ *этотъ внушалъ въ меня* наиболѣе боязни», вмѣсто: *этотъ мерзавецъ внушалъ мнѣ*.... Это противно логикѣ. Когда мы хотимъ обратить чье-либо вниманіе на какой-нибудь предметъ, то мы указываемъ на него, и тотъ, кому мы указываемъ, обращаетъ вниманіе прежде на наше указаніе, а потомъ на самый предметъ. Потому и мѣстоименіе *этотъ* должно ставиться прежде имени. Отступать отъ этого правила мы позволяемъ себѣ только иногда, для благозвучнаго теченія рѣчи.

«Морнанъ шелъ въ галерею, *чтобъ* переговорить съ Мельфоромъ, какъ вдругъ баронъ де-ла-Рошегю и Равиль остановили его; *стоя* въ дверяхъ, между гостиной и залой, они *слѣдовали* съ безпокойствомъ, и ничего *непонимая о* бурѣ, поднятой Мельфоромъ.» (стр. 254).

Переводчикъ, слѣдуя общепринятому у насъ обычаю, пишетъ *мадмоазель* вмѣсто *мадмуазель*. Такъ писали у насъ въ то время, когда знаніе французскаго языка было еще рѣдкостью; теперь же порядочный французскій выговоръ не диковина. Также неправильно назвалъ онъ маркиза *Maillefort*'а — *Мельфоръ*, вмѣсто *Мальфоръ*.

Теорія и мимика страстей. *Соч.* В. Классовскаго. *Спб. 1849. Съ литографированною картинкою.*

Имя г. Классовскаго появилось въ русской литературѣ только съ прошлаго года, и вотъ уже третье сочиненіе выходитъ изъ-подъ пера его. Дѣятельность, достойная замѣчанія, если принять въ соображеніе важность предметовъ, которымъ онъ посвящаетъ его. Но не менѣе обращаетъ на себя вниманія и разнообразіе этихъ предметовъ. На немъ-то намѣрены мы остановиться нѣсколько минутъ, прежде нежели приступимъ къ отчету о «Теоріи и мимикѣ страстей».

Знать много и основательно — удѣлъ малаго числа избранныхъ людей, идеаломъ которыхъ въ настоящее время можетъ служить Александръ Гумбольдтъ. Знать много и поверхностно служитъ признакомъ такъ называемыхъ энциклопедистовъ. Знать мало, но основательно — скромная участь людей специяльныхъ. Въ этихъ трехъ категоріяхъ могутъ быть размѣщены всѣ ученые дѣятели, на труды которыхъ критика обязана обращать свое вниманіе. Геніевъ мало, но едва ли и изъ людей негеніяльныхъ многимъ удается быть дѣльными энциклопедистами. Они пріятны въ общежитіи, потому что люди всѣхъ оттѣнковъ образованности могутъ найти у энциклопедиста именно тѣ свѣдѣнія, которыя занимаютъ ихъ самихъ. Въ

администраторѣ разнообразіе познаній бо́льшею частію придаетъ обширность его взгляду на управляемую имъ часть, служитъ важнымъ пособіемъ къ опредѣленію отношеній этой отдѣльной части къ кругу всего государственнаго управленія и составляетъ основаніе умѣнья сочетать одно распоряженіе со всѣми другими. Если бы нужно было указать на важность разнообразія и множества свѣдѣній въ литературной дѣятельности, то мы скорѣе всего назвали бы дѣятельность журналиста. Главная причина пользы энциклопедическихъ познаній и свѣтскаго человѣка, и администратора, и журналиста заключается въ томъ, что никто изъ нихъ не обязанъ трудиться надъ обработкою подробностей: имъ нужно только схватить общее значеніе предмета и затѣмъ предоставить отдѣлку частностей людямъ спеціяльнымъ. Здѣсь свойства ума энциклопедиста играютъ самую важную ролю; отъ нихъ зависитъ свѣтлость, глубина, вѣрность, смѣлость мысли; но возлѣ этихъ достоинствъ стоятъ и важные недостатки — поверхностность и парадоксальность. Отъ нихъ энциклопедиста спасаетъ только труженическая и кропотливая работа спеціялиста. Избави насъ Богъ писать похвальное слово односторонности! Между нею и спеціяльностію разница огромная: первая есть недостатокъ, послѣдняя — достоинство. Односторонность, говоря французскимъ выраженіемъ, есть *порокъ достоинства*, *le défaut de la qualité*.

Съ другой стороны, ничто не тѣшитъ такъ самолюбія, какъ многосторонность при отсутствіи глубокости познаній. Человѣку и безъ того суждено плохо сознавать свои недостатки, быть къ нимъ черезчуръ снисходительнымъ; какова же будетъ его слабость къ самому себѣ, если, не опредѣливъ дѣйствительной цѣнности своихъ познаній, онъ увлечется ихъ разнообразіемъ и многосторонностію и назначитъ имъ слишкомъ большую цѣну!

Эти мысли пришли намъ въ голову при новой встрѣчѣ съ г. Классовскимъ. Описаніе Помпеи, Взглядъ на новую исторію, Теорія и мимика страстей, библіографическія статьи, помѣщаемыя имъ въ Сѣверной Пчелѣ — таковы плоды его дѣятельности, которой извѣстность считается только нѣсколькими мѣсяцами. Въ свое время мы отдали отчетъ о первыхъ трудахъ его; во всѣхъ нихъ нельзя не замѣтить начитанности, ума,—словомъ, того, что составляетъ достоинство человѣка образованнаго; скажемъ даже: описаніе Помпеи обнаружило въ немъ спеціяльность свѣдѣній. Надо признаться, что появленіе новаго писателя, котораго трудъ обѣщалъ знакомить насъ съ древностію, было для многихъ пріятно. Знакомство съ древностію — есть рѣдкость; въ нашей литературѣ можно указать немного дѣлателей серьёзныхъ по части исторіи, филологіи, ар-

хеологіи міра греко-римскаго, и еще менѣе древняго востока. Еще менѣе знаемъ мы людей, которые были бы въ состояніи внести въ изученіе древности элементъ современности. Въ г. Классовскомъ можно было предчувствовать и знаніе древности и взглядъ человѣка времени новаго. Онъ и въ катакомбахъ Помпеи, и въ событіяхъ исторіи, и въ сердцѣ человѣческомъ путешествуетъ не въ качествѣ холоднаго, сухого ученаго; въ его походкѣ замѣтенъ человѣкъ, интересующійся живо человѣкомъ, тайною его жизни. Мы, не боясь быть нескромными, готовы сказать, что г. Классовскій не такъ молодъ въ жизни, какъ въ русской литературѣ, и въ этомъ мы нисколько не хотимъ видѣть недостатка; потому-что хотя бо́льшая часть нашихъ современныхъ литературныхъ знаменитостей начала свое поприще въ первой молодости; но и начать поздно не значитъ начать не во время. Напротивъ, если предположеніе наше относительно г. Классовскаго не ошибочно, то въ жизненной опытности мы могли бы только видѣть залогъ основательности его трудовъ.

Зачѣмъ же г. Классовскій переходитъ отъ одного предмета къ другому? Жаль, но, не видя въ немъ никакихъ признаковъ ни особенной глубокости познаній, ни особенно замѣчательнаго литературнаго таланта, мы не предвѣщаемъ положительнаго успѣха его дѣятельнотти въ томъ видѣ и размѣрѣ, въ какихъ она теперь представляется читающей публикѣ.

Итакъ, будучи готовы привѣтствовать всякаго новаго дѣятеля на поприщѣ русской словесности, мы поставляемъ долгомъ высказать совѣтъ нашъ г. Классовскому: заняться какою-нибудь одною отраслію изъ числа разнообразныхъ его познаній. Мы увѣрены, что труды его не останутся не оцѣненными, а отечественная литература будетъ считать однимъ или нѣсколькими дѣльными произведеніями болѣе.

Что́ сказать о «Теоріи и мимикѣ страстей»? Послушаемъ сперва, что́ говоритъ о ней самъ авторъ въ предисловіи.

«При составленіи этой краткой психологической монографіи я не позволялъ себѣ увлекаться ни желаніемъ, ни надеждою высказать что-нибудь новое или безусловно вѣрное».

Итакъ, эта книга есть психологическая монографія, которой суждено было при самомъ рожденіи служить повтореніемъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Зачѣмъ же повторять старое, вкратцѣ, да еще и о такомъ предметѣ, о которомъ авторъ не имѣлъ надежды сказать даже что-нибудь вѣрное? Отсылаемъ читателей къ тому, что́ сказано нами выше объ отсутствіи глубокости въ познаніяхъ энциклопедическихъ.

Далѣе авторъ пишетъ, «что 1) въ теоріи страстей, по сущности предмета, необходимы были и *психологическій анализъ души*, и наукословная форма изложенія; 2) сочиненіе мое не учебникъ, не ученая диссертація, т. е. не предназначено для лицъ, *обязанныхъ* читать его, поэтому я счелъ за нужное съ умысломъ разнообразить изслѣдуемый мною предметъ *сближеніемъ нѣкоторыхъ его сторонъ* съ разными *сторонами общественной жизни*».

Что въ теоріи страстей необходимъ анализъ души, спорить нечего, но нельзя не спросить, зачѣмъ автору нужна была наукословная форма изложенія, если его сочиненіе не учебникъ и не ученая диссертація? Форма изложенія опредѣляется значеніемъ и назначеніемъ сочиненія; для кого же назначалась брошюра г. Классовскаго, мы не знаемъ, потому-что онъ объяснилъ намъ это очень темно, сказавъ, что она предназначена для лицъ, необязанныхъ читать ее. Надо думать, что эти *необязанныя* — лица, читающія по доброй волѣ, стало быть люди, не занимающіеся науками *ex professo*, люди по преимуществу свѣтскіе. Если такъ, то зачѣмъ же эта *наукословность?* Сомнительно, чтобы свѣтскіе люди, прочитавши слѣдующій періодъ, пошли далѣе 10 — 11 страницы, гдѣ напечатано: «Когда наше познающее *я* дѣйствуетъ въ направленіи средобѣжномъ, т. е. обращаясь къ внѣшней природѣ, — состояніе его есть воспріемлющее, страдательное, — другими словами: мы воспринимаемъ здѣсь, черезъ дѣйствованіе на насъ внѣшнихъ предметовъ, индивидуальную настроенность, которая, какъ сводъ объединенныхъ представленій и отвлеченій, возводится въ конкретный предметъ размышленія, служа вмѣстѣ побужденіемъ къ аналитической работѣ ума». Неужели мысли не могутъ быть выражены простымъ, для всѣхъ понятнымъ языкомъ? У кого достанетъ терпѣнія, если необходимость не заставитъ, *не обяжетъ*, ломать себѣ голову надъ такими наукословными фразами, для того, чтобы достать изъ нея мысль самую обыкновенную? Вы говорите, что сущность предмета вашего требовала наукословной формы изложенія. Напротивъ, чѣмъ труднѣе, сложнѣе, темнѣе предметъ, тѣмъ объясненіе его должно быть легче, проще и яснѣе. Только популярностію изложенія достигается популярность науки.

Ниже авторъ продолжаетъ: «Касательно вопроса *о пользѣ* и *занимательности подобныхъ монографій*, замѣчу, что онъ связанъ съ личнымъ воззрѣніемъ каждаго на пользу и занимательность вообще, а воззрѣнія эти такъ различны между собою, что, въ угожденіе имъ, или надобно писать обо всемъ, или не писать ничего». Другими словами, авторъ хотѣлъ сказать, что онъ считаетъ лишнимъ доказывать пользу и занимательность своего сочиненія, предоставляя самому дѣлу говорить за себя. Намѣреніе совершенно похвальное, котораго

нельзя не оправдать; но изъ чего слѣдуетъ, чтобы въ угоду различнымъ воззрѣніямъ на пользу и занимательность вообще было необходимо писать обо всѣмъ или ни о чемъ, — не видно. Угождать всякому взгляду невозможно, да и не настоитъ никакой необходимости. Всякой авторъ свободенъ въ выборѣ предметовъ для своихъ сочиненій, и его дѣло заботиться, полезенъ ли и занимателенъ ли предметъ; потому-что его дѣло искать успѣха или нѣтъ. Непонятно только, отчего нужно прибѣгать къ крайностямъ: писать обо всемъ или ни о чемъ, тогда-какъ между ними есть середина? Дѣльной книгѣ не вредитъ никакое воззрѣніе.

Обращаемся къ содержанію самой монографіи. Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ слѣдить за всѣми выводами автора, потому мы остановимся на его основныхъ началахъ и бѣгло укажемъ на нѣкоторые частные недостатки собственно въ характеристикѣ страстей.

Вся брошюра раздѣлена на три главы. Въ первой изложены психологическія начала для объясненія сущности страстей; во второй-характеристика нѣкоторыхъ страстей; и въ послѣдней — показано выраженіе страстей во внѣшнихъ движеніяхъ частей тѣла.

Коротко, но ясно, показавъ возможность наблюденія души по внѣшнемъ проявленіи ея, авторъ въ своей теоріи исходитъ изъ того основанія, что духовная дѣятельность человѣка тройственна: ее составляютъ умъ, чувство и волю, отъ преобладанія которыхъ зависитъ то или другое состояніе души. Такъ, когда чувство и воля руководствуются умомъ, то душа находится въ состояніи нормальномъ, безмятежномъ. Освобожденіе чувства отъ повиновенія уму авторъ называетъ *страстнымъ порывомъ*, а преобладаніе воли — *страстью*. Порывъ и страсть отличаются, по его мнѣнію, тѣмъ, что первый есть большее или меньшее помраченіе ума *чувствомъ*, вторая есть помраченіе ума посредствомъ несоразмѣрно усилившагося желанія обладать чѣмъ-нибудь.

Таково главное основаніе теоріи г. Классовскаго.

Какъ ни остроумно и ни логически сдѣланъ выводъ его, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, и къ этому обязываетъ насъ его же собственная характеристика порыва и страсти, для которой, несмотря на многословное и цвѣтистое изложеніе (стр. 4 — 10), въ сущности онъ нашелъ только двѣ черты: порывъ — мгновененъ, страсть — продолжительна. Мы думаемъ, что порывъ и страсть составляютъ только двѣ разныя степени напряженности чувства. И та и другая зависитъ отъ темперамента и времени, въ теченіи котораго чувство развивается. Возьмите для примѣра приведенную вами же страсть къ деньгамъ. Чувство привязанности къ пріобрѣтенію выражается, еще

въ дѣтскомъ возрастѣ, не именно страстью къ деньгамъ, но жадностію ко всему, къ игрушкамъ, лакомствамъ, лоскуткамъ; оно выражается не постоянно, а только при извѣстныхъ случаяхъ, когда то или другое обстоятельство вызываетъ его проявленіе. Когда же практическая жизнь даетъ средство уму опредѣлить важность денегъ, какъ видимой формы богатства, является привязанность именно къ деньгамъ, заслоняющая, но не уничтожающая привязанности къ другимъ предметамъ, способнымъ тѣшить ее. Такъ Плюшкинъ Гоголя собиралъ всякую дрянь вслѣдствіе гнѣздившейся въ немъ страсти къ пріобрѣтенію. Это чувство привязанности бываетъ прежде порывомъ мгновеннымъ, по временамъ выражающимся, а въ теченіи времени становится страстью постоянною. Точно также важно и различіе темперамента. Скупость сангвиника, болѣе способнаго къ страстнымъ порывамъ, чѣмъ къ медленному владычеству страсти, совершенно отлична отъ терпѣливой, никогда себя не забывающей скупости человѣка съ темпераментомъ жолчнымъ. Тоже должно сказать и о всѣхъ другихъ страстяхъ. Воля содѣйствуетъ чувству, точно также, какъ и уму, обращеніемъ ихъ движеній въ фактическій поступокъ. Ограничить ея дѣятельность только однимъ желаніемъ, какъ сдѣлалъ авторъ, невозможно. Что́ касается до той характеристической черты страсти, которую г. Классовскій называетъ желаніемъ обладать какимъ-нибудь предметомъ, то, во-первыхъ, оно свойственно не всѣмъ страстямъ, какъ напримѣръ мести, а во-вторыхъ, оно имѣетъ мѣсто и при страстномъ порывѣ. Поставимъ въ примѣръ чувство любви, которое не во всѣхъ степеняхъ своихъ достойно названія страсти, хотя во всѣхъ имѣетъ цѣлію обладаніе.

По этимъ не многимъ причинамъ, которыя могли бы быть развиты съ бо́льшею подробностію, мы считаемъ принятое г. Классовскимъ въ основаніе объясненіе страсти и страстнаго порыва недостаточнымъ.

Относительно самой характеристики различныхъ страстей, составляющей предметъ второй главы, можно было бы во многомъ поспорить съ авторомъ, потому-что многія положенія его грѣшатъ произвольностію. Предѣлы нашего отчета заставляютъ насъ ограничиться только немногими словами, единственно для доказательства, что обвиненіе въ произвольности основано нами на убѣжденіи. Вообще въ этомъ отношеніи можно сказать, что г. Классовскій есть прямой наслѣдникъ Лафатера, который допустилъ въ своемъ сочиненіи о физіономикѣ такое множество совершенно голословныхъ положеній.

На стр. 27 сказано: «Ревность есть подозрѣніе, усиленное наступательнымъ недоброжелательствомъ къ подозрѣваемому въ какомъ

въ себѣ ни одного таланта. онъ не могъ пріобрѣтать себѣ денегъ, а на прожитокъ тратилъ каждый день....»

Кромѣ того «Митя прожилъ и проигралъ и свое и сестрино состояніе, которое Дуня, сдѣлавшись совершеннолѣтнею, отдала ему, обманутая его обѣщаніями пустить деньги въ выгодный обороты, тогда, какъ другой герой разсказа г-жи Корсини, умница *Павля*, кончилъ свое воспитаніе, *опредѣлился на службу и получаетъ теперь хорошее жалованье, изъ котораго всегда удѣляетъ часть своимъ родителямъ*». (Стр. 173 и 174).

Сочинительница оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ назиданіемъ:

«Читатели видятъ изъ этого разсказа, что здѣсь осуждается самолюбіе неразумное, раздражительное, напыщенное мнимыми достоинствами, не терпящее никакого надъ собой превосходства. Такое самолюбіе — источникъ мученій и несчастій для насъ и гибель нашихъ иногда самыхъ лучшихъ, способностей».

Все это прекрасно и справедливо. О художественной сторонѣ новаго разсказа г-жи Корсини мы умолчимъ. Если бы въ ея трудахъ проявлялось столько творческаго таланта, сколько проявляется въ нихъ добросовѣстности и желанія добра, — они имѣли бы успѣхъ необыкновенный.

Руководство къ Всеобщей Исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. *Составилъ адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея* С. Смарагдовъ. *Часть первая. «Древняя Исторія». Спб. 1849.*

Въ предисловіи къ этому руководству, авторъ объясняетъ намъ какъ причины, побудившія его къ этому труду, такъ и предположенную имъ спеціяльную цѣль и планъ его изложенія. И мы обращаемъ вниманіе читателя прежде всего на предисловіе: оцѣнимъ сначала цѣль и планъ, а потомъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самомъ осуществленіи ихъ.

«Исторія для женщинъ — говоритъ авторъ — останется исторіею въ полномъ ея значеніи: наукою изображающею судьбу и развитіе человѣческаго рода», и проч. И далѣе: «въ существенномъ содержаніи исторіи не можетъ быть различія ни для женщинъ, ни для мужчинъ»; но есть, по его понятію, спеціяльное различіе въ назначеніи исторіи для женщинъ и для мужчинъ. Мужчина, по его словамъ, *долженъ* изучать исторію прежде всего для нея самой, для ея абсолютнаго *достоинства*, а потомъ уже можетъ дѣлать изъ нея и приложенія, смотря по обстоятельствамъ жизни. Женщина, которой нужно быть не ученою, а просвѣщенною матерью и воспитательницею

наго поколѣнія, можетъ довольствоваться однимъ приложеніемъ :торіи, то есть изучать ее какъ средство для образованія ума и :рдца.

Съ этимъ взглядомъ г. Смарагдова на значеніе исторіи для жен-щинъ мы совершенно согласны; но мнѣніе его о значеніи исторіи ля мужщинъ мы считаемъ ложнымъ. По нашему, первоначальное реподаваніе исторіи, какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ (а вторъ, очевидно, говоритъ здѣсь о первоначальномъ преподаваніи) олжно имѣть въ виду одну и ту же цѣль: постепенное пластическое азвитіе ихъ понятій о жизни людей и пластическое развитіе ихъ равственныхъ свойствъ. Исторія для дѣтей обоего пола имѣетъ дно и тоже назваченіе: для нихъ она есть пластическое первона-іальное самопознаніе и пластическое нравственное развитіе. Препо-аваніе ея мальчикамъ для нея самой, *для ея абсолютнаго достоин-ства*, по нашему мнѣнію, ложно. Если же авторъ говоритъ здѣсь о іужчинахъ зрѣлыхъ, то и въ такомъ случаѣ все-таки нельзя ска-ать, что мужчина долженъ изучать исторію прежде всего для нея амой, для ея абсолютнаго достоинства. Всякая наука прежде всего олжна имѣть въ виду практическую пользу, т. е. пріобрѣтеніе істинъ, или объясняющихъ какую-либо сторону бытія, или откры-ающихъ средство подчинить эту сторону нашей власти, — однимъ ловомъ, истинъ, полезныхъ для человѣчества въ какомъ-нибудь тношеніи. Эта цѣль должна стоять на первомъ планѣ для каждаго, іосвящающаго себя какой бы то ни было наукѣ: исторія не можетъ оставлять исключенія. Но обратимся къ дальнѣйшимъ объясненіямъ івтора.

На основаніи назначенія исторіи для женщинъ и, по его словамъ, (согласно ученію новѣйшей педагогіи, какъ при изустномъ, такъ и іисьменномъ изложеніи исторіи для женщинъ, должны быть соблю-іаемы слѣдующія положенія.

Что́ это за ученіе новѣйшей педагогіи? — кто составилъ это уче-іie? Къ чему служитъ эта фраза, не имѣющая, при всей своей пре-тензіи на современность, въ этомъ случаѣ никакого значенія? луч-пе, кажется, имѣть свои идеи о педагогіи, нежели ссылаться на :акое-то ученіе новѣйшей педагогіи....

Но посмотримъ, что́ заимствовалъ авторъ изъ этой новѣйшей іедагогіи для своего предмета. По его словамъ, — эта педагогія іаучаетъ соблюдать слѣдующія положенія въ исторіи для жен-щинъ:

1) Показать, что назначеніе человѣчества есть развитіе и усовер-шенствованіе.

И послѣ этого, мы все-таки спрашиваемъ для дѣтей, что такое развитіе рода человѣческаго? Какъ должны понимать эту фразу дѣти? Можно предположить, что г. Смарагдовъ имѣлъ въ виду еще второй комментарій, изустный, комментарій самого преподавателя. Тогда остается обратиться къ автору, какъ къ преподавателю, съ тѣмъ же вопросомъ: что должны представлять себѣ ваши питомцы подъ развитіемъ рода человѣческаго?

Каковъ бы ни былъ изустный комментарій г. Смарагдова на этотъ вопросъ, сущность его все-таки будетъ состоять въ одномъ, что развитіе человѣчества состоитъ въ *постепенномъ улучшеніи и расширеніи человѣческаго естествовѣдѣнія и самопознанія*. Ясно, что развитіе этой мысли для дѣтей требуетъ опять отъ преподавателя объясненія, въ чемъ состоитъ эта постепенность, это улучшеніе, расширеніе, естествовѣдѣніе и самопознаніе; слѣдовательно, придется говорить о *главнѣйшихъ моментахъ познанія*; безъ этого нельзя объяснить, что значитъ постепенность и прочія понятія, необходимо входящія въ объясненіе о томъ, что такое развитіе. Должно, слѣдовательно, познакомить дѣтей съ тѣмъ, что значитъ познаніе природы и познаніе себя, и какъ мы познаемъ то и другое. Тогда они поймутъ сколько-нибудь *развитіе человѣчества*; въ противномъ случаѣ оно останется для нихъ пустою фразою.

Но положимъ, вы достигли этой цѣли, воспитанники и питомицы *услышали* изъ второго комментарія это развитіе; теперь остается удостовѣриться, точно ли поняли они ваше объясненіе. Для удостовѣренія въ этомъ, вы конечно спросите каждаго изъ нихъ, какъ онъ (или она) поняли ваше объясненіе. Но какъ трудно имъ передать своему преподавателю только-что полученныя и совершенно новыя для нихъ понятія! А между тѣмъ какъ необходимо, чтобы они, пріобрѣтя отъ васъ эти важныя въ историческомъ преподаваніи понятія, въ тоже время пріобрѣли отъ васъ и ловкость выражать ихъ правильнымъ и изящнымъ языкомъ. Другими словами: мы думаемъ, что такого рода объясненіе должно имѣть свой *текстъ*, въ которомъ было бы изложено, что значитъ познаніе природы и самопознаніе, какіе способы имѣетъ человѣкъ для пріобрѣтенія того и другого, и какія степени переходимъ мы необходимо въ познаніи какого бы то ни было предмета.

Такого текста мы не находимъ въ Руководствѣ г. Смарагдова, и это, по нашему мнѣнію, первый, чрезвычайно важный недостатокъ его учебника.

Но жизнь человѣчества состоитъ не изъ одного только познанія, но и изъ приложенія и осуществленія его знаній, — не только изъ теоретическаго, но и изъ практическаго элемента; и развитіе чело-

вѣчества совершалось какъ въ первомъ, такъ и во второмъ. Стало быть, надо дать понятіе, все-таки вашимъ питомицамъ и ученикамъ, объ этомъ второмъ элементѣ, а это значитъ, вы должны разложить его, во-первыхъ, на главнѣйшія части, и сказать, какое значеніе имѣетъ каждая изъ нихъ въ связи съ жизнію человѣка вообще. Опять намъ хотѣлось бы, чтобы дѣти, пріобрѣтя эти начальныя понятія о практической дѣятельности человѣка, пріобрѣли въ тоже время и способность выражать эти понятія правильнымъ и изящнымъ языкомъ; другими словами: этотъ изустный комментарій о развитіи человѣчества долженъ имѣть также *свой текстъ*. Тогда они ясно будутъ понимать и выражать свои понятія о томъ, что́ такое государство, какая его цѣль, что́ значитъ практическая дѣятельность вообще, какіе главнѣйшіе роды практической дѣятельности. Вы видите, что эти предметы очень важны въ преподаваніи исторіи, и вы должны представить ихъ въ связи съ жизнію человѣка вообще. Это также важный недостатокъ учебника г. Смарагдова.

Замѣтимъ, что эти требованія высказали мы подробнѣе уже во второй книжкѣ нашего журнала за текущій годъ, по случаю разбора Введенія, составленнаго г. Македонскимъ. Необходимость такого Введенія, опытъ котораго представилъ г. Македонскій, такъ очевидна, что преподаваніе исторіи безъ него мы считаемъ неправильнымъ, несообразнымъ ни съ назначеніемъ исторіи въ первоначальномъ воспитаніи, ни съ условіями, отъ которыхъ зависитъ выполненіе этого назначенія. Уже для одного опредѣленія исторіи необходимо сдѣлать хотя краткій очеркъ человѣческой жизни вообще, какъ это и доказали мы анализомъ опредѣленія исторіи, представленнаго г. Смарагдовымъ. Сначала сдѣлайте понятнымъ и осмыслите для дѣтей главнѣйшія, общія проявленія человѣческой жизни, и потомъ уже перейдите въ ея частности, подробности, въ ея разнообразіе,—однимъ словомъ, въ исторію. Не скажете ли, что это трудно, что это будетъ уже *въ логикѣ?* право, мы считаемъ лишнимъ отвѣчать на эти обветшалыя возраженія. А эти вещи, напримѣръ, понятнѣе?

«Быту семейному предшествовало *супружество*, какъ учрежденіе божественное, которое, развивая въ человѣкѣ лучшія способности его души, *любовь* и *вѣрность*, связываетъ людей узами неразрывными. Семейный-же бытъ развилъ первыя начала *гражда́нственности*».

Но послѣдуемъ за ходомъ изложенія г. Смарагдова по порядку. Когда преподаватель объяснитъ наконецъ, что исторія должна изобразить постепенное развитіе человѣчества въ теоретическомъ и практическомъ элементахъ, то первый представляющійся за этимъ вопросъ естественно состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ и когда нача-

лось это развитіе. Но у г. Смарагдова этимъ вопросамъ предшествуетъ изложеніе его понятій о первобытномъ состояніи людей и о переходѣ ихъ къ государственному быту. Что̀ касается до этихъ понятій, то мы находимъ ихъ неосновательными: они не опираются ни на факты, ни на теорію; это въ полномъ смыслѣ произвольная гипотеза. Разсмотримъ ее. По мнѣнію г. Смарагдова, «первая ступень человѣческой жизни есть *состояніе дикости*». Изображая это состояніе, онъ описываетъ первобытнаго человѣка *звѣроловомъ и рыболовомъ; въ борьбѣ съ людьми* и дикими звѣрями, его первобытный человѣкъ *одинокъ*, безъ семейства, вѣчно треволженъ. Такимъ образомъ, первая ступень человѣческой жизни, по мнѣнію г. Смарагдова, ничѣмъ не отличалась отъ состоянія нынѣшнихъ дикарей и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже была хуже: нынѣшніе дикари все-таки живутъ обществами.

На чемъ основаны эти представленія? Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ самомъ учебникѣ г. Смарагдовъ не упомянулъ даже о томъ, представляетъ ли намъ исторія на рѣшеніе подобныхъ до-историческихъ вопросовъ какія-нибудь средства; а во-вторыхъ, извѣстно, что исторія скорѣе говоритъ противъ, нежели за эту гипотезу дикости.

Для устраненія недоразумѣній замѣтимъ, что мы полагаемъ большую разницу между патріархальнымъ бытомъ (это, по нашему, и первая ступень въ исторіи человѣчества) и тѣмъ звѣроподобнымъ состояніемъ, какое представляетъ себѣ г. Смарагдовъ. Гипотеза патріархальности (родственныхъ и племенныхъ узъ), какъ перваго момента въ развитіи человѣчества, имѣетъ на своей сторонѣ покрайней-мѣрѣ общіе законы человѣческой природы. Да и самые факты скорѣе заставляютъ предположить, что люди долгое время жили и развивались безъ кровавой непрерывной борьбы, въ мирѣ; одичаніе есть уже слѣдствіе позднѣйшей борьбы, когда племена принуждены были вступить между собою въ кровавую, ожесточенную вражду за привольныя пастбища, и т. д.; только этимъ можно объяснить себѣ многіе слѣды цивилизаціи въ состояніи нынѣшнихъ дикарей. Въ-самомъ-дѣлѣ, до сихъ поръ въ состояніи дикарей скорѣе можно показать *паденіе цивилизаціи*, нежели самостоятельные успѣхи. Въ Америкѣ, напримѣръ, многое намекаетъ о лучшемъ когда-то бывшемъ состояніи, съ котораго они пали и прозябаютъ теперь въ ужасной дикости. Ни одно изъ нынѣшнихъ американскихъ племенъ не могло бы теперь создать ничего, что̀ можно бы было поставить наравнѣ съ остатками древнихъ американскихъ памятниковъ. Жизнь нынѣшняго дикаря проходитъ въ какомъ-то тупомъ и мрачномъ бездумьи. Іезуитъ Лафито̀, сильнѣе всѣхъ доказывавшій

сходство нынѣшнихъ американскихъ дикарей съ первобытнымъ состояніемъ, не можетъ однакожь скрыть своего удивленія, что американскіе дикари, въ продолженіи столькихъ столѣтій, сами не изобрѣли ничего, что̀ принадлежитъ къ цивилизаціи. Линкъ, доказавшій, что у всѣхъ дикарей употребленіе огня извѣстно, прибавляетъ, что многіе изъ нихъ *едва ли* могли сами изобрѣсть огонь, и дѣлаетъ выводъ, что дикари пали, если не съ высокой, то по-крайней-мѣрѣ съ высшей степени цивилизаціи, нежели на какой находятся они теперь. Наконецъ возьмите во вниманіе и преданіе, сохранившееся у всѣхъ народовъ, о первобытномъ мирномъ и блаженномъ состояніи, — и тогда вы имѣете хоть какія-нибудь основанія (природу человѣка вообще, состояніе нынѣшнихъ дикарей и преданія) для гипотезы патріархальнаго быта, какъ перваго момента въ развитіи человѣчества.

Но станемъ на точку зрѣнія г. Смарагдова: будемъ представлять себѣ первыхъ людей дикарями, вооруженными дубинами и скитающимися по лѣсамъ; то все-таки для насъ непонятно, почему эти дикари обратили свою силу противъ свирѣпыхъ и дикихъ животныхъ, а не противъ кроткихъ, способныхъ сдѣлаться ручными. Странно, право, читать этотъ самоувѣренный догматизмъ, съ какимъ г. Смарагдовъ описываетъ пастушеское состояніе, какъ вторую ступень въ жизни человѣчества. Не естественнѣе ли предположить, что человѣкъ прежде всего сдѣлался пастухомъ; потомъ, сначала для удовольствія, для развлеченія, а наконецъ, изъ необходимости, превратился въ дикаго охотника, а рыболовомъ онъ сдѣлался, безъ сомнѣнія, уже гораздо позднѣе. Далѣе, можно ли согласиться съ этимъ представленіемъ г. Смарагдова, что только пастушескій образъ жизни произвелъ между людьми *бытъ семейный?* А этому быту — по его словамъ — предшествовало супружество, на которое мы указали выше. Вообще, понятія нашего историка о первобытномъ состояніи людей и о переходахъ изъ него въ высшее состояніе, по нашему, неосновательны и ложны.

Теперь сдѣлаемъ хотя нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ у него изложено дальнѣйшее развитіе человѣчества, въ такъ называемыхъ историческихъ народахъ.

Тутъ, въ самомъ преддверіи исторіи, какъ любили выражаться въ старину, встрѣчаетъ насъ примѣчаніе, объявляющее, что китайцы и индѣйцы въ руководствѣ г. Смарагдова участвовать не будутъ, потому-де, что ихъ исторія *намъ* мало извѣстна. Взявъ во вниманіе причину означеннаго объявленія, мы предполагали, что на слѣдующихъ страницахъ встрѣтимъ тоже и насчетъ

прочихъ однородныхъ въ этомъ отношеніи государствъ, какъ-то: Вавилоніи и Ассиріи, Египта и Финикіянъ, Мидіи и Персіи. Но нѣтъ! объ этихъ народахъ г. Смарагдовъ кое-что разсказываетъ. Но вспомнимъ серьёзно, что̀ онъ долженъ былъ разсказать, и послушаемъ, что̀ разсказываетъ онъ хоть объ этихъ народахъ.

По смыслу всеобщей исторіи и по плану самого автора, мы имѣли полное право ожидать, что въ его учебникѣ показана будетъ роль каждаго народа въ развитіи всего человѣчества: кто изъ нихъ и въ какомъ отношеніи раздвигалъ горизонтъ человѣческаго самопознанія и жизни вообще, и кто препятствовалъ тому и другому. Но, жизнь каждаго народа состоитъ изъ двухъ элементовъ: теоретическаго и практическаго; значитъ, авторъ учебника долженъ представить намъ исторію каждаго народа въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ: вотъ рама для группировки частныхъ фактовъ, опредѣляемая смысломъ самой исторіи. Потрудитесь анализировать этотъ смыслъ далѣе — и вы получите болѣе подробное указаніе того, что̀ авторъ долженъ разсмотрѣть въ каждомъ народѣ, и въ какой системѣ все это можно представить. Теперь разсмотримъ, какими идеями руководился въ исторіи каждаго народа г. Смарагдовъ.

Само собою разумѣется, что исторія его начинается съ восточныхъ древнихъ государствъ. Но, по смыслу всеобщей исторіи, приступая къ обзору востока, необходимо должно было показать, что̀ сдѣлалъ востокъ для человѣчества въ умственномъ и практическомъ отношеніяхъ; между тѣмъ какъ авторъ объявляетъ своимъ питомицамъ только то, что образованность европейскихъ народовъ не такова, какъ образованность азіатскихъ; вотъ его слова:

«Но образованность европейскихъ народовъ отличается отъ образованности азіатской новымъ, разностороннимъ и истинно-свободнымъ развитіемъ человѣческаго духа, между-тѣмъ-какъ образованность азіатскихъ народовъ была, такъ сказать, связана, ограничена только улучшеніемъ матеріальной жизни, и нѣкоторые изъ нихъ — Китайцы и Индѣйцы — сохранили эту ограниченность образованія на одной и той же степени до нашихъ временъ.

Но спрашивается, въ чемъ же состояла образованность востока? чѣмъ же отличается она отъ западной? въ какомъ онѣ отношеніи между собою? всѣ ли восточные народы выразили въ своей жизни одно и тоже міросозерцаніе или оно было различно, и если различно, то въ чемъ состояло это различіе, какое изъ нихъ выше, слѣдовательно ближе къ истинному развитію человѣчества? На основаніи такихъ различій было бы очень естественно сдѣлать извѣстное раздѣленіе народовъ и въ самомъ учебникѣ.

Теперь спрашиваемъ (не говоря уже о пропускѣ китайцевъ и индѣйцевъ), спрашиваемъ, почему у г. Смарагдова прежде всѣхъ историческихъ народовъ стоятъ Вавилонія и Ассирія? неужели, онѣ представляютъ самый низшій моментъ въ историческихъ проявленіяхъ востока? По своей цивилизаціи, по основной, преобладавшей въ нихъ чертѣ, онѣ принадлежатъ къ группѣ чисто монархическихъ государствъ; въ нихъ жрецъ стоитъ наравнѣ съ другими подданными, предъ лицомъ монарха: — шагъ впередъ для человѣчества огромный. Въ этомъ отношеніи гораздо низшую роль занимаетъ исторія Египта, Мероэ и другихъ жреческихъ государствъ: это низшій моментъ въ цивилизаціи востока; этотъ моментъ, по своему міросозерцанію, ближайшій къ патріархальному, племенному. Итакъ, жреческія государства должны, по нашему мнѣнію, предшествовать въ исторіи востока всѣмъ прочимъ (если только исторія должна быть изложена по строгой системѣ, на началахъ, вытекающихъ изъ предмета и той цѣли, съ которою мы его разсматриваемъ). Наконецъ оставимъ безъ вниманія это сравненіе историческихъ моментовъ, возьмемъ каждый народъ порознь, отдѣльно, какъ-будто онъ не имѣетъ никакой связи съ цѣлымъ, то и въ такомъ случаѣ г. Смарагдовъ, по нашему мнѣнію, излагаетъ ихъ исторію безъ вниманія даже къ показаннымъ въ его предисловіи цѣлямъ. Авторъ отказался отъ избранной имъ задачи въ самомъ началѣ... Въ изложеніи исторіи каждаго народа мы видимъ, что авторъ съ перваго шагу въ міръ историческихъ фактовъ отказался не только отъ специяльныхъ обѣщаній и цѣлей, о которыхъ мы говорили выше, но и отъ преслѣдованія *развитія человѣчества*, *какъ основной идеи* своего сочиненія. Если бы сказано было, что сочиненіе будетъ повѣствованіемъ о разныхъ событіяхъ изъ прошедшей жизни человѣчества, представленныхъ въ хронологической последовательности, то мы и не потребовали бы, чтобы авторъ оцѣнилъ каждый народъ относительно развитія человѣчества и вообще представилъ бы всѣ факты сообразно съ этою цѣлью. Но по самому опредѣленію его исторіи и на основаніи его собственныхъ обѣщаній, всякой ожидаетъ именно такой оцѣнки историческихъ народовъ и фактовъ, которая бы сколько-нибудь согласовалась съ предположенными цѣлями. Но чтобы убѣдить читателя въ справедливости нашихъ словъ, припомнимъ, во-первыхъ, что авторъ долженъ былъ показать роль каждаго народа въ развитіи человѣчества, да, кромѣ того, изложить факты въ такомъ порядкѣ, чтобы питомицы *яснѣе познали промыслъ Божій* не только въ судьбѣ цѣлыхъ народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ, какъ это обѣщалъ авторъ въ предисловіи. Теперь просимъ прочесть исторію хоть двухъ народовъ, вавилонянъ и ассирі-

ныя отдѣленія, которыя по изобилію статей, ихъ составляющихъ, не могли быть соединены съ первымъ, будутъ выпущены въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

«Значительность, занимательность и новость предметовъ», сказано въ предисловіи, «нѣтъ сомнѣнія, дадутъ и другой половинѣ «тома то значеніе, которое предлежитъ въ отечественной литерату-«рѣ первому отдѣленію второго тома Записокъ». Мы сознаемся откровенно, что не можемъ согласиться вполнѣ съ этимъ отзывомъ. Намъ показалось, что, при всѣхъ своихъ ученыхъ достоинствахъ, второй томъ «Записокъ» въ отношеніи къ «значительности, занимательности и новости предметовъ» далеко уступаетъ первому, въ которомъ было нѣсколько статей, дѣйствительно занявшихъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Этого никакъ нельзя сказать о второмъ томѣ «Записокъ»; статей въ немъ довольно много, но всѣ онѣ представляютъ мало живого историческаго интереса, между ними мы не нашли ни одной, которая бы обогатила науку новыми и важными открытіями. Впрочемъ лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ — сами читатели, и потому, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы изложимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе всѣхъ статей, вошедшихъ въ составъ новаго изданія Одесскаго Общества. Мы сдѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ статей не лишены извѣстной занимательности, хотя, какъ мы сказали уже выше, между ихъ занимательностію и высокимъ историческимъ интересомъ нѣкоторыхъ статей перваго тома существуетъ огромное различіе.

Всѣ разсужденія и изслѣдованія, помѣщенныя въ первомъ отдѣленіи второго тома «Записокъ», раздѣлены на четыре отдѣла: археологіи, исторіи, географіи и статистики. Къ отдѣлу археологіи отнесены слѣдующія статьи:

1) *Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста древней географіи Тавриды.* Авторъ этой статьи, покойный Бларамбергъ, предположилъ себѣ цѣлью разъяснить посредствомъ мѣстныхъ изысканій географическія свѣдѣнія древнихъ писателей о нѣкоторыхъ частяхъ Таврическаго поморья. Результатъ его трудовъ состоялъ въ болѣе или менѣе точномъ опредѣленіи мѣстоположенія древнихъ городовъ: Киммеріона, Тиритаки, Нимфеи, Мирмикіона, Парѳеніона и Ахиллеона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ трудъ ученаго археолога заслуживаетъ полнаго уваженія, но чрезвычайная его спеціяльность не дозволяетъ намъ ни распространиться подробнѣе о его содержаніи, ни высказать какое-либо мнѣніе о правильности его выводовъ.

2) *О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и объ его монетахъ, соч. Г. Спасскаго.* Содержаніе этой статьи видно изъ самого

ея заглавія; что́ же касается до ея интереса и достоинства, то мы можемъ только повторить то, что́ уже сказали о предъидущемъ изслѣдованіи.

3) *О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, древле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ, соч. Андрея Фабра.* Памятники древности, по мнѣнію автора этой статьи, раздѣляются естественно на два разряда: на памятники, дошедшіе къ намъ отъ народовъ образованныхъ, и памятники, оставленные намъ варварами. Первые заключаются въ развалинахъ зданій, въ гробницахъ, монументахъ, статуяхъ, медальонахъ, оружіяхъ, домашней утвари, въ произведеніяхъ наукъ и художествъ и т. п. Вторые намъ не совсѣмъ еще извѣстны; по большой части они имѣютъ грубую форму, соотвѣтствующую варварскому состоянію народа; назначеніе ихъ объясняется болѣе или менѣе внѣшнимъ ихъ видомъ; они весьма просты, относятся къ первымъ потребностямъ человѣка, близкаго еще къ природѣ, и состоятъ въ окопахъ, курганахъ, жертвенникахъ, рѣдко въ строеніяхъ и вещахъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемыя *каменныя бабы*, встрѣчающіяся въ Новороссійскомъ краѣ. Значеніе ихъ вообще таинственно. Нѣкоторые ученые полагали, что онѣ суть нечто иное, какъ могильные памятники, но г. Фабръ отвергаетъ это мнѣніе, на томъ основаніи, что фигуры, которыми древніе украшали свои гробницы, представляли не просто образъ человѣческій, но имѣли всегда свое собственное значеніе и заимствовались изъ исторіи или миѳологіи. Г. Фабръ полагаетъ, что каменныя бабы суть нечто иное, какъ нимфы древнихъ грековъ, изображенныя въ формѣ болѣе грубой и менѣе художественной. Въ-самомъ-дѣлѣ, нимфы изображались обыкновенно въ хитонахъ или полухитонахъ, иногда и вовсе безъ одѣянія, съ распущенными волосами и съ рѣзко выраженными грудями. Въ рукахъ онѣ по большей части держали раковины, вазы или тростникъ. У нашихъ каменныхъ бабъ, представляемыхъ иногда нагими, а иногда одѣтыми, видимъ мы тоже положеніе рукъ, держащихъ кубокъ, тоже рѣзкое выраженіе грудей. Онѣ отличаются отъ нимфъ только одеждою, состоящею въ какихъ-то тюникахъ и полукафтаньяхъ, да особеннымъ уборомъ головы; но это различіе могло произойти у варваровъ отъ ихъ понятій о красотѣ нарядовъ. Они могли дать каменнымъ бабамъ такую одежду, какую носили сами, подобно грекамъ, которые также облекали своихъ боговъ въ свои національные костюмы. Эта догадка г. Фабра тѣмъ правдоподобнѣе, что миѳологія древнихъ обитателей Новороссійскаго края, какъ видно изъ многихъ историческихъ свидѣльствъ, заимствована была ими отъ грековъ. Но очевидно, что не всѣ боги

Грецiи могли перейти къ варварамъ; послѣднiе, по низкой степени ихъ образованности, приняли отъ первыхъ только тѣхъ боговъ, которымъ приписывали покровительство предметовъ первой необходимости. Къ числу такихъ боговъ относились и Нимфы, покровительницы лѣсовъ, озеръ и рѣкъ.

Во второй половинѣ своей статьи г. Фабръ старается объяснить: кому изъ древнихъ варварскихъ народовъ могли принадлежать каменныя бабы? Рѣшенiе этого вопроса показалось намъ не совсѣмъ удачнымъ. Авторъ полагаетъ, что на каменныя бабы слѣдуетъ смотрѣть, какъ на божества кельтическихъ народовъ. Но единственное доказательство, приводимое въ пользу этого мнѣнiя, состоитъ въ томъ, что въ числѣ кельтическихъ древностей, сохранившихся около Женевы, найденъ одинъ камень, на которомъ вырѣзаны вмѣстѣ четыре выпуклыя женскiя фигуры. Доказательство это намъ кажется недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что фигуры эти, какъ видно изъ приложеннаго г. Фабромъ рисунка, вовсе не похожи ни на нашихъ каменныхъ бабъ, ни на греческихъ нимфъ; отдѣлка ихъ весьма грубая; изображены онѣ нагими и съ руками, соединенными на животѣ.

4) *О Еврейскихъ манускриптахъ, хранящихся въ Музеумѣ Одесскаго Общества Исторiи и Древностей*, *соч. I. Михневича*. Въ 1840 году Одесское Общество прiобрѣло отъ своего корреспондента, г. Фирковича, нѣсколько древнихъ еврейскихъ кодексовъ, открытыхъ имъ въ Чуфутъ-Кале, въ Карасу Базарѣ, въ Θеодосiи и другихъ мѣстахъ. Извѣстный гебраистъ докторъ Пиннеръ издалъ подробное описанiе этихъ рукописей, а г. Михневичъ сдѣлалъ краткое извлеченiе изъ этого сочиненiя. Въ историческомъ отношенiи статья г. Михневича представляетъ мало любопытнаго, но для филологическаго объясненiя текста Ветхаго Завѣта описанныя въ этой статьѣ рукописи могутъ представить много важныхъ данныхъ.

5) *Источники для удѣльнаго перiода русской исторiи. Лѣтописи*. Статья *М. П. Погодина*. Если бы статья эта и не была подписана г. Погодинымъ, мы бы сейчасъ узнали ея автора по его афористической манерѣ изложенiя и по нѣкоторымъ, не совсѣмъ умѣстнымъ выходкамъ противъ *молодыхъ писателей*. Статья эта занимаетъ цѣлыхъ сорокъ страницъ, но содержанiе ея вовсе не обширно и легко могло бы умѣститься, при другомъ способѣ писанiя, на двухъ-трехъ страничкахъ. Въ концѣ ея самъ авторъ высказываетъ въ совокупности всѣ результаты своихъ изслѣдованiй и высказываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Лѣтописи наши составлены изъ современныхъ оффицiальныхъ извѣстiй.

«Лѣтописатели отличаются правдивостію, безпристрастіемъ, благочестіемъ, любовью къ отечеству, нравоучительностію, имѣютъ «въ извѣстномъ отношеніи образованность.

«Несторъ писалъ до 1111 года.

«Современникъ его Василій описалъ ослѣпленіе кн. Василька Теребовльскаго со всѣми обстоятельствами.

«Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, переписалъ Несторову лѣтопись въ 1116 году.

«(Василіево сказаніе вставилъ вѣроятно онъ; а можетъ быть и «самъ Несторъ, Василій или первый переписчикъ.)

«Этотъ списокъ сдѣлался родоначальникомъ тѣхъ, которые до «насъ дошли.

«Первый продолжатель Несторовъ, не Печерскій инокъ, писалъ «вѣроятно до 1130 годовъ.

«Второй, Кіевлянинъ, до 1170.

«Третій, Кіевлянинъ, до 1200.

«Несторова лѣтопись не сохранилась въ цѣлости. Нѣтъ слѣдовъ, «чтобы у кого-нибудь была она, начиная съ древнѣйшихъ переписчиковъ XIII вѣка.

«Едва-ли можетъ найтиться и впредь.

«Списковъ съ Несторовой лѣтописи съ Васильевымъ сказаніемъ «осталось три: Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Ипатіевскій.

«Кіевская лѣтопись дошла до насъ болѣе или менѣе сокращенная, и безъ конца.

«Дополняется она Суздальскою и Новгородскою, и въ особенности по Воскресенскому списку.

«Списокъ ея имѣемъ одинъ Ипатьевскій, съ котораго списаны «Хлѣбниковскій и Ермолаевскій.

«Волынской лѣтописи дошелъ до насъ одинъ отрывокъ съ 1200 «до 1280 г. безъ начала и конца, и одинъ его списокъ въ Ипатіевскомъ кодексѣ».

«Суздальская лѣтопись дошла до насъ также болѣе или менѣе сокращенная.

«Лѣтописателей было два: одинъ жилъ при Всеволодѣ и описалъ «житіе Андрея и Всеволода, а другой пережилъ и Батыево нашествіе.

«Списковъ два: Лаврентьевскій и Радзивиловскій».

Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ несомнѣнны; съ другими мы могли бы поспорить, если бы не боялись выйти изъ предѣловъ библіографической статьи. Вообще, изслѣдованіе г. Погодина едва ли не самое интересное изъ всѣхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ во второмъ томѣ «Записокъ». Мы пожалѣли только о томъ, что авторъ не выключилъ изъ него нѣкоторыхъ мѣстъ, очевидно внушенныхъ

ныя отдѣленія, которыя по изобилію статей, ихъ составляющихъ, не могли быть соединены съ первымъ, будутъ выпущены въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

«Значительность, занимательность и новость предметовъ», сказано въ предисловіи, «нѣтъ сомнѣнія, дадутъ и другой половинѣ «тома то значеніе, которое предлежитъ въ отечественной литерату«рѣ первому отдѣленію втораго тома Записокъ». Мы сознаемся откровенно, что не можемъ согласиться вполнѣ съ этимъ отзывомъ. Намъ показалось, что, при всѣхъ своихъ ученыхъ достоинствахъ, второй томъ «Записокъ» въ отношеніи къ «значительности, занимательности и новости предметовъ» далеко уступаетъ первому, въ которомъ было нѣсколько статей, дѣйствительно занявшихъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Этого никакъ нельзя сказать о второмъ томѣ «Записокъ»; статей въ немъ довольно много, но всѣ онѣ представляютъ мало живого историческаго интереса, между ними мы не нашли ни одной, которая бы обогатила науку новыми и важными открытіями. Впрочемъ лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ — сами читатели, и потому, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы изложимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе всѣхъ статей, вошедшихъ въ составъ новаго изданія Одесскаго Общества. Мы сдѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ статей не лишены извѣстной занимательности, хотя, какъ мы сказали уже выше, между ихъ занимательностію и высокимъ историческимъ интересомъ нѣкоторыхъ статей перваго тома существуетъ огромное различіе.

Всѣ разсужденія и изслѣдованія, помѣщенныя въ первомъ отдѣленіи втораго тома «Записокъ», раздѣлены на четыре отдѣла: археологіи, исторіи, географіи и статистики. Къ отдѣлу археологіи отнесены слѣдующія статьи:

1) *Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста древней географіи Тавриды.* Авторъ этой статьи, покойный Бларамбергъ, предположилъ себѣ цѣлью разъяснить посредствомъ мѣстныхъ изысканій географическія свѣдѣнія древнихъ писателей о нѣкоторыхъ частяхъ Таврическаго поморья. Результатъ его трудовъ состоялъ въ болѣе или менѣе точномъ опредѣленіи мѣстоположенія древнихъ городовъ: Киммеріона, Тиритаки, Нимфеи, Мирмикіона, Парѳеніона и Ахиллеона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ трудъ ученаго археолога заслуживаетъ полнаго уваженія, но чрезвычайная его спеціяльность не дозволяетъ намъ ни распространиться подробнѣе о его содержаніи, ни высказать какое-либо мнѣніе о правильности его выводовъ.

2) *О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и объ его монетахъ, соч. Г. Спасскаго.* Содержаніе этой статьи видно изъ самого

ея заглавія; что же касается до ея интереса и достоинства, то мы можемъ только повторить то, что уже сказали о предъидущемъ изслѣдованіи.

3) *О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, древле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ, соч. Андрея Фабра.* Памятники древности, по мнѣнію автора этой статьи, раздѣляются естественно на два разряда: на памятники, дошедшіе къ намъ отъ народовъ образованныхъ, и памятники, оставленные намъ варварами. Первые заключаются въ развалинахъ зданій, въ гробницахъ, монументахъ, статуяхъ, медальонахъ, оружіяхъ, домашней утвари, въ произведеніяхъ наукъ и художествъ и т. п. Вторые намъ не совсѣмъ еще извѣстны; по большой части они имѣютъ грубую форму, соотвѣтствующую варварскому состоянію народа; назначеніе ихъ объясняется болѣе или менѣе внѣшнимъ ихъ видомъ; они весьма просты, относятся къ первымъ потребностямъ человѣка, близкаго еще къ природѣ, и состоятъ въ окопахъ, курганахъ, жертвенникахъ, рѣдко въ строеніяхъ и вещахъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемыя *каменныя бабы*, встрѣчающіяся въ Новороссійскомъ краѣ. Значеніе ихъ вообще таинственно. Нѣкоторые ученые полагали, что онѣ суть нечто иное, какъ могильные памятники, но г. Фабръ отвергаетъ это мнѣніе, на томъ основаніи, что фигуры, которыми древніе украшали свои гробницы, представляли не просто образъ человѣческій, но имѣли всегда свое собственное значеніе и заимствовались изъ исторіи или миѳологіи. Г. Фабръ полагаетъ, что каменныя бабы суть нечто иное, какъ нимфы древнихъ грековъ, изображенныя въ формѣ болѣе грубой и менѣе художественной. Въ-самомъ-дѣлѣ, нимфы изображались обыкновенно въ хитонахъ или полухитонахъ, иногда и вовсе безъ одѣянія, съ распущенными волосами и съ рѣзко выраженными грудями. Въ рукахъ онѣ по большей части держали раковины, вазы или тростникъ. У нашихъ каменныхъ бабъ, представляемыхъ иногда нагими, а иногда одѣтыми, видимъ мы тоже положеніе рукъ, держащихъ кубокъ, тоже рѣзкое выраженіе грудей. Онѣ отличаются отъ нимфъ только одеждою, состоящею въ какихъ-то тюникахъ и полукафтаньяхъ, да особеннымъ уборомъ головы; но это различіе могло произойти у варваровъ отъ ихъ понятій о красотѣ нарядовъ. Они могли дать каменнымъ бабамъ такую одежду, какую носили сами, подобно грекамъ, которые также облекали своихъ боговъ въ свои національные костюмы. Эта догадка г. Фабра тѣмъ правдоподобнѣе, что миѳологія древнихъ обитателей Новороссійскаго края, какъ видно изъ многихъ историческихъ свидѣльствъ, заимствована была ими отъ грековъ. Но очевидно, что не всѣ боги

Греціи могли перейти къ варварамъ; послѣдніе, по низкой степени ихъ образованности, приняли отъ первыхъ только тѣхъ боговъ, которымъ приписывали покровительство предметовъ первой необходимости. Къ числу такихъ боговъ относились и Нимфы, покровительницы лѣсовъ, озеръ и рѣкъ.

Во второй половинѣ своей статьи г. Фабръ старается объяснить, кому изъ древнихъ варварскихъ народовъ могли принадлежать каменныя бабы? Рѣшеніе этого вопроса показалось намъ не совсѣмъ удачнымъ. Авторъ полагаетъ, что на каменныя бабы слѣдуетъ смотрѣть, какъ на божества кельтическихъ народовъ. Но единственное доказательство, приводимое въ пользу этого мнѣнія, состоитъ въ томъ, что въ числѣ кельтическихъ древностей, сохранившихся около Женевы, найденъ одинъ камень, на которомъ вырѣзаны выпуклыя четыре выпуклыя женскія фигуры. Доказательство это намъ кажется недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что фигуры эти, какъ видно изъ приложеннаго г. Фабромъ рисунка, вовсе не похожи ни на наших каменныхъ бабъ, ни на греческихъ нимфъ; отдѣлка ихъ весьма груба; изображены онѣ нагими и съ руками, соединенными на животѣ.

4) *О Еврейскихъ манускриптахъ, хранящихся въ Музеумѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, соч. *I. Михневича*. Въ 18.. году Одесское Общество пріобрѣло отъ своего корреспондента, г. Фирковича, нѣсколько древнихъ еврейскихъ кодексовъ, открытыхъ имъ въ Чуфутъ-Кале, въ Карасу Базарѣ, въ Θеодосіи и другихъ мѣстахъ. Извѣстный гебраистъ докторъ Пиннеръ издалъ подробное описаніе этихъ рукописей, а г. Михневичь сдѣлалъ краткое извлеченіе изъ этого сочиненія. Въ историческомъ отношеніи статья г. Михневича представляетъ мало любопытнаго, но для филологическаго объясненія текста Ветхаго Завѣта описанныя въ этой статьѣ рукописи могутъ представить много важныхъ данныхъ.

5) *Источники для удѣльнаго періода русской исторіи. Лѣтописи.* Статья *М. П. Погодина*. Если бы статья эта и не была подписана г. Погодинымъ, мы бы сейчасъ узнали ея автора по его афористической манерѣ изложенія и по нѣкоторымъ, не совсѣмъ умѣстнымъ выходкамъ противъ *молодыхъ писателей*. Статья эта занимаетъ цѣлыхъ сорокъ страницъ, но содержаніе ея вовсе не обширно и легко могло бы умѣститься, при другомъ способѣ писанія, на двухъ-трехъ страничкахъ. Въ концѣ ея самъ авторъ высказываетъ въ совокупности всѣ результаты своихъ изслѣдованій и высказываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Лѣтописи наши составлены изъ современныхъ оффиціальныхъ извѣстій.

«Лѣтописатели отличаются правдивостію, безпристрастіемъ, благочестіемъ, любовью къ отечеству, нравоучительностію, имѣютъ «въ извѣстномъ отношеніи образованность.

«Несторъ писалъ до 1111 года.

«Современникъ его Василій описалъ ослѣпленіе кн. Василька Те«ребовльскаго со всѣми обстоятельствами.

«Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, пе«реписалъ Несторову лѣтопись въ 1116 году.

«(Василіево сказаніе вставилъ вѣроятно онъ; а можетъ быть и «самъ Несторъ, Василій или первый переписчикъ.)

«Этотъ списокъ сдѣлался родоначальникомъ тѣхъ, которые до «насъ дошли.

«Первый продолжатель Несторовъ, не Печерскій инокъ, писалъ «вѣроятно до 1130 годовъ.

«Второй, Кіевлянинъ, до 1170.

«Третій, Кіевлянинъ, до 1200.

«Несторова лѣтопись не сохранилась въ цѣлости. Нѣтъ слѣдовъ, «чтобы у кого-нибудь была она, начиная съ древнѣйшихъ переписчиковъ XIII вѣка.

«Едва-ли можетъ найтиться и впредь.

«Списковъ съ Несторовой лѣтописи съ Васильевымъ сказаніемъ «осталось три: Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Ипатіевскій.

«Кіевская лѣтопись дошла до насъ болѣе или менѣе сокращен«ная, и безъ конца.

«Дополняется она Суздальскою и Новгородскою, и въ особенно«сти по Воскресенскому списку.

«Списокъ ея имѣемъ одинъ Ипатьевскій, съ котораго списаны «Хлѣбниковскій и Ермолаевскій.

«Волынской лѣтописи дошелъ до насъ одинъ отрывокъ съ 1200 «до 1280 г. безъ начала и конца, и одинъ его списокъ въ Ипатіев«скомъ кодексѣ».

«Суздальская лѣтопись дошла до насъ также болѣе или менѣе со«кращенная.

«Лѣтописателей было два: одинъ жилъ при Всеволодѣ и описалъ «житіе Андрея и Всеволода, а другой пережилъ и Батыево нашествіе.

«Списковъ два: Лаврентьевскій и Радзивиловскій».

Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ несомнѣнны; съ другими мы могли бы поспорить, если бы не боялись выйти изъ предѣловъ библіографической статьи. Вообще, изслѣдованіе г. Погодина едва ли не самое интересное изъ всѣхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ во второмъ томѣ «Записокъ». Мы пожалѣли только о томъ, что авторъ не выключилъ изъ него нѣкоторыхъ мѣстъ, очевидно внушенныхъ

духомъ системы и совершенно неумѣстныхъ въ ученомъ трудѣ. Такъ напр. на стр. 84, г. Погодинъ, говоря о правдивости нашихъ лѣтописей, отзывается съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о западныхъ хроникахъ, наполненныхъ, по его словамъ, сказками. Намъ кажется, что лучше бы было или вовсе не упоминать о западныхъ хроникахъ, или, если уже г. Погодинъ счелъ нужнымъ упомянуть о нихъ, то сравнить ихъ по-крайней мѣрѣ съ нашими лѣтописями во всѣхъ отношеніяхъ, не произнося голословныхъ приговоровъ. Далѣе, на стр. 81, г. Погодинъ, выписывая изъ лѣтописи одно мѣсто, въ которомъ употреблено, между прочимъ, выраженіе «бытства», прибавляетъ въ выноскѣ: «положимъ, слово это не совсѣмъ хорошо, «но неужели варварскій фактъ лучше?» Мы не могли уразумѣть съ самого начала смыслъ этой фразы, и, понявъ ее буквально, подумали, что г. Погодинъ говоритъ о какомъ-то варварскомъ фактѣ, но впослѣдствіи, по зрѣломъ размышленіи, убѣдились, что дѣло идетъ о словѣ: фактъ, которое г. Погодинъ считаетъ варварскимъ. У каждаго свой вкусъ, отвѣтимъ мы на это автору; но тѣмъ, которые такъ рѣзко нападаютъ на другихъ за ихъ неуваженіе къ отечественному языку, не мѣшало бы самимъ писать по-лучше и подавать другимъ примѣръ уваженія къ отечественной грамматикѣ. На стр. 100, г. Погодинъ, говоря, что «наши лѣтописи «съ Несторомъ въ основаніи, переписывались *можетъ-быть* въ «продолженіи XII вѣка», прибавляетъ опять въ выноскѣ: «я говорю «можетъ-быть» — все еще въ страхѣ предъ тѣнію Шлецера; наши молодые изслѣдователи рѣшаются смѣлѣе». Эта фраза для насъ также непонятна, какъ и предъидущая. Кто же изъ нашихъ молодыхъ изслѣдователей не питаетъ должнаго уваженія къ памяти Шлецера? Сколько намъ извѣстно, на славу великаго ученаго посягалъ въ послѣднее время только одинъ писатель, именно г. Поповъ, но и этотъ писатель очевидно не принадлежитъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ молодыхъ изслѣдователей, на которыхъ нападаетъ такъ рѣзко и такъ часто г. Погодинъ.

Статьей г. Погодина оканчивается отдѣлъ археологіи. Къ слѣдующему за нимъ отдѣлу исторіи принадлежатъ слѣдующія статьи:

1) *Исторія города Херсона*, переводъ съ греческаго 53 главы изъ сочиненія императора Константина Порфиророднаго. Переводъ этотъ сдѣланъ г. Протопоповымъ.

2) *Хронологико-Историческое описаніе церквей Епархіи Херсонской и Таврической.* — Статью эту, содержащую въ себѣ подробное исчисленіе всѣхъ церквей Новороссійскаго края, съ показаніемъ времени ихъ сооруженія и съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ

впрочемъ вовсе нелюбопытныхъ, подробностей, доставилъ въ общество преосв. Гавріилъ, архіепископъ херсонскій и таврическій.

3) *Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ*, соч. *Н. Мурзакевича*. — Изъ статьи г. Мурзакевича видно, что книгопечатаніе въ Новороссійскомъ краѣ ведетъ свое начало съ князя Потемкина, который учредилъ первую гражданскую типографію въ Кременчугѣ. Первой книжкой, напечатанной въ этой типографіи, было предсмертное сочиненіе самого Потемкина, подъ названіемъ: «Канонъ вопіющія во грѣхахъ души ко Спасителю Господу Іисусу». Книга эта отпечатана въ 1791 году и составляетъ нынче библіографическую рѣдкость. Вторая типографія учреждена была архіепископомъ армяно-григоріанскимъ Іосифомъ въ 1792 году, въ монастырѣ св. Креста Господня (близь Нахичевани). Третья типографія, основанная въ 1790 году архіепископомъ екатеринославскимъ, Амвросіемъ Серебренниковымъ, въ Яссахъ, переведена была въ 1792 году, на предѣлы Молдавіи, въ мѣстечко Дубоссары. Четвертая типографія учреждена была въ 1799 году въ Николаевѣ, пятая въ 1800 году въ Екатеринославлѣ.

4) *Жизнь и ученая дѣятельность Бларамберга*, соч. К. *Зеленецкаго*. — Покойный Бларамбергъ, статьей котораго начинается, какъ мы уже видѣли, второй томъ «Записокъ», былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ изслѣдователей древностей Новороссійскаго края и написалъ о нихъ нѣсколько сочиненій, исчисленныхъ въ статьѣ г. Зеленецкаго. Главныя заслуги Бларамберга, по словамъ автора его біографіи, состоятъ въ томъ, что онъ открылъ существованіе пятисоюзія, составленнаго изъ городовъ и портовъ западнаго берега Чернаго моря, разработалъ почти окончательно нумизматику Ольвіи, греческаго поселенія при устьѣ Буга, и опредѣлилъ мѣстоположеніе нѣкоторыхъ древнихъ городовъ, въ отношеніи къ новѣйшимъ мѣстностямъ и поселеніямъ.

5) *Павелъ Дюбрюксъ*, статья *Тетбу-де-Мариньи*. — Подобно Бларамбергу, Дюбрюксъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ археологовъ. Онъ писалъ разныя записки, но никогда не имѣлъ средствъ издать ихъ въ свѣтъ. Подлинную рукопись его записокъ пріобрѣло послѣ его смерти Одесское общество. Главная заслуга Дюбрюкса состоитъ въ разрытіи многихъ кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи и въ опредѣленіи мѣстоположенія Пантикапеи и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ заселеній. «Бо́льшая часть «этихъ открытій»—говоритъ г. Тетбу-де-Мариньи»—была издана въ «свѣтъ не самимъ Дюбрюксомъ, а другими лицами, которымъ до«вѣрчиво сообщалъ онъ свои розысканія и которыя умалчивали о «его трудахъ».

Отдѣлъ географіи во второмъ томѣ Записокъ составляютъ слѣдующія статьи:

1) *Безъименнаго Периплъ Понта Евксинскаго и Меотійскаго озера*, — любопытный матеріялъ для объясненія древней географіи Тавриды, переведенный съ греческаго г. Панагіадоромъ-Никовуломъ.

2) *Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его*, соч. З. *Аркаса*. — Ираклійскимъ полуостровомъ назывался въ древности большой мысъ, находящійся въ окрестностяхъ города Севастополя. Г. Аркасъ излагаетъ вкратцѣ его исторію и потомъ описываетъ довольно подробно сохранившіяся донынѣ развалины древнихъ городовъ и укрѣпленій, пещеры и водопроводы въ современномъ ихъ положеніи. Къ этому описанію приложено довольно много рисунковъ, служащихъ къ объясненію текста.

3) *Геническъ и Арабатская стрѣлка*, соч. Г. *Спасскаго*. — Геническъ есть селеніе, лежащее на правомъ возвышенномъ берегу пролива, соединяющаго Азовское море съ Сивашемъ. Арабатской стрѣлкой называется коса, простирающаяся на 103 версты и разъединяющая упомянутыя два моря. Обѣ эти мѣстности подробно описаны г. Спасскимъ въ географическомъ, статистическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

4) *Историческое описаніе рѣки Сѣвернаго-Донца, близь Святихъ горъ*, *Л. Шабельскаго*. — Статья эта есть нечто иное, какъ краткій и представляющій мало занимательности обзоръ различныхъ историческихъ происшествій, совершавшихся на берегахъ рѣки Сѣвернаго Донца.

5) *Свѣденія о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ*, *Н. Мурзакевича*. — Авторъ исчисляетъ въ этой статьѣ монастыри епархій Херсонской и Кишиневской и сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ учрежденіи, исторіи и настоящемъ состояніи каждаго изъ нихъ. Для исторіи нашей церкви въ Новороссійскомъ краѣ, свѣдѣнія, сообщаемыя г. Мурзакевичемъ, могутъ составить любопытный матеріялъ.

Послѣдній отдѣлъ второго тома Записокъ посвященъ статистикѣ. Въ него вошли три статьи:

1) *Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ краѣ*, соч. Ф. *Лялукова*. — Вкратцѣ содержаніе этой занимательной, но написанной слишкомъ высокимъ слогомъ, статьи состоитъ въ слѣдующемъ: Первое духовное училище въ Новороссійскомъ краѣ учреждено было архіепископомъ славянскимъ и херсонскимъ Евгеніемъ Булгарисомъ, въ 1776 году, въ Полтавѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ 1779 году, открыты были въ

Кременчугѣ училища гражданскія, мужеское и женское. Съ этого времени, и въ особенности въ царствованіе Императора Александра, число учебныхъ заведеній быстро увеличивалось; въ настоящую минуту всѣхъ учебныхъ заведеній въ этомъ краѣ считается 1,117; учащихся въ нихъ болѣе 72,000 при народонаселеніи въ 3,127,054 человѣка. Такимъ образомъ одинъ учащійся приходится на 42 жителя. Къ статьѣ г. Ляликова приложенъ подробный списокъ учебныхъ заведеній. Въ статистическомъ отношеніи, это — матеріялъ весьма важный.

2) *О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи, въ 1846 году*, соч. *Ф. Бруна*. — Содержаніе этой статьи указывается самымъ ея заглавіемъ; мы не распространяемся о ней подробнѣе, потому-что свѣдѣнія, сообщаемыя г. Бруномъ, въ настоящую минуту уже не имѣютъ интереса новости.

3) *Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ*, соч. *Г. Соколова*. — Въ 1754 году, по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, заложена была подлѣ р. Ингула крѣпость св. Елисаветы. Вокругъ нея образовались съ теченіемъ времени слободы, которыя заселены были возвратившимися изъ Польши русскими людьми, въ особенности раскольниками, отчего слободы эти и получили названіе раскольничьихъ. Въ 1805 году крѣпость св. Елисаветы была упразднена, а въ 1829 году образовавшійся на ея мѣстѣ городъ Елисаветградъ поступилъ въ вѣдомство военныхъ поселеній. Въ настоящее время городъ этотъ имѣетъ до 15,000 жителей обоего пола, нѣсколько заводовъ и пять ярмарокъ.

Записки русскаго географическаго общества. *Книжки I и II. Изданіе второе. Спб. 1849.*

Каждое ученое общество, каковъ бы ни былъ вообще предметъ его занятій, можетъ и должно преслѣдовать двѣ различныя цѣли: во-первыхъ, распространеніе извѣстныхъ свѣдѣній въ публикѣ, —во-вторыхъ, обогащеніе самой науки новыми истинами. Чѣмъ рѣзче отдѣляются эти цѣли одна отъ другой, чѣмъ систематичнѣе и обдуманнѣе преслѣдуется каждая изъ нихъ, тѣмъ вѣрнѣе и надежнѣе успѣхъ, тѣмъ полезнѣе и самая дѣятельность ученаго общества. Эти положенія такъ очевидны, что вѣроятно не найдется никого, ктобы сталъ оспоривать ихъ справедливость.

Въ первомъ параграфѣ временного устава русскаго географическаго общества сказано, что цѣль его «есть собраніе и распространеніе въ Россіи географическихъ свѣденій вообще, а въ особенности о Россіи, равно какъ и распространеніе достовѣрныхъ свѣденій «о нашемъ отечествѣ въ другихъ земляхъ.» Такимъ образомъ рус-

ское географическое общество предположило себѣ обѣ цѣли, выше нами указанныя: съ одной стороны собраніе, съ другой распространеніе свѣдѣній. Нечего и говорить о томъ, что для достиженія каждой изъ этихъ цѣлей общество принимаетъ самыя дѣятельныя и успѣшныя мѣры. Если бы понадобились на то доказательства, мы бы могли ограничиться указаніемъ на лежащія передъ нами «Записки»; въ теченіи самаго короткаго времени первое изданіе ихъ разошлось сполна, и постоянно-усиливающееся на нихъ требованіе заставило предпринять второе изданіе. Очевидно, что изслѣдованія общества нашли для себя читателей и цѣнителей, а слѣдовательно достигли вполнѣ своей цѣли.

Но, отдавая полную справедливость разнообразію и занимательности статей, вошедшихъ въ составъ «Записокъ», мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что самый характеръ и назначеніе этого изданія не опредѣлены съ надлежащей ясностію и точностію. По нашему мнѣнію, «Записки», въ томъ видѣ, какъ онѣ издаются, преслѣдуютъ разомъ двѣ различныя цѣли и оттого не представляютъ надлежащаго единства въ своемъ составѣ. Мы знаемъ, что Географическое общество, для распространенія въ публикѣ различныхъ свѣдѣній, составляющихъ предметъ его занятій, предприняло два особыхъ изданія: оно издаетъ съ этою цѣлію, во-первыхъ, карманную книжку для любителей землевѣдѣнія; во-вторыхъ, географическія извѣстія, нѣчто въ родѣ газеты или журнала. Послѣ этого слѣдовало бы ожидать, что въ «Запискахъ» будутъ уже помѣщаться исключительно ученыя изслѣдованія и открытія, а не такія статьи, которыя назначаются собственно для профановъ науки и для распространенія между ними географическихъ познаній. Между тѣмъ и въ первой и во второй книжкѣ «Записокъ» мы находимъ соединенными статьи того и другого рода: преимущество остается даже не на сторонѣ собственно-ученыхъ розысканій, потому-что изъ пятнадцати статей, помѣщенныхъ въ обѣихъ книжкахъ, мы насчитали только шесть самостоятельныхъ изслѣдованій, содержащихъ въ себѣ описанія мало извѣстныхъ странъ или свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ. Мы причисляемъ сюда статьи: г. Фреймана о владѣніяхъ Гудзонбейской компаніи, Я. В. Ханыкова — о состояніи внутренней Киргизской орды въ 1841 году, лейтенанта Загоскина — о материкѣ сѣверо-западнаго берега Америки, барона Боде — о Туркменскихъ поколѣніяхъ: ямудахъ и гокланахъ, академика Шегрена — объ этнографической экспедиціи въ Лифляндію и Курляндію, и наконецъ г. М. Иванина—о полуостровѣ Мангышлакѣ. Всѣ остальныя статьи, при всей своей занимательности, не содержатъ въ себѣ никакихъ новыхъ открытій или самостоятельныхъ розысканій, а состоятъ изъ

большой части въ изложеніи результатовъ, добытыхъ наукою прежде учрежденія Географическаго общества.

Что́ касается до степени важности и занимательности собственно-ученыхъ изслѣдованій, находящихся въ первыхъ двухъ книжкахъ «Записокъ», то читатели легко могутъ опредѣлить ее сами, на основаніи заглавій исчисленныхъ нами статей. Мы замѣтимъ только, что эти изслѣдованія принадлежатъ по преимуществу къ области чистой географіи; этнографическія розысканія занимаютъ второе мѣсто; а по части статистики, которая также принадлежитъ къ кругу предметовъ дѣятельности общества, нѣтъ ни одного собственно-ученаго труда. Въ обѣихъ книжкахъ «Записокъ» мы нашли только одну статью статистическаго содержанія, именно «Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи», но и эта статья, при всемъ своемъ достоинствѣ, не можетъ быть отнесена ни въ какомъ случаѣ къ разряду тѣхъ самостоятельныхъ трудовъ, которые обогащаютъ науку новыми истинами или выводами.

Ипотекарныя системы и вліяніе ихъ на финансы и вообще на государственное благосостояніе. *Сочиненіе* П. Дегая. *Спб. 1849.*

Многочисленныя сочиненія г. Дегая давно уже заняли почетное мѣсто въ нашей юридической литературѣ. Посредствомъ ихъ наша публика познакомилась со множествомъ вопросовъ, занимающихъ важное мѣсто въ юриспруденціи всѣхъ образованныхъ народовъ. Новое произведеніе г. Дегая даетъ ей возможность узнать ближе сущность занимательнаго и вполнѣ современнаго вопроса объ ипотекахъ и способы его рѣшенія въ различныхъ законодательствахъ. Говорить о важности предмета, которому посвятилъ г. Дегай свой послѣдній трудъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Назначеніе ипотечныхъ, или, какъ называетъ ихъ нашъ ученый юристъ, ипотекарныхъ системъ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы доставить частному кредиту должную гарантію и обезпечить заимодавцевъ отъ злонамѣренности или несостоятельности ихъ должниковъ. Отсюда открывается уже само собою важное ихъ значеніе не только въ юридическомъ отношеніи, но и въ политико-экономическомъ, по вліянію ихъ на кредитъ, финансы и народное благосостояніе вообще. Къ этому надо еще присоединить, что, особенно въ настоящее время, вслѣдствіе постепенно возрастающаго участія кредита въ дѣлѣ народной производительности, вопросъ о лучшемъ устройствѣ ипотечной системы сталъ въ число тѣхъ существенныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ одну изъ первыхъ и главнѣйшихъ обязанностей современной юриспруденціи. Разсматри-

[illegible]

[illegible] Сообразно съ этимъ [illegible] [illegible] названія: [illegible] [illegible] или [illegible] [illegible] прежнихъ [illegible] [illegible] прямо и [illegible] [illegible]. Такимъ образомъ, [illegible] [illegible], когда политика не могла уже [illegible] [illegible], какъ это было прежде, спасала Грецію отъ рас[illegible] [illegible], враждебныя другъ другу части, распаденія, котор[illegible]

емо должно бы было произойти вмѣстѣ съ ослабленіемъ зна-
етрополія.
овъ взглядъ г. Стасюлевича на общее значеніе игемоніи въ
Обращаемся теперь къ историческому развитію игемоніи
ой. Аѳины, какъ извѣстно, считались у древнихъ метрополі-
еленій іоническаго племени. Въ противоположность имъ были
скія поселенія, съ своею метрополіей—Спартою. Но такъ-какъ
и Спарта имѣли у себя весьма различное устройство, то это
іе отразилось и въ самыхъ ихъ поселеніяхъ; вышедшія изъ
имѣли устройство демократическое, вышедшія изъ Спарты —
кратическое. Съ постепенной замѣною началъ родства — на-
ь дружбы и расчета стали измѣняться и отношенія посел-
метрополіямъ. Нѣкоторыя изъ іоническихъ поселеній сдѣла-
ристократическими и поэтому склонились на сторону Спарты;
угой стороны, и нѣкоторыя дорическія поселенія сдѣлались
атическими и такимъ образомъ склонились на сторону Аѳинъ.
Спарта, такъ и Аѳины, старались сохранить за собою
оселенія и поддержать въ нихъ свое политическое устрой-
Эти два противоположныя стремленія должны были необходимо
ть борьбу между двумя республиками. Но борьба эта
ла оставаться безъ вліянія на объемъ и силу аѳинской
іи. Всякой успѣхъ Аѳинъ упрочивалъ и усиливалъ эту иге-
, и наоборотъ, всякой успѣхъ Спарты уменьшалъ ее и осла-
. Такимъ образомъ завоеваніе персами іоническихъ поселеній
ой Азіи ослабило Аѳины и ихъ игемонію, точно также, какъ
ніе Мессеніи, поселенія дорическаго, нанесло сильный ударъ
еству Спарты. Поэтому-то аѳиняне являются намъ постоянно
и упорными и ревностными врагами персовъ, а спартанцы,
енно напротивъ, или принимаютъ самое малое участіе въ вой-
ъ варварами, или даже содѣйствуютъ имъ и соединяются съ
ротивъ общаго врага — аѳинянъ.
этой же точки зрѣнія разсматриваетъ г. Стасюлевичъ и внут-
устройство игемоніи аѳинской. По его мнѣнію, каждый иге-
такъ-какъ онъ вмѣстѣ былъ и метрополіей, считалъ необходи-
, чтобы всѣ его поселенія держались одинаковаго съ нимъ на-
Если въ какомъ-нибудь поселеніи одерживало верхъ другое,
оположное начало, то игемонъ, по своимъ метропольнымъ
ностямъ, имѣлъ полное право поддерживать силою свою осла-
щую партію. Но при такомъ положеніи дѣлъ, съ каждымъ по-
мъ могло случиться одно изъ трехъ: или, во-первыхъ, посе-
остоянно сохраняло само свой образъ правленія, или, во-вто-
въ немъ одерживала верхъ силою партія, желавшая перемѣ-

нить образъ правленія, или, лучше сказать, въ-третьихъ, весь городъ без исключенія отвергалъ устройство метрополіи и переходилъ на сторону противоположнаго начала. Сообразно съ этими тремя случаями, г. Стасюлевичъ всѣ города аѳинской гегемоніи раздѣляетъ на три класса: на города *автономическіе, подвластные* и *клерухіи*. Если городъ могъ сохранить у себя самъ демократію, очевидно не требовалось никакихъ мѣръ со стороны гегемона, — и такой городъ, сохраняя всѣ свои обязанности къ гегемону, какъ къ метрополіи, назался автономическимъ. Слѣдовательно, автономическими городами нельзя считать, какъ считали до сихъ поръ, города независимые. Но во второмъ случаѣ, когда демократія ослабѣвала до того, что не могла своими силами противиться другой партіи, гегемонъ присылалъ гарнизонъ для поддержанія порядка и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы только доставить перевѣсъ партіи демократовъ. Такой слабый городъ, потерявъ автономію, получалъ названіе подвластнаго и долженъ былъ, естественно, соединить свою политику съ политикою метрополіи. Наконецъ въ третьемъ случаѣ, когда весь городъ принималъ участіе въ возмущеніи, нельзя уже было довольствоваться прежними мѣрами: помогать было некому, оставалось, для достиженія той же цѣли, водворить поселеніе и послать туда клеруховъ, получавшихъ землю по жребію. Эти-то поселенія и назывались *клерухіями*. Подробное и ясное объясненіе отношеній гегемона къ городамъ автономическимъ, подвластнымъ и клерухіямъ читатели могутъ найти въ сочиненіи г. Стасюлевича.

Отдавая полную справедливость ученому достоинству разбираемой нами диссертаціи, мы не можемъ однако согласиться съ нѣкоторыми изъ выводовъ автора. Такъ, напримѣръ, намъ показалось новымъ и страннымъ мнѣніе г. Стасюлевича о послѣдствіяхъ пелопонесской войны для Аѳинъ. — Тотъ, кажется, весьма ошибется, говоритъ онъ, кто повторитъ такъ часто употребляемое выраженіе: война пелопонезская кончилась побѣдою Спартанцевъ и паденіемъ Аѳинъ. Эти выраженія, какъ и многія другія, вкрались въ науку путемъ обобщенія фактовъ по ихъ внѣшней формѣ; а часто должно бываетъ сказать совершенно противное, если обратимся къ внутренней сторонѣ предмета. Мы не скажемъ парадокса, если станемъ утверждать прямо противоположное, что пелопонезская война кончилась торжествомъ Аѳинъ (стр. 19—20). Сознаемся откровенно, мнѣніе это намъ кажется парадоксомъ. Единственное доказательство, приводимое въ его пользу авторомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорили Аѳиняне сами объ этомъ, такъ сказываемомъ, паденіи: «Спартанцы насъ спасли». Безъ сомнѣнія весьма трудно придумать, въ какомъ бы случаѣ можно было со-

«тать свое паденіе своимъ спасеніемъ. Но эти слова сказалъ Критія, «державшійся преимущественно, по крайней мѣрѣ въ это время, на-«чалъ аристократическихъ. Изъ этого видно, что побѣдила не Спар-«та, и побѣждены были не Аѳины: побѣдили аристократы, а были «побѣждены димоты.» Едва ли свидѣтельство Критіи можетъ имѣть большой вѣсъ въ этомъ случаѣ; Критія принадлежалъ къ той партіи, которая восторжествовала въ Аѳинахъ, съ помощію Спарты; уже поэтому самому онъ не могъ быть безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Притомъ же побѣда аристократическаго начала надъ демократическимъ въ Аѳинахъ сама по себѣ ясно свидѣтельствовала о торжествѣ Спарты. Самъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Спарта старалась распространить во всѣхъ городахъ свое аристократическое устройство; если ей удалось сдѣлать это даже у аѳинянъ, главныхъ представителей демократическаго начала, то ясно, что побѣда осталась на ея сторонѣ, и что политическое значеніе Аѳинъ должно было уменьшиться. Притомъ же исторія пелопонезской войны слишкомъ явно противорѣчитъ взгляду г. Стасюлевича. Въ этомъ случаѣ, сколько намъ кажется, ученый авторъ увлекся желаніемъ высказать оригинальную и блестящую гипотезу — и, самъ того не замѣчая, высказалъ парадоксъ. Мы полагаемъ, что г. Стасюлевичъ тѣмъ легче могъ избѣгнуть этой погрѣшности, что его диссертація изобилуетъ и безъ того взглядами и выводами, столько же оригинальными, сколько и правильными.

Способы предохранять лѣсъ отъ гнилы, скораго возгаранія и сообщать ему большую прочность. *Спб. 1849.*

Содержаніе этой небольшой брошюры, состоящей изъ четырнадцати страничекъ, видно изъ самого ея заглавія. Напечатана она съ тою цѣлію, чтобы доказать пользу изобрѣтенія, сдѣланнаго въ Англіи Пейномъ и состоящаго въ особомъ способѣ насыщенія дерева растворами, предохраняющими его отъ порчи и сообщающими ему большую прочность. Тутъ же объяснено, что на введеніе этого изобрѣтенія въ Россіи выдана особая привилегія, а для приведенія послѣдней въ дѣйствіе устроенъ въ Петербургѣ заводъ. Изъ этого видно, что цѣль изданія брошюры вовсе не литературная, а чисто промышленная.

О приведеніи въ оборонительное положеніе береговъ Франціи. *Спб. 1849.*

Подъ этимъ названіемъ напечатанъ былъ въ Военномъ Журналѣ, а потомъ изданъ въ свѣтъ особою брошюрою, — рапортъ, представленный въ 1841 году, бывшему президенту совѣта министровъ,

маршалу Сульту, коммиссіей вооруженія приморскихъ береговъ Франціи, Корсики и острововъ. Рапортъ этотъ для людей специальныхъ представляетъ много интересныхъ данныхъ. Вопросъ объ обороне приморскихъ береговъ разсмотрѣнъ въ немъ довольно подробно и съ принятіемъ въ соображеніе всѣхъ новѣйшихъ открытій въ части артиллерійской, инженерной и морской.

Городской указатель *или адресная книга врачей, художниковъ, ремесленниковъ, торговыхъ мѣстъ, ремесленныхъ заведеній и т. п. на 1849 годъ. Составилъ литейной части приставъ исполнительныхъ дѣлъ* Цылов҃ъ. *Спб.*

Составитель этой книги слѣдующимъ образомъ объясняетъ цѣль ея изданія:

«Въ многолюдныхъ городахъ, гдѣ развитіе общественной жизни возбуждаетъ всѣ роды дѣятельности, каждый изъ жителей встрѣчаетъ почти ежедневно надобность въ отысканіи врача, художника, фабриканта, ремесленника и вообще того, чьи труды или знанія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе нуждъ общественныхъ.

«Потребность эта еще болѣе ощутительна въ столицахъ.

«Донынѣ жители С. Петербурга могли узнавать объ источникахъ городской промышленности только по волѣ, частныхъ объявленій, наружныхъ или случайныхъ указаніяхъ; общаго вѣрнаго руководства въ этомъ отношеніи у насъ не существовало, и отсутствіе такого необходимаго пособія не могло укрыться надолго отъ заботливаго вниманія полицейскаго начальства.

«Желая облегчить жителямъ столицы способы къ отысканію всего для жизни потребнаго, безъ потери времени и трудовъ, г. С. Петербургскій оберъ-полицiймейстеръ поручилъ мнѣ, при содѣйствіи исполнительной полиціи, составить Указатель, въ которомъ бы означены были, по разрядамъ, всѣ отрасли столичной производительности, съ подробнымъ означеніемъ мѣста жительства каждаго лица, помѣщенія отдѣльнаго заведенія, мастерства и проч., принадлежащихъ къ которому либо изъ упомянутыхъ выше разрядовъ».

Сверхъ того Указатель» обѣщаетъ такую же пользу и самимъ промышленникамъ и производителямъ распространеніемъ предѣловъ ихъ извѣстности по всему городу и умноженіемъ ихъ сношеній съ жителями.

Мы спѣшимъ отдать полную справедливость пользѣ, какую Городской Указатель долженъ принести жителямъ Петербурга. Отнынѣ, благодаря заботливости полицейскаго начальства, каждый изъ нихъ, въ случаѣ какой-нибудь надобности, будетъ достаточно справиться въ «адресной книгѣ», и онъ будетъ стоять у цѣли своего желанія. Какъ бы ни были разнообразны эти желанія, какъ бы и

былъ избалованъ вкусъ прихотливаго петербургскаго жителя, всѣ они будутъ удовлетворены, благодаря «Указателю».

Такъ, напримѣръ, вы недовольны вашимъ портнымъ, а между тѣмъ вамъ нужно заказать платье. Безъ «Указателя», вы бы пошли къ пріятелю узнать, кто и какъ шьетъ на него, или отправились бы бродить по городу, и глядя на вывѣски, искать какого-нибудь портного на-обумъ. Сколько вывѣсокъ вы бы должны были прочесть, сколькихъ портныхъ посѣтить, и для чего? для того, чтобы уставши добрымъ порядкомъ, воротиться домой и пожалуй обратиться опять къ тому же портному, которымъ были недовольны. Какая досада! сколько огорченій!

Теперь же вы берете «Указатель», развертываете оглавленіе и читаете: «Платья мужскаго магазины. Стр. 305». Вы отыскиваете эту желанную страницу и видите двѣнадцать разныхъ именъ, изъ которыхъ противъ каждаго означенъ адресъ. Но вы можетъ быть не любите платья дорогого, а всѣ господа содержатели этихъ двѣнадцати магазиновъ живутъ на Невскомъ проспектѣ или въ его окрестностяхъ, и слѣдовательно, очень дороги. Если такъ, обратитесь опять къ оглавленію: тамъ вы найдете: «Портные. Стр. 316», и отыскавъ эту страницу, встрѣтите 699 именъ. Если послѣ этого вы не закажете себѣ порядочнаго платья, то пеняйте на самаго себя, на вашу разборчивость, взыскательность и прочіе недостатки... виноватъ: достоинства вашего образованнаго, развитаго вкуса и неумѣстную заботливость съэкономить нѣсколько рублей серебромъ. Отправляйтесь тогда прямо къ вашему пріятелю, котораго, во-первыхъ, вы рискуете не застать дома, а во-вторыхъ, чего добраго! онъ хотя человѣкъ и порядочный, но не совсѣмъ солидный и заказываетъ платье разнымъ портнымъ, потому-что всѣмъ задолжалъ страшно. Онъ отрекомендуетъ вамъ того самого мастера, которому всего больше долженъ. Посмотрите, если этотъ пріятель не сдѣлаетъ изъ васъ спекуляціи! Онъ васъ отрекомендуетъ для того, чтобы задобрить этого портного, чтобы избавиться отъ его докучливыхъ посѣщеній съ предлиннѣйшимъ, неумолимо-аккуратнымъ счетомъ. А что́, если еще и платье-то будетъ дурно сшито? Весело вамъ будетъ!

Но шутки въ сторону, а полезная книга г. Цылова напомнила намъ полезное учрежденіе, существующее въ Петербургѣ: Контору коммиссіонерства Языкова и комп., куда не только петербургскіе, но и иногородные жители могутъ обращаться съ своими желаніями, которымъ во всякое время готово самое быстрое, отчетливое и добросовѣстное удовлетвореніе.

Г. Цыловъ самъ сознается, что въ трудъ его неминуемо должны были вкрасться ошибки; потому мы считаемъ нужнымъ сдѣлать его «Указателю» только одно замѣчаніе. Такъ-какъ онъ назначенъ быть книгою для справокъ, то его, кажется, лучше было бы издать въ небольшомъ форматѣ и напечатать мелкимъ шрифтомъ. Тогда онъ могъ бы быть удобною карманною книгою и продаваться дешевле настоящей цѣны своей. Какъ ни малозначительна эта послѣдняя, однако въ общежитіи дешевизна дѣло важное, не только для покупщика, но и для продавца.

Гибель англійскаго корабля Кентъ. *Изд. второе. Спб. 1849.*

Эта маленькая брошюра, описывающая на шестидесяти страницахъ крушеніе купеческаго корабля «Кента», принадлежавшаго англійской остъ-индской компаніи, на пути изъ Англіи въ Бенгалію и Китай въ 1825 году, дожила до второго изданія. Слѣдовательно, несмотря на бѣдность подробностей, собственно относящихся до этого печальнаго событія, она находитъ читателей, и значитъ, достигаетъ своей цѣли. Каковы бы ни были причины такого успѣха, но, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ должно считать любопытство, которое возбуждаютъ въ необыкновенно сильной степени какъ вообще морскія путешествія, такъ въ особенности путешествія, сопряженныя съ несчастіями. Таковъ человѣкъ: онъ всегда будетъ любить сказку, будетъ искать ея въ дѣйствительности, точно также, какъ и требовать истинности отъ вымысла; онъ будетъ страдать и плакать надъ бѣдствіями своихъ собратьевъ, но не откажется съ любопытствомъ выслушать ихъ грустную повѣсть.

О выборѣ и употребленіи очковъ, въ гигіеническомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. *Соч. парижскаго доктора* Шокальскаго. *Перевелъ съ нѣмецкаго* Михаилъ Вейсбергъ. *Спб. 1849.*

Переводъ г. Вейсберга былъ помѣщенъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года (см. №№ 38—44). Нѣкоторыя вкравшіяся при первоначальномъ появленіи его ошибки и желаніе г. Вейсберга имѣть отдѣльный экземпляръ статьи «О выборѣ и употребленіи очковъ» были причиною вторичнаго ея изданія.

Было бы совершенно излишнимъ распространяться о пользѣ подобныхъ монографій, имѣющихъ цѣлію сбереженіе здоровья. Мы увѣрены, что всѣ страждущіе слабостію и болѣзненностію глазъ будутъ вполнѣ благодарны г. Вейсбергу за его трудъ, тѣмъ болѣе, что всякой, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ мысль автора этой брошюры:

«Одно изъ печальныхъ явленій нашего вѣка» — говоритъ онъ — состоитъ въ томъ что вслѣдствіе воспитанія, привычки и даже смѣшной подражательности, болѣе чѣмъ десятая часть жителей нашихъ большихъ городовъ прибѣгаютъ къ пособію очковъ, и, къ сожалѣнію, видно, что число людей, носящихъ очки, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе увеличивается?

Какъ ни дѣльны замѣчанія доктора Шокальскаго о выборѣ и употребленіи очковъ, мы не можемъ однако же не посовѣтовать лицамъ, имѣющимъ надобность въ этомъ полезномъ оптическомъ снарядѣ, обратиться къ болѣе точнымъ указаніямъ и наставленіямъ своего врача, прежде нежели они рѣшатся на постоянное употребленіе очковъ. Самая важность изложенныхъ въ этой брошюрѣ фактовъ и замѣтокъ достаточно покажетъ читателю необходимость осторожности при вооруженіи глазъ очками.

Все сочиненіе раздѣлено на двѣ части: въ одной говорится о «предохранительныхъ очкахъ», а въ другой — «собственно объ очкахъ». Подъ первыми должно разумѣть такъ называемые *консервы*, т. е. стекла, которыя употребляются для защищенія глазъ отъ вреднаго вліянія постороннихъ тѣлъ и слишкомъ яркаго свѣта. Названіе же «собственно очковъ» дается исключительно стекламъ съ изогнутыми поверхностями, посредствомъ которыхъ измѣняется направленіе проникающихъ сквозь стекло лучей свѣта. Искренно желаемъ, чтобы число подобныхъ дѣльныхъ, практическихъ монографій болѣе и болѣе у насъ увеличивалось, и еще искреннѣе желаемъ, чтобы читатели находили надобность только ближе и подробнѣе изучать въ нихъ ежедневно нужную науку сбереженія здоровья, не прибѣгая къ ея пособію для его исправленія.

Русская Фауна *или описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Составлено* Ю. Симашко и В. Марковымъ. *Тетрадь 1.*

Это первая тетрадь большого сочиненія, котораго цѣль описать и изобразить въ рисункахъ, снятыхъ бо́льшею частію съ натуры, всѣхъ животныхъ, водящихся въ Россіи. Въ этой первой тетради описаны: изъ млекопитающихъ *хорьки*, изъ птицъ *грифы;* изъ амфибій — змѣя *годюкъ*, изъ насѣкомыхъ — *мотыльки* (именно два вида бабочекъ). Рисунки сдѣланы вѣрно и весьма красиво, какъ въ отношеніи контуровъ, такъ и самой раскраски. Текстъ составленъ очень отчетливо. Мы представимъ подробный разборъ этого сочиненія впослѣдствіи, когда явится болѣе тетрадей, и когда будутъ виднѣе достоинства сочиненія. О порядкѣ выхода тетрадей и вообще условіяхъ изданія сообщено въ объявленіи издателей.

[illegible]

[illegible]

[illegible] Земледѣльческаго [illegible] Общества [illegible]

[illegible] Министерства Государственныхъ Имуществъ [illegible] Общества. Изъ этихъ [illegible] пользы [illegible] принадлежащаго г. Великопольскому [illegible] на стр. 49 — 50.

[illegible] въ соображеніе крестьянскій бытъ [illegible] назначается способъ г. Великопольскаго [illegible] заключеніе:

«1) Способъ, предлагаемый г. Великопольскимъ, улучшая [illegible] въ замѣчательной степени, безъ убыли [illegible], безъ укороченія въ длинѣ, безъ многаго труда и време[ни], безъ расхода и искусства, а потому, возвышая цѣнность прядильнаго материала, представляетъ дѣйствительныя и несомнѣнныя вы[году] [illegible] способовъ, нынѣ въ земледѣльческомъ быту существ[ующихъ], почему и заслуживаетъ общаго одобренія и распростр[а]ненія

. . . .

3) Способъ сей можетъ быть удобно введенъ между крестьяна-ми, особенно если взять въ соображеніе то, что по небольшому ко-личеству матеріала, идущаго отъ нихъ на домашнее употребленіе, остаточно будетъ одного снаряда на нѣсколько семействъ, и что притомъ въ нѣсколькихъ дворахъ найдется всегда одна изба изъ за-пасныхъ, въ которой снарядъ можетъ быть помѣщенъ, въ продол-женіе какого бы то ни было времени, безъ малѣйшаго стѣсненія.»

Въ заключеніе прибавимъ, что, по единогласному отзыву всѣхъ изслѣдовавшихъ этотъ способъ лицъ, онъ простъ и удобенъ.

Послѣ этого, для убѣжденія въ важности распространенія его, каждому хозяину остается только собственными глазами взглянуть на производство обдѣлки волокна прядильныхъ растеній снарядомъ . Великопольскаго.

Искренно желаемъ, чтобы польза этого способа была признана всѣми и стараніе его владѣтеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Карманная библіотека. *«Влюбленный въ луну»*. *Романъ* С. Поль-де-Кока. *Переводъ* С. Серчевскаго. *Четыре части. Спб. 849.*

За достоинство этого романа говоритъ имя автора. Поль-де-Кокъ! Довольно!

Что касается до перевода, то вотъ одна выписка, сдѣланная съ дипломатическою точностію. Судите сами.

«Такъ не станемъ же удивляться изумленію молодаго Мартино, которому хочется посмотрѣть на все, что есть въ лавкѣ, который останавливается у каждаго торговца, потомъ принужденъ бѣжать, чтобъ не наѣхала на него карета, телега или омнибусъ, который бросается изъ одного угла улицы въ калитку и часто натыкается на прохожихъ, потому что, къ непривычкѣ его быть среди столькихъ людей, присоединяется еще несчастный конецъ галстуха, засти-лающій ему лѣвый глазъ; онъ же никакъ не хочетъ его пригнуть.» (Стр. 10. Ч. I).

Разсказы косморамщика *или объясненіе* къ (?) *16 картин-ами* находящихся (?) *въ космораммъ изготовленная* и изданная Кар-ломъ Губертомъ. *Спб. 1848.*

Лубочная и безграмотная брошюрка съ лубочными картинками. Г. Карлъ Губертъ, *изготовившій* эту брошюрку, очень неудачно подра-жаетъ въ ней русскому народному юмору... Вотъ, напримѣръ, какое Г. Губертъ *изготовилъ* объясненіе къ 15-ой лубочной картинкѣ сво-его изданія:

«Господа, подымается! (что подымается?) Славная танцовщица Фанни Эльслеръ является, извольте на нее любоваться, искуствомъ ее прельщаться. Вотъ она танцуетъ галопъ, въ лошади скорѣе хлопъ, хлопъ. Бросайте ей цвѣтки, букеты, гирлянды и вѣнки. Она по всей Европѣ танцовала и даже за-моремъ въ Америкѣ бывала, вездѣ собою зрителей удивляла. Вотъ она пошла качучу плясать, извольте ей форо кричать. Фанни Эльслеръ ура! хвала тебѣ, хвала! Ты птичкой по сценѣ порхаешь, танцами своими публику прельщаешь! О ты совершенство! Вотъ тебѣ въ награду вѣнокъ нетлѣнный; онъ хотя не такъ блеститъ, но то изъ депозитныхъ билетовъ свитъ».

Нѣтъ, г. Губерту очень далеко до русскихъ мужичковъ юмористовъ!

ETTERS ADDRESSED TO THE COUNTESS OF OSSORY, from the year 1769 to 1797. By *Horace Walpole*, Lord Oxford. Now first printed from original MSS. Edited, with Notes, by the Right Hon. R. Uernon Smith, M. P. In two volumes. London. 1848. (Переписка Гораса Вальполя, лорда оксфордскаго, съ графиней Оссори, отъ 1769 до 1797 года, изданная въ первый разъ съ оригинальныхъ манускриптовъ. съ замѣчаніями, членомъ англійскаго парламента, господиномъ *Вернономъ Смитомъ*. Въ двухъ томахъ Лондонъ. 1848).

Горасъ Вальполь, сынъ знаменитаго англійскаго министра, Роерта Вальполя, не столько извѣстенъ своею политическою, сколько итературною дѣятельностію, которой были посвящены лучшіе го-ы его жизни. Онъ писалъ интересные мемуары, остроумные анекоты, плохіе романы, чудовищныя драмы, и все это печаталъ въ воей собственной типографіи, которую учредилъ въ своемъ велико-ѣпномъ дворцѣ нарочно для этой цѣли. Сочиненія его давно изслѣдованы и разобраны англійскою критикою, не исключая и этой, ю многихъ отношеніяхъ *назидательной* переписки, которая, первый разъ, въ полномъ объемѣ и съ замѣчаніями издателя, напечатана въ началѣ прошлаго года. Изъ этой переписки открывается прежде всего, что лордъ Вальполь имѣлъ особенный и довольно оригинальный взглядъ на характеръ и призваніе писателя. Вотъ между прочимъ что писалъ онъ къ графинѣ Оссори:

«Мнѣ очень пріятно воспользоваться приглашеніемъ видѣть какъ можно чаще ваше сіятельство и лорда Оссори, только ужь сдѣлайте милость, принимайте меня не какъ литератора. Не имѣя ни малѣйшаго уваженія къ пишущему міру, я не намѣренъ въ этомъ отношеніи дѣлать какое нибудь исключеніе для себя самого. Заранѣе прошу думать, что мое авторство — самая ничтожная вещь, которая отнюдь не можетъ возвысить или унизить мой личный характеръ (Томъ I, стр. 8).

«Еще одно слово, графиня, насчетъ прежней нашей ссоры, и я ам...лчу. *Такія письма* какъ мои! Разскажу вамъ довольно интересный анекдотецъ въ отвѣтъ на эту фразу. По смерти Чьюта, исполнитель его воли, прислалъ ко мнѣ цѣлую связку писемъ, которыя покойникъ получилъ отъ меня лѣтъ за тридцать назадъ. Я перечиталъ ихъ всѣ и — благословляю свою счастливую планету: письма такъ глупы и безсмысленны, что уже въ другой разъ мнѣ ихъ не увидѣть.

маршалу Сульту, коммиссіей вооруженія приморскихъ береговъ Франціи, Корсики и островов. Рапортъ этотъ *для людей* спеціальныхъ представляетъ много интересныхъ данныхъ. Вопросъ объ обороне приморскихъ береговъ разсмотрѣнъ въ немъ довольно подробно и съ принятіемъ въ соображеніе всѣхъ новѣйшихъ открытій по части артиллерійской, инженерной и морской.

Городской указатель *или адресная книга врачей, художниковъ, ремесленниковъ, торговыхъ мѣстъ, ремесленныхъ заведеній и т. п. на 1849 годъ. Составилъ литейной части приставъ исполнительныхъ дѣлъ* Цыловъ. *Спб.*

Составитель этой книги слѣдующимъ образомъ объясняетъ цѣль ея изданія:

«Въ многолюдныхъ городахъ, гдѣ развитіе общественной жизни возбуждаетъ всѣ роды дѣятельности, каждый изъ жителей встрѣчаетъ почти ежедневно надобность въ отысканіи врача, художника, фабриканта, ремесленника и вообще того, чьи труды или знанія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе нуждъ общественныхъ.

«Потребность эта еще болѣе ощутительна въ столицахъ.

«Донынѣ жители С. Петербурга могли узнавать объ источникахъ городской промышленности только по молвѣ, частнымъ объявленіямъ, наружнымъ или случайнымъ указаніямъ; общаго вѣрнаго руководителя въ этомъ отношеніи у насъ не существовало, и отсутствіе такого необходимаго пособія не могло укрыться надолго отъ заботливаго вниманія полицейскаго начальства.

«Желая облегчить жителямъ столицы способы къ отысканію всего для жизни потребнаго, безъ потери времени и трудовъ, г. С. Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ поручилъ мнѣ, при содѣйствіи исполнительной полиціи, составить Указатель, въ которомъ бы означены были, по разрядамъ, всѣ отрасли столичной производительности, съ подробнымъ означеніемъ мѣста жительства каждаго лица, помѣщенія отдѣльнаго заведенія, мастерства и проч., принадлежащихъ къ которому либо изъ упомянутыхъ выше разрядовъ».

Сверхъ того «Указатель» обѣщаетъ такую же пользу и самимъ промышленникамъ и производителямъ расширеніемъ предѣловъ ихъ извѣстности по всему городу и умноженіемъ ихъ сношеній съ жителями.

Мы спѣшимъ отдать полную справедливость пользѣ, какую «Городской Указатель» долженъ принести жителямъ Петербурга. Отнынѣ, благодаря заботливости полицейскаго начальства, каждый изъ нихъ, въ случаѣ какой-нибудь надобности, будетъ достаточно справиться въ «адресной книгѣ», и онъ будетъ стоять у цѣли своего желанія. Какъ бы ни были разнообразны эти желанія, какъ бы ни

былъ избалованъ вкусъ прихотливаго петербургскаго жителя, всѣ они будутъ удовлетворены, благодаря «Указателю».

Такъ, напримѣръ, вы недовольны вашимъ портнымъ, а между тѣмъ вамъ нужно заказать платье. Безъ «Указателя», вы бы пошли къ пріятелю узнать, кто и какъ шьетъ на него, или отправились бы бродить по городу, и глядя на вывѣски, искать какого-нибудь портного на-обумъ. Сколько вывѣсокъ вы бы должны были прочесть, сколькихъ портныхъ посѣтить, и для чего? для того, чтобы уставши дóбрымъ порядкомъ, воротиться домой и пожалуй обратиться опять къ тому же портному, которымъ были недовольны. Какая досада! сколько огорченій!

Теперь же вы берете «Указатель», развертываете оглавленіе и читаете: «Платья мужскаго магазины. Стр. 305». Вы отыскиваете эту желанную страницу и видите двѣнадцать разныхъ именъ, изъ которыхъ противъ каждаго означенъ адресъ. Но вы можетъ быть не любите платья дорогого, а всѣ господа содержатели этихъ двѣнадцати магазиновъ живутъ на Невскомъ проспектѣ или въ его окрестностяхъ, и слѣдовательно, очень дороги. Если такъ, обратитесь опять къ оглавленію: тамъ вы найдете: «Портные. Стр. 316», и отыскавъ эту страницу, встрѣтите 699 именъ. Если послѣ этого вы не закажете себѣ порядочнаго платья, то пеняйте на самаго себя, на вашу разборчивость, взыскательность и прочіе недостатки... виноватъ: достоинства вашего образованнаго, развитаго вкуса и неумѣстную заботливость съэкономить нѣсколько рублей серебромъ. Отправляйтесь тогда прямо къ вашему пріятелю, котораго, во-первыхъ, вы рискуете не застать дома, а во-вторыхъ, чего добраго! онъ хотя человѣкъ и порядочный, но не совсѣмъ солидный и заказываетъ платье разнымъ портнымъ, потому-что всѣмъ задолжалъ страшно. Онъ отрекомендуетъ вамъ того самого мастера, которому всего больше долженъ. Посмотрите, если этотъ пріятель не сдѣлаетъ изъ васъ спекуляціи! Онъ васъ отрекомендуетъ для того, чтобы задобрить этого портного, чтобы избавиться отъ его докучливыхъ посѣщеній съ предлиннѣйшимъ, неумолимо-аккуратнымъ счетомъ. А чтó, если еще и платье-то будетъ дурно сшито? Весело вамъ будетъ!

Но шутки въ сторону, а полезная книга г. Цылова напомнила намъ полезное учрежденіе, существующее въ Петербургѣ: Контору коммиссіонерства Языкова и комп., куда не только петербургскіе, но и иногородные жители могутъ обращаться съ своими желаніями, которымъ во всякое время готово самое быстрое, отчетливое и добросовѣстное удовлетвореніе.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

«Одно изъ пе
стоитъ въ то
ной подража
большихъ го
нію, видно,
болѣе и бол
Какъ н
употребле
лицамъ,
снарядѣ,
своего вр
леніе очк
товъ и за
рожности
Все с
«предохр
кахъ». I
т. е. стек
наго влія
же «собс
путыми
леніе пр
чтобы
лѣе и б
читате
въ них
къ ея

Ру
щихся
вымъ
Эт
и изо
всѣхъ
описа
бій —
бабоче
шенія
отчетл
впослѣ
достов
віяхъ

ъ печальныхъ явленій нашего вѣка» — говоритъ онъ — со-
ь томъ что вслѣдствіе воспитанія, привычки и даже смѣш-
ражательности, болѣе чѣмъ десятая часть жителей нашихъ
ъ городовъ прибѣгають къ пособію очковъ, и, къ сожалѣ-
ьно, что число людей, носящихъ очки, съ каждымъ днемъ
болѣе увеличивается?
на дѣльны замѣчанія доктора Шокальскаго о выборѣ и
леніи очковъ, мы не можемъ однако же не посовѣтовать
имѣющимъ надобность въ этомъ полезномъ оптическомъ
обратиться къ болѣе точнымъ указаніямъ и наставленіямъ
врача, прежде нежели они рѣшатся на постоянное употреб-
чковъ. Самая важность изложенныхъ въ этой брошюрѣ фак-
замѣтокъ достаточно покажетъ читателю необходимость осто-
ти при вооруженіи глазъ очками.

Сочиненіе раздѣлено на двѣ части: въ одной говорится о
хранительныхъ очкахъ», а въ другой — «собственно объ оч-
Подъ первыми должно разумѣть такъ называемые *консервы*,
текла, которыя употребляются для защищенія глазъ отъ вред-
ліянія постороннихъ тѣлъ и слишкомъ яркаго свѣта. Названіе
бственно очковъ» дается исключительно стекламъ съ изог-
ми поверхностями, посредствомъ которыхъ измѣняется направ-
проникающихъ сквозь стекло лучей свѣта. Искренно желаемъ,
число подобныхъ дѣльныхъ, практическихъ монографій бо-
болѣе у насъ увеличивалось, и еще искреннѣе желаемъ, чтобы
ели находили надобность только ближе и подробнѣе изучать
ихъ ежедневно нужную науку сбереженія здоровья, не прибѣгая
пособію для его исправленія.

Русская Фауна *или описаніе и изображеніе животныхъ, водя-
ся въ Имперіи Россійской. Составлено* Ю. Симашко и В. Марко-
ъ. *Тетрадь 1.*

Это первая тетрадь большого сочиненія, котораго цѣль описать
изобразить въ рисункахъ, снятыхъ бо́льшею частію съ натуры,
хъ животныхъ, водящихся въ Россіи. Въ этой первой тетради
саны: изъ млекопитающихъ *хорьки*, изъ птицъ *грифы;* изъ амфи-
— змѣя *годюкъ*, изъ насѣкомыхъ — *мотыльки* (именно два вида
очекъ). Рисунки сдѣланы вѣрно и весьма красиво, какъ въ отно-
іи контуровъ, такъ и самой раскраски. Текстъ составленъ очень
тливо. Мы представимъ подробный разборъ этого сочиненія
лѣдствіи, когда явится болѣе тетрадей, и когда будутъ виднѣе
оинства сочиненія. О порядкѣ выхода тетрадей и вообще усло-
ь изданія сообщено въ объявленіи издателей.

Отзывы о принадлежащемъ отставному маіору Ивану Ермолаевичу Великопольскому способѣ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растеній, *изданные по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Спб. 1849.*

Считаемъ обязанностію обратить вниманіе нашихъ читателей, владѣющихъ населенными имѣніями, на небольшую брошюру, которой заглавіе мы здѣсь выписали.

Извѣстно, что г. Великопольскій владѣетъ секретнымъ способомъ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растеній. Способъ этотъ раздѣляется на горячій и холодный и, по объясненію самого г. Великопольскаго, будучи по преимуществу ручнымъ, в особенности приноровленъ къ домашнему сельскому быту, и можетъ сдѣлаться и фабричнымъ, если будетъ примѣненъ къ машинному дѣлу. Изъ «Предувѣдомленія» этой брошюры мы узнаемъ, что 15 ноября прошедшаго года состоялось Высочайшее повелѣніе о мѣрахъ распространенія этого способа въ Россіи между земледѣльцами. Предварительно же онъ былъ разсматриваемъ и подвергнутъ многократнымъ опытамъ въ особо учрежденныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Въ настоящее время г. Великопольскій, по порученію Совѣта Вольнаго Экономическаго Общества, напечаталъ къ общему свѣдѣнію всѣ отзывы о его способѣ.

Предоставляя сельскимъ хозяевамъ обратиться за любопытными подробностями, относящимися къ этому предмету, къ собственной брошюрѣ г. Великопольскаго, мы ограничимся только небольшою выпискою изъ заключенія Секретной Коммиссіи, разсматривавшей этотъ способъ въ 1846 году и состоявшей изъ двухъ членовъ: отъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и Вольнаго Экономическаго Общества. Изъ этихъ немногихъ словъ ясно видна важность и польза принадлежащаго г. Великопольскому секрета. Вотъ что̀ сказано на стр. 48 — 50.

«Коммисія, принимая въ соображеніе крестьянскій бытъ, для котораго въ особенности назначается способъ г. Великопольскаго, сдѣлала слѣдующее заключеніе:

«1) Способъ, предлагаемый г. Великопольскимъ, улучшаетъ ленъ, посконь и пеньку въ замѣчательной степени, безъ убыли в волокнѣ, безъ укороченія въ длинѣ, безъ многаго труда и времени, безъ расхода и искусства, а потому, возвышая цѣнность прядильнаго матеріала, представляетъ дѣйствительныя и несомнѣнныя выгоды противъ способовъ, нынѣ въ земледѣльческомъ быту существующихъ, почему и заслуживаетъ общаго одобренія и распространенія.

. . . .

3) Способъ сей можетъ быть удобно введенъ между крестьянами, особенно если взять въ соображеніе то, что по небольшому количеству матеріала, идущаго отъ нихъ на домашнее употребленіе, остаточно будетъ одного снаряда на нѣсколько семействъ, и что рнтомъ въ нѣсколькихъ дворахъ найдется всегда одна изба изъ заасныхъ, въ которой снарядъ можетъ быть помѣщенъ, въ продолженіе какого бы то ни было времени, безъ малѣйшаго стѣсненія.»

Въ заключеніе прибавимъ, что, по единогласному отзыву всѣхъ зслѣдовавшихъ этотъ способъ лицъ, онъ простъ и удобенъ.

Послѣ этого, для убѣжденія въ важности распространенія его, аждому хозяину остается только собственными глазами взглянуть а производство обдѣлки волокна прядильныхъ растеній снарядомъ . Великопольскаго.

Искренно желаемъ, чтобы польза этого способа была признана сѣми и стараніе его владѣтеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Карманная библіотека. *«Влюбленный въ луну». Романъ* [. Поль-де-Кока. *Переводъ* С. Серчевскаго. *Четыре части. Спб. 849.*

За достоинство этого романа говоритъ имя автора. Поль-де-Кокъ! [овольно!

Что касается до перевода, то вотъ одна выписка, сдѣланная съ иполоматическою точностію. Судите сами.

«Такъ не станемъ же удивляться изумленію молодаго Мартино, оторому хочется посмотрѣть на все, что есть въ лавкѣ, который станавливается у каждаго торговца, потомъ принужденъ бѣжать, тобъ не наѣхала на него карета, телега или омнибусъ, который росается изъ одного угла улицы въ калитку и часто натыкается на рохожихъ, потому что, къ непривычкѣ его быть среди столькихъ юдей, присоединяется еще несчастный конецъ галстуха, застиающій ему лѣвый глазъ; онъ же никакъ не хочетъ его пригнуть.» Стр. 10. Ч. I).

Разсказы косморамщика *или объясненіе* къ (?) *16 картинами* находящихся (?) *въ космарамѣ изготовленная* и изданная Кароиъ Губертомъ. *Спб. 1848.*

Лубочная и безграмотная брошюрка съ лубочными картинками. '. Карлъ Губертъ, *изготовившій* эту брошюрку, очень неудачно подражаетъ въ ней русскому народному юмору... Вотъ, напримѣръ, какое '. Губертъ *изготовилъ* объясненіе къ 15-ой лубочной картинкѣ своего изданія:

«Господа, поднимается! (что поднимается?) Славная танцовщи Фанни Эльслеръ является, извольте на нее любоваться, искуствомъ е прельщаться. Вотъ она танцуетъ галопъ, въ лошади скорѣе хлоп, хлопъ. Бросайте ей цвѣтки, букеты, гирлянды и вѣнки. Она по всей Европѣ танцовала и даже за-моремъ въ Америкѣ бывала, вездѣ собо зрителей удивляла. Вотъ она пошла качучу плясать, извольте ей кр кричать. Фанни Эльслеръ ура! хвала тебѣ, хвала! Ты птичкой по сц порхаешь, танцами своими публику прельщаешь! О ты соверш Вотъ тебѣ въ награду вѣнокъ нѣтлѣнный; онъ хотя не такъ блести то изъ депозитныхъ билетовъ свитъ».

Нѣтъ, г. Губерту очень далеко до русскихъ мужичковъ ю стовъ!

бе
ли
ды
доть
свое
лѣп
слѣ
во м
вый
тана
прож
гина
проч
·
можн

LETTERS ADDRESSED TO THE COUNTESS OF OSSORY, from the year 1769 to 1797. By *Horace* Walpole, Lord Oxford. Now first printed from original MSS. Edited, with Notes, by the Right Hon. R. Vernon Smith, M. P. In two volumes. London. 1848. (Переписка Гораса Вальполя, лорда оксфордскаго, съ графиней Оссори, отъ 1769 до 1797 года, изданная въ первый разъ съ оригинальныхъ манускриптовъ. съ замѣчаніями, членомъ англійскаго парламента, господиномъ *Верономъ Смитомъ*. Въ двухъ томахъ Лондонъ. 1848).

Горасъ Вальполь, сынъ знаменитаго англійскаго министра, Роберта Вальполя, не столько извѣстенъ своею политическою, сколько литературною дѣятельностію, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Онъ писалъ интересные мемуары, остроумные анекдоты, плохіе романы, чудовищныя драмы, и все это печаталъ въ своей собственной типографіи, которую учредилъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ нарочно для этой цѣли. Сочиненія его давно изслѣдованы и разобраны англійскою критикою, не исключая и этой, во многихъ отношеніяхъ *назидательной* переписки, которая, первый разъ, въ полномъ объемѣ и съ замѣчаніями издателя, напечатана въ началѣ прошлаго года. Изъ этой переписки открывается прежде всего, что лордъ Вальполь имѣлъ особенный и довольно оригинальный взглядъ на характеръ и призваніе писателя. Вотъ между прочимъ что́ писалъ онъ къ графинѣ Оссори:

« Мнѣ очень пріятно воспользоваться приглашеніемъ видѣть какъ можно чаще ваше сіятельство и лорда Оссори, только ужь сдѣлайте милость, принимайте меня не какъ литератора. Не имѣя ни малѣйшаго уваженія къ пишущему міру, я не намѣренъ въ этомъ отношеніи дѣлать какое нибудь исключеніе для себя самого. Заранѣе прошу другъ, что мое авторство — самая ничтожная вещь, которая отнюдь не можетъ возвысить или унизить мой личный характеръ (Томъ I, стр. 8).

» Еще одно слово, графиня, насчетъ прежней нашей ссоры, и я молчу. *Такія письма* какъ мои! Разскажу вамъ довольно интересный анекдотецъ въ отвѣтъ на эту фразу. По смерти Чьюта, исполнитель его воли, прислалъ ко мнѣ цѣлую связку писемъ, которыя покойникъ получилъ отъ меня лѣтъ за тридцать назадъ. Я перечиталъ ихъ всѣ и — благословляю свою счастливую планету: письма такъ глупы и безсмысленны, что уже въ другой разъ мнѣ ихъ не увидѣть.

[illegible]

[illegible]

[illegible] г. Великопольскій [illegible] Изъ «Предувѣдомленія» этой брошюры мы узнаемъ, что 15 ноября прошлаго [illegible] состоялось Высочайшее [illegible] объ опытѣ распространенія этого способа въ Россіи между земледѣльцами. Предварительно же онъ былъ разсматриваемъ и [illegible] многократнымъ опытамъ въ особо учрежденныхъ [illegible] коммиссіяхъ. Въ настоящее время г. Великопольскій, по порученію Совѣта Вольнаго Экономическаго Общества, [illegible] въ общее свѣдѣніе всѣ отзывы о его способѣ.

Предоставляя сельскимъ хозяевамъ обратиться за [illegible] подробностями, относящимися къ этому предмету, къ собственной брошюрѣ г. Великопольскаго, мы ограничимся только небольшою выпискою изъ заключенія Секретной Коммиссіи, разсматривавшей этотъ способъ въ 1846 году и состоявшей изъ двухъ членовъ: отъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и Вольнаго Экономическаго Общества. Изъ этихъ немногихъ словъ ясно видна важность и польза принадлежащаго г. Великопольскому секрета. Вотъ что сказано на стр. 48 — 50.

«Коммисія, принимая въ соображеніе крестьянскій бытъ, для котораго въ особенности назначается способъ г. Великопольскаго, сдѣлала слѣдующее заключеніе:

«1) Способъ, предлагаемый г. Великопольскимъ, улучшаетъ ленъ, посконь и пеньку въ замѣчательной степени, безъ убыли въ волокнѣ, безъ укороченія въ длинѣ, безъ многаго труда и времени, безъ расхода и искусства, а потому, возвышая цѣнность прядильнаго матеріала, представляетъ дѣйствительныя и несомнѣнныя выгоды противъ способовъ, нынѣ въ земледѣльческомъ быту существующихъ, почему и заслуживаетъ общаго одобренія и распространенія.

. . . .

3) Способъ сей можетъ быть удобно введенъ между крестьяна-
и, особенно если взять въ соображенie то, что по небольшому ко-
ичеству матерiала, идущаго отъ нихъ на домашнее употребленie,
остаточно будетъ одного снаряда на нѣсколько семействъ, и что
ритомъ въ нѣсколькихъ дворахъ найдется всегда одна изба изъ за-
асныхъ, въ которой снарядъ можетъ быть помѣщенъ, въ продол-
енie какого бы то ни было времени, безъ малѣйшаго стѣсненiя.»

Въ заключенie прибавимъ, что, по единогласному отзыву всѣхъ
зслѣдовавшихъ этотъ способъ лицъ, онъ простъ и удобенъ.

Послѣ этого, для убѣжденiя въ важности распространенiя его,
аждому хозяину остается только собственными глазами взглянуть
а производство обдѣлки волокна прядильныхъ растенiй снарядомъ
. Великопольскаго.

Искренно желаемъ, чтобы польза этого способа была признана
сѣми и старанiе его владѣтеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Карманная библiотека. *«Влюбленный въ луну». Романъ* ". Поль-де-Кока. *Переводъ* С. Серчевскаго. *Четыре части. Спб. 849.*

За достоинство этого романа говоритъ имя автора. Поль-де-Кокъ!
[овольно!

Что касается до перевода, то вотъ одна выписка, сдѣланная съ
,ипломатическою точностiю. Судите сами.

«Такъ не станемъ же удивляться изумленiю молодаго Мартино,
оторому хочется посмотрѣть на все, что есть въ лавкѣ, который
станавливается у каждаго торговца, потомъ принужденъ бѣжать,
тобъ не наѣхала на него карета, телега или омнибусъ, который
росается изъ одного угла улицы въ калитку и часто натыкается на
рохожихъ, потому что, къ непривычкѣ его быть среди столькихъ
юдей, присоединяется еще несчастный конецъ галстуха, засти-
ающiй ему лѣвый глазъ; онъ же никакъ не хочетъ его пригнуть.»
Стр. 10. Ч. I).

Разсказы косморамщика *или объясненie* къ (?) *16 картин-ами* находящихся (?) *въ космарамѣ изготовленная* и изданная Кар-омъ Губертомъ. *Спб. 1848.*

Лубочная и безграмотная брошюрка съ лубочными картинками.
'. Карлъ Губертъ, *изготовившiй* эту брошюрку, очень неудачно подра-
аетъ въ ней русскому народному юмору... Вотъ, напримѣръ, какое
'. Губертъ *изготовилъ* объясненie къ 15-ой лубочной картинкѣ сво-
го изданiя:

. . . .

«Господа, поднимается! (что поднимается?) Славная танцовщица Фанни Эльслеръ является, извольте на нее любоваться, искуствомъ ее прельщаться. Вотъ она танцуетъ галопъ, въ лошади скорѣе хлопъ, хлопъ. Бросайте ей цвѣтки, букеты, гирлянды и вѣнки. Она по всей Европѣ танцовала и даже за-моремъ въ Америкѣ бывала, вездѣ собою зрителей удивляла. Вотъ она пошла качучу плясать, извольте ей форо кричать. Фанни Эльслеръ ура! хвала тебѣ, хвала! Ты птичкой по сценѣ порхаешь, танцами своими публику прельщаешь! О ты совершен Вотъ тебѣ въ награду вѣнокъ нѣтлѣнный; онъ хотя не такъ блеститъ, а то изъ депозитныхъ билетовъ свитъ».

Нѣтъ, г. Губерту очень далеко до русскихъ мужичковъ юмористовъ!

LETTERS ADDRESSED TO THE COUNTESS OF OSSORY from the year 1769 to 1797. By *Horace Walpole*, Lord Orford. Now first printed from original MSS. Edited, with Notes, by the Right Hon. R. Vernon Smith, M. P. In two volumes. London 1848. Письма Горація Вальполя, лорда Оксфордскаго, къ графинѣ Оссори отъ 1769 до 1797 года, изданныя въ первый разъ съ оригинальныхъ манускриптовъ съ замѣчаніями, членомъ англійскаго парламента, господиномъ *Верноном Смитомъ*. Въ двухъ томахъ. Лондонъ 1848.

Горасъ Вальполь, сынъ знаменитаго англійскаго министра Роберта Вальполя, не столько извѣстенъ своею политическою, сколько литературною дѣятельностію, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Онъ писалъ интересные мемуары, остроумные анекдоты, плохіе романы, чудовищныя драмы, и все это печаталъ въ своей собственной типографіи, которую учредилъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ нарочно для этой цѣли. *Сочиненія его давно из*слѣдованы и разобраны англійскою критикою, не исключая и этой, во многихъ отношеніяхъ *назидательной переписки*, которая, первый разъ, въ полномъ объемѣ и съ замѣчаніями издателя, напечатана въ началѣ прошлаго года. Изъ этой переписки открывается прежде всего, что лордъ Вальполь имѣлъ *особенный и довольно ори*гинальный взглядъ на характеръ и призваніе писателя. Вотъ между прочимъ что писалъ онъ къ графинѣ Оссори:

«Мнѣ очень пріятно воспользоваться приглашеніемъ видѣть какъ можно чаще ваше сіятельство и лорда Оссори, только ужъ сдѣлайте милость, принимайте меня не какъ литератора. Не имѣя ни малѣйшаго уваженія къ пишущему міру, я не намѣренъ въ этомъ отношеніи сдѣлать какое нибудь исключеніе для себя самого. Заранѣе прошу думать, что мое авторство — самая ничтожная вещь, которая отнюдь не можетъ возвысить или унизить мой личный характеръ» (Томъ I, стр. [illegible]).

«Еще одно слово, графиня, насчетъ прежней вашей фразы, и я замолчу. *Такія письма какъ мои!* Разскажу вамъ довольно интересный анекдотецъ въ отвѣтъ на эту фразу. По смерти Чути, исполнитель его воли, прислалъ ко мнѣ цѣлую связку писемъ, которыя покойникъ получилъ отъ меня лѣтъ за тридцать назадъ. Я перечиталъ ихъ всѣ и — благословляю свою счастливую планету: письма такъ глупы и безсмысленны, что уже въ другой разъ мнѣ ихъ не унизить

Когда былъ я молодъ, веселъ, остроуменъ, мнѣ казалось, остроуміемъ должно было одушевляться все, чтò выходило изъ-подъ моего пера. Вышло вздоръ, да и всё на свѣтѣ писанія — сущій вздоръ. Спокойной вамъ ночи, графиня. (Томъ I, стр. 224)

«Жалѣю, очень жалѣю, что напечатали эту галиматью, да и если сказать правду, я просто въ отчаяніи оттого, что былъ когда-то писателемъ или издателемъ. Вашему сіятельству угодно было изъявить сомнѣніе, будто я еще продолжаю свою литературную карьеру: могу васъ увѣрить торжественно, что нѣсколько лѣтъ сряду я не писалъ и шести страницъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Нѣтъ, графиня, пора быть умнѣе въ мои лѣта. Если бы зависѣло отъ меня за начать свою жизнь, ни за какія блага я не позволилъ бы себѣ простительнаго дурачества сдѣлаться писателемъ. Желаю, чтобъ меня забыли, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я глубоко презираю всѣхъ нашихъ писакъ: незамѣтно въ нихъ не только генія, но часто и здраваго смысла. На-дняхъ раскрылъ я первую часть «Генриха IV» и дивлюсь, какъ послѣ этого я не подожгу свою собственную типографію. «*Несравненный, неподражаемый Фальстафъ!*» кричалъ Джонсонъ въ припадкѣ энтузіазма. Джонсонъ правда раскаялся во многихъ изъ прегрѣшеніяхъ, но я не вижу до сихъ поръ, чтобы его мучила совѣсть за то, что онъ изволилъ предать тисненію свою собственную «Ирену». (Томъ II, стр. 311.)

Чтò сказать на эти выходки противъ писателей, которыхъ геніальность признана не только современниками, но и отдаленнымъ потомствомъ? Это постоянное презрѣніе къ литературѣ и ко всему пишущему міру объясняется не столько поверхностнымъ образованіемъ и ограниченностію умственныхъ способностей, сколько всѣми тѣми предразсудками, которыми была заражена преимущественно англійская аристократія осьмнадцатаго вѣка. Горасъ Вальполь, который лордъ и тѣломъ и душой, смотрѣлъ на всѣ предметы въ мірѣ не иначе какъ свысока. Скромная литературная карьера была самомъ-дѣлѣ слишкомъ низкою въ его глазахъ, и онъ могъ презирать ее отъ всей души. Онъ вовсе не-прочь покровительствовать при случаѣ литературнымъ талантамъ, и самъ готовъ съ удовольствіемъ сдѣлаться членомъ того или другого ученаго или литературнаго общества; но ему гораздо пріятнѣе быть одолженнымъ своею честью своей знатности, чѣмъ личнымъ заслугамъ. Это напоминаетъ извѣстный каламбуръ изъ анекдотовъ французской академіи. Grand Seigneur былъ крайне изумленъ, когда встрѣтился въ академической залѣ съ скромнымъ философомъ.

— Какъ вы очутились тутъ? спрашиваетъ grand Seigneur [illegible]

— [illegible] grands [illegible] отвѣчаетъ философъ.

Оба эти права могли въ ту пору считаться по-крайней-мѣрѣ равносильными. Но когда Вольтеръ вздумалъ навѣстить Конгрева, какъ знаменитаго ученаго, Конгревъ сказалъ, что онъ всѣ визиты принимаетъ какъ джентльменъ, отбрасывая въ сторону свою ученую знаменитость. «Очень жалѣю, что я этого не зналъ, отвѣчалъ Вольтеръ: — иначе моя нога никогда бы не переступила за порогъ вашего дома». Гиббонъ въ свое время вооружался всею силою своего таланта противъ этого предразсудка. Онъ писалъ между прочимъ: «Благородство (*nobility*) Спенсеровъ прославлено и обогащено славою героевъ Марльбору; но нѣтъ сомнѣнія, ихъ самый лучшій бриліантъ — геніяльное произведеніе Спенсера: «Волшебная королева». Безсмертный Фильдингъ происходилъ изъ младшей отрасли денбійскихъ графовъ, которые въ свою очередь вели свое происхожденіе отъ графовъ габсбургскихъ. Но «Томъ Джонсъ» переживетъ конечно память многихъ членовъ фамиліи, къ которой принадлежалъ его авторъ.

Байронъ конечно былъ благороднѣйшій человѣкъ; но ему пріятнѣе было гордиться знакомствомъ Бруммеля, чѣмъ Вальтеръ Скотта, и онъ познакомился съ Шелли только потому, что тотъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Предразсудокъ не ослабѣлъ и въ наше время, и не далѣе какъ въ 1843 году, мистеръ Смитъ, обращаясь къ жителямъ Манчестера, счелъ нужнымъ доказывать въ своей рѣчи, что литература важна для народа по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ торговля. Онъ говорилъ:

«Люди Манчестера, прошу васъ обратить вниманіе на то, что между литературой и торговлей существуетъ искони самая тѣсная и естественная связь, и только благодаря этой связи, вы очень хорошо знаете, что происходитъ теперь на биржахъ европейскихъ столицъ. И неужели вы навсегда останетесь равнодушными къ тѣмъ почестямъ, которыя воздаются литературѣ въ чужихъ краяхъ? Самые посланники, отправляемые къ намъ иностранными дворами, служатъ для насъ живѣйшимъ упрекомъ за пренебреженіе къ литературѣ. Кто теперь у насъ русскій посланникъ? — Ученый дипломатъ, возвысившійся своимъ перомъ. Кто шведскій посланникъ? Писатель и историкъ, — историкъ британской Индіи. — Кто посланникъ изъ Пруссіи? литераторъ и профессоръ. — Кто у насъ бельгійскій посланникъ? опять и опять человѣкъ, одолженный возвышеніемъ своимъ перу. — Кто посланникъ изъ Франціи? авторъ и историкъ. — И кто наконецъ, изъ среды насъ самихъ, посланникомъ въ Америкѣ? — опять и опять литераторъ и профессоръ».

Но на такихъ джентльменовъ, какъ Горасъ Вальполь, языкъ краснорѣчивѣйшаго оратора въ мірѣ не произведетъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и они, наперекоръ очевидности, останутся при своихъ

«Господа, поднимается! (что̀ поднимается?) Славная танцовщица Фанни Эльслеръ является, извольте на нее любоваться, искуствомъ ее прельщаться. Вотъ она танцуетъ галопъ, въ лошади скорѣе хлопъ, хлопъ. Бросайте ей цвѣтки, букеты, гирлянды и вѣнки. Она по всей Европѣ танцовала и даже за-моремъ въ Америкѣ бывала, вездѣ собою зрителей удивляла. Вотъ она пошла качучу плясать, извольте ей форо кричать. Фанни Эльслеръ ура! хвала тебѣ, хвала! Ты птичкой по сценѣ порхаешь, танцами своими публику прельщаешь! О ты совершенн Вотъ тебѣ въ награду вѣнокъ нѣтлѣнный; онъ хотя не такъ блеститъ, и то изъ депозитныхъ билетовъ свитъ».

Нѣтъ, г. Губерту очень далеко до русскихъ мужичковъ юмористовъ!

Letters addressed to the Countess of Ossory, from the year 1769 to 1797. By *Horace* Walpole, Lord Oxford. Now first printed from original MSS. Edited, with Notes, by the Right Hon. R. Uernon Smith, M. P. In two volumes. London. 1848. (Переписка Гораса Вальполя, лорда оксфордскаго, съ графиней Оссори, отъ 1769 до 1797 года, изданная въ первый разъ съ оригинальныхъ манускриптовъ, съ замѣчаніями, членомъ англійскаго парламента, господиномъ *Вернономъ Смитомъ*. Въ двухъ томахъ Лондонъ. 1848).

Горасъ Вальполь, сынъ знаменитаго англійскаго министра, Роберта Вальполя, не столько извѣстенъ своею политическою, сколько литературною дѣятельностію, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Онъ писалъ интересные мемуары, остроумные анекдоты, плохіе романы, чудовищныя драмы, и все это печаталъ въ своей собственной типографіи, которую учредилъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ нарочно для этой цѣли. Сочиненія его давно изслѣдованы и разобраны англійскою критикою, не исключая и этой, во многихъ отношеніяхъ *назидательной* переписки, которая, первый разъ, въ полномъ объемѣ и съ замѣчаніями издателя, напечатана въ началѣ прошлаго года. Изъ этой переписки открывается прежде всего, что лордъ Вальполь имѣлъ особенный и довольно оригинальный взглядъ на характеръ и призваніе писателя. Вотъ между прочимъ что́ писалъ онъ къ графинѣ Оссори:

«Мнѣ очень пріятно воспользоваться приглашеніемъ видѣть какъ можно чаще ваше сіятельство и лорда Оссори, только ужь сдѣлайте милость, принимайте меня не какъ литератора. Не имѣя ни малѣйшаго уваженія къ пишущему міру, я не намѣренъ въ этомъ отношеніи сдѣлать какое нибудь исключеніе для себя самого. Заранѣе прошу думать, что мое авторство — самая ничтожная вещь, которая отнюдь не можетъ возвысить или унизить мой личный характеръ (Томъ I, стр. 8).

«Еще одно слово, графиня, насчетъ прежней нашей ссоры, и я замѣчу. *Такія письма* какъ мои! Разскажу вамъ довольно интересный анекдотецъ въ отвѣтъ на эту фразу. По смерти Чьюта, исполнитель его воли, прислалъ ко мнѣ цѣлую связку писемъ, которыя покойникъ получилъ отъ меня лѣтъ за тридцать назадъ. Я перечиталъ ихъ всѣ и — благословляю свою счастливую планету: письма такъ глупы и безсмысленны, что уже въ другой разъ мнѣ ихъ не увидѣть.

Когда былъ я молодъ, веселъ, остроуменъ, мнѣ казалось, остроуміемъ должно было одушевляться все, чтó выходило изъ-подъ моего пера. Вышло вздоръ, да и всѣ на свѣтѣ писанія — сущій вздоръ. Спокойной вамъ ночи, графиня. (Томъ I, стр. 224.)

«Жалѣю, очень жалѣю, что напечатали эту галиматью, да ужь если сказать правду, я просто въ отчаяніи оттого, что былъ когда-то писателемъ или издателемъ. Вашему сіятельству угодно было выразить сомнѣніе, будто я еще продолжаю свою литературную карьеру: могу васъ увѣрить торжественно, что нѣсколько лѣтъ сряду я не писалъ и шести страницъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Нѣтъ, графиня, пора быть умнѣе въ мои лѣта. Если бы зависѣло отъ меня снова начать свою жизнь, ни за какія блага я не позволилъ бы себѣ непростительнаго дурачества сдѣлаться писателемъ. Желаю, чтобъ меня забыли, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я глубоко презираю всѣхъ нынѣшнихъ писакъ: незамѣтно въ нихъ не только генія, но часто и здраваго смысла. На-дняхъ раскрылъ я первую часть «Генриха IV», и дивлюсь, какъ послѣ этого я не поджегъ свою собственную типографію. «*Несравненный, неподражаемый Фальстафъ!*» кричалъ Джонсонъ въ припадкѣ энтузіазма. Джонсонъ правда раскаялся во многихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, но я не вижу до сихъ поръ, чтобы его мучила совѣсть за то, что онъ изволилъ предать тисненію свою собственную «Ирену». (Томъ II, стр. 311.)

Чтó сказать на эти выходки противъ писателей, которыхъ геніяльность признана не только современниками, но и отдаленнымъ потомствомъ? Это постоянное презрѣніе къ литературѣ и ко всему пишущему міру объясняется не столько поверхностнымъ образованіемъ и ограниченностію умственныхъ способностей, сколько вообще тѣми предразсудками, которыми была заражена преимущественно англійская аристократія осьмнадцатаго вѣка. Горасъ Вальполь, оксфордскій лордъ и тѣломъ и душой, смотрѣлъ на всѣ предметы въ мірѣ не иначе какъ свысока. Скромная литературная карьера была въ-самомъ-дѣлѣ слишкомъ низкою въ его глазахъ, и онъ могъ презирать ее отъ всей души. Онъ вовсе не-прочь покровительствовать при случаѣ литературнымъ талантамъ, и самъ готовъ съ удовольствіемъ сдѣлаться членомъ того или другого ученаго или литературнаго общества; но ему гораздо пріятнѣе быть одолженнымъ такою честью своей знатности, чѣмъ личнымъ заслугамъ. Это напоминаетъ извѣстный каламбуръ изъ анекдотовъ французской академіи. *Grand Seigneur* былъ крайне изумленъ, когда встрѣтился въ академической залѣ съ скромнымъ филологомъ.

— Какъ вы очутились тутъ? спрашиваетъ *grand Seigneur*: — *je suis ici pour mon grand père.*

— *Et moi, je suis ici pour ma grammaire* (*grande mère*), отвѣчаетъ филологъ.

Оба эти права могли въ ту пору считаться по-крайней-мѣрѣ равносильными. Но когда Вольтеръ вздумалъ навѣстить Конгрева, какъ знаменитаго ученаго, Конгревъ сказалъ, что онъ всѣ визиты принимаетъ какъ джентльменъ, отбрасывая въ сторону свою ученую знаменитость. «Очень жалѣю, что я этого не зналъ, отвѣчалъ Вольтеръ: — иначе моя нога никогда бы не переступила за порогъ вашего дома». Гиббонъ въ свое время вооружался всею силою своего таланта противъ этого предразсудка. Онъ писалъ между прочимъ: «Благородство (*nobility*) Спенсеровъ прославлено и обогащено славою героевъ Марльбору; но нѣтъ сомнѣнія, ихъ самый лучшій бриліянтъ — геніяльное произведеніе Спенсера: «Волшебная королева». Безсмертный Фильдингъ происходилъ изъ младшей отрасли денбійскихъ графовъ, которые въ свою очередь вели свое происхожденіе отъ графовъ габсбургскихъ. Но «Томъ Джонсъ» переживетъ конечно память многихъ членовъ фамиліи, къ которой принадлежалъ его авторъ.

Байронъ конечно былъ благороднѣйшій человѣкъ; но ему пріятнѣе было гордиться знакомствомъ Бруммеля, чѣмъ Вальтеръ Скотта, и онъ познакомился съ Шелли только потому, что тотъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Предразсудокъ не ослабѣлъ и въ наше время, и не далѣе какъ въ 1843 году, мистеръ Смитъ, обращаясь къ жителямъ Манчестера, счелъ нужнымъ доказывать въ своей рѣчи, что литература важна для народа по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ торговля. Онъ говорилъ:

«Люди Манчестера, прошу васъ обратить вниманіе на то, что между литературой и торговлей существуетъ искони самая тѣсная и естественная связь, и только благодаря этой связи, вы очень хорошо знаете, что̀ происходитъ теперь на биржахъ европейскихъ столицъ. И неужели вы навсегда останетесь равнодушными къ тѣмъ почестямъ, которыя воздаются литературѣ въ чужихъ краяхъ? Самые посланники, отправляемые къ намъ иностранными дворами, служатъ для насъ живѣйшимъ упрекомъ за пренебреженіе къ литературѣ. Кто теперь у насъ русскій посланникъ? — Ученый дипломатъ, возвысившійся своимъ перомъ. Кто шведскій посланникъ? Писатель и историкъ, — историкъ британской Индіи. — Кто посланникъ изъ Пруссіи? литераторъ и профессоръ. — Кто у насъ бельгійскій посланникъ? опять и опять человѣкъ, одолженный возвышеніемъ своимъ перу. — Кто посланникъ изъ Франціи? авторъ и историкъ. — И кто наконецъ, изъ среды насъ самихъ, посланникомъ въ Америкѣ? — опять и опять литераторъ и профессоръ».

Но на такихъ джентльменовъ, какъ Горасъ Вальполь, языкъ краснорѣчивѣйшаго оратора въ мірѣ не произведетъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и они, наперекоръ очевидности, останутся при своихъ

понятіяхъ и мнѣніяхъ. Само собою разумѣется, при оригинальномъ взглядѣ на литературу, оксфордскій лордъ долженъ былъ имѣть не менѣе оригинальный взглядъ и на ея представителей. Тотъ, и только тотъ получалъ неоспоримое право на его благосклонность, кто принадлежалъ къ высшему кругу или считалъ между своими предками какого-нибудь барона или лорда. Скромный труженикъ на литературномъ поприщѣ былъ въ его глазахъ ничѣмъ, потому-что ему недоступны джентльменскія чувства. Если вы не посѣщаете пышныхъ салоновъ такого-то лорда, не принимаете никакого участія въ интригахъ и сплетняхъ людей высшаго полета, если, притомъ, вы не членъ парламента или какого-нибудь клуба, — кончено: вы не знаете человѣческаго сердца, и перо ваше неспособно изображать человѣческихъ страстей. Вальполь не знаетъ и знать не хочетъ такихъ *писакъ*, какъ Гольдсмитъ, Смоллетъ, Ричардсонъ или Джонсонъ: если имена этихъ плебеевъ случайно дойдутъ до его слуха, онъ отзовется о нихъ безъ всякаго уваженія. Грэй, въ его глазахъ ни больше, ни меньше какъ надутый педантъ, и даже Фильдингъ несмотря на свое габсбургское происхожденіе, — посредственный писака, жалкій литературщикъ. Но зато какимъ восторгомъ проникается сердце лорда, когда встрѣчаетъ онъ на литературной аренѣ своего собственнаго собрата! Онъ не задумаясь воскуритъ передъ нимъ ѳиміамъ благородной похвалы и съ благоговѣніемъ возложитъ вѣнецъ безсмертія на джентльменскую главу. Мистеръ Джефсонъ написалъ трагедію, плохую, даже очень плохую трагедію, забытую давнымъ-давно; но Джефсонъ былъ лордъ, и слѣдовательно ничего нѣтъ удивительнаго, если мистеръ Вальполь напишетъ о немъ вотъ какой отзывъ:

«Трагедія господина Джефсона рѣшительно превзошла мои смѣлыя ожиданія. Языкъ его благороденъ, стихи очаровательны, метафоры безподобны. Гармонія, чудная плавность и благозвучіе стиховъ, доказываютъ какъ нельзя лучше, что у него прекраснѣйшее ухо въ мірѣ. Я не знаю и не помню ничего, что могло бы сравниться съ этимъ истинно художественнымъ произведеніемъ, хотя, надо признаться, у меня огромная память насчетъ всего, что касается до нашего театра. Не знаю, будетъ ли эта трагедія имѣть достойный успѣхъ на нашей сценѣ: легко станется, что патетическія мѣста не произведутъ слишкомъ сильнаго дѣйствія на англійскую публику, такъ-какъ историческій сюжетъ, съ его завязкой и счастливой развязкой, вообще извѣстенъ всѣмъ. Какъ вамъ покажется, графиня, если скажу, что и я, покорнѣйшій вашъ слуга, выступаю на театръ вмѣстѣ съ мистеромъ Джефсономъ? Мои ирландскіе друзья уговорили меня написать эпилогъ, котораго не было въ его трагедіи. Они же дали мнѣ и сюжетъ, который я выполнилъ, правду сказать, весьма неудачно».

Дѣло въ томъ, что мистеръ Джефсонъ, также какъ лордъ Вальполь, отъ юности до старческихъ лѣтъ рисовался въ однихъ и тѣхъ же салонахъ, и этого было слишкомъ довольно, чтобы написать великолѣпный панегирикъ ничтожной пьесѣ, о которой совсѣмъ забыло потомство. Вообще мистеръ Вальполь довольно часто въ своихъ мнѣніяхъ расходится съ потомствомъ. Гольдсмитъ написалъ прекрасную комедію: «*She stoops to conquer*» (Она унижается для побѣды); теперь, послѣ слишкомъ семидесяти лѣтъ, всякой порядочный англичанинъ знаетъ наизустъ лучшія мѣста изъ этой пьесы; но не угодно ли справиться, что̀ написалъ о ней мистеръ Вальполь?

«Знаете вы, какая пьеса заставляетъ васъ хохотать до упаду? пьеса доктора Гольдсмита: «Она унижается для побѣды». И однакожь, смѣю васъ увѣрить, это — *предурная* комедія. Она именно *унижается*, то есть не героиня пьесы, а несчасная драматическая муза, которую немилосердно терзаетъ мистеръ Гольдсмитъ. Никакого юмора, никакого интереса, и весь эффектъ расчитанъ лишь на quiproquo и забавныхъ положеніяхъ, въ которыхъ дѣйствительно много комизма. Героиня совсѣмъ не отличается благородными манерами, свойственными порядочной женщинѣ, и авторъ не имѣетъ никакого понятія объ истинномъ остроуміи».

Мудренаго нѣтъ, если при такомъ образѣ мыслей, мистеръ Вальполь не удостоитъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ образцовое произведеніе Бомарше; но во всякомъ случаѣ, нельзя не удивляться, что онъ ничего въ немъ не находитъ, кромѣ фарса. Осыпавъ сарказмами «Святьбу Фигаро», онъ изумляется безпримѣрной дерзости ея автора и рекомендуетъ отправить его на галеры. Съ такою же, или бо̀льшею строгостію, Вальполь осуждаетъ безъ-изъятія всѣхъ французскихъ философовъ, начиная съ Монтаня, котораго называетъ безсмысленнымъ и бездушнымъ эгоистомъ.

Не менѣе оригинальны и странны отзывы Гораса Вальполя объ англійскомъ театрѣ. Впрочемъ, ознакомившись съ его образомъ мыслей, заранѣе можно попасть на точку зрѣнія, съ какой будетъ онъ смотрѣть на драматурговъ и актеровъ. Вотъ что̀ онъ пишетъ:

«Разсыпаются повсюду въ похвалахъ нашему театру; но я рѣшительно нахожу, что эти похвалы крайне преувеличены. *Кто,* скажите, *съ успѣхомъ можетъ выполнять роли благородныхъ комедій, какъ не тѣ, которые сами принадлежатъ къ высшему кругу?* Актеры и актрисы могутъ только судить по догадкамъ о тонѣ благородныхъ обществъ, и нечего ожидать, чтобы они истинно вдохновлялись высшей жизнью, которой не знаютъ. Почему у насъ вообще такъ мало *благородныхъ* комедій? Потому разумѣется, что писатели этихъ комедій не принадлежатъ къ нашему аристократическому кругу. Эгериджъ, Конгревъ,

Венбругъ и Циббаръ писали благородныя комедіи единственно потому, что жили и обращались въ лучшихъ обществахъ и освоились на дѣлѣ со всѣми манерами хорошаго тона. Мистриссъ Ольдфильдъ играла прекрасно, вы это знаете, и могла играть, потому-что она въ совершенствѣ знакома съ моднымъ свѣтомъ. По этой же самой причинѣ, *генералъ Бургойнъ написалъ лучшую изъ всѣхъ новѣйшихъ комедій*, какія только мнѣ извѣстны. Миссъ Фарренъ также хороша, какъ мистриссъ Ольдфильдъ, и удивительнаго тутъ ничего нѣтъ: миссъ Фарренъ долго жила между людьми хорошаго тона. Драмы Феркуэра пахнутъ табакомъ и дымомъ: Вичерли, Драйденъ, мистриссъ Сантлифръ писали такъ, какъ-будто вся ихъ жизнь была проведена въ трактирѣ.»

Выходки, не заслуживающія никакого опроверженія; но во всякомъ случаѣ непостижимо, какимъ образомъ достало храбрости у оксфордскаго лорда превозносить ничтожную бургойнову комедію въ ту самую пору, когда Шериданъ, въ мнѣніи всей публики, уже занималъ блистательное мѣсто между національными драматургами, и когда еще у всѣхъ была въ свѣжей памяти «Школа Злословія», дѣйствительно лучшая изъ всѣхъ англійскихъ комедій, современныхъ Вальполю. Читатель конечно съ удивленіемъ замѣтилъ, что, дѣлая отзывы объ актерахъ и актрисахъ, Вальполь ничего не сказалъ о Гаррикѣ. Дѣло очень простое: оксфордскій лордъ не любилъ Гаррика и былъ съ своей стороны рѣшительно убѣжденъ, что восторженное увлеченіе современниковъ этимъ геніальнымъ человѣкомъ не имѣетъ никакого смысла. Въ одномъ изъ писемъ онъ доказываетъ своей пріятельницѣ, что Гаррикъ — посредственный актеръ и ничтожнѣйшій писака, котораго тотчасъ же забудутъ послѣ его смерти. Умеръ Гаррикъ: англійскій народъ единодушно оплакиваетъ генія и съ тріумфомъ провожаетъ его. Лордъ оксфордскій находитъ, что все это до-крайности смѣшно. Не угодно ли его послушать?

«Пышныя похороны Гаррику, актеру!! Признаюсь, графиня, вся эта курьёзная помпа, въ моихъ глазахъ, до крайности смѣшна. И что это за странное ослѣпленіе — не находить никакого различія между легкими забавными талантами и существенными заслугами для націи. Что́ же, скажите, останется теперь для патріотическаго героя, какъ скоро торжественныя почести достаются въ удѣлъ театральному лицедѣю? Смѣшно и жалко: но я ничему не удивляюсь: какъ скоро великая нація клонится къ своему упадку, въ порядкѣ вещей, если вниманіе ея занято больше мелочами, нежели существенными предметами. Шекспиръ, самъ великій Шекспиръ, актеръ и писатель вмѣстѣ, не былъ удостоенъ такихъ почестей, какъ Гаррикъ. Но тогда были другія времена, другіе нравы; тогда Борле засѣдалъ въ совѣтѣ, и Ноттингемъ отличался на полѣ брани.

«Гаррикъ, если хотите, былъ генiй въ своемъ родѣ: но чтожь это за колоссальная заслуга — разъигрывать роли, написанныя другими? Такихъ генiевъ немало на бѣломъ свѣтѣ; и по моему мнѣнiю, мистриссъ Портеръ и Маддель ни чуть не хуже Гаррика. Скажу болѣе: эти двѣ актрисы всегда производили на меня сильнѣйшее впечатлѣнiе и даже заставили нѣкоторымъ образомъ уважать ихъ ремесло. Превосходно также выполняютъ свои роли: Куайнъ, Кинъ, мистриссъ Притчардъ, мистриссъ Клайсъ и мистриссъ Абингдонъ. Смотря на нихъ, забываешь даже, что сидишь въ театрѣ. Въ Гаррикѣ, напротивъ, его искуственность слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, хотя и то правда, въ роляхъ Лира, Ричарда и Готспура онъ былъ неподражаемъ. Но декламацiя Гаррика мнѣ никогда не нравилась, и притомъ, онъ никогда не могъ казаться настоящимъ джентльменомъ: его лордъ Таунли и лордъ Гастингсъ были скорѣе похожи на какихъ-то мѣщанъ, чѣмъ на лордовъ.» (Томъ I. Стр. 332.)

Уничтожая такимъ образомъ всякую современную знаменитость, если она не принадлежала къ его кругу, Горасъ Вальполь тѣмъ не менѣе дѣлаетъ весьма справедливые и основательные отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ осьмнадцатаго вѣка. Его замѣчанiя о Гиббонѣ глубокомысленны и безпристрастны, потому можетъ быть, что Гиббонъ былъ сдѣланъ лордомъ государственнаго казначейства; онъ смѣло также защищаетъ Борка противъ выходокъ современной критики, вѣроятно потому, что Боркъ игралъ важнѣйшую роль между членами парламента. Поэтъ Чаттертонъ названъ у него гигантомъ между всѣми генiями древняго и новаго мiра.

Замѣчанiя Вальполя о французской революцiи во многихъ отношенiяхъ достойны вниманiя читателей. Многiя письма, относящiяся къ этой эпохѣ, содѣйствуютъ къ объясненiю положенiя тогдашнихъ обществъ во Францiи и Англiи. Вальполь сообщаетъ между прочимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, относительно грабежей, распространившихся въ ту пору:

«Гертфорды, леди Гольдернесъ и леди Мэри Кокъ обѣдали здѣсь въ четвергъ, но онѣ были вооружены такъ, какъ-будто собирались въ Гибралтаръ. Леди Цецилiя Джонстонъ не хотѣла даже выѣхать изъ Петерсгема, потому-что въ Ричмондѣ теперь просто денные разбои. Кто бы могъ подумать, что американская война отниметъ у насъ возможность переѣзжать изъ деревни въ деревню! И однакожь это дѣйствительно такъ. Разбойникамъ и ворамъ почти нѣтъ никакой надобности дожидаться ночей и выѣзжать изъ своихъ притоновъ на большiя дороги: они хозяйничаютъ въ нашихъ домахъ среди бѣлаго дня и берутъ, чтò имъ угодно».

За тѣмъ описываетъ Вальполь, какъ онъ и лэди Браунъ были остановлены на большой дорогѣ:

«— Ваши кошельки и часы! закричалъ разбойникъ
— Нѣтъ у меня часовъ, отвѣчалъ я.
— Въ такомъ случаѣ, вашъ кошелекъ.
Въ кошелькѣ было девять гиней, и я отдалъ его разбойнику. При распространившейся темнотѣ нельзя было разглядѣть его руки: но я чувствовалъ, что онъ взялъ кошелекъ. Тогда разбойникъ потребовалъ кошелекъ леди Браунъ и сказалъ:
— Не бойтесь, сударыня, я не сдѣлаю вамъ никакого вреда.
— Точно ли вы не намѣрены оскорблять даму? спросилъ я.
— Будьте увѣрены, отвѣчалъ разбойникъ: — даю честное слово, что вы и ваша спутница совершенно безопасны.
Леди Браунъ подала кошелекъ и хотѣла также разстаться съ своими часами, но разбойникъ учтиво предупредилъ ее:
— Не извольте безпокоиться, сказалъ онъ: — я и безъ того вамъ много обязанъ. Спокойной вамъ ночи!
Затѣмъ онъ скинулъ шляпу и ускакалъ.
— Надѣюсь, леди Браунъ, сказалъ я: — вы не испугаетесь въ другой разъ, если придется имѣть дѣло съ этими господами. Право, они очень снисходительны.
— О, это я давно знала, отвѣчала леди. — Боюсь однакожь, какъ бы онъ не вздумалъ воротиться: въ кошелкѣ, который я отдала, всего одна только монета, *нарочно взятая на этотъ случай.*»

Нѣкоторые изъ анекдотовъ, разсказанныхъ Вальполемъ, даютъ весьма невыгодное понятіе относительно образованія извѣстныхъ особъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Такъ разсказываетъ онъ о герцогинѣ больтонской, будто она собиралась ѣхать въ Китай, когда какой-то пройдоха увѣрилъ ее, что скоро наступитъ кончина міра. Китай, по ея понятіямъ, былъ единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ, гдѣ еще можно было какъ-нибудь спастись. Но вотъ одинъ изъ самыхъ забавныхъ анекдотовъ въ этомъ родѣ:

«Леди Гринвичъ разговаривая на этихъ дняхъ съ леди Туиддель, упомянула по какому-то поводу о саксонцахъ (Богъ вѣдаетъ, какъ это случилось).
— Саксонцы, моя милая! вскричала маркиза. — Что̀ это за люди?
— Ахъ, Боже мой, неужели вы не читали исторіи Англіи?
— Нѣтъ, моя милая! Скажите, пожалуйста, кто ее написалъ?
Согласитесь, графиня, подобный анекдотъ могъ бы украсить любую изъ нашихъ національныхъ комедій. Но вотъ еще другой разговоръ этой же дамы съ герцогинею арджильскою, которая пріѣхала къ ней нанять ея домъ для своего брата, генерала Гуннинга.
Маркиза. Но кто же будетъ платить за него?
Герцогиня. Разумѣется мой братъ; или, если не онъ, вы отъ меня получите деньги.

Маркиза. Прекрасно. Стало быть я могу расчитывать, что деньги мои не пропадутъ. Кстати, герцогиня, позвольте васъ поздравить съ наступающей сватьбой леди Августы: не правда ли, вы очень рады?

Герцогиня. Я не вижу поводовъ къ большой радости. Что̀ тутъ удивительнаго, если леди Августа Кампбелль выходитъ за-мужъ?

Маркиза. Ахъ, какъ это можно! Вы сами были за-мужемъ два раза, и должны знать, что̀ тутъ удивительнаго.»

Всѣмъ извѣстна продолжительная и тѣсная связь Гораса Вальполя съ мадамъ дю Деффандъ, которая до конца своей жизни сохраняла къ нему искреннюю и совершенно безкорыстную привязанность. Изъ писемъ его открывается между прочимъ, что эта женщина имѣла самое обширное вліяніе на всѣ его литературныя и политическія предпріятія. И однакожь Вальполь, безъ всякой пощады, бросилъ мадамъ дю Деффандъ, когда она устарѣла и ослѣпла. Страхъ показаться слѣпнымъ въ большомъ свѣтѣ былъ единственнымъ принципомъ нравственной жизни оксфордскаго лорда. Мысль, что современные львы и львицы будутъ надъ нимъ хохотать по поводу его связи съ слѣпой старухой, заставила его отважиться на самую низкую неблагодарность, въ которой теперь справедливо упрекаетъ его англійское потомство. Прекративъ всякія сношенія съ мадамъ дю Деффандъ, Вальполь искалъ развлеченій въ болѣе приличномъ и комфортномъ обществѣ и познакомился въ 1788 году съ двумя леди, которыя распространили благодѣтельное вліяніе на преклонные годы его жизни. Имена этихъ дамъ тѣсно связаны съ его собственнымъ именемъ. Такъ онъ разсказываетъ о началѣ этого знакомства.

«Я имѣлъ удовольствіе познакомиться, и хорошо познакомиться, съ двумя молодыми леди, которыхъ увидѣлъ первый разъ прошлою зимой. Ихъ фамилія — Берри, и онѣ проживали здѣсь, недалеко отъ меня, вмѣстѣ съ своимъ старымъ отцомъ. Вы не можете вообразить, какъ онѣ чувствительны, наивны, непринужденны и естественны. Съ ними можно говорить рѣшительно обо всѣхъ предметахъ, и, могу васъ увѣрить, ничего не можетъ быть пріятнѣе ихъ разговора. Старшая сестра, какъ случайно я открылъ, чудесно знаетъ латинскій языкъ и говоритъ по-французски, какъ природная француженка. Младшая превосходно рисуетъ. Обѣ онѣ очаровательны, каждая въ своемъ родѣ. У Мери, старшей сестры, прекрасные черные глаза, которые сверкаютъ и пылаютъ чуднымъ огнемъ во время ея одушевленнаго разговора; она блѣдна, даже очень, но это придаетъ еще болѣе интереса симметрически расположеннымъ чертамъ ея лица. Физіономія Агнесы, младшей сестры, выражаетъ необыкновенную чувствительность и нѣжность: она почти красавица, но не совсѣмъ. Говоритъ она гораздо меньше своей сестры, какъ-будто изъ особеннаго уваженія къ ней: онѣ просто влюблены одна въ другую, и Мери, съ своей стороны, неистощима

въ похвалахъ Агнесѣ. Къ этому надобно прибавить, что онѣ одѣваются очень прилично, не отступая отъ требованій моды, хотя не увидите на нихъ ничего слишкомъ изысканнаго и чопорнаго. Короче сказать изящный вкусъ, образованность, совершенная свобода въ обращеніи и вмѣстѣ самое наивное добродушіе — вотъ что̀ составляетъ отличительную характеристику обѣихъ сестеръ; и это отнюдь не мой только голосъ, который конечно могъ бы быть пристрастнымъ, но общее мнѣніе всѣхъ знакомыхъ съ дѣвицами Берри».

Это письмо Горасъ Вальполь писалъ въ октябрѣ 1788. Жаръ старика ни сколько не потухъ отъ времени. Въ маѣ 1792, онъ писалъ:

«Очень вамъ благодаренъ за пересылку письма къ моимъ любимицамъ, которыхъ я съ каждымъ днемъ обожаю все больше и больше. Глаза и физіономія миссъ Агнесы выражаютъ какую-то утонченную проницательность, достойную наблюденій опытнаго психолога: мнѣ даже часто казалось, что она лучше своей сестры, и точно, ей недостаетъ только свѣжести колорита, чтобы быть совершенною красавицей. Здоровье ея не очень хорошо, и бѣдняжка отчего-то страдаетъ. Глаза миссъ Мери постоянно проникнуты глубокомысліемъ и важностію. Немудрено: она трудится гораздо больше своей сестры, не щадя своихъ силъ. Зато вы можете говорить съ нею обо всѣхъ возможныхъ предметахъ, и всегда будете очарованы ея обширными познаніями и умомъ. Агнеса бываетъ иногда слишкомъ застѣнчива и осторожна, но это къ ней идетъ. Словомъ, обѣ сестры — необыкновенныя созданія, и я горжусь своею привязанностію къ нимъ. Пусть говорятъ въ свѣтѣ, что̀ угодно, — я старикъ, и нѣтъ мнѣ никакого дѣла до свѣтской болтовни. Пусть догадываются, что я влюбленъ въ ту или другую, или, пожалуй, въ обѣихъ: я затыкаю уши, и снова преклоняю колѣни передъ своими очаровательницами».

Если Горасъ Вальполь, какъ плохой ораторъ и дипломатъ, не имѣлъ никакого значенія въ политическомъ отношеніи, зато современники были вѣроятно правы, когда считали его первостатейнымъ львомъ и самымъ остроумнымъ говоруномъ въ салонахъ моднаго свѣта. Вотъ какъ отзывался о немъ пріятель его лордъ Оссори:

«Горасъ Вальполь былъ самый пріятный собесѣдникъ, живой, «веселый, остроумный и всегда ловко достигавшій предположенной «цѣли. Въ этомъ отношеніи онъ почти ничѣмъ не уступалъ своему «старому другу, Джорджу Селуайну, который извѣстенъ всему свѣ«ту своимъ необыкновеннымъ остроуміемъ и проницательностію.»

РАФАЭЛЬ,

СТРАНИЦЫ ДВАДЦАТАГО ГОДА ЖИЗНИ.

Соч. А. Ламартина.

ПРОЛОГЪ.

Настоящее имя моего друга, написавшаго эти страницы, было не Рафаэль; но мы, т. е. я и другіе его товарищи, шутя, часто называли его Рафаэлемъ, потому-что онъ, въ годы своей юности, очень походилъ на портретъ Рафаэля-ребенка; этотъ портретъ можно видѣть въ Римѣ въ галереѣ *Барберини*, во Флоренціи, въ палацо *Питти* и въ Парижѣ въ Луврскомъ музеумѣ. Также называли мы его этимъ именемъ потому, что отличительною чертою характера этого ребенка было столь сильное чувство къ прекрасному въ природѣ и искусствѣ, что душа его была, такъ сказать, отраженіемъ красоты матеріяльной или идеальной, разсѣянной въ твореніяхъ Бога и произведеніяхъ человѣка. Это свойство, пока оно не притупилось нѣсколько годами, переходило въ немъ въ такую тонкую чувствительность, что ее можно было назвать болѣзнью.

Страсть къ изящному дѣлала его несчастнымъ; при другихъ обстоятельствахъ, таже страсть могла бы его прославить. Если бы онъ взялся за кисть, то писалъ бы мадоннъ Фолиньо; если бы владѣлъ рѣзцомъ, то высѣкъ бы Психею Кановы; если бы зналъ языкъ, на которомъ пишутся звуки, то подслушалъ бы воздушныя жалобы морского вѣтра въ фибрахъ итальянской сосны или дыханіе молодой, уснувшей дѣвушки, мечтающей о томъ, кого не хочетъ назвать. Если бы онъ былъ поэтомъ, то написалъ бы стансы Эрминіи Тасса, разговоръ Ромео и Жюльеты, при лунномъ свѣтѣ, Шекспира, портретъ Гайде, лорда Байрона.

Добро онъ любилъ столько же, сколько и изящное; добродѣтель любилъ не за то только, что она дѣло святое, но и за то, что она прекрасна сама въ себѣ. Если у него не было честолюбія въ характерѣ, зато оно было въ воображеніи. Если бы онъ жилъ во времена древнихъ республикъ, гдѣ человѣкъ развивался весь, какъ развивается безъ пеленокъ тѣло, на вольномъ воздухѣ и на солнцѣ, то онъ жаждалъ бы всѣхъ почестей какъ Цезарь, говорилъ бы какъ Демосѳенъ, умеръ бы какъ Катонъ. Но судьба его низкая, неблагодарная и темная, противъ его воли, держала его въ праздности и созерцаніи. У него были крылья, но не было воздушнаго пространства, въ которомъ онъ могъ бы развернуть ихъ. Онъ умеръ въ молодости, измѣряя пространство глазомъ, будучи не въ состояніи измѣрить его на дѣлѣ. Міромъ его была мечта. Да осуществится она для него хотя на небѣ!

Вы знаете тотъ портретъ Рафаэля-ребенка, о которомъ я сейчасъ говорилъ вамъ? Онъ представляетъ шестнадцатилѣтнее личико, нѣсколько блѣдное, слегка опаленное римскимъ солнцемъ; но на щекахъ этого личика еще цвѣтетъ дѣтскій пухъ; на бархатной кожицѣ играетъ лучъ свѣта. Юноша локтемъ оперся на столъ, голова его покоится на ладони; отъ пальцевъ, удивительно сформированныхъ, образовалась на подбородкѣ и щекѣ легкая, бѣленькая морщина. Ротъ его тонокъ, исполненъ меланхоліи и мечтательности; носъ нѣжный, слегка подернутый голубоватымъ оттѣнкомъ, какъ-будто черезъ прозрачную, нѣжную кожу пробивается лазурь жилокъ; глаза темно-небеснаго цвѣта, подобнаго цвѣту апенинскаго неба передъ восходомъ солнца; глаза эти смотрятъ прямо впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ немного устремляются къ небу. Они исполнены свѣта, но слегка влажны отъ лучей, разложившихся въ росѣ или слезахъ. Лобъ слегка изогнутъ; подъ его тонкою кожицею бьются мускулы органа мысли; виски размышляютъ, уши прислушиваются. Черные волосы, неровно впервые обрѣзанные неопытною рукою товарища по мастерской или сестры, бросаютъ легкую тѣнь на щеку и руку. Маленькая, плоская шапочка изъ чернаго бархата покрываетъ верхніе волосы и спускается на лобъ. Когда проходишь мимо этого портрета, то задумываешься и впадаешь въ грусть, не зная тому причины. То геній-младенецъ, мечтающій на порогѣ судьбы своей и готовый перешагнуть черезъ него. То душа въ преддверіи жизни. Что̀ станется съ этою душою?... Прибавьте же шесть лѣтъ къ годамъ этого задумавшагося юноши, сдѣлайте черты его болѣе рѣзкими, лицу придайте болѣе загара, покройте голову густыми волосами, уменьшите живость и ясность взора, придайте губамъ выраженіе грусти, членамъ болѣе силы и возмужалости, уве-

личьте ростъ, — измѣните итальянскій костюмъ временъ Льва X на мрачный и однообразный костюмъ молодого человѣка, воспитаннаго въ сельской простотѣ, которая требуетъ отъ него только того, чтобы платье было надѣто съ должною скромностію, — сохраните во всей осанкѣ задумчивую или страдальческую томность, и вы получите портретъ Рафаэля въ двадцать лѣтъ.

Его семейство было бѣдно, хотя извѣстно своимъ древнимъ родомъ въ горахъ Форецъ. Отецъ его сложилъ мечь и взялся за плугъ, подобно испанскимъ дворянамъ. Все его достоинство состояло въ чести, которая стоитъ всѣхъ другихъ достоинствъ. Мать Рафаэля была еще женщина молодая, прекрасная собою; ее можно было принять за его сестру: такъ онъ походилъ на нее. Она была воспитана въ роскоши, со всѣми тонкостями столичнаго образованія. Отъ всего этого она сохранила только изящество разговора и пріемовъ, которое никогда не можетъ исчезнуть, какъ не испарятся запахъ отъ розовыхъ лепешечекъ въ какомъ-нибудь хрустальномъ сосудѣ.

Удалившись въ эти горы и живя тамъ съ мужемъ, за котораго вышла по любви, и дѣтьми, на которыхъ перешла вся гордость и самолюбіе матери, — она ни о чемъ не сожалѣла. Роскошную книгу своей молодости она закрыла на трехъ словахъ: Богъ, мужъ, дѣти. Въ особенности любила она Рафаэля. Ей хотѣлось бы приготовить ему жизнь владыки; увы! она могла возвеличить его лишь своимъ сердцемъ. Между тѣмъ судьба не переставала преслѣдовать несчастное семейство: маленькое состояніе ихъ разстроивалось; бѣдная мать не могла даже спокойно мечтать о будущемъ.

Два святыхъ старца, вслѣдствіе какихъ-то преслѣдованій, укрылись въ этихъ горахъ. Они нашли пристанище въ домѣ родителей Рафаэля. Старики любили мальчика, когда мать держала его еще на колѣняхъ. Они предвозвѣстили ему что-то, указали ему его звѣзду и сказали матери: слѣди сердцемъ за этимъ младенцемъ. Мать всегда готова вѣрить! Она упрекала себя въ этой слабости, потому-что была очень набожна, однако же все-таки повѣрила старикамъ. Вѣра эта поддерживала ее во многихъ испытаніяхъ, зато вовлекла и въ усилія, превосходившія ея средства, въ отношеніи къ воспитанію Рафаэля, и окончательно обманула ее.

Я узналъ Рафаэля, когда ему было двѣнадцать лѣтъ. Послѣ матери онъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ. По окончаніи курса нашего ученія, мы сошлись съ нимъ въ Парижѣ, потомъ въ Римѣ, куда онъ былъ привезенъ родственникомъ своего отца для списыванія манускриптовъ въ ватиканской библіотекѣ. Тамъ пристрастился и онъ къ итальянскому языку: Рафаэль говорилъ по-итальянски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. По вечерамъ, подъ соснами виллы

Памфили, при заходящемъ солнцѣ, въ виду римскихъ развалинъ, разбросанныхъ по долинѣ, онъ импровизировалъ иногда стансы, отъ которыхъ я плакалъ. Но онъ ничего не писалъ.

— Рафаэль, говорилъ я иногда: — отчего ты не пишешь?

— Эхъ! отвѣчалъ онъ: — развѣ вѣтеръ пишетъ то, что́ онъ поетъ въ звучныхъ листьяхъ, надъ нашими головами? развѣ море записываетъ стоны своихъ песчаныхъ береговъ? Изъ того, что́ написано, ничего нѣтъ прекраснаго; если въ сердцѣ человѣка есть что-нибудь божественнаго, то оно никогда не выходитъ наружу. Инструментъ изъ плоти, нота изъ огня. Что́ же изъ нихъ можно сдѣлать? Между тѣмъ, что́ чувствуешь, и тѣмъ, что́ выражаешь, такое же разстояніе, какъ между думою и двадцатью четырьмя буквами азбуки, прибавлялъ онъ съ грустію. То есть — безконечность. Развѣ возможно выразить на тростниковой флейтѣ гармонію міровъ?

Я разстался съ Рафаэлемъ и снова встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ. Въ то время онъ, посредствомъ связей своей матери, тщетно искалъ какого-нибудь дѣятельнаго состоянія, въ которомъ могъ бы освободиться отъ тяжести своей души и угнетенія судьбы. Молодые люди нашихъ лѣтъ искали его сообщества, женщины съ удовольствіемъ засматривались на него, когда онъ проходилъ по улицамъ. Общества онъ не посѣщалъ; изо всѣхъ женщинъ любилъ только мать.

Вдругъ мы потеряли его изъ виду на цѣлые три года. Впослѣдствіи мы узнали, что его видѣли въ Швейцаріи, Германіи и Савоѣ; зимой видѣли, какъ онъ проводилъ часть ночи на мосту и парижской набережной. Видъ его показывалъ крайнюю бѣдность. Уже спустя много лѣтъ узнали мы всѣ подробности. Хотя Рафаэля и не было съ нами, однако же мы часто о немъ вспоминали. Онъ былъ изъ числа тѣхъ натуръ, которыхъ невозможно забыть.

Наконецъ черезъ двѣнадцать лѣтъ случай свелъ меня съ нимъ. Вотъ какъ это было. Я получилъ наслѣдство въ той провинціи, гдѣ была родина Рафаэля, и отправился туда для продажи земли. Я освѣдомился о немъ. Мнѣ сказали, что онъ лишился отца, потомъ матери, наконецъ жены,—что послѣ сердечныхъ утратъ онъ потерялъ и состояніе, и что отъ всего отцовскаго наслѣдства у него осталось только жилище, состоящее изъ полу-развалившейся, старой, квадратной башни, на берегахъ оврага, садъ, виноградникъ, лугъ и пятьшесть арпановъ плохой земли. Онъ самъ воздѣлывалъ землю, при помощи двухъ тощихъ коровъ; отъ крестьянъ, своихъ сосѣдей, онъ отличался только книгами, которыя приносилъ въ поле; часто въ одной рукѣ онъ держалъ книгу, а другой управлялъ плугомъ. Однако же уже нѣсколько недѣль не видали, чтобы онъ выходилъ изъ сво-

его жилища. Думали, что [illegible] [illegible]ных путешествій, которыя [illegible] [illegible] «Жаль, если такъ, прибавлялъ [illegible] — [illegible] сѣди. Хоть онъ и бѣденъ, [illegible] ко и богатый. Въ околоткѣ [illegible] изъ шерсти его овецъ. [illegible] вать ребятъ изъ сосѣднихъ деревень [illegible] даетъ имъ хлѣба, а Господь [illegible] пасѣ, когда жатва такъ плоха, [illegible]

Такъ говорили мнѣ о [illegible]. Я [illegible] взглянуть на жилище моего друга. [illegible] ма, на вершинѣ котораго [illegible] ней примыкало нѣсколько пристроекъ [illegible] орѣховыми деревьями. [illegible] почти высохшій, [illegible] нистой тропинкѣ; двѣ коровы и три [illegible] скатамъ холма, подъ присмотромъ [illegible] го, перебиравшаго свои четки и [illegible] гербовомъ щитѣ [illegible]

Старикъ сказалъ мнѣ, что [illegible] мѣсяца какъ боленъ, и если [illegible] ко, чтобы быть перенесену на кладбище [illegible] худалою рукою на кладбище, [illegible] холмѣ.

— Можно видѣть [illegible]? спросилъ я.

— О, конечно, отвѣчалъ [illegible] — [illegible] дерните за веревку [illegible] лежитъ въ постели, [illegible] утирая глаза ладонью.

Я взошелъ, держась за перила [illegible] лѣстницѣ. Ступеньки, касавшіяся стѣны башни, [illegible] щадкою, крытою брусьями, [illegible] пицы съ этой кровельки [illegible] дернулъ веревку и вошелъ. [illegible] ната была обширная. Она занимала [illegible] башни; ее освѣщали два большихъ [illegible] запыленныя и разбитыя стекла были [illegible] потолокъ складенъ былъ изъ толстыхъ [illegible] дыма; полъ выстланъ изъ кирпича. Въ [illegible] боты, на крючкѣ висѣлъ чугунчикъ, [illegible] подъ котелкомъ дымился сукъ, горѣвшій съ [illegible] бель этой комнаты состояла изъ двухъ высокихъ [illegible]

саваномъ, сквозь который я не хотѣлъ видѣть людей, а хотѣлъ только созерцать природу и Бога.

Въ Шамбери я видѣлъ моего друга Людовика де***. Я нашелъ его въ такомъ же состояніи, въ какомъ самъ находился: уста, съ отвращеніемъ отвернувшіяся отъ горечи жизни, невѣдомый геній, душу, углубившуюся въ себя саму, тѣло, истомленное думою. Людовикъ указалъ мнѣ домъ уединенный и спокойный въ верхней части города Э, куда принимали больныхъ за извѣстную плату. Домъ этотъ, хозяевами котораго были старикъ докторъ, уже не занимавшійся практикою, и его жена, соединялся съ городомъ узенькою тропинкою. Дорога лежала между источниками горячей воды. Задняя часть дома выходила въ садъ, окруженный портиками и рѣшетками. За садомъ, черезъ отлогіе луга и каштановыя и орѣшниковыя дубравы, вели къ горамъ прогалины и овраги, гдѣ можно было встрѣтить лишь однѣхъ козъ. Людовикъ обѣщалъ мнѣ пріѣхать и поселиться со мною въ Э, какъ скоро устроитъ кое-какія дѣла по смерти своей матери. Присутствіе его должно мнѣ было быть пріятно, потому-что наши разочарованныя души гармонировали между собою. Страдать однимъ и тѣмъ же гораздо лучше, чѣмъ однимъ и тѣмъ же наслаждаться. *Горе скорѣе, нежели счастіе соединяетъ два сердца.* Въ то время Людовикъ былъ единственное существо, прикосновеніе котораго не причиняло мнѣ боли. Я ждалъ его безъ нетерпѣнія, но и не безъ нѣкотораго волненія.

V.

Я былъ принятъ благосклонно и добродушно въ домѣ стараго доктора. Мнѣ отвели комнату, выходившую окнами въ садъ и поле. Почти всѣ прочія комнаты были пусты. Длинный общій столъ, который держали мои хозяева, былъ также пустъ: въ часъ обѣда около него собирались только домашніе и трое или четверо запоздалыхъ больныхъ изъ Шамбери и Турина. Эти больные прибыли на воды уже тогда, когда толпа посѣтителей разъѣхалась, для того, чтобы найти болѣе дешевыя помѣщенія и вести болѣе экономическій образъ жизни, согласный съ ихъ бѣдностію. Тамъ никого не было съ кѣмъ бы я могъ познакомиться или случайно сблизиться. Старикъ докторъ и его жена очень хорошо это понимали; они извинялись позднимъ временемъ или рано уѣхавшими гостями. Старики говорили только съ явнымъ восторгомъ и нѣжнымъ уваженіемъ о больной, молодой женщинѣ, иностранкѣ, удержанной на водахъ слабостію, возбуждавшей опасеніе, чтобы она не перешла въ медленную

сухотку. Больная одна, съ служанкою, занимала уже нѣсколько мѣсяцовъ самую отдаленную часть ихъ дома. Она никогда не приходила въ общую комнату, а обѣдала у себя; ее можно было видѣть только у окна, выходившаго въ садъ, и прикрытаго виноградными лозами, или на лѣстницѣ, когда она возвращалась съ прогулки по горамъ на ослѣ.

Я сожалѣлъ о молодой женщинѣ, которая, какъ я, была брошена одна въ чужой странѣ, больною, потому-что она пріѣхала лечиться,— печальною вѣроятно, потому-что она избѣгала шума, даже взглядовъ толпы. Однако же я вовсе не имѣлъ желанія увидать ее, несмотря на удивленіе, которое питали мои хозяева къ ея красотѣ и любезности. Съ испепеленнымъ сердцемъ, утомившемся отъ временныхъ привязанностей, изъ которыхъ, исключая любовь къ бѣдной Антонинѣ, ни одна не заняла въ моихъ воспоминаніяхъ сладкаго, теплаго мѣста; стыдясь и раскаиваясь въ связяхъ легкихъ и беззаконныхъ, съ душою, уязвленною моими заблужденіями, изсушенною отвращеніемъ къ грязнымъ упоеніямъ, съ робкимъ и осторожнымъ характеромъ, не имѣя въ себѣ самомъ той увѣренности, которая побуждаетъ нѣкоторыхъ искать встрѣчъ и случайныхъ сближеній, — я не хотѣлъ ни ее видѣть, ни быть замѣченнымъ ею. Тѣмъ менѣе думалъ я о любви. Напротивъ, я даже съ какою-то жосткою и ложною гордостію наслаждался тѣмъ, что навсегда потушилъ въ сердцѣ порывы юности, и что могъ довольствоваться самъ собою, чтобы страдать или чувствовать на землѣ. О счастіи я и не помышлялъ.

VI.

Я проводилъ цѣлые дни въ своей комнатѣ за книгами, которыя другъ мой присылалъ мнѣ изъ Шамбери. По полудни я одинъ посѣщалъ дикія горы, которыя окаймляютъ, со стороны Италіи, долину Э. Вечеромъ, измученный усталостію, я возвращался домой, садился за ужинъ, потомъ уходилъ въ свою комнату и, положивъ голову на руку, цѣлые часы проводилъ у окна. Я созерцалъ небесный сводъ, вызывающій задушевныя мысли, точно такъ, какъ бездна привлекаетъ къ себѣ того, кто наклоняется надъ нею, какъ-будто она хочетъ сообщить какую-то тайну. Я засыпалъ въ этомъ морѣ мыслей, среди котораго не искалъ берега. Я пробуждался при солнечныхъ лучахъ, при ропотѣ горячихъ источниковъ, бралъ ванну и послѣ завтрака по прежнему отправлялся въ прогулку, по прежнему погружался въ созерцательную грусть.

Иногда по вечерамъ, облокотясь на окно, я примѣчалъ другое отворенное окно, освѣщенное свѣчею, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и женскую голову, которая, какъ и я, опиралась на руку: женщина отводила рукою отъ своего чела длинныя, черныя косы и также смотрѣла въ садъ, облитый свѣтомъ луны, на горы, на небо. Въ полу-мракѣ я могъ отличить только профиль чистый, блѣдный, прозрачный, окаймленный черными волнами волосъ, гладко причесанныхъ и прикрѣпленныхъ на вискахъ. Лицо это обрисовывалось на свѣтломъ фонѣ окна, освѣщеннаго комнатною лампою. По временамъ долетали до меня звуки женскаго голоса, произносившаго нѣсколько словъ или отдававшаго какое-то приказаніе. Выговоръ, слегка чужестранный, хотя и чистый, нѣсколько лихорадочное дрожаніе этого голоса, томнаго, нѣжнаго и между тѣмъ поразительно звучнаго, тронули меня. И долго послѣ того, какъ затворялось окно, отдавался въ моихъ ушахъ, какъ продолженное эхо, этотъ голосъ. Подобнаго ему я никогда не слыхалъ, даже въ Италіи. Онъ звучалъ между полу-открытыхъ зубовъ, какъ маленькія металлическія лиры, на которыхъ играютъ дѣти острововъ Архипелага, вечеромъ, на берегу моря. То былъ скорѣе звонъ, чѣмъ голосъ. Я слѣдилъ за нимъ и не думалъ, чтобы этотъ голосъ зазвучалъ для меня такъ глубоко на всю мою жизнь. На другой день я уже забывалъ о немъ.

Однажды, возвращаясь домой довольно рано черезъ калитку сада, я увидалъ незнакомку вблизи; она сидѣла на скамейкѣ, у стѣны, выходившей на западъ, и грѣлась на солнцѣ. Она не слыхала шума отъ затворенной мною двери и полагала, что она одна. Я могъ долго смотрѣть на нее, не будучи ею замѣченъ. Между мною и ею было всего какихъ-нибудь двадцать шаговъ, да рѣшетка, лишенная вѣтвей первыми морозами. Только тѣнь отъ уцѣлѣвшихъ на лозахъ листьевъ встрѣчалась на лицѣ ея съ солнечными лучами. Ростъ ея казался выше обыкновеннаго, какъ ростъ мраморныхъ купальщицъ, окутанныхъ пеленами, которымъ удивляются, неразличая формъ. Она, точно также, была одѣта въ платье, складки котораго были распущены; бѣлая шаль, покрывавшая ея тѣло, позволяла видѣть лишь двѣ руки, съ пальцами нѣсколько худощавыми и тонкими, сложенныя на колѣнахъ. Она небрежно вертѣла въ пальцахъ красную, дикую гвоздику, которая цвѣтетъ въ горахъ подъ снѣгомъ и которую называютъ *поэтическою гвоздикою*. Почему? я не знаю. Конецъ шали, поднятой въ видѣ капишона, покрывалъ верхнюю часть ея головы, чтобы предохранить волосы отъ вечерней сырости. Согнувъ свой станъ, наклонивъ голову къ лѣвому плечу, опустивъ длинныя, черныя рѣсницы, чтобы защитить глаза отъ блеска солнца, блѣдная, съ окаменѣвшими чертами, съ нѣмою думой на

лицѣ. — все это вмѣстѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] сча-ти. но смерти. которая приближается къ тебѣ. отымаетъ душу отъ человѣческихъ печалей и уноситъ ее въ [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] живительные лучи [illegible] [illegible] [illegible]. Шумъ [illegible] [illegible] по сухимъ листьямъ заставилъ ее [illegible] глаза. Глаза эти были цвѣта свѣтлой морской воды или [illegible] [illegible] камня съ темны-ми жилками, слегка закрытые [illegible] вѣками и отъ приро-ды окаймленные темною бахрамою тѣхъ черныхъ и длинныхъ рѣс-ницъ, какихъ искусственнымъ образомъ добиваются восточ-ныя женщины, чтобы возвысить красоту, самой томности при-дать энергію. Взглядъ ея очей [illegible] на [illegible] звѣз-дочки, которыя какъ бы хотятъ встрѣтиться и [illegible] [illegible], сбѣгаясь со всего небеснаго свода. Греческій носъ [illegible] почти прямою линіею съ возвышеннымъ челомъ, какъ бы [illegible] сильною мыслью; губы были тонки, слегка [illegible] на обѣихъ сторонамъ рта обычною [illegible] грусти; зубы [illegible] [illegible] [illegible]мутра, чѣмъ изъ слоновой кости, какъ зубы [illegible] [illegible]ныхъ дѣвъ острововъ и моря; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и ниже рта; выраженіе лица болѣе [illegible] [illegible] [illegible] человѣческому существу. Сверхъ обычнаго выраженія [illegible] какая-то неопредѣленная слабость, [illegible] [illegible] [illegible] страстью, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] нажды, тотъ [illegible] уносилъ съ собою ея образъ.

Однимъ словомъ, это было [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] подъ чертами самой [illegible] и [illegible] [illegible], какая когда-либо являлась въ сей [illegible] [illegible].

Я почтительно [illegible] ей и быстро прошелъ [illegible] въ аллею; [illegible] скромность и [illegible] [illegible] [illegible] просили у красавицы прощенія въ томъ, что я [illegible] [illegible] нарушилъ ея уединеніе. При моемъ приближеніи легкая краска [illegible] на ея блѣдныхъ щекахъ. Я пошелъ въ комнату въ [illegible] и не могъ понять, что за дрожь овладѣла мною; спустя нѣсколько минутъ, я видѣлъ, какъ молодая женщина также [illegible] въ домъ, бросивъ безразличный взглядъ на мое окно. Въ слѣдующіе дни и [illegible] самое время я встрѣчалъ ее или въ саду, или на дворѣ, и мнѣ не приходила въ голову ни мысль, ни дерзость подойти къ незнакомкѣ. Иногда я ее встрѣчалъ даже на лужайкахъ передъ сыроварнями, въ сопровожденіи маленькихъ дѣвочекъ, которыя [illegible] ей [illegible] и набирали ей ягодъ, — иногда на лодкѣ на озерѣ. Какъ сосѣдъ, я ограничивался почтительнымъ и важнымъ поклономъ; она отвѣчала также поклономъ съ задумчивою разсѣянностію, и каждый изъ насъ продолжалъ свою дорогу, по горамъ или по озеру.

VII.

И между тѣмъ я былъ печаленъ и смущенъ вечеромъ, если мнѣ не удавалось встрѣтить незнакомки въ продолженіи дня. Я выходилъ въ садъ, самъ не зная зачѣмъ, оставался въ немъ, несмотря на ночной холодъ, устремивъ глаза на ея окно. И трудно мнѣ было возвратиться въ комнату прежде, чѣмъ удастся замѣтить ея тѣнь, сквозь оконныя занавѣски, или услыхать аккордъ на фортепьяно или странный звукъ ея голоса.

Комната, которую она занимала по вечерамъ, была подлѣ моей и отдѣлялась только толстою, дубовою дверью, запертою двумя задвижками. Я смутно могъ слышать шумъ ея шаговъ, шелестъ ея платья, книги, когда она своими пальчиками перевертывала листы. Иногда мнѣ даже казалось, будто я слышу ея дыханіе. Инстинктивно поставилъ я столъ, на которомъ писалъ по вечерамъ, къ этой двери, потому-что мнѣ казалось, что я уже не совершенно одинъ, если до меня долетаетъ легкое движеніе жизни. Я воображалъ, будто живу вдвоемъ съ этимъ невѣдомымъ приращеніемъ, незамѣтно наполнявшемъ всѣ дни мои. Однимъ словомъ, во мнѣ уже таились всѣ помышленія, желанія, вся утонченность страсти прежде, чѣмъ я узналъ, что люблю. Любовь не существовала для меня въ такихъ-то и такихъ-то симптомахъ, въ такомъ-то взглядѣ, признаніи, въ такомъ-то внѣшнемъ обстоятельствѣ, отчего я могъ бы предохранить себя; но для меня любовь была, подобно невидимымъ міазмамъ, распространеннымъ въ окружающей меня атмосферѣ, въ воздухѣ, въ свѣтѣ, въ умирающемъ лѣтѣ, въ одиночествѣ моего существованія, въ таинственномъ сближеніи этого другого существованія, которое также казалось одинокимъ, въ длинныхъ прогулкахъ, которыя удаляли меня отъ нея лишь для того, чтобы я могъ лучше понимать неотразимую прелесть, привлекавшую къ ней, — въ ея бѣломъ платьѣ, которое мелькало издали между нагорныхъ сосенъ, въ ея черныхъ волосахъ, развиваемыхъ вѣтромъ по краямъ ея лодки, въ ея шагахъ по лѣстницѣ, въ освѣщенномъ окнѣ ея, въ легкомъ, едва замѣтномъ скрипѣ сосноваго пола подъ ея ногами, въ скрипѣ ея пера по бумагѣ, когда она пишетъ, даже въ самомъ молчаніи въ продолженіи длинныхъ осеннихъ вечеровъ, которые она проводила одна за чтеніемъ, письмомъ или погружаясь въ мечтательность, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, — наконецъ въ чарахъ этой фантастической красоты, которую я долго видѣлъ, не смотрѣвъ на нее, и которую видѣлъ снова, закрывая глаза, черезъ стѣну, какъ будто стѣна эта дѣлалась для меня прозрачною!

Впрочемъ къ этому чувству не примѣшивалось нескромное любопытство проникнуть тайну ея уединенія, ни желаніе разрушить хрупкую стѣну нашей, такъ сказать, добровольной разлуки. Какое мнѣ дѣло, говорилъ я самъ себѣ, до этой женщины, больной душою или тѣломъ, съ которой я случайно встрѣтился среди горъ, въ чужой странѣ? Я отряхнулъ, по-крайней-мѣрѣ я былъ въ томъ увѣренъ, прахъ съ ногъ моихъ; я не хотѣлъ привязать себя къ жизни ни какою связью души и чувствъ, тѣмъ болѣе слабостію сердца. Я глубоко презиралъ любовь, потому-что зналъ подъ этимъ именемъ только ея гримасы, кокетство, вѣтренность или оскверненіе этого чувства, за исключеніемъ впрочемъ любви Антонины, въ которой была привлекательная дѣвственность и непорочность: то былъ цвѣтокъ, отпавшій отъ вѣтки до времени своего запаха.

VIII

Кто была эта женщина! Такое ли же существо, какъ я, или одно изъ тѣхъ видѣній, изъ тѣхъ живыхъ метеоровъ, которые пролетаютъ по небу нашего воображенія и на мгновеніе ослѣпляютъ наши очи? Изъ моей ли она отчизны, или родина ея гдѣ-нибудь далеко, на какомъ-нибудь островѣ восточномъ или тропическомъ, куда я не могу за нею послѣдовать? послѣ нѣсколькихъ дней обожанія, мнѣ быть можетъ суждено вѣчно ее оплакивать? И свободно ли ея сердце, можетъ ли оно отвѣчать моему сердцу? Развѣ вѣроятно, чтобы такая очаровательная красавица провела жизнь и достигла лѣтъ зрѣлости, почти заката юности, не любивъ никого, изъ тѣхъ на комъ останавливались ея взоры? Есть ли у нея отецъ, мать, сестры или братья?. Не за-мужемъ ли она? Нѣтъ ли у ней любимаго человѣка временно съ нею разлученнаго непонятными обстоятельствами, который однако же живетъ ея любовью, точно такъ, какъ она дышетъ только имъ?

Все это говорилъ я самъ себѣ, чтобы отдалить отъ себя очарованіе, невольное, отчаянное и все-таки обольстительное. Я [illegible] даже навести справку. Я считалъ неделикатнымъ [illegible] стараться проникнуть въ невѣдомое. Я находилъ болѣе деликатнымъ и можетъ быть болѣе пріятнымъ оставаться въ неизвѣстности

IX.

Но у семейства стараго доктора не было [illegible] причинъ въ свою очередь, чтобы сохранять тайну. Хозяйка, съ любопытствомъ, [illegible]

людямъ, принимающимъ въ своемъ домѣ иностранцевъ, толковали за столомъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, вѣроятностяхъ, обо всѣхъ мимолетныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ ими о молодой незнакомкѣ. Не спрашивая и даже избѣгая разговора о красавицѣ, я узналъ все, что можно было узнать изъ ея таинственной, затворнической жизни. Напрасно прерывалъ я и заминалъ эти разговоры: они всякой день за обѣдомъ обращались на тотъ же предметъ: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ, купальщицъ, служителей въ домахъ, проводниковъ по горамъ, лодочниковъ на озерѣ, — всѣхъ поразила она, тронула, разнѣжила, хотя ни съ кѣмъ не говорила. Всякой думалъ о ней, уважалъ ее, о ней разговаривалъ, ей удивлялся. Есть созданія, которыя сіяютъ, ослѣпляютъ, привлекаютъ всѣхъ, кто проходитъ мимо, и созданія эти о томъ и не думаютъ, не желаютъ и даже не знаютъ своей силы. Можно подумать, что нѣкоторыя натуры одарены силою, подобною свѣтиламъ, и тяготѣютъ надъ очами, думами и мыслями своихъ спутниковъ. Физическая или нравственная красота составляетъ ихъ могущество, очарованіе—ихъ оковы, любовь есть ихъ неотъемлемое свойство. За ними слѣдятъ по землѣ, до нѣба, гдѣ онѣ исчезаютъ съ своею юностію, и когда ихъ не видишь болѣе, то глаза какъ бы слѣпнутъ отъ блеска: тогда уже не смотришь болѣе, или смотришь, но уже ничего не видишь. Простолюдинъ — и тотъ узнаетъ эти высшія созданія по какимъ-то признакамъ. Онъ удивляется имъ, не понимая ихъ, какъ слѣпцы отъ рожденія, которые чувствуютъ лучи, хотя не видятъ солнца.

X.

Итакъ я узналъ, что эта молодая женщина изъ Парижа; мужъ ея старикъ, прославившійся въ послѣднее столѣтіе трудами, обогатившими изобрѣтательность человѣческаго ума. Онъ принялъ ее, иноземку, къ себѣ еще молоденькою дѣвочкою; ея красота и геніяльность поразили его, и онъ оставилъ ей свое имя и имущество. Она любила его какъ отца. Всякой день писала къ нему письма, которыя были исповѣдью ея души и впечатлѣній. Около двухъ лѣтъ какъ впала она въ слабость, которая сильно обезпокоила ея мужа. Доктора предписали ей перемѣну воздуха и путешествіе по югу; немочи старика не позволили ему слѣдовать за женою, и въ Лондонѣ онъ поручилъ ее семейству своихъ друзей, съ которыми она объѣхала Швейцарію и Италію; перемѣна климата оказалась недостаточною для возстановленія силъ ея; изъ Женевы одинъ докторъ, опасаясь болѣзни сердца, увезъ ее на воды въ Э; въ началѣ

зимы онъ долженъ былъ пріѣхать за нею, чтобы отвезти въ Парижъ. Вотъ все, что я узналъ о ея жизни, уже столь для меня драгоцѣнной, хотя я упорно думалъ, что всѣ эти подробности не имѣютъ для меня никакого значенія. Я почувствовалъ болѣе сердечной нѣжности къ этой удивительной красотѣ, когда узналъ, что молодая женщина еще въ полномъ цвѣтѣ поражена болѣзнью, которая поглощаетъ жизнь, изощряя впечатлѣніе отъ этой жизни и усиливая пламя жизни, которое силится погасить. Встрѣчая незнакомку на лѣстницѣ, я искалъ глазами какихъ-нибудь непримѣтныхъ слѣдовъ страданія по краямъ нѣсколько блѣдныхъ губъ, и около голубыхъ, чудесныхъ глазъ, часто измученныхъ безсонницею. Меня занимала ея красота, а еще болѣе занимала эта тѣнь смерти, сквозь которую она представлялась мнѣ скорѣе какъ ночное видѣніе, чѣмъ живое существо. Вотъ и все: мы продолжали жить, какъ и въ началѣ, близко другъ отъ друга по пространству и далеко по неизвѣстности.

XI.

Снѣгъ началъ порошить верхушки сосенъ на высотахъ Савои; я прекратилъ прогулки по окрестнымъ горамъ. Нѣжная, продолжительная теплота послѣднихъ дней октября сосредоточилась въ долинѣ. На берегахъ и на озерѣ воздухъ еще былъ тепелъ. Длинная тополевая аллея, которая вела къ озеру, освѣщенная въ полдень солнцемъ, качала своими вѣтвями; вершины деревъ таинственно роптали; это восхищало меня. Часть дня я проводилъ на водѣ. Лодочники знали меня; мнѣ говорили, что они до сихъ поръ помнятъ мои долгія прогулки по самымъ отдаленнымъ заливамъ и дикимъ бухтамъ. Молодая незнакомка также каталась иногда по водѣ среди дня. Лодочники, гордившіеся тѣмъ, что возили ее, внимательно слѣдили за свѣжимъ вѣтеркомъ, за облаками, которыя могли показаться на небѣ, и тотчасъ извѣщали ее о близкой перемѣнѣ погоды: они предпочитали ея здоровье своей дневной платѣ. Однажды они обманулись и сказали ей, что переѣздъ къ развалинамъ аббатства *Haute Combe*, расположеннаго на противоположномъ берегу, и обратный путь не представляютъ никакой опасности. Едва сдѣлали они двѣ трети пути, какъ порывъ вѣтра, пронесшійся изъ ущелья долины Роны, поднялъ и вспѣнилъ волны. Небольшая лодка, съ которой сорвало парусъ, съ трудомъ сохраняла балансъ посредствомъ двухъ веселъ и скакала какъ орѣховая скорлупа по растущимъ волнамъ. Возвратиться назадъ не было никакой возможности, а для того,

чтобы укрыться подъ тѣнью высокихъ утесовъ *Haute Combe*, нужно было по-крайней-мѣрѣ полъ-часа опасностей, трудовъ и усталости. Случай или судьба привела и меня въ тотъ же день, въ тотъ же часъ къ озеру; на большой лодкѣ, съ четырьмя сильными гребцами, я отправился посѣтить на островѣ, лежащемъ въ отдаленной части озера, г. де Шатильона, родственника друга моего изъ Шамбери. У него былъ замокъ на утесистой вершинѣ острова. Мы находились въ нѣсколькихъ ударахъ весла отъ шатильонской пристани, когда взорамъ моимъ, которыми я машинально слѣдилъ въ отдаленіи за лодкою молодой больной, представилась гибель утлой ладьи и борьба ея съ порывами вѣтра. Единодушно, съ равнымъ стремленіемъ, гребцы мои и я, повернули нашу лодку и полетѣли по сердитому озеру, среди бури, на помощь гибнувшей ладьѣ, которая часто исчезала подъ набѣгавшими облаками пѣны. Невыразимо, ужасно было мое безпокойство, въ продолженіи нашей переправы черезъ озеро, почти во всю ширину его. Когда наконецъ мы догнали лодку, она подплыла уже къ берегу. Высокая волна, въ нашихъ глазахъ, бросила ее на песокъ, у подножія развалинъ аббатства.

Съ устъ нашихъ сорвался крикъ радости. Мы бросились въ воду, чтобы поскорѣе подойти къ лодкѣ и вынести на берегъ больную. Несчастный потерявшійся лодочникъ печальными движеніями и отчаянными криками звалъ насъ на помощь; онъ показывалъ намъ руками на дно своей лодки, котораго мы не могли еще видѣть. Подойдя ближе, мы увидали молодую женщину, лежавшую въ обморокѣ: ноги, тѣло, руки покрыты были ледяною водою и клоками пѣны; внѣ воды была только грудь и голова, какъ бы усопшей, склоненная на ящикъ, у кормы, куда рыбаки кладутъ свои сѣти и рыболовные снаряды. Волосы ея обвивались около шеи и плечъ, какъ крылья черной птицы, полупогрузившейся въ воду съ берега пруда. Лицо ея, съ котораго еще не совсѣмъ сбѣжали краски жизни, какъ бы погружено было въ тихій, безмятежный сонъ. То была красота сверхъестественная, оставляемая послѣднимъ дыханіемъ на лицѣ молодыхъ почившихъ дѣвушекъ, какъ обольстительный лучъ жизни на челѣ, съ котораго она улетаетъ, или какъ первые сумерки безсмертія въ чертахъ, которыя она хочетъ запечатлѣть въ памяти оставшихся въ-живыхъ.

Мы бросились въ лодку, чтобы принять умирающую съ ея пѣнистаго ложа и перенести ее за скалу. Я положилъ руку на ея сердце, какъ положилъ бы ее на мраморъ. Я наклонился къ ея устамъ, какъ наклонился бы къ губкамъ спящаго младенца. Сердце ея билось [illegible]авильно, но сильно; замѣтно было теплое дыханіе; я понялъ, [illegible]о былъ обморокъ, слѣдствіе страха и холодной воды. Одинъ

изъ лодочниковъ взялъ ее за ноги, я за плечи и голову, которая скатилась на мою грудь. Такъ донесли мы ее, безъ малѣйшаго признака жизни, до маленькаго рыбачьяго домика, подъ скалою *Haute Combe;* хижина эта служила сборнымъ мѣстомъ лодочникамъ, когда они возили любопытныхъ путешественниковъ къ развалинамъ аббатства. Она состояла изъ одной комнаты, узкой, темной, закоптѣвшей отъ дыма; въ ней стоялъ столъ, заваленный хлѣбомъ, сыромъ и бутылками. Деревянная лѣстница вела вверхъ, въ маленькую коморку, освѣщенную слуховымъ окномъ, безъ стеколъ, выходившимъ на озеро. Коморка эта вся была загромождена тремя постелями, которыя затворялись деревянными дверями, на-подобіе глубокихъ шкаповъ. Тутъ помѣщалось семейство рыбака. Мать и ея двѣ молодыя дочери, которымъ мы отдали на попеченіе молодую, лишившуюся чувствъ женщину (сами мы, по чувству скромности, вышли за двери), положили ее на матрацъ, близь камина, развели легкій, пріятный огонь, разшнуровали ее, сняли платье, чтобы его высушить, обтерли члены ея и волосы, съ которыхъ струилась вода; потомъ онѣ отнесли ее, все еще въ обморокѣ, на постель, которую устлали бѣлыми одѣялами, нагрѣтыми горячимъ камнемъ, согласно съ обычаемъ обитателей здѣшнихъ горъ. Тщетно старались хозяйки пропустить въ ея горло нѣсколько капель уксусу и вина, чтобы привести ее въ чувство. Видя, что всѣ старанія ихъ и труды напрасны, онѣ залились слезами, рыданія ихъ заставили насъ снова войти въ комнату.

— Барышня умерла, скончалась! намъ остается только плакать и позвать священника! воскликнули онѣ всхлипывая.

Растерявшіеся лодочники присоединились къ женщинамъ и удвоили только ужасъ этихъ воплей. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, склонился къ постели, слегка освѣщенной послѣднимъ мерцаніемъ дня. Рукою коснулся я чела ея: оно горѣло; примѣтилъ дыханіе: оно было слабо, но правильно и слегка приподнимало грубое, пеньковое одѣяло, покрывавшее ея грудь; я заставилъ женщинъ замолчать, а лодочнику, который былъ помоложе, далъ золотой и велѣлъ скорѣе бѣжать за докторомъ. Мнѣ сказали, что въ двухъ миляхъ отъ *Haute Combe* въ какомъ-то селеніи живетъ докторъ. Другіе усѣлись за столъ, успокоенные тѣмъ, что госпожа ихъ не умерла. Женщины входили и выходили изъ коморки, бѣгали изъ погреба въ курятникъ, готовили ужинъ. Я сидѣлъ на мѣшкѣ маиса, подлѣ постели, у ногъ ея, скрестивъ руки и устремивъ взоры на неподвижное лицо и закрытыя вѣки незнакомки. Настала ночь. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ затворила ставень, повѣсила на стѣну маленькую лампочку: трепетный свѣтъ отъ нея падалъ на покровъ

чтобы укрыться подъ тѣнью высокихъ утесовъ *Haute Combe*, нужно было по-крайней-мѣрѣ полъ-часа опасностей, трудовъ и усталости. Случай или судьба привела и меня въ тотъ же день, въ тотъ же часъ къ озеру; на большой лодкѣ, съ четырьмя сильными гребцами, я отправился посѣтить на островѣ, лежащемъ въ отдаленной части озера, г. де Шатильона, родственника друга моего изъ Шамбери. У него былъ замокъ на утесистой вершинѣ острова. Мы находились въ нѣсколькихъ ударахъ весла отъ шатильонской пристани, какъ взорамъ моимъ, которыми я машинально слѣдилъ въ отдаленіи за лодкою молодой больной, представилась гибель утлой лодьи и борьба ея съ порывами вѣтра. Единодушно, съ равнымъ стремленіемъ, гребцы мои и я, повернули нашу лодку и полетѣли по сердитому озеру, среди бури, на помощь гибнувшей лодьѣ, которая часто исчезала подъ набѣгавшими облаками пѣны. Невыразимо, ужасно было мое безпокойство, въ продолженіи нашей переправы черезъ озеро, почти во всю ширину его. Когда наконецъ мы догнали лодку, она подплыла уже къ берегу. Высокая волна, въ нашихъ глазахъ, бросила ее на песокъ, у подножія развалинъ аббатства.

Съ устъ нашихъ сорвался крикъ радости. Мы бросились въ воду, чтобы поскорѣе подойти къ лодкѣ и вынести на берегъ больную. Несчастный потерявшійся лодочникъ печальными движеніями и отчаянными криками звалъ насъ на помощь; онъ показывалъ намъ руками на дно своей лодки, котораго мы не могли еще видѣть. Подойдя ближе, мы увидали молодую женщину, лежавшую въ обморокѣ: ноги, тѣло, руки покрыты были ледяною водою и клоками пѣны; внѣ воды была только грудь и голова, какъ бы усопшей, склоненная на ящикъ, у кормы, куда рыбаки кладутъ свои сѣти и рыболовные снаряды. Волосы ея обвивались около шеи и плечъ, какъ крылья черной птицы, полупогрузившейся въ воду съ берега пруда. Лицо ея, съ котораго еще не совсѣмъ сбѣжали краски жизни, какъ бы погружено было въ тихій, безмятежный сонъ. То была красота сверхъестественная, оставляемая послѣднимъ дыханіемъ на лицѣ молодыхъ почившихъ дѣвушекъ, какъ обольстительный лучъ жизни на челѣ, съ котораго она улетаетъ, или какъ первые сумерки безсмертія въ чертахъ, которыя она хочетъ запечатлѣть въ памяти оставшихся въ-живыхъ.

Мы бросились въ лодку, чтобы принять умирающую съ ея пѣнистаго ложа и перенести ее за скалу. Я положилъ руку на ея сердце, какъ положилъ бы ее на мраморъ. Я наклонился къ ея устамъ, какъ наклонился бы къ губкамъ спящаго младенца. Сердце ея билось неправильно, но сильно; замѣтно было теплое дыханіе; я понялъ, что это былъ обморокъ, слѣдствіе страха и холодной воды. Одинъ

изъ лодочниковъ взялъ ее за ноги, я за плечи и голову, которая скатилась на мою грудь. Такъ донесли мы ее, безъ малѣйшаго признака жизни, до маленькаго рыбачьяго домика, подъ скалою *Haute Combe;* хижина эта служила сборнымъ мѣстомъ лодочникамъ, когда они возили любопытныхъ путешественниковъ къ развалинамъ аббатства. Она состояла изъ одной комнаты, узкой, темной, закоптѣвшей отъ дыма; въ ней стоялъ столъ, заваленный хлѣбомъ, сыромъ и бутылками. Деревянная лѣстница вела вверхъ, въ маленькую коморку, освѣщенную слуховымъ окномъ, безъ стеколъ, выходившимъ на озеро. Коморка эта вся была загромождена тремя постелями, которыя затворялись деревянными дверями, на-подобіе глубокихъ шкаповъ. Тутъ помѣщалось семейство рыбака. Мать и ея двѣ молодыя дочери, которымъ мы отдали на попеченіе молодую, лишившуюся чувствъ женщину (сами мы, по чувству скромности, вышли за двери), положили ее на матрацъ, близь камина, развели легкій, пріятный огонь, разшнуровали ее, сняли платье, чтобы его высушить, обтерли члены ея и волосы, съ которыхъ струилась вода; потомъ онѣ отнесли ее, все еще въ обморокѣ, на постель, которую устлали бѣлыми одѣялами, нагрѣтыми горячимъ камнемъ, согласно съ обычаемъ обитателей здѣшнихъ горъ. Тщетно старались хозяйки пропустить въ ея горло нѣсколько капель уксусу и вина, чтобы привести ее въ чувство. Видя, что всѣ старанія ихъ и труды напрасны, онѣ залились слезами, рыданія ихъ заставили насъ снова войти въ комнату.

— Барышня умерла, скончалась! намъ остается только плакать и позвать священника! воскликнули онѣ всхлипывая.

Растерявшіеся лодочники присоединились къ женщинамъ и удвоили только ужасъ этихъ воплей. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, склонился къ постели, слегка освѣщенной послѣднимъ мерцаніемъ дня. Рукою коснулся я чела ея: оно горѣло; примѣтилъ дыханіе: оно было слабо, но правильно и слегка приподнимало грубое, пеньковое одѣяло, покрывавшее ея грудь; я заставилъ женщинъ замолчать, а лодочнику, который былъ помоложе, далъ золотой и велѣлъ скорѣе бѣжать за докторомъ. Мнѣ сказали, что въ двухъ миляхъ отъ *Haute Combe* въ какомъ-то селеніи живетъ докторъ. Другіе усѣлись за столъ, успокоенные тѣмъ, что госпожа ихъ не умерла. Женщины входили и выходили изъ коморки, бѣгали изъ погреба въ курятникъ, готовили ужинъ. Я сидѣлъ на мѣшкѣ маиса, подлѣ постели, у ногъ ея, скрестивъ руки и устремивъ взоры на неподвижное лицо и закрытыя вѣки незнакомки. Настала ночь. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ затворила ставень, повѣсила на стѣну маленькую лампочку: трепетный свѣтъ отъ нея падалъ на покровъ

дѣйствительности не выражался такъ быстро и явственно на ея лицѣ. Удивленіе, томность, упоеніе, покой, грусть и радость, робость и самозабвеніе, прелесть и осторожность, — все разомъ изобразилось въ чертахъ ея, освѣженныхъ пробужденіемъ, украшенныхъ молодостію. Блескъ ея лица освѣщалъ темный альковъ, подобно блеску утра. Въ этомъ лицѣ и въ этомъ молчаніи было болѣе словъ, признаній, откровенности, болѣе безконечнаго, чѣмъ въ милліонахъ словъ. Лицо человѣка есть языкъ глазъ его; а выраженіе лица молодости — это клавиши, по которымъ страсть пробѣгаетъ однимъ взглядомъ. Оно передаетъ изъ души въ душу всю таинственность нѣмой привязанности, которую не можетъ выразить никакой языкъ смертнаго. Мое лицо также говорило о дружбѣ взорамъ, съ жадностію устремленнымъ на меня. Мое платье, еще мокрое, темныя пряди длинныхъ волосъ, которые я безпрестанно перебиралъ ночью пальцами, моя шея, съ развязавшимся галстухомъ, глаза, истомленные бдѣніемъ, цвѣтъ лица блѣдный отъ безсонницы и душевнаго безпокойства, чистое, непорочное одушевленіе, съ которымъ я склонился предъ свѣтлою, страдальческою красотою, волненіе, радость, удивленіе, полу-свѣтъ, царствовавшій въ бѣдной коморкѣ, гдѣ я стоялъ не смѣя пошевелиться, какъ бы для того, чтобы не исчезло очарованіе чуднаго сна, наконецъ первые лучи солнца, входившіе черезъ окно, ослѣплявшіе мои глаза и блестѣвшіе въ капляхъ слезъ, которыхъ я не успѣлъ еще отереть, — все это должно было придать моему лицу такое могущественное выраженіе, такую искреннюю нѣжность, которыхъ она никогда бы не встрѣтила въ продолженіи долгой жизни. Будучи не въ состояніи переносить долѣе всю силу этихъ ощущеній и внутренній трепетъ этого молчанія, я позвалъ женщинъ. Онѣ вошли и не могли удержаться отъ крика удивленія при видѣ неожиданнаго выздоровленія, казавшагося имъ чудомъ. Въ эту самую минуту вошелъ докторъ, за которымъ я посылалъ наканунѣ. Онъ предписалъ ей покой и питье изъ горныхъ травъ, утишающихъ біеніе сердца. Онъ всѣхъ насъ успокоилъ, сказавъ, что эта болѣзнь молодыхъ женщинъ часто проходитъ съ годами, что источникъ ея излишняя чувствительность, которая дѣлаетъ похожею на смерть самый избытокъ жизни, но что она вовсе не смерть, если только внутреннія страданія отъ нравственныхъ причинъ не усилятъ ея и не превратятъ въ привычную меланхолію и въ неизлечимое отвращеніе къ жизни. Въ то время, какъ женщины отправились нарвать въ лугахъ травы, прописанной докторомъ, прачки гладили внизу мокрое платье больной, я вышелъ изъ хижины и направилъ шаги къ развалинамъ стараго аббатства.

XIV.

Я былъ слишкомъ взволнованъ внутренними ощущеніями, и потому мрачныя развалины не могли занять меня. Я удивлялся только тому, что природа быстро водворяется въ опустѣвшихъ мѣстахъ, въ жилищахъ, покинутыхъ людьми, что живая архитектура ея кустарниковъ, пускающихъ корни въ цементъ, ея терновыхъ кустовъ, вьющагося плюща, повисшихъ левкоевъ, ползучихъ растеній, разбрасывающихъ свои густые плащи по разсѣлинамъ стѣнъ, гораздо выше холодной симметріи камней и мертвыхъ украшеній памятниковъ, вышедшихъ изъ-подъ рѣзца человѣка! Подъ рушащимися столбами, въ развалившихся церковныхъ трапезахъ и подъ висящими, разрушенными временемъ сводами старинной пустой церкви аббатства было болѣе солнечнаго свѣта, болѣе благоуханія, гармоническихъ стоновъ вѣтровъ, журчанія водъ, щебетанія птичекъ, звучныхъ отголосковъ озера и лѣсовъ, чѣмъ нѣкогда свѣта отъ свѣчъ, запаха ладона и однообразныхъ напѣвовъ церемоній и процессовъ, днемъ и ночью наполнявшихъ аббатство. Природа великій художникъ, великій поэтъ и великій музыкантъ Всевѣчнаго. Подъ карнизомъ древняго храма, въ гнѣздѣ ласточекъ, гдѣ птенцы зовутъ и привѣтствуютъ своего отца и мать, въ стонахъ морского вѣтра, который, кажется, приноситъ къ пустыннымъ горнымъ обителямъ трепетаніе вѣтрила, стонъ волны и послѣдніе звуки рыбачьей пѣсни, въ благовонныхъ струяхъ, пробѣгающихъ тогда по развалинамъ, въ спадающихъ цвѣтахъ, лепестки которыхъ дождемъ падаютъ на гробницы, въ колыханіи земныхъ покрововъ, облекающихъ стѣны, въ звучномъ, безконечно повторенномъ эхо шаговъ посѣтителя въ подземельи, гдѣ покоятся мертвые, — во всемъ этомъ столько же чувства, столько же безконечныхъ впечатлѣній, сколько нѣкогда представлялъ монастырь, въ своемъ полномъ блескѣ.

XV

Въ эту минуту я не совсѣмъ владѣлъ собою, и потому не могъ отдать себѣ отчета въ этихъ неопредѣленныхъ размышленіяхъ. Я похожъ былъ на человѣка, котораго освободили отъ тяжкой, огромной ноши, и который дышетъ полнымъ дыханіемъ, расправляя свои напряженные мускулы, ходитъ туда и сюда, сознавая свою силу и какъ бы желая истребить все пространство, вдохнуть своими лег-

кими весь небесный воздухъ. Тяжкая ноша, отъ которой я освободился, была — мое собственное сердце. Отдавъ его, мнѣ показалось, что я еще впервые овладѣлъ всею полнотою жизни. Человѣкъ до того созданъ для любви, что онъ признаетъ себя человѣкомъ лишь тогда, когда сознаетъ, что любитъ полною любовью. До тѣхъ поръ онъ ищетъ, безпокоится, колеблется, мысль его блуждаетъ во мракѣ, а съ этой минуты, съ минуты сознанія, онъ останавливается, отдыхаетъ, онъ нашелъ судьбу свою.

Я сѣлъ на испещренную плющемъ стѣну обширной, высокой террасы, возвышавшейся надъ озеромъ, и свѣсилъ ноги надъ глубиною; взоры мои блуждали по свѣтлой безпредѣльности водъ, которыя смѣшивались съ свѣтлою безпредѣльностію неба. Вода и небо до того сливались на горизонтѣ, что я не могъ сказать, гдѣ начиналось небо, гдѣ кончалось озеро. Мнѣ казалось, что самъ я плаваю въ чистомъ эѳирѣ и погружаюсь во всемірный океанъ. Но внутренняя радость, поглощавшая меня, была въ тысячу разъ безпредѣльнѣе, свѣтлѣе и несоизмѣримѣе атмосферы, съ которою я такимъ образомъ сливался. Эту радость, или, скорѣе, эту внутреннюю ясность я не могъ опредѣлить самъ себѣ. То была какъ бы какая-то безграничная тайна, открывшаяся мнѣ не изъ словъ, а ощущеніемъ; то было что́-то похожее на состояніе глаза, когда изъ мрака онъ попадаетъ въ свѣтъ.... То былъ свѣтъ, ослѣпленіе, опьяненіе безъ помраченія разума, спокойствіе безъ изнуренія и неподвижности. Въ такомъ состояніи я прожилъ бы столько тысячь лѣтъ, сколько озеро катитъ свои волны на песчаный берегъ, и время это не показалось бы мнѣ длиннѣе секунды, нужной для вдыханія и выдыханія воздуха. Тутъ, должно быть, прекращается сознаніе теченія времени; то неподвижная мысль въ вѣчности одной минуты!...

XVI.

Это чувствованіе не было во мнѣ точно, опредѣленно, обозначенно. Оно было слишкомъ полно, чтобы его можно было измѣрить, слишкомъ полно, чтобы разложить его мыслью или изслѣдовать размышленіемъ. Я поклонялся не красотѣ созданія, потому-что тѣнь смерти еще разливалась между этою красотою и моими очами; то не была гордость быть ею любимымъ, потому-что я не зналъ что́ я въ ея глазахъ? быть можетъ не болѣе, какъ утренній сонъ; то не была надежда обладать ея прелестями: мое уваженіе къ ней было въ тысячу разъ выше презрѣннаго удовлетворенія чувственности, и я даже мыслью не нисходилъ

до такого желанія; ни тщеславное удовольствіе восторжествовать надъ женщиной: такое холодное тщеславіе всегда было чуждо моей души, и въ этой пустынѣ не было никого, передъ кѣмъ я бы могъ хвалиться этою любовью и тѣмъ самымъ оскорблять ее; ни надежда соединить ея судьбу съ моею: я зналъ, что она принадлежала другому; ни увѣренность видѣться съ нею, ни блаженство повсюду слѣдить за нею, потому-что я былъ также связанъ, какъ и она и черезъ нѣсколько дней мы должны были разлучиться; наконецъ то не была увѣренность быть любимымъ, потому-что сердце ея было для меня тайною: въ движеніяхъ и словахъ ея быть можетъ выражалась только благодарность за спасеніе!

Нѣтъ, то было другое чувство, чувство безкорыстное, чистое, спокойное, дѣвственное; то было спокойствіе, вкушаемое человѣкомъ, когда онъ найдетъ предметъ, къ которому постоянно стремился и никогда не находилъ, — предметъ почитанія мучительнаго, потому-что нѣтъ идола, на который оно было бы обращено, — предметъ почитанія неопредѣленнаго и безпокойнаго, потому-что нѣтъ предмета, готоваго принять его, почитанія, которое влечетъ душу къ какой-то высшей красотѣ до тѣхъ поръ, пока передъ его глазами не мелькнетъ предметъ этого почитанія и душа не прильнетъ къ нему, какъ соломинка къ магниту, или не сольется съ нимъ и не исчезнетъ, какъ дыханіе въ волнахъ воздуха.

И, странное дѣло! я не спѣшилъ опять увидѣть ее, услыхать ея голосъ, приблизиться къ ней, говорить съ нею на свободѣ, съ ней, которая была уже для меня жизнью и мыслью. Я увидѣлъ ее и унесъ съ собой ея образъ; ничто отнынѣ не могло вырвать его изъ моей души: вблизи, вдали, при ней и въ ея отсутствіи, я сохранялъ его въ самомъ себѣ; ко всему остальному я былъ равнодушенъ. Истинная любовь терпѣлива, потому-что она безъусловна и безгранична. Вырвать у меня эту любовь значило вырвать у меня сердце. Я чувствовалъ, что отнынѣ ея образъ сталъ для меня тѣмъ же, чѣмъ становится свѣтъ для глаза, въ который въ первый разъ западаетъ лучь, воздухъ для груди, когда она въ первый разъ его вдыхаетъ, мысль для души, когда она въ ней зародится. Отнынѣ ничто не могло похитить у меня этотъ давно желанный призракъ. Я видѣлъ ее, и этого было довольно; для созерцанья — видѣть значитъ наслаждаться! Для меня было почти все равно, полюбитъ ли она меня, или просто пройдетъ мимо, не замѣтивъ моего существованія. Ея сіяніе упало на меня, и я былъ поглощенъ его лучами. Она не могла отнять у меня этихъ лучей, какъ солнце не можетъ отнять у земли сіянія, которымъ оно ее обливаетъ. Я чувствовалъ, что въ сердцѣ моемъ никогда не будетъ ни мрака, ни холода, хотя бы я

[illegible]

XVII.

[illegible]

Я [illegible] на камни, или на терновые кусты, и не [illegible] ни камней, ни терній, ни край пропастей и не [illegible]. Я произносилъ какія-то неопредѣленныя слова, которыя [illegible] далеко [illegible]. Я не былъ болѣе человѣкомъ [illegible], душою безумною, [illegible], которая [illegible] по краямъ пропасти тѣло, [illegible]. Я не помышлялъ ни о времени, ни о пространствѣ, ни [illegible]. Такъ жизнь любви, забившая во мнѣ ключемъ, пробуждала [illegible], предвкушенное наслажденіе и всю полноту [illegible]!

XVIII.

Я опомнился лишь тогда, когда лучи солнца освѣтили верхъ стѣнъ аббатства. Пробираясь между деревьями, я спустился внизъ, перепрыгивая съ камня на камень, съ одного пня на другой. Сердце мое билось такъ сильно, что грудь готова была разорваться. Приближаясь къ маленькой тавернѣ, я увидѣлъ на отлогомъ лугу, позади домика, большую, сидѣвшую у стѣны, выходившей на югъ: жители этой пустыни привалили къ стѣнѣ нѣсколько камней. Ея бѣлое

…ье блестѣло на солнцѣ, на зелени луга. Копна сѣна бросала тѣнь …я лицо. Она читала маленькую книжку, лежавшую на ея колѣ…ъ. По временамъ она оставляла чтеніе и играла съ дѣтьми, при…вшими ей цвѣты и каштаны. Замѣтивъ меня, молодая женщина …ѣла встать, какъ бы для того, чтобы пойти мнѣ на встрѣчу. Это …жение придало мнѣ смѣлости, и я подошелъ къ ней. Она встрѣтила …я съ краскою на щекахъ и съ трепещущими устами; это не …ылось отъ моихъ взоровъ и удвоило мою собственную робость. …анность нашего положенія до того стѣсняла ее и меня, что мы …го не могли ничего сказать другъ другу. Наконецъ она сдѣлала … знакъ нерѣшительный и едва понятный, чтобы я сѣлъ на коп… близь нея. Мнѣ казалось, что она ждала меня и предназначила … это мѣсто. Я почтительно сѣлъ нѣсколько далѣе. Молчаніе не …шалось. Видно было, что оба мы искали и не могли найти тѣхъ …лыхъ фразъ, которыми мѣняются въ притворномъ разговорѣ, и …орыя служатъ, чтобы скрыть мысль, вмѣсто того, чтобы выра…ь ее; изъ опасенія сказать много или очень мало, мы удерживали …ва, готовыя сорваться съ нашихъ устъ. Мы продолжали молчать, …это молчаніе усиливало только наше смущеніе. Наконецъ взоры …ши, до сихъ поръ опущенные, поднялись въ одно и тоже время и …трѣтились другъ съ другомъ; я увидалъ такую бездну чувства въ … глазахъ, а она, безъ сомнѣнія, столько сдержанныхъ порывовъ, …олько невинности и глубины въ моихъ, что мы уже не могли отве…ихъ другъ отъ друга; слезы въ одно время полились изъ нашихъ …рдецъ, и мы инстинктивно поднесли руки къ лицу, какъ бы для …ого, чтобы закрыть наши мысли.

Не знаю, сколько времени провели мы въ такомъ положеніи. На…онецъ она сказала голосомъ дрожащимъ, въ которомъ впрочемъ …ыражалось нѣсколько принужденія и нетерпѣнія:

— Вы плакали обо мнѣ; я назвала васъ братомъ, вы признали …еня своею сестрою... и мы не смѣемъ говорить другъ съ другомъ? …леза! продолжала она: — безкорыстная слеза незнакомца — о! она …дороже мнѣ жизни, дороже всего, что́ я видѣла въ этой жизни....

Потомъ она прибавила съ легкимъ упрекомъ: — Ужели я стала снова для васъ постороннею, съ тѣхъ поръ, какъ не нуждаюсь въ вашихъ попеченіяхъ? Ахъ, что́ касается до меня, продолжала она съ бо́льшею рѣшимостію и увѣренностію: — то, хотя я знаю только имя ваше и лицо, однако же я знаю и вашу душу; я не могла бы узнать васъ лучше въ цѣлый вѣкъ.

— А я, отвѣчалъ я въ смущеніи: — я ничего не хотѣлъ бы знать изъ того, что́ могло сдѣлать изъ васъ существо, живущее нашею жизнью, привязанное къ печальной землѣ такими же узами,

какими привязаны къ ней и мы, смертные; я знаю лишь то, что вы прошли по этой землѣ, позволили мнѣ взглянуть на васъ издали и всегда вспоминать о васъ!

— О, не обманывайте себя! возразила она: — не ищите во мнѣ призрака, созданнаго вашимъ воображеніемъ: я стала бы невыразимо страдать съ того дня, когда бы обольщеніе ваше разсѣялось! Старайтесь видѣть во мнѣ только то, что дѣйствительно есть во мнѣ: бѣдную женщину, которая угасаетъ въ разочарованіи и одиночествѣ, которая унесетъ съ собою за могилу только состраданіе! Вы согласитесь со мною, когда я вамъ скажу, кто я такая. Но прежде объясните мнѣ то, что́ безпокоитъ меня съ самаго того дня, какъ я увидала васъ въ саду. Почему вы, столь юный и кроткій, почему вы такъ одиноки и печальны? почему вы постоянно избѣгаете сообщества съ вашими хозяевами и блуждаете по уединеннымъ мѣстамъ въ горахъ и по берегамъ озера, или запираетесь въ вашей комнатѣ? Говорятъ, у васъ свѣтъ бываетъ за полночь. Быть можетъ у васъ есть сердечная тайна, которую вы ввѣряете одному уединенію?

Она ожидала моего отвѣта съ видимымъ волненіемъ, опустивъ глаза, чтобы лучше скрыть то впечатлѣніе, которое онъ могъ произвести на нее.

— Вся тайна заключается въ томъ, что у меня нѣтъ тайны; въ томъ, что у меня тяжело на сердцѣ, которое не билось до этой минуты ни отъ какого увлеченія; въ томъ, что я нѣсколько разъ пытался оживить его чувствами какими-то неполными, и всякой разъ они приносили мнѣ лишь горькое отвращеніе, которое меня, столь юнаго и чувствительнаго, на-всегда заставило отказаться отъ любви!

Я разсказалъ ей изъ моей жизни все, что́ могло интересовать ее: о моемъ незнатномъ происхожденіи, объ отцѣ, солдатѣ старыхъ временъ, о матери — женщинѣ, одаренной изящною, воспріимчивою натурою, развитою въ ней съ молодыхъ лѣтъ образованіемъ; о младшихъ моихъ сестрахъ, дѣвушкахъ кроткихъ и наивныхъ; о воспитаніи моемъ среди дѣтей горъ; объ образованіи, которое доставалось мнѣ легко и которому я страстно предавался; о моемъ бездѣйствіи, вслѣдствіе обстоятельствъ; о путешествіяхъ; о первомъ сильномъ біеніи сердца, когда я увидалъ дочь неаполитанскаго рыбака; о дурныхъ связяхъ, по возвращеніи моемъ въ Парижъ; о безпорядочной жизни, о презрѣніи, которое я питалъ самъ къ себѣ за эти постыдныя связи; о желаніи вступить въ военную службу, о томъ, какъ потухъ жаръ этотъ, когда заключенъ былъ миръ въ то самое время, какъ я записывался въ полкъ; о выходѣ моемъ въ отставку; о поѣздкахъ безъ всякой цѣли; о безнадежномъ возвращеніи въ родительскій домъ; о тоскѣ, которая грызла меня, желаніи умереть, разочарованіи

ованіи во всемъ; наконецъ о физическомъ разслабленіи, результатѣ ушевнаго утомленія; о томъ, что подъ волосами, чертами лица и аружной свѣжестью двадцати-четырехъ-лѣтняго молодого челоѣка, крылась преждевременная старость души и охлажденіе ко всему эмному человѣка зрѣлаго, утомленнаго годами.

Разсказывая объ этой зачерствѣлости, отвращеніи и разочароаніи въ жизни, я внутренно наслаждался, потому-что теперь я уже ичего этого не чувствовалъ. Одинъ взглядъ оживлялъ меня совериенно. Я говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ мертвомъ: во мнѣ возаждался новый человѣкъ.

Окончивъ, я поднялъ на нее глаза, какъ на судію; она вся дроала и поблѣднѣла отъ волненія.

— Боже! воскликнула она: — какъ я боялась!

— Чего же? спросилъ я.

— Того, что если бы вы не были несчастны и одиноки здѣсь на эмлѣ, то у меня съ вами было бы одною общею струною менѣе. Въ асъ не пробудилась бы потребность жалѣть о комъ-нибудь, и я понинула бы жизнь, видѣвъ тѣнь души своей лишь въ стеклѣ, гдѣ гражался мой холодный образъ!...

— Исторія вашей жизни, продолжала она: — есть исторія моей обственной жизни, стоитъ только перемѣнить полы и обстоятельтва.... Ваша еще начинается, а моя....

Я не далъ ей окончить.

— Нѣтъ, нѣтъ, произнесъ я глухо, цалуя ея ноги и судорожно бвивая ихъ руками, какъ бы желая удержать ее на землѣ: — нѣтъ, на еще не кончилась; а если ей суждено кончиться, то я чувствую, то вмѣстѣ съ вашей угаснетъ и моя!...

Я затрепеталъ за свое невольное движеніе и вопль, вырвавшійся зъ моей груди; я не смѣлъ поднять лицо съ земли, съ которой она няла свои ноги.

— Встаньте, сказала она голосомъ строгимъ, но безъ негодоваія: — не поклоняйтесь праху, который въ тысячу разъ болѣе прахъ, ежели тотъ прахъ, въ которомъ вы пачкаете ваши прекрасные вопосы: первый развѣется быстрѣе и неосязаемѣе второго при перомъ дыханіи осени! Не заблуждайтесь насчетъ бѣднаго созданія, тоящаго передъ вашими глазами: оно не болѣе, какъ тѣнь молодоти, тѣнь красоты, тѣнь любви, которую вамъ суждено быть моетъ нѣкогда ощутить въ себѣ и внушить другой, тогда-какъ тѣнь эта уже давно исчезнетъ. Сохраните сердце ваше для тѣхъ, кто долкенъ жить, и подайте смерти лишь то, что̀ подаютъ умирающимъ — зротяните кроткую руку, чтобы поддержать ихъ при послѣднихъ шагахъ ихъ жизни, посвятите имъ слезу, чтобы ихъ оплакать!...

Ея важный, обдуманный тонъ, которымъ произнесла она эти слова, потрясъ меня до глубины сердца. Однако же, поднявъ на нее глаза, увидавъ отблескъ заходящаго солнца, озарившаго ея лицо, на которомъ юность и ясное выраженіе разцвѣтали все болѣе и болѣе, какъ-будто въ сердцѣ ея зажглось новое солнце, я не могъ повѣрить, чтобы подъ этими блестящими признаками жизни скрывалась смерть. Да и что мнѣ, если это чудесное видѣніе дѣйствительно было уже смерть? чтожь! я поклонялся смерти! Быть можетъ, конечная, полная любовь, которой я жаждалъ, заключалась тутъ? Быть можетъ Богу угодно было показать мнѣ свѣтило, которое угаснуть на землѣ, лишь для того, чтобы я послѣдовалъ за нимъ въ могилу, на небо?...

— Оставьте мечты и выслушайте меня.

Она сказала это не тономъ любовницы, придающей важность своему голосу, а какъ сказала бы мать, еще молодая, сыну, или старшая сестра брату, когда онѣ хотятъ дать совѣтъ одна — сыну, другая — брату.

— Я не хочу, продолжала она: — чтобы вы привязались къ призраку, къ иллюзіи или къ сновидѣнію; я хочу, чтобы вы знали, кому такъ отважно предлагаете свою душу, которую я могла бы удержать только обманомъ. Ложь всегда была для меня ненавистна и до того невозможна, что я не пожелала бы даже небеснаго блаженства, если бы для достиженія его нужна была ложь, обманъ. Украденное счастіе для меня не было бы счастіемъ: оно обратилось бы въ угрызенія совѣсти.

Когда она говорила, то на устахъ ея было столько строгой искренности, въ голосѣ столько чистосердечія, въ очахъ столько ясности, что она казалась мнѣ безсмертною истиной въ этихъ дѣвственныхъ формахъ, сидящею передъ солнцемъ, открывающей слуху свой голосъ, очамъ свой взглядъ, сердцу свою душу.

Я прилегъ на копну, у ея ногъ, опершись локтемъ на землю, положивъ голову на правую руку, и устремилъ глаза на ея уста, чтобы не потерять малѣйшаго ихъ измѣненія, движенія, вздоха.

XIX.

«Я родилась — начала она — близь отчизны Виргиніи (воображеніе поэта создало родину своей мечтѣ), на одномъ изъ тропическихъ острововъ. Это видно по цвѣту моихъ волосъ, по цвѣту кожи, которая блѣднѣе, нежели кожа европейскихъ женщинъ, по моему произношенію, отъ котораго никакъ не могла избавиться. Впро-

емъ, въ сущности я люблю свой выговоръ, потому-что это един-
ственное воспоминаніе, оставшееся мнѣ отъ моего дѣтства. Онъ на-
оминаетъ мнѣ какую-то жалобную пѣснь, которую поетъ морской
вѣтерокъ, въ жаркіе часы, подъ кокосовыми деревьями. Въ особен-
ности же можно узнать о моемъ происхожденіи по неисправимой лѣ-
ности моихъ движеній и походки, нисколько не походящей на жи-
вость француженки, и показывающей въ душѣ креолки безпечность
свойство, немножко дикое, по которому она не способна притво-
ряться или скрывать что-нибудь.

«Имя нашей фамиліи д'***, меня зовутъ Юліей. Мать моя по-
гибла въ морѣ, во время своего бѣгства на шлюпкѣ изъ Санъ-До-
минго, въ эпоху умерщвленія бѣлыхъ. Волна выбросила меня на бе-
регъ, гдѣ была я найдена и вскормлена негритянкою, которая, спу-
стя нѣсколько лѣтъ, возвратила меня отцу. Ограбленный, изгнан-
ный, больной, мой отецъ отвезъ меня во Францію, на шестомъ году
моей жизни, вмѣстѣ съ старшею моею сестрой. Вскорѣ онъ умеръ у
моихъ бѣдныхъ родственниковъ въ Бретани, которые приняли насъ
къ себѣ. Здѣсь получила я воспитаніе отъ второй моей матери, дан-
ной мнѣ изгнаніемъ. Когда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, то-
гда правительство взялось позаботиться о судьбѣ моей, какъ о сиро-
тѣ, оставшейся послѣ креола, оказавшаго многія услуги своему оте-
честву. Я была воспитана во всемъ блескѣ роскоши и окружена
вниманіемъ особъ, заботившихся о роскошныхъ заведеніяхъ, куда
государство принимаетъ дѣтей гражданъ, умершихъ за отчизну. Я
выросла, во мнѣ рано развились таланты и, какъ говорили, красо-
та — даръ тягостный и печальный, который былъ только цвѣтокъ
тропическаго растенія, распускающійся на нѣсколько дней подъ
чуждымъ ему небомъ. Однако же красота эта и безполезные талан-
ты не радовали ни чьихъ взоровъ, ни одного сердца за оградою,
гдѣ я была заключена. Подруги мои, съ которыми у меня завязалась
дѣтская дружба, переходящая какъ бы въ родство сердца, или воз-
вращались одна за другою къ матерямъ своимъ, или выходили за-
мужъ и уѣзжали. У меня не было матери; ни одна изъ родственницъ
меня не посѣщала; изъ молодыхъ людей никто не слыхалъ въ обще-
ствахъ даже имени моего, поэтому никто и не сватался за меня. Я
грустила по отъѣздѣ пріятельницъ; грустила о томъ, что покинута
всѣмъ свѣтомъ и обречена на вѣчное вдовство сердца, хотя оно еще
не любило. Часто я плакала тайкомъ, внутренно укоряла негритянку
за то, что она не допустила погребсти меня волнамъ моей первой
родины, которыя не такъ жестоки, какъ волны свѣта, куда я была
брошена.

какими привязаны къ ней и мы, смертные; я знаю лишь то, что вы прошли по этой землѣ, позволили мнѣ взглянуть на васъ издали и всегда вспоминать о васъ!

— О, не обманывайте себя! возразила она: — не ищите во мнѣ призрака, созданнаго вашимъ воображеніемъ: я стала бы невыразимо страдать съ того дня, когда бы обольщеніе ваше разсѣялось! Старайтесь видѣть во мнѣ только то, что дѣйствительно есть во мнѣ: бѣдную женщину, которая угасаетъ въ разочарованіи и одиночествѣ, которая унесетъ съ собою за могилу только состраданіе! Вы согласитесь со мною, когда я вамъ скажу, кто я такая. Но прежде объясните мнѣ то, что безпокоитъ меня съ самаго того дня, как я увидала васъ въ саду. Почему вы, столь юный и кроткій, почему вы такъ одиноки и печальны? почему вы постоянно избѣгаете сообщества съ вашими хозяевами и блуждаете по уединеннымъ мѣстамъ в горахъ и по берегамъ озера, или запираетесь въ вашей комнатѣ? Говорятъ, у васъ свѣтъ бываетъ за полночь. Быть можетъ у васъ есть сердечная тайна, которую вы ввѣряете одному уединенію?

Она ожидала моего отвѣта съ видимымъ волненіемъ, опустивъ глаза, чтобы лучше скрыть то впечатлѣніе, которое онъ могъ произвести на нее.

— Вся тайна заключается въ томъ, что у меня нѣтъ тайны; въ томъ, что у меня тяжело на сердцѣ, которое не билось до этой минуты ни отъ какого увлеченія; въ томъ, что я нѣсколько разъ пытался оживить его чувствами какими-то неполными, и всякой разъ они приносили мнѣ лишь горькое отвращеніе, которое меня, столь юнаго и чувствительнаго, на-всегда заставило отказаться отъ любви!

Я разсказалъ ей изъ моей жизни все, что могло интересовать ее: о моемъ незнатномъ происхожденіи, объ отцѣ, солдатѣ старыхъ временъ, о матери — женщинѣ, одаренной изящною, воспріимчивою натурою, развитою въ ней съ молодыхъ лѣтъ образованіемъ; о младшихъ моихъ сестрахъ, дѣвушкахъ кроткихъ и наивныхъ; о воспитаніи моемъ среди дѣтей горъ; объ образованіи, которое доставалось мнѣ легко и которому я страстно предавался; о моемъ бездѣйствіи, вслѣдствіе обстоятельствъ; о путешествіяхъ; о первомъ сильномъ біеніи сердца, когда я увидалъ дочь неаполитанскаго рыбака; о дурныхъ связяхъ, по возвращеніи моемъ въ Парижъ; о безпорядочной жизни, о презрѣніи, которое я питалъ самъ къ себѣ за эти постыдныя связи; о желаніи вступить въ военную службу, о томъ, какъ потухъ жаръ этотъ, когда заключенъ былъ миръ въ то самое время, какъ я записывался въ полкъ; о выходѣ моемъ въ отставку; о поѣздкахъ безъ всякой цѣли; о безнадежномъ возвращеніи въ родительскій домъ; о тоскѣ, которая грызла меня, желаніи умереть, разоча-

ованіи во всемъ; наконецъ о физическомъ разслабленіи, результатѣ ушевнаго утомленія; о томъ, что подъ волосами, чертами лица и аружной свѣжестью двадцати-четырехъ-лѣтняго молодого челоѣка, крылась преждевременная старость души и охлажденіе ко всему емному человѣка зрѣлаго, утомленнаго годами.

Разсказывая объ этой зачерствѣлости, отвращеніи и разочарованіи въ жизни, я внутренно наслаждался, потому-что теперь я уже ничего этого не чувствовалъ. Одинъ взглядъ оживлялъ меня совершенно. Я говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ мертвомъ: во мнѣ возаждался новый человѣкъ.

Окончивъ, я поднялъ на нее глаза, какъ на судію; она вся дрожала и поблѣднѣла отъ волненія.

— Боже! воскликнула она: — какъ я боялась!

— Чего же? спросилъ я.

— Того, что если бы вы не были несчастны и одиноки здѣсь на землѣ, то у меня съ вами было бы одною общею струною менѣе. Въ асъ не пробудилась бы потребность жалѣть о комъ-нибудь, и я поинула бы жизнь, видѣвъ тѣнь души своей лишь въ стеклѣ, гдѣ гражался мой холодный образъ!...

— Исторія вашей жизни, продолжала она: — есть исторія моей обственной жизни, стоитъ только перемѣнить полы и обстоятельтва.... Ваша еще начинается, а моя....

Я не далъ ей окончить.

— Нѣтъ, нѣтъ, произнесъ я глухо, цалуя ея ноги и судорожно обвивая ихъ руками, какъ бы желая удержать ее на землѣ: — нѣтъ, на еще не кончилась; а если ей суждено кончиться, то я чувствую, что вмѣстѣ съ вашей угаснетъ и моя!...

Я затрепеталъ за свое невольное движеніе и вопль, вырвавшійся изъ моей груди; я не смѣлъ поднять лицо съ земли, съ которой она няла свои ноги.

— Встаньте, сказала она голосомъ строгимъ, но безъ негодованія: — не поклоняйтесь праху, который въ тысячу разъ болѣе прахъ, нежели тотъ прахъ, въ которомъ вы пачкаете ваши прекрасные волосы: первый развѣется быстрѣе и неосязаемѣе второго при перомъ дыханіи осени! Не заблуждайтесь насчетъ бѣднаго созданія, стоящаго передъ вашими глазами: оно не болѣе, какъ тѣнь молодости, тѣнь красоты, тѣнь любви, которую вамъ суждено быть можетъ нѣкогда ощутить въ себѣ и внушить другой, тогда-какъ тѣнь эта уже давно исчезнетъ. Сохраните сердце ваше для тѣхъ, кто долженъ жить, и подайте смерти лишь то, что́ подаютъ умирающимъ — протяните кроткую руку, чтобы поддержать ихъ при послѣднихъ шагахъ ихъ жизни, посвятите имъ слезу, чтобы ихъ оплакать!...

Ея важный, обдуманный тонъ, которымъ произнесла она эти слова, потрясъ меня до глубины сердца. Однако же, поднявъ на нее глаза, увидавъ отблескъ заходящаго солнца, озарившаго ея лицо, на которомъ юность и ясное выраженіе разцвѣтали все болѣе и болѣе, какъ-будто въ сердцѣ ея зажглось новое солнце, я не могъ повѣрить, чтобы подъ этими блестящими признаками жизни скрылась смерть. Да и что́ мнѣ, если это чудесное видѣніе дѣйствительно было уже смерть? что́жь! я поклонялся смерти! Быть можетъ бесконечная, полная любовь, которой я жаждалъ, заключалась тутъ? Быть можетъ Богу угодно было показать мнѣ свѣтило, новое угаснуть на землѣ, лишь для того, чтобы я послѣдовалъ за нимъ въ могилу, на небо?...

— Оставьте мечты и выслушайте меня.

Она сказала это не тономъ любовницы, придающей важность своему голосу, а какъ сказала бы мать, еще молодая, сыну, или старшая сестра брату, когда онѣ хотятъ дать совѣтъ одна — сыну, другая — брату.

— Я не хочу, продолжала она: — чтобы вы привязались къ призраку, къ иллюзіи или къ сновидѣнію; я хочу, чтобы вы знали, кому такъ отважно предлагаете свою душу, которую я могла бы удержать только обманомъ. Ложь всегда была для меня ненавистна и до того невозможна, что я не пожелала бы даже небеснаго блаженства, если бы для достиженія его нужна была ложь, обманъ. Украденное счастіе для меня не было бы счастіемъ: оно обратилось бы въ угрызенія совѣсти.

Когда она говорила, то на устахъ ея было столько строгой искренности, въ голосѣ столько чистосердечія, въ очахъ столько ясности, что она казалась мнѣ безсмертною истиной въ этихъ дѣвственныхъ формахъ, сидящею передъ солнцемъ, открывающей слуху свой голосъ, очамъ свой взглядъ, сердцу свою душу.

Я прилегъ на копну, у ея ногъ, опершись локтемъ на землю, положивъ голову на правую руку, и устремилъ глаза на ея уста, чтобы не потерять малѣйшаго ихъ измѣненія, движенія, вздоха.

XIX.

«Я родилась — начала она — близь отчизны Виргиніи (воображеніе поэта создало родину своей мечтѣ), на одномъ изъ тропическихъ острововъ. Это видно по цвѣту моихъ волосъ, по цвѣту кожи, которая блѣднѣе, нежели кожа европейскихъ женщинъ, по моему произношенію, отъ котораго никакъ не могла избавиться. Впро-

емъ, въ сущности я люблю свой выговоръ, потому-что это единтвенное воспоминаніе, оставшееся мнѣ отъ моего дѣтства. Онъ напоминаетъ мнѣ какую-то жалобную пѣснь, которую поетъ морской ѣтерокъ, въ жаркіе часы, подъ кокосовыми деревьями. Въ особенности же можно узнать о моемъ происхожденіи по неисправимой лѣости моихъ движеній и походки, нисколько не походящей на живость француженки, и показывающей въ душѣ креолки безпечность свойство, немножко дикое, по которому она не способна притвоиться или скрывать что-нибудь.

«Имя нашей фамиліи д'***, меня зовутъ Юліей. Мать моя поибла въ морѣ, во время своего бѣгства на шлюпкѣ изъ Санъ-Доинго, въ эпоху умерщвленія бѣлыхъ. Волна выбросила меня на бегъ, гдѣ была я найдена и вскормлена негритянкою, которая, спутя нѣсколько лѣтъ, возвратила меня отцу. Ограбленный, изгнаный, больной, мой отецъ отвезъ меня во Францію, на шестомъ году оей жизни, вмѣстѣ съ старшею моею сестрой. Вскорѣ онъ умеръ у оихъ бѣдныхъ родственниковъ въ Бретани, которые приняли насъ ъ себѣ. Здѣсь получила я воспитаніе отъ второй моей матери, данои мнѣ изгнаніемъ. Когда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, тоа правительство взялось позаботиться о судьбѣ моей, какъ о сироѣ, оставшейся послѣ креола, оказавшаго многія услуги своему отеству. Я была воспитана во всемъ блескѣ роскоши и окружена маніемъ особъ, заботившихся о роскошныхъ заведеніяхъ, куда сударство принимаетъ дѣтей гражданъ, умершихъ за отчизну. Я росла, во мнѣ рано развились таланты и, какъ говорили, красо— даръ тягостный и печальный, который былъ только цвѣтокъ опическаго растенія, распускающійся на нѣсколько дней подъ ждымъ ему небомъ. Однако же красота эта и безполезные талани не радовали ни чьихъ взоровъ, ни одного сердца за оградою, ѣ я была заключена. Подруги мои, съ которыми у меня завязалась тская дружба, переходящая какъ бы въ родство сердца, или возащались одна за другую къ матерямъ своимъ, или выходили зажъ и уѣзжали. У меня не было матери; ни одна изъ родственницъ ня не посѣщала; изъ молодыхъ людей никто не слыхалъ въ общевахъ даже имени моего, поэтому никто и не сватался за меня. Я устила по отъѣздѣ пріятельницъ; грустила о томъ, что покинута ѣмъ свѣтомъ и обречена на вѣчное вдовство сердца, хотя оно еще любило. Часто я плакала тайкомъ, внутренно укоряла негритянку то, что она не допустила погребсти меня волнамъ моей первой дины, которыя не такъ жестоки, какъ волны свѣта, куда я была рошена.

«Одинъ человѣкъ, знаменитый и пожилой, время отъ времени пріѣзжалъ отъ имени императора осматривать домъ народнаго образованія и освѣдомляться объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ воспитанницами въ наукахъ и художествахъ, преподаваемыхъ знаменитѣйшими учителями столицы; меня часто представляли ему, какъ совершеннѣйшій образецъ воспитанія, даваемаго сиротамъ. Онъ съ самого дѣтства оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе.

— Какъ я сожалѣю, говорилъ онъ иногда довольно громко, что я это слышала: — что у меня нѣтъ сына!

«Однажды меня позвали въ комнаты начальницы. Я [illegible] тамъ знаменитаго старца, который дожидался меня. Казалось, [illegible] время онъ былъ также робокъ, какъ и я.

— Года бѣгутъ для всѣхъ, сказалъ онъ наконецъ: — у васъ [illegible] еще много, у меня — мало! Сегодня вамъ семнадцать лѣтъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ вы должны оставить это заведеніе и вступить въ свѣтъ. Но свѣтъ, — для васъ нѣтъ свѣта, который бы васъ принялъ. У васъ нѣтъ ни родины, ни отеческаго крова, ни имѣнья, ни родныхъ во Франціи. Земля, въ которой вы родились, находится во власти черныхъ. Невозможность независимаго существованія и неимѣніе покровительства страшатъ меня за васъ, дитя мое. Для молодой дѣвушки жизнь, достающаяся ей трудами рукъ, исполнена слезъ и огорченій. Пріютъ подъ кровомъ одной изъ подругъ — невыноженъ и оскорбителенъ для собственнаго достоинства. Необыкновенная красота, которою одарила васъ природа, есть блескъ, обнаруживающій мрачную судьбу, и привлекающій порокъ, какъ блескъ золота привлекаетъ воровство. Гдѣ надѣетесь вы укрыться отъ этихъ огорченій или опасностей жизни?

— Рѣшительно не знаю, отвѣчала я: — одинъ Богъ или смерть могутъ спасти меня отъ такой судьбы.

— О, возразилъ онъ съ улыбкою печальной и нерѣшительной: — есть другое спасеніе, о которомъ я и думалъ, но которое почти не смѣю предложить вамъ.

— Скажите, перебила я; — вы уже нѣсколько лѣтъ постоянно смотрѣли на меня и говорили, какъ отецъ; повинуясь вамъ, я могу думать, что повинуюсь моему батюшкѣ.

— Отецъ! о, тысячу разъ счастливъ тотъ, у кого была бы дочь такая, какъ вы! Простите меня за то, что мнѣ приходили иногда такія мечты. Выслушайте меня, сказалъ онъ тогда голосомъ болѣе серьёзнымъ и нѣжнымъ: — и отвѣчайте съ полною свободою, совершенно согласно съ вашимъ сердцемъ.

— Я приближаюсь къ послѣднимъ годамъ жизни; могила скоро откроется передо мною; у меня нѣтъ родственниковъ, которымъ

ы оставить свое наслѣдство, скромный блескъ имени и состо- юставшіеся мнѣ трудами. До сихъ поръ я жилъ одинъ, зани- иственно науками, которыя извели и прославили мою жизнь. лижаюсь къ кончинѣ и съ грустію вижу, что не начиналъ еще потому-что не думалъ о любви. Теперь уже поздно, поздно о пути счастія, вмѣсто пути славы, который я, по несчастію, ъ; однако же мнѣ не хотѣлось бы умереть, не оставивъ по се- долженія нашего существованія въ существованіи другого, не въ того, что называютъ чувствомъ! Чувство, котораго я же- е болѣе, какъ немного благодарности. И эту благодарность тѣлось бы оставить въ вашемъ сердцѣ. Но для этого, прибавъ съ бо́льшею робостію: — необходимо, чтобы у васъ доста- одости принять, въ глазахъ свѣта и единственно для свѣта, ку, привязанность старика, который былъ бы для васъ толь- омъ, подъ именемъ супруга, и который подъ этимъ именемъ овалъ бы лишь права принять васъ въ свой домъ и лелѣять къ свое дѣтище!

ъ замолчалъ и удалился, отказавшись тотчасъ же получить ; а отвѣтъ былъ уже на моихъ губахъ. Онъ былъ единствен- ловѣкъ изъ всѣхъ посѣтителей дома, оказывавшій мнѣ распо- е вовсе не похожее на чувство плоскаго, почти наглаго удивле- торое высказывается во взглядахъ и восклицаніяхъ, и кото- лько же обида, сколько и долгъ почтенія невинности и скром- Любви я не знала; я ощущала въ себѣ лишь одну пустоту се- привязанности, и мнѣ казалось сладко найти такую привязан- юдлѣ отца, такъ великодушно предлагавшаго мнѣ мѣсто въ сердцѣ и я видѣла въ этомъ убѣжище честное и вѣрное про- сѣхъ опасностей жизни, куда я была бы брошена черезъ нѣ- о мѣсяцовъ; находила имя, которое распространило бы очаро- а женщину, для которой оно сдѣлалось бы діадемой; волосы но убѣленые славою, ежедневно молодящею своихъ любим- лѣта, которыми онъ былъ старѣе меня почти въ пять разъ, рты ясныя и величественныя, внушавшія уваженіе ко време- ъ непріятной дряхлости; наконецъ лицо къ которому геній и — эти двѣ красоты возраста — привлекали взоры и сердца

. . . .

день., когда я должна была навсегда покинуть сиротскій ин- ь, я отправилась не какъ жена, а какъ дочь въ домъ моего му- ъ называлъ его свѣтъ, онъ же самъ не велѣлъ мнѣ называть аче, какъ отцомъ. Онъ окружилъ меня уваженіемъ, отече- обовью, заботливостію. Я была лучезарнымъ центромъ, ко-

торый окруженъ былъ лестью многочисленнаго, избраннаго общества, составленнаго изъ стариковъ, прославившихся въ литературѣ, философіи и политикѣ, стариковъ, составлявшихъ блескъ послѣдняго столѣтія и избѣгнувшихъ сѣкиры революціи. Мужъ мой выбралъ мнѣ подругъ и путеводительницъ изъ женщинъ славныхъ въ ту эпоху своими качествами и талантами. Онъ самъ поощрялъ меня къ привязанности сердца или ума, которыя могли разсѣять и разнообразить мою монотонную жизнь въ домѣ старика. Не будучи строго ревнивъ къ моимъ отношеніямъ, онъ съ милымъ вниманіемъ отъискивалъ людей замѣчательныхъ, сообщество которыхъ могло имѣть для меня прелесть. Онъ былъ бы счастливъ, если бы я отличила кого-нибудь въ толпѣ и вслѣдъ за мною самъ бы отличилъ того человѣка. Я была кумиромъ цѣлаго дома; это-то самое быть можетъ и спасло меня отъ чувства любви. Я была слишкомъ счастлива, слишкомъ окружена попеченіемъ, чтобы заниматься сердцемъ; къ тому же въ отношеніяхъ моихъ къ мужу было столько нѣжной родственности, хотя нѣжность его ограничивалась лишь тѣмъ, что онъ прижималъ меня иногда къ своему сердцу и цаловалъ меня въ лобъ, отводя рукою мои волосы. Я бы боялась испортить что-нибудь въ своемъ счастіи, еслибъ мнѣ пришлось тронуть его, тронуть лишь для того, чтобы пополнить его. Однако же мужъ мой, шутя, укорялъ меня иногда въ холодности; онъ говорилъ мнѣ, что чѣмъ болѣе я счастлива, тѣмъ болѣе счастливъ и онъ моимъ счастіемъ.

«Одинъ только разъ я думала, что люблю и любима. Человѣкъ съ именемъ, прославленный геніемъ, пользовавшійся особенными высокими милостями главы правительства, обольстительный по окружавшей его славѣ, и лицомъ, хотя онъ уже перешелъ за границы зрѣлаго возраста, казалось, привязался ко мнѣ со всею силою, которая обманула меня. Я была упоена не гордостію, а благодарностію, удивленіемъ. Нѣсколько времени я любила его, или, лучше сказать, любила иллюзію, которую создала сама себѣ подъ его именемъ. Я готова была уступить чувству, которое считала за страстную нѣжность души и которое было въ немъ не болѣе, какъ чувственный бредъ. Любовь его сдѣлалась для меня ненавистна, когда я узнала ея источникъ; я устыдилась своего заблужденія, пришла въ себя и болѣе чѣмъ когда-либо заперлась въ однообразіи холоднаго счастія.

«Утромъ я много училась и съ увлеченіемъ предавалась чтенію въ библіотекѣ моего мужа: я любила служить ему ученицей; днемъ уединенныя прогулки съ нимъ по обширнымъ лѣсамъ Сенъ-Клу и Мёдонскому; вечеромъ собирался у насъ небольшой кругъ друзей, по большой части пожилыхъ и важныхъ, съ свободною откровенно-

гію разговаривавшихъ о разныхъ предметахъ. Всѣ эти сердца холодныя, но снисходительныя, чувствовали неодолимое влеченіе къ моей молодости, влеченіе, по которому изъ сердца старика исходитъ чувство, подобно тому, какъ вода выбѣгаетъ изъ вершинъ покрытыхъ снѣгомъ. И вотъ вся жизнь моя: молодость, утонувшая подъ этимъ снѣгомъ бѣлокурыхъ волосъ; теплая атмосфера дыханія старичковъ, которая охраняла меня и все-таки наконецъ изнурила! Разница между ихъ душами и моею была слишкомъ велика. О, что дала бы я за друга или подругу моихъ лѣтъ, чтобы этимъ прикосновеніемъ отогрѣть свои мысли, которыя во мнѣ замерзали, какъ утренняя роса на растеніи, цвѣтущемъ близь горныхъ льдовъ!

«Часто мужъ смотрѣлъ на меня съ глубокою печалью: его, кажется, тревожило изнеможеніе моего голоса, блѣдность лица. Какою бы то ни было цѣною, онъ хотѣлъ бы освѣжить мою душу, заставить биться сердце. Онъ безпрестанно предлагалъ мнѣ пріятныя разсѣянія, которыя могли бы вывесть меня изъ меланхоліи; поручалъ меня свѣтскимъ женщинамъ, съ нѣжностію принуждалъ меня показываться на праздникахъ, балахъ и въ театрахъ. Полный блескъ юности и моей красоты могъ вселить во мнѣ самой радость и гордость отъ очарованія, которое я разливала вокругъ себя. По-утру онъ приходилъ въ мою комнату, когда я просыпалась, заставлялъ меня разсказывать о впечатлѣніи, произведенномъ мною, о взглядахъ, которые я привлекала на себя, даже о сердцахъ, которыя тронула.

— А вы, говорилъ онъ мнѣ съ нѣжнымъ любопытствомъ:—развѣ вы сами нисколько не чувствуете того, что внушаете другимъ? Ужели ваше сердце въ двадцать лѣтъ также старо, какъ и мое? О, какъ бы я желалъ, чтобы изъ среды этихъ поклонниковъ вы избрали человѣка съ душой возвышенной, который бы со временемъ совершилъ ваше счастіе своею чистою любовью и который бы послѣ меня окружалъ васъ такою же нѣжностію, какою я окружаю васъ, только бы эта нѣжность была молода и живительна!

— Мнѣ довольно вашей дружбы, отвѣчала я: — я не страдаю, ни о чемъ не мечтаю, я счастлива.

— Такъ, возражалъ онъ: — однако же вы въ двадцать лѣтъ уже старѣетесь! Вспомните, что вамъ суждено закрыть мои глаза! Молодѣйте же, любите, живите, какою бы то ни было цѣною: я не хочу пережить васъ!

Онъ призывалъ доктора за докторомъ; измучивъ меня распросами, всѣ они рѣшили, что мнѣ угрожаютъ спазмы въ сердцѣ. Во мнѣ открылись уже первые признаки этой болѣзни. Они говорили, что мнѣ необходимо сильное потрясеніе, совершенное измѣненіе привычей жизни, перемѣна воздуха и климата, для того, чтобы возвра-

тить моей восточной организаціи, охлажденной парижскими туманами, ея подвижность и энергію, которыя однѣ могутъ возстановить мои силы. Мой мужъ, не колеблясь ни минуты, отказался отъ удовольствія быть со мною, въ надеждѣ увидѣть меня снова здоровою. Будучи не въ состояніи ѣхать со мною, какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по должности своей, онъ ввѣрилъ меня одному семейству, которое отправлялось путешествовать по Италіи и Швейцаріи съ двумя дочерьми, одинакихъ почти лѣтъ со мною. Съ этимъ семействомъ я ѣздила два года; видѣла горы и моря, напомнившія мнѣ мое дѣтство; вдыхала въ себя теплый и живительный воздухъ горъ и ледниковъ: ничто не могло оживить увядшую молодость моего сердца, хотя наружность моя еще хранила на себѣ ея обманчивые слѣды. Женевскіе доктора послали меня сюда, желая испытать это послѣднее средство. Они приказали мнѣ жить здѣсь, пока не угаснетъ послѣдній лучъ солнца на осеннемъ небѣ; потомъ я должна возвратиться къ мужу. Увы! какъ бы я хотѣла, чтобы онъ увидѣлъ свою дочь здоровою, помолодѣвшею, съ пробудившимися, свѣтлыми надеждами на будущее! Но я чувствую, что возвращусь къ нему лишь для того, чтобы опечалить его послѣдніе дни и быть можетъ угаснуть на его рукахъ! Но теперь все равно, продолжала она съ покорностію судьбѣ, въ которой слышалась почти радость: – теперь я разстанусь съ землею, увидавъ наконецъ столь давно желаннаго брата, — брата моей души, о которомъ я до сей поры мечтала по болѣзненному инстинкту, и котораго образъ, взятый мною за идеалъ, заранѣе разочаровалъ меня во всѣхъ живыхъ существахъ! Да! сказала она, кончая свой разсказъ и, закрывая глаза своими длинными, розовыми пальцами, между которыми пробились двѣ-три слезы: — сновидѣніе, которое являлось мнѣ каждую ночь, воплотилось въ васъ сегодня, при моемъ пробужденіи!... О, если бы я еще могла жить! Да, теперь я желала бы жить цѣлыя столѣтія, чтобы продлить ощущенія отъ взора вашихъ очей, плакавшихъ надо мною, когда вы, сложивъ руки, молились обо мнѣ, отъ этой души, которая сжалилась надо мною, отъ этого голоса, прибавила она, устремивъ глаза къ небу: отъ голоса, назвавшаго меня сестрой!... голоса, который не отниметъ у меня этого сладкаго имени, продолжала она, устремивъ на меня нѣжные, боязливые взоры: — не отнимутъ ни при жизни моей, ни послѣ смерти?!...

. . . .

XX.

Голова моя закружилась отъ блаженства: я припалъ къ ея ногамъ, льнулъ къ нимъ устами и не могъ произнести ни одного слова. услыхалъ шаги лодочниковъ, которые шли извѣстить насъ, что ·ро успокоилось, и что мы еще до-ночи успѣемъ достичь савойскаго берега. Мы встали и послѣдовали за ними. Я и моя спутница, мы и неровными шагами, какъ-бы въ опьяненіи! О, кто въ состоя- описать то, что́ я испытывалъ, чувствуя тяжесть ея тѣла, гибо, ослабѣвшаго отъ страданія, когда она изящно опиралась на ія, какъ-бы невольно чувствуя сама и давая мнѣ чувствовать, отнынѣ я буду одинъ поддерживать ея слабость, буду единенымъ свидѣтелемъ ея изнеможенія и единственною опорою ея землѣ, которую она готова покинуть! Прошло двадцать лѣтъ съ къ поръ, а я еще слышу шелестъ сухихъ листьевъ, хрустѣвшихъ дъ нашими ногами; вижу наши длинныя тѣни, сливавшіяся въ зу, падавшія влѣво на зелень виноградника, какъ подвижный саванъ, который преслѣдовалъ молодость и любовь, чтобы преждевременно погребсти ихъ! Я еще чувствую отрадную теплоту отъ ея еча, прижимавшагося къ моему сердцу, и прикосновеніе прядя ея юсъ, отброшенныхъ вѣтромъ на мое лицо, которую мои уста стались удержать, чтобы успѣть поцаловать ее. О, время! сколько конечныхъ душевныхъ наслажденій ты поглощаешь въ одну ниту! или скорѣе не можешь уничтожить, не можешь заставить поыть!

XXI.

Вечеръ былъ также тихъ и тепелъ, какъ вчерашній буренъ и хоенъ на водѣ. Горы плавали въ легкомъ лиловомъ свѣтѣ, отъ коаго онѣ казались громаднѣе и уходили вдаль, сливаясь съ нимъ. ьзя было распознать, были ли то горы, или гигантскія тѣни, возныя и прозрачныя, сквозь которыя видѣлось жаркое небо Ита- Небесный сводъ былъ покрытъ маленькими пурпуровыми обками, похожими на окровавленныя перья, летящія изъ крыльевъ дя, терзаемаго орлами. Къ вечеру вѣтеръ спалъ совершенно. Эпавшія перламутровыя волны плескали легкою пѣною о подноскалъ, съ которыхъ висѣли увлаженные листья фиговыхъ де-. Рѣдкія струйки дыма, вылетавшія изъ горныхъ хижинъ, разанныхъ по скату Кошачьей горы, мелькали тамъ-и-сямъ и вол-

нимались кверху; а водопады устремлялись въ овраги какъ пѣнный, водяной дымъ. Волны озера были до того прозрачны, что наклонившись изъ лодки, мы могли въ нихъ видѣть тѣнь отъ веселъ и наши лица; онѣ были такъ теплы, что когда мы опускали концы пальцевъ, и прислушивались къ журчанью струй, пробивавшихся между ними, то вода, казалось, тихо, сладостно трепетала и ласкалась къ намъ. Небольшая занавѣска отдѣляла насъ отъ гребцовъ, какъ въ венеціянской гондолѣ. Молодая женщина лежала одной изъ скамеекъ, служившей ей постелью, опираясь локтемъ подушку и закутавшись въ шаль, чтобы предохранить себя отъ вечерней сырости; мой плащъ покрывалъ ея ноги; лицо ея то погружалось во мракъ, то освѣщалось и сіяло отъ послѣдняго, розоваго отблеска солнца, садившагося на вершины черныхъ сосенъ Карпозіянской горы. Я лежалъ на грудѣ сѣтей, брошенныхъ на дно лодки; сердце мое было полно, уста безмолствовали, глаза были прикованы къ ея глазамъ. Къ чему намъ было говорить, когда солнце, ночь, горы, воздухъ, вода, весла, сладостное качанье лодки, пѣнистый слѣдъ, съ журчаньемъ вившійся за нами, наши взоры, наши души, готовыя слиться, наше дыханье, — все такъ краснорѣчиво говорило за насъ? Мы даже невольно боялись, чтобы малѣйшій звукъ голоса не разрушилъ очарованія подобной тишины? Намъ казалось, что мы по голубому озеру несемся въ голубую даль небесъ, не замѣчая ни береговъ, отъ которыхъ отплыли, ни береговъ, къ которымъ должны были пристать.

Мнѣ послышалось, что съ устъ ея слетѣло усиленное, продолжительное дыханье, какъ-будто ея грудь, подавленная неодолимой тяжестью, въ одномъ вздохѣ хотѣла излить дыханье долгой жизни. Я испугался.

— Вы страдаете, сказалъ я печально.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — я не страдаю, я углубилась въ свои мысли....

— Чѣмъ же вы такъ сильно заняты?

— Мнѣ казалось, продолжала она: — что если бы Богъ, въ эту минуту, оковалъ неподвижностью всю природу, если бы солнце осталось такъ, какъ оно теперь, въ-половину скрывшимся за эти сосны, похожія на рѣсницы небеснаго вѣка, если бы этотъ свѣтъ и эта тѣнь всегда также неопредѣленно сливались въ одно, еслибъ это озеро было также прозрачно, воздухъ также тепелъ, берега вѣчно въ томъ же разстояніи отъ нашей лодки,—если бы этотъ лучъ свѣта падалъ на ваше лицо, еслибъ ваши глаза, полные состраданья, смотрѣли мнѣ въ очи, и если бы въ сердцѣ моемъ царствовала таже ра-

, — то я поняла бы наконецъ то, чего не могла понять съ тѣхъ
къ поръ, какъ стала мыслить и мечтать....
· Чтó же? спросилъ я съ тоскливымъ любопытствомъ.
- Вѣчность въ минутѣ и безконечность въ одномъ ощущеніи!
гникнула она, полу-наклонясь изъ лодки, какъ-будто для того.
ы посмотрѣть на воду и избавить меня отъ затруднительнаго
[illegible]га.
[illegible] былъ такъ неловокъ, что отвѣчалъ ей на это одной изъ [illegible]
ь любезностей, неудачно навернувшейся мнѣ на языкъ. [illegible]
сердце мое исполнилось чистымъ и невыразимымъ [illegible]
ь. Смыслъ любезности былъ тотъ, что для меня было бы [illegible]
› счастья, если бы оно не служило залогомъ и предвѣстникомъ
ого блаженства. Она очень хорошо поняла меня и покраснѣла.
›краснѣла болѣе за меня, чѣмъ за себя. Она отвернулась съ [illegible]
въ оскорбленія, и голосомъ по прежнему нѣжнымъ, но [illegible]
цымъ и торжественнымъ, тихо сказала:
– О, какъ это нестерпимо больно! [illegible] ко мнѣ ближе и
[illegible]ушайте меня. Не знаю, есть ли то, чтó я чувствую въ себѣ и [illegible]
тся, ко мнѣ, — любовь, какъ ее называетъ свѣтъ на [illegible] и
редѣленномъ языкѣ, обозначающемъ одними и тѣми же [illegible]
[illegible], сходныя между собою только по звуку, которыя слетаютъ съ
[illegible] человѣка; я и не хочу этого знать; и вы, [illegible]. [illegible]
айтесь узнавать этого! Я знаю только, что это есть самое [illegible]
, самое высокое блаженство, какого только душа [illegible]
ества можетъ искать въ душѣ, глазахъ, голосѣ другаго [illegible]
, которое походитъ на него, котораго ему [illegible] и которое,
[illegible]ѣчаясь съ нимъ, пополняетъ его природу! Есть ли кромѣ [illegible]
[illegible]граничнаго блаженства, этой взаимной жажды [illegible]. [illegible]
й души, которыя сливаютъ ихъ въ единое и [illegible]
[illegible]лаютъ ихъ столь же неразлучными, какъ неразлучны лучъ [illegible]
[illegible]щаго солнца съ лучемъ восходящей луны, когда они [illegible]
[illegible]ебесномъ сводѣ и сольются въ зарѣ, — есть ли другое [illegible]
[illegible]), его грубое подобіе, столь же далекое отъ [illegible] и [illegible]
[illegible] союза нашихъ душъ, какъ прахъ отъ звѣздъ, какъ [illegible]
[illegible]ности? Я не знаю, не хочу ничего знать и, увы! не [illegible]
[illegible]ть, прибавила она голосомъ, въ которомъ [illegible]
[illegible]дованіе, котораго загадочный смыслъ я не могъ понять [illegible].
— Но къ чему слова! продолжала она, принявъ [illegible]
[illegible]еніе, съ такою довѣрчивостію въ голосѣ, какъ-будто [illegible]
[illegible]а отдаться мнѣ: — я васъ люблю! [illegible] сказали бы это [illegible]
[illegible], еслибъ не сказала я сама; нѣтъ, пусть я первая, [illegible]
[illegible]іе скажу за насъ обоихъ: мы любимъ другъ друга!

кальный акомпаньементъ, маленькими, серебряными нотками. Она спѣла шотландскую балладу, морскую и вмѣстѣ съ тѣмъ пастушескую, въ которой молодая дѣвушка, оставленная бѣднымъ матросомъ, ея любовникомъ, отправившимся въ Индію искать богатства, разсказываетъ, что ея родные, потѣрявъ терпѣніе ожидать возвращенія молодого человѣка, заставили ее выйти за-мужъ за старика, съ которымъ она была бы счастлива, еслибъ не думала о томъ, кого полюбила перваго. Баллада эта начиналась такъ:

Quand les moutons sont dans la bergerie,
Que le sommeil aux humains est si doux,
Je songe, hélas! aux chagrins de ma vie,
Et près de moi dort mon bon vieil époux. ([1])

Послѣ каждаго куплета слѣдовалъ длинный грустный припѣвъ безъ словъ, убаюкивавшій душу на волнахъ безконечной грусти и вырывавшій слезы изъ очей; потомъ разсказъ возобновлялся, и въ этомъ напѣвѣ слышалось глухое и отдаленное воспоминаніе, которое заставляло сожалѣть, страдать и покоряться. Если греческія строфы Сафо изображаютъ огонь любви, то шотландскія мелодіи представляютъ слезы жизни и кровь смертельно уязвленнаго судьбою сердца. Не знаю, кто сочинилъ эту музыку; но кто бы онъ ни былъ, да будетъ онъ благословенъ за то, что въ нѣсколькихъ нотахъ излилъ всю безконечность человѣческой грусти въ мелодическихъ стенаніяхъ голоса. Съ этого дня я не могъ болѣе слушать этой баллады: при первыхъ звукахъ ея я убѣгалъ, какъ человѣкъ, преслѣдуемый тѣнью, и всякой разъ, какъ я чувствую потребность облегчить сердце слезою, я внутренно напѣваю себѣ этотъ меланхолическій припѣвъ и готовъ всегда плакать, я, который никогда не плачу!

XXIII.

Мы подплыли къ маленькой косѣ залива, выдвигающейся въ озеро, къ которой привязываютъ лодки; это пристань Э: она находится въ полу-мили отъ города. Было уже за полночь. На косѣ не было ни экипажей, ни ословъ, которые могли бы отвезти насъ въ городъ. Разстояніе было слишкомъ далеко, чтобы дозволить бѣдной страждущей женщинѣ совершить переходъ пѣшкомъ.... Не достучавшись у дверей двухъ-трехъ хижинъ, расположенныхъ на берегу,

([1]) Когда овцы въ своей овчарнѣ, когда сонъ такъ сладокъ для людей, я размышляю, увы! о моей печальной жизни, а подлѣ меня спитъ мой добрый, старый мужъ.

лодочники предложили отнести больную на рукахъ; они весело вынули весла свои изъ колецъ, прикрѣпленныхъ къ борту, связали ихъ и переплели веревками отъ сѣтей; на веревки положили подушку съ лодки и такимъ образомъ устроили гибкія и качающіяся носилки, на которыя положили молодую женщину. Четверо изъ лодочниковъ, поднявъ весла за концы, пустились въ путь, сообщая паланкину лишь легкое колыханіе отъ ходьбы. Я хотѣлъ оспаривать у нихъ удовольствіе нести часть этой сладостной ноши, но они отстранили меня съ ревнивою поспѣшностью. Я шелъ подлѣ носилокъ, держа правою рукою руки больной, такъ-что она могла облокотиться и удержаться за меня при колыханіи паланкина; я не допускалъ ее скользить по узкой подушкѣ, на которой она лежала. Такъ подвигались мы медленно въ молчаніи, при полномъ свѣтѣ луны, по длинной тополевой аллеѣ. О, какъ эта аллея показалась мнѣ коротка! какъ бы я желалъ, чтобы она привела насъ обоихъ до послѣдняго шага нашей жизни! Больная молчала; я тоже молчалъ; но я чувствовалъ всю тяжесть ея тѣла, съ довѣріемъ опустившагося на мою руку; я чувствовалъ какъ ея руки обвивались около моей; время отъ времени невольное пожатіе и теплое дыханіе, охватывавшее иногда мои пальцы, ясно говорили мнѣ, что она приближала свои уста, чтобы согрѣть мою руку. Нѣтъ, никогда подобное молчаніе не заключало въ себѣ такихъ нѣмыхъ изліяній! Въ одинъ часъ мы вкушали счастіе цѣлаго вѣка. Когда мы подошли къ дому стараго доктора и принесли больную къ порогу ея комнаты, то цѣлый міръ обрушился между нами. Я чувствовалъ, что вся рука моя облита слезами; я обтеръ ее губами и волосами и не раздѣваясь бросился на постель.

XXIV.

Напрасно ворочался я на постели: я не могъ заснуть. Тысячи обстоятельствъ, случившихся въ эти два дня, возставали въ умѣ моемъ съ такою силою и такъ впечатлительно, что я не могъ повѣрить, что они уже прошли: мнѣ являлось, мнѣ слышалось все, что̀ я видѣлъ и слышалъ на-канунѣ. Лихорадочное состояніе моей души сообщилось моимъ чувствамъ. Я вставалъ, двадцать разъ ложился и не могъ найти успокоенія. Наконецъ я отказался отъ этого покоя. Быстрыми шагами я старался обмануть волненіе моихъ мыслей. Я открывалъ окно, перелистывалъ книги, не понимая въ нихъ ни одной строчки, быстро ходилъ по комнатѣ, переставлялъ съ мѣста на мѣсто столъ и стулъ, стараясь найти хорошее мѣсто, чтобы провести остатокъ ночи, стоя или сидя. Весь этотъ шумъ раздавался въ

— О, повторите, повторите еще, повторите тысячу разъ, воскликнулъ я, вставъ, какъ безумный, и быстрыми шагами ходя по лодкѣ, которая звучала и колыхалась подъ моими ногами: — повторимъ это вмѣстѣ, предъ Богомъ и людьми, предъ небомъ и землею, скажемъ это всему, что безмолвно и нѣмо! скажемъ это на-всегда! пусть вся природа вѣчно повторяетъ это за нами!...

Я упалъ передъ нею на колѣни, на дно лодки, и сложилъ руки; волосы упали на мое лицо.

— Успокойтесь, сказала она, положивъ на уста мои палецъ: — и не прерывайте меня.

Я замолчалъ и сѣлъ.

— Я сказала вамъ.... или нѣтъ, — то были не слова, то былъ крикъ, вырвавшійся изъ глубины души, когда я пришла въ себя: я люблю васъ! люблю со всѣмъ томленіемъ, со всѣми мечтами, со всѣмъ нетерпѣніемъ безплодной, двадцати-осьми-лѣтней жизни, жизни, проведенной мною въ томъ, что я смотрѣла и не видала, искала и не находила того, о чемъ сама природа говорила мнѣ въ какомъ-то таинственномъ предчувствіи.... и этой тайной были вы! Но, увы! я узнала и полюбила васъ слишкомъ поздно, если вы понимаете любовь такъ, какъ ее обыкновенно понимаютъ люди и какъ сами смотрѣли на нее еще въ ту минуту, когда произнесли легкомысленныя, оскорбительныя слова.... Выслушайте меня, продолжала она: — и поймите меня: я принадлежу вамъ, я отдаюсь вамъ, я ваша столько же, сколько принадлежу сама себѣ; все это я могу сказать вамъ, не отнимая у моего второго отца ничего, потому-что онъ хотѣлъ видѣть во мнѣ единственно только дочь свою. Ничто не мѣшаетъ мнѣ вполнѣ быть вашею, и я оставлю себѣ лишь то, что вы сами позволите мнѣ удержать. Не удивляйтесь этимъ рѣчамъ, потому только, что онѣ не походятъ на рѣчи европейскихъ женщинъ: ваши женщины любятъ холодно и чувствуютъ, что и ихъ любятъ также; онѣ боятся, чтобы желанья, которыя возбуждаютъ, не погасли, когда онѣ сами откроютъ свою тайну; хотятъ, чтобы у нихъ вырвали признанье. — Я не похожу на нихъ ни отчизной, ни сердцемъ, ни воспитаньемъ. Я воспитана мужемъ-философомъ, въ обществѣ свободныхъ умовъ, и потому чужда малодушія и угрызеній, которыя заставляютъ обыкновенныхъ женщинъ признавать, кромѣ своей совѣсти, еще другихъ судей. Я вѣрю въ невидимаго Бога, который напечатлѣлъ свой образъ въ природѣ и далъ законъ нашимъ природнымъ побужденіямъ, заповѣди нашему разсудку. Разсудокъ, чувство и совѣсть руководили мною на пути жизни, и они не запрещаютъ мнѣ принадлежать вамъ: я вся, нераздѣльно, готова отдаться вамъ, броситься въ ваши объятья, если вы можете быть

счастливы только этою цѣною! Неужели мы соединимъ наше блаженство съ этимъ мимолетнымъ опьяненіемъ? нѣтъ, откажемся отъ него, и эта жертва наполнитъ нашу душу такимъ наслажденіемъ, какого это опьяненіе никогда не можетъ доставить. Мы будемъ сильнѣе вѣрить въ безсмертіе и вѣчность нашей любви, когда возведемъ ее на высоту чистой мысли, въ сферу, недоступную перемѣнамъ и смерти, — сильнѣе, нежели тогда, когда низведемъ ее на низкую степень грубыхъ наслажденій, унизивъ и осквернивъ самихъ себя удовлетвореніемъ недостойныхъ страстей. И если вы, продолжала она послѣ короткаго молчанія и покраснѣвъ, какъ бы согрѣтая сильнымъ огнемъ: — въ минуту сомнѣнія и безумства, потребуете отъ меня доказательства моего самоотверженія, то знайте, что вмѣстѣ съ этимъ доказательствомъ я принесу вамъ въ жертву не одно только свое достоинство, но и самую жизнь,—что душа моя можетъ, какъ говорятъ, излетѣть въ одномъ вздохѣ, — что лишая любовь мою невинности, вы въ то же время отнимете у меня жизнь, и воображая, что въ рукахъ вашихъ ваше счастіе, вы найдете лишь тѣнь, а можетъ быть даже смерть!...

Мы оба молчали.

Наконецъ я сказалъ со вздохомъ, вырвавшимся изъ глубины моей души:

— Я понялъ васъ и далъ себѣ клятву въ вѣчной невинности моей любви еще прежде, чѣмъ вы потребовали этой клятвы.

XXII.

Такая рѣшимость, казалось, сдѣлала ее совершенно счастливою, и она со всею безпечностію предалась своимъ нѣжнымъ чувствамъ. Ночь упала на озеро; въ него глядѣлись звѣзды съ высоты небеснаго свода; глубокая тишина и спокойствіе природы усыпили землю. Вѣтры, деревья, волны были такъ спокойны, что можно было слышать наши мимолетныя впечатлѣнія чувства или мысли, которыя говорятъ тихимъ голосомъ въ сердцахъ блаженныхъ людей. Лодочники пѣли время отъ времени монотонныя, тягучія пѣсни, походившія на размѣренное струеніе волнъ по песчаному берегу. Это напомнило мнѣ ея голосъ, безпрестанно звучавшій въ моихъ ушахъ.

— О, если бы вы отвѣтили мнѣ эту чудную ночь нѣсколькими звуками, брошенными этимъ волнамъ и тѣнямъ, чтобы онѣ навсегда наполнились ими? сказалъ я.

Я сдѣлалъ лодочникамъ знакъ, чтобы они замолчали и не шумѣли веслами, съ которыхъ [illegible] на воду лишь капли, какъ изум-

лодочники предложили отнести больную на рукахъ; они весело вынули весла свои изъ колецъ, прикрѣпленныхъ къ борту, связали ихъ и переплели веревками отъ сѣтей; на веревки положили подушку съ лодки и такимъ образомъ устроили гибкія и качающіяся носилки, на которыя положили молодую женщину. Четверо изъ лодочниковъ, поднявъ весла за концы, пустились въ путь, сообщая паланкину лишь легкое колыханіе отъ ходьбы. Я хотѣлъ оспаривать у нихъ удовольствіе нести часть этой сладостной ноши, но они отстранили меня съ ревнивою поспѣшностью. Я шелъ подлѣ носилокъ, держа правою рукою руки больной, такъ-что она могла облокотиться и удержаться за меня при колыханіи паланкина; я не допускалъ ее скользить по узкой подушкѣ, на которой она лежала. Такъ подвигались мы медленно въ молчаніи, при полномъ свѣтѣ луны, по длинной тополевой аллеѣ. О, какъ эта аллея показалась мнѣ коротка! какъ бы я желалъ, чтобы она привела насъ обоихъ до послѣдняго шага нашей жизни! Больная молчала; я тоже молчалъ; но я чувствовалъ всю тяжесть ея тѣла, съ довѣріемъ опустившагося на мою руку; я чувствовалъ какъ ея руки обвивались около моей; время отъ времени невольное пожатіе и теплое дыханіе, охватывавшее иногда мои пальцы, ясно говорили мнѣ, что она приближала свои уста, чтобы согрѣть мою руку. Нѣтъ, никогда подобное молчаніе не заключало въ себѣ такихъ нѣмыхъ изліяній! Въ одинъ часъ мы вкушали счастіе цѣлаго вѣка. Когда мы подошли къ дому стараго доктора и принесли больную къ порогу ея комнаты, то цѣлый міръ обрушился между нами. Я чувствовалъ, что вся рука моя облита слезами; я обтеръ ее губами и волосами и не раздѣваясь бросился на постель.

XXIV.

Напрасно ворочался я на постели: я не могъ заснуть. Тысячи обстоятельствъ, случившихся въ эти два дня, возставали въ умѣ моемъ съ такою силою и такъ впечатлительно, что я не могъ повѣрить, что они уже прошли: мнѣ являлось, мнѣ слышалось все, что я видѣлъ и слышалъ на-канунѣ. Лихорадочное состояніе моей души сообщилось моимъ чувствамъ. Я вставалъ, двадцать разъ ложился и не могъ найти успокоенія. Наконецъ я отказался отъ этого покоя. Быстрыми шагами я старался обмануть волненіе моихъ мыслей. Я открывалъ окно, перелистывалъ книги, не понимая въ нихъ ни одной строчки, быстро ходилъ по комнатѣ, переставлялъ съ мѣста на мѣсто столъ и стулъ, стараясь найти хорошее мѣсто, чтобы провести остатокъ ночи, стоя или сидя. Весь этотъ шумъ раздавался въ

сосѣдней комнатѣ. Шаги мои нарушали покой бѣдной больной, которая, безъ сомнѣнія, также не спала. Я услыхалъ скрипъ легкихъ шаговъ по паркету, которые приблизились къ дубовой двери, запертой двумя задвижками и отдѣлявшей мою комнату отъ сосѣдней; я приложилъ ухо къ щели и услыхалъ удерживаемое дыханіе и шелестъ шолковаго платья о стѣну. Свѣтъ лампы проходилъ сквозь небольшія отверстія и падалъ изъ-подъ половинокъ двери на мой полъ. То была она; она стояла у двери, она также приложила ухо въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ моего лба: она могла слышать біеніе моего сердца.

— Не больны ли вы? сказалъ мнѣ тихій голосъ, который я узналъ бы по одному вздоху.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — но я слишкомъ счастливъ; избытокъ счастія также лихорадоченъ, какъ приливъ душевнаго страданія. Это лихорадка жизни; но я не боюсь ея, не убѣгаю и бодрствую, чтобы наслаждаться ею.

— Дитя, сказала она: — спите, пока я бодрствую, — теперь я должна бодрствовать надъ вами.

— А вы, говорилъ я тихо: — отчего не спите вы сами?

— Я? я не хочу болѣе спать, чтобы не потерять ни минуты блаженства, которымъ упоена. Мнѣ недолго осталось наслаждаться этою радостію и потому я не хочу потерять даже малѣйшей капли этой радости во время сна. Я сѣла здѣсь, чтобы слышать васъ быть можетъ и быть ближе къ вамъ.

— О, проговорилъ я между губъ: — и все еще такъ далеко! къ чему между нами стѣна?

— Развѣ насъ раздѣляетъ дубовая дверь, а не наша собственная воля, не наша клятва? сказала она. — Извольте! если васъ удерживаетъ лишь эта физическая преграда, то вы можете перейти за нее!

И я слышалъ, какъ она отдернула задвижку.

— Да, вы можете, продолжала она: — если васъ не удерживаетъ нѣчто, чтó сильнѣе самой любви вашей, чтó господствуетъ и одолѣваетъ ваше увлеченіе; да, вы можете войти, продолжала она голосомъ болѣе страстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе торжественнымъ: — я хочу быть обязана всѣмъ единственно вамъ самимъ; вы найдете любовь равную вашей любви; но, я уже говорила вамъ, что въ этой любви вы найдете также и смерть!

Отъ излишняго волненія, отъ страстнаго стремленія моего сердца къ этому голосу, отъ нравственнаго насилія, которое меня отталкивало, я упалъ безъ чувствъ, какъ человѣкъ смертельно раненый, на порогъ затворенной двери. Я слышалъ, какъ она сѣла по ту

сторону, на подушку съ дивана, которую кинула на паркетъ. Часть ночи продолжали мы разговаривать почти шопотомъ черезъ отверстіе, оставленное между поломъ и половинками двери. То были рѣчи задушевныя, неупотребляемыя на обыкновенномъ языкѣ людей, рѣчи волнующіяся, подобно ночнымъ видѣніямъ, между небомъ и землею, часто прерываемыя долгимъ молчаніемъ, въ продолженіи котораго сердца разговариваютъ тѣмъ болѣе краснорѣчиво, что на губахъ недостаетъ словъ для выраженія невыразимыхъ рѣчей. Наконецъ молчаніе сдѣлалось продолжительнѣе, голоса наши замирали, и я заснулъ отъ усталости, прислонившись щекою къ двери и сложивъ руки на колѣнахъ.

XXV.

Когда я проснулся, то солнце, уже высоко поднявшееся въ небѣ, наводняло мою комнату свѣтлымъ отраженіемъ своихъ лучей. Осеннія гили ([1]) бѣгали и съ щебетаніемъ клевали виноградныя лозы и смородину подъ моимъ окномъ; вся природа пробудилась, разодѣлася, освѣтилась и ожила около меня, чтобы отпраздновать день нашего возрожденія къ новой жизни. Всякой шумъ, слышавшійся въ домѣ, казался мнѣ шумомъ радости. Въ ушахъ моихъ раздавались легкіе шаги горничной, ходившей взадъ и впередъ по коридору и приготовлявшей завтракъ своей госпожѣ; дѣтскіе голоса маленькихъ дѣвочекъ, приносившихъ цвѣты съ окраинъ горныхъ ледниковъ; потомъ звонки муловъ, ожидавшихъ ее на дворѣ, чтобы отвезти ее къ озеру или къ соснамъ. Я перемѣнилъ платье, испачканное пылью и пѣною, умылъ глаза, изнеможенные и красные отъ безсонницы, причесалъ свои растрепавшіеся волосы, надѣлъ кожаные штиблеты, какіе носятъ альпійскіе охотники за сернами, взялъ ружье и отправился за общій столъ, гдѣ старикъ докторъ завтракалъ съ своими гостями.

За столомъ разговаривали о бурѣ на озерѣ, объ опасности, которой подвергалась молодая иностранка, о ея обморокѣ у развалинъ *Haute-Combe*, о ея двухдневномъ отсутствіи, о томъ, что мнѣ посчастливилось встрѣтить ее на-канунѣ и проводить въ городъ. Я попросилъ доктора спросить у нея для меня позволенія освѣдомиться о ея здоровьи и сопровождать ее въ прогулкахъ. Докторъ возвратился вмѣстѣ съ молодой женщиной, которая въ этотъ день была прекраснѣе, увлекательнѣе, чѣмъ когда-либо; она помолодѣла отъ сча-

---

([1]) Птицы.

стія. Красавица всѣхъ ослѣпляла. Она смотрѣла только на меня; я одинъ понималъ ея взгляды и двусмысленныя слова.

Проводники съ криками радости посадили ее на кресло, съ качающимися ступеньками, которое служитъ въ Савоѣ сѣдломъ женщинамъ. Я пошелъ пѣшкомъ за муломъ, звенѣвшимъ своими колокольчиками; въ этотъ день она отправлялась къ сырнямъ, построеннымъ на самыхъ высокихъ площадяхъ горы.

Тамъ провели мы цѣлый день, почти не говоря другъ съ другомъ: до такой степени понимали мы одинъ другого и безъ словъ! То любовались мы свѣтлою долиною Шамбери, которая, казалось, расширялась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ мы поднимались вверхъ; то останавливались мы близь водопадовъ, пѣна которыхъ, раскрашенная солнцемъ, окутывала насъ влажною радугой, и эта радуга казалась намъ сверхъестественною рамою, таинственнымъ знакомъ нашей любви; то рвали мы послѣдніе цвѣты на отлогихъ лугахъ, мѣнялись ими другъ съ другомъ, какъ бы письмами изъ этой душистой азбуки природы, понятными лишь намъ однимъ; то собирали мы каштаны, забытые у подножія каштановыхъ деревъ, очищали ихъ, чтобы поджарить ихъ вечеромъ на огнѣ въ ея комнатѣ; то садились мы подъ тѣнью сиреней, расположенныхъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ горъ, уже оставленныхъ ихъ жителями; мы говорили, какъ были бы счастливы два существа, если бы судьба заточила ихъ въ одинъ изъ этихъ пустынныхъ шалашей, построенныхъ изъ нѣсколькихъ древесныхъ пней и досокъ, вблизи отъ звѣздъ, при ропотѣ вѣтра въ вѣтвяхъ сосенъ, среди ледниковъ и снѣговъ, — эти два существа отдѣлены бы были отъ людей уединеніемъ и сами собою наполняли бы жизнь, полную однимъ и тѣмъ же чувствомъ!...

XXVI.

Вечеромъ мы медленно возвратились домой. Мы печально смотрѣли другъ на друга, какъ-будто навсегда оставили за собою наши владѣнія и счастіе. Она ушла къ себѣ въ комнату. Я остался ужинать съ семействомъ доктора и его гостями. Послѣ ужина я постучался у дверей ея, какъ уговорился съ нею заранѣе. Она встрѣтила меня какъ друга дѣтства, котораго увидала послѣ многихъ лѣтъ. Съ сихъ поръ я проводилъ у нея всѣ дни и всѣ вечера. Обыкновенно я заставалъ ее полу-лежащею на диванѣ, покрытомъ бѣлою тканью, въ углу между окномъ и каминомъ: на маленькомъ столикѣ коричневаго дерева, на которомъ горѣла мѣдная лампа, лежали книги, письма, полученныя или начатыя ею въ продолженіи дня, небольшой чайный

ящичекъ изъ душистаго кедренника, который она подарила мнѣ при отъѣздѣ и который съ тѣхъ поръ не оставлялъ болѣе моего камина, — и двѣ китайскія чашки изъ голубого и розоваго фарфора, изъ которыхъ въ полночь мы пили чай. Добрый старикъ докторъ входилъ къ молодой больной вмѣстѣ со мною и разговаривалъ; по прошествіи полу-часа этотъ превосходный человѣкъ, видя, что присутствіе мое гораздо полезнѣе, нежели его совѣты и ванны для возстановленія ея всѣмъ драгоцѣннаго здоровья, оставлялъ насъ однихъ съ нашими книгами и дружескими бесѣдами. Въ полночь я цаловалъ ея руку, которую она протягивала мнѣ черезъ столъ, и удалялся въ свою комнату. Я ложился спать лишь тогда, когда у сосѣдки не слышно было ни малѣйшаго шума.

XXVII.

Еще шесть долгихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ короткихъ недѣль вели мы эту задушевную, восхитительную жизнь вдвоемъ; долгихъ, если я припомню безконечное счастіе, отъ котораго сильно бились наши сердца, короткихъ, если подумаю о неуловимой быстротѣ часовъ, ихъ наполнявшихъ! Казалось, что какимъ-то чудомъ, случающимся въ десять лѣтъ только одинъ разъ, само время, соучастникъ нашего блаженства, хотѣло продлить его. Октябрь и бо́льшая часть ноября походили на воскресшую весну зимою, оставившую въ гробницѣ лишь зеленые листья. Вѣтерокъ былъ тепелъ, воды сини, сосны зелены, облака розоватаго цвѣта, солнце ярко блестѣло. Только дни стали коротки; зато длинные вечера, проводимые у ея камина, сближали насъ еще болѣе: они дѣлали насъ исключительно присущими другъ другу и не позволяли нашимъ взорамъ и душамъ разсѣеваться блескомъ внѣшней природы. И мы предпочитали эти вечера длиннымъ лѣтнимъ днямъ! Весь блескъ сосредоточивался въ насъ самихъ, и мы чувствовали его лучше, запираясь въ нашемъ жилищѣ въ продолженіи темныхъ вечеровъ и ноябрьскихъ ночей, при звонѣ инея или перваго снѣга въ окна, и завываніяхъ осенняго вѣтра; этотъ дождевой вѣтеръ углублялъ насъ въ самихъ себя и какъ бы говорилъ: спѣшите высказать другъ другу все, что̀ доселѣ не было высказано вашимъ сердцемъ и все, что̀ должно быть сказано, прежде чѣмъ умрутъ мужчина и женщина, потому-что я предвѣстникъ печальныхъ дней, которые приближаются и которые разлучатъ васъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ГЛУБИНѢ ПОСѢВА.

(Отвѣтъ на письмо О. П. Р — ж — ва).

Вопросъ, предложенный тобою мнѣ: «какъ глубоко долженъ быть прикрытъ посѣвъ хлѣбныхъ зеренъ землею»? дѣйствительно не рѣшенъ еще въ наукѣ сельскаго хозяйства теоретически, радикально. Есть одно правило, ни на чемъ впрочемъ не основанное, что чѣмъ крупнѣе сѣмена, тѣмъ они должны быть глубже прикрыты землею, и наоборотъ; но неточность этого правила очевидна, хотя оно повторялось и повторяется почти всѣми извѣстными писателями-агрономами.

Вся теорія сельскаго хозяйства должна быть построена на законахъ природы, которые изучаются изъ явленій и опытовъ. Если наблюденіе вѣрно и законъ, на основаніи котораго явленіе это совершается, открытъ, постигнутъ, то и теорія сельскаго хозяйства, основанная на этихъ законахъ, будетъ вѣрна и непреложна, какъ сама природа.

Человѣкъ, избравъ предметомъ своей дѣятельности существа живыя, органическія, долженъ изучать законы ихъ жизни, дабы въ дѣйствіяхъ своихъ не сдѣлать отъ нихъ какихъ-либо отступленій; въ противномъ случаѣ всякое уклоненіе, всякое отступленіе отъ законовъ природы поведетъ къ неудачамъ, не пройдетъ безнаказано. (*)

Итакъ, если мы, для рѣшенія вопроса о глубинѣ посѣва, обратимся къ природѣ и подсмотримъ, какъ она сѣетъ, то увидимъ, что природа сѣетъ поверхностно, сѣвцы ея, по преимуществу, вѣтры и потомъ птицы. Другихъ классовъ животныя менѣе принимаютъ въ этомъ участія, и, что замѣчательно, птица чѣмъ большее найдетъ количество зеренъ въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ съ бо́льшею энергіею начнетъ ихъ разбрасывать въ стороны или клювомъ своимъ, или ногами, или наконецъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ бы стараясь разсѣять сѣмена на сколько возможно бо́льшее пространство. Птицы, питающіяся ягодами, также разсѣваютъ сѣмена ихъ. Какое огромное количество съѣдаетъ ежедневно свиристель, дроздъ и многія другія рябиновыхъ, можжевеловыхъ, боярышниковыхъ и прочихъ ягодъ; сѣмена, заключающіяся въ этихъ ягодахъ, имѣютъ, по большой ча-

(*) En nous écartant des lois de la nature, nous rencontrons les maux.
Bernardin de S. Pierre, dans ses Études de la Nature.

ти, твердую ротообразную оболочку, которая сохраняетъ зерно отъ разныхъ разрушительныхъ на него дѣйствій, и даже отъ самого пищеварительнаго процесса желудка. Ягода, т. е. тѣло ея, служитъ для птицы матеріяломъ питанія, а зерна, содержащіяся въ ней, остаются безъ повреждения, а слѣдовательно также разсѣваются птицами. Сверхъ того, нѣкоторыя растенія имѣютъ такъ устроенныя плодохранилища, что когда сѣмена достигнутъ полной зрѣлости, тогда они лопаются, и содержащіяся въ нихъ зерна разбрасываются съ силою врозь, такъ напримѣръ многія породы стручковыхъ растеній, бальзамины и проч.

Дожди, тающіе снѣга, бродящія животныя, прибьютъ сѣмена, разсѣянныя природою, плотнѣе къ землѣ, а иногда и вѣтры прироютъ ихъ легкимъ слоемъ земли; вотъ все, чѣмъ оканчивается осѣвъ въ природѣ.

Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ огромное количество сѣмянъ остается безъ всхода; но для природы все равно, поступитъ ли зерно въ пищу какому-либо животному, возпроизведетъ и новое растеніе, или наконецъ обратится въ черпоземъ и само сдѣлается матеріяломъ питанія для другого растенія; цѣль природы — производить, творить безразлично; она въ своемъ безграничномъ хозяйствѣ, столько же заботится доставить пищу огромному животному, какъ и послѣднему насѣкомому, и наконецъ и самому ничтожному растенію. Оттого-то въ природѣ никогда и ничто не пропадаетъ, она творитъ для всѣхъ, а человѣкъ прежде всего для себя; а потому онъ старается, сколько возможно менѣе употребить сѣмянъ на посѣвъ и сколько возможно болѣе собрать въ свои закромы. Для этого человѣкъ очищаетъ все пространство земли отъ дикорастущихъ растеній, которое предполагаетъ употребить подъ посѣвъ избранныхъ имъ растеній, даетъ имъ просторъ, и сверхъ того, пашнею разрыхляя почву, облегчаетъ ихъ укорененіе; и дабы посѣянныя зерна сохранить сколько возможно отъ расхищенія птицъ, человѣкъ посредствомъ бороньбы прикрываетъ ихъ довольно глубокимъ слоемъ земли; въ этомъ-то послѣднемъ дѣйствіи своемъ онъ и уклоняется преимущественно отъ законовъ природы. Но объ этомъ послѣ.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть соотношеніе самихъ растеній къ поверхностному посѣву, замѣченному нами въ природѣ, и потому обратимъ вниманіе на жизнь растенія, на его феноменальность. — Жизненный процессъ растенія есть непрерывный галванизмъ, а само растеніе—живая галваническая цѣпь. Вотъ что открываетъ намъ и въ чемъ убѣждаетъ насъ наблюденіе, озаренное наукою. Положительный полюсъ этой цѣпи — часть надземная — стволъ,

листья и проч. Отрицательный — часть подземная—корень; мѣсто, откуда начинается это дѣленіе — точка безразличія, жизненный узелъ, опредѣляется само собою у земной поверхности. Послѣ этого весьма понятно, что и зерно, при началѣ своего прозябенія, чтобы послѣдующее потомъ развитіе жизни растенія совершалось нормально, должно находиться близъ земной поверхности. Здѣсь оно начинаетъ углублять въ землю свой корешокъ и пускать на поверхность ея перышко, изъ котораго впослѣдствіи образуется стволъ. — Въ противномъ случаѣ, если зерно будетъ углублено въ землю на-вершка и даже на четверть вершка, то нормальное положеніе растенія измѣнится неизбѣжно: часть ствола, которому предназначено природою находиться подъ вліяніемъ свѣта и воздуха, вообще всей атмосферы, погруженная въ землю, лишится этого вліянія, слѣдовательно и растительный процессъ будетъ совершаться не нормально, растеніе не достигнетъ уже того развитія, которое предназначено ему природою, оно будетъ слабѣе и, самый плодъ его качествомъ и количествомъ много утратитъ сравнительно съ тѣмъ, какъ бы онъ могъ быть при нормальномъ положеніи всѣхъ частей растенія.

Въ растеніяхъ многолѣтнихъ древесныхъ сама природа стремится исправить въ этомъ же значеніи ошибку человѣка: случается, что при пересадкѣ особенно плодовыхъ деревъ,—яблонь, грушъ и проч. изъ школъ и питомниковъ на мѣста, сажаютъ ихъ глубже, нежели какъ они сидѣли, т. е. жизненный узелъ, который долженъ былъ находиться, какъ выше сказано, близъ самой поверхности, опускаютъ въ землю вершка на два, а иногда и болѣе; тогда природа, чтобы перенести его опять на свое мѣсто, пробиваетъ новые корены изъ части ствола, опущенной въ землю, и по мѣрѣ того, какъ новая крона кореньевъ усиливается, старая слабѣетъ, а наконецъ и совсѣмъ умираетъ; дерево, пока природа не исправитъ совершенно ошибки человѣка, какъ весьма понятно, находится въ болѣзненномъ состояніи, продолжающемся нѣсколько лѣтъ, нѣсколько кругооборотовъ растительнаго процесса. Но это бываетъ не всегда: по большой части деревья, глубоко опущенныя въ землю, пропадаютъ или въ первый годъ своей пересадки, или наконецъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, постепенно дряхлѣя, умираютъ. (*)

Итакъ, природа сѣетъ поверхностно — это показало намъ наблюденіе; теорія раскрыла намъ законъ, на основаніи котораго совершается это дѣйствіе природы. Теперь, чтобы удостовѣриться въ вѣрности наблюденія и справедливости теоріи, слѣдуетъ обратиться

(*) Nouveau Traité théorique et pratique sur le semés et les plantations des arbres par Lardier 1828. Expérience. — page 238.

къ опыту, для подтвержденія того и другого. Много лѣтъ назадъ, нѣкто Лардье, въ продолженіи бо́льшей части своей долголѣтней жизни, производилъ непрерывный рядъ опытовъ съ посѣвомъ разныхъ сѣмянъ; конечный результатъ этихъ опытовъ былъ тотъ, что тѣ только сѣмена давали самыя сильныя и самыя плодоносныя растенія, которыя едва были прикрыты землею(*). Теперь разсмотримъ, почему бо́льшая часть земледѣльцевъ, при посѣвахъ своихъ, не слѣдуютъ указанію ни природы, ни опыта? Безъ сомнѣнія, только по совершенному недоразумѣнію глубоко зоборанивая, а иногда даже запахивая сѣмена, они полагаютъ: 1) обезопасить сѣмена отъ расхищенія птицъ, 2) отъ сдуванія вѣтрами; 3) на случай засухи вскорѣ послѣ посѣва обезопасить зерно, начинающее прозябаніе, отъ вреднаго ея вліянія; 4) озимые посѣвы чрезъ глубокое запахиваніе думаютъ они предохранить отъ вымерзанія, и наконецъ 5), прикрывая зерно глубокимъ слоемъ земли, воображаютъ устранить его отъ вліянія свѣта, полагая темноту необходимымъ условіемъ прозябенія. Разберемъ справедливость каждаго изъ этихъ предположеній отдѣльно. 1) Заборанивая сѣмена, дѣйствительно спасаю́тъ ихъ въ извѣстной мѣрѣ отъ расхищенія птицъ и 2) отъ сдуванія вѣтрами; но, въ замѣнъ того, многія зерна остаются безъ всхода, попавъ глубоко въ землю. Само собою разумѣется, что заборанивание нѣкоторыхъ сѣмянъ при посѣвѣ необходимо; но оно должно быть самое легкое, самое поверхностное. Объ этомъ будетъ тоже сказано подробнѣе. 3) Предположеніе, что прикрывая зерно глубокимъ слоемъ земли, мы предохраняемъ его отъ вреднаго вліянія засухи, несправедливо будетъ уже и потому, что, напримѣръ, продолжительный зной изсупаетъ землю на два, на три вершка и болѣе, слѣдовательно зерно не можетъ быть защищено заборaниваніемъ отъ его вліянія. Если зерно попадетъ на вышесказанную глубину, то само собою разумѣется, оно не взойдетъ; напротивъ, находящееся въ самомъ близкомъ разстояніи къ земной поверхности гораздо менѣе будетъ терпѣть отъ засухи, потому-что не лишится благотворныхъ росъ и вообще атмосферной влажности, которая скопляется и осѣдаетъ на земной поверхности; 4) что озимые посѣвы глубокимъ запахиваніемъ и заборaниваніемъ предполагаютъ сохранить отъ вымерзанія, это также ошибочно. У насъ зимою—я разумѣю среднюю полосу Россіи—земля промерзаетъ на полтора аршина, слѣдовательно, если бы слой земли и въ нѣсколько вершковъ прикрывалъ сѣмена, то и тогда бы посѣвъ не былъ защищенъ отъ мнимаго вымерзанія,—мнимаго говорю потому, что озимые посѣвы наши и особенно ржаные дѣйствительно ни-

(*) Ibidem, page 81.

«Довольно, довольно» перебила принцесса: — это онъ, это надежда, «гордость и радость Шотландіи!...»

— Довольно, довольно! возгласилъ я моему сосѣду, который читалъ мнѣ отрывки изъ четвертой тетрадки одного журнала: — это Москвитянинъ!

Сосѣдъ, не обращая вниманія на мои возгласы, продолжалъ чтеніе.

«А что сдѣлаете вы изъ фрака? Какъ ни ломаютъ голову наши «заморскіе артисты и артистки, — и поуже — и пошире, и покороче, «и подлиннѣе, — нѣтъ, не выходитъ ничего, кромѣ такой нелѣпой, «мизерабильной фигуры, для которой есть слова и клейма только у «Гоголя.

. . . .

— Какое же ваше мнѣніе о древнихъ и новыхъ костюмахъ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Стоитъ ли говорить объ этихъ спорахъ.

— Вы сами себѣ противорѣчите. Давно ли вы увѣряли меня, что нѣтъ ни одной смѣшной мысли, ни одного страннаго произведенія фантазіи, въ которыя не стоило бы внимательно всматриваться?

— Вы правы, и я коротко выскажу мнѣніе мое о старыхъ костюмахъ. Главнѣйшій аргументъ любителей древней одежды — это уваженіе къ древности. Ферязи и кафтаны напоминаютъ намъ славное время Іоанна III. Но теперешній, общеевропейскій нарядъ нашъ напоминаетъ намъ имя болѣе славное, имя гигантское, отъ котораго сильно бьется русское сердце — имя Петра. Развѣ не по его волѣ измѣнился русскій костюмъ? Но, право, совѣстно тревожить эти великія имена изъ-за такого спора. Второе ихъ доказательство — удобство. Да почему однорядка удобнѣе фрака и сюртука? Конечно, деревенскій недоросль покажется неловкимъ въ нашемъ повседневномъ нарядѣ, но человѣкъ, получившій сколько-нибудь свѣтское воспитаніе, нисколько не тяготится хорошо сшитымъ фракомъ. Не хотите ли сообразить теперь, какое огромное удобство заключается въ общеевропейскомъ нарядѣ? Мое состояніе ограничено, а я одѣваюсь совершенно также, какъ сынъ перваго милліонера въ русскомъ царствѣ; мы сходимся съ нимъ въ гостиной, и кто рѣшитъ, во сколько разъ я его бѣднѣе? въ бесѣдѣ поселяется непринужденность, а еслибъ принято было носить древніе наряды, милліонеръ не упустилъ бы случая сшить себѣ кафтанъ «веницейскаго бархата», испестривъ его «бурмицкими зернами», и былъ бы совершенно правъ, потому-что подобный костюмъ требуетъ роскоши. Въ обществѣ существуетъ потребность одѣваться просто и по возможности одинаково, — въ доказательство я сошлюсь

на маскарады, въ которыхъ ни дамамъ, ни кавалерамъ не воспрещается надѣвать не только древніе русскіе, но даже мексиканскіе костюмы, изъ которыхъ мужскіе (если вѣрить Ферри) стоятъ до пятидесяти тысячь рублей ассигнаціями. А чтó видимъ мы въ маскарадахъ? фраки и домино. Итакъ, оставимъ нашъ разговоръ до того времени, когда московскіе любители древней одежды нарядятся сами въ восхваляемые ими костюмы. Тогда еще разъ обсудимъ предметъ.... Чтó еще новаго въ Москвитянинѣ?

— Ничего, ничего, говорилъ мой сосѣдъ: — и читать не совѣтую; будемте лучше болтать.

Итакъ, говоря словами Франчески ди Римини,

Quel giorno piu non vi leggemo avanti.
(Въ этотъ день мы не читали болѣе.)

и Москвитянинъ отложенъ былъ въ сторону.

Удивительная, нестерпимая привычка перебѣгать отъ одного предмета къ другому! Это истинная чума, которая въ состояніи погубить меня! Какимъ образомъ, по поводу фраковъ, ухитрился я заговорить о Божественной Комедіи, по поводу парадоксовъ г. Погодина, вызвать очаровательный образъ страдалицы Франчески, говоря о Москвитянинѣ, произнести великій стихъ, надъ которымъ плакали цѣлыя поколѣнія, плакали рыцари, закованные въ желѣзо, плакали дожи Венеціи и папы римскіе, плакали черноглазыя синьорины Флоренціи, обливались горькими слезами веселый Бокаччіо, гордый Альфіери и сантиментальный Петрарка! И всѣ эти воспоминанія изъ-за того, что котораго-то марта я съ моимъ сосѣдомъ рѣшились не читать 4-й и 5-й книжекъ Москвитянина! Совѣтъ моего сосѣда принялъ я съ удовольствіемъ, и въ головѣ моей созрѣла другая мысль: не читать и 3-й книжки Сына Отечества. Въ письмѣ моемъ отдѣлался бы я нѣсколькими общими фразами и сберегъ бы себѣ нѣсколько часовъ времени.

Полный такихъ мыслей, отправился я по-утру въ мой кабинетъ, гдѣ изъ-за десятка русскихъ и чужихъ журналовъ выглядывали на меня двѣ зеленыя книжки Москвитянина. Меня взяло раздумье. «Вѣрить ли сосѣду?» думалъ я, «вѣрить ли этому саркастическому человѣку, которому все кажется плохимъ, кромѣ плохихъ стихотвореній?» Сомнѣніе мое увеличилось, когда на оберткѣ пятой книжки Москвитянина увидѣлъ я заглавіе новаго романа г. Вельтмана: «Чудодѣй». — Нѣтъ, рѣшилъ я: — сосѣдъ меня обманываетъ. Г. Вельтманъ не способенъ написать сочиненія, котораго бы не стоило читать. Я развернулъ книжку и усѣлся, а всталъ съ мѣста не ранѣе,

какъ окончивши всю первую часть «Чудодѣя». Не разъ чтеніе мое прерывалось взрывами самаго искренняго, добродушнаго смѣха, страницы перевертывались съ живостью, «Чудодѣй» мнѣ рѣшительно понравился, несмотря на два или три мѣста, оставившія послѣ себя не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Такого живого, веселаго произведенія ни разу не удавалось мнѣ встрѣтить на страницахъ Москвитянина. Отъ души благодарю автора за доставленное мнѣ удовольствіе и совѣтую всѣмъ и каждому читать Чудодѣя.

Такія страницы рѣдко встрѣчаются въ нашихъ журналахъ, и потому я считаю за удовольствіе подробно говорить о новомъ романѣ г. Вельтмана. Въ «Чудодѣѣ» выставлены приключенія молодого лечовѣка, умнаго, красиваго и благороднаго, но страшно горячаго, вѣтреннаго и избалованнаго — однимъ словомъ, взбалмошнаго человѣка. Выборъ такого лица свидѣтельствуетъ о самостоятельности автора: выставляемые въ романахъ современные намъ юноши страшно вялы и безцвѣтны, они только прозываются Линскими, Звонскими и Ольскими, а на дѣлѣ они тѣже Милоны, только въ другой одеждѣ. Мужской характеръ опредѣляется только въ совершенно зрѣломъ возрастѣ, и юноши отъ двадцати до двадцатипяти лѣтъ всѣ почти похожи одинъ на другого.

Г. Вельтманъ понялъ, что юноши, какъ изображали ихъ прежде, не совсѣмъ годятся для оригинальнаго и веселаго разсказа. Оставивши ихъ на долю г. Загоскину, онъ въ своемъ Даяновѣ вывелъ на сцену взбалмошнаго вѣтренника. Даяновъ влюбляется во всѣхъ женщинъ, не спитъ по пяти ночей и потомъ спитъ цѣлые дни на полу или на креслахъ, положа ноги на столъ, попадаетъ въ Москву, думая ѣхать въ Петербургъ, выводитъ изъ терпѣнья своего дядю, дѣлаетъ тысячи смѣшныхъ продѣлокъ и завоевываетъ себѣ невѣсту совершенно оригинальнымъ способомъ. Молодая вдова, въ которую онъ влюбленъ, даетъ балъ. Даяновъ является туда, не спавши передъ тѣмъ сколько-то ночей и опоздавъ надлежащимъ образомъ. Весь измученный, онъ какъ-то попадаетъ въ спальню хозяйки и тутъ же засыпаетъ, расположась въ большомъ креслѣ. Балъ кончается, хорошенькая хозяйка ложится спать, не замѣчая страннаго посѣтителя. Оба они спятъ до утра. Является дядя Софи и застаетъ эту нѣмую сцену.... (Все это не совсѣмъ вѣроятно, но до крайности оригинально разсказано). Чтó дѣлать въ этомъ случаѣ? Софи любитъ Даянова и рѣшается за него выйти, уговоривъ вѣтренника, во избѣжаніе огласки, ѣхать въ Петербургъ и воротиться къ ней уже передъ свадьбой.

Но это только начало похожденій вѣтренника. Въ тоже время ѣдетъ

изъ Петербурга въ Москву глупый, но весьма коварный человѣкъ Сысой Павлычъ, съ цѣлію жениться на богатой воспитанницѣ одного изъ своихъ пріятелей. Сысой Павлычъ и Даяновъ встрѣчаются на станціи, оба они вылѣзаютъ изъ своего дилижанса и засыпаютъ на диванахъ. Вбѣгаютъ кондукторы, будятъ ихъ. Второпяхъ, путешественники влѣзаютъ въ кареты и снова засыпаютъ, не думая о томъ, что помѣнялись мѣстами. Сысой Павлычъ, ѣхавшій изъ Петербурга въ Москву, пріѣзжаетъ обратно въ Петербургъ, а Даяновъ снова въѣзжаетъ въ древнюю русскую столицу, изъ которой только-что выѣхалъ. Чемоданъ Даянова достался Сысою Павлычу, чемоданъ Сысоя Павлыча во власти вѣтренника Даянова. Смѣшныя положенія, веселыя сцены, уморительныя выходки сыплются на читателя со всѣхъ сторонъ; невѣрности, преувеличенія, все проходитъ незамѣтно подъ прикрытіемъ веселаго смѣха.

Далѣе, далѣе. Сысой Павлычъ въѣзжаетъ въ Петербургъ ночью, въ полной увѣренности, что прибылъ въ Москву, мѣстопребываніе будущей своей невѣсты. Онъ открываетъ чемоданъ: о, ужасъ! чемоданъ чужой, нѣтъ ни денегъ, ни платья, ни рекомендательнаго письма къ роднымъ молодой дѣвушки. Вы догадываетесь, что письмо это открыто въ чемоданѣ Даяновымъ, который съ своей стороны не теряетъ времени даромъ и самъ отвозитъ письмо по адресу, думая, что это — письмо, которое дала ему Софи. Такое преувеличеніе смѣшныхъ случаевъ напоминаетъ манеру англійскихъ юмористовъ, даже Диккенса въ первыхъ его произведеніяхъ: «the Pickwic Club» и «Sketches».

Кромѣ живости и оригинальности разсказа, у г. Вельтмана замѣчательная способность на комическія выходки, boutades, до крайности шутливыя и ловкія. Напримѣръ: описывая личность Сысоя Павлыча, авторъ говоритъ о немъ: «Сысой Павловичь, для благозвучія, такъ «произносилъ свое имя при рекомендаціяхъ, что тугіе на ухо звали его «Сергѣемъ Павловичемъ, а всѣ прочіе, кто Сампсономъ Павловичемъ, «кто Созонтомъ Павловичемъ. Всѣ эти три имени Сысой Павловичь «предпочиталъ своему собственному и не отрекался отъ нихъ даже въ «офиціальныхъ случаяхъ, и при подписи, въ которой онъ такъ хитро «вытягивалъ второе С, что, по навыку къ обычному имени Сергѣй, «никто иначе и не читалъ; *хотя по наружности онъ и походилъ болѣе «на Сысоя, нежели на Сергѣя.*»

Черта не художественная, но весьма забавная и вѣрная!

Второй примѣръ. Сысой Павлычъ въ жалкомъ положеніи, чемоданъ не отпирается, денегъ нѣтъ, щека у него распухла, зубы болятъ, зубной врачъ нисколько не помогъ ему и ушелъ.

«*Присутствіе зубнаго врача имѣетъ всегда какое-то непостижимое* «*вліяніе на больные зубы; какъ будто чувствуя близость клещей, ни* «*притихаютъ, ни гугу: но только что онъ за двери — и пошли снова из-* «*зныя, ничѣмъ не уймешь.* Такъ случилось и съ Сысоемъ Павловичемъ «Пославъ слугу за каплями и нашатыремъ, онъ принялся снова отпи- «рать замокъ чемодана, но ключь вертится, не задѣвая язычка, зубы разболѣлись.

«— Пьфу! крикнулъ С. П., рвануѣъ съ досады крышку чемодана: «чемоданъ свободно открылся, а С. П., отскочивъ отъ него, замычалъ «какъ волъ и замоталъ головой.»

Жаль, что нѣтъ мѣста для выписокъ, не хочется прерывать этой прекрасной сцены. Но вотъ послѣдняя выписка, она познакомитъ васъ съ героемъ г. Вельтмана:

«Нетерпѣливый Даяновъ, получивъ записку, съ отчаянія запѣлъ, на ладъ Мятлева — *говоритъ-говоритъ*, и поскакалъ, какъ мы видѣли, въ Петербургъ.

Онъ крѣпко спалъ па диванѣ, когда кондукторъ дилижанса, наскоро закусивъ въ харчевнѣ печенки, разбудилъ его докладомъ, что лошади готовы. Даяновъ потянулся, зѣвнулъ, всталъ, дошелъ шатаясь до дилижанса, и его помчали обратно въ Москву.

Гибкій, почти безъ костей, какъ стерлядь, онъ не чувствовалъ тряски; въ медвѣжьей шубѣ, не помышляя о холодѣ, какъ Англичанинъ, спутникъ Даянова, онъ не чувствовалъ и мороза. Его ни что видимое не развлекало, не соблазняло, и онъ спалъ младенческимъ сномъ, безъ сновидѣній и призраковъ; сонный выходилъ на станціяхъ въ гостиницы, спрашивалъ чаю, пилъ, погруженный въ дремоту, и такимъ образомъ доѣхалъ до самой конторы дилижансовъ 6-го заведенія.

Было уже около полуночи.

— Чаю! — вскричалъ онъ, входя въ контору и завалясь на диванъ.

— Здѣсь контора, — сказалъ ему письмоводитель.

— Контора?... чтожь такое? здѣсь нельзя спать?

— Нельзя-съ; здѣсь недалеко есть гостинница.

— А! такъ мы пріѣхали? — спросилъ Даяновъ: — какъ же мнѣ добраться куда-нибудь спать?...

— Если вамъ угодно остановиться въ Лондонѣ — близехонько.

— Хорошо, хорошо, и прекрасно! тамъ можно спать?

— Хмъ! конечно-съ, — отвѣчалъ письмоводитель съ улыбкой, смотря на сонную, умильную наружность Даянова, которая вызывала на [illegible]ливость. — Васъ довезутъ туда въ дилижансѣ.

— Хорошо, хорошо!

И Даяновъ сѣлъ снова въ карету; его привезли въ Лондонъ.

— Ну, гдѣ тутъ у васъ спятъ? — сказалъ онъ, входя въ сѣни и на лѣстницу.

— Номеръ прикажете? получше, или средственный?

— Не получше, а самый лучшій.

— Пожалуйте; вотъ третій номеръ; отличный-съ.

— Ну, кто мнѣ будетъ служить?... ты?

— Я-съ.

— Ну, тащи шубу.... ну! снимай шапку... гдѣ тутъ спятъ?

— Пожалуйте-съ, вотъ спальня.

— Ну, раздѣвай!...

И Даяновъ протянулъ обѣ руки. Человѣкъ стянулъ съ него верхнее платье, и какъ соннаго ребенка раздѣлъ уже въ постелѣ.

— Къ завтрему чтобъ все было вычищено, приготовлено... въ чемоданѣ бѣлье и платье.... слышишь?... Ну, чтожъ ты?

— Что прикажете?

— Убирайся со свѣчкой?

— Я думалъ, что вы сами изволите потушить.

— Дуракъ! ты видишь, что я сплю.

Произнося эти слова, Даяновъ въ самомъ дѣлѣ уже спалъ.

Человѣкъ взялъ свѣчку и вышелъ на цыпочкахъ.

По обычаю, а тѣмъ болѣе съ дороги, Даяновъ проспалъ до полудня. Проснувшись, тотчасъ же хватился шелковаго своего сюртука и шитой ермолки.

— Ну, чтожь ты? — сказалъ онъ, позвонивъ, вошедшему слугѣ, — гдѣ утренній сюртукъ?

— Чемоданъ запертъ, — сказалъ человѣкъ, — пожалуйте ключь.

— Ключь?... посмотри въ пальто.

— Въ пальто ничего нѣтъ, кромѣ бумажника-съ, — отвѣчалъ человѣкъ, вынувъ бумажникъ и положивъ на столикъ передъ Даяновымъ.

— Ну, въ жилетѣ.

— Въ жилетѣ только часы съ, да вотъ деньги....

— Ну, въ панталонахъ.

— Тутъ только кошелекъ-съ....

— Ну, такъ въ чемоданѣ.

— Какъ же въ чемоданѣ-съ.... проговорилъ человѣкъ, ухмыляясь.

— Ну, такъ ктожь знаетъ, куда положилъ мистеръ Джемсъ.... отворяй безъ ключа.

— Развѣ призвать слесаря?

— Ты дуракъ я вижу, тебя еще надо учить отворять безъ ключа!

— Къ чемужъ, сударь, ломать, когда можно открыть не ломая. Сломать-то я сломаю, а починить-то не возьмусь; послѣ все равно надо будетъ призывать слесаря.

— Ты очень уменъ, я вижу; а ктожь будетъ ждать, покуда ты пойдешь за слесаремъ, покуда приведешь, покуда онъ откроетъ — я буду ждать?

— Да какъ же быть-съ?

— Какъ же быть «in si barbara sciagura!» — затянулъ Даяновъ, какъ отчаянная Семирамида въ оперѣ Россини, и вскочивъ съ постели началъ рвать крышу на чемоданѣ; но напрасно.

— Ah! Cruda Sorte! ножъ подай, ножъ подай!... подай, подай! — вскричалъ онъ на-распѣвъ, вытащилъ изъ бумажника перочинный ножикъ, принялся рѣзать чемоданъ, переломилъ, плюнулъ, швырнулъ ногой чемоданъ со стула, бросился въ постель и запѣлъ:

По тебѣ, говоритъ,
Тяпъ-да-ляпъ, говоритъ,
И корабль, говоритъ;
Да нельзя, говоритъ,

Потомъ свернулъ на арію изъ оперы Паера «Sargino:» ah! Sophia! mio caro bene!»

Между тѣмъ, человѣкъ, смотрѣвшій съ жалостью на порчу чемодана, побѣжалъ и привелъ слесаря, который въ одинъ мигъ отперъ замокъ.

— Извольте, сударь, — сказалъ слуга, — вынувъ изъ чемодана изношенный, полосатый, изъ бумажнаго кашемиру, халатъ на ватѣ, и распяливъ его передъ Даяновымъ.

— Это.... was ist das? — спросилъ Даяновъ, взглянувъ на халатъ.

— Халатъ-съ.

— Чей-съ?

— Вашъ-съ, изъ чемодана.

— Мой халатъ?... мой халатъ? о, скотина мистеръ Джемсъ, мистеръ Джемсъ!... и Даяновъ перекувыркнулся на постелѣ, забарабанилъ ногами, и захохоталъ безъ умолку.

Человѣкъ усталъ держать надъ нимъ халатъ.

— Надо, сударь, за чаемъ идти, — сказалъ онъ.

— Ой! умру! — вскрикнулъ наконецъ Даяновъ, — прочь халатъ мистеръ Джемса!... умру! пошелъ подавай чай, пошелъ приведи карету четверней съ человѣкомъ, который бы зналъ адресы, пошелъ приготовь мнѣ бриться, давай одѣваться, призови цирюльника, подай чи-

тое бѣлье, маршъ! — Дурь и блажь Даянова такъ была забавна, но онъ такъ умѣлъ даже этой дурью располагать къ себѣ всѣхъ, что слуга, получивъ сто различныхъ приказаній, бросился, согласно приказу, исполнять ихъ въ одно и то же время.

Надѣвъ вмѣсто шелковаго халата медвѣжью шубу и вмѣсто остроносыхъ туфель теплые сапоги свои, Даяновъ прихлѣбнулъ чаю, взглянулъ на халатъ, снова разхохотался, вскочилъ, сдернулъ его съ креселъ, вымелъ ногой въ переднюю, потомъ подошелъ къ чемодану, открылъ его и сталъ перебирать и пересматривать вещи. Вытаращивъ глаза на толстое бѣлье, онъ началъ поодиночкѣ швырять вонъ рубашки, платки, носки, полотенца, манишки, воротнички, и прочія вещи, повторяя: это мистеръ Джемса, и это мистеръ Джемса, и это мистеръ Джемса.

— Карета, сударь, готова, и цирюльникъ пришелъ.

— На, лови, бери себѣ!... на, вотъ тебѣ, пропей! да пошелъ, чтобъ мнѣ сейчасъ же привезли изъ какого-нибудь Французскаго магазина бѣлья.... Ну, чтожь ты?

Даяновъ поворотилъ человѣка, который, началъ было подбирать разметанное бѣлье, лицомъ къ дверямъ, и вытолкнулъ.

Подойдя снова къ чемодану, Даяновъ взялъ портфель, посмотрѣлъ на него, открылъ....

— Это что за письмо?... ахъ, это письмо Софи къ Каменевымъ.... а я было и забылъ про него.... хорошо, что мистеръ Джемсъ догадался положить....

Ah! Sophia! mio caro bene...

Теперь постъ, говоритъ,
Сядь въ малъ постъ, говоритъ,
Поѣзжай, говоритъ,
Въ Петербургъ, говоритъ....

И жди ее вотъ тутъ, въ медвѣжьей шубѣ!»

Рѣдкое бельлетристическое произведеніе, въ особенности заготовленное для журнала, обходится безъ недостатковъ, и недостатковъ довольно и у г. Вельтмана. При такомъ живомъ воображеніи, при такой замѣчательной способности запутывать интригу и придумывать сотни забавныхъ положеній, довольно трудно соблюсти надлежащую мѣру и не переступить той границы, гдѣ забавное становится карикатурнымъ и разнообразіе переходитъ въ невѣроятность. Но на этотъ разъ я не хочу замѣчать ошибокъ г. Вельтмана: я такъ доволенъ первою частью «Чудодѣя». Еще будетъ время для строгой оцѣнки.

Подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія послѣ чтенія первой части «Чудодѣя», обращаюсь къ г. Вельтману, отъ своего лица и отъ лица многихъ читателей, съ одною просьбою. Пусть г. Вельтманъ не торопится со своимъ новымъ романомъ, такъ удачно начатымъ, что и одну первую его часть можно отдать «Саломею», съ прибавленіемъ «Святославича» и «Александра Македонскаго»; пусть г. Вельтманъ просмотритъ свой трудъ, сличитъ его съ образцами лучшихъ англійскихъ писателей, и тогда уже издастъ его въ свѣтъ. Пусть авторъ «Чудодѣя» исправитъ въ своемъ новомъ произведеніи хотя часть преувеличеній и невѣроятностей, пусть выброситъ онъ изъ него лица безполезныя для общаго хода интриги,—пусть, однимъ словомъ, Чудодѣй будетъ корочѣ Саломеи. Если г. Вельтманъ прибавитъ два, три хорошенькихъ женскихъ личика (Софи и Машинька до сихъ поръ не слишкомъ привлекательны), то его Чудодѣй займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской беллетристикѣ. Кромѣ романа г. Вельтмана въ этой книжкѣ Москвитянина нѣтъ ничего замѣчательнаго. Ученая часть журнала и Смѣсь лишены занимательности, сухость мелкихъ статей, сжатый слогъ и по временамъ вычурныя выраженія не привлекаютъ читателя къ второй половинѣ книжки. Вотъ напримѣръ одно выраженіе изъ рецензіи дѣтскихъ книжекъ, изданныхъ Наливкинымъ: «Дѣтскія изданія г. Наливкина современны настоящимъ требованіямъ всего *новаплениаго*». Пустивши въ ходъ такое хитросплетеніе, надобно бы что-нибудь пояснить его, потому-что половина читателей вѣроятно не пойметъ значенія прилагательнаго *новапленный*, не говоря уже о томъ, что слово это не умѣста въ журнальной статьѣ. За исключеніемъ этихъ мелкихъ недостатковъ, можно утвердительно сказать, что Москвитянинъ 1849 года шагнулъ на неизмѣримое разстояніе отъ Москвитянина прежнихъ годовъ. Рѣзкость приговоровъ болѣе и болѣе исчезаетъ, изгнаны изъ него повѣсти въ родѣ «Маркизы Луиджи», беллетристическая часть книжекъ очень хороша и разнообразна. Не знаю, довольны ли этимъ другіе журналы, но я, въ качествѣ подписчика на всѣ наши ежемѣсячныя изданія, приношу благодарность редакціи Москвитянина. Одна просьба къ редакціи: поменѣе толковъ о древнемъ нарядѣ, побольше повѣстей въ родѣ Чудодѣя, побольше замѣтокъ въ родѣ замѣтокъ графа Ростопчина.

Москвитянинъ улучшается, едва ли можно тоже сказать о Сынѣ Отечества. Я прочелъ мартовскую книжку и нашелъ, что самая интересная статья этой книжки называется: «Три анекдота о Суворовѣ», занимающая собою около семи страницъ.

Г. Масальскій началъ повѣсть изъ временъ Петра Великаго. До сихъ-поръ она слаба; что̀ будетъ далѣе? Бельлетристы, вводящіе въ свои произведенія какую-нибудь изъ высокихъ историческихъ знаменитостей, хотятъ воспользоваться ею какъ уловкой, какъ средствомъ понравиться читателямъ: они не хотятъ сообразить, что для описанія великой личности нужна и сила великая, и какъ часто эти бельлетристы напоминаютъ собою Фауста, заклинаніями своими вызывавшаго великаго духа природы и упавшаго въ прахъ, не имѣя силъ выдержать высокаго зрѣлища! Въ новой повѣсти г. Масальскаго мы видимъ одно имя, громадное, имя Петра, но ни личность Великаго, ни событія не рисуются передъ нами. Ничего кромѣ риторики, пополамъ съ реляціею!

Не одинъ г. Масальскій ошибался въ подобномъ разсчетѣ: Кукольникъ, писатель съ болѣе сильнымъ талантомъ, не разъ испытывалъ ту же неудачу. Александръ Дюма, котораго талантъ несравненно огромнѣе таланта обоихъ названныхъ мною бельлетристовъ, сдѣлалъ такой же неловкій опытъ въ лучшую пору своей литературной дѣятельности. Вотъ какъ это было: ослѣпленный успѣхомъ первыхъ своихъ драмъ (Генрихъ III, Антони и Кинъ), Дюма затѣялъ планъ драматическаго произведенія, въ которомъ дѣйствовать долженъ былъ Наполеонъ. Огромная драма должна была обнять всю жизнь его, отъ тулонской осады до Ватерлоо, отъ бріенскаго училища до Лонгвуда на островѣ св. Елены. На созданіе этого произведенія авторъ Кина потратилъ бездну таланта и времени, онъ писалъ его медленно и съ любовію. Наконецъ драма была готова, и всѣ рѣшили, что она никуда не годится.

Теперь, не тратя много времени, взглянемъ на слогъ и на манеру г. Масальскаго. Какъ знатокъ музыки по двумъ аккордамъ судитъ объ искусствѣ виртуоза, такъ по слѣдующей сценѣ, коротенькой, взятой мною на удачу, выписываемой безъ комментаріевъ, вы можете судить о цѣлой повѣсти.

Одинъ изъ героевъ ея, поручикъ Лановъ, юноша храбрый и благонравный (это не то, что Даяновъ, г. Вельтмана) отправляется съ командою на фуражировку. Сцена происходитъ около Выборга. Возлѣ небольшого домика встрѣчается поручику хорошенькая шведка, и молодые люди вступаютъ въ разговоръ.

« — Я надѣюсь, что вы меня и моего стараго отца не обидите, не » разорите насъ! сказала дѣвушка, опустивъ глаза, наполненные слезами.

« — Такія предположенія насчетъ Русскихъ (отвѣчалъ Лановъ) » крайне обижаютъ меня! Будьте увѣрены, что русскіе воины никогда

«не захотятъ обидѣть беззащитныхъ, никогда не нанесутъ малѣйшаго «оскорбленія дряхлому старику, слабой женщинѣ, прекрасной, невинной дѣвушкѣ! Если у нашихъ враговъ ружья и пушки, штыки и сабли, о! тогда дѣло другое! Русскій всегда готовъ помѣряться силами и посмотрѣть: чья взяла? Ужь тутъ, извините, мы упрямы и «стойки!»

Надъ Княжнинымъ печатно трунили за то, что одинъ изъ его героевъ поминутно возглашаетъ: «Я Россъ! я Россъ! я Россъ!» Русскій человѣкъ умѣетъ сильно чувствовать, любить родину и гордиться имемъ русскаго, но до многословія и фразерства онъ не охотникъ. Человѣкъ, глубоко проникнутый сознаніемъ величія своей родины, не станетъ поминутно хвалиться своимъ происхожденіемъ, по той же самой причинѣ, изъ-за которой истинно честный и храбрый человѣкъ не хвалится своею честностью и храбростью. Но довольно объ этомъ важномъ предметѣ.

Забавнаго въ третьей книжкѣ Сына Отечества не такъ много. Стихи, правда, по прежнему плохи, но не располагаютъ къ веселью, потому-что вялы Чтобы написать плохіе, но забавные стихи, надобно напередъ задать себѣ какую-нибудь громадно-торжественную тему и выполнить ее съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда стихи выходятъ препріятные.

Въ Петербургскомъ Вѣстникѣ уже нѣтъ Дмитрія Николаича, совершавшаго «всякій день обильныя возліянія Бахусу!» Зато количество остротъ прибавилось. Неизвѣстный сочинитель, явно оказываетъ рѣшительное намѣреніе помѣщать въ статьяхъ своихъ каламбуры. (стр. 60). Съ удовольствіемъ узналъ я о такомъ пріятномъ сюрпризѣ для читателей и сейчасъ же спѣшу подѣлиться съ вами нѣсколькими каламбурами и остротами Сына Отечества Я люблю каламбуры и остроты, особенно неудачныя, и всячески поощряю каламбуристовъ и остряковъ. Чѣмъ хуже острятъ они, тѣмъ болѣе я имъ сочувствую; я люблю плохія остроты также, какъ сосѣдъ мой любитъ плохія стихотворенія. Когда какой-нибудь острый господинъ, посреди всеобщаго молчанія, вдругъ отпускаетъ неловкое, тяжелое и непонятное бомо, когда слушатели, не награждая его ожидаемымъ смѣхомъ, начинаютъ кусать губы и коварно переглядываться между собою, когда хорошенькая хозяйка дома, полная снисходительности, одна старается засмѣяться, чтобъ совсѣмъ не сконфузить остраго господина, въ этомъ случаѣ я всегда поддерживаю хозяйку, всегда смѣюсь и поощряю каламбуриста. Въ-самомъ-дѣлѣ, неудавшаяся острота есть вещь раздирающая душу. Острякъ, на выходку котораго общество не отвѣчаетъ смѣхомъ, переживаетъ много горя въ первую

минуту послѣ неудачи. Грустное, тяжелое и трогательное положеніе! И если счастіе и несчастіе человѣка будемъ мы измѣрять не событіями, а ощущеніями, то страданіе неловкаго остряка станетъ близко къ страданію полководца, проигравшаго сраженіе.

Итакъ, я рѣшаюсь поддерживать неизвѣстнаго каламбуриста, автора Петербургскаго Вѣстника.

1) Ореста нашего зовутъ Иваномъ Иванычемъ, Пилада Петромъ Александрычемъ. Сами себя они называютъ, въ шутку, *ровесниками вѣковъ: каждому изъ нихъ осмнадцать съ половиною лѣтъ*. (стр. 50).

2) Гдѣ Вася, тамъ и Петя: гдѣ Петя, тамъ и Вася Ихъ успѣхи въ модномъ, или пожалуй, въ *большомъ* свѣтѣ (*о, читатель, это свѣтъ «премаленькій, самый микроскопическій*) не породили между ими зависти «и нескромности. Бѣлокурому Ванѣ приглядываются черноглазыя кра«савицы, брюнетъ Петя предпочитаетъ «очи голубые», но они не «*изсушили молодца*», онъ сталъ только нѣсколько блѣднѣе, нежели «какъ былъ на *водахъ* въ 1847 году. Съ тѣхъ поръ вѣдь не мало *уте«кло воды*.... (стр. 52).

3) «*Левъ*.... виноваты, Леонъ Бирбанскій, *соритъ* деньгами въ игор«номъ домѣ. Разъ какъ то весь этотъ *соръ* повымели у него изъ кар«мановъ до чиста. (Стр. 53).

4) Одинъ изъ посѣтителей Александринскаго театра говоритъ съ своимъ сосѣдомъ о драмѣ графа Соллогуба «Мѣстничество»:

— «А въ какое время происходитъ дѣйствіе?

— «Да вы, я думаю, были еще маленькіе», отвѣчаетъ острякъ, «*при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ*...

5) «Наконецъ идутъ «Ивлеровскіе пирожки» (піеса). Оно и кстати «бы, *публика успѣла проголодаться*. Съ нетерпѣніемъ ждемъ *пирож«ковъ*, но вдругъ, въ антрактѣ, возвѣщаютъ, что за болѣзнію г. Марковецкаго, *пирожковъ не будетъ*» (Стр. 69).

6) Что вы скажете о «Цвѣтахъ» (другая піеса)? спросилъ насъ Петя, при встрѣчѣ на Невскомъ проспектѣ.

— Я люблю *цвѣты* неподдѣльные, они не боятся *ни дождя, ни критики* ...

— «Будете въ бенефисѣ В. В. Самойловой?»

— «Цѣна мѣстамъ?»

— «Разумѣется *необыкновенная*. — За то и піесы *не обыкновенныя!* Во первыхъ.... что тутъ говорить *о мѣстахъ*.... во первыхъ *Мѣстничество*, прологъ графа Соллогуба. *Вѣрочка*. Я такъ люблю одну Вѣрочку.... (Стр. 61)

Подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія послѣ чтенія первой части «Чудодѣя», обращаюсь къ г. Вельтману, отъ своего лица и отъ лица многихъ читателей, съ одною просьбою. Пусть г. Вельтманъ не торопится со своимъ новымъ романомъ, такъ удачно начатымъ, что и одну первую его часть можно отдать «Саломею», съ прибавленіемъ «Святославича» и «Александра Македонскаго»; пусть г. Вельтманъ просмотритъ свой трудъ, сличитъ его съ образцами лучшихъ англійскихъ писателей, и тогда уже издаетъ его въ свѣтъ. Пусть авторъ «Чудодѣя» исправитъ въ своемъ новомъ произведеніи хотя часть преувеличеній и невѣроятностей, пусть выброситъ онъ изъ него лица безполезныя для общаго хода интриги,—пусть, однимъ словомъ, Чудодѣй будетъ короче Саломеи. Если г. Вельтманъ прибавитъ два, три хорошенькихъ женскихъ личика (Софи и Машинька до сихъ поръ не слишкомъ привлекательны), то его Чудодѣй займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской беллетристикѣ. Кромѣ романа г. Вельтмана въ пятой книжкѣ Москвитянина нѣтъ ничего замѣчательнаго. Ученая часть журнала и Смѣсь лишены занимательности, сухость мелкихъ статей, сжатый слогъ и по временамъ вычурныя выраженія не привлекаютъ читателя къ второй половинѣ книжки. Вотъ напримѣръ одно выраженіе изъ рецензіи дѣтскихъ книжекъ, изданныхъ Наливкинымъ: «Дѣтскія изданія г. Наливкина современны настоящимъ требованіямъ всего *новапленнаго*». Пустивши въ ходъ такое хитросплетеніе, надобно бы что-нибудь пояснить его, потому-что половина читателей вѣроятно не пойметъ значенія прилагательнаго *поваплениый*, не говоря уже о томъ, что слово это не умѣста въ журнальной статьѣ. За исключеніемъ этихъ мелкихъ недостатковъ, можно утвердительно сказать, что Москвитянинъ 1849 года шагнулъ на неизмѣримое разстояніе отъ Москвитянина прежнихъ годовъ. Рѣзкость приговоровъ болѣе и болѣе изчезаетъ, изгнаны изъ него повѣсти въ родѣ «Маркизы Луиджи», беллетристическая часть книжекъ очень хороша и разнообразна. Не знаю, довольны ли этимъ другіе журналы, но я, въ качествѣ подписчика на всѣ наши ежемѣсячныя изданія, приношу благодарность редакціи Москвитянина. Одна просьба къ редакціи: поменѣе толковъ о древнемъ нарядѣ, поболѣе повѣстей въ родѣ Чудодѣя, поболѣе замѣтокъ въ родѣ замѣтокъ графа Ростопчина.

Москвитянинъ улучшается, едва ли можно тоже сказать о Сынѣ Отечества. Я прочелъ мартовскую книжку и нашелъ, что самая интересная статья этой книжки называется: «Три анекдота о Суворовѣ», занимающая собою около семи страницъ.

Г. Масальскій началъ повѣсть изъ временъ Петра Великаго. До сихъ-поръ она слаба; что̀ будетъ далѣе? Бельлетристы, вводящіе въ свои произведенія какую-нибудь изъ высокихъ историческихъ знаменитостей, хотятъ воспользоваться ею какъ уловкой, какъ средствомъ понравиться читателямъ: они не хотятъ сообразить, что для описанія великой личности нужна и сила великая, и какъ часто эти бельлетристы напоминаютъ собою Фауста, заклинаніями своими вызывавшаго великаго духа природы и упавшаго въ прахъ, не имѣя силъ выдержать высокаго зрѣлища! Въ новой повѣсти г. Масальскаго мы видимъ одно имя, громадное, имя Петра, но ни личность Великаго, ни событія не рисуются передъ нами. Ничего кромѣ риторики, пополамъ съ реляціею!

Не одинъ г. Масальскій ошибался въ подобномъ разсчетѣ: Кукольникъ, писатель съ болѣе сильнымъ талантомъ, не разъ испытывалъ ту же неудачу. Александръ Дюма, котораго талантъ несравненно огромнѣе таланта обоихъ названныхъ мною бельлетристовъ, сдѣлалъ такой же неловкій опытъ въ лучшую пору своей литературной дѣятельности. Вотъ какъ это было: ослѣпленный успѣхомъ первыхъ своихъ драмъ (Генрихъ III, Антони и Кинъ), Дюма затѣялъ планъ драматическаго произведенія, въ которомъ дѣйствовать долженъ былъ Наполеонъ. Огромная драма должна была обнять всю жизнь его, отъ тулонской осады до Ватерлоо, отъ бріенскаго училища до Лонгвуда на островѣ св. Елены. На созданіе этого произведенія авторъ Кина потратилъ бездну таланта и времени, онъ писалъ его медленно и съ любовію. Наконецъ драма была готова, и всѣ рѣшили, что она никуда не годится.

Теперь, не тратя много времени, взглянемъ на слогъ и на манеру г. Масальскаго. Какъ знатокъ музыки по двумъ аккордамъ судитъ объ искусствѣ виртуоза, такъ по слѣдующей сценѣ, коротенькой, взятой мною на удачу, выписываемой безъ комментаріевъ, вы можете судить о цѣлой повѣсти.

Одинъ изъ героевъ ея, поручикъ Лановъ, юноша храбрый и благонравный (это не то, что Даяновъ, г. Вельтмана) отправляется съ командою на фуражировку. Сцена происходитъ около Выборга. Возлѣ небольшого домика встрѣчается поручику хорошенькая шведка, и молодые люди вступаютъ въ разговоръ.

« — Я надѣюсь, что вы меня и моего стараго отца не обидите, не » разорите насъ! сказала дѣвушка, опустивъ глаза, наполненные слезами.

« — Такія предположенія насчетъ Русскихъ (отвѣчалъ Лановъ) » крайне обижаютъ меня! Будьте увѣрены, что русскіе воины никогда

«не захотятъ обидѣть беззащитныхъ, никогда не нанесутъ малѣйшаго «оскорбленія дряхлому старику, слабой женщинѣ, прекрасной, невинной дѣвушкѣ! Если у нашихъ враговъ ружья и пушки, штыки и сабли, о! тогда дѣло другое! Русскій всегда готовъ помѣряться силами и посмотрѣть: чья взяла? Ужь тутъ, извините, мы упрямы и «стойки!»

Надъ Княжнинымъ печатно трунили за то, что одинъ изъ его героевъ поминутно возглашаетъ: «Я Россъ! я Россъ! я Россъ!» Русскій человѣкъ умѣетъ сильно чувствовать, любить родину и гордиться именемъ русскаго, но до многословія и фразерства онъ не охотникъ. Человѣкъ, глубоко проникнутый сознаніемъ величія своей родины, не станетъ поминутно хвалиться своимъ происхожденіемъ. по той же самой причинѣ, изъ-за которой истинно честный и храбрый человѣкъ не хвалится своею честностью и храбростью. Но довольно объ этомъ важномъ предметѣ.

Забавнаго въ третьей книжкѣ Сына Отечества не такъ много. Стихи, правда, по прежнему плохи, но не располагаютъ къ веселью, потому-что вялы Чтобы написать плохіе, но забавные стихи, надобно напередъ задать себѣ какую-нибудь громадно-торжественную тему и выполнить ее съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда стихи выходятъ препріятные.

Въ Петербургскомъ Вѣстникѣ уже нѣтъ Дмитрія Николаича, совершавшаго «всякій день обильныя возліянія Бахусу!» Зато количество остротъ прибавилось. Неизвѣстный сочинитель, явно оказываетъ рѣшительное намѣреніе помѣщать въ статьяхъ своихъ каламбуры, (стр. 60). Съ удовольствіемъ узналъ я о такомъ пріятномъ сюрпризѣ для читателей и сейчасъ же спѣшу подѣлиться съ вами нѣсколькими каламбурами и остротами Сына Отечества Я люблю каламбуры и остроты, особенно неудачныя, и всячески поощряю каламбуристовъ и остряковъ. Чѣмъ хуже острятъ они, тѣмъ болѣе я имъ сочувствую; я люблю плохія остроты также, какъ сосѣдъ мой любитъ плохія стихотворенія. Когда какой-нибудь острый господинъ, посреди всеобщаго молчанія, вдругъ отпускаетъ неловкое, тяжелое и непонятное бомо, когда слушатели, не награждая его ожидаемымъ смѣхомъ, начинаютъ кусать губы и коварно переглядываться между собою, когда хорошенькая хозяйка дома, полная снисходительности, одна старается засмѣяться, чтобъ совсѣмъ не сконфузить остраго господина, въ этомъ случаѣ я всегда поддерживаю хозяйку, всегда смѣюсь и поощряю каламбуриста. Въ-самомъ-дѣлѣ, неудавшаяся острота есть вещь раздирающая душу. Острякъ, на выходку котораго общество не отвѣчаетъ смѣхомъ, переживаетъ много горя въ первую

минуту послѣ неудачи. Грустное, тяжелое и трогательное положеніе! И если счастіе и несчастіе человѣка будемъ мы измѣрять не событіями, а ощущеніями, то страданіе неловкаго остряка станетъ близко къ страданію полководца, проигравшаго сраженіе.

Итакъ, я рѣшаюсь поддерживать неизвѣстнаго каламбуриста, автора Петербургскаго Вѣстника.

1) Ореста нашего зовутъ Иваномъ Иванычемъ, Пилада Петромъ Александрычемъ. Сами себя они называютъ, въ шутку, *ровесниками вѣков: каждому изъ нихъ осмнадцать съ половиною лѣтъ*. (стр. 50).

2) Гдѣ Вася, тамъ и Петя; гдѣ Петя, тамъ и Вася Ихъ успѣхи въ одномъ, или пожалуй, въ *большомъ* свѣтѣ (*о, читатель, это свѣтъ премаленькій, самый микроскопическій*) не породили между ими зависти и нескромности. Бѣлокурому Ванѣ приглядываются черноглазыя красавицы, брюнетъ Петя предпочитаетъ «очи голубые», но они не *изсушили молодца*», онъ сталъ только нѣсколько блѣднѣе, нежели какъ былъ на *водахъ* въ 1847 году. Съ тѣхъ поръ вѣдь не мало *утекло воды*.... (стр. 52).

3) «*Левъ*.... виноваты, Леонъ Бирбанскій, *соритъ* деньгами въ игорномъ домѣ. Разъ какъ то весь этотъ *соръ* повымели у него изъ кармановъ до чиста. (Стр. 53).

4) Одинъ изъ посѣтителей Александринскаго театра говоритъ съ своимъ сосѣдомъ о драмѣ графа Соллогуба «Мѣстничество»:

— «А въ какое время происходитъ дѣйствіе?

— «Да вы, я думаю, были еще маленькіе», отвѣчаетъ острякъ, *при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ*...

5) «Наконецъ идутъ «Иллеровскіе пирожки» (піеса). Оно и кстати бы, *публика успѣла проголодаться*. Съ нетерпѣніемъ ждемъ *пирожковъ*, но вдругъ, въ антрактѣ, возвѣщаютъ, что за болѣзнію г. Марковецкаго, *пирожковъ не будетъ*» (Стр. 69).

6) Что вы скажете о «Цвѣтахъ» (другая піеса)? спросилъ насъ Петя, при встрѣчѣ на Невскомъ проспектѣ.

— Я люблю *цвѣты* неподдѣльные, они не боятся *ни дождя, ни критики* ...

— «Будете въ бенефисѣ В. В. Самойловой?»

— «Цѣна мѣстамъ?»

— «Разумѣется *необыкновенная*. — За то и піесы *не обыкновенныя!* Во первыхъ.... что тутъ говорить *о мѣстахъ*.... во первыхъ *Мѣстничество*, прологъ графа Соллогуба. *Вѣрочка*. Я такъ люблю одну Вѣрочку.... (Стр. 61).

Тутъ же даю вамъ обѣщаніе ежемѣсячно посвящать одну страницу подобнымъ остротамъ. Одного боюсь: чтобъ остроты эти не исчезли, какъ изчезъ изящный, великосвѣтскій Дмитрій Николаичъ!...

Но довольно обо всемъ этомъ. «Guarda e passa» (Взгляни и проходи мимо). Перехожу къ 3 нумеру Отечественныхъ Записокъ, котораго бельлетристическій отдѣлъ, по примѣру прошлаго мѣсяца, далеко ниже другихъ отдѣловъ того же журнала. Одно хорошо: «Зависть» Евгенія Сю окончена, и этотъ до крайности плохой романъ не будетъ больше надоѣдать читателямъ.

Я всегда признавалъ могучее дарованіе въ Евгеніи Сю, но въ настоящее время долженъ сказать, что ни одинъ изъ современныхъ ...писателей не падалъ такъ низко, какъ упалъ онъ въ послѣдніе года. Читавшіе Артура съ трудомъ повѣрятъ, что Зависть написана тѣмъ же самымъ романистомъ. Что за вялость, что за натянутость, что за сантиментальная слезливость! И въ довершеніе всего, вывели на сцену своихъ пряничныхъ героевъ, авторъ самъ на нихъ любуется, истолковываетъ каждое ихъ движеніе, поминутно говоритъ читателю: «какъ восхитительна моя героиня! какъ высокъ мой герой! какія чудныя вещи говорятъ они другъ другу!» Только этого недоставало! и вѣрить не хочется, чтобъ до такихъ продѣлокъ пришлось спуститься такому писателю.

Въ отдѣлѣ критики весьма замѣчательна статья объ Одиссеѣ въ переводѣ Жуковскаго, а послѣ диѳирамбовъ г. Шевырева и парадоксовъ г. Сенковскаго она кажется еще болѣе пріятнымъ явленіемъ. Это первая дѣльная статья о Гомерѣ, вполнѣ соотвѣтствующая важности своего предмета; да и пора же наконецъ кончить съ вѣчными шуточками и со статьями, гдѣ, по поводу какого-нибудь ученаго вопроса, трактуется о музыкальныхъ тонкостяхъ или другомъ, совершенно постороннемъ предметѣ! Хотѣлось бы мнѣ узнать, оцѣнила ли публика названную мною статью, много ли нашлось для нея читателей... или же большинство любителей словесности отозвалось о ней: «статья-то хороша, да г. Сенковскій лучше пишетъ объ Одиссеѣ». Во всякомъ случаѣ, редакція От. Зап. сдѣлала свое дѣло: въ трехъ книжкахъ издаваемаго ею журнала, встрѣчаю я уже вторую статью, касающуюся до древней греческой словесности, этого богатаго источника наслажденій, почти незнакомаго нашимъ читателямъ.

Отдавая полную справедливость глубокимъ познаніямъ и вкусу автора статьи, названной мною, не могу удержаться отъ нѣсколькихъ замѣтокъ, которыя пришли мнѣ въ голову при ея чтеніи. Признавая несомнѣнныя заслуги г. Жуковскаго и Гнѣдича относительно перевода

ювыхъ поэмъ, критикъ замѣчаетъ однако же, что переводы Илі-
и Одиссеи не вполнѣ удовлетворяютъ читателя, жаждущаго по-
)миться съ этими великими произведеніями. Мнѣніе это совер-
ю справедливо; но разбирая причины, по которымъ эти переводы
овлетворительны, авторъ высказываетъ одну мысль, съ которою
могу согласиться. Гомеровы поэмы, говоритъ критикъ, были
зведеніями народными, ихъ читали и восхищались ими *весь* греки,
различія образованія, званія и возраста,—стало быть и переводъ
енъ производить подобное дѣйствіе, переводъ долженъ быть
іѣ доступенъ *всѣмъ* читателямъ безъ различія, Иліада и Одиссея,
ереводѣ на русскій языкъ, должны сдѣлаться народною книгою.
гимъ я не могу согласиться: переведите Одиссею еще проще,
понятнѣе, еще изящнѣе, нежели исполнилъ это Жуковскій: пе-
іте Иліаду еще вѣрнѣе, еще рельефнѣе, нежели трудъ Гнѣдича;
іьте трудиться надъ переводомъ самаго *народнаго* нашего
геля, все-таки переводъ не будетъ читаться людьми всякаго
)вія, званія и образованія. Что народно въ одной странѣ,
цоступно только дилетантамъ въ другихъ земляхъ. Пѣсни
нже народны во Франціи, ботлеровъ «Гудибрасъ» былъ наро-
въ Англіи, драматическія произведенія Вонделя народны въ Гол-
іи, но изъ этихъ сочиненій ни одно не народно въ другой какой-
дь странѣ. Возьмите же теперь эпопеи Гомера, въ которыхъ все
) духомъ древности, вѣрованіями временъ давно минувшихъ, и
разите, могутъ ли эти величественныя созданія быть равно до-
ы въ наше время ученому, простолюдину, свѣтской женщинѣ
мальчику тринатцати лѣтъ? Нѣтъ сомнѣнія, что при вниматель-
постоянномъ чтеніи, послѣ нѣкоторыхъ усилій и объясненій,
)й, самый неразвитый человѣкъ, найдетъ въ твореніяхъ Гомера
зибудь по своей душѣ; но, замѣтьте, необходимымъ условіемъ для
я ставлю *усиліе*, внимательность, охоту гоняться за поясненіями.
вѣкъ, незнакомый съ миѳологіею и исторіею древнихъ народовъ
ювится на самомъ началѣ Одиссеи, на первыхъ двухъ стихахъ
ѣтитъ онъ слова: *муза*, *Иліонъ*. Вотъ одна изъ причинъ, по кото-
никакой переводъ Гомера не можетъ сдѣлаться народнымъ въ
время, почему Иліада и Одиссея всегда будутъ достояніемъ чи-
ей развитыхъ и опытныхъ, всѣми же классами и возрастами чи-
я будутъ развѣ въ то время, когда, по шутливому выраженію
)миста, «самая земля пахаться будетъ машинами, а земледѣльцу
ется только сидѣть подъ деревомъ и читать Овидія». Разумѣется,
і земледѣлецъ не призадумается надъ *музою*, *Иліономъ*, *Геліосомъ* и

тому подобными словами! Потому-то мнѣ и кажется, что переводъ Одиссеи не слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія какой-то невозможной народности. Если трудъ переводчика удовлетворяетъ просвѣщенныхъ любителей словесности, людей много читавшихъ и читающихъ, трудъ этотъ становится уже весьма цѣннымъ; большинство читателей должно само уже возвышаться до способности понимать его.

Второе замѣчаніе намѣренъ я сдѣлать по поводу отзыва критики о Гнѣдичѣ. Авторъ разбора Одиссеи говоритъ въ трехъ мѣстахъ, что гнѣдичевъ переводъ Иліады лишенъ всякаго литературнаго достоинства. Я очень хорошо знаю, что огромный и добросовѣстный трудъ переводчика Иліады не былъ вполнѣ оцѣненъ нашими читателями. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; но изъ этого ничего нельзя заключить: въ подобныхъ случаяхъ судъ большинства публики исчезаетъ передъ отзывами ученыхъ судей. Тѣмъ грустнѣе было бы мнѣ видѣть, что авторъ критики раздѣляетъ мнѣніе, лишенное всякой основательности.

Въ одномъ изъ старыхъ нумеровъ Отечественныхъ Записокъ, покойный Бѣлинскій, говоря объ Иліадѣ, переведенной Гнѣдичемъ, выразился такъ: «Гнѣдичъ оставилъ далеко за собою и Фосса и другихъ переводчиковъ, — его трудъ не вполнѣ оцѣненъ читателями, но придетъ время, когда гнѣдичевъ переводъ Иліады сдѣлается настольною книгою у всякаго любителя чтенія». Не имѣя подъ рукою Отеч. Зап., можетъ быть, я не точно выразилъ слова Бѣлинскаго, но самую сущность отзыва я помню очень хорошо, отчасти и потому, что мнѣніе это совершенно совпадало съ собственнымъ моимъ убѣжденіемъ.

Гнѣдичъ не былъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ въ замѣчательной степени обладалъ свѣтлымъ поэтическимъ инстинктомъ, значительно развившимся вслѣдствіе постояннаго труда и знакомства съ обаятельнымъ древнимъ міромъ. Ссылаюсь на его извѣстную идиллію «Рыбаки», которая въ цѣломъ не выдерживаетъ поверхностной критики, но въ которой встрѣчаются такія художественныя описанія природы, какія можно найти только у Пушкина и по временамъ у Лермонтова. Описаніе вечера надъ Невою, въ срединѣ названной идилліи, безъ преувеличенія можно поставить рядомъ съ нѣкоторыми стихами Гёте.

Когда Гнѣдичъ взялся за переводъ Иліады, его живая и симпатичная натура приняла этотъ трудъ какъ величайшее наслажденіе. Любовь Гнѣдича къ гомеровой поэмѣ была безпредѣльна. Когда отецъ поэзіи «дремалъ», дремалъ и Гнѣдичъ, но силы переводчика возраждались, чуть доходило дѣло до красотъ, которымъ дивились и дивятся

околѣнія. Ни одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ эпизодовъ Иліады не ереданъ слабо; въ доказательство словъ моихъ, я попрошу припомнить аменитое прощаніе Гектора съ женою, плачъ Ахиллеса надъ убитымъ атрокломъ, пожаръ греческихъ судовъ, сцену, когда Гера соблазвeтъ Юпитера, свиданіе Пріама съ Ахиллесомъ, и наконецъ до необъятности грандіозную сцену, когда рѣки Ксанѳъ и Симоисъ, заступаясь за поражаемыхъ троянъ, воздвигаются на быстроногаго сына элеева, хлещутъ въ него волнами и кровью и бросаютъ трупами героя, который, окруженный волнами, продолжаетъ истреблять враовъ и мстить за убитаго друга. Всѣ эти сцены до того удались Гнѣичу, что самые недостатки перевода забываются и почти обращаются красоты. Какъ хорошъ его желѣзный, угловатый, энергическій ксаметръ! какъ кратки и художественны описанія, какъ приличны питеты, несмотря на свою изысканность! Многіе возстаютъ на торественность гнѣдичева слога и на невсегда умѣстное употребленіе ерковно-славянскихъ выраженій: но если допустить вполнѣ справедвость этихъ замѣчаній, то чтó же останется изъ сочиненій Держаина?

Энергія, которою проникнутъ трудъ Гнѣдича, можетъ быть повреила бы переводу Одиссеи, но въ Иліадѣ она почти всегда на своемъ ѣстѣ. Какъ на два лучшіе отрывка въ этомъ родѣ, я укажу на разказъ единоборства Аякса съ Гекторомъ (въ 1-й части Иліады) и на у сцену, когда Гекторъ, вооружась огромнымъ камнемъ, разбиваетъ орота ахейской стѣны. У меня до сихъ поръ въ памяти эти стихи, оторыми заключается первая часть Иліады:

. . . . и туда и сюда раскололися створы
Камнемъ пробитые страшнымъ — и ринулся Гекторъ великій,
Грозенъ лицомъ, какъ угрюмая ночь, и сіялъ онъ ужасно
Мѣдью, которой закованъ былъ весь. и въ рукахъ потрясалъ онъ
Два копія: не сдержалъ бы героя, никто кромѣ Бога,
Въ мигъ, какъ вбѣжалъ онъ въ ворота: огнемъ его очи горѣли,
. . . . кругомъ побѣжали Ахейцы
Къ чернымъ своимъ кораблямъ, и вездѣ поднялася тревога!

Вспомнимъ еще мѣсто, когда Зевесъ рѣшается остановить наступеніе могучаго Діомеда, котораго конями правитъ Несторъ:

.... Онъ, загремѣвши ужасно, *перунъ сребропламенный бросилъ*,
И на землю его, предъ конями Тидида, повергнулъ.
Яркимъ пламенемъ вверхъ воспаленная вспыхнула сѣра,
Кони, отъ ужаса прянувъ назадъ, подъ ярмомъ задрожали,
Пышныя коней бразды убѣжали изъ старцевыхъ дланей...

И неужели подобный переводъ лишенъ всякаго литературнаго стоинства? Теперь позвольте мнѣ привести еще одно мѣсто, гдѣ сто энергіи встрѣчаемъ мы глубокую скорбь, мѣсто, проникнуто кимъ фантастическимъ, трогательнымъ колоритомъ, что вся Гер съ Шиллеромъ впереди, не въ состояніи представить ничего по этой восхитительной сценѣ, написанной *грекомъ*. Вы догады что я говорю о свиданіи Ахиллеса съ тѣнью Патрокла. Послѣ кончившейся гибелью Гектора, герой бродитъ по пустынной «гдѣ волны лишь мутныя билися въ берегъ». Душа его ск погибшемъ другѣ, тѣло истомлено трудомъ, мщеніе соверши торъ погибъ, но страданіе и тоска не прекратились. Ахиллес на землю, *лицомъ книзу* (замѣтьте эту дивную черту!), к тоски, забывается сномъ. Ему представляется тѣнь Патрокла, *«образ* величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный, тажъ и *одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу знакомый»*, Патроклъ вспоминаетъ ихъ друж бу, время дѣтства, предсказываетъ Ахиллесу скорую кончину и ум ляетъ, чтобъ кости ихъ лежали вмѣстѣ....

Но я увлекаюсь самимъ Гомеромъ; посмотримъ, каково передалъ Гнѣдичъ эту прекрасную сцену. Стихъ его въ этомъ мѣстѣ совершенно правиленъ, простъ, дышетъ какимъ-то уныніемъ.... Но въ отвѣтѣ Ахиллеса своему другу, Гнѣдичъ возвышается до истинной художественности. Протяжная, напряженная тягучесть гекзаметра, какая-то богатырская грусть, которою проникнута эта рѣчь, ставитъ всю сцену въ разрядъ прекраснѣйшихъ произведеній нашей словесности:

Быстро къ нему простираясь, вѣщалъ Ахиллесъ благородный:
Ты ли, другъ мой единственный, мертвый меня посѣщаешь?
Ты ль полагаешь завѣты мнѣ крѣпкіе? я совершу ихъ,
Радостно всѣ совершу, и исполню, какъ ты завѣщаешь!
Но приближься, на мигъ мы хотя обоймемся съ любовью,
И взаимно съ тобой насладимся рыданіемъ горькимъ!
Рекъ, и жадные руки любимца обнять распростеръ онъ:
Тщетно: *душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю,*
Съ воемъ сошла. И вскочилъ Ахиллесъ, пораженный видѣньемъ,
И руками всплеснулъ.. .

Если этотъ переводъ недостоинъ подлинника, то лучше всего и не переводить Гомера, основываясь на томъ, что Гомеръ необъятно великъ!

Изъ другихъ статей въ Отечественныхъ Запискахъ замѣчательны первая статья о «Банкахъ» и замѣтки помѣщенныя въ отдѣлѣ хозяйства.

Въ смѣси 3-й книжки Отеч. Записокъ помѣщена маленькая поэма да Байрона «Сонъ» *(the Dream)*, въ переводѣ г. Красова. Переводъ данъ прозою, но кажется мнѣ, что произведенія подобнаго содер-нія, отличающіяся грустнымъ, нѣсколько туманнымъ, полуфанта-ческимъ колоритомъ, не могутъ быть хорошо переданы прозою. мните, напримѣръ, знаменитое предисловіе Фауста: «*Ihr nah't euch er, schwankende Gestalten*», и посудите сами, удержится ли мелан-ическій смыслъ этихъ музыкальныхъ стиховъ въ простомъ, прозаи-омъ переводѣ, какъ бы тщательно ни былъ онъ сдѣланъ? При пе-водѣ байроновыхъ поэмъ встрѣчается еще одно затрудненіе, почти долимое: ихъ языкъ до такой степени сжатъ и рѣзокъ, что всемъ богатствѣ языка, при всемъ искусствѣ переводчика, часто йдется положить перо и стать втупикъ, послѣ тщетныхъ усилій искать равносильное выраженіе. Такъ во французскихъ переводахъ нъ Жуана не рѣдко одна октава Байрона занимаетъ полъ-страницы ечатнаго текста. Кажется, г. Красовъ въ особенности обращалъ вни-аніе на это обстоятельство: его переводъ, по сжатости своей, близко одходитъ къ подлиннику. Но картинность слога, но рѣзкость выра-кеній, но глубокая задушевная грусть, которою проникнута поэма,— се это исчезло, совершенно исчезло...

По моему мнѣнію, англичане черезчуръ уже гордятся «Сномъ» да еще другимъ произведеніемъ Байрона, отличающимся тѣмъ же груст-нымъ элементомъ. Я говорю о прекрасныхъ стансахъ къ Августѣ (My sister, my sweet sister). Мнѣ кажется, что еще до сихъ поръ самолю-бивый британецъ косо глядитъ на творенія великаго поэта, который умѣетъ изображать только мрачныя стороны жизни. «Сонъ» и «Стансы къ Августѣ» приняты были взрывомъ общаго восторга, чуть ли не потому именно, что въ нихъ мало проявляется байроновскаго элемента, что въ нихъ поэтъ будто отступался отъ своего произведенія, гру-стилъ, а не проклиналъ. Я помню слова одного англичанина о Байронѣ: «онъ не любилъ насъ, но мы его любили. Его проклятія цѣнили мы выше золота, а *слеза его казалась намъ дороже брильянтовъ*». Совер-шенно британскій отзывъ!

Если я не ошибаюсь, то изъ поэмъ Байрона переведены на русскій языкъ только Шильонскій узникъ, Манфредъ, Корсаръ, Лара и Абидосская невѣста. Всѣ эти переводы за исключеніемъ перваго плохи, оттого, что переводчики позволяли себѣ произвольныя и вовсе не нужныя отступленія отъ подлинника. Хорошо было-бы, еслибъ г. Красовъ попробовалъ перевести одну изъ этихъ поэмъ также тщательно

какъ перевелъ онъ «Сонъ». Содержаніе ихъ, по рельефности своей, облегчитъ трудъ переводчика.

Французскій критикъ, упрекнувшій автора Лары въ однообразіи, зналъ свое дѣло прекрасно. Байронъ однообразенъ, но однообразенъ геніяльно. Онъ порою слабъ, но эта слабость хватаетъ за сердце, онъ и напыщенъ, но напыщенность эта до такой степени вѣрна и рѣзка, что переходитъ въ осязательное проявленіе болѣзненной натуры поэта. Его раздражительный характеръ и событія его жизни какъ нельзя больше оправдываютъ эту мрачную, безотрадно восторженную манеру. Какой человѣкъ, въ минуты мизантропіи и охлажденія къ жизни, не строилъ угрюмыхъ фантазій, въ которыхъ все полно муки, тревоги и холоднаго торжества, въ которыхъ, подобно цвѣткамъ на развалинахъ взятаго штурмомъ города, красуются единственныя отрадныя воспоминанія о любви и красотѣ. Надо сказать правду, если такія фантазіи строитъ человѣкъ обыкновенный, выходитъ пошлость, — у Байрона же раждается Корсаръ, Лара и Гьяуръ.

Гьяуръ въ особенности нравится мнѣ своимъ фантастическимъ, отчаяннымъ увлеченіемъ, которое несется въ невѣдомые края, подобно мрачному всаднику, безумно скачущему, на своемъ ворономъ конѣ, при самомъ началѣ поэмы. На что тутъ обиліе приключеній, зачѣмъ вѣроятность содержанія, будь интрига еще темнѣе и мрачнѣе, будь втрое болѣе отступленій, мнѣ нѣтъ до этого дѣла: я вижу единство, вижу одинъ громадный фактъ — ожесточеніе души необузданной и все-таки любящей! И взгляните, сколько юношеской, пламенной энергіи въ этомъ единствѣ, какъ страшно мечется вамъ въ глаза вражда гьяура къ убійцѣ его Леилы,—вражда, за которою слѣдуетъ безвыходная, сухая апатія! Смотрите, какимъ единствомъ колорита проникнуты всѣ строки, всѣ подробности, какъ страшенъ этотъ мститель «съ злымъ глазомъ», когда онъ встаетъ на стременахъ и съ угрозою поднимаетъ свою руку! Тутъ все дышетъ ожесточеніемъ, оно прорывается, оно видно на всемъ: отъ блѣднаго лица гьяура до его вороного коня, — въ самыхъ отступленіяхъ, полныхъ прелести, заключается что-то страшное. Картины востока, погибшей Греціи, женщинъ, кашемирской бабочки, — сперва наводятъ слезу на глаза; но это одна минута: враждебный колоритъ беретъ свое; эти поэтическія мѣста блестятъ какъ драгоцѣнные камни, но они блестятъ при свѣтѣ пожара.

Впередъ, впередъ! зачѣмъ останавливаться на женскихъ лицахъ, чего искать въ страстныхъ воспоминаніяхъ? поэта призываетъ другая страсть; она влечетъ мстителя гьяура, и съ быстротою, прохватываю-

цею васъ до костей, снова и снова летитъ разсказъ, сжатый, яркій трывистый. Перерывы сдѣлались чаще, въ поэмѣ истощено все, что олько можетъ потрясти душу; но поэтъ не охладѣлъ къ своему гею, онъ не все еще высказалъ.... взрывъ неизбѣженъ, пароксизмъ приближается. Вотъ она, встрѣча Гьяура съ Гассаномъ, вотъ мщеніе, бой и убійство, сцена, написанная словно въ состояніи френетическомъ....

Названныя мною поэмы потому еще удобны для перевода, что въ нихъ не проявляется того саркастическаго и враждебнаго настроенія таланта, за которое впослѣдствіи Соути называлъ поэмы Байрона «сатанинскими произведеніями». Въ ту пору, когда написанъ былъ Гьяуръ и Корсаръ, Байронъ былъ только мизантропомъ, но онъ не былъ врагомъ общества. Только впослѣдствіи событія его бурной и страдальческой жизни развили въ немъ элементъ, породившій Донъ Жуана, Каина и многія другія высокія произведенія, но за которыя можетъ браться только человѣкъ совершенно созрѣлый, твердый и практическій.

Позвольте, подъ конецъ этого письма, разъ навсегда сказать нѣсколько словъ о моихъ письмахъ. Въ двухъ или трехъ журналахъ встрѣтилъ я нѣсколько возраженій на мои замѣчанія, высказанныя въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Каковы бы ни были эти возраженія, прежнія и будущія, будутъ ли смѣшаны съ похвалой или порицаніемъ, я не стану отвѣчать на нихъ, отчасти потому-что не признаю пользы въ полемикѣ, а болѣе потому, что въ качествѣ читателя, знаю по опыту, до какой степени скучна всякая полемика.

Нѣсколько болѣе серьёзныхъ замѣчаній сдѣлано было мнѣ непишущими людьми. Мнѣ говорили, что отзывы мои о русской журналистикѣ обильны насмѣшливостью и отступленіями, показывающими большое равнодушіе къ отечественной словесности. По этому то поводу хочу я объясниться, какъ можно короче. Во-первыхъ, я пишу не постоянный критическій обзоръ русской журналистики, а начинаю и оканчиваю мои письма не связывая себя рѣшительно ничѣмъ. Передавая вамъ собственныя мои мысли и впечатлѣнія, при чтеніи новыхъ журналовъ, я постоянно сохраняю право говорить, что̀ вздумается, оцѣнивать то, что̀ самъ захочу, и умалчивать обо всемъ, что̀ помоему мнѣнію, можетъ показаться сухимъ для читателей.

Я не имѣю горячей привязанности къ современной нашей литературѣ и смотрю на нее болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ полнымъ сочувствіемъ, но до моихъ привязанностей никому нѣтъ дѣла. Время, въ которое раздавалась громкая извѣстность за звучное стихотвореніе или отрывокъ изъ романа, навсегда миновалось, — но время зрѣ-

лыхъ и глубокихъ творенiй еще не наступило для нашей словесности Будемъ же ждать его и въ ожиданiи восхищаться тѣмъ, что было написано прежде насъ великими умами всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Года три тому назадъ, мнѣ случилось въ Петербургѣ сойтись съ кружкомъ людей образованныхъ и умныхъ, но крайне молодыхъ и способныхъ къ увлеченiю. Эти юноши любили чтенiе: почти каждый изъ нихъ съ любовiю занимался какою-нибудь наукою и готовился самъ писать. Мало по малу лѣность и столичная жизнь взяли свое. Эта молодежь начала уже зѣвать надъ серьёзными книгами, но, сохранивъ любовь къ чтенiю, обратилась къ новымъ журналамъ, русскимъ и иностраннымъ. Скоро и чужiе журналы показались ей скучными. отъ русскихъ же не могли отстать эти юноши, вбившiе себѣ въ голову мысль заниматься литературой. Первыя числа мѣсяцовъ были праздниками для нихъ, — въ эти дни они поглощали всѣ новые журналы и долго толковали о прочитанномъ.

Чѣмъ болѣе съуживался кругъ ихъ чтенiя, тѣмъ страннѣе и безобразнѣе становились собственныя ихъ литературныя убѣжденiя. Они стали жадно слѣдить за микроскопическою газетною и журнальною полемикою, начали называть одного великимъ генiемъ за удачный разборъ книги и съ нетерпимостью порицать того, кто не восхищался знаменитымъ разборомъ. Человѣка, написавшаго живую повѣсть, производили они въ главы великаго умственнаго движенiя, и если, заходя ко мнѣ, заставали меня не надъ книжкою журнала или листомъ газетъ, то не упускали случая подсмѣяться надъ моею отсталостiю. Я молчалъ и наблюдалъ за ними съ полною охотою и терпѣнiемъ: но когда эти господа стали заходить ко мнѣ съ тетрадями собственныхъ своихъ повѣстей и философскихъ писемъ, я не вытерпѣлъ и «наговорилъ имъ много остротъ», какъ выражался извѣстный вамъ мой прiятель-нѣмецъ. Вѣроятно мои остроты похожи были на бомо Сына Отечества, потому что будущiе литераторы тутъ же ушли и съ тѣхъ поръ отзываются обо мнѣ не совсѣмъ выгодно.

Имѣя время прочитывать все, что выходитъ у насъ новаго, я съ горестью замѣчаю, что духъ нетерпимости и преувеличенiя не вполнѣ еще изгнанъ изъ нашей словесности. Многiя статьи, многiя бури, случающiяся въ стаканѣ воды, показываютъ мнѣ, что мои юные прiятели олицетворяли собою одну изъ дурныхъ сторонъ нашихъ журнальныхъ дѣятелей: именно жалкое авторское самолюбiе.

Глубже вникнувъ въ положенiе нашей словесности, сосредоточенной въ журналахъ, я постигаю причину, по которой самолюбiе это развивается и въ наше время. Вкусъ публики замѣтно очищается, она

не вполнѣ вѣритъ прiятельскимъ приговорамъ, много незаслуженныхъ знаменитостей сведено со своихъ пьедесталовъ, и, конечно, знаменитости эти глубоко уязвлены равнодушiемъ публики. Литературная слава у насъ болѣе лестна, нежели гдѣ-либо, потому что у насъ мало дѣятелей на литературномъ поприщѣ, и вотъ отчего эта слава кажется такъ увлекательною, вотъ отчего всякая неудача раждаетъ въ писателѣ глубокое, раздражительное огорченiе. Прибавьте къ этому, что кругъ русскихъ читателей, увеличиваясь болѣе и болѣе, все еще не достаточно великъ для обезпеченiя существованiя *всѣхъ* нашихъ журналовъ, что одно изданiе считаетъ подписчиковъ сотнями, тогда какъ у другого ихъ тысячи, — и тогда вы поймете, изъ-за какихъ причинъ авторское самолюбiе такъ часто просвѣчиваетъ въ теперешней полемикѣ.

Полемика эта представляетъ собою много грустнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшного, но смѣяться надъ нею можетъ только человѣкъ совершенно холодный и равнодушный къ развитiю отечественной словесности. Возьмемъ хотя полемическiя замѣтки Сѣверной Пчелы. Сперва онѣ кажутся забавными, но прочитайте такую статью во второй разъ, васъ поразитъ какое-то сосредоточенное, тяжелое самолюбiе, которымъ она проникнута. Взгляните, чего только не дѣлаютъ такiе люди, чтобъ оградить свое самолюбiе, чтобъ защититься отъ нападковъ, о которыхъ уже давно почти и не думаютъ. Они прибѣгаютъ безъ нужды къ вѣчнымъ идеямъ правды и добра, къ свидѣтельству людей умершихъ, пишутъ стихи въ свою похвалу, острятъ, и острятъ неудачно, потому-что при страданiи самолюбiя шутки не могутъ быть удачны. Въ одномъ изъ листковъ «Иллюстрацiи» встрѣтилъ я, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, отзывы о русской литературѣ; они были такъ странны, полны такого особеннаго негодованiя, что я сперва засмѣялся, потомъ отложилъ листокъ подальше отъ себя. Подобнаго рода статьи и теперь еще помѣщаются въ Сынѣ Отечества. Взглянувши на все это, я почти готовъ сознаться, что Библiотека для Чтенiя, устранивъ себя отъ всякихъ литературныхъ вопросовъ, поступаетъ не безъ основанiя.

Вы скажете мнѣ, что тутъ-то и есть *шикъ*, что хладнокровному человѣку должно быть очень весело смотрѣть на всѣ эти маленькiя бури, что безталанность и вялость становятся очень забавны подъ влiянiемъ раздраженнаго самолюбiя. Я не соглашаюсь съ этимъ, я вполнѣ убѣжденъ, что на свѣтѣ нѣтъ отъявленной бездарности, что полные самолюбiемъ люди, надъ которыми мы теперь смѣемся, могли бы произвести что-нибудь полезное, еслибъ вмѣсто безполезной и

жалкой полемики, вмѣсто защиты своего таланта, въ который никто не вѣритъ, обратились они къ чтенію, къ правильному труду, къ переводамъ, компиляціямъ и подобнымъ полезнымъ занятіямъ. Но самолюбіе не даетъ имъ покоя и во всѣмъ блескѣ проявляется въ полемикѣ. «Меня не хвалятъ», говоритъ такой писатель — ничего, это мои враги». И вотъ онъ опять идетъ по старой дорогѣ, не слушая замѣчаній критики, не обращая вниманія на шутки холодныхъ зрителей, на холодность всей публики къ его произведеніямъ. Надъ его героемъ посмѣялись, онъ бросаетъ этого героя, но вмѣсто него выводитъ двухъ, такихъ же ничтожныхъ и неестественныхъ. Его остроты найдены неудачными, онъ старается острить еще болѣе, острить подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, и конечно остритъ еще хуже прежняго.... Когдажь ему читать, когда учиться, когда помышлять объ исправленіи написаннаго? надо непремѣнно отвѣчать, надо ночи не спать надъ своими остротами.

Но если бы это болѣзненное самолюбіе было исключительною принадлежностью плохихъ литературныхъ дѣятелей, я и не говорилъ бы о немъ. А когда я вижу, что талантъ юный и истинный вянетъ въ объятіяхъ этого порока, я страдаю за нашу словесность, я не въ-силахъ шутить и смѣяться надъ такимъ страданіемъ.... Въ свѣтѣ укоренилась мысль, что всѣ писатели черезчуръ самолюбивы, что порицаніе, а еще болѣе чужой успѣхъ становится для нихъ ядомъ: хотя современное положеніе нашей словесности и можетъ оправдать эту мысль; но я не того мнѣнія; я имѣю слабость думать, что съ появленіемъ сильныхъ талантовъ исчезнутъ въ нашей литературѣ проблески болѣзненнаго самолюбія, и надежду мою основываю на томъ фактѣ, что огромное большинство великихъ писателей не было причастно этому пороку, который по справедливости можетъ назваться душевною болѣзнію. Позвольте по этому случаю привести въ доказательство письмо, взятое изъ книги, которую я теперь читаю (Moore's Life of L. Byron).

«Напишите мнѣ, какъ подвигается ваша поэма, только не торопи-«тесь, а за успѣхъ я вамъ ручаюсь. Нѣтъ надобности увѣрять, до «какой степени я дорожу *вашей* славой; по чистой совѣсти признаюсь, «что она для меня дороже *моей собственной*. Въ послѣднее время я «пришелъ къ убѣжденію, что мои сочиненія черезчуръ превозносятся, «и что, писавши ихъ, я слишкомъ торопился. Въ-самомъ-дѣлѣ, написать «двѣ поэмы въ четырнадцать дней — это уже черезчуръ скоро, и, кро-«мѣ васъ, я никому ни за что не признаюсь въ моей поспѣшности. «Пора все это чѣмъ-нибудь кончить»....

Письмо это писано Томасу Муру, человѣкомъ не совсѣмъ тихаго характера и довольно самолюбивымъ. Оно писано лордомъ Байрономъ, который девяти лѣтъ отъ роду падалъ въ обморокъ отъ вспыльчивости, двадцати лѣтъ написалъ сатиру, которую называлъ перчаткою, брошенною въ лицо Англіи, и въ послѣдующіе годы, говоря объ одной женщинѣ бѣшенаго характера, выразился такъ: «Одного меня Маргарита немного боялась, и утихала только тогда, какъ я начиналъ бѣситься» (что̀, какъ вамъ извѣстно, представляетъ свирѣпое зрѣлище) a savage sight).

КОНЦЕРТЪ Г. РОЛЛЕРА ЖИВЫЯ КАРТИНЫ.

Февраль 1849.

Отчего̀ мысль о театрѣ такъ нѣжитъ и щекотитъ душу молодого человѣка? отчего воспоминанія театральныя такъ живо и рѣзко рисуются въ нашей памяти? отчего Пушкинъ назвалъ театръ «волшебнымъ краемъ»? почему одна изъ счастливѣйшихъ фантазій чудака Гофмана навѣяна была на его душу видомъ пустой, тускло освѣщенной залы театра, ночью, черезъ нѣсколько часовъ послѣ представленія колоссальной оперы, моцартова Донъ Жуана?

Вспомните еще разъ Пушкина и Гофмана, примите въ соображеніе начало гётева Вильгельма Мейстера, и вы увидите, что для сѣвернаго жителя идея о театрѣ соединяетъ съ собою какую-то особенную поэзію, о которой не думаютъ ни французы, ни испанцы, ни итальянцы. Причину съискать недолго: въ южномъ краѣ свѣтская жизнь болѣе развита, мужчины чаще сближаются съ женщинами, жизнь начинается ранѣе. Для парижанина театръ есть мѣсто веселья, развлеченія и шалости, а не «волшебный край», не храмъ поэзіи. Въ Италіи музыка поглощаетъ сценическое искусство. Испанецъ холоденъ къ вымышленнымъ драмамъ и приключеніямъ, — ему ли сидѣть за кулисами, когда онъ можетъ заниматься любовью подъ вѣчноголубымъ небомъ, сочинять свою драму на чистомъ воздухѣ, посреди тѣсныхъ улицъ красиваго, бѣлаго, стариннаго, прихотливо выстроеннаго города своей родной Андалузіи.

Изъ всѣхъ городовъ сѣверной Европы, Петербургу, болѣе всякой другой столицы, суждено блистать своими театрами. Еслибъ мы жили въ концѣ прошлаго столѣтія, мы выразились бы такъ: «Терпсихора и Талія поселились въ полнощномъ царствѣ. Одной Мельпомены нельзя къ нимъ прибавить: «mais ça viendra!» Петербургская публика

очень любитъ театръ: да и какъ не любить театра жителямъ Петербурга, куда стекается столько юношества, преклоняющагося передъ искусствомъ, столько молодежи, для которой театръ есть вторая жизнь, столько тружениковъ, которымъ театръ доставляетъ отдыхъ, столько жизненныхъ дилетантовъ, наконецъ столько людей, которымъ нечего дѣлать изъ своего вечера?

Любовь нашей публики къ сценическому искусству съ особенною рѣзкостью высказывается въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. За мѣсяцъ до закрытія театровъ, за билетами уже надо посылать съ утра: беззаботный посѣтитель, пріѣхавшій безъ билета къ началу представленія, застаетъ всѣ мѣста занятыми: на масляной всѣ театры полнехоньки, знаменитости засыпаны цвѣтами и подарками, у кассы давка; на разставаньи вздохи и громкія рукоплесканія.

Точно такимъ образомъ кончился и нынѣшній театральный сезонъ, полный роскоши и неожиданностей, обильный весельемъ и наслажденіями. Утомленные избыткомъ восторга, петербургскіе жители тихо разошлись по домамъ и посвящаютъ теперь время другимъ занятіямъ. Но таковъ человѣкъ: онъ не можетъ совершенно отрѣшиться отъ того, что́ уже прошло: если онъ недавно наслаждался, онъ любитъ припоминать всѣ моменты своего наслажденія, и въ воспоминаніяхъ этихъ находитъ новую отраду. Если онъ скучалъ, то.... да съ какой стати теперь говорить о скукѣ?

Дѣло въ томъ, что передъ глазами Петербурга носятся еще воздушные образы, онъ видитъ какія-то граціозныя группы дѣвушекъ въ красныхъ платьицахъ, которыя то сходятся, то расходятся въ разныя стороны подъ звуки игривой музыки... Въ его ушахъ (я все-таки говорю о Петербургѣ, о *Сѣверной Пальмирѣ*, если прикажете), въ его ушахъ еще отдаются раздирающія душу беллиніевскія мелодіи, энергическіе мотивы Верди, упоительная музыка Россини, отъ которой морщины разглаживаются на лбу и сердце прыгаетъ изъ всей силы. Петербургъ счастливъ, онъ припоминаетъ свои наслажденія.... О, еслибъ знала Фанни Эльслеръ, на сколькихъ рояляхъ и піанинахъ разыгрывались за это время мотивы la truandaise romanesca и другихъ ея танцевъ, еслибъ Фрецколини, наша граціозная, дантовская Беатриче, еслибъ она могла сосчитать, сколько голосовъ, серебряныхъ, дребезжащихъ и просто скверныхъ напѣваютъ ея лучшія аріи, сколько мужскихъ, самыхъ плохихъ, голосовъ, посреди дружеской бесѣды, поютъ «*Dio non volo*» или «*Io son innocente*», — еслибъ двѣ наши великія артистки знали это, имъ было бы, вѣроятно, это очень пріятно.

Воспоминаніе прошлыхъ наслажденій есть вещь поэтическая, пріятная и крайне дешевая, но совсѣмъ тѣмъ бываютъ минуты, когда эти воспоминанія подступаютъ къ сердцу съ такою энергіею, что бѣдному дилетанту становится совершенно не подъ силу довольствоваться одною фантазіею. Мы были счастливы тому три недѣли, мы видѣли только изящнаго.... чтожь изъ этого? намъ все-таки не сидится на мѣстѣ, намъ мало однихъ воспоминаній, дайте намъ освѣжить въ памяти былыя наслажденія, дайте намъ возможность услышать еще разъ г-жу Фреццолини, полюбоваться еще разъ г-жею Эльслеръ, посмотрѣть г. Перо, нашъ неподражаемый кордебалетъ, который сдѣлался еще искуснѣе, еще милѣе и неподражаемѣе, одушевясь мыслію балетмейстера, поставившаго *Эсмеральду* и *Катарину*, римскую амазонку, гордую Катарину, съ ея грозною, быстроглазною арміею непобѣдимыхъ дѣвушекъ!

Потребность подновлять свои театральныя воспоминанія всегда существовала въ петербургской публикѣ; всякой изъ насъ помнитъ концерты 1845 и 1846 годовъ, на которыхъ Віардо, Рубини и Тамбурини пѣли, при огромнѣйшемъ собраніи публики, тотчасъ же послѣ окончанія блистательнаго опернаго сезона. Привязанности упорно держатся въ нашей памяти, и талантливый нашъ декораторъ г. Роллеръ знаетъ хорошо эту особенность нашей публики. Онъ зналъ, что эта публика толпами бросится разбирать билеты на его бенефисъ съ «Живыми картинами», въ которыхъ должны были участвовать г-жи Фанни Эльслеръ, Арну-Плесси, А. Мейеръ, гг. Перо, Мартыновъ и проч. Много дорогихъ намъ именъ видѣли мы на афишѣ. Ожиданія бенефиціянта сбылись: на третій день послѣ объявленія всѣ билеты были разобраны. Концерты съ живыми картинами, поставленными любимцемъ петербургской публики, г. Роллеромъ, уже нѣсколько лѣтъ пользуются завиднымъ правомъ привлекать многочисленныхъ посѣтителей. Не говоря уже о талантѣ г. Роллера, какъ рисовальщика, не упоминая о его многостороннемъ художественномъ образованія, такъ необходимомъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы понять постоянный успѣхъ живыхъ картинъ, довольно будетъ сказать, что причина расположенія публики къ этому роду представленій заключается въ его доступности и общепонятливости. И въ-самомъ-дѣлѣ, немногіе изъ насъ способны *понимать* живопись, но *любить* ее всякой можетъ и всякой умѣетъ.

Другая причина, по которой нравятся живыя картины, болѣе многосложна, но эту причину изложили мы въ началѣ статьи. Живыя картины особенно пріятны въ настоящее время года, послѣ театральнаго сезона, богатаго наслажденіями. Въ бенефисѣ г. Роллера намъ

представился новый случай увидѣть артистовъ, такъ недавно доставлявшихъ намъ столько наслажденій, увидѣть ихъ на нѣсколько мгновеній, но въ той же залѣ, при томъ же освѣщеніи, при томъ же собраніи ихъ почитателей. Говоря восточнымъ слогомъ, должно бы было назвать бенефисъ г. Роллера праздникомъ воспоминаній. Всякому изъ насъ случалось, съ совершенно покойнымъ духомъ, въ тихій лѣтній вечеръ, сидѣть на берегу озера, свѣсивши ноги, посреди общей тишины природы, едва-едва нарушаемой шелестомъ сосновыхъ верхушекъ, которыя имѣютъ привычку качаться и шумѣть безъ всякаго вѣтра. Въ эти успокоительныя минуты человѣкъ былъ бы не-прочь вовсе ничего не думать, но голова и сердце не хотятъ прекращать своей работы. Вы все-таки думаете, но не о настоящемъ: вы имъ довольны,—не о будущемъ: стоитъ ли о немъ думать? а о прошедшемъ, съ его уже забытымъ горемъ, съ его радостями, которыя принимаютъ громадные размѣры, по мѣрѣ удаленія.... Чего тогда не приходитъ въ голову? Предъ вами носятся образы женщинъ, женщинъ любимыхъ, и женщинъ, которыхъ вы видѣли одинъ или два раза во всю жизнь, сцены изъ собственной вашей жизни и сцены изъ поэмъ Байрона, греведоновскія головки, итальянскія картины, видѣнныя у любителя, и просто сцены изъ какого-нибудь балета, лица современныхъ знаменитостей и стройная фигурка маленькой модистки, какой-нибудь герой изъ вальтеръ-скотовскаго романа. О такихъ пріятныхъ, хотя и несвязныхъ, вещахъ думаете вы иногда въ тихій лѣтній вечеръ, и думаете съ полнымъ удовольствіемъ и готовы долго думать такимъ образомъ, потому-что воспоминанія вялыя и шероховатыя съ каждой минутой тускнѣютъ и улетучиваются, а прекрасные образы живѣе и живѣе являются передъ вами.

Съ ощущеніями подобнаго рода можетъ сравниться удовольствіе, доставляемое каждый годъ живыми картинами, поставленными г. Роллеромъ. Всѣ почти картины были удовлетворительны, всѣ нравились публикѣ..... объ этомъ нечего и говорить; но мало того: въ постановкѣ трехъ или четырехъ изъ нихъ г. Роллеръ явился замѣчательнымъ художникомъ. Эти картины до сихъ поръ намъ памятны.

Самою лучшею картиной изъ всѣхъ поставленныхъ г. Роллеромъ въ прежнихъ годахъ была одна сцена на пустынномъ берегу моря, взятая, если не ошибаемся, изъ вальтеръ-скотова Пирата. На скалѣ, поросшей мохомъ и дикимъ жиденькимъ кустарникомъ, сидятъ двѣ дѣвушки и внимательно смотрятъ на море, которое бушуетъ и сѣрыми волнами колотится объ угрюмый берегъ. Еще свѣтло, но грозные сумерки придвигаются издалека: туча, полная грозы, показывается

а краю неба, грустный бѣлесовато-яркій отблескъ, предшествующій бурѣ, покрываетъ скалы и часть моря, ближайшую къ берегу. Дѣйствіе происходитъ на самомъ сѣверѣ, но этого не нужно сказывать: такъ угрюмо величественъ общій видъ картины.

Вотъ еще сцена, живо врѣзавшаяся въ нашей памяти. Маленькое дитя, въ красивомъ шотландскомъ нарядѣ, сидитъ верхомъ на чорной лошадкѣ, которую ведетъ подъ уздцы старый слуга, вѣроятно одинъ изъ той породы калебовъ, которыхъ такъ хорошо изображаетъ авторъ Ламмермурской Невѣсты. Трудно передать ту заботливость, то нѣжное почтеніе, съ которымъ сѣдой проводникъ смотритъ на ребенка, можетъ быть будущаго начальника клана макъ-грегоровъ или макъ-дональдовъ. Одна эта поза (старика представлялъ г. Мартыновъ) даетъ болѣе простора таланту даровитаго актера, нежели десятки комедій и водевилей, въ которыхъ ему приходится занимать первыя роли. Самому же г Роллеру принадлежитъ честь обстановки этой прекрасной картины. Такъ и чувствуешь, что дорога, обросшая пожелтѣвшей травою, что равнина, покрытая верескомъ и окаймленная холмами, могутъ находиться только въ Шотландіи, классической землѣ вереска, репейника и каменныхъ возвышенностей,—въ Шотландіи, родинѣ Догласа и Роберта Брюса, той странѣ, гдѣ самая бѣдность природы полна поэзіи и грандіозности! Вечернее освѣщеніе картины превосходно, отблескъ потухающей зари переданъ съ рѣдкою вѣрностью.

Посмотрѣвъ десять или двѣнадцать такихъ картинъ, рѣдкой зритель нечувствовалъ въ себѣ какого-то особеннаго настроенія духа, смутнаго, неопредѣленнаго, но тѣмъ не менѣе особенно пріятнаго. Живописецъ имѣлъ случай любоваться идеями картинъ и эффектами освѣщенія, любитель чтенія съ радостью узнавалъ сцены, взятыя изъ любимыхъ его писателей, постоянный любитель театровъ снова видѣлъ артистовъ, которыми привыкъ любоваться, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Одни любители музыки не совсѣмъ оставались довольны тихимъ аккомпаньеманомъ при каждой картинѣ, и, надо признаться, они были совершенно правы.

Послѣдній концертъ г. Роллера былъ блистателенъ; всѣ знаменитости Большого, Михайловскаго и Александрынскаго театровъ въ немъ участвовали, даже циркъ послалъ туда своего представителя, въ лицѣ г. Бюклея. Театръ былъ совершенно полонъ, и публика осталась очень довольна. Взыскательному критику можно замѣтить только одно: живыя картины не были такъ разнообразны по содержанію, какъ это было въ предъидущихъ годахъ. Г. Роллеръ выбралъ сюжеты незначительные, вполнѣ доступные большинству публики, потому-что гра-

вюры такого содержанія есть вездѣ: и на стѣнахъ, и въ книжныхъ лавкахъ, и у Доціаро, и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Всѣ эти сцены, подобныя «Рыболову, «Подстерегла», «Купанью въ морѣ», имѣютъ то неудобство, что происходятъ среди бѣла-дня, при блескѣ солнца, и потому не даютъ средствъ, при постановкѣ, разнообразить освѣщеніе. Изъ именъ художниковъ (не говоря о Гвидо Рени) мы встрѣтили только одно, вполнѣ извѣстное: имя Ораса Верне.

Отчего, скажутъ намъ, содержаніе живой картины должно поражать своей рѣзкой замысловатостью? почему такая картина должна быть взята или изъ произведеній отличнаго живописца, или изъ сочиненій великаго писателя? почему не ставить на сцену живыя картины по кипсекамъ или иллюстрированнымъ изданіямъ? На такіе вопросы у насъ много отвѣтовъ.

Во-первыхъ, хорошенькая гравюра или кипсекъ у васъ всегда подъ рукой, а на живую картину смотрите вы двѣ минуты. Тамъ васъ могутъ очаровать подробности, здѣсь же поражаетъ общая идея произведенія. Выбравъ картину, написанную отличнымъ художникомъ, вы уже настроили воображеніе зрителя на тотъ ладъ, какой вы желаете имѣть; поставивъ живую картину изъ сочиненій великаго поэта, вы къ обольщенію глаза присоединяете всю прелесть, всю поэзію воспоминанія.

Конечно, трудно брать сюжеты изъ картинъ гигантовъ живописи, изъ картинъ древней итальянской школы; но, во-первыхъ, съ талантомъ г. Роллера и съ артистами, которые ему помогаютъ, все почти возможно; а во-вторыхъ, зачѣмъ же тревожить именно Рафаэля, Микель Анджело и Корреджіо? Для живыхъ картинъ есть одна превосходная школа живописи: это новая французская, школа Верне, Делакруа, Шеффера, Кутюра, Делароша, Энгре и Робера, вполнѣ извѣстная Петербургу по гравюрамъ и копіямъ, по Франческѣ де Римини, по Іоаннѣ Грей, по Дѣтямъ Эдуарда, по Импровизатору, по Маргаритѣ (Фауста), по Римскому Пиру, по Іакову и Рахили, картинамъ, которыхъ снимки обошли цѣлый свѣтъ и доставили французской живописи ту славу, которою она до сихъ поръ пользуется.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о картинахъ, болѣе другихъ понравившихся публикѣ, во время бенефиса г. Роллера.

1) *Женихъ*, съ картины Марона. Пять дѣвушекъ (г-жи Мишова, Малихова, Прихунова, Снѣткова и Шульгина) слушаютъ любезности деревенскаго Донъ-Жуана (г. Перо), разодѣтаго въпухъ и полнаго гордаго самодовольствія. Сейчасъ начинается балъ, и молодой человѣкъ, какъ кажется, собирается ангажировать одну изъ этихъ дѣву-

пекъ. Вечернее освѣщеніе и окрестный ландшафтъ выполнены очень удовлетворительно. Фигура г. Перо, его забавныя позы и уморительныя тѣлодвиженія (г. Перо не стѣснялся необходимостью неподвижно стоять на своемъ мѣстѣ) награждены были единодушнымъ смѣхомъ зрителей. Только кажется мнѣ, что г. Перо представилъ изъ себя слишкомъ бойкаго парня, какого-то деревенскаго султана, тогда-какъ въ одной изъ гравюръ, которыя мнѣ удалось видѣть, замѣшательство «Жениха» придаетъ картинѣ особенную оригинальность и мысль. Въ самомъ-дѣлѣ, какой Донъ-Жуанъ, какой *jeune homme à marier* не струситъ передъ пятью насмѣшливыми красавицами?

Позы дѣвушекъ, ихъ простенькіе костюмы были безукоризненно хороши, а поза и взглядъ г-жи Прихуновой болѣе нежели хороши. До крайности пріятно въ мелочахъ подсматривать талантъ и грацію, а небольшая, игривая, полусерьёзная насмѣшливость, которая проглядывала во всѣхъ чертахъ г-жи Прихуновой, совершенно отдѣляла отъ другихъ персонажей лицо, которое она представляла. Можно было поручиться, что именно та дѣвушка, которую она изображала, менѣе всего интересуется богатымъ женихомъ, и готова поднять его на зубки, при первомъ удобномъ случаѣ. Случалось ли вамъ когда-нибудь, между толпой рѣзвыхъ дѣвочекъ встрѣчать одну, которая будто не принимаетъ участія въ шалостяхъ своихъ подругъ и смотритъ вокругъ себя какъ-то особенно серьёзно? Знаете ли, что такая дѣвушка игривѣе и насмѣшливѣе всѣхъ своихъ подругъ, что она предводительница ихъ шалостей, и что передъ ней совершенно ничтожны самыя отчаянныя вертушки! Одну изъ такихъ-то дѣвушекъ изобразилъ Маронъ въ своей картинѣ, и г жа Прихунова мастерски передала этотъ характеръ, можетъ быть и не давши себѣ труда его разобрать. Все вѣрное натурѣ, все прекрасное дается безсознательно.

2) *Рубенсъ, принимающій королеву Марію Медичи въ своей мастерской*, съ картины Жакара. Великій живописецъ (г. Каратыгинъ!) въ полномъ парадномъ костюмѣ изъ чернаго бархата, съ золотой цѣпью на шеѣ, показываетъ одну изъ своихъ картинъ королевѣ (г-жа Арну Плесси) окруженной придворными (Г-жи Дюръ, Мартынова, Редеръ 1-я, Амосова, гг. Пешена, Пишо, Булаховъ и Люстихъ). Костюмы превосходны: шолкъ, золото и бархатъ блещутъ и придаютъ картинѣ особенную торжественность.

3) *Живыя Маргаритки*, изъ сочиненій Гранвилля. Когда явились въ свѣтъ *les fleurs animées* (Живые цвѣты), послѣднее произведеніе этого превосходнаго живописца-фантазера, успѣхъ его книги превзошелъ всѣ ожиданія и оставилъ далеко за собою успѣхъ всѣхъ преж

нихъ иллюстрированныхъ изданій; картинки Гранвилля ходили изъ рукъ въ руки, всѣ восхищались новымъ произведеніемъ блестящей фантазіи, которой суждено было умереть такъ рано. Въ-самомъ-дѣлѣ, «Живые цвѣты» Гранвилля отличались обиліемъ граціи, изумившимъ самыхъ хладнокровныхъ и положительныхъ любителей. Возьмемъ напримѣръ «Розу». Царица цвѣтовъ изображена въ видѣ прелестной женщины, сидящей на тронѣ изъ зелени, съ колючимъ скипетромъ въ рукѣ; очаровательное лицо ея выражаетъ сознаніе собственнаго могущества. Подробности ея наряда, отъ розоваго вѣнка до браслетовъ съ шипами, оригинальны и полны прихотливости. Вокругъ царицы цвѣтовъ толпятся ея поклонники: комары играютъ на трубахъ хвалебные гимны, жуки становятся на колѣни, разныя насѣкомыя курятъ оиміамъ и длинными рядами идутъ на поклоненіе къ трону своей царицы. И фантазія и исполненіе — верхъ прелести.

Другой примѣръ «Васильки» (*les Bluets*). Двѣ миленькія дѣвушки пляшутъ, взявшись за руки, посреди спѣлой нивы. Костюмъ ихъ также причудливъ, какъ костюмъ Розы, но цвѣтъ его голубой и зеленый. Притаясь за стеблями пшеницы, стоятъ музыканты, потому-что нельзя же плясать дѣвушкамъ безъ музыки. А вы знаете, какая музыка слышится въ жаркій лѣтній день, посреди жолтой нивы, посреди ржи или пшеницы, низко наклонившейся къ землѣ своими колосьями. Гранвилль очень оригинально изобразилъ намъ и музыку и музыкантовъ. Сверчки играютъ на скрипкахъ, и видно, что играютъ сами для себя, съ полнымъ удовольствіемъ. Въ отдаленіи, кузнечикъ старается надъ гармоникою въ родѣ цимбалъ, и голубымъ дѣвушкамъ весело плясать подъ эту музыку.

Такія картины неудобоисполнимы, даже невозможны на сценѣ; но г. Роллеръ отыскалъ въ живыхъ цвѣтахъ другую прелестную картину: «Семейство маргаритокъ». Маргаритка-мать (г-жа Фальконъ) стоитъ посреди зеленаго луга, окруженная дѣтьми, крошечными маргаритками. Иныя изъ нихъ играютъ, другія спятъ, одна изъ младшихъ утираетъ слезы и на кого-то жалуется матери. (Маленькія маргаритки изображаются младшими воспитанницами Театральной Дирекціи). Костюмы бѣлые съ зеленымъ. Фонъ картины и всѣ подробности прекрасны.

4) *Бѣгство Макдональда*, съ картины Ф. Янъ. Макдональдъ (г-нъ Гольцъ), въ простомъ шотландскомъ нарядѣ, стоитъ на возвышеніи, въ грозномъ положеніи, замахнувшись клайморомъ на солдатъ, которые его преслѣдуютъ, и защищая мать своего ребенка (г-жу Фанни Эльслеръ). Вдали горы и утесы. Вотъ вся картина: ея фонъ сдѣланъ

не совсѣмъ отчетливо. Но въ положеніи г-жи Эльслеръ, въ ея взглядѣ было столько души и искусства, что ихъ невозможно выразить. Публика встрѣтила эту картину съ восторгомъ.

5) *Раненный*, картина въ трехъ видахъ, Детуша. Вдали кипитъ сраженіе, бѣлыя облака дыма ходятъ по сумрачному небу и стелются по землѣ, чуть открывая ряды войска и пушекъ. Г. Роллеръ мастеръ изображать такіе фоны. На первомъ планѣ стоитъ домикъ; къ этому домику двѣ женщины (г-жи Фанни Эльслеръ и Левкѣева) подвозятъ на тележкѣ молодого офицера (г. Монжозъ), который лежитъ, не показывая признаковъ жизни. Занавѣсъ опускается и поднимается снова. Изъ дому выбѣжали старикъ съ дѣвушкой. Офицера бережно приподняли съ тележки; онъ живъ еще, онъ только раненъ. Страшное ожиданіе на всѣхъ лицахъ. Картина третья: раненный опомнился, онъ привсталъ и взялъ руки своихъ спасительницъ. Нечего и говорить, что позы и выраженіе лица г-жи Эльслеръ были выше всякой похвалы.

6) *Лисица и Виноградъ*, картина весьма удачная по замыслу и исполненію, изображала чернаго евнуха, окруженнаго одинадцатью хорошенькими одалисками, которыя подсмѣиваются надъ уродливымъ существомъ. Пестрота костюмовъ нѣсколько вредитъ цѣлому, да и вообще можно сказать, что въ живой картинѣ не слѣдуетъ участвовать слишкомъ многимъ лицамъ. Глазъ не успѣваетъ всмотрѣться, и кромѣ того фонъ картины не бываетъ достаточно открытъ. Можетъ быть по этой причинѣ двѣ отличныя картины: «Рафаэль Санціо» и «Битва при Арколе», не возбудили особеннаго сочувствія въ публикѣ. Въ первой изъ этихъ картинъ, г-жа Арну-Плесси изображала изъ себя натурщицу, во второй же г. Бюклей, со знаменемъ въ рукахъ, представлялъ аркольскаго побѣдителя. Сходства большого не было, но вообще «Аркольское сраженіе» принадлежало къ лучшимъ картинамъ того вечера.

Спектакль кончился большою живою картиною: «Утренняя заря», то есть Аврора, «розоперстая вѣстница утра», по выраженію покойнаго Гнѣдича. Сюжеты изъ миѳологіи, по весьма извѣстной причинѣ, при всей своей восхитительной прелести, не совсѣмъ годятся для живыхъ картинъ. Кромѣ того г. Роллеру предстояла еще трудность: передать мысль такого художника, какъ Гвидо Рени, котораго итальянцы до сихъ поръ называютъ «божественнымъ Гвидо». Въ-самомъ-дѣлѣ, извѣстность этого великаго художника была, есть и будетъ самою завидною извѣстностью. Уступая величайшимъ мастерамъ въ искусствѣ, онъ едва ли не всѣхъ ихъ превосходитъ невыразимою граціею

своихъ картинъ,— граціею до того изумительною, что ее сразу понимаетъ и профанъ въ дѣлѣ живописи. Но живая картина была хороша и понравилась публикѣ; — да и въ-самомъ-дѣлѣ, посадите восемь или девять хорошенькихъ женщинъ, не говорю уже на золоченую колесницу, а просто на стулья и диваны, и у васъ составится картина, глядя на которую, не станете думать и о самомъ божественномъ Гвидо, какъ ни античны фигуры его полубогинь и амуровъ.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ О МОСКВѢ.

III.

Въ нынѣшнемъ моемъ письмѣ я буду говорить о бенефисахъ г-жи Львовой-Синецкой и г. Щепкина, бывшихъ передъ постомъ. Я немного опоздалъ, но театральныхъ новостей болѣе свѣжихъ еще нѣтъ, стало быть и объ этихъ говорить еще можно.

Г-жа Львова-Синецкая открыла свой бенефисъ «Басурманомъ» Лажечникова, передѣланнымъ для сцены г. А. А. Г. О содержаніи этого стариннаго романа едва ли нужно говорить: памятно еще время, когда всѣ читали его съ такою жадностью, съ такимъ восторгомъ; есть въ немъ мѣста, которыя и теперь способны произвести самое пріятное впечатлѣніе; но хорошій романъ еще не есть хорошая драма: все зависитъ отъ передѣлки.

Если справедливо, что драма есть таже картина жизни, представленная на сценѣ и въ лицахъ, то отсюда уже необходимо слѣдовало бы заключить, что русская историческая драма вѣковъ отдаленныхъ покуда еще невозможна, и главнымъ образомъ потому, что мы не довольно знаемъ о жизни нашихъ предковъ, и слѣдовательно не можемъ воспроизвести этой жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, которыя между тѣмъ именно въ драмѣ такъ необходимы и такъ важны. Другая, не менѣе важная причина этой невозможности лежитъ въ самомъ отсутствіи личности, а драма только и возможна тамъ, гдѣ есть лица, вполнѣ развитыя, вполнѣ выработанныя исторіей. Я понимаю, что и въ нашей исторіи можно найти лица, исполненныя драматизма: есть у насъ Кошихинъ; есть князь Хворостининъ; но всѣ эти лица — исключенія, никакъ не болѣе; ихъ драматизмъ не есть еще драматизмъ самой жизни, жизни семейной, исключительно патріархальной, гдѣ на первомъ планѣ сынъ, внукъ, невѣстка, свои. Всѣ эти лица, безспорно, могли бы послужить богатымъ матеріаломъ для драмы; но для этого необходимо быть великимъ художникомъ и

короткимъ знатокомъ древней жизни. И если первое изъ этихъ условій возможно для избранныхъ, то второе — *покуда еще* далеко не такъ возможно, какъ кажется съ перваго взгляда.

Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворилъ г. А. А. Г., взявшійся передѣлать «Басурмана». Во-первыхъ, онъ не художникъ: его драма не есть жизнь въ лицахъ, развивающихся предъ твоими глазами, — это просто безчисленное множество монологовъ, пожалуй, довольно звучныхъ, написанныхъ плавно и бойко, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ дарованіи г. А. А. Г.; но вѣдь не въ нихъ весь интересъ драмы: монологи на мѣстѣ, въ минуты патетическія, въ тѣ минуты, когда человѣкъ весь подъ вліяніемъ страстей или обстоятельствъ, поставившихъ его въ драматическое положеніе, — однимъ словомъ, монологи шекспировскіе, — о, это дѣло другое! Но даже и хорошее, повторяющееся безпрерывно, кончается обыкновенно тѣмъ, что утомитъ. Такъ случилось и съ «Басурманомъ». Вообрази себѣ сцену, на которую безпрестанно одно за другимъ появляются разныя лица, эти лица поговорятъ о самихъ себѣ да и уходятъ, — и будешь имѣть нѣкоторое понятіе о Басурманѣ. Если что̀, такъ это именно страшное обиліе монологовъ сдѣлало драму утомительно-скучною; — въ ней нѣтъ никакого дѣйствія, никакой жизни. Другой, не менѣе рѣзкій недостатокъ — это безпрерывная перемѣна декорацій: едва ли ошибусь, если скажу, что въ теченіи четырехъ длинныхъ дѣйствій съ прологомъ сцены смѣнялись разъ двадцать. Каждый зритель тотчасъ видитъ, что драма писалась именно для того, чтобы ее разыграли; а это-то и есть смертный грѣхъ противъ искусства: искусство въ томъ и состоитъ, чтобы увлечь зрителя до рѣшительнаго забвенія того, что онъ въ театрѣ. Но и это еще не все. Въ цѣлой драмѣ нѣтъ ни одного истинно драматическаго лица: рѣшительно не знаешь, — кого хотѣлъ выставить авторъ героемъ драмы. Въ романѣ этотъ недостатокъ почти не замѣтенъ, — это простой разсказъ о похожденіяхъ молодого Хабара-Симскаго, о его любовныхъ интригахъ — и только. Въ драмѣ этого далеко недостаточно: я хочу видѣть въ драмѣ борьбу человѣка если не съ условіями, лежащими внѣ его, то хоть съ собственными страстями, съ самимъ собою; а въ Басурманѣ и этого нѣтъ. Селинова утопилась въ Москвѣ-рѣкѣ, это правда; но утопилась не потому, что жизнь опостыла, что не осталось никакой надежды, ничего, чѣмъ красна бываетъ жизнь; она утопилась изъ страха, что всѣ ея чародѣйства могутъ обнаружиться и привести къ недоброму концу. Оттого-то эта страстная женщина и не возбудила къ себѣ никакого участія, — утопилась, и поминай какъ звали! Но еще въ гораздо мѣнь-

шей степени г. А А. Г. можетъ, во-вторыхъ, назваться знатокомъ нашей древней жизни. Извѣстно, что Басурманъ есть эпизодъ изъ временъ Іоанна III; и не будь это *извѣстно, я* держу десять противъ одного, что никто и не догадался бы о томъ. Хабаръ-Симскій, какъ *кажется*, главное лицо драмы, кутитъ себѣ во всю удаль, и о чемъ не думая. Однимъ словомъ, въ цѣлой драмѣ одно только мѣсто и напомнило, что рѣчь идетъ о чемъ-то не совсѣмъ теперешнемъ, это именно *выдача головой* боярина Мамона Хабару-Симскому. Но и это мѣсто было передано не совсѣмъ исторически: извѣстно, что выданный имѣлъ право бранить въ глаза сколько душѣ угодно того, кому онъ выданъ; г. А. А. Г. поступилъ нѣсколько иначе: онъ заставилъ Мамона трижды поклониться въ землю Хабару, что произвело на публику самое *отрадное* впечатлѣніе: вся она единогласно засмѣялась при видѣ этой сцены!...

Отъ этихъ общихъ недостатковъ Басурмана, какъ драмы, перехожу къ исполненію его на нашей сценѣ. Я сказалъ уже, что въ драмѣ этой нѣтъ главнаго дѣйствующаго лица, слѣдовательно рѣчь можетъ быть только о лицахъ второстепенныхъ. Изъ всѣхъ ихъ лучшими, какъ и ожидать слѣдовало, были г. Самаринъ въ роли Хабара-Симскаго, г. Щепкинъ въ роли боярина Русалки, г. Садовскій въ роли Афоня Тверитянина; а изъ женщинъ — г-жа Лаврова въ роли Андрюши, сына Аристотеля Фіоравенти, — она была прекраснымъ мальчикомъ, и г-жа Косицкая въ роли вдовы Семеновой. Исключая послѣдней, со всѣми изъ нихъ ты, надѣюсь, хорошо знакомъ послѣ перваго моего письма; сказалъ я два слова и о г-жѣ Косицкой, но конечно изъ нихъ ты не могъ ничего извлечь; итакъ, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Въ одно прекрасное утро, у одного мелочного торговца Нижняго-Новгорода родилась дочь съ великимъ артистическимъ дарованіемъ. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ будущая актриса очевидно показывала, что у ней есть талантъ, но родители ея не отличались ни тѣмъ образованіемъ, ни тою наблюдательностью, которая нерѣдко заранѣе опредѣляетъ и сферу дѣятельности и поприще дитяти. Еще ребенкомъ она размѣщала своихъ куколъ въ разныхъ позахъ, за однѣхъ шумѣла и бранилась, за другихъ скорбѣла и плакала, за третьихъ смѣялась, за иныхъ умирала, — и все-таки осталась незамѣченною!... Но вотъ настала пора, когда и куклы не веселятъ, — и убѣгала наша маленькая артистка въ сосѣднія рощи, на Волгу, и безсознательно любовалась она свѣтлой природой, и горько плакала о чемъ-то, чего сама не знала; а между тѣмъ читала она уже довольно бойко, пѣвала русскія пѣсенки звонко. Въ одну изъ шумныхъ, многолюдныхъ

ярмарокъ Нижняго-Новгорода будущая артистка отправилась въ театръ. «Что̀ дѣлалось со мною подъ конецъ спектакля, разсказываетъ она: — одинъ Богъ вѣдаетъ!... Я тутъ же поклялась быть актрисой, во что̀ бы то ни стало!» И дѣвочка скоро сдержала свою клятву. Отправилась она тайкомъ къ антрепнеру, за 180 ассигнаціонныхъ рублей жалованья законтрактовалась съ нимъ на годъ, обязавшись играть и пѣть *что угодно*, и вернулась съ своей тайной и стала выжидать случая, когда удобнѣе открыть родителямъ эту чудную тайну. Случай представился недолго спустя, за обѣденнымъ столомъ, когда почему-то всѣ были особенно веселы. Признаніе молодой актрисы было принято не совсѣмъ ласково: она поселилась въ какомъ-то уголкѣ театральнаго зданія и начала свой дебютъ пѣніемъ въ дивертиссементѣ. Старуха-мать не могла отказать себѣ въ желаніи послушать *пропащее дѣтище;* а дѣтище, проникнутое всею горечью своего положенія, пѣло съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, что весь театръ встрепенулся и задрожалъ отъ рукоплесканій. Мать заплакала и помирилась съ дочерью. Послѣдняя, выслуживъ условленный срокъ, отправилась въ Ярославль; здѣсь случайно видѣлъ ее г. Бантышевъ, посовѣтовалъ ей явиться въ Москву, — и кое-какъ добралась она въ столицу, представлена была театральному начальству, которое не замедлило ее тотчасъ же опредѣлить въ школу; здѣсь пробыла она, къ сожалѣнію, только одинъ годъ и затѣмъ начала дебютировать — и за тѣмъ сдѣлалась въ короткое время любимицей публики. Вотъ вся ея біографія! Ты видишь, что это — огромный самородный талантъ, но, къ сожалѣнію, не обработанный наукой, не развитый образованіемъ: одинъ годъ ученія не могъ сдѣлать многаго!

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ поставленная въ среду такихъ обстоятельствъ, г-жа Косицкая такъ неподдѣльно плачетъ и такъ неподдѣльно убивается горемъ на сценѣ, что въ этомъ отношеніи рѣшительно не имѣетъ и не можетъ имѣть соперницъ. Понятно, почему такія пьесы, какъ «Отцовское Проклятіе» и въ особенности — «Материнское Благословеніе» составляютъ истинное торжество ея таланта: въ нихъ она неподражаема! Но, съ другой стороны, въ этомъ же самомъ обстоятельствѣ скрывается и причина ограниченности ея амплуа: полная сознанія своей хорошей стороны, но опять-таки неразвитая, г-жа Косицкая всегда почти утрируетъ свои роли до того, что онѣ выходятъ плаксивыми по преимуществу. Роль Селиновой — женщины страстной и рѣшительной, слѣдовательно, по необходимости, твердой, она играетъ такъ, что страсть на второмъ планѣ, а слезы — на первомъ; роль Сюзетты (въ бенефисъ г. Щепкина), дѣвушки горячо лю-

своихъ картинъ,— граціею до того изумительною, что ее сразу понимаетъ и профанъ въ дѣлѣ живописи. Но живая картина была хороша и понравилась публикѣ; — да и въ-самомъ-дѣлѣ, посадите восемь или девять хорошенькихъ женщинъ, не говорю уже на золоченую колесницу, а просто на стулья и диваны, и у васъ составится картина, глядя на которую, не станете думать и о самомъ божественномъ Гвидо, какъ ни античны фигуры его полубогинь и амуровъ.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ О МОСКВѢ.

III.

Въ нынѣшнемъ моемъ письмѣ я буду говорить о бенефисахъ г-жи Львовой-Синецкой и г. Щепкина, бывшихъ передъ постомъ. Я немного опоздалъ, но театральныхъ новостей болѣе свѣжихъ еще нѣтъ, стало быть и объ этихъ говорить еще можно.

Г-жа Львова-Синецкая открыла свой бенефисъ «Басурманомъ» Лажечникова, передѣланнымъ для сцены г. А. А. Г. О содержаніи этого стариннаго романа едва ли нужно говорить: памятно еще время, когда всѣ читали его съ такою жадностью, съ такимъ восторгомъ; есть въ немъ мѣста, которыя и теперь способны произвести самое пріятное впечатлѣніе; но хорошій романъ еще не есть хорошая драма: все зависитъ отъ передѣлки.

Если справедливо, что драма есть таже картина жизни, представленная на сценѣ и въ лицахъ, то отсюда уже необходимо слѣдовало бы заключить, что русская историческая драма вѣковъ отдаленныхъ покуда еще невозможна, и главнымъ образомъ потому, что мы не довольно знаемъ о жизни нашихъ предковъ, и слѣдовательно не можемъ воспроизвести этой жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, которыя между тѣмъ именно въ драмѣ такъ необходимы и такъ важны. Другая, не менѣе важная причина этой невозможности лежитъ въ самомъ отсутствіи личности, а драма только и возможна тамъ, гдѣ есть лица, вполнѣ развитыя, вполнѣ выработанныя исторіей. Я понимаю, что и въ нашей исторіи можно найти лица, исполненныя драматизма: есть у насъ Кошихинъ; есть князь Хворостининъ; но всѣ эти лица — исключенія, никакъ не болѣе; ихъ драматизмъ не есть еще драматизмъ самой жизни, жизни семейной, исключительно патріархальной, гдѣ на первомъ планѣ сынъ, внукъ, невѣстка, свояк. Всѣ эти лица, безспорно, могли бы послужить богатымъ матеріаломъ для драмы; но для этого необходимо быть великимъ художникомъ и

коротким знатоком древней жизни. И если первое из этих условій возможно для избранных, то второе — *покуда еще* далеко не так возможно, как кажется с перваго взгляда.

Ни одному из этих условій не удовлетворил г. А. А. Г., взявшійся передѣлать «Басурмана». Во-первых, он не художник: его драма не есть жизнь в лицах, развивающихся пред твоими глазами, — это просто безчисленное множество монологов, пожалуй, довольно звучных, написанных плавно и бойко, свидѣтельствующих о несомнѣнном дарованіи г. А. А. Г.; но вѣдь не в них весь интерес драмы: монологи на мѣстѣ, в минуты патетическія, в тѣ минуты, когда человѣк весь под вліяніем страстей или обстоятельств, поставивших его в драматическое положеніе, — одним словом, монологи шекспировскіе, — о, это дѣло другое! Но даже и хорошее, повторяющееся безпрерывно, кончается обыкновенно тѣм, что утомит. Так случилось и с «Басурманом». Вообрази себѣ сцену, на которую безпрестанно одно за другим появляются разныя лица, эти лица поговорят о самих себѣ да и уходят, — и будешь имѣть нѣкоторое понятіе о Басурманѣ. Если что̀, так это именно страшное обиліе монологов сдѣлало драму утомительно-скучною; — в ней нѣт никакого дѣйствія, никакой жизни. Другой, не менѣе рѣзкій недостаток — это безпрерывная перемѣна декорацій: едва ли ошибусь, если скажу, что в теченіи четырех длинных дѣйствій с прологом сцены смѣнялись раз двадцать. Каждый зритель тотчас видит, что драма писалась именно для того, чтобы ее разыграли; а это-то и есть смертный грѣх против искусства: искусство в том и состоит, чтобы увлечь зрителя до рѣшительнаго забвенія того, что он в театрѣ. Но и это еще не все. В цѣлой драмѣ нѣт ни одного истинно драматическаго лица: рѣшительно не знаешь, — кого хотѣл выставить автор героем драмы. В романѣ этот недостаток почти не замѣтен, — это простой разсказ о похожденіях молодого Хабара-Симскаго, о его любовных интригах — и только. В драмѣ этого далеко недостаточно: я хочу видѣть в драмѣ борьбу человѣка если не с условіями, лежащими внѣ его, то хоть с собственными страстями, с самим собою; а в Басурманѣ и этого нѣт. Селинова утопилась в Москвѣ-рѣкѣ, это правда; но утопилась не потому, что жизнь опостыла, что не осталось никакой надежды, ничего, чѣм красна бывает жизнь; она утопилась из страха, что всѣ ея чародѣйства могут обнаружиться и привести к недоброму концу. Оттого-то эта страстная женщина и не возбудила к себѣ никакого участія, — утопилась, и поминай как звали! Но еще в гораздо мѣнь-

шей степени г. А А. Г. можетъ, во-вторыхъ, назваться знатокомъ нашей древней жизни. Извѣстно, что Басурманъ есть эпизодъ изъ временъ Іоанна III; и не будь это *извѣстно, я* держу десять противъ одного, что никто и не догадался бы о томъ. Хабаръ-Симскій, какъ *кажется*, главное лицо драмы, кутитъ себѣ во всю удаль, ни о чемъ не думая. Однимъ словомъ, въ цѣлой драмѣ одно только мѣсто и напомнило, что рѣчь идетъ о чемъ-то не совсѣмъ теперешнемъ, это именно *выдача головой* боярина Мамона Хабару-Симскому. Но и это мѣсто было передано не совсѣмъ исторически: извѣстно, что выданный имѣлъ право бранить въ глаза сколько душѣ угодно того, кому онъ выданъ; г. А. А. Г. поступилъ нѣсколько иначе: онъ заставилъ Мамона трижды поклониться въ землю Хабару, что произвело на публику самое *отрадное* впечатлѣніе: вся она единогласно посмѣялась при видѣ этой сцены!...

Отъ этихъ общихъ недостатковъ Басурмана, какъ драмы, перехожу къ исполненію его на нашей сценѣ. Я сказалъ уже, что въ драмѣ этой нѣтъ главнаго дѣйствующаго лица, слѣдовательно рѣчь можетъ быть только о лицахъ второстепенныхъ. Изъ всѣхъ ихъ лучшими, какъ и ожидать слѣдовало, были г. Самаринъ въ роли Хабара-Симскаго, г. Щепкинъ въ роли боярина Русалки, г. Садовскій въ роли Аѳоня Тверитянина; а изъ женщинъ — г-жа Лаврова въ роли Андрюши, сына Аристотеля Фіоравенти, — она была прекраснымъ мальчикомъ, и г-жа Косицкая въ роли вдовы Семеновой. Исключая послѣдней, со всѣми изъ нихъ ты, надѣюсь, хорошо знакомъ послѣ перваго моего письма; сказалъ я два слова и о г-жѣ Косицкой, но конечно изъ нихъ ты не могъ ничего извлечь; итакъ, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Въ одно прекрасное утро, у одного мелочного торговца Нижняго-Новгорода родилась дочь съ великимъ артистическимъ дарованіемъ. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ будущая актриса очевидно показывала, что у ней есть талантъ, но родители ея не отличались ни тѣмъ образованіемъ, ни тою наблюдательностью, которая нерѣдко заранѣе опредѣляетъ и сферу дѣятельности и поприще дитяти. Еще ребенкомъ она размѣщала своихъ куколъ въ разныхъ позахъ, за однѣхъ шумѣла и бранилась, за другихъ скорбѣла и плакала, за третьихъ смѣялась, за иныхъ умирала, — и все-таки осталась незамѣченною!... Но вотъ настала пора, когда и куклы не веселятъ, — и убѣгала наша маленькая артистка въ сосѣднія рощи, на Волгу, и безсознательно любовалась она свѣтлой природой, и горько плакала о чемъ-то, чего сама не знала; а между тѣмъ читала она уже довольно бойко, пѣвала русскія пѣсенки звонко. Въ одну изъ шумныхъ, многолюдныхъ

ярмарокъ Нижняго-Новгорода будущая артистка отправилась въ театръ. «Чтò дѣлалось со мною подъ конецъ спектакля, разсказываетъ она: — одинъ Богъ вѣдаетъ!... Я тутъ же поклялась быть актрисой, во чтò бы то ни стало!» И дѣвочка скоро сдержала свою клятву. Отправилась она тайкомъ къ антрепнеру, за 180 ассигнаціонныхъ рублей жалованья законтрактовалась съ нимъ на годъ, обязавшись играть и пѣть *что угодно*, и вернулась съ своей тайной и стала выжидать случая, когда удобнѣе открыть родителямъ эту чудную тайну. Случай представился недолго спустя, за обѣденнымъ столомъ, когда почему-то всѣ были особенно веселы. Признаніе молодой актрисы было принято не совсѣмъ ласково: она поселилась въ какомъ-то уголкѣ театральнаго зданія и начала свой дебютъ пѣніемъ въ дивертиссементѣ. Старуха-мать не могла отказать себѣ въ желаніи послушать *пропащее дѣтище;* а дѣтище, проникнутое всею горечью своего положенія, пѣло съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, что весь театръ встрепенулся и задрожалъ отъ рукоплесканій. Мать заплакала и помирилась съ дочерью. Послѣдняя, выслуживъ условленный срокъ, отправилась въ Ярославль; здѣсь случайно видѣлъ ее г. Бантышевъ, посовѣтовалъ ей явиться въ Москву, — и кое-какъ добралась она въ столицу, представлена была театральному начальству, которое не замедлило ее тотчасъ же опредѣлить въ школу; здѣсь пробыла она, къ сожалѣнію, только одинъ годъ и затѣмъ начала дебютировать — и за тѣмъ сдѣлалась въ короткое время любимицей публики. Вотъ вся ея біографія! Ты видишь, что это — огромный самородный талантъ, но, къ сожалѣнію, не обработанный наукой, не развитый образованіемъ: одинъ годъ ученія не могъ сдѣлать многаго!

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ поставленная въ среду такихъ обстоятельствъ, г-жа Косицкая такъ неподдѣльно плачетъ и такъ неподдѣльно убивается горемъ на сценѣ, что въ этомъ отношеніи рѣшительно не имѣетъ и не можетъ имѣть соперницъ. Понятно, почему такія пьесы, какъ «Отцовское Проклятіе» и въ особенности — «Материнское Благословеніе» составляютъ истинное торжество ея таланта: въ нихъ она неподражаема! Но, съ другой стороны, въ этомъ же самомъ обстоятельствѣ скрывается и причина ограниченности ея амплуа: полная сознанія своей хорошей стороны, но опять-таки неразвитая, г-жа Косицкая всегда почти утрируетъ свои роли до того, что онѣ выходятъ плаксивыми по преимуществу. Роль Селиновой — женщины страстной и рѣшительной, слѣдовательно, по необходимости, твердой, она играетъ такъ, что страсть на второмъ планѣ, а слезы — на первомъ; роль Сюзетты (въ бенефисъ г. Щепкина), дѣвушки горячо лю-

бящей одного и имъ любимой, но отданной за другого, — она также утрируетъ, и Сюзетта является плаксою болѣе, нежели сколько то нужно.... Если бы г-жа Косицкая обратила тщательное вниманіе на этотъ недостатокъ, она была бы замѣчательной артисткой, тѣмъ болѣе, что чувства въ ней много, и въ-добавокъ голосъ такой звучный, такой впечатлительный, что кто слышалъ этотъ голосъ одинъ разъ, тотъ не скоро ее забудетъ. Въ «Материнскомъ благословеніи» извѣстную арію четвертаго акта:

«Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую,
Скоро ль опять возвращусь....» и т. д.

а въ «Басурманѣ» пѣснь Селиновой она поетъ превосходно.

Что̀ касается наконецъ до самой бенефиціянтки, то роль ея была довольно пустая: она играла баронессу фонъ-Эренштейнъ; не менѣе того публика, по обычаю, встрѣтила ее продолжительными рукоплесканіями.... Но все это не спасло «Басурмана» отъ неминуемаго паденія; онъ даже не повторился.

Утомленный «Басурманомъ», я много смѣялся надъ новымъ водевилемъ г. К. Тарновскаго «Кутерьмой». Не то, чтобъ этотъ водевиль самъ по себѣ былъ исполненъ неподдѣльнаго комизма и юмора, — все смѣшное ограничивается и здѣсь, какъ вообще въ нашихъ водевиляхъ, нѣсколькими двусмысленностями, а особенно фразой: «*по малой мѣрѣ*», безъ которой Животиковъ (г. Живокини 1-й), главное дѣйствующее лицо водевиля, не можетъ сказать двухъ словъ; отъ этого выходили пресмѣшныя вещи, напр. «я писалъ къ другу своему, Платону Стаканову, чтобы онъ прислалъ мнѣ *по малой мѣрѣ* студента», или «моя жена, *по малой мѣрѣ*, безнравственная женщина» и т. п. Водевиль этотъ не стоитъ того, чтобъ передавать его незатѣйливое содержаніе; но игра гг. Живокини 1-го и Васильева 1-го, и г-жи Сабуровой 1-й (жены Животикова) была такъ уморительна, что авторъ былъ вызванъ два раза и осыпанъ рукоплесканіями. Г. Васильевъ прекрасно съигралъ роль недавно окончившаго курсъ въ университетѣ нѣкоего Звѣркова, страшнаго ненавистника женщинъ и однакожь влюбленнаго въ одну пансіонерку, теперь оказавшуюся дочерью того самого Животикова, къ которому онъ пріѣхалъ на кондиціи. Между прочимъ онъ поетъ про свою любовь, на голосъ *послѣдней аріи изъ Лючіи ди-Ламмермуръ*, нѣсколько куплетовъ, начинающихся такими стишками:

«Я влюбленъ такъ страстно,
Что боюсь холерой занемочь»....

Весь театръ смѣялся до упаду подъ его пѣніемъ и заставилъ повторить дважды.

За «Кутерьмой» послѣдовали давнишнія наши знакомыя «Маленькія непріятности человѣческой жизни», начавшіяся тѣмъ, что сапоги тѣсны, и кончившіяся тюрьмой. Г. Живокини 1-й и здѣсь былъ одинаково превосходенъ, въ роли того самого Гренулье, съ которымъ что ни шагъ, то непріятность, впрочемъ самая маленькая, крошечная. Г-жа Бороздина 2-я не менѣе прекрасно исполнила роль Жаветы, его служанки.

Бенефисъ Львовой-Синецкой, по обычаю всѣхъ бенефисовъ, кончился балетцомъ, котораго я не имѣлъ терпѣнія досмотрѣть.

Неменьшимъ разнообразіемъ, за недостаткомъ новости, отличался бенефисъ почтеннаго ветерана нашей сцены М. С. Щепкина. Еще задолго до его праздника мы слышали, что онъ готовитъ оригинальную русскую драму одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ писателей, — къ сожалѣнію, слухъ этотъ не оправдался. Г. Щепкинъ составилъ бенефисъ свой изъ трехъ вновь переведенныхъ пьесъ, давно уже извѣстныхъ, изъ французскаго репертуара, — это именно «Сюзетта», драма въ 4 дѣйствіяхъ, «Лекарь по неволѣ — комедія Мольера, и водевиль: «При счастіи бранятся, при бѣдѣ мирятся». Въ первыхъ двухъ участвовалъ самъ бенефиціянтъ, и ужь конечно за нимъ осталась пальма первенства. Въ «Сюзеттѣ» онъ игралъ роль Шеню Риго, прасола, торгующаго гуртовымъ скотомъ, необразованнаго, грубаго мужика, который женится *по-жеребью*, и женится на воспитанницѣ графини де-Сеннетеръ, умной, прекрасной Сюзеттѣ (г-жа Косицкая). Послѣдняя влюблена въ молодого графа и любима имъ взаимно; но старая спѣсивая аристократка и думать не можетъ, чтобы сынъ ея былъ женатъ на бѣдной воспитанницѣ; она умаливаетъ послѣднюю выйти за Шеню Риго, и та, уступая неотступнымъ просьбамъ своей благодѣтельницы, рѣшается уйти съ прасоломъ тихонько, чтобы графъ не узналъ, и дѣйствительно уходитъ, объявляя впрочемъ ему, что она его любить не можетъ, что сердце ея давно уже отдано другому и будетъ принадлежать ему одному, доколѣ не перестанетъ биться. Между тѣмъ графъ узнаетъ истину и бѣжитъ отъ матери. Но.... ты помнишь, все кончается благополучно: добродѣтель награждена, зло наказано; прасолъ оказывается благороднѣйшимъ человѣкомъ, который не рѣшился посягнуть на права несчастной дѣвушки, попранныя графиней: онъ оставилъ Сюзетту при себѣ, пользовался ея образованностью, нажилъ съ нею огромное состояніе; но этотъ чудный человѣкъ не рѣшился даже поцаловать Сюзетту, несмотря на то, что наконецъ

дѣйствительно влюбился въ нее до-безумія. Является графиня бѣдной, осиротѣвшей женщиной, находитъ самый радушный пріютъ у благодарной воспитанницы, и тутъ-то Шеню открываетъ ей всю истину, тутъ-то является онъ человѣкомъ по преимуществу, съ задыхающейся страстью въ груди и вмѣстѣ съ благороднымъ сознаніемъ, что страсть его не можетъ быть удовлетворена, что Сюзетта должна принадлежать тому, кого опредѣлило *ея* сердце. Если бы ты слышалъ только, какъ баснословно-прекрасна эта чистая исповѣдь въ устахъ г. Щепкина, какъ трогателенъ его первый и послѣдній прощальный поцалуй съ Сюзеттой.... Многіе плакали, другіе разразились градомъ рукоплесканій. Въ «Лекарѣ по неволѣ,» г. Щепкинъ игралъ Сганареля, т. е. именно лекаря по неволѣ. Какъ онъ игралъ — я рѣшительно отказываюсь передавать; замѣчу только, что послѣ этой игры почтенный бенефиціянтъ три раза выходилъ собирать букеты, которыми благодарная публика забросала его: отъ избытка чувствъ, маститый художникъ, съ послѣднимъ вызовомъ, не могъ удержаться отъ слезъ!

Въ названномъ водевилѣ онъ уже не участвовалъ. Не богатый содержаніемъ, этотъ водевиль однакожь, благодаря прекрасной игрѣ гг. Живокини 1 го и Садовскаго и г-жи Бороздиной 2-й, вѣроятно долго останется на нашей сценѣ, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ въ немъ много истиннаго. Дѣло въ томъ, что мужъ (г. Живокини) и жена (г-жа Бороздина 2-я), доколѣ жили счастливо, въ домѣ Коримана, привратниками, — безпрестанно ссорились и бранилась, до того даже, что раздѣлили и свою маленькую комнатку на-двое и утварь по-поламъ.... Какъ скоро хозяинъ (т. Садовскій) выгналъ ихъ изъ дому — и они помирились, и все пошло какъ по-маслу! Часто въ нашей жизни встрѣчаются подобные примѣры, и въ этомъ-то отношеніи водевиль заслуживаетъ всякой похвалы.

Бенефисъ г. Щепкина замѣчателенъ еще тѣмъ, что вся музыка въ антрактахъ была новая: мы слышали польку-мазурку и прекрасный галопъ «Марія» соч. г. Акимова, не менѣе прекрасную венгерскую польку, сочиненную дѣвицей Титовой и аранжированную г. М. Горшковымъ, а въ заключеніе любовались мазуркой, вновь сочиненной г. Петипа (сыномъ) и исполненной г. Смирновымъ и госпожей Наумовой 2....

Этимъ окончился бенефисъ г. Щепкина; этимъ же оканчиваю и я свое сказаніе о московскомъ театрѣ.

Но не одинъ театръ былъ мѣстомъ веселія и отдыха московской публики: передъ постомъ множество просто-маскарадовъ и маскарадовъ-аллегри, Преснѣнскія горы, Новинское, Тверская и Лубянка

ривлекали также свою публику, и въ этомъ огромномъ хаосѣ все ве-
илось дружно, непритворно. Между прочимъ 9 февраля на-долго
танется памятнымъ въ лѣтописяхъ Москвы : то былъ день, оконча-
льно назначенный для маскарада, у начальника древней столицы
фа Арсенія Андреевича Закревскаго. Нѣтъ пера, которое бы въ со-
янін было описать, сколько великолѣпія и богатства было на этомъ
ѣ, гдѣ явилась и Англія временъ Елизаветы, и Россія въ истори-
комъ порядкѣ ея расширенія и развитія. Глазамъ больно было отъ
го сіянія драгоцѣнныхъ камней и пышныхъ костюмовъ, и все это
лалось съ рѣдкою готовностью, съ рѣдкимъ участіемъ. Такъ-то мы
елились нынѣшней зимой....

Москва. 15 февраля. 1849.

P. S. Ахъ, чуть главнаго не забылъ. Недавно одинъ знакомый до-
ывалъ мнѣ, что Марлинскій также скоро исчезъ съ горизонта
шей исторіи литературы, какъ и появился на немъ. Я обѣщалъ
, что воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ доказать против-
, и случай этотъ наконецъ представился. На-дняхъ попалось въ
руки письмо одной провинціяльной гувернантки, писанное ею къ
имъ ученицамъ.... Вотъ какъ между прочимъ описываетъ она пер-
й ночлегъ свой, послѣ разлуки съ ними, въ одномъ изъ городковъ
сіи, въ домѣ ея знакомыхъ К***.

«Меня повели (пишетъ она) по крутой, *прекрутой* лѣстницѣ высо-
о, *превысокаго* чердака, съ опасностью на каждомъ шагу слетѣть
ть внизъ; наконецъ пришла я въ подкрышный переходъ, что-то
ое *въ видѣ развалинъ*; я воображала, что меня взведутъ еще на
ую-нибудь круть, чего добраго — подумала я — *ужь не на Шагъ-
ть ли я взберусь;* но вдругъ мое очарованіе (!), разумѣется только
сленное, исчезаетъ, — старушка А... отворяетъ дверь и я вхожу *въ
хъ-аршинный чертогъ мышинаго царства*· (что легко было узнать
запаху), со всѣхъ сторонъ были приготовлены успокоительныя
са, и, *скрѣпя канатомъ терпѣнія* свои мысли, надо было лечь въ
й *храминѣ*. Лежу, щурю глаза, — хоть бы поскорѣе уснуть, такъ
ъ, словно нарочно этотъ *заштатный языческій богъ* не вздумалъ
нять меня подъ свое покровительство. Ну, пожалуй, себѣ, *г. Мор-*
— ты мнѣ не хочешь помочь заснуть, я и безъ тебя обойдусь. И
аправила *калейдоскопъ моего воображенія* на все прошлое, мечты
разъигрались, *пересыпая камушками цвѣтнаго щастья*, которое я
ытывала, находясь вмѣстѣ съ вами.... Какъ вдругъ мнѣ начинаютъ
ѣдать своими *щекотливыми вопросами тяжелые и легкіе кавалери-*

сты, и я вертѣлась какъ стрекоза въ муравейникѣ. Но и это еще не все: *подпольные жители* этого роскошнаго чертога съ уполномоченною властью воевать во всю ночь, на самомъ дѣлѣ доказали свою *воинскую храбрость*, шумѣли, бѣгали и визжали во всю пышную ночь; прибавьте къ тому *ароматическіе звуки носо-храпительной музыки* (?) и тому подобныя восклицанія сонной старушки-сосѣдки, и вы поймете, что за ночлегъ имѣла *я*, разставшись съ вами»..... и т. д.

Еще ли будемъ утверждать, что Марлинскій умеръ?...

ЕРАЛАШЪ, АЛЬБОМЪ КАРРИКАТУРЪ.

Современникъ до сихъ поръ былъ въ долгу у Ералаша: мы еще ничего не говорили въ нашемъ журналѣ объ этомъ альбомѣ каррикатуръ, который издается въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ будто въ доказательство, что наблюдательность и остроуміе его автора неистощимы. Мы знаемъ, что Ералашъ имѣетъ много противниковъ, которые и служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что карандашъ г. Неваховича остеръ и рѣзокъ. Намъ не разъ случалось слышать отъ тѣхъ господъ, которымъ Ералашъ не нравится, — первое, что въ рисункахъ г. Неваховича нѣтъ ни малѣйшей (т. е. академической?) правильности; второе, что онъ безпрестанно повторяется; третіе, что остроуміе Ералаша нисколько несмѣшно, и проч. и проч.

Эти обвиненія едва ли справедливы.

Отъ каррикатурныхъ рисунковъ вовсе нельзя требовать академической правильности. Каррикатура прежде всего должна отличаться легкостію и бѣглостію карандаша, умѣньемъ подмѣчать и схватывать смѣшныя стороны современной жизни; а этимъ талантомъ вполнѣ владѣетъ г. Неваховичъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ нашихъ каррикатуристовъ (впрочемъ, и то сказать, ихъ очень немного), который приближается къ современнымъ французскимъ каррикатуристамъ, пользующимся знаменитостію. Въ каррикатурахъ г. Неваховича есть этотъ неуловимый *шикъ*, который до сихъ поръ былъ рѣшительно недоступенъ русскимъ рисовальщикамъ, упражнявшимся въ каррикатурахъ.

Если г. Неваховичъ точно повторяется въ своихъ каррикатурахъ, то ужь въ этомъ случаѣ мы никакъ не станемъ обвинять его....

Противники же г. Неваховича и успѣхъ его Ералаша совершенно опровергаютъ толки о томъ, будто Ералашъ не смѣшонъ....

Третья и четвертая тетрадь Ералаша, за прошлый годъ, вышедшая недавно, заключаетъ въ себѣ *десять листовъ*.

На первомъ листѣ изображено возвращеніе автора Ералаша на родину изъ какого-то гостепріимнаго города, верхомъ на палочкѣ. Подъ мышкою у него портфель съ рисунками: — это матеріялы для Ералаша, которые авторъ вынесъ изъ гостепріимнаго города, вѣроятно въ благодарность за оказанное ему гостепріимство. Въ остальныхъ девяти листахъ намъ въ особенности понравились слѣдующія каррикатуры:

Какой-то левъ средней руки, завитой и разфранченный, страстный танцоръ, подходитъ къ игроку съ суровой физіономіей и спрашиваетъ у него: «Гдѣ ваша дама?» — У меня не дама, а семерка, наивно отвѣчаетъ игрокъ, показывая ему карту....

Этотъ же самый игрокъ съ суровой физіономіей занимается съ другимъ господиномъ самымъ невиннымъ дѣломъ: они *строятъ изъ картъ домики!*

Очень милъ молодой человѣкъ съ необыкновенно пошлымъ и идіотскимъ выраженіемъ лица, покупающій глобусъ. «Да что этотъ глобусъ что-то малъ — говоритъ онъ купцу: — должно быть тутъ одна Европа; дайте мнѣ другой.»

Первое дѣйствіе балета: *Донна Анна, или островъ людоѣдовъ*, замѣчательно, какъ очень милая и ловкая пародія на балеты вообще и на программы балетовъ въ особенности.

Донъ Алонзо женится на доннѣ Аннѣ, но донна Анна не любитъ Алонзо. «Сердце ея — говоритъ г. Неваховичъ — давно уже принадлежитъ молодому Фернандо, *который въ это время сражается въ Америкѣ.* Вдругъ является Фернандо, — о счастье! о восторгъ! Юноша узналъ о предстоящемъ бракѣ своей возлюбленной и *прибѣжалъ* изъ Америки. Молодые любовники въ отчаяніи бросаются въ объятія и танцуютъ pas-de-deux! и прочее.

Вообще эти двѣ послѣднія тетради показались намъ по своему содержанію еще разнообразнѣе предшествовавшихъ. Ералашъ, по примѣру прошедшихъ годовъ, будетъ продолжаться и въ нынѣшнемъ 1849 году на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, т. е. въ продолженіи года выйдетъ четыре тетради, изъ которыхъ каждая будетъ заключать отъ пяти до шести листовъ.

НОВОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ, ПРОМЫШЛЕННЫЯ и проч.

— Недавно прочли мы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью, подъ названіемъ: «*Очеркъ Русскаго ремесленничества и Московскаго ремесленнаго учебнаго заведенія*». Главная мысль ея та, что ремесло, до

тѣхъ поръ, пока оно не будетъ изучаемо съ постоянствомъ и вполнѣ, т. е. со всѣми необходимыми для уразумѣнія его познаніями, хотя бы и непрямо къ нему относящимися, до тѣхъ поръ оно не можетъ дѣлать успѣховъ прочныхъ. «Всякое ремесло, какъ источникъ произ«водительности, и промышленность, какъ источникъ потребленія, дол«жны стоять у образованнаго народа на степени науки, идти объ«руку и помогать такимъ образомъ другъ другу». — «Извѣстно — го«воритъ далѣе авторъ — что Русскіе такъ переимчивы, что нѣтъ по«чти ни одного художества, искусства и ремесла, въ которомъ бы не «могли сравниться съ иностранцами, а иногда и превзойти ихъ. На«примѣръ: наши Лукутинскія, войлочныя и картонныя вещи: тазы, «умывальники, табакерки, и проч. считаются лучшими едва ли не въ «цѣломъ свѣтѣ, потому-что нѣкоторыя изъ нихъ служатъ украшені«емъ лучшихъ парижскихъ магазиновъ, и какъ рѣдкость, продаются «на вѣсъ серебра и даже золота — и только. Можно еще указать, «какъ на прекрасные образцы, на Казанскій сафьянъ, Путивльскій «опоекъ, Завьяловскіе ножи, Тульскія стальныя издѣлія, пожалуй еще «на Московскія сайки и калачи (вѣдь это тоже ремесло); прочіе пред«меты Русскаго ремесленничества хороши, даже очень хороши; но «все таки не выходятъ изъ разряда вещей обыкновенныхъ.» — Не вполнѣ удовлетворительное состояніе нашего ремесленничества заставляетъ автора обратиться къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ. Во-первыхъ, откуда выходятъ, т. е. гдѣ учатся наши мастера-ремесленники? Способъ пріобрѣтенія ремесленныхъ познаній нашими ремесленными учениками, по изложенію автора, таковъ, что представляетъ въ высшей степени затрудненія и даже невозможность пріобрѣсть званіе мастера въ истинномъ значеніи этого слова. «Безъ сомнѣнія — «говоритъ авторъ — пирожникъ учится у пирожника, сапожникъ у «сапожника, слесарь у слесаря и т. д.; но всякій мастеръ учится у «насъ точно также, какъ учился его хозяинъ; а самъ хозяинъ или «учитель учился такимъ образомъ: сначала, когда онъ былъ еще «мальчикомъ и отданъ родными или господами, на нѣсколько лѣтъ. «въ ученье,—учитель, или хозяинъ, употреблялъ его въ такъ называе«мую *стряпню*, то есть, если, напримѣръ, хозяинъ былъ кузнецъ, то «мальчикъ, первый годъ, стоялъ у мѣховъ, ходилъ за водой, свѣтилъ «вечеромъ работникамъ и, подчасъ, бѣгалъ за водкой или сбитнемъ. «Потомъ, на другой годъ, ему поручалось сыпать въ горнъ угли, по«давать подкладку, пригонять винты и гайки, и, изрѣдка, приставить «молотъ къ наковальнѣ, для поддержанія раскаленной шины или пру«та. На третій, а иногда и на четвертый годъ, его ставили у нако-

вальни и производили въ молотобойцы; на пятый, т. е. за годъ или за два до окончанія курса ученія, ему давали сдѣлать подкову, и наконецъ въ послѣднее время, онъ могъ уже сварить шину, приладить къ санямъ подрѣзъ и сдѣлать двусмысленную заклейку въ колесѣ. При окончательномъ же выходѣ изъ ученья, молодой парень въ совершенствѣ уже знаетъ: какъ сбыть съ рукъ ненадежную починку, какъ ловче попросить на чай, и за полгода впередъ умѣетъ расчитать всѣ праздники—и только. Онъ выучился, и является домой мастеромъ.» Само собою ясно, что такой несовершенный, неправильный ходъ ученья ремесленнаго ученика не можетъ доставить всѣхъ необходимыхъ качествъ для успѣшнаго хода ремесла, тѣмъ болѣе для его процвѣтанія. На второй, предложенный себѣ вопросъ: согласуется ли званіе нашихъ мастеровъ съ ихъ искусствомъ и познаніями? авторъ отвѣчаетъ отрицательно. «Вы можете судить объ этомъ сами — говоритъ онъ — если потрудитесь сходить въ мастерскую, напримѣръ хоть слесаря. Вы приносите ему заказъ, и просите сдѣлать какую нибудь вещь по предлагаемому рисунку. Мастеръ, съ приличною важностію, возьметъ рисунокъ, подумаетъ, почешется, погладитъ бороду, отдастъ назадъ вамъ рисунокъ и посылаетъ васъ къ модельному мастеру. Это оттого, что слесарь не понялъ рисунка, и безъ модели никакъ не можетъ смекнуть, какова будетъ вещь, и потому, боясь продешевить, отказывается отъ работы. Модельный же мастеръ, если рисунокъ въ уменьшенномъ масштабѣ, того и гляди, попроситъ васъ передѣлать чертежъ и нарисовать вещь въ натуральной величинѣ; потому-что и онъ тоже боится продешевить; а главное, не съумѣетъ правильно увеличить размѣровъ вещи противъ масштаба. Но похожъ ли такой мастеръ на истинно-образованнаго мастера? Можно ли назвать мастеромъ того, который, никогда не понимая чертежа, не видывалъ ни транспартира, ни рейсфедера, ни даже обыкновеннаго циркуля, вмѣсто котораго ему служатъ какіе-то два кривыхъ гвоздя, заклепанные въ дужку? Словомъ, наши мастера, не всѣ еще мастера, а рабочіе; потому что они всѣ почти не только не имѣютъ понятія о теоріи мастерства, но даже и въ практическомъ выполненіи руководствуются иногда безсознательно-привычными, грубыми и нерѣдко неправильными пріемами.» Обращаясь за тѣмъ къ причинамъ этого чувствительнаго недостатка у насъ мастеровъ въ строгомъ техническомъ смыслѣ слова, авторъ видитъ главную изъ нихъ въ недостаткѣ теоретическаго и правильно-практическаго образованія, а нерѣдко и безграмотности мастеровъ. А это самое поставляетъ русское ремесленничество въ такое положеніе,

что оно имѣетъ чрезвычайно невыгодное вліяніе на русскую торговую промышленность и общественное довольство. При такомъ состояніи нашего ремесленничества на долю промышленности остается только пользоваться дешевизной издѣлій, нуждами ремесленниковъ и при безчисленномъ множествѣ мелочныхъ торговцевъ жить возможно скорѣйшими оборотами, при которыхъ обыкновенно понижается цѣнность издѣлій. Потребители, т. е. публика, привыкая къ этой дешевизнѣ, день ото дня требуютъ издѣлій болѣе красивыхъ, прочныхъ и въ тоже время дешевыхъ. Эти требованія публики промышленникъ передаетъ ремесленнику, и этотъ бѣднякъ по-неволѣ долженъ дѣлать все на скорую руку; думая только о завтрашнемъ днѣ, онъ заботится только объ одной окончательной отдѣлкѣ и старается поставить лицомъ плохой товаръ. Искусство унижается, ремесло обезображивается, мастеровые портятся, и при общей суетѣ никто этого не замѣчаетъ: ни публика, ни промышленникъ, ни самъ ремесленникъ; всѣмъ кажется, что они въ барышахъ: покупатель — тѣмъ, что дешево купилъ; купецъ тѣмъ, что успѣлъ нажить на рубль копейку, а ремесленникъ радъ радехонекъ, что съ грѣхомъ по поламъ заработалъ на хлѣбъ. При такихъ обстоятельствахъ, найдись умный и благородный мастеръ, который, вполнѣ сознавая пользу улучшеній, захочетъ преобразовать себя и свою мастерскую, выдетъ, что если у него нѣтъ запаснаго капитала, онъ банкротъ; если же есть, неизбѣжно принужденъ бываетъ испытывать всѣ роды неудачъ, какъ со стороны неподатливости своего ремесла, такъ и со стороны предубѣжденія публики и потери торговаго кредита. На возраженіе, что есть у насъ множество превосходныхъ фабрикъ и заводовъ, слѣдов. и отличные мастера, авторъ отвѣчаетъ, что число этихъ мастеровъ, въ общей массѣ людей, присвоивающихъ себѣ это названіе, весьма незначительно; что всѣ наши отличные мастера суть или *дѣйствительно учившіеся* въ Россіи у машинистовъ и фабрикантовъ и проч. и усовершенствовавшіе себя ѳеоретически, или получившіе правильное образованіе въ техническихъ наукахъ за-границей; что этого рода мастера по относительно-незначительной своей числительности не могутъ быть, такъ сказать, правиломъ, которое составляетъ многочисленный классъ тѣхъ мелочныхъ мастеровъ, которые ни болѣе, ни менѣе какъ чернорабочіе, а величаютъ себя мастерами, заводятъ свои мастерскія, или поступаютъ на чужія фабрики и заводы; сюда относятся цѣлыя тысячи рабочихъ изъ господскихъ крестьянъ, которые, выходя изъ ученья — также подъ именемъ мастеровъ, работаютъ у своихъ помѣщиковъ, напримѣръ, каретники, кузнецы и проч.; что, несмотря на высо

жую степень совершенства многихъ изъ нашихъ фабрикъ и заводовъ, они не могутъ быть школами или рассадниками истинно-образованныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, потому-что всѣ поступившіе туда ученики выходятъ оттуда безъ теоретическаго образованія и не болѣе какъ превосходными мастерами, могущими играть роль только страдательную, т. е. дѣлать то, что̀ имъ велятъ, но не въ состояніи произвести что-нибудь изящное изъ своей фантазіи, безъ образца, по собственному проэкту и чертежу; а истинно образованный мастеръ долженъ изучить свое дѣло не какъ мертвое, безсознательное мастерство, но какъ живую, разумную и строго-систематическую науку. Мастеръ-практикъ, по справедливому понятію автора, безъ теоретическихъ свѣдѣній въ своемъ мастерствѣ, не мастеръ, а мастеровой. Дурная вещь, похожая на хорошую, уменьшаетъ цѣнность и требованіе на послѣднюю, унижаетъ ремесло и доставляетъ только насущный хлѣбъ производителю; особенно же она портитъ вкусъ потребителя (если онъ принадлежитъ къ среднему или низшему сословію), который легко привыкаетъ ко всему мелочному и дешевому, если оно только похоже на рѣдкое и дорогое.

Изъ всего этого слѣдуетъ необходимость, для успѣховъ ремесленичества и для водворенія болѣе правильной промышленности, имѣть такія школы, которыя могли бы быть разсадниками образованныхъ учителей-ремесленниковъ; и такое условіе начало уже у насъ выполняться открытіемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Ремесленнаго Учебнаго Заведенія Московскаго Воспитательнаго Дома.

— Въ концѣ прошедшаго года появилась въ свѣтъ небольшая книжка подъ заглавіемъ: *О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Книжки I, II и III. Изданы отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.* — Въ одной изъ нашихъ газетъ, по поводу появленія этихъ книжекъ, сказано было (Спб. Вѣд. № 285): «Эти книжки, напечатанныя въ нынѣшнемъ (1848) году въ одномъ томѣ, не поступали для продажи въ книжныя лавки; но уже разошлись по цѣлой Россіи въ числѣ 6,000 экземпляровъ, и понынѣ требованія на нихъ такъ велики, что предположено приступить къ новому изданію ихъ, съ прибавленіемъ четвертой книжки. Московское общество Сельскаго Хозяйства, въ Засѣданіи своемъ 18 Октября 1848 года, поручило Г-ну Непремѣнному Секретарю своему (Его Превосходительству С. А. Маслову, составителю книжекъ) озаботиться новымъ изданіемъ, когда увидѣло, что полное изданіе изъ 6,000 экзем. состоявшее, было слишкомъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій, которыхъ оказалось

вновь, до половины Октября, на 1000 экземпляровъ». Далѣе сказано въ этой газетѣ: «Что же причиною такого безпримѣрнаго успѣха книги, разсуждающей о предметѣ, по видимому, не имѣющемъ современной занимательности? Тѣмъ-то и утѣшительно это событіе, что люди, почитающіе мысль о распространеніи грамотности въ Россіи не общею и не современною ошибаются». Дѣйствительно, такой быстрый успѣхъ книги не можетъ быть объясненъ ничѣмъ инымъ, какъ настоятельною въ ней надобностію. Первенство обнаруженія мысли о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи принадлежитъ Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства, когда, въ 1845 году, членъ его (нынѣ непремѣнный секретарь) С. А. Масловъ напечаталъ нѣсколько частей по тому предмету. И несмотря на эту новость у насъ этой мысли, она уже приноситъ плоды; а мысли самыя благія даютъ плоды только тогда, когда ощущается настоятельная въ нихъ потребность. Отвергать однакожь то, что есть между нами еще сомнѣвающіеся въ пользѣ распространенія въ низшихъ слояхъ народонаселенія познаній, значило бы обманываться. Грамотность, скажутъ можетъ быть наши противники (впрочемъ, къ счастію, немногіе), есть орудіе познаній; а зачѣмъ напримѣръ земледѣльцу навязывать познанія, неотносящіяся къ его быту, занятіямъ, сферѣ? Зачѣмъ желать, чтобъ онъ сдѣлался, такъ сказать, ходячею энциклопедіею, носильщикомъ бремени, ему чуждаго? Но въ томъ-то и дѣло, что та степень образованія, которая могла бы положить на истинное просвѣщеніе мрачную тѣнь, по счастію, совершенно ненужна и безполезна. Предположимъ, что каждый человѣкъ имѣетъ возможность пріобрѣсти и дѣйствительно пріобрѣтаетъ вѣрныя, здравыя понятія только о тѣхъ предметахъ, которые относятся къ сферѣ его занятій, и вотъ развитіе народа уже совершенно, не требуетъ ничего болѣе. Трудъ вашъ въ этомъ отношеніи конченъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, земледѣлецъ не имѣетъ нужды въ знаніи, положимъ, математики; но необходимо для блага его собственнаго и всѣхъ, кто находится въ какихъ-либо отношеніяхъ къ нему, чтобъ онъ не имѣлъ ложныхъ понятій, предразсудковъ невѣжества, всегда такъ упорныхъ, въ отношеніи къ сферѣ его трудовъ, техники дѣла. Для него важно познать истинную природу тѣхъ вещей и соотношенія ихъ, съ которыми онъ долженъ имѣть дѣло. Вы скажете, грамотность не дастъ уразумѣнія этой науки. Но грамотность не есть цѣль, а средство; она есть орудіе, сообщающее и развивающее возможность пониманія; она дастъ возможность по-крайней-мѣрѣ сравнивать. А это уже много значитъ въ смыслѣ искорененія невѣжества, всегда види-

щаго страшные призраки тамъ, гдѣ дѣйствуютъ естественныя причины, или ищущаго и находящаго эти причины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не могло быть по сущности вещи. А мы знаемъ, какъ подобный мракъ въ народномъ умѣ способенъ возмущать страсти, которыя, въ томъ состояніи, бываютъ такъ строптивы, потому-что лишены всякой опоры разума.

— Изъ отчета за 1848 годъ Правленія общества Царскосельской желѣзной дороги усматриваемъ, что въ теченіи года проѣхало пассажировъ:

между Петербургомъ и Царскимъ селомъ . .	316,911
— Царскимъ селомъ и Петербургомъ . .	299,253
Итого между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ	616,164
Между Царскимъ селомъ и Павловскомъ . .	176,379
Отъ Московскаго шоссе	2,132
Всего пассажировъ .	794,675,

оторые, будучи расчислены въ соразмѣрности всего протяженія дороги, представляютъ 555,660 пассажировъ, проѣхавшихъ одинъ разъ всю дорогу, въ сравненіи съ 509,325 пассажирами такого же исчисленія 1847 года.

Въ отношеніи къ классамъ экипажей, число пассажировъ между Петербургомъ и Царскимъ селомъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

I класса пассажировъ .	65,877
II — — .	238,846
III — — .	19
IV — — .	311,422
Итого .	616,164

Выручено: а) по счету сбора отъ движенія . .	277,552 р.	58 к.
б) по счету сбора отдачи въ наемъ гостинницъ и огородовъ	5,320 —	23 —
и в) по счету разнаго сбора и процентовъ	6,412 —	25 —
Всего .	289,285 —	6 —
Израсходовано .	123,278 —	71 —
Остается прибыли .	166,006 р.	35 к.

въ сравненіи съ 145,089 р. 7 к. сер. предъидущаго года. Прибыль 1848 года составляетъ $57\frac{1}{2}$% валоваго дохода. Въ 1847 году она составляла только $54\frac{1}{2}$%.

Паровозы сдѣлали въ 1848 году 4,146 поѣздовъ и пробѣжали пространство въ 103,650 верстъ. Въ 1847 году было 4,100 поѣздовъ, и

протяженіе пути ихъ простиралось до 102,500 верстъ. Средняя скорость поѣздовъ 1848 года составляетъ 34 версты въ часъ; самая наибольшая доходила до 61 версты въ часъ.

— Представляемъ изъ записки инженеръ-подполковника Мельцера свѣдѣніе о сдѣланномъ открытіи гранита въ окрестностяхъ Елисаветграда. Высочайше учрежденная Временная Строительная Коммиссія въ г. Елисаветградѣ, встрѣчая необходимость имѣть при производствѣ зданія Штаба 2-го резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, твердаго свойства плиты, для устройства цоколя, лѣстницъ и площадокъ, первоначально обратила вниманіе на песчаникъ, существующій въ прилонахъ с. Клинцовъ и употребляемый на жернова.

Узнавъ изъ опыта, что песчаникъ при малѣйшей сырости впитываетъ въ себя влагу, измѣняетъ цвѣтъ и даже, при частыхъ перемѣнахъ температуры, вывѣтривается, — коммиссія положила испытать теску гранитныхъ булыгъ, открытыхъ въ самомъ руслѣ рѣки Ингула, въ чертѣ городской земли.

Этотъ опытъ увѣнчался совершеннымъ успѣхомъ, и при развитіи этой отрасли строительной промышленности, артель великороссійскихъ каменотесовъ отыскала глыбы необыкновеннаго объема въ нѣдрахъ самой земли, въ имѣніи г. Еммануеля. Нынѣ добываются плиты самыхъ значительныхъ размѣровъ, и, по назначенію коммиссіи, цоколь подбирается почти одноцвѣтный, на значительныя пространства.

— Гг. Кирило Попенченко и Семенъ Бѣлоусъ обнародовали свои успѣшные опыты шелководства въ Черниговской губерніи (въ м. Бутуринѣ). Вообще, говорятъ они, шелководство у насъ находится все еще подъ сомнѣніемъ, т. е. нѣкоторые хозяева полагаютъ его невозможнымъ подъ 51° сѣв. широты, хотя многія попытки свидѣтельствуютъ совершенно противное. Но, конечно, все такъ бываетъ въ началѣ. Мы утверждаемъ, основываясь на опытахъ, что шелководство у насъ возможно; что оно дѣло очень простое, такъ-что всякой селянинъ можетъ заняться имъ: но, повторяемъ, что *новое* всегда подвержено сомнѣнію и долго колеблется, пока примѣры не огласятъ возможности, не возбудятъ подражательнаго соревнованія, не утвердятъ, не разовьютъ началъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Вотъ уже четвертый годъ мы занимаемся шелководствомъ, и успѣхъ всегда превосходилъ наши ожиданія. Въ 1846 году добыто нами шолку 1 фунтъ, въ 1847 г. 3³/₄ фунта, въ 1848 г. 5¹/₄ фунтовъ, всего 10 фунтовъ. Можно было бы добыть гораздо болѣе, если бы было болѣе листа, по числу оживленныхъ червей. Нашъ шолкъ можно продавать по 20 р. ассиг. фунтъ. Нашъ садъ шелковичныхъ деревъ состоитъ изъ 1,400 трех-

лѣтнихъ сѣянцевъ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, морозы не сдѣлали большого вреда шелковицѣ; погибли только верхушки деревъ отъ ½ до 2 вершковъ. Съ наступленіемъ каждой весны, онѣ выростаютъ снова на 1 аршинъ и болѣе. Это доказательство, что шелковица вообще не боится морозовъ (погибаютъ у насъ верхушки и другихъ плодовыхъ деревьевъ), и что это растеніе не такъ нѣжно, какъ полагаютъ нѣкоторые.

Оживляются черви у насъ около 20 мая, когда совсѣмъ разовьется почка на деревьяхъ. Раньше этого времени оживлять червей нельзя, бываютъ иногда ночные морозы, которые побиваютъ листъ и почку. Опредѣленіе времени для вывода червей здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ, по нашему мнѣнію, должно соотвѣтствовать климатическимъ условіямъ. Все время ухода за червями составляетъ пять недѣль. Рабочихъ рукъ у насъ было въ 1846 году четыре, въ 1847 году шесть, а въ 1848 году четыре. Разматываемъ мы шолкъ на простой витушкѣ, сдѣланной самими нами; въ прошедшемъ году она приспособлена къ размоткѣ въ 2, въ 4, въ 6, въ 8 и въ 12 нитокъ. Доходъ отъ шелководства слѣдующій. Десятина, засаженная трехлѣтними кустами шелковицы, даетъ листа для произведенія 22¼ фунта коконовъ. Изъ фунта коконовъ выходитъ 22½ золотника шолка, слѣдовательно всего 5 фунтовъ 20 золотн шолка. (Мы расчитали, что измѣреніе количества коконовъ футами и мѣрами удобнѣе и ближе къ повѣркѣ.) Итакъ, положивъ фунтъ по 20 р. асс., десятина дастъ 104 р. 15 к. Если взять пятилѣтніе кусты, доходъ отъ нихъ будетъ въ 208 р. 30 к.; десятилѣтніе—въ 416 р. 60 к., двадцатилѣтніе—въ 833 р. 20 к. Нельзя сдѣлать никакого сравненія съ доходомъ отъ земли, засѣянной зерновымъ хлѣбомъ, потому-что эта земля дастъ 20 рублей, т. е. въ двадцать четыре раза менѣе.

Можно предложить здѣсь нѣсколько выводовъ изъ нашихъ четырехлѣтнихъ наблюденій. 1) Черви иногда ѣдятъ много, иногда мало, и нельзя объяснить причины этому. Когда они ѣдятъ много, тогда надобно ставить въ комнату сосудъ съ водою, чтобы воздухъ нѣсколько увлажался. Но, вообще, высокая температура причиняетъ болѣе вреда червямъ, нежели пользы 2) Чѣмъ менѣе времени употребляется на кормленіе червей, тѣмъ надежнѣе для хозяина, тѣмъ скорѣе онъ достигаетъ своей цѣли. Опытные шелководы говорятъ, что кормленіе ночью сокращаетъ жизнь насѣкомыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и время шелководства. 3) Выхваляемый способъ предупреждать болѣзни червей, посыпая задаваемые имъ листья тутовыхъ деревъ картофельною мукою, не подтвердился въ нашемъ заведеніи, и коконы не выходили

тяжелѣе обыкновеннаго, также какъ и шолкъ не отличался отъ другого. Даже нѣкоторые черви заболѣвали отъ такого корма, но опять выздоравливали. 4) Если въ витьѣ коконовъ замѣчается медленность, то надобно возвышать температуру воздуха (топкою); только нужно, чтобы не было очень жарко, потому-что тогда черви мараютъ коконы. Вообще, температура не должна превышать 20°. 5) Никакая внѣшняя температура не вредитъ червямъ во время работы ихъ (витья коконовъ); только въ дождливое время они не такъ дѣятельны, не снуютъ нитей съ такою скоростію. Молнія, проникающая въ рабочую комнату червей, не вредитъ имъ, если только ничего не зажжетъ.

— Къ 15 сего апрѣля должна поступить въ продажу очень любопытная книга г. Небольсина (П. И.): *Покореніе Сибири*. Сочиненіе это будетъ заключать въ себѣ предисловіе, десять главъ текста и сближеніе текстовъ всѣхъ лѣтописей, повѣствовавшихъ о покореніи Сибири.

— Г. Гасфельдъ извѣстный преподаватель англійскаго языка, издалъ недавно книгу подъ названіемъ *Англійскіе Уроки (English Lessons)*, въ которой онъ развиваетъ свою методу преподаванія. О превосходствѣ методы г. Гасфельда передъ другими говорить нечего. Мы увѣрены, что книга его будетъ имѣть большой успѣхъ.

Весеннія моды: Очень хороши *шляпки для визитовъ* — изъ бѣ-
іго атласа, покрытыя узенькимъ руло изъ неразрѣзного бархата.
ь одной стороны букетъ изъ марабу. Подъ шляпкой тюль-*бульоне*
по одному перышку марабу.

Шляпки для гулянья дѣлаются исключительно гладкими. Около
ульи кладутъ въ три ряда *бье*, изъ той же матеріи, или кружево,
одъ цвѣтъ шляпки.... Къ шляпкѣ для гулянья непремѣнно ну-
енъ маленькій вуаль изъ черняго или бѣлаго кружева.

Соломенныя шляпки появляются въ большомъ количествѣ, но
олько еще въ окнахъ магазиновъ и неотдѣланныя. Изъ нихъ нѣко-
орыя такъ тонки, какъ паутина. Онѣ будутъ отдѣлываться съ кру-
жевами, потому-что ленты и другія какія-либо украшенія слишкомъ
яжелы для такихъ паутинныхъ шляпокъ.

Вотъ изящный утренній домашній туалетъ:

Капотъ изъ фуляра цвѣта блѣдно-голубого; на-переди, въ видѣ
ередника, онъ украшенъ валансьенскими кружевами; небольшіе ши-
окіе рукава, оканчивающіеся немного пониже локтя и обшитые
ружевами; подъ ними надѣты тюлевые рукавчики, стягивающіеся
кисти руки голубою лентою. Чепчикъ *à la Marie Louise* изъ шол-
оваго бѣлаго тюля-*бульоне*, съ голубыми атласными руло. Туфли
олубыя атласныя, обшитыя валансьенскими кружевами и съ бан-
омъ изъ голубыхъ лентъ.

Очень красивы салопы *(manteau Catalan)* преимущественно изъ
емно-зеленаго гроденапля, подложеннаго бѣлою тафтой, съ двумя

перелинками, обшитыя широкой французской бахрамой и парадныя мантильи изъ *пу-де-суа*, убранныя однимъ большимъ воланомъ съ высѣчкою, сверьхъ котораго еще нашиты четыре маленькихъ.

Зонтики изъ самаго тонкаго камыша, покрытые гроденаплемъ темныхъ цвѣтовъ, съ машинкой около ручки, которую стоитъ только придавить для открытія зонтика, отличаются простотою и изящностію.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

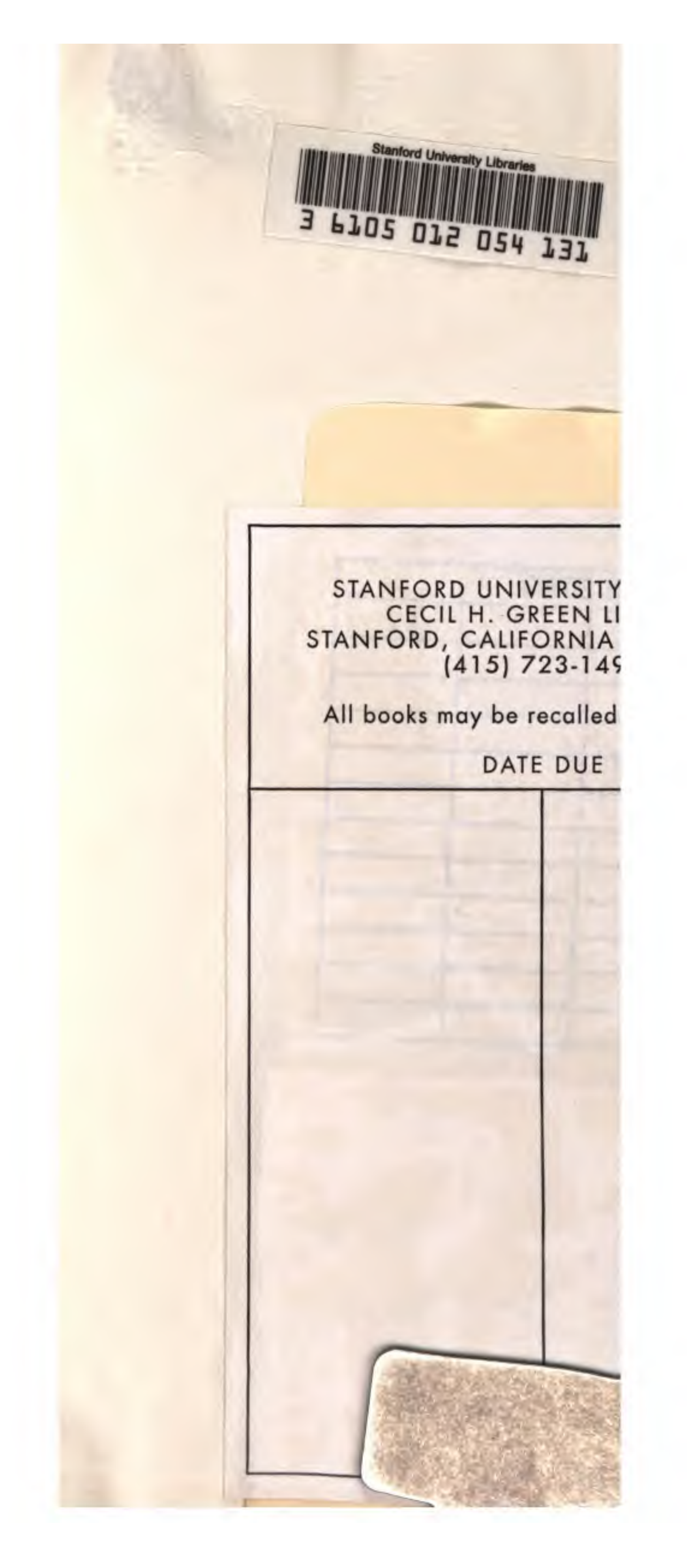
II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

V.

МОДЫ.

Stanford University Libraries
3 6105 012 054 131
STANFORD UNIVERSITY
CECIL H. GREEN LI
STANFORD, CALIFORNIA
(415) 723-149
All books may be recalled
DATE DUE

